Максимов С
Вокруг света
Плавание корвета
„Аскольд"

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ПЛАВАНІЕ КОРВЕТА „АСКОЛЬДЪ“.

Изъ записокъ Максимова.

ОТЪ КРОНШТАДТА ДО БАНГКОКА.

Въ Кронштадтѣ.— До Киля.—Судно и служба.—Отъ Киля до Шербурга и Плимута. — Штормъ. — Лондонъ. -- Въ морѣ. — Острова Зеленаго мыса. — До Буэносъ-Айреса.— Буэносъ-Айресъ. — Окрестности. — Очеркъ Аргентинской республики. — Магеллановъ проливъ. Жители Огненной Земли. — Вальпорайзо. — Сандвичевы острова. Нагасаки, Шангхай и Гонъ-Конгъ. — Бангкокъ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ“

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Б. Подъяч. д. № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Берлинъ.

ГЛАВА V.

Отъ Киля до Шербурга и Плимута.

ГЛАВА VI.

Атлантическій океанъ.

ГЛАВА VII.

Лондонъ.

ГЛАВА VIII.

Въ морѣ.

ГЛАВА IX.

Острова Зеленаго мыса.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА VIII.

Отъ острововъ Зеленаго Мыса до Буэносъ-Айреса.

ГЛАВА XIV.

Буэносъ - Айресъ.

ГЛАВА XV.

Буэносъ-Айресскія окрестности.

ГЛАВА VI.

Географическій и историческій очеркъ Аргентинской республики.

ГЛАВА XVII.

Отъ Буэносъ-Айреса черезъ Магеллановъ проливъ въ Вальпарайзо (въ Чили).

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

Пребываніе въ Вальпорайзо.

ГЛАВА XX.

Переходъ отъ Вальпорайзо на Сандвичевы острова (Гонолулу).

ГЛАВА XXI.

Нагасаки, Шангай и Гонъ-Конгъ.

ГЛАВА XXII

Пребываніе въ Бангкокѣ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ минувшемъ 1871 году вышло изъ Кронштадта, въ кругосвѣтное плаваніе, одно изъ лучшихъ деревянныхъ судовъ балтійскаго флота—корветъ «Аскольдъ».

Корветъ, построенный на Охтенской верфи въ 1863 году, съ честью прослужилъ нашему флоту, ходилъ два раза за границу (въ 1865 году кругомъ свѣта, а 1868 году — въ Средиземное море), и наконецъ въ 1871 году, назначенъ былъ въ заграничное плаваніе въ третій разъ. Но по осмотрѣ его коммисіей оказалось, что онъ требуетъ капитальной починки, вслѣдствіе чего лѣтомъ 1871 года корветъ былъ введенъ въ Николаевскій сухой докъ, гдѣ и приступили къ его тимбировкѣ [1]).

Въ 1872 году, въ іюнѣ, окончились скучныя работы въ докѣ и началась новая, болѣе дѣятельная для морскаго офицера, работа по вооруженію судна: пошла постановка мачтъ, подъемъ рей [2]), тяга стоячаго такелажа [3]) и тому подобныя чисто морскія работы.

Вооруженіе корвета Аскольдъ превосходное и удобное не только для одной цѣли—плаванія, но и на случай военныхъ дѣйствій. Артиллерія

---

[1]) Тимбиривкой судна, на морскомъ языкѣ, называется замѣненіе гнилыхъ и поврежденныхъ частей его—новыми. Машина же и всѣ другія годныя вещи, служившія судну раньше, остаются тѣ же.

[2]) *Реемъ* наз. дерево, висящее поперегъ мачты. Между двумя такими деревами помѣщается парусъ.

[3]) Стоячимъ *такелажемъ* наз. свитые изъ пеньки или проволоки веревки, помощью которыхъ мачта держится сбоковъ и спереди.

его состоитъ изъ 12 стальныхъ нарѣзныхъ орудій: изъ нихъ 8 орудій шести-дюймовыя на поворотной платформѣ и 4 девятифунтовыя бортовыя, съ боевымъ запасомъ коническихъ бомбъ.

Кромѣ того, корветъ снабженъ минами, которыя могутъ быть по произволу выдвигаемы на длинномъ шестѣ (около 150 ф.) изъ особыхъ большихъ отверстій, сдѣланныхъ въ подводной части судна. Не буду описывать устройство этихъ минъ, но скажу одно, что съ помощью ихъ, искусно управляясь ими, можно взорвать всякое непріятельское судно, находящееся въ кругу дѣйствія этихъ минъ. Такихъ минъ двѣ: съ каждаго борта корвета по одной. Онѣ могутъ, безъ сомнѣнія, принести огромную пользу во время войны, но тѣмъ не менѣе постановка ихъ на деревянное судно, идущее въ продолжительное плаваніе, гдѣ оно можетъ подвергнуться бурямъ, сильнымъ ударамъ волнъ и размашистой качкѣ, очень вредитъ крѣпости его корпуса.

Но при всемъ этомъ корветъ «Аскольдъ», удобный для крейсерства по своей легкости и быстротѣ хода, въ тоже время представляетъ изъ себя сильно вооруженное судно, могущее бороться даже съ мелкимъ броненосцемъ.

Цѣль назначенія «Аскольда» въ кругосвѣтное плаваніе — смѣнить съ обсерваціоннаго поста въ Тихомъ океанѣ корветъ «Бояринъ» и вступить въ распоряженіе-генералъ губернатора Восточной Сибири, для разныхъ посылокъ, крейсерства, а также и для показанія русскаго флага въ различныхъ иностранныхъ портахъ Тихаго Океана. Другая цѣль этого плаванія заключается въ практическомъ обученіи морскому дѣлу молодыхъ офицеръ и матросовъ.

И такъ, въ іюнѣ 1872 года корветъ «Аскольдъ» вывели изъ дока и тотчасъ же было приступлено къ его вооруженію. Офицеры и матросы какъ бы преобразились: въ докъ вначалѣ ходили скучные и угрюмые; на вооруженіе же начали ходить весело и съ охотою. Не смотря на то, что для матросовъ работы были трудныя и утомительныя, они ходили домой постоянно съ пѣснями и веселымъ говоромъ. Впереди команды бѣгалъ козленокъ съ выкрашенными рогами и съ бубенчиками на шеѣ — козленокъ, назначенный идти съ нами въ кругосвѣтное путешествіе для увеселенія и потѣхи матросовъ. Съ какимъ достоинствомъ, бывало, выступалъ онъ, какъ бы путеводитель веселыхъ расходившихся матросовъ, и съ какою безумною храбростью, рогами впередъ, бросался онъ на всякаго, осмѣлившагося преградить ему путь!

Команда корвета, состоящая изъ 305 человѣкъ, молодцоватая — на отборъ; одна треть — старыхъ матросовъ, уже побывавшихъ заграницей

и знающихъ свое дѣло; а другія двѣ трети—рекрута, народъ все молодой, неученый, не могущій даже отличить гротъ отъ фокъ [1]) мачты.

Командиромъ «Аскольда» назначенъ капитанъ-лейтенантъ П. П. Т......, человѣкъ образованный, окончившій курсъ въ Академіи, отличнѣйшій морской офицеръ, хорошо понимающій свою тяжелую обязанность и отвѣтственность. Хорошо сознавая свой долгъ, какъ относительно самаго себя, такъ и своихъ подчиненныхъ, онъ строго и неуклонно слѣдитъ за исполненіемъ малѣйшихъ служебныхъ обязанностей, столь важныхъ на морскомъ суднѣ. Въ то же время это нисколько не мѣшаетъ ему пользоваться общимъ уваженіемъ и любовью подчиненныхъ.

Старшій офицеръ нашъ, капитанъ-лейтенантъ А. С. Т......, также пользуется любовью и уваженіемъ служащихъ на суднѣ. Будучи внѣ службы товарищемъ, онъ въ служебныхъ дѣлахъ ведетъ себя какъ истый начальникъ: говоритъ твердо, приказываетъ и требуетъ. Какъ видно, онъ слѣдуетъ старой пословицѣ: «дружба-дружбой, а служба-службой».

Вообще, нужно сознаться, кампанія намъ предстоитъ прекрасная.

Вечеремъ, 1-го августа, въ то время, когда работы на корветѣ уже приходили къ концу, вдругъ пріѣзжаетъ нашъ ревизоръ съ радостнымъ видомъ и съ приказомъ въ рукѣ.

— Господа, кричитъ онъ, вотъ приказъ о начатіи кампаніи, а самъ такъ и машетъ передъ глазами новенькой, только что вышедшей изъ типографіи, бумагой.

Офицеры радостно встрепенулись; раздались веселые возгласы и всѣ собрались въ группу послушать желанный приказъ. На всѣхъ лицахъ видна была радость; матросы слушаютъ изподтишка, чему радуется ихъ начальство, и сами весело ухмыляются, хитро перемигиваясь глазами.

Посторонніе, незнакомые съ морскими обычаями, можетъ быть удивятся этой радости, но напрасно, потому что этому извѣстію можно было радоваться, и вотъ почему: съ этого дня пойдетъ офицерамъ и матросамъ морское усиленное жалованье, а матросамъ еще, кромѣ того, идетъ ежедневно по чаркѣ водки, по желанной чаркѣ, которую они съ нетерпѣніемъ ждутъ цѣлую зиму.

Наконецъ, говоръ и шумъ прекратились, и всѣ съ радостью въ сердцѣ разбрелись по домамъ.

---

[1]) На корветѣ три мачты: впереди—фокъ-мачта, въ срединѣ — гротъ-мачта и наконецъ въ задней части судна—бизань-мачта.

На слѣдующій день, къ 9 часамъ утра, офицеры и команда съ музыкой собрались на корветъ и стали во фронтъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ командиръ и приказалъ поднять флагъ. «На флагъ, на гюйсъ, на вымпелъ»! раздалась команда старшаго офицера. «Флагъ, гюйсъ и вымпелъ [1]) поднять»! Всѣ сняли фуражки; музыканты заиграли веселый тушъ, и флагъ взвился гордо и плавно, едва колыхаясь отъ небольшаго вѣтерка, какъ бы поздравляя всѣхъ съ началомъ кампаніи. Флагъ, гюйсъ и вымпелъ подняли; раздался торжественный гимнъ «Боже Царя храни», при чемъ большая часть матросиковъ крестилась и шептала про себя молитвы о благополучномъ окончаніи продолжительнаго и опаснаго плаванія, и просила у Бога долголѣтія и счастья своему любимому Государю. Музыканты кончили гимнъ; всѣ накрылись фуражками. Послѣ этого командиръ прежде всего поздравилъ офицеровъ со столь радостнымъ днемъ и, обратившись затѣмъ къ командѣ, сказалъ: «Поздравляю, ребята, съ началомъ кампаніи! Будьте молодцами, не ударьте за границей лицемъ въ грязь! Заставимъ всѣхъ сказать: ай да русскій матросъ, мое почтеніе»!

— Благодаримъ покорно, рады стараться ваше высокоблагородіе», раздался громкій, радостный и единодушный крикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ весело, соловьемъ залилась боцманская дудка и лихой финляндецъ-боцманъ крикнулъ: «Маршъ по работамъ!»

И все пошло опять своимъ чередомъ, какъ будто ничего и не случилось, между тѣмъ какъ музыка играла на прощанье какой-то веселый маршъ.

---

[1]) Гюйсъ и вымпелъ есть принадлежность всякаго военнаго судна. Гюйсъ есть маленькій флагъ, наподобіе англійскаго, который ставится на носу судна, когда оно стоитъ на якорѣ; вымпеломъ же называется длинный и узкій флагъ, поднимаемый на гротъ-мачтѣ.

ГЛАВА I.

ВЪ КРОНШТАДТѢ.

Переборка команды на корветъ. — Посѣщеніе корвета великимъ князем Константиномъ Николаевичемъ. — Послѣдніе дни въ Кронштадтѣ.

Необыкновенная дѣятельность кипѣла въ казармахъ команды корвета «Аскольдъ» 4-го октября. Шумъ и гвалтъ стоялъ невообразимый; пыль и табачный дымъ спирали дыханіе и дѣлали атмосферу удушливою до тошноты. Въ облакахъ табачнаго дыма виднѣлись на пустыхъ нарахъ матросики съ своими земляками, женами, друзьями и дѣтьми. Повсюду слышно было цѣлованіе, вздохи и сѣтованіе на отъѣздъ близкихъ сердцу.

На одной изъ наръ сидятъ мужъ и жена. Мужъ, сильно подвыпившій, крѣпко обнимаетъ свою сожительницу и ласково утѣшаетъ ее. Жена хнычетъ и жалуется.

— Ваня, голубчикъ, на кого ты меня покидаешь! Хошь и жили какъ собаки съ кошкой, а все-жъ таки тошно разставаться.

— Эхъ, не плачь, Аксинья, душечка, може-еще и свидимся? А что ѣду—на то царская воля: ей не поперечь. Ну, а коли много билъ тебя за то прости, Аксинья, душечка; за эфто самое четыре года бить тебя не стану, утѣшаетъ матросикъ, крѣпко обнимая свою дрожайшую половину. Послѣдняя утѣшается этимъ непреложнымъ выводомъ и перестаетъ хныкать; мужъ же, одолѣваемый винными парами, понемногу склоняется, склоняется и сладко засыпаетъ на колѣняхъ своей нѣжной супруги.

Въ другомъ углу казармы, мужъ читаетъ своей женѣ нотацію:

— Ты у меня смотри, Акулина, съ другимъ не валандайся, матросскаго имени моего не страми, а то какъ пріѣду, всѣ твои косы повыдергаю. Хорошо жить будешь, ей-ей, гостинцевъ заморскихъ навезу.

— Я, Яковъ Матвеичъ, говоритъ Акулина, буду жить какъ Богъ велѣлъ, и порочить имя твое не стану.

— То-то, отвѣчаетъ Яковъ Матвеичъ, ты у меня смотри, и это «смотри» было сопровождаемо такимъ ужаснымъ жестомъ, что Акулина со страхомъ попятилась назадъ.

— Не бойся, Акулинушка, не бойся, успокоиваетъ ее Яковъ Матвеичъ, побью тогда только, когда баловать станешь, а не станешь, такъ и на што бить-то? И долго еще бы бесѣдовали матросы съ родными и знакомыми, если бы не боцманскій молодецкій крикъ, выведшій кого изъ пріятнаго, а кого и изъ непріятнаго положенія:

— Маршъ всѣ во фронтъ!

Вышли; возы съ матросскимъ скарбомъ были уже готовы и отправлены впередъ. Черезъ полчаса команда была въ полномъ составѣ и двинулась при звукахъ музыки, сопровождаемая множествомъ земляковъ, родныхъ и просто глазѣющаго люда. На прощанье земляки и родные кричали «ура» и угощали по дорогѣ уѣзжающихъ водкой и пивомъ; слѣдствіемъ этихъ угощеній было то, что на корветъ пришло полкоманды; остальная же половина собиралась въ продолженіе двухъ часовъ въ видѣ процессіи разноколиберныхъ троекъ, въ которыхъ роль коренника обыкновенно игралъ сильно подвыпившій матросъ корвета, — а пристяжными были или добрые земляки, напоившіе друга до отвала, или же жена и братья.

Смѣшно было смотрѣть на подвыпившаго матроса, который, подходя къ корвету, бодрился, вырывался отъ своихъ вожаковъ и, во что бы то ни стало, желалъ выказать твердость своихъ ногъ; но сдѣлавши три-четыре шага, ноги, не смотря на всѣ усилія матросика найти для нихъ надежную точку опоры, отказывались ему служить, и онъ съ громкимъ кряхтеньемъ падалъ въ грязь.

— Земляки, бормоталъ онъ, ей-ей оступился, а то бы всенепремѣннѣйше прошелъ бы. Экая проклятая дорога. Да подымите же, голубчики. И подбѣгаютъ къ нему, напоившіе его земляки, и опять берутъ подъ руки; онъ же, не надѣясь болѣе на твердость своихъ ногъ кротко позволяетъ волочить себя по грязной землѣ...

Много прошло времени пока не собралась вся команда и не убралась въ своемъ новомъ жилищѣ; долго еще царствовалъ на корветѣ невообразимый безпорядокъ, пока не вступило все въ свою обычную морскую колею. Къ вечеру только дисциплина взяла свое, и на корветѣ воцарилась совершеннѣйшая тишина, строго требующаяся на всѣхъ военныхъ судахъ не только въ обыкновенное время, но даже и во время работъ.

9-го октября, утромъ, на корветъ дано было знать, что въ этотъ день прибудетъ въ Кронштадтъ генералъ-адмиралъ и, по всей вѣроятности, зайдетъ на Аскольдъ проститься съ офицерами и командой. — На корветѣ пошла уборка и приготовленіе къ смотру; не смотря на то, что работы на немъ были еще не окончены, онъ къ 10-ти часамъ принялъ такой прекрасный видъ, что всѣ ожидали смотра съ удовольствіемъ и безъ страха.

Къ 11-ти часамъ подошла къ Кронштадту съ великимъ княземъ паровая яхта «Стрѣльна.» Его высочество пересѣлъ на паровой катеръ и, въ сопровожденіи главнаго командира кронштадтскаго порта, вице-адмирала П. В. Казакевича, генералъ-адъютантовъ Г. И. Бутакова и А. А. Попова, отправился смотрѣть Кронштадтъ и его учрежденія. Въ 2 часа великій князь началъ смотръ судамъ, стоящимъ въ гавани, и наконецъ очередь дошла и до нашего корвета; на немъ давно все было уже прибрано, и офицеры въ полной формѣ, а команда въ новыхъ фланелевыхъ рубашкахъ, стояли во фронтѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая посѣщенія генералъ-адмирала.

Въ $2^1/_2$ часа паровой катеръ подошелъ къ борту и его высочество вошелъ на корветъ, поздоровался за руку съ командиромъ, привѣтливо разспрашивалъ его о времени выхода въ море, о его прежней службѣ и вообще интересовался всѣмъ касающимся до корвета. Затѣмъ, поздоровавшись съ офицерами и командой, пошелъ осматривать устройство, вооруженіе и внутреннее расположеніе корвета. Великій князь больше часа осматривалъ корветъ во всѣхъ его частяхъ, разспрашивалъ командира обо всемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и, въ концѣ концовъ, остался всѣмъ видѣннымъ чрезвычайно доволенъ. Въ четвертомъ часу его высочество вышелъ на верхнюю палубу и, обошедши ее въ послѣдній разъ, подошелъ къ командиру, обнялъ его и, поцѣловавъ, по русскому обычаю три раза, сказалъ:

— Прощай, отправляйся съ Богомъ!

Затѣмъ подошелъ къ офицерамъ:

— Прощайте, господа, желаю вамъ счастливаго и благополучнаго плаванія. Жду отъ васъ, что вы поддержите вдали отъ родныхъ береговъ честь русскаго флага.

После этого обратился къ командѣ и громкимъ звучнымъ голосомъ привѣтствовалъ:

— Прощайте, молодцы! надѣюсь слышать объ васъ одно только хорошее. Будьте бравыми молодцами и поддержите славу русскихъ моряковъ.

— Счастливо оставаться! рады стараться! Ура!!! раздался единодуш-

ный, радостный и восторженный крикъ, эхо котораго далеко разнеслось по заливу кронштадтской гавани.

Всѣ мы были чрезвычайно довольны этимъ смотромъ, который сошелъ для насъ такъ счастливо и удачно. Долго послѣ него шли веселые разговоры и разспросы о томъ, что говорилъ великій князь, что особенно хвалилъ и чѣмъ интересовался.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ передѣлокъ, указанныхъ великимъ княземъ, корветъ «Аскольдъ» долженъ былъ, противъ воли и желанія командира, да и всѣхъ идущихъ въ плаваніе, пробыть въ Кронштадтѣ до 24-го октября. Къ нашему несчастію, время уже стояло холодное и бурное; нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ, и мы начинали отчаяваться въ благополучномъ плаваніи въ наступившее осеннее время.

Всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе, оставить негостепріимныя воды Рижскаго залива, Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и скорѣе, какъ можно скорѣе, войдти въ болѣе теплыя и благопріятныя мѣста, гдѣ не пришлось бы кутаться, не пришлось бы смотрѣть на захолодѣвшихъ матросиковъ, съ необыкновеннымъ усиліемъ тянущихъ замороженную, твердую какъ дерево, снасть.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали боцманскаго свистка и приглашенія «пожаловать наверхъ сниматься съ якоря». Но между тѣмъ, какъ подумаешь, бывало, что подходитъ время скорой разлуки съ родимыми и милыми сердцу, то морозъ подираетъ по кожѣ, сердце болѣзненно сжимается и невольная слеза скатывается съ рѣсницъ. Грустно становится на душѣ при одной мысли, что можетъ быть смотришь на все въ послѣдній разъ, можетъ даже и не придется умереть на родной сторонѣ, пожать въ послѣдній разъ руку всѣмъ близкимъ сердцу. Эти грустныя мысли наводили на меня тоску и уныніе и у меня являлось иногда какое-то безотчетное желаніе остаться здѣсь, вблизи отъ родныхъ, остаться и не ѣхать туда, гдѣ ждутъ можетъ быть бѣдствія, бури и непогода. Но эти грустныя мысли и желанія пропадали тотчасъ же, какъ только вспоминалъ я о тѣхъ земляхъ, народахъ, городахъ, о той вѣчно-зеленѣющей природѣ съ ея дивной гармоніей цвѣтовъ, звуковъ и жизни и о тѣхъ величественныхъ, достойныхъ одного Бога, явленіяхъ, которыя посчастливится намъ увидѣть. Все грустное, говорю я, пропадало, и въ будущемъ видѣлось мнѣ одно только радужное, хотя съ небольшими темными полосами. На сердцѣ становилось опять легко, часъ грустной разлуки забывался, и являлось одно только пылкое желаніе поскорѣе выйдти изъ холодныхъ, хотя родныхъ водъ Финскаго залива, обойти весь свѣтъ, все увидѣть, все испытать!....

Къ несчастію, не суждено было исполниться нашему желанію уйдти изъ Кронштадта хотя бы и 24 октября, и вотъ почему: только что мы вышли 22-го октября на рейдъ для опредѣленія девіаціи, какъ при поворотѣ, на самомъ фарватерѣ, стали на мель. Много стоило труда и усилія — выйдти изъ этого непріятнаго положенія и стать на якорь на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ. Девіаціи такимъ образомъ не опредѣляли. До утра стояли счастливо, хотя вѣтеръ все свѣжѣлъ и свѣжѣлъ, но утромъ, 23-го октября, восточный вѣтеръ усилился до такой степени, что въ фарватерѣ, на которомъ мы стояли, образовалось сильное, невиданное доселѣ, теченіе отъ Невы въ море. Оно было дотого сильно, что противъ него не могли совладать даже самыя лучшія шлюбки съ большимъ числомъ гребцовъ. Вода съ шумомъ, пѣнясь и клокоча, какъ въ котлѣ, неслась въ море, унося съ собою оплошавшія барки, которыя въ необыкновенномъ смятеніи бросались въ гавань, сталкивались и опрокидывали на своемъ пути всѣ препятствія. Свистъ и завываніе вѣтра сливались съ криками перепугавшихся барочниковъ, желавшихъ какъ можно скорѣе добраться до болѣе спокойнаго мѣста, и яличниковъ, попавшихъ со своими яликами въ эту суматоху и опасавшихся за ихъ цѣлость.

А фарватеръ, между тѣмъ, все мелѣлъ и мелѣлъ, и вдругъ, въ 11 часовъ утра, при сильномъ порывѣ вѣтра, подъ килемъ корвета раздался какой-то трескъ, корветъ сильно накренился и глубоко врѣзался въ мель. При этомъ корветъ такъ сильно закачался, что всѣ съ недоумѣніемъ выбѣжали на верхъ—узнать въ чемъ дѣло. Наконецъ, все разъяснилось: мы оказались на мели во второй разъ, да еще гдѣ? на фарватерѣ, по которому въ обыкновенное время ходили суда гораздо большія корвета. Снова пошли хлопоты и трудная работа! Чрезъ нѣсколько времени труды наши увѣнчались успѣхомъ и мы, снявшись съ мели, счастливо вышли на большой кронштадтскій рейдъ, гдѣ и стали на якорь.

Оба эти случая продержали насъ въ Кронштадтѣ до 28-го октября, потому что необходимо было осмотрѣть подводную часть корвета и всѣ поврежденія, которыхъ, къ нашему счастью, не оказалось.

ГЛАВА II.

ОТЪ КРОНШТАДТА ДО КИЛЯ.

Молебенъ.—Прощальный обѣдъ.—Снимка съ якоря.—Первый день плаванія.—Первое несчастіе.—Штормъ въ Балтійскомъ морѣ.—Приходъ въ Киль.—Его достопримѣчательности и окрестности.—Поѣздка въ Гамбургъ.

Въ 8 часовъ утра, 28-го октября, отслуженъ былъ на корветѣ напутственный молебенъ. Горячо молились мы, горячо просили у Бога благополучнаго плаванія. Молебенъ, можно сказать, былъ торжественный: то была искренняя и истинная молитва странниковъ, пускающихся въ далекое и опасное плаваніе. Всѣ сердца наши бились однимъ желаніемъ увидѣть еще разъ родину, родныхъ и дорогихъ сердцу. На глазахъ многихъ блестѣли слезы; многихъ это, можетъ быть, послѣдняя на родинѣ, молитва привела въ сильное волненіе. Умильно молились и матросики и горячо преклонили колѣно, со слезами на глазахъ, при возгласѣ священника: «о плавающихъ и путешествующихъ, Господу помолимся».

По окончаніи молебна, на корветѣ быстро начали прибираться къ принятію провожающихъ, знакомыхъ и родныхъ.

Въ 11 часовъ подошелъ къ Аскольду военный пароходъ «Петербургъ» съ музыкою и гостями, которые сейчасъ же пересѣли на корветъ, осмотрѣли его и, въ концѣ концовъ, были приглашены на прощальный обѣдъ. Обѣдъ былъ шумный, много тостовъ было провозглашено о благополучномъ плаваніи, много добрыхъ пожеланій и напутствій. Послѣ обѣда командиръ отдалъ приказаніе сниматься съ якоря, и черезъ двѣ минуты раздался давно желанный боцманскій свистокъ, сопровождаемый громкимъ крикомъ: «Пошолъ всѣ наверхъ, съ якоря сниматься».

Шумно, какъ-то лихорадочно, бросились матросики наверхъ, быстро

вооружили шпили [1]) и, дружно налегшись здоровыми плечами въ вымбовки [2]), начали подтягивать канатъ. Провожающіе въ то же время опять пересѣли на пароходъ «Петербургъ», который, при звукахъ музыки, пошелъ вслѣдъ за корветомъ, уже снявшимся съ якоря...

Трогательно было разставаніе съ родными и знакомыми: много было пролито слезъ, много сердецъ сжималось отъ невыразимаго горя, отъ тоски, охватившей все наше существо!...

Матросы разбѣжались по вантамъ [3]) и усѣяли ихъ, какъ мухи, вплоть до марсовъ [4]). Гости, провожая, кричали «ура»; мы громко, одушевленно имъ отвѣчали, махая фуражками и платками. Пройдя форты, «Петербургъ» повернулъ назадъ, раздались послѣдніе взаимные крики «ура», началось опять маханіе фуражками и платками. Мы вперили глаза въ удаляющійся пароходъ, который содержалъ въ себѣ все наше родное, и въ послѣдній разъ сердце сжалось отъ невольной тоски, слезы блистали на нашихъ рѣсницахъ и мы, молча, грустные, начали расходиться по каютамъ, шепча про себя: «прощай родина! прощайте дорогіе сердцу! Богъ знаетъ, увидимся ли?»

Въ этомъ вопросѣ заключалось все: и желаніе, и сомнѣніе, и мольба.

— Начать салютъ! раздалась громкая команда вахтеннаго начальника, прервавшая нить нашихъ дорогихъ, но грустныхъ мыслей. Громко и мѣрно начали раздаваться прощальные выстрѣлы, посылая послѣдній привѣтъ родной землѣ и всѣмъ дорогимъ сердцу, которыхъ намъ не придется долго, долго увидѣть. Получивъ съ крѣпости отвѣтъ на привѣтствіе, мы дали полный ходъ и быстро начали удаляться отъ дорогихъ нашему сердцу мѣстъ; съ сожалѣніемъ смотрѣли мы на постепенно скрывающійся Кронштадтъ, съ думою смотрѣли впередъ, въ необъятное пространство, куда несся нашъ корветъ!...

Первый день плаванія, по Финскому заливу, былъ несчастливъ. Погода была прескверная: ночью постоянно налеталъ на насъ шквалъ за шкваломъ, все противные, то съ дождемъ, то со снѣгомъ, то съ градомъ, и матросы, стоявшіе на вахтѣ, отворачивали свои лица отъ чрезвычайно рѣзкаго, холоднаго и сильнаго вѣтра; кто же могъ, тѣ забивались куда

---

[1]) Шпиль есть ничто иное, какъ воротъ, съ помощью котораго вытаскиваютъ якорь изъ воды.

[2]) Въ верхней части шпиля находятся небольшія квадратныя отверстія, въ которыя вставляются толстые деревянные рычаги, называемыя вымбовками.

[3]) Вантами называются лѣстницы, по которымъ матросы взбѣгаютъ на мачту.

[4]) Марсами называются площадки, находящіяся на верху мачты.

нибудь за мачту и бесѣдовали промежъ себя о плаваніи и о тѣхъ диковинкахъ, которыя придется имъ увидѣть. За фокъ-мачтой веселый, старый, уже побывавшій за границей, матросъ, пояснялъ нѣсколькимъ рекрутамъ о всѣхъ этихъ диковинкахъ

— Вы у меня, братцы, только слушайте, да по сторонамъ не глазѣйте и галокъ не ловите. Это только присказка, а сказка, да настоящая, будетъ еще впереди, началъ разсказщикъ и, откашлянувшись, продолжалъ: «ѣдемъ, вотъ видите ли, мы въ такую страну, что у насъ, напримѣръ, зима будетъ, а тамъ такъ растенія все ростутъ, да какія еще, просто ай-люли! Разъ эдакое стоитъ, примѣрно сказать, дерево, тамошній народъ фальмой его называетъ, высоченное, сажень во сто пожалуй будетъ, а на кончикѣ на самомъ кустикъ, да кустикъ не простой листья на немъ все саженные. Да, молодцы, навидаетесь вы диву! Въ деревню поѣдете разсказывать, тамъ рты разинутъ — не повѣрятъ, пожалуй. А знаете ли вы, братцы, и то, что въ заморской той землѣ яблоко даже два раза въ году сбиваютъ.

— Ой ли? изумился молодой, бѣлокурый матросъ, и хлѣбъ, я думаю, тожъ два раза сбираютъ?

— А може и три, пожалуй, глубокомысленно добавилъ разсказщикъ; ужъ больно-то тамъ тепло. У насъ, ты видишь, и жаръ, и холодъ; а тамъ, мои братцы, все одинъ жарище пышетъ, точно въ пеклѣ.

— Охъ, Господи, Антипычъ, какія ты страсти разсказываешь, испугался другой рекрутъ, какъ же мы тамъ безъ зимы будемъ, неужто и снѣгу-то тамъ нѣтъ? Поди-жь — мудреная страна, добавилъ онъ, качая головой и отходя отъ разсказщика.

У дымовой трубы шелъ тихій разговоръ другаго сорта. Бравый унтеръ-офицеръ разсказывалъ нѣсколькимъ рекрутамъ о народахъ, какіе придется имъ увидѣть.

— Повѣрите ли, молодцы, говорилъ онъ, нѣмцы, которые живутъ въ Африканіи, совсѣмъ черные, точно мазанные черти, а безстыдники какіе — не приведи Господи увидѣть. Баба ли идетъ, мужикъ ли, непремѣнно весь голый, окромя махонькаго пояска. Ужасъ какой безстыдный народъ. Совсѣмъ промежъ себя не совѣстятся, а нашего брата и подавно.

— А въ Китаѣ, братцы вы мои, живетъ тоже ужъ оченно потѣшный народъ: все бабами какими-то одѣваются, точно наши бухарцы, только башка иначе: у бухарцевъ, вишь, голова бритая, а у тѣхъ длиннѣйшая предлиннѣющая коса виситъ, точно у деревенской дѣвки, развѣ только ленточекъ не хватаетъ; а усища у этого народа, вотъ такъ усища! Тамъ

по усищамъ и чины-то даютъ! У кого усы подлиннѣе, тотъ и императоръ ихъ....

— Ну, не далеко бы я у нихъ ушелъ, перебилъ молодцоватый рекрутъ, усмѣхаясь и покручивая едва пробивающійся усъ.

— Куды тебѣ, мозгляку! разсердился пойманный во враньѣ разсканщикъ и, сердито отплюнувши на сторону, отошелъ отъ своихъ слушателей. И много можно было наслушаться дѣйствительно интересныхъ и смѣшныхъ разсказовъ о томъ, что видѣли старики-матросы и что придется увидѣть молодымъ....

Шквалъ между тѣмъ прошелъ и матросики, отряхиваясь какъ утки, начали вылѣзать понемногу изъ своихъ убѣжищъ и расходиться по мѣстамъ.

Поздно вечеромъ, 28 октября, всѣ были поражены необыкновеннымъ свѣтомъ, разлившимся по верхней палубѣ, и быстро выбѣжали на верхъ узнать, въ чемъ дѣло. Глазамъ нашимъ представилась эфектная, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшная для насъ, находящихся далеко отъ береговъ, картина: изъ дымовой трубы нашей (діаметръ ея около сажени) валилъ громадный столбъ пламени, широко разстилаясь по вѣтру и обхватывая гротъ-мачту. Благодаря сырой погодѣ, паруса на реяхъ были мокры, сама мачта сыра, и только поэтому они не разгорѣлись тотчасъ же, но начали понемногу тлѣть. «Право на бортъ» [1]), раздалась спокойная, ровная команда выбѣжавшаго старшаго офицера, «Брансойты [2]) воружить!»

Корветъ медленно покатился подъ вѣтеръ и черезъ минуту сталъ поперегъ вѣтра. Пламя съ необыкновеннымъ шумомъ понеслось въ пространство, минуя почти уже загорѣвшуюся гротъ-мачту и далеко разстилаясь по вѣтру. Ночь была темная; въ небѣ ни одной звѣздочки, черезъ что картина сдѣлалась еще поразительнѣе. Корветъ, какъ огнедышащій драконъ, древній миѳологическій оберегатель морей и ихъ богатствъ, граціозно качался на волнахъ, изливая вокругъ себя необыкновенно яркій свѣтъ. Брансойты между тѣмъ были уже готовы и изъ нихъ быстро начали поливать гротъ мачту, чтобы воспрепятствовать ей загорѣться. Пламя изъ трубы не прекращалось почти всю ночь, съ небольшими промежутками, но, къ счастью, при всеобщемъ бдѣніи, все прошло благополучно.

---

[1]) Эта команда относится къ рулевымъ; при ней они кладутъ руль такъ, что судно покатится въ лѣвую сторону.

[2]) *Брансойтами* наз. судовые пожарныя инструменты.

29 октября, вечеромъ, корветъ вошелъ въ Балтійское море, которое приняло его въ первый день довольно гостепріимно: вѣтеръ нѣсколько стихъ, шквалы не налетали; но барометръ между тѣмъ все падалъ и падалъ, и съ часу на часъ ожидали шторма. Погода стояла пасмурная; луна изрѣдка показывалась изъ-за быстро несущихся тучъ и освѣщала искристый слѣдъ, оставляемый граціозно качающимся корветомъ. Ночь прошла благополучно, но съ слѣдующаго утра вѣтеръ началъ понемногу свѣжѣть, свѣжѣть и, наконецъ къ 1 ноября достигъ до степени шторма, уже давно невиданнаго въ Балтійскомъ морѣ.

Разорванныя тучи съ необыкновенною быстротою неслись по пасмурному небу; море заволновалось; корветъ прыгалъ съ волны на волну, стойко встрѣчая яростно налетавшія волны, обдававшія его мильонами блестящихъ искръ. Вѣтеръ уныло завывалъ въ снастяхъ и съ необыкновеннымъ шумомъ хлопалъ ихъ о мачты. Корветъ съ попутнымъ штормомъ (NW) быстро пронесся мимо островов Готланда, Борнгольма и къ вечеру началъ приближаться къ прусскимъ берегамъ.... У береговъ волненіе было ужаснѣе, чѣмъ въ открытомъ морѣ: громадныя массы воды съ ужасающею быстротою бросались на скалистое, неровное прибрежье, вздымались, вскидывались отвѣсно вверхъ на огромную высоту, и тутъ же обрушивались съ ужасающею силою внизъ. Эти же отброшенныя волны пересѣкались съ пребывающими вновь, яростно сталкивались съ ними и, накопляясь новыми громадами, снова обрушивались на берегъ съ грохотомъ и ревомъ.... Море представляло въ это время, на далекомъ протяженіи отъ береговъ, картину самаго грознаго, потрясающаго душу волненія, въ которомъ корветъ вертѣло какъ щепку!...

Около полуночи корветъ началъ поворачивать въ проходъ между Датскими островами, чтобы пройдти въ Кильскую бухту, но напрасно: штормъ съ необыкновенною силою дулъ теперь прямо въ лобъ и, при полномъ ходѣ машины, корветъ бросало назадъ все ближе и ближе къ подвѣтренному берегу, уже ясно различаемому въ $^1/_2$ мили ($^3/_4$ версты) разстоянія. Однимъ словомъ, машина не выгребала противъ сильнаго неправильнаго волненія и постоянно свѣжѣющаго шторма. Положеніе непріятное! На вѣтеръ не выбраться, а подъ вѣтромъ виднѣются опасные скалистые берега, о которые ударяли волны съ ужасающимъ грохотомъ и ревомъ! Корветъ ближе и ближе прибивало къ опаснымъ берегамъ, и вотъ, чтобы остановить это приближеніе, отданъ былъ якорь; но не долго мы отстаивались на немъ, не смотря на то, что машина все

время была въ ходу, брамъ-стеньги [1]) спущены и вообще приняты были всѣ возможныя мѣры къ уменьшенію площади напора вѣтра!... Канатъ лопнулъ, корветъ поставило поперегъ волненія и начало перебрасывать съ боку на бокъ съ ужасными розмахами. Одна волна за другою перекатывалась черезъ корветъ, обдавая всѣхъ, находящихся на верху, холодною какъ ледъ водою. По палубѣ не было никакой возможности пройдти; въ каютахъ все падало, ломалось, трещало! Спящіе нѣсколько разъ вылетали изъ своихъ коекъ и вмѣстѣ съ тюфяками оказывались на совершенно противоположномъ углу каюты, ошеломленные и удивленные своимъ непредвидѣннымъ воздушнымъ путешествіемъ!

Сильнымъ порывомъ растрепало закрѣпленный кливеръ [2]), напоромъ вѣтра подняло его и въ минуту изорвало въ клочья, съ ужаснымъ хлопаньемъ, на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ! Утлегаръ и бомъ-утлегаръ [3]) сломило, какъ соломенку, и они, на оставшихся снастяхъ, съ силою били о скулы [4]) бѣшенно прыгающаго корвета....

Съ необыкновеннымъ трудомъ и рискомъ успѣли мы выбраться нѣсколько впередъ и укрыться за первымъ попавшимся островомъ, за которымъ и отстаивались на якорѣ цѣлую ночь, пережидая дурную погоду.

Памятенъ будетъ этотъ день, памятенъ будетъ онъ многимъ! Сколько пострадало отъ этого шторма судовъ, сколько принесъ онъ бѣдствій и несчастій, сколько погибло народу! Всѣ плоскіе датскіе острова и прусскій берегъ были залиты водою, которая расправлялась на нихъ по свойски, разрушала дома, топила людей и животныхъ, заносила пескомъ плодородную землю, и, въ короткое время, принесла убытку на нѣсколько мильоновъ талеровъ. Да, день памятный для пострадавшихъ моряковъ—памятный и для прибрежныхъ жителей, которые уже не въ первый разъ страдаютъ отъ страшныхъ наводненій, затопляющихъ ихъ поля, жилища и луга.... Извѣстно, что изъ Балтійскаго моря существуетъ постоянное теченіе въ Нѣмецкое море черезъ проливъ Каттегатъ; но когда продолжительно дуетъ сильный сѣверо-западный

---

[1]) Мачта состоитъ изъ чретырехъ отдѣльныхъ частей: 1) (снизу) *собственно мачты*, 2) *стеньги*, 3) *брамъ-стеньги* и 4) *бомъ-брамъ-стеньги*.

[2]) *Кливеромъ* называется большой треугольный парусъ, который ставится впереди фокъ-мачты.

[3]) Наклоненное дерево, помѣщаемое въ носу судна, назыв. *бушпритомъ*, продолженіе бушприта *утлегаремъ* и наконецъ продолженіе утлегаря—*бомъ утлегаремъ*.

[4]) *Скулами* судна назыв. выпуклая часть обвода судна въ носу.

(NW) ветеръ, что и было въ настоящее время, и особенно, если это случится во время высокихъ приливовъ, то воды океана вторгаются въ Балтійское море и прозводятъ страшныя опустошенія на берегахъ Датскаго архипелага. Лѣтописи за послѣднее тысячелѣтіе свидѣтельствуютъ, что датскіе берега испытывали въ это время различныя измѣненія: тамъ происходило размываніе выдающихся частей берега, углубленіе заливовъ, отдѣленіе отъ материка многихъ острововъ, размываніе другихъ и, отъ времени до времени, окончательное затопленіе болотистыхъ низменностей, которыя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ограждались отъ новодненій плотинами, причемъ погибли жители тысячами. Преданіе гласитъ, что и островъ Рюгенъ былъ отдѣленъ отъ материка дѣйствіемъ бури.......

Только къ утру, 2-го ноября, вѣтеръ стихъ и измѣнился въ попутный; корветъ снялся съ якоря и безъ труда вошелъ, въ 8 часовъ, въ Кильскую бухту, чрезвычайно удобную и закрытую отъ господствующихъ вѣтровъ.

Нѣмцы приняли насъ гостепріимно и вѣжливо размѣнялись съ нами салютами. Вся набережная была усѣяна множествомъ разнокалиберной публики, пришедшей поглазѣть на русскій корветъ, вытерпѣвшій рѣдкостный въ Балтійскомъ морѣ штормъ. Въ бухтѣ стояло нѣсколько прусскихъ военныхъ судовъ, командиры которыхъ, какъ только корветъ нашъ сталъ на якорь, пріѣхали поздравить нашего комадира съ счастливымъ избѣжаніемъ опастности.....

Не успѣли мы прибраться, а ужъ къ борту подошли нѣмецкія шлюбченки съ прачками, комиссіонерами и тому подобнымъ людомъ, предлагавшимъ намъ своиу слуги....

Киль, первый прусскій военный портъ въ Балтійскомъ морѣ, красиво расположенъ по обѣимъ сторонамъ такъ называемой Кильской бухты, входъ въ которую защищается батареями, поставленными на берегу. Въ Килѣ есть верфь, адмиралтейство, пароходный заводъ и тому подобныя морскія учрежденія, а также и прекрасная гавань, въ которую могутъ входить самыя большія суда. Дома города по большей части совершенно нѣмецкой архитектуры; узенькіе, относительно длинны, по фасаду высокіе, съ крутыми, покрытыми черепицею, крышами; построены они тѣсно и лѣпятся другъ на друга; нѣтъ того широкаго простора, который замѣчаемъ въ новыхъ городахъ, построенныхъ на модный вкусъ. Весь городъ представляетъ чрезвычайно пеструю картину, что, впрочемъ, имѣетъ свой оригинальный красивый видъ.

Изъ зданій замѣчательны: нѣсколько роскошныхъ отелей, построен-

ныхъ на европейскій вкусъ, церковь св. Николая (Nicolaikirche), а также Klosterkich-съ гробницею Адольфа IV и, наконецъ, университетъ, основанный въ 1665 году, при которомъ находится прекрасная библіотека и обсерваторія. Въ Килѣ есть также городской театръ, который требуетъ, впрочемъ, чтобы на него обратили вниманіе.

Въ одинъ прекрасный вечеръ собрались мы послушать оперу; давали неизмѣнный и любимый нѣмцами «Волшебный стрѣлокъ» (Freischütz).... Театръ самъ по себѣ плохъ и расположенъ въ плохенькой же очень грязной и узенькой улицѣ; но артисты и артистки его превзошли всѣ наши ожиданія.

Главное, что намъ, впрочемъ, очень понравилась, по своей курьезности чрезвычайная простота нравовъ. Запѣлъ, напримѣръ, во 2-омъ дѣйствіи, первый баритонъ соло какую-то очень предлинную арію, да, несчастный, на одной изъ длинныхъ нотъ не выдержалъ, поперхнулся, закашлялся, но, къ удивленію нашему, нисколько не смутившись, продолжалъ тянуть порванную ноту. Мы, разумѣется, сейчасъ же ему хлопать кричать «браво», «bis» и т. п. Первый баритонъ, приложивъ руку къ сердцу, превѣжливо раскланялся съ нами и съ гордымъ видомъ, какъ видно очень довольный собою, продолжалъ свою нескончаемую арію, но на этотъ разъ удачнѣе. Черезъ нѣсколько времени вышла на сцену примадонна театра съ повязаннымъ горломъ (видно простудилась) и охриплымъ голосомъ начала выдѣлывать такія ужасныя трели, что мы морщились, чуть не зажимали уши и молили только Бога, чтобы она ушла поскорѣе со сцены. Но вотъ слава Богу, кончила; ушла; занавѣсъ спустили. Одинъ изъ моихъ товарищей обращается къ рядомъ сидящему нѣмцу: я слушаю, что будетъ.

— Неужели, спрашиваетъ онъ съ упрекомъ въ голосѣ, у васъ всегда такъ бываетъ!?

— Помилуйте, говоритъ сосѣдъ, эта очень хорошая пѣвица, но сегодня что-то не въ голосѣ, простудилась вѣрно, прибавилъ онъ хладнокровно.

— Да какъ же, спрашиваетъ мой товарищъ, позволяютъ выходить на сцену съ охрипшимъ голосомъ и раздирать публикѣ уши?

— Нельзя иначе, поясняетъ нѣмецъ, директоръ театра очень строгій человѣкъ, не позволяетъ манкировать. Больна, не больна — пой, а не будетъ, такъ штрафъ большой беретъ. Все думаетъ, что его обманываютъ и только представляются больными, а на самомъ дѣлѣ — здоровехоньки.

— Да вѣдь онъ же слышитъ самъ, что пѣвица его охрипла, — говоритъ товарищъ.

Вокругъ свѣта.

— Слышитъ, онъ слышитъ, но своимъ ушамъ не вѣритъ. Захочетъ, говоритъ, пѣть хорошо, такъ будетъ.

Хотѣлъ-было я подольше послушать этотъ разговоръ и даже спросить нѣмца: ужъ не вретъ ли, да занавѣсъ подняли: открылась сцена, въ которой первый баритонъ долженъ былъ отливать пули, но теперь ужъ отлили пулю, да какую еще, господа декараторы. Декарація была до безобразія дурна, но что ожидало насъ дальше, то было совершенство безобразія! Нужно было, чтобы являлись на сцену разныя чудовища и привидѣнія, которыя бы напугали перваго баритона, и что-же?

Видимъ вдругъ съ лѣвой стороны сцены нѣсколько протянутыхъ рукъ, тянущихъ, какъ видно съ большымъ усиліемъ какія-то, идущія черезъ всю сцену веревки, натянутыя, какъ струны и ясно видимыя всей публикѣ, потому что находились на поларшина отъ пола. Вслѣдъ за тѣмъ раздался раздирающій душу скрипъ, точно тронулась съ мѣста цѣлая стая несмазанныхъ татарскихъ арбъ, и показалась на сценѣ какая-то телѣга-не телѣга, колесница-не колесница, но что-то въ родѣ телѣги и колесницы вмѣстѣ, а на ней страшное, престрашное чудовище, поводящее огненными глазами.

Но первый баритомъ, нисколько не струсивъ, продолжалъ отливать пули. Тогда, для большаго его устрашенія, разверзается съ ужаснымъ скрипомъ (вѣроятно господа декораторы маслица забыли подлить) въ нѣсколькихъ мѣстахъ земля и.... и.... остается разверстою чуть-ли не пять минутъ; вся публика, приставивъ бинокли къ глазамъ, въ страшномъ неизвѣстномъ ожиданіи, и вотъ въ концѣ пятой минуты начали показываться изъ отверстій, но съ большимъ нечеловѣческимъ трудомъ (да и трудно вѣдь мертвому изъ подъ земли подняться) мертвецы, и все-жетаки нисколько не устрашили смѣлаго баритона, который очень спокойно отлилъ себѣ пули и радостно, прерадостно запѣлъ, а чудовища между тѣмъ, начали медленно, со скрипомъ и грохотомъ, скрываться по своимъ мѣстамъ!...

Не вытерпѣли; взяли фуражки и съ досадою вышли изъ театра....

На слѣдующій день, не совсѣмъ довольный городомъ, я рѣшился осмотрѣть его окрестности, которыя оказались нѣсколько лучше. Я отправился прежде всего вдоль гавани черезъ маленькій лѣсъ, гдѣ собирается часто довольно многочисленная публика любоваться необыкновенно красивою игрою морскихъ звѣздъ, собирающихся здѣсь въ большомъ количествѣ. Послѣ этого отправился прогуляться по такъ называемой Гольштинской Швейцаріи. (Holsteinische Schweiz). Я поѣхалъ на шлюбкѣ изъ Киля въ Ellerbeck, оттуда въ Neumühlen, затѣмъ по проселочной дорогѣ,

красиво идущей по берегу рѣки Swentine, черезъ Oppendorf и Pasdorf, гдѣ находится прекрасный древній замокъ съ паркомъ, въ Претцъ, расположенный на берегу озера Lanker. Въ Претцѣ не на что было обращать особеннаго вниманія, кромѣ монастыря благородныхъ дѣвицъ, куда меня однакожъ не пустили, почему я отправился дальше, въ Плоэнъ, вблизи котораго расположенъ древній замокъ съ прекраснымъ видомъ на городъ. Съ другой стороны города лежитъ большое Плоэнское озеро, имѣющее три мили въ окружности, съ чрезвычайно живописными и привлекательными берегами; рядомъ съ этимъ озеромъ расположено другое, поменьше, которое образуетъ нѣсколько группъ восхитительныхъ островковъ; между этими двумя озерами въ которыхъ ловятся превосходные угри, разсылаемые, какъ лакомство, по всей Германіи раскинутъ роскошный садъ.—Изъ Плоэна я отправился пѣшкомъ въ Gremsmühlen, деревню на берегу озера съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Нѣсколько подальше, на берегу другаго озеро Ugleisee, лежитъ красивый охотничій замокъ Sielbeck; самое-же озера ни съ чѣмъ несравнимо по своей дикой мѣстности, наводящей на человѣка грустное впечатлѣніе; оно окружено со всѣхъ сторонъ темнымъ, почти непроходимымъ, лѣсомъ, въ которомъ водится много дичи.

Измучившись продолжительною прогулкою, я воротился въ Киль съ надеждою черезъ нѣсколько дней устроить поѣздку въ Гамбургъ, гдѣ надѣялся увидѣть гораздо больше интереснаго.

7-го ноября собралась дѣйствительно компанія, на общихъ издержкахъ, для осмотра Гамбурга и его достопримѣчательностей.

Въ 3 часа пролетѣли мы по желѣзной дорогѣ небольшое пространство, отдѣлявшее насъ отъ Гамбурга и въѣхали въ Альтону, городъ, выстроенный почти у самыхъ гамбургскихъ воротъ и составляющій одинъ общій городъ съ Гамбургомъ, потому что рядъ домовъ предмѣстья св. Павла соединяется съ домами Альтоны. Эти два города находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ; у нихъ общая торговля, цѣны которой ежедневно устанавливаются на гамбургской биржѣ. Мѣстоположеніе Альтоны довольно красивое; она имѣетъ хорошую гавань, музеумъ и театръ, и построена довольно однообразно. Въ Гамбургѣ-же, съ перваго взгляда, можно замѣтить два совершенно различныхъ города, старый и новый Гамбургъ. Еще помнятъ объ ужасномъ пожарѣ, бывшемъ въ 1842 году, жертвою котораго сдѣлалась большая часть города. Огонь показался въ ночь съ 4 на 5 мая, а можно было потушить его только 8 числа поутру. 71 улица и площадь, 120 пассажей и дворовъ, 1992 дома, составлявшихъ цѣлый кварталъ, часть собствен-

но называемаго Alt-Hamburg, сдѣлались жертвою пламени. Между замѣчательными зданіями были уничтожены церкви: св. Петра и св. Николая, часовня Св. Гертруды, синагога, выстроенная только за нѣсколько лѣтъ до пожара, Börsenhalle, старая биржа, банкъ (касса спасена) ратуша, остатки которой надо было взорвать, и большая часть роскошныхъ гостинницъ....

Вся эта часть города выстроена съ такимъ великолѣпіемъ, что представляетъ странную противоположность съ остальнымъ городомъ, различнымъ отъ стараго, и тѣмъ болѣе это различіе будетъ замѣтно, если, послѣ широкихъ и прямыхъ улицъ новаго города, войдти въ узкія, темныя и извилистыя улицы стараго города.

Самое модное гамбургское мѣсто гулянья составляютъ улицы Alte, Neue Iungfernstieg и Alstrdamm, окаймляющія три берега прекраснаго бассейна Альстера и составляющія особенную красоту Гамбурга, которая только и можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ привлекательною красотою Венеціи. Въ этомъ мѣстѣ прогулокъ находятся главныя гостинницы, прекрасный базаръ, павильонъ Альстера, въ которомъ играетъ по вечерамъ музыка, Alster-halle, двѣ прекрасныя кофейни аркады Альстера съ богатыми роскошно убранными магазинами. Это мѣсто есть самая оживленная часть Гамбурга, гдѣ постоянно кишитъ публика, слышится оглушающій грохотъ экипажей, хлопанье бичей и людской говоръ.

Рядомъ съ бассейномъ Альстеръ (Aussen-Alster) лежитъ другой бассейнъ, поменьше, называемый Binnen-Alster; оба эти бассейна отдѣляются другъ отъ друга насыпью, прекрасно обсаженною деревьями, и образуютъ такимъ образомъ два роскошныхъ озера, между которыми, на возвышенности, поставленъ памятникъ знаменитому Бюшу, профессору и основателю коммерческой школы. Невдалекѣ отъ этихъ бассейновъ, у воротъ Dammthor расположенъ Ботаническій садъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и богатыхъ въ Германіи; въ немъ находится около 15,000 породъ растеній всѣхъ частей свѣта. Въ саду есть также источникъ съ превосходною водою, сборное мѣсто всѣхъ гамбургскихъ водопійцъ, приходящихъ сюда каждый со своимъ стаканомъ. Осмотрѣвъ Ботаническій садъ, мы отправились по красивому парку изъ акацій на возвышенность Stintfang, расположенную близъ берега Эльбы, съ которой, безъ сомнѣнія, лучшій видъ на Гамбургъ. Отсюда видны границы королевства Ганноверскаго и герцогства Гольштейнскаго, пароходы, отправляющіеся въ разныя страны, гавань самая обширнѣйшая и важнѣйшая въ Германіи, со множествомъ различныхъ судовъ, и, наконецъ,

такъ называемая въ простонародьѣ, Гамбургская гора (Hamburger Berg) (офиціально она извѣстна подъ названіемъ предмѣстья св. Павла (st. Pauli)—мѣсто народныхъ гуляній, въ которомъ находится множество цирковъ, звѣринцевъ, фокусниковъ, панорамъ, театровъ съ маріонетками и тому подобныя народныя увеселительныя мѣста. Достоточно налюбовавшись прекраснымъ видомъ, раскинутымъ у нашихъ ногъ, мы отправились осматривать замѣчательныя зданія, памятники и церкви, изъ которыхъ я болѣе всего обратилъ вниманіе на церковь св. Петра (выстроена вновь послѣ пожара и окончена въ 1853 году), въ которой меня поразили необыкновенно изящная скульптура, запрестольный образъ работы Стейнфурта (Воскресеніе Спасителя) и художественно разрисованныя Вильдомъ стекла. Далѣе, церковь св. Михаила съ колокольнею въ 456 футовъ вышины, на которую, кто не подверженъ головокруженію, можно подняться по витой лѣстницѣ и видѣть прекрасную панораму города,—произвело на меня еще лучшее впечатлѣніе. Въ этой церкви, вмѣщающей въ себя больше 600 человѣкъ, не видно ни одной поддерживающей колонны; архитектура ея и подземелья достойны вниманія каждаго путешественника, а также и искусно выполненный запрестольный образъ работы Тишбейна. Изъ другихъ зданій я обратилъ вниманіе на Iohanneum, прекрасное зданіе, выстроенное въ итальянскомъ вкусѣ; въ немъ помѣщается гимназія, реальная школа, (Realschule), библіотека, состоящая слишкомъ изъ 200,000 книгъ и 500 рукописей, и, наконецъ, два музеума: естественной исторіи и гамбургскихъ древностей.

Измучившись продолжительною прогулкою по городу, мы отправились отдохнуть въ одинъ изъ прекрасныхъ отелей, чтобы на слѣдующій день съ новыми силами осмотрѣть окрестности.

Окрестности Гамбурга, разоренныя и сожженныя когда-то маршаломъ Даву, снова возникли изъ пепла и сдѣлались даже лучшимъ украшеніемъ города, чѣмъ были прежде. Онѣ безъ исключенія почти всѣ хороши. Отъ воротъ Dammthror начинаются прекрасныя каштановыя алеи, идущія мимо восхитительныхъ луговъ и садовъ; по обѣимъ сторонамъ выстроены превосходныя дачи; куда не взглянешь—всюду живописные виды, простирающіеся на большое пространство. Здѣсь прекрасное живописное мѣстечко Гарвестегюде—любимое мѣстопребываніе поэта Гагедорна, дальше Эппендорфъ съ превосходными купаньями, называемыми Андреасбруненъ, съ заведеніемъ минеральныхъ водъ и прекраснымъ садомъ, посѣщаемымъ многими лицами любителями этой воды. Еще дальше красиво переброшенъ черезъ рукавъ бассейна Альстеръ мостъ

Винтергюде; затѣмъ лежатъ мѣстечки Mühlenkampf и Uhlenhorst, гдѣ бываютъ каждую осень извѣстныя гонки судовъ на Альстерѣ.... Съ другой стороны города, выйдя изъ воротъ Steinthor, лежитъ мѣстечко Гаммъ съ превосходнымъ садомъ, раскинутымъ на возвышенности; дальше лежитъ Горнъ, гдѣ находится институтъ Rauhe Haus, назначенный для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей и прославленный подъ управленіемъ пастора Вишерна. Стоитъ также посѣтить Вандсбекъ, прославившійея извѣстнымъ народнымъ писателемъ Клаудіусомъ, который издавалъ здѣсь Wandsbecher Boten, народный листокъ, бывшій въ свое время въ большой славѣ. Здѣсь находится прекрасный садъ графа Шиммельмана, въ которомъ еще видны обезображенныя статуи Дрезденскаго сада Brühl, откуда онѣ были перевезены во время Семилѣтней войны, и помятникъ Клаудіусу съ простою надписью «Matthias Claudius», состоящій изъ куска гранита, на которомъ высѣчены шляпа, трость и мѣшокъ редактора Вандсбекскаго Вѣстника.

Осмотрѣвъ лучшія окрестности, мы воротились въ городъ и, довольные всѣмъ видѣннымъ, черезъ два часа отправились въ обратный путь въ Киль.

ГЛАВА III.

Внутреннее управленіе военнаго судна. — Капитанъ. — Старшій офицеръ. — Вахтенные начальники и ихъ помощники. — Дѣленіе сутокъ на вахты. — Дисциплина. — Помѣщеніе офицеровъ и команды. — Морская жизнь въ различныхъ ея видахъ. — «Морской человѣкъ». — Качества морскаго человѣка. — Моряки, но не «морскіе люди». — Положеніе ихъ во время качки и спокойнаго состоянія моря.

Чтобы впослѣдствіи не прерывать уже нити разсказа, прежде всего опишу внутреннее управленіе военнаго судна.

Главная, иногда безграничная, власть на военномъ суднѣ, въ отдѣльномъ заграничномъ плаваніи, принадлежитъ командиру. Онъ, можно сказать,—царекъ въ небольшомъ пловучемъ міркѣ; отъ него исходятъ всѣ приказанія, на немъ лежитъ передъ Богомъ, высшимъ начальствомъ и людьми строгая отвѣственностъ за судно и за всѣхъ членовъ общества, ввѣренныхъ его надзору и попеченію; онъ, главная пружина того сложнаго механизма, который называется судовымъ порядкомъ, и внутренней жизни маленькаго пловучаго мірка.

Командиръ непремѣнно долженъ быть одаренъ болѣе блестящими умственными, душевными и нравственными способностями, чѣмъ всѣ его подчиненные, чтобы онъ могъ имъ указывать ихъ недостатки, незнаніе, учить ихъ, образовывать изъ нихъ дѣльныхъ и умныхъ морскихъ офицеровъ. Имѣя высшія душевныя и нравственныя способности, командиръ будетъ строго справедливъ при оцѣнкѣ достоинствъ и познаній своихъ подчиненныхъ; а только въ этомъ случаѣ разовьется въ нихъ трудолюбіе и желаніе честнымъ путемъ стать, по своимъ достоинствамъ въ глазахъ командира, одинъ выше другаго. Однимъ словомъ, къ достиженію всего прекраснаго и необходимаго для моряка, они будутъ ле-

тѣть въ перегонку, и въ результатѣ командиръ услышитъ лестное для него слово, что онъ образовалъ хорошихъ, дѣльныхъ и честныхъ моряковъ. При такомъ капитанѣ на суднѣ не будетъ застоя, не будетъ апатіи. При такомъ ходѣ дѣла, онъ можетъ внушить къ себѣ довѣріе и сочувствіе своихъ подчиненныхъ, а тогда вліяніе его на суднѣ будетъ безгранично, и всѣ горячо, единодушно будутъ стремиться къ одной общей цѣли, къ исполненію въ точности своихъ обязанностей.

Когда командиръ достигнетъ этого послѣдняго результата, то все на суднѣ пойдетъ такъ стройно, такъ чинно, что постороннему лицу, явившемуся на судно, будетъ казаться, что капитанъ на немъ — лишній человѣкъ, что и безъ него пошло бы все своимъ обычнымъ чередомъ; но онъ жестоко ошибется, потому что стоитъ только уничтожить эту главную пружину судоваго порядка, весь сложный механизмъ остановится, заглохнетъ и нуженъ будетъ чрезвычайно опытный мастеръ своего дѣла, чтобы привести все опять въ прежнее состояніе. При такомъ капитанѣ стройный порядокъ на суднѣ не прервется даже въ самыя опасныя для жизни моменты. Даже въ этомъ случаѣ командиръ съумѣетъ сдержать страсти, съумѣетъ поддержать въ экипажѣ судна мужество, самоотверженіе и порядокъ. Всѣ будутъ работать и исполнять свои обязанности также спокойно и хорошо, какъ и въ обыкновенное время: не будетъ сумятицы, не будетъ безпорядка, недостойнаго хорошо организованнаго военнаго судна. Взоры всѣхъ, въ самыхъ опасныхъ и несчастныхъ случаяхъ, будутъ обращены на командира съ надеждою и увѣренностью, что онъ своими высшими, щедро одаренными отъ природы, способностями изыщетъ средство спасти судно, а если не судно, то ихъ, ввѣрившихся его попеченію, и всѣ спокойно, твердо и мужественно встрѣтятъ какую угодно опасность. И ихъ надежды оправдаются! Капитанъ всѣ свои усилія, всѣ умственныя способности приложитъ къ тому, чтобы оправдать довѣріе своихъ подчиненныхъ.

А что было бы, если бы капитанъ потерялся самъ, если бы онъ не обладалъ высшими передъ всѣми способностями и познаніями, если бы онъ не поддерживалъ на суднѣ строгую, но разумную, дисциплину? Случилось бы то, что всякій осмѣлился бы изыскивать свои средства спасенія, заботясь только о себѣ, осмѣлился бы упрекать командира въ незнаніи своего дѣла или въ нерадѣніи, черезъ что онъ потерялъ бы, въ глазахъ команды, свою репутацію и вышелъ бы безпорядокъ, сумятица, въ которую нельзя и надѣяться спасти что нибудь или кого нибудь. Случилось бы то, что капитанъ сталъ заботиться бы только о себѣ, о своемъ спасеніи и всѣми силами старался бы съѣхать съ погибающаго

судна, если не первымъ, то изъ первыхъ,—а это уже уголовное преступленіе, потому что, по закону, командиръ долженъ оставить погибающее судно послѣднимъ изъ всего экипажа. Чтобы избѣжать безпорядка при всѣхъ опасныхъ случаяхъ, необходимо съ самыхъ первыхъ моментовъ матросской службы внушить имъ, что при таковыхъ случаяхъ спасеніе ихъ зависитъ отъ подчиненности, порядка и отъ единодушія, съ какимъ они будутъ исполнять приказанія своего капитана.

Въ обыкновенное же время при командирѣ, не обладающемъ высшими умственными, нравственными и душевными способностями, развились бы въ подчиненныхъ апатія, нерадѣніе къ службѣ, общій упадокъ духа, при которомъ вмѣсто того, чтобы способности и познанія всѣхъ развивались и крѣпнули, они будутъ въ застоѣ и ослаблены. Подчиненный, стоящій по своимъ достоинствамъ, способностямъ и познаніямъ выше капитана, не можетъ сносить его невѣжества, не можетъ сносить его несправедливыхъ замѣчаній и выговоровъ, и кончится это тѣмъ, что онъ броситъ дѣло, броситъ службу и станетъ исполнять свои обязанности какъ нибудь, только бы съ плечъ долой, т. е. капитанъ въ этомъ случаѣ не будетъ подстрекать всѣхъ ко всеобщей дѣятельности, къ стремленію усовершенствоваться въ морскомъ дѣлѣ.

Результатомъ этого будетъ то, что команда, видя такой ходъ дѣла, видя небрежность къ дѣлу своихъ офицеровъ, станетъ работать неувѣренно и неохотно, потому что не будетъ увѣрена въ знаніи и опытности своихъ ближайшихъ начальниковъ и руководителей. А развѣ можетъ судно при такомъ ходѣ дѣла назваться хорошимъ или даже хоть посредственнымъ? Не думаю. Кромѣ того, при хорошемъ и распорядительномъ капитанѣ всѣ работы на суднѣ, какъ бы ихъ не было много, исполнятся быстро и хорошо, но не во вредъ силамъ команды, что случилось бы при нераспорядительномъ капитанѣ.

Изъ всего вышеописаннаго видно, какъ благотворно вліяніе командира на внутренній порядокъ судна и на всѣхъ его подчиненныхъ, какъ трудно образовать дѣйствительно хорошихъ моряковъ и образцовое судно. Много нужно для этого познаній, много ума и опытности, нужно точное и совершенное знаніе человѣческихъ натуръ.

Послѣ капитана высшее лицо на суднѣ—старшій офицеръ, который исполняетъ, можно сказать, роль перваго министра своего правителя. Онъ слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній, отданныхъ капитаномъ, за ходомъ морскаго образованія, какъ у офицеровъ, такъ и матросовъ; онъ, можно выразиться, маятникъ сложнаго механизма, называемаго судовымъ порядкомъ. Капитанъ, какъ главная пружина дви-

гаетъ этотъ маятникъ, который приводитъ уже въ движеніе весь этотъ сложный механизмъ своею распорядительностью, расторопностью и знаніемъ дѣла. Чтобы быть капитаномъ, нужно съ честью прослужить старшимъ офицеромъ. Отъ старшаго офицера требуется почти столько же способностей, достоинствъ и знаній, какъ и отъ капитана, потому что онъ, въ случаѣ внезапной смерти или болѣзни послѣдняго, временно приступаетъ къ исполненію его трудныхъ и сложныхъ обязанностей.

Послѣ старшаго офицера слѣдуютъ четыре вахтенныхъ начальника, по большей части лейтенанты, которыхъ можно назвать губернаторами маленькаго пловучаго мірка, раздѣленнаго на отдѣльныя области, какъ-то: трюмъ, жилая палуба, баттарея, кубрикъ и. т. д., которыя и отданы въ завѣдываніе отдѣльнымъ лейтенантамъ, причемъ каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть за порядкомъ и благоустройствомъ ввѣренной ему области. Чтобы удостовѣриться въ точномъ исполненіи ихъ губернаторскихъ обязанностей, капитанъ каждое воскресенье, послѣ обѣдни, строго ревизуетъ всѣ области и дѣлаетъ строгое замѣчаніе тому лейтенанту, въ области котораго найдетъ какой-нибудь безпорядокъ или нечистоту.

Всѣ офицеры (кромѣ капитана и старшаго офицера, которые вахту не стоятъ) дѣлятся на четыре вахты; въ каждой непремѣнно находится одинъ вахтенный начальникъ и затѣмъ его помощники мичмана или гардемарины, которые по старшинству занимаютъ свои посты, одинъ на бакѣ, другой на ютѣ [1]). Кромѣ того, мичмана и гардемарины распредѣляются къ разнымъ лейтенантамъ въ помощники по управленію ихъ областями.

Стоя на вахтѣ, вахтенный начальникъ обязанъ слѣдить за всѣмъ, происходящимъ на суднѣ и вокругъ него, и за всѣ безпорядки онъ— отвѣтственное лицо, какъ передъ капитаномъ, такъ и передъ старшимъ офицеромъ.

Матросы же дѣлятся только на двѣ вахты: первую и вторую, но, кромѣ того, каждая вахта еще подраздѣляется на четыре отдѣленія. Во время хода подъ парами или стоянки на якорѣ, на вахтѣ стоитъ только одно отдѣленіе, а во время хода подъ парусами — одна вахта.

Кромѣ дѣленія на вахты и отдѣленія, матросы для авральныхъ (общихъ) работъ дѣлятся еще по мачтамъ: на баковыхъ [2]), форъ-мар-

---

1) Ютомъ называется часть судна—позади бизань-мачты.

2) Работаютъ на бакѣ.

совыхъ [1]), гротъ-марсовыхъ [2]), и крюйсельныхъ [3]), шханечныхъ [4]), шкафутныхъ [5]) и ютовыхъ [6]).

Въ матросахъ первыхъ трехъ категорій чрезвычайно сильно замѣтно это раздѣленіе и они стараются держаться другъ отъ друга какъ-то отдѣльно, они смотрятъ одинъ на другаго какъ-то непріязненно, особенно во время работъ, когда одна мачта желаетъ отличиться передъ другою.

Чтобы доказать это сильное отдѣленіе другъ отъ друга матросовъ первыхъ трехъ категорій, достаточно привести одинъ только примѣръ матроской выходки, довольно курьезной: разсказываетъ, напримѣръ, гротъ-марсовый своимъ товарищамъ какую нибудь исторію.

— Да гдѣ ты это слышалъ? спрашиваютъ товарищи.

— Да форъ-марсовые на бакѣ баятъ! отвѣчаетъ разсказщикъ, и слушатели совершенно довольствуются этимъ отвѣтомъ.

Матросъ говоритъ: «да форъ-марсовые на бакѣ баятъ» — такъ серьезно, ну точно форъ-марсовые и бакъ находятся за сто верстъ, между тѣмъ какъ ихъ раздѣляетъ пространство всего только какихъ нибудь пятьдесятъ шаговъ, и какъ будто бы случившееся происшествіе свершилось гдѣ нибудь за тридевять земель, а не на томъ же самомъ суднѣ.

Сборный пунктъ матросовъ всѣхъ категорій, можно сказать, ихъ судовой клубъ находится на бакѣ: здѣсь они курятъ (для этой цѣли имѣется на бакѣ фитель и кадка съ водою, куда матросики бросаютъ свои окурки), веселятся, поютъ, пляшутъ и наконецъ здѣсь же передаютъ другъ другу разсказы о томъ или другомъ случившемся происшествіи; но при этомъ легко замѣтить, что матросы первыхъ трехъ категорій сидятъ по большей части отдѣльными группами. Только иногда вмѣшается въ чужую группу какой нибудь матросикъ полюбопытнѣе, выслушаетъ разсказы и на другой день ихъ же передаетъ своимъ товарищамъ, увѣряя и клянясь, что это «форъ-марсовые на бакѣ баяли, и поэтому разсказъ его не подлежитъ никакому сумлѣнію».

Но бываютъ случаи, когда матросики, забывъ на время всякую вражду и непріязнь, смѣшиваются и затѣваютъ пѣсни или какія нибудь общія игры, какъ напримѣръ «въ рыбку» (о которой скажу нѣсколько

[1]) Работаютъ на фокъ-мачтѣ.

[2]) Работаютъ на гротъ-мачтѣ.

[3]) Работаютъ на бизань-мачтѣ.

[4]) Работаютъ на шканцахъ—части верхней палубы между гротъ и бизань мачтами.

[5]) Работаютъ на шкафутѣ—части верхней палубы между фокъ и гротъ-мачтой.

[6]) Работаютъ на ютѣ.

словъ впослѣдствіи); но и при этомъ форъ-марсовый, напримѣръ, наровитъ какъ нибудь ударить покрѣпче непремѣнно ужъ гротъ-марсоваго или крюйсельнаго, а своего товарища по мачтѣ постарается ударить полегче. И рады форъ-марсовые, когда на рыбкѣ стоитъ гротъ-марсовый или крюйсельный, но и тѣ обратно радуются, когда форъ-марсовый какъ нибудь оплошаетъ и попадетъ на рыбку, ну тогда ему бѣда: гротъ-марсовые и крюйсельные бьютъ его со всего плеча и исполосуютъ такъ, что «небо съ овчинку покажется», какъ говорятъ матросики. . . .

Однако объ этомъ послѣ, а теперь постараюсь связать такъ рѣзко порванную нить разсказа.

Сутки дѣлятся на пять вахтъ, начиная съ 8 часовъ утра: первая— съ 8 до 12 часовъ пополудни, вторая—съ 12 до 6, третья—6 до 12, четвертая—съ 12 до 4 часовъ ночи (эта вахта прозвана моряками «собачьею») и наконецъ пятая—съ 4 до 8 часовъ утра.

Ночная вахта съ 12 до 4 часовъ считается за самую скучную и несносную (отъ того и названіе «собачья вахта»), потому что все судно, послѣ дневныхъ трудовъ, вкушаетъ самый сладкій сонъ, а вахтенные принуждены бываютъ проводить это время безъ сна, можетъ быть подъ дождемъ, подвергаясь то сильному холоду, на сѣверѣ, то удушливому зною въ тропикахъ. Окружающая тишина наводитъ какую-то скуку; нѣтъ картинъ, развлекающихъ взоръ, и невольно глаза смыкаются и голова падаетъ на плечо; но тотчасъ же мгновенно встрепенешься и зорко оглядишься кругомъ, вспомня, что ты на службѣ, что твоему бдѣнію довѣряется цѣлое судно со всѣмъ его населеніемъ. . . .

За то самая веселая вахта съ 4 до 8 часовъ утра, потому что это время служитъ началомъ новаго дня, новой судовой дѣятельности. Въ 5 часовъ команда встаетъ, затѣмъ завтракаетъ и наконецъ скачиваетъ верхнюю палубу; такимъ образомъ вся вахта проходитъ въ работѣ и движеніи.

Кромѣ того, людямъ поэтическаго темперамента эта вахта приноситъ удовольствіе слѣдить за первыми проблесками утренней зари, за золотистыми лучами, являющимися постепенно на восточномъ горизонтѣ, и наконецъ за восходомъ великолѣпнаго свѣтила, разливающаго повсюду яркій свѣтъ и вливающаго въ то-же время какъ бы живительную влагу во все существо, потому что при восходѣ солнца чуствуешь себя какъ-то бодрѣе и веселѣе....

Все на суднѣ совершается по разъ заведенному порядку: завтракаютъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, работаютъ, учатся, спятъ и даже веселятся—все это въ опредѣленное время, отъ котораго безъ приказанія камандира не отступаютъ ни на іоту.

На суднѣ требуется строгая, но въ то-же время разумная, дисциплина: не позволяется шумѣть (даже работы должны производиться молча), пѣть не въ опредѣленное время, играть въ азартныя игры (въ карты, кости и т. д.), пить водку, кромѣ казной опредѣленной чарки передъ обѣдомъ и т. д. Офицерамъ позволяется только играть въ шашки, шахматы и въ морскую игру трикъ-тракъ, а всѣ остальныя (азартныя) игры строго преслѣдуются и считаются на суднѣ уголовнымъ преступленіемъ.

За всѣ проступки матросовъ на суднѣ, особенно за азартныя игры, пьянство и воровство, они подвергаются самому строгому наказанію, но при всемъ томъ хорошій командиръ никогда не позволитъ подчиненнымъ своимъ офицерамъ ударить провинившагося матроса въ лицо или куда нибудь, нѣтъ, онъ нарядитъ надъ нимъ судъ, терпѣливо и подробно изслѣдуетъ все дѣло, и когда вина матроса будетъ ясно доказана, тогда только опредѣлитъ ему по закону извѣстное наказаніе за его проступокъ, которое и прикажетъ привести въ исполненіе твердо и рѣшительно, не обращая вниманія на мольбы и слезы провинившагося, можетъ быть въ первый разъ, матроса, потому что хорошій и умный командиръ никогда не прощаетъ даже первой вины. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ строго, но разумно: не будетъ матросамъ поблажки, которые при слабомъ капитанѣ рѣшаются иногда на какой нибудь проступокъ можетъ быть только потому, что знаютъ, что первая вина ихъ имъ будетъ прощена; кромѣ того, есть шансъ, что виновный не будетъ найденъ, а тогда у него будетъ въ запасѣ еще проступокъ, на который онъ рѣшится при первомъ удобномъ случаѣ, и это, безъ сомнѣнія, продолжится до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ пойманъ и вдругъ прощенъ, какъ сдѣлавшій первую, будто-бы, вину.....

Чтеніе приговора, выговоры и наказанія производятся, при полномъ собраніи командира и офицеровъ, на шканцахъ—самомъ священномъ мѣстѣ судна. Это мѣсто пользуется особеннымъ почетомъ и привиллегіею всякій проступокъ, совершенный на шканцахъ, усугубляется; каждое лицо не исключая даже царской фамиліи, ступая ногою на это священное мѣсто приподнимаетъ фуражку или прикладываютъ руку къ козырку. Для этого всходные трапы [1]) помѣщаются именно въ такой части судна, что каждое лицо, пріѣхавшее на судно, непремѣнно должно ступить прежде всего на шканцы, а потому и обязано, при входѣ на судно или приподнимать фуражку, или же приложить руку подъ козырёкъ. Хотя честь

[1]) Трапомъ вообще называется, на морскомъ языкѣ, лѣстница.

эта отдается собственно мѣсту, пользующемуся такою привиллегіею, но морская вѣжливость требуетъ, чтобы вахтенный начальникъ и даже всѣ присутствующіе на верхней палубѣ офицеры отвѣчали бы на поклонъ вновь прибывшаго лица. Этотъ этикетъ такъ строго соблюдается, что даже ночью невольно отдаешь честь шканцамъ или отвѣчаешь на поклонъ вновь прибывшаго, хотя едва-едва разбираешь въ темнотѣ его силуэтъ.

На шканцахъ не позволяется пѣть, громко разговаривать, играть (что впрочемъ иногда камандиръ, по недостатку мѣста, разрѣшаетъ), сидѣть, прогуливаться и курить; послѣднее позволяется офицерамъ только въ своихъ каютахъ, а командѣ—на бакѣ.

Что касается до размѣщенія офицеровъ и команды, то корветъ «Аскольдъ» въ этомъ отношеніи похвастаться не можетъ. Болѣе половины жилой палубы занята адмиральскою, капитанскою и офицерскими каютами, ихъ каютъ-кампаніею, буфетами, лазаретомъ, аптекою и т. п. помѣщеніями. Остальная часть-отдана въ распоряженіе команды, и, какъ видно, она сильно стѣснена, потому что тамъ, гдѣ можетъ хорошо помѣститься не болѣе 200 человѣкъ, помѣщается 300. Помѣщеніе для команды, говорю я, такъ мало, что по большей части матросы спятъ въ два ряда: одинъ раскладываетъ свою койку на палубу, а другой подвѣшивается подъ бимсы [1]), и все это одинъ около дргаго, тѣсно прижавшись; а по настоящему, помѣщеніе команды должно быть настолько обширно, чтобы всѣ могли подвѣшивать свои койки подъ бимсы, а не лежать на сырой часто палубѣ.

Разумѣется, при такой тѣснотѣ нельзя ожидать ночью хорошаго и здороваго воздуха, особенно въ холодное время, когда нѣтъ возможности на ночь открывать люки для притока въ палубу свѣжаго воздуха, но въ тропикахъ, въ этой удушливой атмосферѣ, будетъ, пожалуй, еще хуже. Большая часть офицеровъ имѣетъ особую небольшую каютку; только нѣкоторые (младшіе) изъ нихъ помѣщаются по двое въ одной каютѣ, нѣсколько по больше. Кромѣ того, у нихъ есть еще общая большая каюта, свѣтлая, достаточно высокая и роскошно убранная бархатною мебелью, называемая каютъ-кампаніею, въ которой они обѣдаютъ, пьютъ чай, и вообще проводятъ въ ней все свободное время.

Капитанъ помѣщается совершенно особо отъ всѣхъ офицеровъ, въ каютѣ чрезвычайно роскошной и удобной. Онъ обѣдаетъ отдѣльно отъ

---

[1]) Бимсами наз. толстыя связи, соединяющія ребра (шпангоуты) судна, и на которыя стелется верхняя палуба.

своихъ подчиненныхъ, но, чтобы знакомиться съ ними, частнымъ образомъ приглашаетъ ихъ къ себѣ по очереди къ столу, гдѣ забывается всякій служебный этикетъ и время проводится въ дружественныхъ, задушевныхъ бесѣдахъ. По воскресеньямъ капитанъ отдаетъ визитъ всѣмъ офицерамъ сообща, обѣдая съ ними въ ихъ каютъ-кампаніи. Вообще, нужно замѣтить, что внизу, внѣ службы, поддерживаются между капитаномъ и офицерами самыя дружественныя отношенія, но на верху, при работѣ и исполненіи своихъ обязанностей, вся дружба забывается и капитанъ является совершенно иною личностью: здѣсь онъ повелѣваетъ, дѣлаетъ строгіе, но справедливые, выговоры нерадивымъ офицерамъ, съ которыми не болѣе, можетъ быть, двухъ, трехъ часовъ тому назадъ дружески бѣсѣдовалъ за общею трапезою и съ ними же послѣ работы будетъ опять также хорошъ, какъ будто бы и выговора не дѣлалъ.

Вообще капитанъ поступаетъ съ большимъ тактомъ, черезъ что и пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ, а этого, доложу, не легко добиться при разнообразныхъ характерахъ и взглядахъ на службу. Положеніе гардемариновъ на корветѣ самое несносное и непріятное. Маленькая каютка (въ 6 шаговъ длиною и въ 4 шириною) служитъ помѣщеніемъ для 12 человѣкъ: здѣсь ихъ спальня, столовая, зала и, если хотите, лазаретъ, потому что особаго лазарета для гардеаринъ не устроено: начальство, молъ, молодымъ хворать не позволяетъ. Между тѣмъ у матросовъ лазаретъ есть; больные офицеры «высшаго ранга» могутъ очень удобно и уютно лежать въ своей каюткѣ въ теплѣ и холѣ, а больной гардемаринъ долженъ лежать въ общей гардемаринской каютѣ, гдѣ постоянный шумъ, облака табачнаго дыма, духота, сквозной вѣтеръ, сырость и что хотите, приводитъ больнаго въ совершенное отчаяніе. Спятъ гардемарины въ два рядъ, для чего спинки дивановъ, расположенныхъ вокругъ каюты, поднимаются и подвѣшиваются подбимсы не ремняхъ. Можете посудить, каково положеніе гардемаринъ, спящихъ во второмъ этажѣ, во время сильной качки: нужно держаться руками, ногами и даже зубами, чтобы избѣгнуть даровага, насильно-воздушнаго путешествія; но, несмотря на всѣ усилія, какъ только немного вздремнешь, летишь внизъ на столъ или подъ столъ. Оно, разумѣется, и не очень высоко, но все-таки испытать такое путешествіе, да еще нѣсколько разъ подрядъ, увѣряю васъ, очень, даже очень непріятно. Хорошо еще, если упадешь ловко, а то и голову расшибешь! Предусмотрительный гардемаринъ непремѣнно себя на ночь привяжетъ, а иначе не уснетъ. Бываютъ въ гардемаринской каютѣ, ночью, во время сильной качки, и столкновенія: качнется корветъ съ одной стороны на

другую, зароется носомъ, корма взлетитъ, смотришь, съ разныхъ сторонъ летятъ два (а бывали случаи, что и болѣе) гардемарина, сталкиваются, какъ два метеора, падаютъ съ ругательствами на палубу, поднимаются и опять улягутся въ свои койки только для того, чтобы черезъ полчаса опять сотворить воздушное путешествіе и даже столкновеніе. Жизнь несносная, самая непріятная, но въ то же время заключающая въ себѣ много, много прелестей! Кто, какъ не морякъ и житель американскихъ пустынь, можетъ любоваться природою во всей ея чудной красотѣ; кто, какъ не морякъ и житель американскихъ пустынь, научится чтить и славить Бога въ его дивныхъ, прекрасныхъ твореніяхъ, научится возносить Всемогущему Творцу теплыя и искреннія молитвы!.... Не даромъ сложена русскимъ народомъ пословица: «кто въ морѣ не бывалъ—тотъ не маливался», или «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Бога не видалъ!».... Кто, какъ не морякъ научится бояться Бога въ его грозной картинѣ бушующаго моря и ужасающихъ урагановъ и штормовъ!

Тяжело съ Парнаса слетѣть въ житейскую лужу, но дѣлать нечего, надо же кончить то, что мною начато.

Входъ въ каютъ-кампанію гардемаринамъ «запрещенъ», и они должны довольствоваться своею каюткою. Не понимаю, почему? Вѣроятно потому, что нельзя же только-что выпущенному дать большой воли и позволить ему проводить свободное время въ средѣ своихъ начальниковъ, между тѣмъ какъ именно въ средѣ-то этихъ начальниковъ гардемарины могли бы многому научиться, много пріобрѣсти необходимыхъ имъ практическихъ свѣдѣній, вступая въ разговоры съ умными и знающими людьми, слушая умныя и практическія разсужденія, разсказы о разныхъ несчастныхъ или непредвидѣнныхъ случаяхъ, и какъ именно поступали въ нихъ умные и рѣшительные люди. Отъ гардемаринъ все это отнято, и они должны довольствоваться своею бесѣдою....

Скажу еще нѣсколько словъ о помѣщеніи команды и закончу этимъ описаніе внутренней судовой жизни. Вообще нужно правду сказать, что чрезычайное удобство размѣщенія офицеровъ пріобрѣтено въ убытокъ помѣщенію команды, которая на «Аскольдѣ» стѣснена до такой сильной степени, какъ ни на одномъ суднѣ, даже во внутреннемъ плаваніи.

Хорошо въ теплое и сухое время можно спать и на верхней палубѣ, но каково въ холодное, когда палуба переполнена спящими до того, что рѣшительно нѣтъ физической возможности пройти съ одного конца палубы на другой: мало того, что нужно идти подъ висящими койками, согнувшись въ три погибели, нужно еще посматривать и подъ ноги, что-

бы не наступить на ногу, руку или лицо расположившагося на палубѣ матроса....

Впрочемъ, хорошо ли, худо ли размѣщена команда — обнаружится впослѣдствіи общимъ ея здоровымъ или нездоровымъ состояніемъ, особенно въ тропикахъ, поэтому теперь объ этомъ больше ни слова, потому что я все-таки, сознаюсь, не слишкомъ опытный въ этомъ дѣлѣ судья, а говорю только то, что вижу и чувствую.

Окончивъ этимъ внутреннюю судовую жизнь, скажу теперь нѣсколько словъ собственно о морской жизни вообще, объ ея свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ, объ ея радостныхъ и грустныхъ минутахъ.

Морская жизнь для людей различнаго темперамента, связанныхъ разными семейными обстоятельствами и любящихъ различныя ощущенія— весьма различна. Для однихъ она прекрасна и мила, не смотря на качку, бури, штормы, ураганы и тому подобныя ужасныя морскія явленія— такихъ людей у насъ очень мало. Для другихъ она — необходимое зло такіе моряки рѣшаются на продолжительныя морскія путешествія только ради какихъ нибудь выгодъ, денежныхъ или служебныхъ — ихъ очень много; для третьихъ, по большей части любознательныхъ или поэтическаго темперамента, морская жизнь — мука съ проблесками научнаго или поэтическаго счастья и наслажденія—такіе люди рѣдки.

Жизнь въ морѣ, полная особенныхъ удовольствій, приключеній и опасностей, привлекательна и мила только для человѣка совершенно одинокаго, не связаннаго никакими семейными узами, и въ то же время любящаго море, какъ свое дорогое дѣтище, жену, любящаго сильныя ощущенія, какъ необходимую пищу его сердцу и душѣ. Такой человѣкъ проводитъ въ морѣ всю свою жизнь; для него море —раздольное поприще, судно—семейный очагъ, экипажъ—семейство, родные и знакомые. На суднѣ только онъ чувствуетъ себя какъ дома, будто бы въ кругу своего дорогаго семейства; онъ всѣхъ любитъ и всѣми любимъ, потому что такого человѣка, который видитъ около себя не только товарищей и подчиненныхъ, но и родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, нельзя не любить; онъ обращается со всѣми съ отеческою заботливостью, ласково, кротко и великодушно. Онъ всѣхъ любитъ, повторяю я, и всѣми за это любимъ, какъ отецъ, заботящій о своемъ дорогомъ семействѣ.

Для такого человѣка бури, качки, ураганы и тому подобныя ужасныя морскія явленія, ни почемъ; онъ ихъ не боится, напротивъ, какъ знатокъ и любитель, только любуется, восторгается ими и изучаетъ. Всѣ эти явленія служатъ ему ни болѣе, ни менѣе какъ развлеченіемъ, какъ даровымъ представленіемъ, за которое, чтобы взглянуть на него со сто-

роны хоть разокъ, другіе люди звплатили бы большія деньги. Такой человѣкъ любитъ эти представленія еще больше потому, что онъ съ своимъ семейнымъ очагомъ—судномъ, съ семействомъ и родными изображаетъ въ немъ одно изъ дѣйствующихъ и въ то же время страдающихъ лицъ. Онъ борется съ бурями и ураганами шутя, не спѣша, какъ артистъ, хорошо и тонко изучившій свою трудную роль. Однимъ словомъ, этотъ, такъ сказать, «завзятый» морякъ живетъ однимъ моремъ. Море для него радость, счастье и всѣ земныя блаженства!...

По колеблющейся подъ ногами палубѣ, постоянно скачиваемой солеными волнами, онъ ходитъ ровно, спокойно, твердо, ловко балансируя, точно идетъ береговой житель по хорошо устланной и ровной дорогѣ. Онъ въ этомъ случаѣ обладаетъ, такъ называемыми, «морскими ногами», которыя и въ самую сильнѣйшую качку поддерживаютъ туловище также добросовѣстно, какъ и въ мертвѣйшій штиль, когда судно не колыхнется. Въ самую сильную качку онъ ѣстъ совершенно спокойно, не спѣша; не проноситъ ложки съ супомъ мимо рта, не обливаетъ себѣ и своимъ сосѣдямъ платье; но ѣстъ такъ ловко, съ такимъ навыкомъ, что ни одной капли не пропуститъ онъ мимо: все идетъ по своему назначенію. Въ этомъ случаѣ моряки говорятъ, что онъ пріобрѣлъ «морскія руки» и «морской ротъ».

Надъ качкою «завзятый» морякъ смѣется: она его не пробираетъ. Прокачаться ли день, прокачаться ли сто дней—ему все равно: онъ постоянно веселъ, цвѣтъ лица имѣетъ самый свѣжій, аппетитъ превосходный. Въ этомъ случаѣ говорятъ, что онъ пріобрѣлъ «морской желудокъ», исправно переваривающій и принимающій какую угодно пищу и когда угодно: только бы положили, а тамъ ужъ дѣло желудка.... Такимъ образомъ сплочивается цѣлый «морской человѣкъ», который на суднѣ постоянно здоровъ, ходитъ твердо, не обращая вниманія на колеблющуюся подъ ногами палубу; желудокъ у него постоянно въ нормальномъ состояніи, ѣстъ онъ съ аппетитомъ все, что ни подай, только чтобы было чѣмъ запить, постоянно веселъ и свѣжъ, какъ роза. Берега онъ боится хуже чумы, потому что на берегу его здоровье совершенно разстроивается: тутъ онъ часто замѣчаетъ, даже противъ своей воли, нѣкоторое колебаніе почвы; желудокъ его теряетъ свое морское качество и даже иногда неудержимо выбрасываетъ назадъ принятую пищу или питье.

Такимъ образомъ совершенно «морской человѣкъ» безусловно преданъ только морю и своему судну. Онъ плаваетъ чуть ли не всю свою жизнь, но при этомъ ни сколько не помышляетъ о будущихъ благахъ и почестяхъ: онъ живетъ настоящимъ, онъ не честолюбивъ. «Морской че-

ловѣкъ» плаваетъ, полосуетъ океаны и моря только ради любви къ искусству....

Далѣе слѣдуютъ моряки, для которыхъ море—необходимое зло, котораго не слѣдуетъ избѣгать, если не желаешь избѣгнуть выгодъ, какъ денежныхъ, такъ и служебныхъ. Такіе моряки, по большей части обладаютъ какимъ нибудь однимъ или много что двумя качествами «морскаго человѣка»: у одного—«морскія ноги или руки», у другаго—«морской желудокъ», у третьяго, у четвертаго и т. д. по нѣскольку качествъ, но съ различными комбинаціями; но есть и безъ всякихъ морскихъ качествъ, и такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, самое несчастнѣйшее существо на суднѣ. Для каждаго изъ нихъ морская жизнь, въ различныхъ своихъ видахъ, приноситъ различныя ощущенія и удовольствія, которыя я, по возможности, и постараюсь какъ нибудь передать. Моряки, считающіе море—необходимымъ зломъ, замѣчаютъ въ морской жизни радостныя и грустныя ея минуты, свѣтлыя и темныя ея стороны. Для «морскаго же человѣка» морская жизнь и море, во всѣхъ его видахъ, безусловно прекрасны: онъ не находитъ въ нихъ грустныхъ минутъ, не видитъ темныя ихъ стороны; однимъ словомъ, онъ доволенъ всѣмъ, что посылаетъ ему море, чѣмъ награждаетъ его морская жизнь....

Представьте себѣ сильную качку: судно бросается съ одной стороны на другую, глубоко зарывается то носомъ, то кормою, взлетаетъ подъ небеса и стремительно спускается по покатой сторонѣ огромнѣйшихъ валовъ въ глубокую зіяющую пропасть, опять взлетаетъ какъ птица и опять съ головокружительною быстротою бросается въ объятія разъяренныхъ, бушующихъ валовъ.... И это продолжается ни день, ни два а иногда недѣлю и двѣ. Представьте себѣ въ эту страшную качку положеніе моряковъ, не обладающихъ безусловно всѣми качествами «морскаго человѣка»....

Необладающіе «морскими ногами» качаются по прихоти судна, какъ пьяные; на верхней палубѣ ихъ, какъ мячикъ, бросаетъ съ одного борта на другой: то летятъ они кубаремъ, то, выдвинувши руки впередъ, ловятъ, уходящую изъ подъ ногъ, палубу и, прежде чѣмъ поймаютъ ее и установятся на ней, широко раздвинувши ноги, пролетятъ не малую толику пространства, ругаясь, сталкиваясь и даже сбивая съ ногъ всѣхъ встрѣчныхъ ему не-морскихъ людей. Въ каютѣ они бѣдствуютъ еще больше, потому что простору тамъ гораздо меньше; они носятся во всѣ стороны съ большею опасностью, какъ для своей особы, такъ и для окружающей его мебели, стѣнъ и людей. Какъ часто морякъ, не обладающій «морскими ногами», несется, по прихоти качки, не зная самъ куда,

*

ударяется лбомъ о бимсъ или переборку, отлетаетъ въ сторону на какую нибудь мебель, съ дурными послѣдствіями, какъ для нея, такъ и для своей персоны, и наконецъ катится кубаремъ по наклоненной палубѣ подъ ноги кого нибудь изъ своихъ товарищей....

Благоразумный и ловкій морякъ съ не-морскими ногами усядется покрѣпче куда нибудь на диванъ или кресло и ухватится за него такъ, что никакая сила не въ состояніи стянуть его съ мѣста. Если же нужно будетъ ему перейти съ одного мѣста на другое, то онъ, выбравъ самую наиудобнѣйшую минуту, бросается, руками впередъ, какъ бомба, присѣдаетъ въ извѣстные моменты, чтобы увеличить сопротивленіе бросающей силѣ, или даже совершенно ложится на палубу, крѣпко ухватившись за что нибудь ногами и руками, пережидая сильные взмахи дрыгающаго судна. Съ такими предосторожностями онъ по большей части благополучно достигаетъ до мѣста и опять усаживается на немъ такъ плотно, чтобы не иначе свалиться съ него, какъ вмѣстѣ, а это не легко, потому что въ сильную качку вся мебель привинчивается или принайтовливается (привязывается).

Посмотримъ теперь, что дѣлаютъ въ эту качку моряки, не обладающіе другими морскими качествами. Морякъ, не обладающій морскими руками, садится обѣдать, наливаетъ себѣ супу, но раньше чѣмъ донесетъ тарелку до своего мѣста, половину проливаетъ и супъ ручейками полился по столу, переливаясь, сообразно качкѣ, то въ одну, то въ другую сторону и обливая при этомъ брюки и сюртуки всей, сидящей за столомъ, публики. Всѣ сторонятся, обтираются и ворчатъ, совершенно забывая и упуская изъ виду, что у нихъ у самихъ въ это время при каждомъ розмахѣ льется супъ черезъ края тарелки и множествомъ ручейковъ разбѣгается по всему столу. Такимъ образомъ морякъ, не обладающій морскими руками, *своею неловкостью вводитъ даже во искушеніе* и всю остальную публику.... Но чѣмъ же онъ виноватъ—почему, мало обращая вниманія на воркотню, съ большимъ усердіемъ начинаетъ ловить ложку съ супомъ, которая, повинуясь не-морской рукѣ, всѣми силами старается избѣжать своего назначенія, и по большей части вмѣсто рта выливаетъ супъ либо на грудь ѣвшаго, либо на сюртукъ ближайшаго сосѣда, который ругается на чемъ свѣтъ стоитъ, сердится, выходитъ изъ себя.... Обладатель не морской руки тоже сердится, выходитъ изъ терпѣнія и наконецъ рѣшаетъ супу не ѣсть, а довольствоваться на время качки «сухомяткою», т. е. жаркимъ, если есть третье блюдо, то третьимъ и наконецъ хлѣбомъ.... Но одно изъ самыхъ несчастныхъ положеній того, кто не обладаетъ морскимъ желудкомъ. Онъ

въ качку бѣдствуетъ, страдаетъ, ходитъ блѣдный, съ зеленоватымъ отливомъ лица, съ посинѣлыми губами, ходитъ онъ, какъ угорѣлый, не зная куда преклонить голову. Вездѣ ему худо, вездѣ его укачиваетъ, тошнитъ и травитъ (рветъ). Ничего онъ не ѣстъ, хотя можетъ быть обладаетъ превосходными морскими руками, потому что его желудокъ не принимаетъ почти никакой пищи; иногда только пожуетъ сухарь или съѣстъ кусокъ хлѣба съ солью, какъ средства, нѣсколько облегчающіе его мученія, да этимъ и закончитъ.... Во время продолжительной качки онъ истощается до такой сильной степени, что походитъ скорѣе на мертвеца, ищущаго себѣ спокойной могилы, чѣмъ на живаго человѣка, съ тоскою и замираніемъ замѣчающаго всѣ розмахи судна и ищущаго себѣ уютнаго мѣстечка, гдѣ-бъ качало поменьше, гдѣ-бъ меньше обращать вниманіе на колебаніе судна.

Далѣе, въ концѣ, слѣдуютъ люди поэтическаго темперамента, которые пускаются въ море только для пополненія своего поэтическаго воображенія всѣми слышанными и читанными ужасами и прелестями морской жизни. Такой человѣкъ, если только онъ есть, самое несчастнѣйшее существо на суднѣ: онъ по большей части не обладаетъ никакимъ морскимъ качествомъ и страданія его въ качку вслѣдствіе этого ужасны; но онъ все переноситъ терпѣливо и мужественно, лелѣя себя надеждою, что за то послѣ качки все покажется въ лучшемъ видѣ. Такой человѣкъ, можно сказать, мученикъ ради своего пылкаго воображенія; за то и у него бываютъ радостные дни, когда солнце во всей своей красѣ тихо плыветъ по прекрасному лазуревому небу, когда море точно уснуло, купая въ своихъ водахъ чудесное свѣтило....

Тутъ всѣ, даже моряки и не-поэтическаго темперамента, высыпаютъ на верхъ, любуются небомъ, любуются безбрежнымъ моремъ и его безчисленными прекрасными обитателями, весело играющими на самой поверхности. Въ это время всѣ на суднѣ живутъ только настоящимъ, совершенно забывъ прошедшія невзгоды. Кто прежде проклиналъ море во время бури и качки, тотъ больше всѣхъ теперь хвалитъ его и восхищается имъ. Всѣ довольны, всѣ веселы.... На долго-ли? До первой бури, до перваго дождя и первой качки! А тамъ опять посыплются на бѣдное море проклятія, какъ будто оно виновато, опять впадутъ всѣ въ свирѣпое настроеніе духа.... Такимъ образомъ, для всѣхъ почти моряковъ (кромѣ «морскаго человѣка» или Куперовскаго loup de mer, разумѣется) морская жизнь имѣетъ свои радостныя и грустныя минуты, свои свѣтлыя и темныя стороны....

Скажу теперь нѣсколько словъ о любви и преданности къ морю на-

шего русскаго матроса, какого нибудь Сеньки-пастуха, Прошки-свинопаса, Макарки-рыбака и т. д.

Откровенно сказать, любви въ нихъ къ морю не видать никакой, а преданности еще тѣмъ меньше, да и не мудрено: пасъ, напримѣръ, Прошка-свинопасъ до 20 лѣтъ свиней, пахалъ Ларька-мужикъ землю или закидывалъ Макарка-рыбакъ свои дрянныя сѣти въ какой нибудь рѣчушкѣ, вдругъ забрили ихъ и въ море послали.... Ну, какая можетъ тутъ явиться сразу любовь и преданность къ морю? Разумѣется никакой! Чтобы матросъ полюбилъ море, нужно съ малолѣтства пріучать его къ нему, какъ пріучаются въ Англіи, Америкѣ и Франціи, чтобы съ малыхъ лѣтъ онъ полюбилъ море и привязался къ нему; а не перерождать человѣка уже тогда, когда онъ возмужалъ, окрѣпъ и всѣ его мысли направлены не къ морю, а скорѣе къ полю.

Правду сказать, изъ русскаго мужика можно образовать хорошаго матроса, смѣлаго, неустрашимаго, ловкаго, но все-таки не преданнаго морю; изъ него точно также можно образовать и хорошаго солдата, что совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ, куда онъ попадетъ,—во флотъ или армію. Попалъ онъ разъ во флотъ, онъ дѣлается если не хорошимъ, то порядочнымъ, матросомъ; попалъ — въ армію дѣлается такимъ же солдатомъ, какимъ бы былъ матросомъ. У насъ нѣтъ такихъ мужиковъ, чтобы во флотъ они годились, а въ армію нѣтъ; каждый мужикъ годенъ куда угодно, только бы ростъ не помѣшалъ: и въ армію, и въ гвардію, и во флотъ, и если онъ дѣйствительно хорошъ, то вездѣ будетъ хорошъ, худъ,—то вездѣ худъ, куда его ни сунь. Главная причина этого заключается въ томъ, что русскій мужикъ не имѣетъ особенной привязанности ни къ одному роду службы, легко свыкается и покоряется своей участи....

Въ настоящее время выбираютъ въ матросы по большей части изъ мужиковъ Вологодской, Архангельской и т. п. губерній, въ которыхъ воды побольше, но этимъ мало достигается та цѣль, къ которой стремятся: кого изъ матросовъ ни спросишь, плавалъ ли онъ когда нибудь раньше, всегда одинъ отвѣтъ:

— Съ роду, ваше б—іе, не плавалъ, и окромя сохи ничаво не видалъ. Ну, какой же я, ваше б—іе, матросъ.

А то и другой отвѣтъ:

— Какъ не плавалъ, ваше б—іе, плавалъ; рыбакомъ былъ, такъ на р. Вытегрѣ рыбу цѣльный годъ сѣтями ловилъ. Бывало и по озеру (Кубенскому) плавалъ, только далече отъ берега не ходилъ, развѣ сажонъ на 20 отойдешь, закинешъ сѣть, да и тащишь ее на бе егъ. А

все-жъ, ваше б—іе, что я за матросъ, когды окромя рыбы ничаво не видалъ, и окромя какъ на лодкѣ рыбачей ни на какомъ кораблѣ не плавалъ и такой махины, какъ нашъ конвертъ (корветъ) съ роду не видывалъ?

Такимъ образомъ любви къ морю въ матросахъ не видать никакой, а что просятся они въ заграничное плаваніе, такъ это по другимъ причинамъ, а не изъ преданности и любви къ бурной стихіи. Одинъ просится, чтобы по возвращеніи изъ труднаго плаванія съѣздить въ свою деревню, другой — чтобы скопить на черный день лишнюю копѣйку, третій—заглушить въ сердцѣ своемъ какую нибудь несчастную любовь и т. д. Такимъ образомъ, каждый матросъ, просясь въ «безвѣстную» [1]), имѣетъ въ виду какую нибудь выгоду, какую нибудь цѣль, но никакъ не преданность и любовь къ морю....

Позже, когда я нѣсколько короче познакомлюсь съ нѣкоторыми избранными мною натурами, я постараюсь полнѣе передать тѣ причины, заставляющія большинство нашихъ матросиковъ проситься въ дальнее заграничное плаваніе, добровольно покинуть родину и даже, можетъ быть, семейство.

---

[1]) Матросы кругосвѣтное плаваніе называютъ «безвѣстною», потому что не извѣстно время возвращенія въ Россію.

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Берлинъ. — Желѣзная дорога. — Общій видъ города. — Опера. — Поѣздка въ Постдамъ. — Парки и дворцы.

Исправленія различныхъ поврежденій корвета, полученныхъ въ штормъ 1-го ноября, задержали насъ въ Килѣ такое продолжительное время, что я рѣшился посѣтить столицу Германіи —Берлинъ, находящійся въ 18 часахъ ѣзды по желѣзной дороги.

9-го ноября отправился я изъ Киля на второмъ поѣздѣ; погода, къ несчастью, стояла пасмурная и сырая, вслѣдствіе чего не было никакой возможности слѣдить за быстро мелькающими мимо поѣзда окрестностями; но нужно было только кутаться и закрываться со всѣхъ сторонъ. Лишившись такимъ образомъ развлеченія—любоваться быстро измѣняющими свой видъ мѣстностями, по которымъ несся нашъ поѣздъ я, поневолѣ, обратилъ вниманіе на купэ, въ которомъ сидѣлъ въ обществѣ почтеннаго старца—гамбургскаго купца, его жены и дочери.

Отдѣлка купэ, (я ѣхалъ во 2-омъ классѣ) удобная и роскошная; сидѣть чрезвычайно просторно и мягко; въ ногахъ положены, по случаю довольно свѣжей погоды, желѣзные придолговатые ящики съ теплою водою, которая, по мѣрѣ остыванія, постоянно возобновляется; илюминаторъ со стеариновою свѣчею помѣщается въ перегородкѣ и, по желанію пассажировъ, можетъ быть задернутъ зеленою занавѣскою. Надъ головами, въ перегородкахъ, вбиты крючки и устроены особенныя сѣтки, куда можно вѣшать и класть весь, имѣющійся при себѣ, багажъ, который, по большей части у практичныхъ и расчетливыхъ людей, доходитъ до значительнаго вѣса, потому что общество желѣзныхъ дорогъ позволяетъ брать въ вагонъ все, что только можетъ унести пассажиръ въ рукахъ. Помѣщеніе 3-го класса отличается отъ втораго тѣмъ, что тамъ, вмѣсто мягкихъ, обитыхъ малиновымъ плисомъ, дивановъ, поставлены деревян-

ные, на которыхъ сидѣть однако довольно просторно и достаточно удобно, хотя нѣсколько жестко. Для бѣдныхъ людей устроены еще четвертый классъ, въ которомъ стоитъ ѣхать чрезвычайно дешево, но при этомъ пассажиры должны всю дорогу стоять или, если есть мѣсто, хоть сидѣть и даже лежать на голомъ полу.

Поѣздъ трогался и останавливался безъ всякаго сотрясенія и толчка, шелъ плавно, не качаясь и почти безъ шуму; всему этому я очень удивлялся, привыкнувши къ тряскому и неровному полотну нашихъ желѣзныхъ дорогъ, къ плохому соединенію вагоновъ, которые при первомъ движеніи поѣзда даютъ такой толчокъ, что нужно быть очень предусмотрительнымъ, чтобы избѣгнуть невольныхъ поклоновъ своимъ сосѣдямъ. За границею, по такимъ прекраснымъ дорогамъ, смѣло можно пропутешествовать сряду нѣсколько сотъ верстъ, не почувствовавъ въ тѣлѣ никакой ломоты и боли, а въ Россіи и послѣ ста верстъ на-силу расправишь тѣло, потерпѣвшее въ этотъ небольшой переѣздъ тысячи толчковъ, подскакиваній и т. п. непріятные для тѣла сюрпризы.

Кромѣ того, меня поразило на заграничной желѣзной дорогѣ то, что остановка поѣзда совершается на полномъ ходу и притомъ чрезвычайно быстро; нѣтъ того несноснаго уменьшенія хода чуть ли не въ пяти верстахъ отъ станціи, которое введено у насъ въ Россіи, и только раздражающее нетерпѣніе пассажировъ.

Причина этой быстрой остановки, какъ мнѣ объяснили,—вновь изобрѣтенные тормаза, которые на полнымъ ходу останавливаютъ поѣздъ менѣе чѣмъ въ $1\,^1/_2$ минуты, причемъ вагоны и полотно дороги не терпятъ никакого поврежденія. Я слышалъ также, что и въ Россіи подумываютъ примѣнить эти вновь изобрѣтенные тормаза къ нашимъ вагонамъ, но нужно замѣтить, еще только думаютъ, а когда примѣнятъ, то это покрыто мракомъ неизвѣстности, и вѣроятно уже будущее поколѣніе воспользуется этимъ удобствомъ, а не мы. Быстро пролетѣлъ поѣздъ пространство, отдѣляющее Киль отъ Гамбурга, и влетѣлъ въ Альтону, родную сестру вольнаго города, связанную съ нимъ неразрывными узами. Полотно дороги шло здѣсь по самому городу, между домами; мимо оконъ вагона мелькали непрерывные ряды прекрасныхъ зданій, около которыхъ по тротуарамъ толпилась разноколиберная публика; по мостовой неслись экипажи, лошади которыхъ нисколько не пугались идущаго тихимъ ходомъ поѣзда. Черезъ минуту поѣздъ вылетѣлъ на бережную Эльбы, и замелькали теперь передъ глазами купеческія суда, пароходы шлюбки и дома, виднѣющіеся по другую сторону рѣки. Еще минута и поѣздъ остановился. Мы уже въ Гамбургѣ, а я, откровенно сказать, и

не замѣтилъ конца Альтоны и начала Гамбурга, такъ срослись эти два дружные города, такъ сплотились они въ одинъ. По пріѣздѣ въ Гамбургъ, нужно было пересаживаться на другой поѣздъ, идущій въ Берлинъ, причемъ пришлось прождать его отправленія около двухъ часовъ, которые я употребилъ на прогулку по нѣсколько знакомому уже городу. Было совершенно темно, когда явился я въ Берлино-Гамбургскій воксалъ, гдѣ прежде всего потребовали отъ меня мои вещи, на которыя, послѣ тщательнаго ихъ осмотра таможенными, налѣпили какіе-то билетики, а меня отпустили съ Богомъ. Тутъ я узналъ, что при провозѣ какихъ бы то ни было вещей нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и предъявлять ихъ лучше всего таможенному, который уже и разсудить нужно ли платить пошлину или нѣтъ. Иначе, если безпошлинный провозъ какой нибудь вещи запрещенъ, а вы ее не предъявили заранѣе, присутствующему въ воксалѣ таможенному чиновнику, то васъ заставятъ заплатить за контрабанду большой штрафъ и, кромѣ того, отберутъ эту вещь. При этомъ нужно замѣтить, что къ числу запрещенныхъ вещей относятся чуть-ли не всѣ, которыя можетъ только путешественникъ пріобрѣсть въ Гамбургѣ....

Наконецъ поѣздъ тронулся и полетѣлъ къ желанной цѣли—въ Берлинъ. Было довольно поздно, и я, воспользовавшись свободнымъ мѣстомъ въ купэ, сладко уснулъ и проспалъ вплоть до Берлина, въ который поѣздъ прибылъ въ 6 часовъ утра.

Только что я вышелъ изъ вагона, какъ, узнавъ во мнѣ иностранца, окружили меня услужливые комисіонеры, при чемъ каждый изъ нихъ старался прежде другаго сунуть мнѣ въ руки какіе-то билеты, карточки и объявленія. Одинъ изъ нихъ предлагалъ «прекрасныя меблированныя комнаты, отдающіяся помѣсячно, понедѣльно и даже посуточно за очень дешевую цѣну; другой—хорошаго портнаго, шьющаго очень дешево изъ лучшихъ матерьяловъ и при томъ въ однѣ сутки пару платья; третій—сапожника, четвертый—перчаточника и т. д. Я не зналъ кого слушать, и, чтобы отдѣлаться отъ вѣжливо предлагаемыхъ услугъ комисіонеровъ, началъ брать отъ нихъ всѣ подаваемыя мнѣ карточки и объявленія, которыя, при первой возможности, постарался выбросить вонъ.

Комисіонеры, довольные тѣмъ, что я взялъ отъ нихъ объявленія ихъ патроновъ, оставили меня въ покоѣ, кромѣ одного, предлагавшаго хорошее и дешевое помѣщеніе: онъ не переставалъ вертѣться около меня, приглашалъ садиться въ карету и отправляться, какъ можно скорѣе, въ рекомендованный имъ отель. Я наконецъ принялъ его предложеніе,

но, желая послѣ 18 часовой ѣзды нѣсколько перекусить, просилъ его немного подождать. Онъ было этому воспротивился, увѣряя, что на станціи возьмутъ съ меня за все въ три-дорога, между тѣмъ какъ въ отели накормятъ чуть-ли не даромъ, но я не обратилъ вниманіе на его слова и заказалъ завтракъ, за который, вопреки увѣреніямъ комисіонера, взяли съ меня чрезвычайно дешево, сравнительно съ громадными и безбожными цѣнами, которыя берутъ съ путешественниковъ на всѣхъ русскихъ станціяхъ.

Сѣлъ завтракать; только что успѣлъ проглотить первый кусокъ, влетаетъ въ дверь прусскій морякъ и, увидя меня (я былъ въ формѣ), быстро подходитъ и рекомендуется:

«Unterlieutenant Zur See Wachenhusen», причемъ крѣпко пожалъ мою руку.

Я отрекомендовался и предложилъ новому знакомцу со мною позавтракать. Онъ принялъ мое приглашеніе, приказавъ подать чашку кофе и порцію бифштекска. Завязался разговоръ, грозившій достигнуть огромной оживленности, но, благодаря моему плохому знанію нѣмецкаго языка, оставшійся сдержаннымъ. Черезъ четверть часа влетаютъ въ зало еще два морскихъ офицера и прямо подходятъ къ намъ. Мой знакомый сейчасъ же имъ меня отрекомендовалъ:

«Русскій морской офицеръ такой-то, служитъ па корветѣ «Аскольдъ», идущемъ въ кругосвѣтное плаваніе».

Начались рукопожатія и всякаго рода пожеланія о счастливомъ окончаніи труднаго плаванія. Черезъ минуту мы уже сидѣли за общимъ столомъ, ѣли и пили, какъ добрые и старые знакомые. Разговоръ пошелъ оживленнѣе, потому что трое слушали меня одного, и что одинъ не понималъ, то понималъ другой или третій и передавалъ своимъ товарищамъ и т. д.

При этомъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что они нисколько не потѣшались моимъ коверканьемъ нѣмецкихъ словъ; напротивъ, они слушали меня очень серьезно и внимательно, стараясь всѣми силами вникнуть въ смыслъ хитро сплетенныхъ мною фразъ. Такимъ образомъ пробесѣдовали мы цѣлый часъ, при чемъ я узналъ, что они, также какъ и я, въ первый разъ пріѣхали въ Берлинъ и желали бы съ нимъ познакомиться. Я предложилъ имъ съ сегодняшнаго же дня начать подробный осмотръ ихъ столицы, на что они съ удовольствіемъ согласились и обѣщали за мною заѣхать. Поболтавъ еще съ минуту и назначивъ часъ свиданія мы крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись. Я отыскалъ своего комисіонера, который усадилъ меня въ уже готовую карету, самъ сѣлъ,

на козлы, и мы отправились въ рекомендованный имъ Hôtel St. Petersbourg, находящійся подъ Липами—чудесное мѣсто для прогулокъ берлинской публики.

Подъ Липами — прекрасная улица, длиною около 2000 шаговъ, начинается отъ такъ называемой Оперной площади и кончается—Парижскою. Во всю длину она обсажена деревьями, въ четыре ряда изъ которыхъ большая часть—липы и каштаны; они дѣлятъ всю улицу на пять продольныхъ аллей, изъ которыхъ двѣ предназначаются для экипажей, двѣ—для верховой ѣзды и одна, самая широкая, лежащая посрединѣ — для пѣшеходовъ. Улица постоянно очень оживлена; всѣ пять аллей переполнены гуляющею публикою, то въ роскошныхъ колярскахъ, то верхомъ на дорогихъ арабскихъ лошадяхъ, то пѣшкомъ. Это мѣсто служитъ сборнымъ пунктомъ всей берлинской аристократіи; здѣсь щеголяетъ она своими дорогими нарядами, великолѣпными экипажами, тысячными рысаками. . . . Вся улица, по бокамъ, обстроена прекрасными домами, занятыми роскошнѣйшими магазинами, кондитерскими и ресторанами. . . .

Остальныя улицы Берлина, широкія и прямыя, расположены правильно и содержатся необыкновенно чисто; вымощены онѣ булыжникомъ или прямоугольными каменными плитками; по обѣимъ сторонамъ ихъ находятся довольно глубокія канавки постоянно по которымъ, протекаетъ вода изъ водопроводовъ и смываетъ стекающую туда грязь. На нѣкоторыхъ улицахъ положены въ видѣ рельсъ полоски плитняка, по которымъ двигаются тяжело-нагруженные возы. Всѣ улицы содержатся, какъ я сказалъ, въ необыкновенной чистотѣ; въ Берлинѣ не знаютъ даже, что такое грязь, и, я полагаю, берлинскіе жители были бы поражены, увидя пресловутыя наши грязи Песковъ, Петербургской стороны и т. п. петербургскихъ трущобъ, по которымъ, въ большую часть года, ни пѣшему не пройти, ни конному не проѣхать. Особенно же чистота улицъ поражаетъ почти каждаго путешественника, и не мудрено, потому что въ Берлинѣ заботятся, пекутся о томъ, чтобы онѣ выглядѣли по возможности чище. Особая команда, организованная на военный образецъ, предназначается для чистки всѣхъ берлинскихъ улицъ; команда эта, носящая особую форму, ежедневно мететъ ихъ, но не метлами, какъ у насъ, а густыми, жесткими щетками, отчего улицы всегда чисты до необычайности, камни блестятъ, какъ полированные.

Ѣдучи въ отель, я любовался этою нѣмецкою чистотою, этими организованными командами, съ чрезвычайною акуратностью счищающими съ улицъ грязь до послѣдней капли.

Было утро — самый разгаръ торговли: здѣсь огромныя фуры, нагруженныя всякою всячиною, медленно и скрипя двигаются къ рынку; тамъ здоровенныя собаки, высунувъ языки, тащатъ изо всѣхъ силъ небольшія телѣжки, нагруженныя молокомъ, яицами, зеленью, овощами и т. п. сельскими произведеніями; кухарки и повара съ мѣшками въ рукахъ торопятся за провизіею, перегоняя другъ друга и спѣша раньше другихъ придти на рынокъ, чтобы успѣть присмотрѣться и поторговаться; гимназисты, съ ранцами за плечами, весело разговаривая и подпригивая, торопятся сѣсть на школьную скамью; небольшіе отряды солдатъ, высокихъ и молодыхъ, мѣрно отбивая ногами тактъ, спокойно движутся, какъ автоматы, въ разныхъ направленіяхъ. . . . Повсюду видно какое-то оживленіе пробуждающагося города, слышится скрипъ телѣгъ, фуръ, шумный говоръ, и стукъ, плавно двигающихся, общественныхъ экипажей. Однимъ словомъ вы услышите всѣ звуки, слышимые и въ другихъ городахъ, но не услышите, къ удивленію, собачьяго лая или визга....

Всѣ собаки ведутъ себя какъ-то чинно и благопристойно; всѣ онѣ заняты своимъ дѣломъ, нисколько не обращая вниманія на окружающіе предметы; а праздношатающихся собакъ почти не видать, и все это благодаря попеченію берлинской полиціи. Въ Берлинѣ вы не увидите ни одной собаки безъ намордника, вслѣдствіе чего не только рабочія, но и балованныя собаки ведутъ себя чрезвычайно скромно: не кусаются, не дерутся и почти никогда не лаятъ. За каждую собаку, которую держатъ изъ прихоти, хозяинъ ея обязанъ внести пошлину въ 3 рубля сер. Внесши пошлину, онъ получаетъ для своей собаки намордникъ съ надписью, что пошлина заплачена; если же собака безъ намордника, выданнаго отъ полиціи, то она, при первомъ появленіи на улицѣ, попадаетъ въ руки людей, которые отводятъ въ особенное помѣщеніе за городъ, гдѣ она подвергается трехдневному карантину и затѣмъ убивается, если въ это время не пришелъ ея хозяинъ и не внесъ штрафъ (1 р. с.) за невнесеніе пошлины. Сбираемая такимъ образомъ съ собакъ сумма очень значительна, и идетъ на содержаніе берлинскихъ улицъ....

За рабочихъ собакъ пошлинъ не платятъ и онѣ даже пользуются нѣкоторымъ почетомъ, потому что для бѣдныхъ людей замѣняютъ лошадь; ихъ хорошо кормятъ и не бьютъ. Упряжь собакъ англійская и впрягаются онѣ въ одиночку или парами. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ умныя животныя дружно тянутъ свои телѣжки, слѣдуя за хозяиномъ, который идетъ себѣ впереди, заложивъ руки въ карманы, да посвистываетъ. Нетолько въ Берлинѣ, но и въ Гамбургѣ, Килѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ мелькаютъ такія телѣжки, запряженныя собаками...

Но вотъ я и въ отели; мнѣ отвели удобную комнату, въ которой я началъ уютно располагаться; вдругъ отворяется дверь и входитъ мой комиссіонеръ.

— Что вамъ угодно? спрашиваю.

— Позвольте узнать, сколько времени думаете вы остаться въ Берлинѣ? отвѣчаетъ онъ на мой вспросъ вопросомъ же.

— Дня три или четыре.

— Такъ позвольте вашъ паспортъ, я предъявлю его въ полицейское управленіе (Polizeiprasidium).

— Зачѣмъ? спрашиваю.

— Въ Берлинѣ ужъ такъ заведено, отвѣчаетъ комиссіонеръ, если путешественникъ прибудетъ сюда съ намѣреніемъ остаться въ городѣ менѣе сутокъ, то долженъ предьявить свой паспортъ, не позже четырехъ часовъ по пріѣздѣ, полицейскому начальнику той части города, въ которой остановился; если же онъ намѣревается прожить въ Берлинѣ больше сутокъ, то свой паспортъ обязанъ предъявить въ полицейское управленіе, которое, вмѣсто него, выдаетъ ему временной видъ для прожитія, и его недурно имѣть всегда при себѣ, чтобы избѣжать какихъ нибудь недоразумѣній.

Я слушалъ и дивился такому порядку, дивился также необыкновенной подозрительности берлинской полиціи, и это ей чести не дѣлаетъ. У меня былъ видъ, взятый на всякій случай отъ русскаго консула въ Килѣ, который я и отдалъ своему услужливому комиссіонеру, а вмѣсто него, не болѣе какъ черезъ часъ, получилъ уже временной видъ на прожитіе.

Такимъ образомъ я устроился и ждалъ своихъ новыхъ знакомыхъ, которые обѣщали зайти за мною около двѣнадцати часовъ. Наконецъ они явились, дружески поздоровались, какъ будто были знакомы со мною чуть ли не пять лѣтъ, и предложили сейчасъ же отправляться на изслѣдованія. Я ихъ не задержалъ, потому что былъ уже готовъ, и мы вышли. Прежде всего прогулялись подъ знаменитыми Липами и, вдоволь налюбовавшись огромною массою роскошно одѣтой публики, мы наняли превосходный экипажъ и рѣшили остальную часть этого дня посвятить наружному осмотру города.

Я не буду описывать самаго города, который уже слишкомъ хорошо извѣстенъ и подробности о которомъ можно найти въ любо[illegible] гидѣ.

Осмотрѣвъ почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя зданія и памятники, объѣхавши при этомъ чуть-ли не весь городъ, мы направились къ Оперѣ, въ которой давали сегодня одну изъ лучшихъ оперъ, «Норму». По пріѣздѣ къ театру, мнѣ прежде всего бросились въ глаза совершен-

ное отсутствіе полиціи и жандармовъ; кареты и другіе экипажи быстро подъѣзжали къ подъѣздамъ, высаживали публику, отъѣзжали безъ криковъ и шума и становились на свои мѣста въ порядкѣ, какъ будто бы ими руководила какая нибудь невидимая власть; пѣшеходы, торопящіеся на представленіе, не толпились у подъѣзда, но входили чинно и безъ толкотни. Повсюду видѣнъ былъ необыкновенный порядокъ, но не видно было при этомъ ни одной полицейской власти. Вошелъ въ театръ; ну, думаю, вѣроятно и въ Берлинѣ, какъ въ Петербургѣ, подадутъ, вмѣсто афиши какой нибудь грязный и сѣрый клокъ бумаги, взявъ за него при этомъ десять копѣекъ; пришли также на умъ и капельдинеры нашихъ, театровъ, берущіе за храненіе платья двадцать, а то, смотря по обстоятельствамъ, и тридцать копѣекъ. Каково же было мое разочарованіе и въ то же время удивленіе при видѣ совершенной противуположности....

Во-первыхъ, за храненіе платья взяли не двадцать или тридцать копѣекъ, а всего только 6 (2 гроша), затѣмъ за афишу взяли не десять копѣекъ, а въ три раза меньше (3 коп. 1 грошъ), но при этомъ нужно сознаться, что афиша берлинскихъ театровъ по меньшей мѣрѣ въ сто разъ лучше тѣхъ грязныхъ и сѣрыхъ клочковъ бумаги, издаваемыхъ многоуважаемымъ г. Вольфомъ, которые и въ рукахъ-то совѣстно подержать не только что читать. Вообразите себѣ, подали мнѣ за три копѣйки большой, изъ прекрасной бумаги, листъ, аккуратно сложенный и весь испечатанный, однимъ словомъ, не афишу, а цѣлую газету, название которой «Театральная междуактная газета» (Theater Zwischenakts-Zeitung). Въ ней вы можете прочитать не только всѣ театральныя новости, но даже и множество частныхъ объявленій, чтеніе которыхъ можетъ служить большимъ развлеченіемъ между антрактами, такъ какъ выходъ изъ креселъ чрезвычайно неудобенъ, вслѣдствіе чего большая часть публики остается на своихъ мѣстахъ, просматривая вышеупомянутую афишу, либретто или даже ноты, которыя носятъ съ собою любители музыки и внимательно слѣдятъ по нимъ за правильностью пѣнія. На первой страницѣ театральной газеты напечатано: оглавленіе играемой пьесы и всѣ дѣйствующія лица, затѣмъ цѣны мѣстамъ (которыя непостоянны, но всегда очень небольшія), объявленія о слѣдующихъ представленіяхъ, а также что давали въ послѣднее время въ другихъ театрахъ, каково было въ нихъ стеченіе публики и какъ шло представленіе; въ концѣ страницы напечатаны всѣ театральныя новости, какъ-то: бракосочетаніе, болѣзнь и смерть артистовъ, гдѣ они давали концерты и т. п. На слѣдующихъ трехъ страницахъ Театральной газеты помѣщено множество частныхъ объявленій, публикацій и т. п.....

Представленіе шло отлично, играли, какъ и слѣдовало ожидать, превосходно. Хорошему и ясному пѣнію много способствовалъ отличный резонансъ театра, въ которомъ могутъ даже пѣть артисты съ слабымъ голосомъ и между тѣмъ публика ясно и отчетливо будетъ слышать все пѣніе. Оперная зала имѣетъ четыре яруса ложъ и можетъ вмѣстить около 3000 человѣкъ.

Бывши въ театрѣ, нельзя не упомянуть объ одной особенности, которую я замѣтилъ въ обращеніи берлинской, да и вообще всей нѣмецкой публики, съ артистами. Нѣмцы никогда не аплодирують во время игры или при первомъ выходѣ какой нибудь знаменитой артистки, какъ бываетъ обыкновенно на нашихъ театрахъ. Нѣтъ, они ждутъ совершеннаго окончанія цѣлой сцены и тогда только позволяютъ себѣ громомъ рукоплесканій и восторженными вызовами отблагодарить артистокъ или артистовъ за доставленное удовольствіе, за ихъ талантливое пѣніе и игру. Этою выдержанностью они не мѣшаютъ артистамъ продолжать, а остальной публикѣ слушать пѣніе.

Уже поздно речеромъ возвратился я въ отель, заранѣе условившись съ своими новыми знакомцами-моряками, слѣдующіе два или три дня посвятить внутренному осмотру замѣчательныхъ зданій, храмовъ, музеумовъ, увеселительныхъ заведеній и, если успѣемъ, наконецъ посѣтить Берлинскія окрестности, изъ которыхъ стоитъ обратить вниманіе путешественниковъ на Шарлотенбургъ, маленькій городокъ, въ $^3/_4$ миляхъ отъ Берлина, и Потсдамъ, вторую резиденцію Германскаго императора....

На слѣдующій день, рано утромъ, мы рѣшили прежде всего осмотрѣть замѣчательные храмы и музеумъ.

Было уже темно, когда мы окончили наши послѣдніе осмотры, и потому рѣшили, что наступившее теперь время болѣе всего удобно для посѣщенія какого нибудь увеселительнаго заведенія. Долго спорили куда ѣхать, но наконецъ согласились, при вмѣшательствѣ нашего возницы, посѣтить увеселительные заведеніе—зимній садъ г. Кроля (Kroll's Wintergarten), находящійся у Брандербургскихъ воротъ. Поѣхали, думая найти что нибудь обыкновенное, уже виданное; но каково было наше удивленіе, когда мы вошли въ огромную, роскошнѣйшую залу (въ 100 футовъ длины, 80 ширины и 40 вышины), съ фантастическимъ освѣщеніемъ и убранствомъ. Шесть чудесныхъ люстръ, съ 900 газовыхъ рожковъ, разливали по залѣ какой-то волшебный блескъ; золоченые пилястры, оканчивающіеся великолѣпными каріатидами, работы профессора Фишера, поддерживали артистически расписанный потолокъ, на которомъ, среди живописно разбросанныхъ цвѣтовъ, красовались въ медальонахъ

портреты знаменитѣйшихъ артистовъ и поэтовъ всѣхъ временъ. Двѣ другія, нѣсколько меньшаго размѣра, залы и около шести комнатъ слѣдовали за первою; убраны онѣ были съ такимъ же вкусомъ и царскою роскошью. Множество публики толпилось по заламъ, шумя и весело разговаривая, съ нетерпѣніемъ ожидая концерта, который долженъ былъ дать здѣсь г. Кроль при участіи лучшихъ артистовъ королевскихъ театровъ. Концертъ былъ великолѣпенъ и закончился, какъ и слѣдовало ожидать, громомъ восторженныхъ рукоплесканій и шумными вызовами всѣхъ артистовъ.

Поздно вечеромъ возвратился я въ отель, измученный и разбитый чуть-ли не двѣнадцатичасовою прогулкою. Все видѣнное показалось мнѣ уже не въ такомъ видѣ прекрасномъ видѣ, потому что тѣло и кости мои вопили о хорошей высыпкѣ и отдыхѣ, что я, конечно, съ удовольствіемъ исполнилъ и заснулъ богатырскимъ сномъ, съ надеждою встать на слѣдующій день достаточно бодрымъ для того, чтобы совершить предположенную поѣзку въ Потсдамъ.

Всю ночь лѣзли мнѣ въ голову различныя муміи, гробницы, статуи, памятники и т. п. вещи, видѣнныя мною въ продолженіе дня, и я во снѣ совершилъ чуть ли не вторичный осмотръ всѣхъ Берлинскихъ достопримѣчательностей. На утро всталъ я съ необыкновенною головною, болью, но поѣздку нашу въ Потсдамъ все-таки не хотѣлъ откладывать потому что наступившій день долженъ былъ быть послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ Берлинѣ, а быть въ Берлинѣ, и не быть въ Потсдамѣ, какъ-то совѣстно, даже безбожно. Кромѣ того, былъ вторникъ, слѣдовательно одинъ изъ тѣхъ именно дней, въ который должны быть открыты потсдамскіе фонтаны, которые давно мнѣ хотѣлось видѣть и сравнить съ петербургскими.

Потсдамъ находится въ 4 миляхъ (28 верстъ) отъ Берлина; черезъ три четверти часа ѣзды мы были уже на мѣстѣ. Городъ съ 40,000 жителей, вторая резиденція Германскаго императора, чрезвычайно прелестно раскинута по берегу живописной рѣки Гавель.

Дома города по большей части очень красивы, улицы прямыя съ прекрасными мостовыми, чистыми до педантизма.

Первое, что бросается въ глаза, при въѣздѣ въ Потсдамъ, это королевскій дворецъ—старинное зданіе (начато оно въ 1660 году, а окончено въ 1701 г.), служившее резиденціею Фридриху Великому, Наполеону I въ 1806 году, Фридриху Вильгельму III и наконецъ нынѣ царствующему императору. Онъ расположенъ на берегу р. Гавеля между нимъ и рѣкою раскинутъ превосходный Садъ Удовольствія (Lust-

garten), состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ частей: изъ плацъ-парада и собственно сада.

Въ саду красуются нѣсколько бронзовыхъ бюстовъ въ память знаменитыхъ генераловъ: Клейста, Бюлова, Іорка, Тауэнцина, Блюхера, Гнейзенау, Шарнгорста, Герцога Карла Мекленбургскаго и др. На самомъ видномъ мѣстѣ, на берегу р. Гавеля, стоитъ бронзовый бюстъ, императора Александра I. Кромѣ статуй, въ саду достоинъ вниманія чудесный бассейнъ, въ 340 футовъ длиною и 142 фута шириною, въ срединѣ котораго поставлена колоссальная группа, состоящая изъ Венеры, Тритона, Нептуна; въ другихъ мѣстахъ бассейна разбросаны двѣнадцать мраморныхъ миѳологическихъ статуй.

Паркъ украшенъ превосходными дворцами Санъ-Суси, Новымъ дворцомъ и Шарлоттенгофъ, а также чудесными фонтанами, проэктированными самимъ Фридрихомъ Великимъ. Лучшій фонтанъ, не уступающій Петергофскому Самсону, называестя главнымъ (Hauptfontaine); онъ состоитъ изъ огромнаго, выложеннаго каррарскимъ мраморомъ, бассейна (діаметръ его почти 130 футовъ), въ срединѣ котораго бьетъ на высоту 114 футовъ превосходный фантанъ.

Около дворца Санъ-Суси замѣчателенъ гротъ Нептуна, украшенный прелестными каскадами, Сицилійскій садъ съ множествомъ растеній, привезенными съ острова Сициліи, Paradiesgarten—съ римскими банями и каскадами и, наконецъ, пройдя одну аллею, Новый дворецъ, выстроенный въ 1769 году.

Продолженіемъ парка Санъ-Суси служитъ паркъ прелестнаго небольшаго дворца Шарлоттенгофъ, построеннаго императоромъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV еще въ то время, когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ.

Дворецъ этотъ окруженъ прекрасными фонтанами и статуями, изъ которыхъ особенно хороши Парисъ, Амазонка, Меркурій, Аполлонъ, и Фавнъ.

Изъ другихъ окрестностей Потсдама замѣчательны: лѣсистая возвышенность Бабельсбергъ, на которой расположенъ, построенный въ 1835 году, архитекторомъ Персіусомъ, дворецъ принца прусскаго, окруженный превосходными каскадами и фонтанами, изъ которыхъ самый лучшій бьетъ на 130 футовъ высоты; русская колонія Александровка, состоящая изъ нѣсколько избъ и православной церкви; Мраморный [1])

---

[1]) Дворецъ выстроенъ изъ кирпича, а не мрамора, какъ можно было бы судить по его названію.

дворецъ, лежащій недалеко отъ Александровки, и наконецъ Павлиній островъ (Pfaninsel) — любимое мѣстопребываніе покойнаго короля Фридриха Вильгельма III. Островъ этотъ не соединенъ съ берегомъ постояннымъ мѣстомъ, вмѣсто котораго устроенъ чудесный паромъ.

Королевскую виллу съ двумя четвероугольными башнями, соединенными желѣзнымъ мостомъ, пальмовый домъ съ мраморною индѣйскою пагодою, садъ розъ и наконецъ превосходную пристань, представляющую въ миніатюрѣ пристань для англійскихъ фрегатовъ (подарокъ Англійскаго короля Георга IV) можно отнести къ наилучшимъ украшеніямъ Павлинаго острова.

По осмотрѣ прелестнаго Pfauninsel, мы отправились въ обратный путь; мои знакомцы моряки пожелали еще посѣтить городокъ Шарлоттенбургъ, но мнѣ съ ними ѣхать не удалось, потому что я уже долженъ былъ пуститься въ обратный путь. Распростившись съ ними, я покатилъ въ Берлинъ, а черезъ два часа уже несся по направленію къ Килю....

Побывавши въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, я забылъ еще упомянуть о нѣсколькихъ, мною замѣченныхъ, особенностяхъ. Во первыхъ, во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, не знаю такъ-ли и въ другихъ иностранныхъ, нѣтъ обыкновенія грязнить и залѣпливать стѣны домовъ разными объявленіями и афишками, что постоянно можно замѣтить въ нашей пресловутой столицѣ—Петербургѣ, да и вообще во всѣхъ русскихъ городахъ, въ которыхъ не видать почти ни однаго дома, незалѣпленнаго какими нибудь объявленіями, по большей части красующимися по нѣскольку мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ не останутся одни висящіе клочья.

Въ Пруссіи же, во избѣжаніе таковаго грязненія и дароваго украшенія стѣнъ домовъ, устроены на самыхъ многолюдныхъ и видныхъ мѣстахъ городовъ, какъ напримѣръ на перекресткахъ, площадяхъ, базарахъ и т. д., особыя деревянныя красивыя колонны, называемыя Littfast-Säulen, на которыя и налѣпливаютъ всевозможныя объявленія, что удобно, красиво и хорошо. Не дурно было бы и въ русскихъ городахъ, хотя бы въ Петербургѣ и Москвѣ, понастроить такія коллоны: тогда хоть дома не страдали бы отъ лишнихъ украшеній—безобразныхъ клочьевъ разноцвѣтной бумаги.

ГЛАВА V.

ОТЪ КИЛЯ ДО ШЕРБУРГА И ПЛИМУТА.

Выходъ изъ Киля. — Островъ Лангеландъ. — Большой Бельтъ. — Категатъ и Скагерракъ. — Въ Нѣмецкомъ морѣ. — Доггерская банка. — Рыбаки. — Покупка рыбы. — Каналъ. — Дувръ и Кале. — Шербургъ. — Съѣздъ матросовъ на берегъ. — Плимутъ.

Къ 15 ноября корветъ былъ уже готовъ пуститься въ дальнѣйшее плаванiе: всѣ поврежденiя исправлены, уголь принятъ, корпусъ корвета, вымытый и вычищенный, блестѣлъ какъ агатъ. Немедленно отдано было приказанiе сниматься съ якоря; матросики высыпали на верхъ посмотрѣть въ послѣднiй разъ на нѣмецкiй городъ. Между тѣмъ послали шлюбку отклепать отъ бочки якорную цѣпь [1]) и черезъ пять минутъ корветъ тихо и гордо пошелъ изъ Кильской бухты, распростившись съ гостепрiимнымъ городомъ дружескими салютами. Матросики толпятся на полубакѣ, выглядываютъ отовсюду, гдѣ только существуетъ какая либо щелочка, и толкуютъ о томъ о семъ.

— А славный этотъ Киль-городъ, говорилъ черноволосый рекрутъ, только жаль кабаковъ мало; то-ли дѣло въ Кронштадтѣ, что шагъ, то кабакъ, трактиръ, али портерная какая! Жаль его, родного, братцы, право жаль!

— Невидаль што-ли твой Кронштадтъ, сердито обратился къ говорившему рекруту старый, угрюмый матросъ; вотъ погоди, побываешь во хранцузскихъ али въ гличанскихъ какихъ городахъ, такъ тамъ, не то запоешь и Кронштадтъ свой гнилой забудешь....

---

[1]) Въ Кильской бухтѣ положены для военныхъ судовъ на мертвыхъ якоряхъ бочки, за кольца которыхъ и берется якорная цѣпь, предварительно отклепанная отъ якоря. Хорошо и удобно! Стать и сняться съ бочки можно чрезвычайно быстро; какъ бы вѣтеръ ни былъ свѣжъ, стоять на бочкѣ, если подать на нее здоровую цѣпь, также безопасно, какъ и въ штиль: нисколько не сдрейфуетъ.

— Я во всѣхъ эфтихъ городахъ бывалъ, вмѣшался бойкій матросъ, когда ходилъ въ первый разъ на корветѣ. Веселые, братцы, города! Кабаковъ-те, кабаковъ-те сколько и.... упаси Господи....

— А на собакахъ въ гличанскихъ аль другихъ какихъ городахъ тоже ѣздятъ?

— Нѣтъ, братецъ ты мой, этта чисто нѣмецкая выдумка: не даромъ нѣмецъ и облизьяну выдумалъ!

— Въ жисть свою такихъ чудесъ не видывалъ, глубокомысленно началъ разсказывать рекрутъ, уставивъ руки въ бока, а тутъ Господь привелъ увидѣть! Вотъ, братцы, бѣжитъ этта собака, большущая, силища, кажись, непомѣрная и цѣлый ворохъ тащитъ за собой. И вѣдь умная какая, бестія, не лаетъ, на лошадокъ не бросается, а бѣжитъ себѣ за хозяиномъ чинно, смирно, какъ точно и въ самомъ дѣлѣ лошадь какая: не бѣсится не финтитъ....

— Ахъ, ты олухъ вологодскій, перебилъ его старый матросъ, разѣ мы слѣпы были, што намъ про все эфто разсказываешь. Еще ты, поди, въ пеленкахъ былъ, какъ я уже ходилъ кругомъ свѣта и всѣ эфти чудеса видалъ. Замолчи лучше, крыса трюмная!

— Што-жъ ты лаешься, Григорычъ, разѣ я охулку какую на тебя сказалъ? Вѣдь я ничаво такова....

— Лясъ ты не точи, мужланъ косолапый, кагды старый матросъ что-либо сказываетъ: слушай только и молчи, аль спрашивай, что хошь, а самъ ни-гугу. Вотъ поплаваешь съ годика два, аль три, тогды и самъ разсказывать станешь рекрутамъ про всѣ диковинныя вещи, а теперь молодъ еще, зеленъ—помолчи лучше....

— Эхъ, какой ты строгой сталъ, Григорычъ, и ничаво не говори таперича, что видѣлъ, упрекнулъ рекрутъ и, какъ-то безнадежно махнувъ рукою, отошелъ въ сторону.

— А что, Григорычъ, куды, скажи мнѣ, на милость, таперича мы пойдемъ? спрашиваетъ вновь подошедшій разбитной рекрутъ.

— Господа охфицеры баятъ, что напередъ пойдемъ въ Шербургъ— хранцузскаго королевства портъ, затѣмъ въ гличанскій городъ Плимутъ, а тамъ въ океанъ и тропики.

— Въ Тропики ?! А въ какомъ государствѣ онъ портъ? кабаки въ немъ есть?

— Это, братецъ, не портъ, а особое такое мѣсто среди океана, гдѣ такой жарище пышетъ, что и кабаковъ не надо.

— Вотъ оно что, въ недоумѣньи пробормоталъ рекрутъ, искоса поглядывая на Григорыча, какъ бы спрашивая: «не врешь ли»?

Но Григорычъ не удостоилъ отвѣтить на этотъ нѣмой вопросъ и отошелъ въ сторону, оставивъ своего товарища въ полномъ недоумѣньи насчетъ тропиковъ.

Я также спустился съ полубака и невольно сдѣлался свидѣтелемъ разговора еще болѣе интереснаго. У фокъ-мачты два рекрута-односельца о чемъ-то жестоко спорили, сильно размахивая руками и тыча ими одинъ другаго въ грудь. Я заинтересовался и подошелъ.

— Не ври, Мишка, озлобленно говорилъ одинъ изъ нихъ, твой унтеръ вретъ и ты съ нимъ? какъ можетъ это статься, чтобы въ заграничныхъ тѣхъ портахъ бань не было?!

— Право, Архипъ, нѣту-ти, увѣрялъ между тѣмъ Мишка, хоть сдохни нѣтути; мнѣ объ эфтомъ и не одинъ унтеръ говорилъ, самъ боцманъ тоже баялъ и господа ахфицеры съ нимъ, что нѣтути тамъ бань, какъ есть нѣтути!

— Не вѣрится, горячился Архипъ, махнувъ рукою такъ, что она чуть не смазала сосѣда по носу, не вѣрится! Задаромъ пропадешь, коли бань тамъ нѣту; вша нарочитъ заведется, часотка заморитъ, аль другая какая сквернявая болѣсть!

— Право нѣтути! хошь, такъ пойдемъ къ Якову Матфеичу: онъ насъ разсудитъ, чѣмъ тутъ лаяться будемъ.

— Валимъ къ нему, рѣшилъ нѣсколько успокоившійся, любитель бань.

Подходятъ они къ унтеру Якову Матфеичу, какъ матросы его величаютъ, робко, будто виноватые.

— Что нужно? угрюмо спрашиваетъ Яковъ Матфеичъ, замѣтя, что Архипъ съ Мишкою какъ-то неловко передъ нимъ переминаются и сердито поглядываютъ другъ на друга.

— Мы къ вашей милости, заговорилъ Архипъ, будьте милостивы, разсудите насъ. Таперичта Михайло баитъ, что бань въ заграничныхъ портахъ нѣтути, такъ правда ли эфто?

— Разумѣется правда, таперича не будетъ бань до самой Амуры.

— Какъ же басурмане, удивился Архипъ, свиньями што ли живутъ, аль грязь къ нимъ не пристаетъ?

— Я те говорилъ, сердито шипитъ между тѣмъ Михайло на ухо Архипу, я те говорилъ «нѣтъ», а ты все свое поешь: есть да есть, есть да есть, вотъ те и есть!.... Што вру, вру?!.... Погоди, голубчикъ, я съ тобою....

— Отстань, окаянный, со злостью отлаялся Архипъ, изподтишка показывая своему неотвязчивому собесѣднику здоровенный кулачище,—я

съ тобою потомъ, а таперичта дай у Яковъ Матфеича малость уму-разуму научиться....

— Такъ какже, Яковъ Матфеичъ, обратился онъ къ унтеру, такъ какже басурмане: свиньями што-ли живутъ, аль грязь скребницами съ себя счищаютъ?

— Эхъ, олухъ необразованный, сердито отвѣтилъ унтеръ, скребницами грязъ счищаютъ!? Вотъ выдумалъ!... Развѣ онѣ лошади какія.

— Не лошади, а ужъ што за люди, коли въ баню не ходятъ и въ ихъ городахъ бань нѣту.

— Безтолковъ ты этакой, за то тамъ ванныи есть.

— Ванныи?! А что-же эфто такое за ванныи?

— Это, братецъ ты мой, лохань аль корыто какое теплою водицею наливается, а ты садись и полощись, какъ утка въ лужѣ, покудова не умаешься и самъ вонъ не полезешь.

— Что-же эфто за мытье?.... Такъ нисколько и грязи съ тѣла не соскоблишь. Толи дѣло баня! Попрѣешь малость, такъ грязь сама такъ и сходитъ, хоть лопатой отгребай!

— Вотъ погоди, попрѣешь еще и безъ бани, да такъ, что и въ баню не захочешь, проклянешь ее....

— Ой-ли, усумнился Архипъ и, недовольный, отошелъ отъ Якова Матфеича, разрушившаго всѣ его дорогія мечты на счетъ бань.

Корветъ между тѣмъ уже вышелъ изъ Кильской бухты и, давъ полный ходъ, пошелъ между рядомъ прелестныхъ островковъ, виднѣющихся со всѣхъ сторонъ и теряющихся вдали въ голубоватомъ туманѣ. Вѣтеръ былъ свѣжій, попутный, что дало намъ возможность до вечера достигнуть длиннаго и узкаго острова Лангеланда, у сѣверной оконечности котораго мы и стали на якорь, не рѣшаясь въ темную ночь пройти не совершенно безопастнымъ Бельтомъ. Справа и слѣва виднѣлись незавлекательные берега островов Фіоніи и Зеландіи съ нѣсколькими бѣдными полуразрушенными рыбачьими деревеньками, раскинутыми у самой воды. Рыбачьи лодки, вытащенныя на песокъ и опрокинутыя вверхъ дномъ; громадныя сѣти, развѣшанныя на кольяхъ для просушки; босоногіе мальчики и дѣвочки, едва прикрытые лохмотьями и съ удивленіемъ глазѣющіе на незнакомое судно, придавали всей картинѣ еще болѣе унылый и жалкій видъ. Вообще любоваться берегомъ не стоило; вмѣсто того, чтобы привлекать взоры, онъ отталкивалъ ихъ; лучше сказать, окружающіе берега даже для поэта показались бы унылыми и жалкими, между тѣмъ какъ людямъ поэтическаго темперамента вся природа кажется въ болѣе розовомъ видѣ, чѣмъ прочимъ смертнымъ. Благодаря наступившей темнотѣ,

мы наконецъ избавились отъ утомляющей и въ то же время раздражающей глазъ картины....

Ночь прошла въ безпокойствѣ и постоянной тревогѣ; мимо насъ пролетали купеческія суда, которыя того и смотри, что навалятъ на корветъ и не перечтешь сколько надѣлаютъ бѣдъ намъ и себѣ. Почти всѣ купцы (въ морѣ купеческое судно называется коротко для отличія отъ военнаго просто купецъ), ради экономіи, не исполняютъ въ точности международное право и не несутъ положенныхъ огней. Большинство изъ нихъ ходитъ или совершенно безъ нихъ, или же съ такими, что ихъ едва разберешь вблизи, когда уже поздно принимать какія нибудь мѣры противъ столкновенія. Вообще на бдительность купцовъ надѣятся нельзя, а потому, стоя на якорѣ въ мѣстѣ, мимо котораго проходятъ эти суда, зорко нужно слѣдить, чтобы какой нибудь взбалмошенный купецъ не треснулъ въ бокъ своимъ здоровымъ носомъ и не пустилъ бы ко дну. Какъ только завидятъ въ темнотѣ черный, быстро приближающійся силуэтъ, съ огнями или безъ огней, то сейчасъ же стараются всѣми силами возбудить въ рулевомъ приближающагося судна надлежащую бдительность: бьютъ въ барабанъ, играютъ на рожкѣ и даже палятъ изъ пушекъ, что особенно непріятно для людей, находящихся въ теплыхъ объятіяхъ Морфея. Если же военное судно увидитъ приближающагося купца безъ огней, то имѣетъ полное право послѣ двухъ холостыхъ выстрѣловъ, которые даются въ предупрежденіе, чтобы купецъ открылъ свои огни, стрѣлять по приближающемуся судну ядрами; но къ послѣднему средству впрочемъ прибѣгаютъ очень рѣдко потому, что послѣ перваго же выстрѣла являются на купцѣ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, всѣ положенные фонари, появленіе которыхъ сопровождается обыкновенно громкими криками, чтобы не спѣшили стрѣлять во второй и наконецъ въ третій разъ, потому что купецъ уже знаетъ, какой гостинецъ послѣдуетъ послѣ втораго выстрѣла, а потому для своей безопасности моментально исполняетъ грозное требованіе военнаго судна....

На другой день, 16 ноября, снявшись съ разсвѣтомъ, корветъ продолжалъ плаваніе Большимъ Бельтомъ, Катогатомъ и Скагерракомъ, имѣя все время тихіе попутные вѣтры. Въ полторы сутки пробѣжали мы до мыса Скагена, вошли въ Скагерракъ и 17 числа вечеромъ были уже въ Нѣмецкомъ морѣ, которое приняло насъ первоначально довольно гостепріимно: дулъ ровный юго-восточный (SO) вѣтеръ, позволившій немного отдохнуть и приготовиться къ слѣдующему дню, который по всему не предвѣщалъ ничего хорошаго. И дѣйствительно, не

успѣли еще по утру протереть глаза, какъ уже на верху послышалась безпокойная бѣготня, свистъ и вой разсвирѣпѣвшаго вѣтра. Прошло еще нѣсколько минутъ и въ палубѣ раздались зычные голоса вахтенныхъ унтеровъ: «Пошелъ всѣ на верхъ рифы брать! [1]) Точно электрическій, токъ пробѣжалъ по всѣмъ матросикамъ: такъ единодушно вскочили они, быстро накинули на себя одежду и еще быстрѣе, перегоняя другъ друга, повылѣзли на верхъ.

Черезъ полчаса корветъ подъ глухо зарифленными [2]) марселями [3]) уже качался съ боку на бокъ въ разбушевавшемъ Нѣмецкомъ морѣ, и цѣлыя сутки пришлось опять испытывать несносную качку съ ея отвратительными послѣдствіями. Только къ 20 ноября вѣтеръ стихъ, море улеглось и корветъ, убравши паруса, развелъ пары и спокойно пошелъ по направленію канала Ла-Маншъ, имѣя тихій южный вѣтеръ. Въ этотъ же день, въ 2 часа пополудни, подошли мы къ Доггерской банкѣ, на которой виднѣлось множество рыбачьихъ ботовъ, смѣло пускающихся въ открытое море, на разстояніе почти 100 и 200 миль отъ берега. Небольшія суда эти, величиною отъ сорока до восьмидесяти тоннъ, управляются каждое 8 или 10 рыбаками; они выходятъ въ море большими флотами, слишкомъ въ сто судовъ, и занимаются рыбною ловлею въ различныхъ частяхъ Нѣмецкаго моря; но особенно любятъ посѣщать Доггерскую банку. Всѣ эти суда снабжены такъ называемыми траулерами, или огромными и плотными сѣтями, привязанными къ особымъ перекладинамъ, помѣщеннымъ въ кормѣ ботовъ. Сѣти эти опускаются въ воду и при маломъ ходѣ бота тащатся позади его, почти по самому дну моря, на прочныхъ веревкахъ. Потащивъ сѣть достаточное разстояніе, ботъ убираетъ паруса и, произвольно качаясь на волнахъ или же, если позволяетъ глубина, бросивъ якорь, рыбаки начинаютъ тогда выбирать сѣть, причемъ мелкая рыба запутывается въ самыхъ сѣтяхъ, а болѣе крупная загоняется въ особый мѣшокъ, идущій отъ средины сѣти.

---

[1]) «Брать рифы» значитъ уменьшать площадь парусовъ, для чего на нихъ обыкновенно бываетъ нашито, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, три или четыре параллельныхъ такъ называемыхъ рифъ сезней (плетеные плоскіе концы достаточной длины), которыми парусъ укорачивается въ длину (длина считается вдоль мачты) на столько, сколько того требуетъ увеличивающаяся сила вѣтра.

[2]) Глухо зарифленнымъ парусомъ называется такой, площадь котораго уменьшается до возможной степени.

[3]) Марселя—паруса, помѣщаемые между нижнимъ и среднимъ (марса рей) реемъ.

При этомъ можно полюбоваться чрезвычайно интереснымъ зрѣлищемъ: множество чаекъ и морскихъ ласточекъ кружатся съ пронзительными криками надъ ботомъ и, выбравъ удобную минуту, массами бросаются внизъ и хватаютъ себѣ добычу изъ самыхъ сѣтей, какъ только онѣ покажутся на поверхности воды, съ палубы бота и даже съ поверхности воды, у которой обыкновенно собирается, внутри сѣти, несмѣтное количество мелкой рыбы. Нахальство этихъ птицъ превосходитъ всякое описаніе. Онѣ кружатся почти у самыхъ головъ рыбаковъ, бросаются на добычу съ удивительнымъ нахальствомъ и прожорствомъ, мало обращая внимая на крики и даже выстрѣлы. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока вся рыба не будетъ убрана съ ихъ прожорливыхъ глазъ, и тогда только оставляютъ онѣ ботъ и высматриваютъ другой, на который только что выбираютъ сѣть, и дѣлаютъ на него нападеніе съ такимъ же нахальствомъ, съ такою же прожорливостью. И опять начинается для нихъ веселый даровой пиръ, опять подымаютъ онѣ пронзительные крики и не угомониваются до тѣхъ поръ, пока не утолятъ свой аппетитъ и порядкомъ не измучатся. Тогда только онѣ оставляютъ рыбаковъ въ покоѣ и, отлетѣвъ въ сторону, опускаются на поверхность воды, на которой легко, подымаясь по прихоти волнъ, отдыхаютъ послѣ сытнаго, взятаго съ бою, обѣда. Зрѣлище вообще очень занимательное!

Рыболовные боты остаются въ открытомъ морѣ, не видавъ береговъ, болѣе шести недѣль. Вы спросите: куда же дѣваютъ они пойманную рыбу, что съ нею дѣлаютъ? Откуда достаютъ рыбаки пищу и свѣжую воду? Ужъ не питаются ли они все время рыбою? Нѣтъ, напротивъ, они ѣдятъ самую свѣжую мясную пищу, хлѣбъ и зелень, пьютъ превосходную воду и живутъ, не смотря на то, что не видятъ береговъ въ продолженіе 6 недѣль, даже роскошно для моряковъ, невидавшихъ можетъ быть въ прежнее время ничего, кромѣ солонины и крѣпкихъ сухарей. И вотъ почему: кромѣ этихъ рыболовныхъ ботовъ, существуетъ еще огромный флотъ небольшихъ и быстрыхъ судовъ (одномачтовыя и называются тендерами), которыя совершаютъ правильные суточные рейсы между рыболовнымъ флотомъ, Ярмутомъ (Yarmouth) и Лондономъ. Они забираютъ въ Ярмутѣ, лежащемъ на Норфолькскомъ берегу, между заливомъ Вашъ и устьемъ рѣки Темзы, свѣжую провизію, воду, а также ледъ, который хранится на берегахъ рѣки Яра (Yar) въ огромныхъ ледникахъ въ продолженіе цѣлаго года, и со всѣмъ этимъ отправляются къ рыболовнымъ судамъ или, какъ ихъ иначе называютъ, къ траулерамъ (trawler). Пойманная рыба хранится между тѣмъ до прибытія тендеровъ живою въ особыхъ чанахъ съ водою, помѣщенныхъ въ трю-

мѣ [1]) рыболовныхъ судовъ. Какъ только тендера прибудутъ, то сдаютъ прежде всего рыбакамъ привезенную провизію, свѣжую воду и затѣмъ начинаютъ принимать отъ нихъ пойманную рыбу которую, тщательно сосчитанную, укладываютъ въ особыя корзины со льдомъ и отвозятъ рыбнымъ торговцамъ на Биллинггетскій рынокъ (Billingsgate market). Черезъ день или два эта рыба бываетъ уже разоолана чуть ли не по всей Англіи. Такимъ образомъ почти каждый день пойманная рыба доставляется на берегъ, а рыбаки, получая свѣжую провизію и воду, безостановочно занимаются своимъ труднымъ и опаснымъ ремесломъ. Только по прошествіи шести недѣль или даже двухъ мѣсяцевъ, траулеры возвращаются въ портъ, гдѣ остаются обыкновенно отъ десяти до четырнадцати дней, чтобы успѣть исправить всѣ поврежденія, починить и просушить сѣти, а также освѣжить команду, и затѣмъ опять выходятъ они въ открытое море на свой трудный промыселъ. Рыбаки эти ведутъ чрезвычайно суровую жизнь; они занимаются ловлею рыбы круглый годъ: зима и лѣто не имѣютъ для нихъ рѣшительно никакого различія. Во всѣ четыре времени года можно видѣть далеко отъ береговъ эти отважныя суда, смѣло занимающіяся своимъ тяжелымъ промысломъ, стойко и мужественно встрѣчая всѣ бури и непогоды. Команда этихъ судовъ была въ прежнее время въ большомъ пренебреженіи и на нее смотрѣли, какъ на отвервергнутый Богомъ классъ людей. И дѣйствительно, привыкнувъ къ постояннымъ опасностямъ, не видя въ продолженіе долгаго времени другихъ людей, занимаясь своимъ изнурительнымъ промысломъ въ будни и праздники, они забывали Бога, проводили свободное время въ веселыхъ оргіяхъ, нисколько не помышляя благодарить Всевышняго за счастливый ловъ и за безопасное возвращеніе къ роднымъ берегамъ.... Но впослѣдствіи мнѣніе объ этихъ людяхъ измѣнилось къ лучшему, когда среди ихъ появился пылкій миссіонеръ, желавшій во что бы то ни стало обратить своихъ товарищей на путь истины. Онъ съ жаромъ началъ имъ проповѣдовать Слово Божіе, училъ ихъ, занимаясь своимъ дѣломъ, въ тоже время любить и почитать Бога, распространялъ между ними нравоучительныя и религіозныя сочиненія и въ концѣ концовъ достигъ блестящихъ успѣховъ: всѣ ученики его познали Бога и сдѣлались честными, благородными и отважными моряками. Въ настоящеее время, каждый праздникъ, какъ только соберутся вмѣстѣ нѣсколько рыболовныхъ

---

[1]) *Трюмомъ* называется самая нижняя часть внутреннаго судоваго пространства.

судовъ, совершается на одномъ изъ нихъ торжественное богослуженіе, возносятся къ небу теплыя молитвы, поются величественные гимны и читаются проповѣди этимъ прежде грубымъ и низкимъ людямъ, но въ настоящее время богомольнымъ и честнымъ.

Каждымъ рыболовнымъ флотомъ командуетъ старѣйшій и наиопытнѣйшій изъ рыбаковъ, который носитъ при этомъ громкій титулъ «адмирала«. Онъ всѣми силами заботится о благоденствіи своихъ подчиненныхъ и не упускаетъ случая проповѣдывать имъ Слово Божіе, при чемъ строго запрещаетъ заниматься ловлею въ воскресные дни, которые посвящаются Богу. И теперь не найти въ Нѣмецкомъ морѣ рыболовнаго судна, экипажъ котораго въ воскресные дни не проводилъ бы время въ молитвѣ, въ чтеніи нравственныхъ и религіозныхъ сочиненій и умныхъ бесѣдахъ. . . .

Подходя къ Доггерской банкѣ, мы замѣтили на ней болѣе ста рыболовныхъ судовъ, преспокойно вытаскивающихъ свои сѣти, несмотря на то, что имъ пришлось наканунѣ испытать довольно свѣжую погоду. Ужъ не знаю, какимъ образомъ продержались они на своихъ мелкихъ судахъ цѣлыя сутки, когда даже корветъ валяло съ буку на бокъ, какъ малую ладью; что было въ это время съ этими рыбачьями суденышками,— Богъ вѣсть.

Какъ только рыбаки замѣтили наше приближеніе, то живо убрали сѣти, поставили паруса и при тихомъ южномъ вѣтрѣ пустились къ намъ на встрѣчу, громко крича и показывая издали превосходную рыбу, трепещущую въ ихъ рукахъ. Корветъ между тѣмъ уменьшилъ ходъ изъ боязни наскочить на какое нибудь изъ приближающихся судовъ, и ждалъ гостей ближе, которые не замедлили облѣпить корветъ со всѣхъ сторонъ, громко предлагая намъ свой трепещущій товаръ. Черезъ минуту, по поданнымъ съ корвета концамъ, полѣзли на него дюжіе и загорѣлые рыбаки. Корветъ между тѣмъ почти совершенно остановился и тихо качался, окруженный множествомъ рыбачьихъ ботовъ. Но вотъ явился сѣдовласый и сѣдобородой старикъ, повидимому адмиралъ флота, въ синей изъ толстаго сукна курткѣ съ мѣдными пуговицами, въ такихъ же брюкахъ, въ длинныхъ сапогахъ, и, вертя въ рукахъ зюйдъ-вестку [1]), съ низкими поклонами предлагалъ намъ разнообразную рыбу. Мы было начали отнѣкиваться, но напрасно; предлагаетъ свой товаръ, да и только, и денегъ при этомъ не хочетъ брать; говоритъ: «въ подарокъ дорогому гостю Нѣмецкаго моря». Дѣлать нечего, согласились принять

[1]) Морская кожаная или непромокаемой матеріи шапка.

такъ любезно предлагаемый подарокъ, и вообразите себѣ, надавали намъ превосходной рыбы различныхъ сортовъ и видовъ, большой и малой такое громадное количество, что если бы весь экипажъ корвета взялся на пари съѣсть всю эту массу въ сутки, то навѣрное не осилилъ бы и захворалъ бы разстройствомъ желудка.

Въ отвѣтъ на этотъ дружескій подарокъ, командиръ приказалъ выдать адмиралу рыболовнаго флота ведро рому и нѣсколько фунтовъ табаку, иначе сказать, нашей доморощенной махорки, отъ которой, я думаю, не разъ захватитъ духъ у этихъ сильныхъ, здоровенныхъ людей, не привыкнувшихъ къ такому горлодеру.

Получивъ подарки, адмиралъ, низко раскланившись и пожелавъ всѣмъ самаго счастливаго плаванія, сошелъ въ свой ботъ; черезъ нѣсколько минутъ вся его флотилія, поставивъ паруса, начала медленно и стройно удаляться къ Доггерской банкѣ. Корветъ, освободившись отъ неотвязчивыхъ рыбаковъ, далъ полный ходъ и быстро пошелъ по направленію къ каналу. Черезъ часъ виднѣлась вдали отъ цѣлаго рыболовнаго флота одна только черненькая точка, и мы остались опять совершенно одинокими на гладкой поверхности безграничнаго моря....

Ночью, съ 20 на 21 ноября, корветъ вошелъ въ проливъ Па-де Кале; большая часть офицеровъ высыпала на верхъ взглянуть на два могущественныя государства Европы, отдѣленныя только узкою полосою воды,—государства, то враждующія, то связанныя тѣсною дружбою, то противники, то союзники.... Мы мысленно представляли себѣ справа гордый Дувръ, слѣва—не менѣе гордый Кале—двухъ сосѣдей, зорко наблюдающихъ за одною и тою же узкою полосою воды, сосѣдей, то подающихъ черезъ проливъ другъ другу дружески руки, то бросающихъ, во времена вражды и ненависти, другъ на друга грозные, вызывающіе на единоборство, взляды.... Ночь была темная какъ ни напрягали зрѣніе, мы ничего не могли разобрать, кромѣ огромнаго зарева, разлившагося надъ этими сосѣдями-городами, бывшаго, по всей вѣроятности, отъ множества городскихъ фонарей, свѣтъ которыхъ отражался на темномъ небѣ. Картина была эфектная! Мы шли между двумя грозными стражами, которые какъ будто и ночью не дремлютъ, но бдительно наблюдаютъ за всѣмъ окружающимъ. Но вотъ уже Дувръ и Кале остались позади, и мѣста ихъ обозначались вдали едва замѣтными заревами; корветъ вошелъ въ каналъ, и такъ какъ, по расчету капитана, мы не могли бы на другой день засвѣтло попасть въ Шербургъ, то и шли все время малымъ ходомъ. Утромъ, 21-го числа, задулъ свѣжій сѣверозападный (NW) вѣтеръ, при которомъ чрезвычайно опасно было намъ

оставаться въ каналѣ, а потому капитанъ рѣшился обождать нѣсколько часовъ въ небольшой гавани Ньюгэвнъ, лежащей на южной оконечности Англіи, близъ Брайтона. Простоявъ здѣсь всего только нѣсколько часовъ, мы снялись съ якоря и пустились къ Шербургу, лежащему наискось отъ Ньюгэвна, на противуположномъ берегу Ла-Маншъ.

Плаваніе по каналу было совершенно благополучно; на встрѣчу и тою-же дорогою шло множество судовъ, парусныхъ и паровыхъ, стройныхъ и неуклюжихъ, различной конструкціи и вооруженія, съ разнообразными грузами. Здѣсь легко перегоняетъ корветъ быстрый на ходу и стройный клиперъ, нагруженный кофе, пшеницею или другими товарами; тамъ отстаетъ отъ насъ грязный и неуклюжій угольщикъ, тяжелый трехмачтовый баркъ или же голландскій пузатый ботъ. И вся эта масса судовъ, перегоняя другъ друга, встрѣчаясь и пересѣкая одинъ другому дорогу, двигалась въ стройномъ порядкѣ, безъ всякой суматохи и криковъ, въ точности зная куда кому поворотить и по какую сторону пройти.....

Утромъ, 22 ноября, корветъ уже былъ въ виду Шербурга; вся команда высыпала на верхъ, желая хоть однимъ глазкомъ поглядѣть на новый басурманскій городъ.

— А што эфто, братцы, за городъ будетъ, спрашивалъ Архипъ своихъ товарищей, новый городъ, точно картонный.

— А кто его знаетъ какой онъ такой, сердито перебилъ его Михайло.

— Славный городъ, неча сказать, продолжалъ Архипъ, да только что-то кабаковъ не видать еще, съ грустью прибавилъ онъ, приподымаясь на цыпочки и во всѣ глаза посматривая на бѣлѣющіеся дома Шербурга.

— Эхъ, обалдуй ты эдакой, разсердился старый матросъ Храмцовъ, лихой форъ-марсовой и пьяница; что, разѣ кабаки во хрунтѣ тебя встричать будутъ и твоему грязному рылу сами представляться станутъ, нѣтъ, братецъ, шутишь, сойди напередъ на берегъ, да поищи, а найдешь ихъ столько, что отъ радостей зубъ на зубъ не попадетъ и шкаликовъ десятокъ пропустишь.

— А скажи мнѣ на милость, какъ прозвище эфтому городу?....

— Шербургъ — хранцузскаго кваралевства портъ, замѣчательный, братцы, городъ, кабаковъ-те сколько и не перечесть!

Корветъ между тѣмъ, отсалютовавъ городу и получивъ отвѣтъ, прошелъ брикватеръ, ограждающій Шербургскій рейдъ отъ господствую-

щихъ вѣтровъ, и черезъ полъчаса уже стоялъ на бочкѣ [1]) въ виду всего города. Въ Шербургѣ предупредительность порта относительно этихъ бочекъ доходитъ еще до большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Килѣ. Здѣсь не только поставили ихъ, но даже не требуютъ отклепывать отъ якоря каната, потому что портъ предлагаетъ военнымъ судамъ свою чрезвычайно крѣпкую и толстую цѣпь, одинъ конецъ которой крѣпится за бочку, а другой на суднѣ. Такимъ образомъ судно можетъ совершенно безопасно простоять на Шербургскомъ рейдѣ сколько угодно, не смотря на продолжительные и сильные господствующіе вѣтры, которые дѣлаютъ стоянку здѣсь довольно непокойною и опасною.

Шербургъ (Cherbourg), важнѣйшій французскій портъ, расположенъ при Ла-Маншѣ, въ сѣверной оконечности небольшаго полуострова, лежащаго между заливомъ Сантъ-Мишель и устьемъ Сены. Входъ на рейдъ чрезвычайно удобенъ, но стоянка на немъ, особенно при сѣверовосточныхъ (NO) вѣтрахъ, довольна неспокойна и даже опасна, хотя прекрасный бриквагеръ (молъ) значительно уменьшаетъ силу вѣтра и волненія, которое иногда доходило здѣсь до необычайныхъ размѣровъ и силы. Такъ напримѣръ въ 1810 году, во время сильной бури отъ NO сброшены были волнами съ мола большія мортиры, вѣсомъ слишкомъ въ 300 пудовъ каждая, при чемъ нашли, что удары этихъ волнъ были равномѣрны давленію почти 20 пудовъ на поверхность 1 квадратнаго фута. Въ другое время, ударами же волнъ сдвинуты были съ мѣста бетонные ящики, вѣсомъ до 240 пудовъ каждый, поставленные у подошвы гати. Это дѣйствіе, по вычисленію, превосходило даже предыдущее, потому что было равномѣрно давленію около 23 пудовъ на 1 квадратный футъ. Сила валовъ по истинѣ изумительная! Изъ этого можно посудить, какова была бы ихъ сила удара на Шербургскомъ рейдѣ, если бы ихъ напоръ значительно не уменьшалъ прекрасно устроенный бриквагеръ. Безъ него стоянка здѣсь въ свѣжую погоду была бы немыслима; ни одно судно не простояло-бы и полчаса. Въ настоящее же время особенно при такой милой предупредительности порта, можно простоять на Шербургскомъ рейдѣ хоть цѣлый мѣсяцъ, не смотря ни на какую погоду.

Портъ обладаетъ превосходными средствами для исправленія всевозможныхъ поврежденій. Различнаго рода мастерскія адмиралтейства. — отлично устроенныя и замѣчательныя своимъ производствомъ работъ, па-

[1]) На Шербургскомъ рейдѣ, такъ же какъ и на Кильскомъ, военныя суда становятся не на якорь, а на одну изъ бочекъ, расположенныхъ по рейду на мертвыхъ якоряхъ.

думалъ я провести весело, а не скучно, а если не весело, то не однообразно.

Наступилъ воскресный день; работъ на корветѣ нѣтъ; команда свободна и можетъ погулять. Послѣ краткой литургіи и сытнаго обѣда, капитанъ приказалъ спустить первую вахту на берегъ «освѣжиться».

Весело залились унтеръ-офицерскія дудки, сопровождаемыя зычнымъ, радостнымъ крикомъ:

— Первой вахтѣ изготовиться на берегъ! Чище одѣться!!

Все въ палубѣ преобразилось какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: поднялся веселый говоръ, смѣхъ, шумъ и матросики первой вахты, бросивъ всѣ работы, быстро начали доставать свои чемоданчики и выбирать изъ нихъ нужныя вещи. Въ палубѣ не было никакой возможности пройти: всюду разложены были вещи; бѣлье, чемоданы, всюду стоятъ и сидятъ съ радостными лицами одѣвающіеся или еще только раздѣвающіеся матросики первой вахты. Рады они съѣхать на берегъ, и не мудрено: просидѣвъ и прокачавшись на корветѣ нѣсколько недѣль пріятно имъ подышать береговымъ воздухомъ, посмотрѣть на заморскихъ кралей, пріятно наконецъ имѣютъ подъ собою не колеблющуюся и уходящую изъ подъ ногъ палубу, но твердую, незыблемую землю....

Матросы второй вахты угрюмо посматриваютъ на веселыя приготовленія своихъ товарищей и проклинаютъ свою злосчастную судьбу, которая сунула ихъ именно во вторую вахту, а не въ первую, черезъ что они и не первыми вкусятъ всѣ удовольствія предстоящаго гулянья....

Въ одномъ углу палубы сидѣлъ матросикъ и глубокомысленно что-то разсчитывалъ. На развернутой ладони его лежало четыре монеты.

— Одинъ франковикъ пропью, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, отодвигая одну монету къ концамъ пальцевъ, другой франковикъ кое-куда (при этомъ матросикъ весело ухмыльнулся).... На третій развѣ бѣлье отдать басурманкамъ помыть?.... (задумался). Нашто?! Бѣлье-то я и самъ какъ нибудь помою, а этотъ франковикъ не купить ли табаку заморскаго, аль женѣ игрушку какую?.... (опять задумался). Нѣту, даромъ баловать бабу не стану, а будетъ хороша, такъ и на обратномъ пути куплю; а табакъ казенный даютъ, ну его, по эфтому самому, значитъ, и этотъ франковикъ въ кабакъ понесу, рѣшительно добавилъ матросикъ, укладывая всѣ четыре монеты въ кошель и принимаясь за прерванное одѣванье.

Немного подальше, молодой корветскій писарь, одѣтый фертомъ, въ накрахмальномъ воротничкѣ и узенькомъ галстукѣ, разсказываетъ поч-

тительно собравшимся вокругъ него, рекрутамъ объ удовольствіяхъ береговой прогулки.

— Вы-съ, господа, не имѣйте сумлѣнія къ моимъ разсказамъ: самъ не разъ бывалъ, да и товарищи бывали, такъ они разсказывали. Что есть скажу вамъ одну сущую правду.

Съѣдешь это на берегъ, почотъ такой, бѣда, всѣ на тебя смотрятъ, ну и ты разумѣется на всѣхъ глаза свои таращишь. Не то, что въ Россійской Имперіи (а не въ Рассеѣ, какъ вы говорите, обратился онъ къ двумъ рекрутамъ, стоящимъ поближе къ нему), не то, что въ Россійской Имперіи, гдѣ всякъ наровитъ солдата съ панели спихнуть! Да-съ, совсѣмъ не то!.... Встрѣтишь это подходящую какую дѣвицу, сейчасъ подлетишь къ ней фертомъ и крикнешь по французски: «Мамзель! Вуле?!» а въ это время руку коромысломъ ей подставишь, ну она, это, сейчасъ зацѣпится и пошелъ гулять!...

Надоѣло гулять, потому больше молчишь, сейчасъ въ театръ представленіе смотрѣть или въ кондитерскую какую зайдешь выпить или закусить. Нельзя-же физономіей въ грязь ударить, угостишь на славу; самъ напьешся, а тамъ тащите, братцы, на шлюбку....

Чрезъ нѣсколько времени первая вахта была совершенно готова и въ сборѣ; я удивился, увидя матросовъ, обыкновенно выпачканныхъ въ смолѣ, салѣ и краскѣ, разодѣтыхъ и разфранченныхъ, не хуже красныхъ дѣвушекъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ узелки, кто съ грязнымъ бѣльемъ, а кто и съ чѣмъ другимъ; у двухъ или трехъ красовались подъ мышками раскрашенныя гармоники — постоянные спутники русскаго мужика; но большинство матросовъ были порожнякомъ, на легкѣ, чтобы не потерять что, если придется имъ напиться до отвалу.

Осмотрѣвъ ѣдущихъ на берегъ, старшій офицеръ приказалъ садиться въ шлюбку; весело побѣжали матросики по трапу и загрузили барказъ [1]) чуть ли не до самаго планшира [2]). Отвалили отъ борта съ пѣснями и веселымъ говоромъ; медленно, какъ черепаха, двигался нагруженный барказъ, и тѣмъ разжигалъ только нетерпѣніе матросовъ, желавшихъ какъ можно скорѣе погулять по басурманскому городу.

Но вотъ подошелъ барказъ къ пристани; быстро повыскакали изъ него матросы и мигомъ раздѣлились на партіи.

— Эй, молодцы, вы куда? кричитъ одна партія другой.

---

[1]) Барказомъ называется самая большая судовая шлюбка; она бываетъ прочной постройки съ транцемъ (поперечная доска въ кормѣ) и полными обводами, потому что служитъ преимущественно грузовою шлюбкою.

[2]) Планширомъ называется самая верхняя накладка по обводу шлюбки.

— Мы кое-куда, а вы?

— Мы разумѣетца въ кабакъ; гдѣ бы только поближе къ пристани найтить, чтобы легче до шлюбки доползти.

— Ну, а мы сперва городъ посмотримъ, кричатъ изъ третьей партіи, состоящей, какъ видно, изъ болѣе нравственныхъ и мало пьющихъ матросовъ.

— Маршъ съ Богомъ, крикнулъ боцманъ, къ девяти часамъ быть на пристани, да смотри, много не пить, а то какъ разъ въ карцеръ угодите!

— Слушаемъ, Карла Иванычъ, отвѣтили матросики, и живо разбрелись въ разныя стороны.

Вдругъ отъ партіи, рѣшившейся провести весь день въ кабакѣ, отдѣлился старый матросъ Храмцовъ и началъ догонять болѣе нравственную партію, отправившуюся на осмотръ города.

— Волковъ, Волковъ!! кричитъ Храмцовъ во все горло.

— Чаво? спрашиваетъ Волковъ, немного отставая отъ своей партіи.

— Ты, значитъ, таперича по городу гулять пойдешь?

— Разумѣетца.

— А значитъ опосля и въ лавки зайдешь?

— Зайдемъ, а што?

— Купи, братецъ, ты мнѣ галстухъ какой, аль платочекъ....

— Отчаво не купить, давай деньги....

— Да вѣдь ты по городу пойдешь гулять? приставалъ Храмцовъ.

— По городу!

— А тамъ, значитъ, и въ лавку зайдете?

— Ну, зайдемъ!

— А я, Гриша, въ кабакъ, значитъ, напьюсь, такъ сдѣлай водолженье, купи галстухъ на свои деньги, а я опосля тебѣ отдамъ, убѣдительно проситъ Храмцовъ своего товарища.

— Ну, ладно, куплю!

— Вотъ, спасибо, братецъ, а я въ кабакъ, значитъ, напьюсь сегодня, весело проговорилъ Храмцовъ, и бросился догонять свою партію, которая уже съ шумомъ вваливалась въ ближайшій кабакъ.

Уже вечеромъ, послѣ продолжительной прогулки по городу, зашелъ я въ небольшой общественный садъ и сѣлъ на скамейку. Вдругъ слышу за собой шепотъ, который привлекъ мое вниманіе на скамейку, стоящую позади кустовъ акаціи. Я приподнялся и увидѣлъ двухъ корветскихъ матросиковъ, немного на-веселѣ, разлегшихся на ней для отдохновенія. Я началъ слѣдить, что будетъ дальше. Сначала лежали они спокойно,

только изрѣдка переругивались и поминали своихъ родственниковъ въ нисходящей и восходящей линіи.

— Вдругъ одинъ изъ нихъ встрепенулся и немного приподнялся.

— Плишкинъ! крикнулъ встревоженный матросикъ.

— Чаво?

— Баринъ, его благородіе, идетъ, гляди!

— Дѣйствительно, по аллеѣ шелъ какой-то господинъ.

— Пущай его идетъ, храбрится Плишкинъ засыпая.

— Къ намъ идетъ, испуганно говоритъ его товарищъ; приподнимаясь со скамейки.

— А пущай хоть и къ намъ! не съѣстъ.

— Можа садъ чужой, а мы, пьяные, забрались да на скамейку еще разлеглись. Убѣгнемъ лучше, увѣщевалъ Плишкина уже совершенно востревоженный матросикъ.

— На што?!

— А прибьетъ, въ шею навалитъ, чтобы свинымъ рыломъ въ чужой садъ не лѣзли.

— Ой-ли, крикнулъ Плишкинъ, вскочивъ и протирая глаза.—Да эфто линостранецъ русскаго человѣка ни-ни.... прибавляетъ онъ успокоившись.

— Да и взаправду, соглашается съ нимъ его товарищъ, ну, а можа эфтотъ анаралъ, такъ въ губвахту посадитъ, говоритъ онъ со страхомъ.

— Коли анаралъ, такъ убѣгнемъ, струсилъ Плишкинъ, быстро приподнимаясь со скамейки и улепетывая во всѣ лопатки. Товарищъ его отъ него не отстаетъ и бѣжитъ, что есть духу, на каждомъ шагу спотыкаясь и чуть не падая. Иностранецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и улыбнувшись пошелъ дальше....

Было уже половина девятаго, а потому я поспѣшилъ къ шлюбкѣ— собрать матросиковъ и отправиться на корветъ.

По улицамъ брели, стягиваясь къ одному мѣсту—къ пристани, наши матросики, кто только навеселѣ, кто подкутивши, а кто и напившись до положенія ризъ.

Вижу, ведутъ два рекрута корветскаго писаря, выпачканнаго, въ смятомъ накрахмаленномъ воротничкѣ, фуражка заломлена на затылокъ. Писарь сильно навеселѣ едва идетъ, поддерживаемый съ боковъ человѣколюбивыми матросиками.

— За что, Ермолай Петрычъ, спрашивалъ одинъ изъ рекрутовъ, вы опомнясь, въ кабакѣ, хранцузскихъ матросиковъ выругали? Видь они вамъ ничаво худова не сдѣлали, окромя разѣ что-то спросили.

— Такъ и должно-съ, бормочетъ подгулявшій писарь, потому, какъ ихъ слова ничего болѣе, какъ однѣ-съ только глупости-съ.

— Да зачѣмъ же вы, Ермолай Петрычъ, такъ долго съ ними грызлись? Выругали разъ, да и шабашъ, а то они васъ—вы ихъ, они васъ—вы ихъ и пошло писать, а кажись ничаво другъ друга не понимали. Не хорошо, Ермолай Петрычъ; мы-съ вотъ съ нимъ смотрѣли, такъ просто совѣстно за васъ стало.

— Посслушьте..... чѣмъ же я тутъ виноватъ-съ, защищался Ермолай Петрычъ, вѣдь тутъ ни чего болѣе, какъ одна только игра словъ-съ была-съ.

— Что за игра, просто грызлись!...

— Посслушшьте... ну чѣмъ-же я-съ .... я-съ чѣмъ-же тутъ виноватъ-съ?...

Не много впереди, нѣсколко подгулявшихъ матросиковъ заигрываютъ съ торговками, тѣ ругаются и тяжеловѣсно отмахиваются отъ медвѣжьихъ ласкъ.

Позади слышится гармоника, заливающаяся на всю улицу. Идутъ, покачиваясь, трое матросиковъ: одинъ впереди, выдѣлывая ногами удивительныя па, лихо наигрываетъ; остальные два, братски обнявшись, съ заломленными фуражками, пошатываясь съ одной стороны на другую, слѣдуютъ по пятамъ своего веселаго товарища. Публика смотритъ и дивуется русскому люду.

— Ѳомка, крикнулъ вдругъ веселый музыкантъ, переставая играть и плясать, увидя возню своихъ товарищей съ торговками,—гляди, вона наши, какъ съ дѣвками играютъ!....

— А гдѣ онѣ?!.... спрашиваетъ одинъ изъ идущихъ сзади матросиковъ.

— Вона —гляди!... Пойдемъ и мы туда!...

— Вези меня—ноги нейдутъ!... проситъ Ѳомка.

— Што-жъ, садись!...

Ѳомка наваливается играющему на спину; тотъ приподымаетъ его и тащитъ.

— Вотъ кіятра приставленье!! кричитъ между тѣмъ оставленный товарищъ Ѳомки.

Гармоника опять залилась на всю улицу; музыкантъ, не тяготясь нисколько своею ношею, весело во все горло напѣваетъ:

Ведутъ Ѳомку у походъ,
Ѳомка плачетъ,—не идетъ...
Воцъ ка-а-лина, воцъ ма-а-лина!!!...

И хотѣлъ музыкантъ при припѣвѣ, забывъ объ своей ношѣ, отхватить трепака, но при первомъ же колѣнѣ полетѣлъ въ грязь: онъ въ одну сторону, Ѳомка съ ругательствомъ: «Всю морду разобью!....... городовой, городовой!.......... въ другую, а гармоника — въ третью.

Прохожіе съ удивленіемъ и со смѣхомъ смотрѣли на эту живописную, достойную кисти художника, группу; матросики, свидѣтели этой сцены, хохотали до упаду, упершись кулаками въ бока; но это ни сколько не смутило нашихъ героевъ, и Ѳомка опять навалился на музыканта, который потащилъ его къ пристани.

Тутъ былъ настоящій содомъ и гоморъ: шумъ, крикъ, пѣсни и ругательства оглашали воздухъ, слышались даже звонкія пощечины; однимъ словомъ русская натура развернулась!

Насилу успѣлъ я привести все въ должный порядокъ, насилу нагрузилъ барказъ пьяными или только подвыпившими матросами и отправился наконецъ къ корвету съ пѣснями и музыкою.

Михайла съ Архипомъ сидятъ рядомъ: одинъ гребетъ, другой свѣсившись за бортъ, полощется.

— Мотри, Архипка, не балуй, уговариваетъ Михайло своего товарища и друга закадычнаго, а то въ воду упадешь, да втонешь!....

— Не ври, другъ сердешный, бормоталъ Архипка, продолжая полоскаться, не втону.... Сдѣлай водолженье, скажи: мы казенные, али нѣтъ?....

— Знамо дѣло казенные....

— Ну-съ, а знашь ты, что старые матросы баютъ, что все казенное въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, ну, значитъ, и я отъ эфтого самого въ сохранности нахожусь!

— Врешь, Архипка, перебилъ его Михайло, что казенное въ водѣ не тонетъ! Оно не только что въ водѣ тонетъ, такъ даже въ карманахъ тонетъ.... Вонъ ономнясь подшхиперъ нашъ сорокъ ленточекъ казенныхъ продалъ и деньги въ свой карманъ положилъ, вотъ тебѣ и не тонетъ....

Барказъ подошелъ къ борту и тѣмъ прервалъ начатую рѣчь Михайлы; всѣ повылѣзли на палубу и стали во фронтъ; старшій офицеръ вышелъ на верхъ, осмотрѣлъ всѣ ли явились въ должномъ видѣ, т. е. не сильно пьяными, и велѣлъ ложиться спать. Тихо разбрелись матросики за койками; другіе ушли въ палубу разсказывать своимъ товарищамъ, не бывшимъ на берегу, про все виданное и испытанное....

Окончивъ пріемку провизіи и исправленіе катера [1]), корветъ 14 декабря, вечеромъ, оставилъ Шербургъ и направился черезъ каналъ къ англійскимъ берегамъ. Всю ночь шли мы черезъ бурный Ла-Маншь и только къ утру слѣдующаго дня подошли къ Плимуту, военному порту, расположенному на южной сторонѣ Корнвалиса. Въ 11 часовъ утра, 15 декабря, корветъ бросилъ якорь на Плимутскомъ рейдѣ, на которомъ мы застали болѣе ста купеческихъ судовъ, укрывшихся отъ дувшихъ сильныхъ юго-западныхъ (SW) вѣтровъ и до сихъ поръ выжидавшихъ здѣсь лучшей погоды, чтобъ выйти изъ канала. Кромѣ коммерческихъ судовъ стояли на Плимутскомъ рейдѣ три англійскіе деревянные фрегата, принадлежащіе летучей эскардѣ контръ-адмирала Кемпбля....

Плимутъ, главнѣйшій англійскій портъ, при Ла-Маншѣ, расположенъ по берегу небольшой, почти совершенно открытой, бухты. Дома его сливаются съ домами небольшаго города Девэнпорта, извѣстнаго своими доками и верфями. Близкимъ сосѣдствомъ своимъ эти города напоминаютъ о двухъ близнецахъ-городахъ: Альтонѣ и Гамбургѣ. Въ Плимутѣ, какъ и въ Шербургѣ, достойны особеннаго вниманія превосходныя мастерскія адмиралтейства, въ которыхъ паръ примѣненъ на всякого рода работы! Войдя въ эти мастерскія, вы удивитесь ихъ безлюдности, между тѣмъ какъ въ нихъ царствуетъ необыкновенная дѣятельность: здѣсь огромныя машины вьютъ превосходные канаты, обдѣлываютъ и строгаютъ доски; тамъ тяжелые паровые молоты съ шумомъ падаютъ на огромные, раскаленные до-бѣла, куски желѣза, разбрасывая отъ нихъ во всѣ стороны яркія искры; повсюда протянуты широкіе ремни, которые съ необыкновенною быстротою движутся по всѣмъ направленіямъ, передавая движеніе главнаго, такъ называемаго центральнаго, механизма множеству второстепенныхъ машинъ. Отъ одной мастерской къ другой носятся по гладко-убитой мостовой вновь изобрѣтенные локомотивы, таща за собою вереницу вагоновъ, нагруженныхъ деревомъ, желѣзомъ, мѣдью, досками и т. п. матерьялами. Однимъ словомъ, въ плимутскихъ мастерскихъ видна необыкновенная дѣятельность, кипитъ спорная работа, доказывающая какъ дорожатъ англичане временемъ....

При осмотрѣ Плимутскаго порта, нельзя было не обратить вниманія на одну особенность, которая въ нашихъ портахъ до сихъ поръ, къ несчастью, не имѣетъ еще мѣста: всѣ старыя суда, уже не годныя для плаванія, не стоятъ праздно въ гавани и не гніютъ напрасно (какъ у насъ

[1]) Катеромъ называется шлюбка съ болѣе острыми обводами и вообще болѣе легкой постройки, чѣмъ барказъ.

въ Кронштадтѣ), но исполняютъ особаго рода службу и приносятъ правительству посильную пользу.

Такимъ образомъ одни суда обращены въ блокшивы [1]), на другихъ устроены краны [2]), третьи исполняютъ другой родъ, можно сказать береговой службы. Пора-бы и намъ взять примѣръ съ практичныхъ англичанъ и изъ своихъ старыхъ судовъ, до ихъ сломки, извлечь хоть какую нибудь пользу.

Первое время стоянки въ Плимутѣ прошло довольно весело: достаточно было развлеченій на берегу, не мало и на суднѣ, гдѣ кромѣ обѣдовъ, даваемыхъ въ отвѣтъ на веселые балы, устроенные въ честь нашего прибытія, можно было вдоволь налюбоваться матросскими выходками, характеризующими обращеніе русскаго человѣка съ иностранцами.

Однажды я былъ назначенъ наблюдать за погрузкою на корветъ угля и совершенно случайно сдѣлался свидѣтелемъ одной интересной сценки, окончившейся впрочемъ довольно трагично.

У борта стоятъ двѣ шлюбки: на одной изъ нихъ возсѣдаетъ матросикъ, на другой—англичанинъ—продавецъ съ разными съѣсными припасами, и ведутъ они между собою весьма оживленую бесѣду. Я сталъ прислушиваться. Матросикъ бѣгло, чрезвычайно ловко коверкаетъ русскія слова, прибавляя къ нимъ нѣмецкія, англійскія и слова другихъ извѣстныхъ ему языковъ; англичанинъ глубокомысленно, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ и ровнодушіемъ, киваетъ головою и произноситъ постоянное протяжное «yes»; а когда матросъ усталъ попусту болтать и замолкъ, то онъ началъ быстро, глотая окончанія и даже цѣлыя слова, что-то говоритъ. Матросикъ быстро закивалъ головою.

— Та, та, та, та, мой твой понимайтъ, карошо, карошо, болтаетъ онъ въ отвѣтъ, только не лай, какъ собака, потише, потише.... нихъ шнель; ввертываетъ наконецъ матросикъ нѣмецкое слово, видя, что англичанинъ не понимаетъ его и все таки продолжаетъ что-то разсказывать.

— Да говорятъ тебѣ, басурманская твоя харя, не лай, какъ собака, разсердился матросикъ, видя, что англичанинъ не хочетъ его слушать, дай слово и мнѣ вымолвить, нужно по очереди; а то другъ друга не поймемъ, какъ заголдимъ вмѣстѣ. Да замолчи же, мопсъ поганый, вскри-

[1]) Блокшивомъ называется развооруженное судно, предназначенное для особой службы, какъ-то: лазарета, временнаго помѣщенія команды исправляющагося судна и. т. д.

[2]) Краномъ называется особое сооруженіе, предназначенное для подъема тяжестей.

киваетъ онъ, уже совершенно вышедшій изъ терпѣнія, быстро вскакивая и показывая англичанину кулаки.

Англичанинъ замолкъ и съ удивленіемъ смотритъ на матросика и на поднятые кулаки.

— Вишь, каналья, ворчитъ матросъ, коверкаю слова—не понимаетъ, по басурмански говорю—тожъ не понимаетъ, а какъ сказалъ по русски, да кулакъ вдобавокъ показалъ,—вѣдь замолчалъ, понялъ значитъ. Право, потѣшный-эфтотъ гличанскій народъ: безъ палтаминъ ничего не понимаетъ!

И началъ онъ опять болтать съ англичаниномъ, но теперь уже оба размахивали руками, чмокали губами и дѣлали различныя тѣлодвиженія, однимъ словомъ говорили «съ палтаминою», какъ выразился матросикъ, при чемъ вели весь разговоръ по очереди: одинъ замолчитъ—другой начинаетъ болтать и одинъ другаго не перебиваетъ. Матросъ самодовольно ухмыляется и, весело потирая себѣ руки, шепчетъ:

— Вѣдь понимаетъ каналья, бѣсовъ сынъ, да и я тожъ маненько начинаю мараковать.... вишь выпить предлагаетъ....

— Выпьемъ, любезный, выпьемъ, уже громко и самодовольно прибавляетъ онъ, увидя, что англичанинъ вытащилъ изъ кармана фляжку и, хлопая по ней рукою, пантамимой приглашалъ матросика выпить. Матросикъ подсѣлъ поближе, выпилъ, и пошла у нихъ бесѣда еще оживленнѣе и радостнѣе, прерываемая только обоюдными прикладываніями къ живительной фляжкѣ. Черезъ короткое время матросикъ налился ужъ до того, что полѣзъ къ англичанину, по русскому обычаю, цаловаться, который, не привыкши къ такимъ нѣжностямъ, тихонько отстранялъ отъ себя подгулявшаго собесѣдника; но, замѣчая его назойливость, разсердился и отпихнулъ его такъ, что тотъ отлетѣлъ въ другой конецъ своей шлюбки.

— Ахъ, басурманская твоя образина, нехристь ты окаянный, загалдѣлъ разсвирѣпѣвшій матросикъ, хватая весло, «развѣ дано тебѣ право, карманникъ ты эфтакой, православнаго матроса толкать?! Вотъ тебѣ за эфто самое, вотъ тебѣ! и посыпались на бѣднаго англичанина удары весломъ, да такъ быстро, что тотъ, желая избавиться отъ нежданнаго сюрприза, обрѣзалъ со страху свой фалинь [1]) и съ громкими ругательствами отскочилъ отъ корвета, точно ошпаренный. Но матросикъ, этимъ не довольствуясь, брызгалъ въ англичанина водою и ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ.

---

[1]) Фалинемъ называется достаточной длины веревка, постоянно ввязанная въ носовой или кормовой рымъ шлюбки и служащая для ея привязыванія.

— Что за шумъ у борта? Молчать!! крикнулъ вахтенный начальникъ, услыша громкую ругань расходившагося матроса. Храмцовъ! это ты тамъ горланишь, маршъ на бакъ [1]).

— Я, ваше благородіе, только.... началъ было оправдываться Храмцовъ, но громкое «Молчать!!» мгновенно прервало его рѣчь и онъ, понуря голову отправился на бакъ «курить табакъ», какъ подшучивали надъ нимъ его товарищи.

На другой день увидѣлъ я Храмцова за работою хмураго, чѣмъ-то недовольнаго.

— Что, спрашиваю, обидѣлъ тебя англичанинъ?

— Точно такъ, ваше благородіе, отвѣчаетъ, нанесъ кровную обиду; за эфто самое, какъ съѣду на берегъ, всенепремѣннѣйше еще поколочу его, а не найду, такъ другимъ гличанамъ ребра перещупаю! Пусть басурмане знаютъ, что русскій матросъ обиду на плечахъ не носитъ....

— Ну, а если тебя поколотятъ, говорю я ему, лучше ужъ не связывайся, а то какъ разъ старшій офицеръ на берегъ не пуститъ.

— Что мнѣ на берегъ, лучше не поѣду, а ужъ побью гличанина.

— Зачѣмъ, спрашиваю, коверкалъ ты слова, когда говорилъ съ англичаниномъ, вѣдь онъ все равно тебя не понималъ.

— Какъ не понималъ, долженъ понимать, отвѣчаетъ Храмцовъ, вишь, ваше благородіе,, у насъ въ Россеѣ всѣ нѣмцы слова наши такъ коверкаютъ, ну значитъ долженъ понимать....

— А скажи, пожалуйста, съ чего подрался ты съ англичаниномъ.

— Характерами не сошлись, ваше благородіе, отрѣзалъ Храмцовъ, снова принимаясь за прерванную работу.

И дѣйствительно, русскій матросъ съ англійскимъ характерами не сходятся, и, при первой встрѣчѣ, что было уже много разъ замѣчено, непремѣнно подерутся

Черезъ нѣсколько дней, команда была спущена на берегъ; Храмцовъ тоже. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія. Въ 9 часовъ вечера команда возратилась и стала во фронтъ; я ищу глазами Хромцова и вижу его едва стоящаго на ногахъ съ синяками подъ глазами и съ шишкой на лбу; по одесную и ошуюю его стоятъ два матросика и помогаютъ ему удерживать равновѣсіе тѣла. Боцманъ началъ считать всѣ ли на

[1]) Бакомъ наз. пространство верхней палубы передъ фокъ-мачтою; здѣсь стоитъ кадка съ водою и фитиль; эта часть палубы служитъ мѣстомъ куренья матросовъ. Сюда же посылаютъ сидѣть на нѣсколько часовъ, не смотря на погоду, легко провинившихся матросовъ.

лицо и, проходя мимо Храмцова, внезапно остановился, почуя блескъ здоровыхъ фонарей, и увидѣлъ изувѣченнаго и израненнаго воина.

— Что, Храмцовъ, опять пьянъ, опять избитъ, заговорилъ боцманъ, жалобно чмокая губами, нечего дѣлать, скажу старшему офицеру....

— Басурмане одолѣли, Карла Иванычъ, бормоталъ Храмцовъ, стараясь придать своей особѣ бодрую осанку, хотѣлось было смыть кровную обиду, анъ смотришь самому шею накостыляли, да фонари для пущаго шику подставили. Былъ бы гличанинъ одинъ, то я бы его.... а то ихъ трое, вражьи сыновья....

Но боцманъ, не слушая окончанія его разсказа, пошелъ дальше считатъ и тыкать въ грудь пальцемъ каждаго матроса.

На слѣдующій день вышло рѣшеніе старшаго офицера не спускать Храмцова на берегъ двѣ очереди....

Такъ окончилась неудачная его попытка смыть съ себя кровную обиду, и долго надъ нимъ трунили матросики, и успокоились только тогда, когда лиловый цвѣтъ фонарей подъ глазами Храмцова перешелъ въ желтоватый....

ГЛАВА VI.

Выходъ изъ Плимута. — Атлантическій океанъ. — Штормъ со шквалами и градомъ. — Огни Св. Эльма. — Возвращеніе въ Плимутъ. — Поѣздка въ Лондонъ.

До 22 декабря стоянка въ Плимутѣ прошла довольно разнообразно: съѣжали на берегъ, принимали гостей, желающихъ осмотрѣть нашъ корветъ, любовались гонками легкихъ и красивыхъ яхтъ, летающихъ по рейду, большею частью подъ управленіемъ прекрасныхъ лэди, которыя съ раскраснѣвшимися щечками и блестящими глазками зорко слѣдили другъ за другомъ и маленькою ручкою ловко управляли своими граціозными и стройными, какъ онѣ сами, судами.... Но съ 22 декабря наступили несносные и скучные дни, дѣлавшіе стоянку въ Плимутѣ невыносимою; время шло какъ-то тихо и однообразно; задулъ свѣжій юго-западный (SW) вѣтеръ и прекратилъ съ берегомъ всякое сообщеніе; огромные валы ходили по рейду, вкатываясь со стороны океана, и дѣлали сообщеніе съ берегомъ чрезвычайно опаснымъ, даже невозможнымъ. Только смѣльчаки, рискующіе всѣмъ, лучше сказать, рыцари безъ страха и упрека, могли бы рѣшиться, ради своего удовольствія, на переправу съ корвета на берегъ; но, откровенно сказать, командиръ и старшій офицеръ были настолько любезны и предупредительны, что не давали таковымъ рыцарямъ ни одной шлюбки изъ опасенія, чтобы они не отправились на дно рейда ловить морскихъ раковъ. Такимъ образомъ простояли мы въ виду берега, не ступая на него ногою, до 3-го января; встрѣтили Рождество и Новый годъ на корветѣ, не имѣя даже свѣжихъ припасовъ, чѣмъ бы достойно могли справить эти два торжественные и знаменательные дня. И пришлось въ виду берега приняться за солонину, сухари и консервы!....

Большое число купеческихъ судовъ, пережидавшихъ вмѣстѣ съ нами свѣжую погоду, дѣлали стоянку на рейдѣ очень неспокойною и отчасти опасною. Не проходило дня или ночи, чтобы не сдрейфовало какого-нибудь купца и не навалило на корветъ; раздавались тогда съ корвета энергичныя ругательства на русскомъ языкѣ и поднималась бѣготня; съ купца сыпалась не менѣе энергичная брань на англійскомъ, голландскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ разнородныхъ языкахъ, но въ то же время обѣ стороны дѣятельно принимали всѣ мѣры противъ столкновенія. Кончалось все это обыкновенно тѣмъ, что поругаются, побѣсятся, покричатъ и все-таки разойдутся, не причинивъ другъ другу почти никакихъ поврежденій. И это продолжалось ни день, ни два, а цѣлыя полторы недѣли! Скука на корветѣ была томительная; выйдешь развѣ посмотрѣть на прибой волнъ, подбрасываемыхъ у берега на огромную высоту; выйдешь поглядѣть, какъ отважный лоцманскій ботъ, ныряя въ волнахъ, летѣлъ къ выходу въ море на встрѣчу подходившимъ судамъ; полюбуешься развѣ, какъ два купца навалятъ другъ на друга, сцѣпятся, пожмутъ другъ другу бока при невообразимомъ гамѣ и бѣготнѣ, и какъ наконецъ разцѣпятся при громкихъ ругательствахъ.... и тѣмъ кончались всѣ наши развлеченія. Мы съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда наконецъ снимемся съ якоря и пойдемъ дальше! Лучше въ море, чѣмъ стоять у берега, который только дразнитъ, манитъ къ себѣ, но не подпускаетъ; лучше ѣсть солонину, сухари и консервы далеко отъ береговъ, гдѣ чувствуешь, что нельзя добыть свѣжей провизіи, нежели ѣсть эту дрянь въ виду берега, когда не болѣе какъ во ста саженяхъ отъ корвета заманчиво виднѣются превосходныя мясныя лавки съ чудесными ростбифами, бифстексами, котлетами, зеленныя лавки съ свѣжею и разнообразною зеленью, и тому подобныя соблазнительныя видѣнія. Однимъ словомъ, вслѣдствіе несноснаго сильнаго вѣтра, мы испытывали муку Тантала: видитъ око, а зубъ неймеітъ!....

Наконецъ, 3-го января, вѣтеръ нѣсколько стихъ, барометръ поднялся, и корветъ, окончивъ съ берегомъ всякіе счеты, снялся съ якоря, хотя наканунѣ прислано было съ Гринвической обсерваторіи предупрежденіе, чтобы ни одно судно не уходило въ море, такъ какъ предвидится въ скоромъ времени жесточайшій штормъ. Но мы добраго предупрежденія не послушались и, вопреки всякимъ предсказаніямъ, снялись съ якоря и пустились въ дальнѣйшій путь, за что, откровенно сказать, жестоко и поплатились.

Быстро отдалялся корветъ отъ береговъ, засвѣтло прошелъ мысъ Лизардъ (самая южная оконечность полуострова Корнвалиса) и продол-

жалъ свой путь подъ парами до утра 5-го января. Находясь въ сѣверной широтѣ 47°50′ и въ западной долготѣ 10°50′, корветъ вступилъ подъ паруса, и съ этого момента начались для всего экипажа дни тревоги, волненія и безпокойства.

Въ ночь съ 5 на 6 число команда въ первый разъ была встревожена и вызвана на верхъ; всѣ, кромѣ вахтенныхъ, спали крѣпкимъ сномъ, убаюкиваемые легкою и плавною качкою, какъ вдругъ въ 3 часа ночи, раздалась на верху бѣготня, поднялся шумъ, хлопанье парусовъ и снастей, слышался свистъ и завыванье свѣжѣющаго вѣтра; корветъ поддавало и бросало, какъ щепку; онъ стоналъ и скрипѣлъ во всѣхъ своихъ скрѣпленіяхъ и частяхъ. Прошло нѣсколько минутъ и въ люки [1]) раздались зычные голоса вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ парусовъ убавлять!!.... Лѣниво поднялись матросики съ теплыхъ коекъ, послышалось въ палубѣ вздыханье, оханье, почесыванье....

— Ишь его какъ заигралъ, испуганно говоритъ одинъ матросикъ, поднимаясь съ койки и прислушиваясь къ свисту расходившагося вѣтра, подикась стонетъ онъ, точно мертвецы на погостѣ.... Охъ, Господи, Силы Небесныя!....

— Братцы, не бралъ ли хто мово бушлата, слышится въ палубѣ жалобное восклицаніе, вотъ посичасъ висѣлъ тута, а таперича минулъ съ глазъ, какъ есть въ воду канулъ.... Отдайте, братцы, не вотчемъ на верхъ вытти!....

— Какой я, братецъ, сонъ страшнѣющій видѣлъ, говоритъ одинъ матросикъ своему сосѣду, бѣда! Пошелъ эфто я въ лѣсъ, вдругъ на встрѣчу ведьмѣдь, шацъ на меня и началъ ломать, просыпаюсь, а эфто палубный унтеръ [2]) въ бока тычетъ и будитъ, значитъ, на верхъ итти....

— Живѣй маршъ на верхъ! кричитъ палубный, бѣгая отъ одной койки къ другой и вываливая изъ нихъ сильно заспавшихся матросовъ.

Торопятся всѣ поскорѣй одѣться, отдѣлаться отъ работъ, да опять прикурнуть на охладѣвшей койкѣ; а на верху между тѣмъ погода раз-

[1]) Люками называются какъ отверстія въ палубахъ, служащія для схода внизъ (сходные люки), или освѣщенія палубъ (свѣтлые люки), такъ равно и прикрывающія ихъ стеклянныя рамы (свѣтлые люки) или глухія ставни (глухіе люки), употребляющіеся во время бурной погоды, чтобы попавшая на палубу вода не проникла внутрь судна (въ палубу). Въ настоящемъ случаѣ нужно подразумѣвать подъ люками отверстія, служащія для схода внизъ и освѣщенія палубы.

[2]) Палубнымъ унтеръ-офицеромъ называется унтеръ-офицеръ, наблюдающій за чистотою и порядкомъ въ жилой палубѣ.

гулялась, вѣтеръ свирѣпо хлопаетъ парусами и неистово трясетъ снасти...

Выбѣжали матросики на верхъ и пошла работа, борьба людей съ расвирѣпѣвшею стихiею; живо закрѣпили форъ-марсель [1]) и крюйсель [2]) еще живѣе убрали фокъ [3]) и гротъ [4]) и поставили триселя [5]). Отважно и смѣло работали матросики, вися на нокахъ [6]) и качаясь надъ темнымъ разбушевавшимся океанамъ; волны вздымались подобно громаднымъ горамъ и играли корветомъ, какъ мячикомъ. Справились матросы со своею работою, убрались и съ радостными лицами побѣжали внизъ согрѣвать охладѣвшiя свои койки. На верху остались одни только вахтенные; корветъ вздымался на волны и стремительно падалъ въ зiяющую и хладную пропасть; его бросало съ боку на бокъ съ сильными размахами, при чемъ по всему тѣлу пробѣгала какая-то нервная дрожь. Корветъ содрогался во всѣхъ своихъ частяхъ, стоналъ, скрипѣлъ и ходилъ....

Къ утру вѣтеръ усилился и принудилъ даже взять рифы у триселей; но, не смотря на постоянно свѣжѣющую погоду, до 7-го января все прошло благополучно: корветъ легко вздымался на волны, держался превосходно, хотя иногда громадные валы съ ужасною силою били въ подзоръ [7]) и винтовой колодецъ, [8]) отъ чего корветъ содрогался во всѣхъ своихъ частяхъ съ жалобнымъ скрипомъ и стономъ. Но съ ночи 7-го января начались первыя несчастья, которыя и преслѣдовали насъ почти трое сутокъ. Въ 3 часа ночи, вслѣдствiе сильнаго удара волны въ руль, лопнулъ штуръ-тросъ [9]); руль заходилъ и нѣкоторое время можно было опасаться, что корветъ его потеряетъ и останется безъ управляющей имъ силы. Но на корветѣ не дремали: быстро застопоренъ [10])

---

[1]) Форъ-марсель—парусъ, помѣщаемый между нижнею реею фокъ-мачты (фокарея) и среднею (форъ-марса-рея).

[2]) Крюйсель—парусъ, помѣщаемый между нижнею реею бизань-мачты (бегинъ-рея) и среднею (крюйсель-рея).

[3]) и [4]) Фокъ и гротъ—самые нижнiе и самые большiе паруса: первый у фокъ-мачты, второй—у гротъ-мачты. Они ставятся ниже марселей.

[5]) Триселя косые паруса; они ставятся позади фокъ и гротъ-мачты и вдоль ихъ. Парусъ же, находящiйся позади бизань-мачты, называется бизанью.

[6]) Ноками называются оконечности рей.

[7]) Подзоромъ называется часть кормы, свѣсившаяся надъ водою.

[8]) Винтовой калодезь—сквозное отверстiе въ корпусѣ судна надъ винтомъ, которымъ онъ поднимается на верхъ при ходѣ подъ парусами

[9]) Штуръ-тросъ — свитая изъ сыромятныхъ ремней крѣпкая веревка, съ помощью которой поворачиваютъ руль. Штуръ-тросъ бываетъ также цѣпной.

[10]) Застопорить—значитъ остановить какое нибудь дѣйствiе или работу.

былъ румпель [1]), чтобы остановить движеніе руля, еще быстрѣе заложили въ помощь стопорамъ румпель-тали [2]), и корветъ съ закрѣпленнымъ рулемъ предоставленъ былъ на произволъ валовъ.

Въ то же время начали основывать [3]) новый штуръ-тросъ; къ разсвѣту корветъ былъ уже въ порядкѣ, управляющая сила его въ исправности и мы подумывали уже немного поотдохнуть; но это неудалось. Черезъ короткое время, за первымъ несчастьемъ послѣдовало второе: при одномъ изъ сильныхъ боковыхъ размаховъ, подвѣтренный [4]) катеръ черпнулъ бортомъ и, при выпрямленіи корвета, оборвался съ носовой шлюбъ-балки [5]) и повисъ на кормовой; нѣсколько минутъ, при каждомъ размахѣ, билъ онъ съ ужасною силою въ бортъ, но наконецъ окончательно былъ сорванъ волненіемъ и унесенъ со всею принадлежностью въ море..... Богъ знаетъ, кому онъ достанется! Разобьется-ли въ дребезги, выкинетъ ли его бурный океанъ на берегъ, завладѣетъ ли имъ счастливый купецъ—узнаетъ объ этомъ одинъ только Богъ, море, да тотъ, кому онъ достанется!..... Грустно слѣдили мы взоромъ за удаляющимся катеромъ, который черезъ короткое время скрылся среди бушующихъ валовъ. Одинъ изъ дѣтей корвета потерянъ, подумалъ я одним изъ членовъ его меньше.......

Утромъ, 7-го числа, вѣтеръ сталъ какъ будто бы стихать; кругомъ разлилась какая-то страшная ужасающая тишина; въ воздухѣ чувствовалась тяжелая удушливость, что, при низкомъ барометрѣ, который упалъ въ это время до 28,78 дюймовъ, не предвѣщало ничего добраго. Всѣ находились въ какомъ-то безпокойномъ ожиданіи, но не долго: вѣтеръ быстро, почти мгновенно, перешелъ отъ юго-запада (SW) къ сѣверо-западу (NW) и началъ дуть страшными порывами. Низкія градоносныя тучи, сопровождаемыя сильною грозою, показались на го-

---

[1]) Румпелемъ называется желѣзный (на шлюбкахъ и малыхъ судахъ деревянный) рычагъ, служащій для поворотовъ руля.

[2]) Румпель-тали закладываются на конецъ румпеля.

[3]) Основывать значитъ продергивать на свое мѣсто.

[4]) Сторона судна, обращенная къ вѣтру, называется навѣтренною, а другая—подвѣтренною. Сообразно этому, всѣ предметы, находящіеся на навѣтренной сторонѣ называются навѣтренными, и обратно, предметы, лежащіе по подвѣтренной сторонѣ, называются подвѣтренными.

[5]) Шлюбъ-балки—металлическія дугообразныя изогнутыя полосы, на которыхъ шлюбки поднимаются и висятъ снаружи борта. Каждая шлюбка виситъ на двухъ шлюбъ-балкахъ: одна ближе къ носу судна, называется носовою, а другая, ближе къ кормѣ, кормовою.

ризонтѣ и быстро застилали все небо; онѣ неслись съ ужасающею быстротою, имѣли непріятный желтовато-сѣрый цвѣтъ, изорванный видъ, а въ серединѣ, мѣстами, были уродливо раздуты. Повидимому, приближалось поразительное и страшное явленіе—буря съ градомъ!....

Масса тучъ неслась между тѣмъ съ постоянно увеличивающеюся быстротою, безпрестанно клубясь и издавая какой-то странный и непріятный шипъ и шумъ, какъ будто бы онѣ, подобно ядовитому змію, должны передъ нападеніемъ выработать въ себѣ ядъ. Океанъ вдали вспѣнился, забурлилъ какъ въ котлѣ и застоналъ; сильный шквалъ разметывалъ по воздуху пѣну, вздымалъ воду подобно громаднымъ горамъ, срывалъ ихъ вершины и несъ къ корвету тучу брызгъ и пѣны. Длинныя молніи прорѣзали темное, мрачное и страшное небо; корветъ запрыгалъ съ волны на волну, содрогался отъ сильныхъ ударовъ грома, разрѣшающихся надъ самыми головами. Начали падать почти совершенно отвѣсно, сперва отдѣльныя, крупныя и тяжелыя дождевыя капли, но потомъ—все скорѣе и скорѣе, гуще и чаще. Громъ, молнія, вихрь и какой-то необъяснимый шумъ начали быстро усиливаться; въ воздухѣ ощутился весьма сильный холодъ; показались первыя градины, сперва мелкія и едва замѣтными зернами, но затѣмъ онѣ становились все крупнѣе и крупнѣе, все многочисленнѣе и многочисленнѣе и затѣмъ, съ страшною трескотнею, начали падать такъ густо, что между ними едва можно было различить дождевыя капли. Океанъ вспѣнился; огромные валы вздымались отъ сильнаго напора шквала и обрушивались на корветъ, который содрогался, стоналъ и скрипѣлъ на всѣ возможные лады съ ужасными, потрясающими душу, варіаціями. Свистъ и вой вѣтра, шипящій блескъ молній, сильные удары грома, слѣдующіе почти моментально одинъ за другимъ, и необыкновенный шумъ тучъ дополняли грустный концертъ разъярившейся стихіи.... Казалось, природа хотѣла поразить насъ своимъ грознымъ величіемъ—и поразила, хотѣла удивить насъ—и удивила, казалось, думала устрашить, но не устрашила!... Одинъ шквалъ за другимъ, когда съ градомъ, а когда и со снѣгомъ, обрушивался на корветъ и держалъ всѣхъ все время на чеку, на сторожѣ. Между шквалами небо совершенно прояснялось, оставляя только на вѣтрѣ массу тучъ, которыя черезъ короткое время опять застилали все небо, новый шквалъ обрушивался на корветъ съ ужасною силою, пролеталъ мимо и небо опять разъяснялось, но ненадолго: новыя свинцовыя тучи застилали небо, разражался новый свирѣпый шквалъ и..... такъ продолжалось слишкомъ двое сутокъ. Кор-

ветъ расшатало до необычайной степени; сквозь пазы [1]) и стыки [2]) лилась въ палубу вода и дѣлала положеніе экипажа невыносимымъ; нельзя выйти на верхъ, гдѣ постоянно окачиваетъ солеными волнами и пробираетъ до самыхъ костей несносный градъ; нельзя посушиться и въ палубѣ, гдѣ сверху, сквозь расшатавшіяся доски, льется вода въ видѣ множества небольшихъ, но чрезвычайно непріятныхъ, ручейковъ. Въ каютахъ спали въ длинныхъ сапогахъ и дождевикахъ, чтобы не промочить ноги и не встать поутру выкупаннымъ въ соленой водѣ. Повсюду протянуты были леера [3]), и кто хотѣлъ пройти съ одного конца палубы на другой, тотъ долженъ былъ держаться за нихъ обѣими руками, и то разъ пять вскинетъ его на воздухъ и такъ встряхнетъ, что не пожелаетъ вторично возобновить подобную прогулку. Положеніе вообще было очень несносное. Отъ сильныхъ размаховъ корвета ванты ослабли до такой степени, что мачты ходили и можно было ожидать ихъ паденія; когда корветъ кренился на одну сторону, то съ этой стороны ванты висѣли бухтою, съ другой же вытягивались въ струну; когда корветъ падалъ на другую сторону, то и мачты съ размаху перевалились, при чемъ уже на другой старонѣ ванты висѣли бухтою, а на первой были туги, какъ струны. Благодаря только принятымъ мѣрамъ, мачты были достаточно укрѣплены и больше ужъ не ходили..... Въ ночь съ 7-го на 8-ое число шквалы усилились до невѣроятной степени; электричество переполняло воздухъ и на всѣхъ нокахъ рей и вершинахъ мачтъ горѣли всю ночь ярко-голубые сентъ-эльмскіе огни, которые разрывались надъ корветомъ съ оглушительнымъ трескомъ, на подобіе пушечныхъ выстрѣловъ. Огни эти имѣли продолговатый видъ (около полуаршина въ длину) и состояли изъ свѣтлыхъ, обращенныхъ кверху, пучковъ лучей, большаго или меньшаго напряженія, которые то появлялись, то мгновенно исчезали при оглушительномъ трескѣ.... Матросы католики называютъ эти пучки «свѣчами» и говорятъ, что будто бы самъ св. Эльмъ является, чтобы зажечь ихъ, а потому при ихъ появленіяхъ они молятся ему и воспѣваютъ его. Нѣкоторые ученые думаютъ, что названіе происходитъ отъ искаженнаго имени Елены и относятъ начало его еще къ языческой древности, потому что въ сказаніяхъ древнихъ историковъ, Цезаря, Тита-Ливія, Плутарха,

[1]) Пазъ—долевая щель между соприкасающимися досками палубы.

[2]) Стыкъ—поперечная приставка конечностей двухъ досокъ. Пазы и стыки конопатятъ и просмаливаютъ.

[3]) Лееръ—туго вытянутая веревка, оба конца которой закрѣплены; служитъ перилами.

*

Прокопія, Сенеки и Плинія, часто, упоминается о свѣтящихся остріяхъ пикъ отдѣльныхъ воиновъ или даже цѣлыхъ легіоновъ, а также объ огняхъ, горящихъ на вершинахъ мачтъ въ видѣ трехъ яркихъ лучей, при чемъ два изъ свѣтящихся лучей назывались въ то время Касторомъ и Полуксомъ и означали счастье; третій же лучъ назывался Еленою, и означалъ несчастье. Древніе ученые всѣми силами старались объяснить себѣ это замѣчательное явленіе, но не имѣли успѣха; впослѣдствіи же новѣйшимъ ученымъ удалось объяснить это явленіе, причемъ они доказали, что оно происходитъ вслѣдствіе стремленія нейтрализоваться двухъ разнородныхъ электричествъ, заключающихся одно въ облакахъ, а другое въ водѣ или землѣ, при чемъ эта нейтрализація совершается мало-по-малу; если же она совершается вдругъ, то происходитъ громъ и молнія. Видъ сентъ-эльмскихъ огней совершенно зависитъ отъ распредѣленія электричества: если вода или земля наэлектризованы положительно, а облака отрицательно, то огни св. Эльма имѣютъ видъ пучковъ лучей, направленныхъ кверху къ облакамъ; если же облака наэлектризованы положительно, а земля или вода отрицательно, что впрочемъ случается весьма рѣдко, то эти огни имѣютъ видъ блестящихъ шаровъ или звѣздъ......

Корветъ, илюминованный сентъ-эльмскими огнями, представлялъ, я думаю, со стороны чрезвычайно восхитительное зрѣлище; на палубѣ же было отъ нихъ до того свѣтло, что съ одного ея конца можно было разобрать, что дѣлается на другомъ.

У фокъ-мачты сидятъ два матросика, кутаются отъ холоднаго рѣзкаго шквала, держатся обѣими руками кто за что, чтобы не отлетѣть отъ качки въ сторону, и громко разговариваютъ, хотя голоса ихъ почти совершенно теряются въ шумѣ разсвирипѣвшей стихіи.

— Батюшки, страсти какія, испуганно говоритъ одинъ изъ нихъ, вѣрно въ первый разъ испытывавшій подобную бурю, за што эфто Господь Богъ на насъ, грѣшныхъ, гнѣваться такъ изволитъ?!....

— Да ужъ значитъ звѣзда, наша такая, угрюмо говоритъ другой, значитъ оченно прогнѣвили Бога, што отъ самаго Кронштадта страсти на насъ такія напускаетъ.

— Гляди, Петро, гляди, со страхомъ проговорилъ первый матросикъ, набожно крестясь и испуганно глядя на сентъ-эльмскіе огни, появившіеся на нокахъ рей, сичасъ лопнетъ, какъ есть лопнетъ, мотри, штобъ не убило....

Раздался сильный трескъ и сентъ-эльмскіе огни пропали: матросики пригнули головы и со страхомъ начали креститься.

— Слава Ти, Господи, бормочетъ Петро, продолжая класть поклоны, значитъ живъ, а ты, Ремка, живъ?....

— Живъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ Еремей, только больно спужался: чуть чуточки духъ совсѣмъ не вышибло.... Экія страсти, Господи, Боже мой!....

— Что такое значитъ эфти самые огни, спрашиваетъ Еремка послѣ нѣкотораго молчанія своего товарища; точно живые, такъ и бѣгаютъ?..

— Богъ ихъ знаетъ, а вонъ тамъ унтеръ баетъ, что эфто души потопшихъ: и воютъ онѣ таперича, и стонутъ, а какъ осерчаютъ, такъ на реи сичасъ вскочатъ, аль на клотикъ [1]) и давай пужать насъ, да и иностранцевъ тоже, штобъ дальше не шли, ихъ не помянувши....

— Царствіе имъ небесное, набожно говоритъ Еремей, снявши фуражку и крестясь.

— Да, Ремушка, помянемъ ихъ; Богъ съ ними, авось насъ не тронутъ и пужать не станутъ....

И началъ Еремка съ Петромъ креститься, Богу молиться, пока новые сентъ-эльмскіе огни не заставили ихъ совершенно присмирѣть и забиться за мачту, подъ снасти такъ, что ихъ не стало видно, да и они сами ничего навѣрное не видѣли.

Сила шкваловъ между тѣмъ все усиливалась; при одномъ размахѣ корветъ сильно погрузился носомъ въ волны и зарылся, причемъ потерялъ бомъ-утлегаръ, сильно повредилъ утлегаръ и бушпритъ, и лопнуло два ветеръ-штага [2]).

Нѣкоторое время можно было опасаться потерять бушпритъ, а съ нимъ фокъ-мачту; но на корветѣ не дремали и чрезвычайно быстро укрѣпили мачту на столько, что можно было надѣяться сохранить ее, если бы даже бушпритъ сломался окончательно. Вмѣсто лопнувшихъ ватеръ-штаговъ заложены были подъ бушпритомъ тали, которыя натуго вытянули; такимъ образомъ мы надѣялись даже сохранить на время и бушпритъ, который оказался треснувшимъ внутри всѣхъ ватеръ-штаговъ на самомъ шекѣ [3]). Находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи.

Командиръ не рѣшался продолжать путь къ Зеленымъ островамъ; но выжидалъ только, чтобы вѣтеръ немного стихъ, и чтобы можно было

[1]) Клотикъ точеный плоскій деревянный кругъ, нагоняемый на флагштокъ (самая верхняя часть мачты). Въ него вставляется громоотводъ.

[2]) Ватеръ-штаги—цѣпи, идущія отъ бушприта внизъ къ форштевню; (форштевень продолженіе киля, идущее въ верхъ и служащее оконечностью судна носау). Ватерштаги не позволяютъ бушприту подняться вверхъ.

[3]) Шекомъ называется та часть форштевня, на которомъ лежитъ бушпритъ.

тогда развести пары и спуститься въ ближайшій портъ. Но прежде чѣмъ дождались мы этого момента, намъ пришлось еще вдоволь покачаться въ разбушевавшемся океанѣ и подвергнуться послѣднимъ испытаніямъ..

Весь день, 8-го января, вѣтеръ дулъ жестокими порывами; океанъ продолжалъ кипятиться и обрушивать свои громадные валы на трепещущій корветъ, который однако легко взлеталъ на ихъ вершины и стремительно бѣжалъ по крутой покатости волны въ зіяющую и клокочущую пропасть....

Въ ночь, съ 8-го на 9-е число, подверглись мы послѣднему испытанію, при чемъ буря предсмертными своими усиліями нанесла намъ послѣдній, самый тяжелый (особенно для гардемариновъ) ударъ.

Около полуночи раздался на верху страшный трескъ, и огромная волна, ударивъ въ лѣвый бортъ и выломавъ внутро шканечный портъ [1]), разлилась по палубѣ и съ неистовствомъ искала себѣ выхода; все было опрокинуто бурнымъ валомъ; выбитый портъ, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, возило волною по палубѣ и онъ ломалъ все, что попадалось ему по дорогѣ.

Къ несчастію, волна нашла себѣ выходъ внутро судна! Хотя повсюду положены были глухіе люки, но въ этотъ моментъ, какъ нарочно, каютъ-компанейскій выходъ былъ открытъ и туда-то ринулась вся волна, попавшая на палубу. Внизу поднялся страшный переполохъ: въ одно мгновеніе залита была часть жилой палубы и гардемаринская каюта [2]), въ которой набралось воды выше колѣна. Живо вскочили мы съ коекъ въ воду, думая, что идемъ уже ко дну, но черезъ нѣсколько секундъ опомнились и бросились спасать свое имущество, помѣщенное въ рундукахъ и совершеноо залитое водою; но поздно: пока вычерпали изъ каюты воду, большая часть нашихъ вещей потерпѣла уже страшныя опустошенія; все, что было въ рундукахъ, пропиталось соленою водою и сдѣлалось почти что никуда негоднымъ....

Много благодарны за сюрпризъ, грозное море, бушующія волны и вы, свирѣпые шквалы, и мы этого никогда не забудемъ, а если и забудемъ, такъ тогда, когда все поврежденное и попорченное будетъ исправлено и пополнено!....

---

[1]) Портами называются желѣзные ставни (бываютъ и деревянные), которыми закрываются отверстія въ борту судна, предназначеныя для дѣйствія орудіями. Шканечными портами называются тѣ порты, которые закрываютъ отверстія въ борту на шканцахъ.

[2]) Гардемаринская каюта помѣщается въ жилой палубѣ и почти подъ каютъ-компанейскимъ выходомъ, слѣдовательно первой напоръ волны былъ въ нее.

Къ утру, 9-го января, вѣтеръ сталъ стихать, но волненіе не уменьшилось, а напротивъ возрастало въ своихъ размѣрахъ. Корветъ бросало съ боку на бокъ съ ужасными размахами, такъ что отвѣсъ кренометра [1]) билъ въ стѣнки инструмента. При одномъ изъ такихъ размаховъ случилось довольно курьезное приключеніе: корветъ началъ сильно крениться на бокъ; за марсо-фальную кадку [2]), стоящую на навѣтренной сторонѣ, держится обѣими руками гардемаринъ и съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что корветъ кренится все больше и больше, хотя палуба уже представляетъ достаточно крутую покатость, по которой ни пройти, ни проползти. Съ послѣдними усиліями держится онъ за кадку, а корветъ между тѣмъ все кренится, да кренится, и вдругъ.... о, ужасъ, найтовы [3]) оборваны, кадка отдѣляется отъ борта и гардемаринъ вмѣстѣ съ нею несется по наклонной палубѣ. Все это произошло гораздо скорѣе, чѣмъ я описалъ! Прошло нѣсколько мгновеній и корветъ началъ крениться на другую сторону, кадка покатилась обратно, а за нею и гардемаринъ, которому, какъ видно, очень не хотѣлось разстаться съ послѣднею своею опорою; онъ, повидимому, опасался оставить кадку, чтобы не быть ею раздавленымъ или же не летать на легкѣ гораздо стремительнѣе. Нѣсколько разъ проѣздилъ онъ съ нею по палубѣ, пока не остановили это невольное катанье и не подняли его изцарапаннаго, мокраго, грязнаго и совершенно измученнаго своею неотвязчивою спутницею....

До 9-го января, штурмана не имѣли возможности опредѣлить свое мѣсто обсерваціею [4]), хотя нѣсколько разъ, привязанные къ мостику и съ секстантами въ рукахъ, ловили они солнце, чтобы взять его высоту; но это имъ никогда не удавалось. Только въ этотъ день удалось, имъ сдѣлать наблюденіе, при чемъ оказалось, что корветъ находится въ 150 морскихъ миляхъ отъ мыса Лизардъ, который прошли мы пять дней тому назадъ, слѣдовательно среднимъ числомъ корветъ подвигался впередъ всего только по 30 миль въ сутки. Опредѣливъ свое мѣсто, командиръ приказалъ развести пары и, не желая идти въ Англію, такъ какъ стоянка здѣсь очень дорога, направился къ Бресту; но когда корветъ пришелъ на меридіанъ острововъ Сцили,

---

[1]) Кренометръ инструментъ, показывающій наклоненіе (кренъ) судна, а также и величину размаховъ.

[2]) Марсофальная кадка точеная рѣшетчатая кадка на ножкахъ, въ которую укладываютъ особую снасть марсафалъ (съ помощью которой поднимаютъ по мачтѣ марсарею), чтобы она не мокла на палубѣ.

[3]) Канатъ.

[4]) Наблюденіемъ.

лежащихъ на западъ отъ мыса Лизардъ, вѣтеръ опять засвѣжѣлъ при чемъ капитанъ увидѣлъ, что идя къ острову Аесану (лежащему у западнаго берега Бретани), корвету придется приводить [1]) и выгребать противъ все еще очень большой зыби, а потому и не надѣялся попасть въ Брестъ. Чтобы не биться даромъ у опасныхъ французскихъ береговъ, рѣшено было спуститься къ Лизарду и войти опять въ Каналъ, изъ котораго вышли всего только нѣсколько дней тому назадъ.

10-го января, въ 4 часа пополудни, пришли мы опять на Плимутскій рейдъ, съ котораго желали такъ сильно уйти, и стали на якорь въ виду Давенпорта. Черезъ нѣсколько дней получено было отъ плимутскаго порта позволеніе войти въ Давенпортъ, чтобы исправить тамъ всѣ поврежденія, просушить и выкрасить корветъ, который сталъ бортъ о бортъ съ блокшивомъ Виго (Vigo), кораблемъ ветераномъ, взятымъ англичанами, еще при Нельсонѣ, у испанцевъ. Команда и офицеры переселились на блокшивъ, просторно размѣстившись на огромномъ, чистомъ кораблѣ; на корветѣ между тѣмъ закипѣла работа, застучали топоры и молоты, завозились матросики и англійскіе рабочіе....

Большія работы на корветѣ могли продержать его въ Плимутѣ около мѣсяца, а потому, имѣя въ своемъ распоряженіи почти двѣ недѣли, я рѣшился посѣтить Лондонъ, всемірный городъ, городъ чудесъ, богачей, нищихъ и ловкихъ воровъ. Случай мнѣ благопріятствовалъ: въ Плимутѣ стояло нѣсколько купеческихъ пароходовъ, которые намѣревались на дняхъ сняться съ якоря и идти въ Лондонъ. Живо условился я съ однимъ изъ каптейновъ въ цѣнѣ, которая оказалась гораздо ниже желѣзно-дорожной, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда мой каптейнъ будетъ готовъ, нагрузится углемъ и пришлетъ мнѣ знать, что я могу уже перебраться на его судно.

Наконецъ, 15 января, получилъ я желанную вѣсточку, перебрался на пароходъ, уже совершенно готовый къ выходу въ море, и удобно помѣстился въ уютной каюткѣ, уступленной въ мое полное распоряженіе любезнымъ каптейномъ, толстымъ, краснощекимъ и гладко выбритымъ джентльменомъ...

Пароходъ между тѣмъ запыхтѣлъ, застучалъ, засвисталъ и вышелъ съ плимутскаго рейда. Плаваніе было спокойное, однообразно-скучное: неуклюжій, плотно нагруженный, пароходъ шелъ себѣ да шелъ впередъ, оставляя позади, на пасмурномъ небѣ, черные клубы дыма, которые постепенно разстилались, разсѣевались и пропадали, сливаясь съ набѣгавшими облаками...

---

[1]) Приводить — значитъ уменьшить уголъ между направленіемъ вѣтра и носомъ судна.

Весь переходъ до Лондона чувствовалъ я себя не въ своей тарелкѣ мнѣ съ перваго разу было какъ-то неловко, что я безъ дѣла и не мечусь, какъ угорѣлый, съ одного конца судна на другой, а хожу себѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, по грязной палубѣ въ обществѣ предупредительнаго каптейна, который, какъ видно, всѣми силами старался сдѣлать переходъ для меня болѣе пріятнымъ.

Такимъ образомъ пролетѣло двое сутокъ, и я уже радовался концу моего скучнаго путешествія. 17 января, около трехъ часовъ пополудни, пароходъ вошелъ въ устье Темзы; справа и слѣва показались неясныя очертанія береговъ, замелькали пароходы, большіе парусные корабли, отправлявшіеся можетъ быть за десятки тысячь миль. Чѣмъ дальше входили мы въ устье, тѣмъ все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу различнаго рода суда, тѣмъ все ближе и ближе сдвигались берега, зеленѣющіе роскошными полями и садами.

Но вотъ и Темза! Тысячи судовъ возмущаютъ воды величественной рѣки; отъ самаго ея устья до всемірной столицы видна неугомонно-кипучая дѣятельность! Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль (англ. миля=$1^3/_4$ верстѣ) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья слишкомъ сорокъ пять миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Нѣтъ въ мірѣ другой рѣки, которая бы такъ много способствовала громадному развитію торговой дѣятельности, какъ Темза. Не будь ея—Лондонъ не имѣлъ бы рѣшительно никакого значенія въ торговомъ мірѣ, а теперь онъ царь этого міра, всемогущій властелинъ, деспотъ, которому стоитъ только нахмурить брови, чтобы привести въ ужасъ всѣхъ своихъ подданныхъ....

Живо промчались мы мимо Гревзенда, перваго англійскаго города на Темзѣ, мимо Вульвича—знаменитаго превосходными военными верфями, пробѣжали мѣстечко Блэкволь, у пристани котораго тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Лондону, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался неумолкаемый шумъ; запахъ угля раздражалъ непривычные нервы, даль вся куталась въ туманъ. Солнце, это яркое, чудесное свѣтило, нельзя было узнать: оно то являлось въ видѣ краснаго раскаленнаго ядра, застланнаго черными густыми клубами дыма, то въ видѣ яркаго золотаго кольца, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и разстилался по небу мутнымъ пологомъ.

Пароходъ приближался къ знаменитымъ лондонскимъ докамъ; я былъ пораженъ необыкновенною дѣятельностью, движенiемъ и шумомъ, который раздавался со всѣхъ концовъ и далеко разносился по воздуху. Тысячи судовъ всевозможныхъ размѣровъ и формъ тѣсно жались къ берегамъ, нагружая и выгружая различные товары, продукты всего мiра. Множество судовъ входило въ Темзу, еще больше выходило и подъ всѣми парами неслись въ различные, отдаленнѣйшiе заграничные порта; здѣсь еле движутся длинною вереницею угольныя суда, тамъ съ шумомъ несутся къ устью пароходы, чтобы пробуксировать противъ теченiя парусныя купеческiя суда; съ одного берега на другой снуетъ множество другихъ пароходовъ, перевозящихъ публику, разной величины шлюбки, барки....

По обѣимъ сторонамъ рѣки жались къ другъ другу черные громадные дома, на стѣнахъ которыхъ бѣлѣли большiя буквы надписей, объяснявшихъ, что позади помѣщается верфь, мастерская или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ домовъ виднѣлся второй, выше, съ такими же надписями и вывѣсками, за вторымъ — виднѣлся третiй, а иногда цѣлый лѣсъ мачтъ множества судовъ, стоящихъ въ громадныхъ лондонскихъ докахъ.

Впереди виднѣлся Лондонскiй мостъ съ его сѣрыми тяжелыми арками; за нимъ виднѣлись своды другаго моста и даже третьяго.... Всѣхъ же мостовъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнiю, которая поражаетъ путешественника, первый разъ посѣтившаго всемiрную столицу.

Пароходъ подошелъ къ своему мѣсту; я забралъ вещи и началъ пробираться по живому мосту сдвинувшихся судовъ къ набережной, на которой первое время я остановился какъ вкопанный, пораженный страшнымъ движенiемъ, смутнымъ невыносимымъ гуломъ. Громъ подъѣзжающихъ и отъѣзжающихъ фуръ и чудовищныхъ омнибусовъ, свистки пароходовъ, шипѣнiе выпускаемаго пара, грохотъ отдаваемыхъ якорей, звонъ цѣпей, скрипъ блоковъ, стукъ подъемныхъ машинъ и воротовъ, говоръ и крикъ двигающихся взадъ и впередъ матросовъ, извощиковъ, крючниковъ, приказчиковъ, торговцевъ — все это производило ужасный для непривычнаго уха шумъ.

Только по прошествiи нѣкотораго времени пришелъ я въ себя, нанялъ первый попавшiйся кэбъ и приказалъ ѣхать въ ближайшiй отель, чтобы немного успокоиться, отдохнуть послѣ путешествiя и съ новыми силами осмотрѣть, изучить во всѣхъ отношенiяхъ самый замѣчательнѣйшiй городъ въ свѣтѣ.

ГЛАВА VII.

ЛОНДОНЪ.

Первое впечатлѣніе.—Тоннели.—Общій видъ города.—Кварталы: Вестъ-Эндъ Сити, Севенъ-діальсъ и Уайтъ Чапель.—Парламентъ.—Лондонская башня.—Доки.—Гринвическій госпиталь. — Вестминстерское аббатство. — Соборъ Св. Павла.—Хрустальный дворецъ.—Британскій музеумъ.—Зоологическій садъ.—Лондонскіе памятники и монументы.—Лондонскій таттерсаль.

Съ перваго взгляда Лондонъ поразилъ меня своимъ необыкновеннымъ движеніемъ. дѣятельностью и шумомъ. Коляски, чудовищные омнибусы, кареты, повозки съ овощами и молокомъ, огромныя фуры, всадники—все это въ необыкновенномъ количествѣ, непрерывными рядами, встрѣчаясь и перегоняя другъ друга, носилось по улицамъ, производя какой-то одуряющій для непривычнаго глаза видъ. По широкимъ тротуарамъ волновалась густая масса чрезвычайно разнокалиберной публики: тутъ вы увидите чопорныхъ разодѣтыхъ англичанокъ, озабоченныхъ, не обращающихъ по сторонамъ никакого вниманія, гладко выбритыхъ и просто одѣтыхъ англичанъ, курчаваго и блестящаго, какъ чищенный сапогъ, негра, выступающаго съ важностью и съ сознаніемъ собственнаго достоинства; тутъ вы увидите и страстнаго, бросающаго по сторонамъ жгучіе взоры, итальянца, загорѣлаго испанца, котораго перегоняетъ мѣдно-красный американецъ, желтый индусъ, бѣлокурый шведъ, русый славянинъ....

Однимъ словомъ, по обѣимъ сторонамъ улицы мелькаютъ народы всевозможныхъ странъ, племенъ и нарѣчій...

Но этого мало: подъ ногами, подъ землею слышится почти такой же шумъ, стукъ, кипитъ та же дѣятельность, чувствуется то же движеніе. Если сдѣлать мысленный разрѣзъ лондонскихъ улицъ, то вы увидите подъ ними четверную канализацію. Первая состоитъ изъ газопроводовъ,

которые обязаны давать свѣтъ всемірному городу не только ночью, но и днемъ, потому что иногда случается здѣсь, что и днемъ нельзя обойгись безъ освѣщенія.

Вторая линія подземныхъ каналовъ, считая сверху, служитъ для водопроводовъ, которые развѣтвляются на тысячи рукавовъ и проводятъ воду не только изъ Темзы, изъ которой пользуется только южная и юго-западная часть города, но и изъ рѣчекъ Ли и Чадвель, которыя доставляютъ эту живительную влагу сѣверной и сѣверо-западной части Лондона до Сити включительно.

Трубы, предназначенныя для стока нечистотъ, представляютъ третью систему каналовъ. Они основаны въ 1859 году и проведены въ Темзу, далеко ниже города. Можно себѣ вообразить количество нечистотъ слишкомъ отъ трехъ милліоновъ жителей и нѣсколькихъ сотъ тысячъ домашнихъ животныхъ.... Ниже всѣхъ этихъ линій идутъ тонелли и подземныя желѣзныя дороги, освѣщенныя газовымъ свѣтомъ.

Постройку этихъ тонеллей можно считать предпріятіемъ смѣлымъ, геніальнымъ; но англичане не испугались страшныхъ препятствій, громадныхъ издержекъ и, послѣ продолжительной борьбы, все-таки осуществили свою великую мысль и проложили два тонелля, которые будутъ вѣчными памятниками геніальности и терпѣнія ихъ строителей. Къ этому смѣлому предпріятію принудило англичанъ слѣдующее обстоятельство: Лондонъ, какъ извѣстно, раздѣляется Темзою на двѣ главныя части, соединенныя между собою семью чудесными мостами, которые представляютъ не мало препятствій для судоходства. Но всѣ эти мосты расположены ниже лондонскихъ доковъ, потому что устройство моста выше доковъ сопряжено было съ громадными невыгодами, такъ какъ подходъ судовъ къ нимъ былъ бы черезъ это значительно затрудненъ. Не смотря на то, здѣсь было очень важное мѣсто для переѣзда изъ одной части города въ другую, и если бы не было сообщенія, то пришлось бы дѣлать объѣздъ слишкомъ въ семь верстъ. Для устраненія этого неудобства англичане еще въ началѣ настоящаго столѣтія подумывали соединить обѣ части города, ниже доковъ, подземною улицею или тоннелемъ, но первое препріятіе инженера Везей, въ 1809 году, окончилось полною неудачею. Однако англичане не упали духомъ, но напротивъ все болѣе и болѣе убѣждались въ возможности выполнить свою мысль, и вотъ, въ 1823 году, предложена была эта работа знаменитому французскому инженеру Бруннелю, который взялся за нее со свойственными ему энергіею, терпѣніемъ и искусствомъ.

Онъ выбралъ для устройства тоннеля мѣсто между Rotherhithe и

Wapping — единственный пунктъ между Лондономъ и Гринвичемъ, въ которомъ могло быть исполнено подобное предпріятіе. Работы начались въ 1825 году со стороны Ротергита, въ разстояніи 150 футовъ отъ воды и на 68 футахъ глубины. Сооруженіе тоннеля шло впередъ чрезвычайно медленно, и ко 2 марту 1827 года прорыто было всего только 470 футовъ, или почти одна-треть всей длины. Хотя тоннель на каждые сто футовъ длины понижался на три фута въ глубину, все-таки въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ середины рѣки, потолокъ его отстоялъ отъ воды всего только на 10 футовъ. Чѣмъ ближе подвигались къ серединѣ рѣки, тѣмъ препятствія и опасности этого колосальнаго предпріятія росли все больше и больше. Вода просачивалась черезъ множество невидимыхъ щелей и грозила затопить, разрушить начатое предпріятіе; но Бруннель былъ неутомимъ, и возраставшія опасности не страшили его, но напротивъ, возбуждали въ немъ все больше и больше энергіи. Чтобы узнать причину просачиванія воды, онъ, въ 1827 году, нѣсколько разъ опускался въ воздушномъ колоколѣ на дно Темзы, дѣлалъ тамъ свои смѣлыя наблюденія, рисковалъ жизнію и въ концѣ концовъ отстранилъ побѣги воды, опустивши на дно въ извѣстныхъ мѣстахъ ящики и мѣшки съ глиною.

Бруннель для опыта оставилъ на днѣ рѣки нѣсколько лопатъ и молотокъ, которые черезъ нѣсколько дней были найдены рабочими въ самомъ тоннелѣ, что служило страшнымъ доказательствомъ необыкновенной рыхлости почвы дна. Не смотря на то, работа постепенно подвигалась все дальше и дальше, какъ вдругъ 19 мая 1827 года нѣсколько пришедшихъ въ Лондонъ кораблей, ничего не зная о сооруженіи тоннеля, бросили свои якоря прямо надъ нимъ, прорвали потолокъ, и вода съ ужаснымъ шумомъ ринулась въ образовавшееся отверстіе, и не болѣе какъ въ четверть часа залила весь тоннель. Работники искали спасенія въ бѣгствѣ; тоннель, казалось, совершенно погибалъ, но мужественный Бруннель не поколебался отъ этого несчастья, немедленно опустился на дно рѣки въ воздушномъ колоколѣ, осмотрѣлъ поврежденія и тотчасъ же приступилъ къ ихъ исправленію. Сдѣланную якорями пробоину онъ приказалъ зачинить, опустивши въ этомъ мѣстѣ на дно рѣки, въ корзинахъ, 60,000 центнеровъ глины, затѣмъ осушилъ самый тоннель нѣсколькими паровыми насосами, и 21 іюня можно уже было опять продолжать работу.

Отстранивши первое несчастье, явились десятки другихъ; работники, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнаго потопа, находились постоянно въ безпокойствѣ и страхѣ и часто даже отказывались продолжать ра-

боту; къ этому еще присоединилось довольно частое воспламененіе газовъ и испорченность воздуха, который наполнялся вредными міазмами до такой сильной степени, что работники не могли его выносить и послѣ короткаго пребыванія въ тоннелѣ лишались чувствъ. Но, не смотря на всѣ эти препятствія, къ 12 января 1828 года было прорыто еще 52 фута; но въ этотъ день случилось второе несчастье, второй прорывъ воды, которая залила тоннель менѣе чѣмъ въ десятъ минутъ, при чемъ погибло шесть работниковъ, а сынъ Бруннеля спасся какимъ-то чудомъ: его вынесло изъ тоннеля потокомъ воды. Геніальный инженеръ не упалъ духомъ и при второмъ несчастьѣ, исправилъ поврежденія тѣмъ же путемъ и готовъ былъ приступить къ дальнѣйшимъ работамъ; но на этотъ разъ явилось главное препятствіе — недостатокъ денегъ. Акціонерное общество, взявшееся за это дорогое дѣло, пришло въ упадокъ; въ продолженіе семи лѣтъ были прерваны всѣ работы, пока наконецъ правительство не рѣшилось помочь этому предпріятію деньгами. Тогда снова закипѣла дѣятельная работа, но медленно подвигалась она впередъ Еще три раза вода заливала тоннель, и всякій разъ мужественный, терпѣливый Бруннель помогалъ бѣдѣ вышеописаннымъ способомъ, и съ новою энергіею продолжалъ оканчивать свое гигантское произведеніе.

Такимъ образомъ въ безпрерывной борьбѣ со стихіями, работа всетаки подвигалась постепенно впередъ и впередъ, и въ мартѣ мѣсяцѣ, 1843 года, тоннель былъ оконченъ и предоставленъ въ общественное пользованіе.

Изамбертъ Бруннель, великій строитель колоссальнаго произведенія, былъ возведенъ королевою въ титулъ баронета. Восемнадцать лѣтъ длилась эта работа и обошлась въ 600,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 3-хъ милліоновъ руб. сер.).

Казалось, послѣ такихъ трудовъ и препятствій, послѣ громадныхъ потраченныхъ суммъ, никому но вздумается повторить подобную попытку, но напротивъ: въ 1867 году открытъ былъ новый тоннель, соединяющій оба берега Темзы. Онъ идетъ отъ Тоуеръ-гиля въ Вейнстритъ, былъ оконченъ въ 12 мѣсяцевъ и обошелся всего только въ 18,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 125,000 руб. сер.). Строитель его Барлоу можетъ почесться такимъ же геніальнымъ инженеромъ, какъ и Бруннель.

Новый тоннель лежитъ въ 22 футахъ ниже русла Темзы, а въ иныхъ мѣстахъ даже и въ 45. Онъ выложенъ плотно скрѣпленными желѣзными листами, между тѣмъ какъ бруннелевскій тоннель выложенъ кирпичомъ, причемъ на каждый футъ длины выходило его до 5,500 штукъ....

Лондонъ—самый обширнѣйшій, самый многолюднѣйшій, самый могущественный, просвѣщенный и наконецъ во всѣхъ отношеніяхъ самый замѣчательный городъ въ свѣтѣ, Лондонъ —средоточіе всемірной промышленности и торговли—раскинулся по обоимъ берегамъ Темзы, пересѣкающей его въ видѣ огромной неправильной дуги. Дома его такъ близко тѣснятся къ берегамъ рѣки, что во время приливовъ волны ея омываютъ ихъ фундаменты.

Южная часть города, расположенная на лѣвомъ берегу Темзы, представляетъ равнину, лежащую ниже уровня рѣки во время полноводья. Она лежитъ въ большой котловинѣ, образуемой рядомъ красивыхъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ построенъ кристальный дворецъ, господствующій надъ всею этою мѣстностью на подобіе фантастическаго замка изъ Тысячи и одной ночи. Сѣверная часть города, которая почти въ четыре раза больше южной, удаляется отъ Темзы, возвышаясь террасами. Лондонскія улицы чрезвычайно красивы, и въ аристократической части города вымощены асфальтомъ; только въ отдаленныхъ кварталахъ асфальтъ замѣняется битымъ камнемъ или песчанникомъ.

Лондонъ чрезвычайно любопытенъ и хорошъ днемъ; но вечеромъ когда всѣ аристократическія улицы зальются газовымъ свѣтомъ, онъ еще красивѣе, еще великолѣпнѣе; врядъ ли гдѣ найдется мѣсто, освѣщеніе котораго могло бы сравнится съ лондонскимъ. Особенно хорошъ въ это время Лондонъ, если любоваться имъ съ какого нибудь возвышеннаго мѣста; вы будете поражены необыкновенно красивымъ зрѣлищемъ: газовое освѣщеніе имѣетъ видъ длинныхъ, безконечныхъ рядовъ, подобно огромнымъ огненно-жемчужнымъ ожерельямъ, украшеннымъ чудесными брильянтами въ видѣ множества прозрачныхъ циферблатовъ на башенныхъ часахъ. Нѣкоторыя улицы представляются взору въ видѣ настоящаго огненнаго моря, въ сравненіи съ которыми остальныя кажутся совершенно неосвѣщенными. Дѣйствительно, въ улицахъ, составляющихъ центръ города, газъ сожигается въ огромномъ количествѣ. Въ мясныхъ, фруктовыхъ и рыбныхъ лавкахъ, совершенно открытыхъ со стороны улицъ, газъ выходитъ изъ особо-устроенныхъ трубъ большимъ пламенемъ, сверкающимъ подобно факеламъ. Роскошно убранные магазины, совершенно залитые газовымъ свѣтомъ (въ нѣкоторыхъ бываетъ отъ 30 до 40 рожковъ), отражающимся до безконечности въ чудесныхъ зеркалахъ, замѣняющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны магазина, привлекаютъ взоры путешественниковъ и какъ бы просятъ зайти и купить какую нибудь вещицу, заплативъ за нее въ тридорога... Здѣсь выставлена изящная мебель, тамъ роскошныя индѣйскія шали, сибирскія

пушистыя шубы и дорогіе мѣха, дальше—золотыя и брильянтовыя вещи поражаютъ взоры царскою роскошью, блескомъ и изяществомъ... Однимъ словомъ, вы увидите магазинъ около магазина, одинъ роскошнѣе другаго, одну вывѣску съ аршинными буквами рядомъ съ другою, и все это чуть ли не до безконечности....

Взоръ устаетъ смотрѣть на нестерпимый блескъ фонарей и рожковъ, слѣдить за быстро катящимися экипажами и густою массою разнокалиберной публики, мелькающей передъ глазами со всѣхъ сторонъ, и обращается вверхъ на дома, которые, въ сравненіи съ окружающею роскошью, представляются жилищами какихъ-то демократовъ, а не богатыхъ аристократовъ и ворочающихъ мильоннымъ капиталомъ банкировъ. Всѣ дома отличаются необыкновенною солидностью, закопчены дымомъ, невыбѣлены и не оштукатурены, и притомъ почти всѣ одинаковы на видъ: нѣтъ выдающихся изъ среды ихъ красивыхъ, артистически построенныхъ дворцовъ. Во всей архитектурѣ видна чрезвычайная правильность и простота; въ наружной отдѣлкѣ домовъ не замѣтно ни малѣйшей изысканности.. . Весь городъ раздѣленъ на множество кварталовъ, населенныхъ различными спеціалистами: западная часть Сити занята книгопродавцами, журналистами и типографіями; въ Ченсери-Лень (Chancerylane) живутъ люди, занимающіеся адвокатурою и маклерствомъ; въ Блумсбери (Bloomsbury)—ученые; въ Вестъ-Эндѣ (West-End)—первые аристократы города; близъ Пэлль-Мэлля (Pall-Mall)—молодые джентельмены съ клубами подъ бокомъ; Ковентгарденъ (Coventgarten)—занятъ театрами, Вайтхолль (Whitechall)—парламентскими и административными учрежденіями; остальная часть Сити заселена рабочимъ людомъ, занята мастерскими, кузницами и тому подобными заведеніями, и наконецъ кварталы Севенъ-діальсъ (Seven-dials) и Уайтъ-Чапель (White-Chapel) переполнены евреями, ирландскими ткачами, нищими, бродягами, ворами, распутницами и разнаго рода мошенниками.

Однимъ взглядомъ, легко замѣтить, что между различными лондонскими кваралтами существуетъ настоящее раздѣленіе общественнаго труда. Эти кварталы кажутся совершено не связанными одинъ съ другимъ и не составляютъ одно цѣлое, но какъ будто образуютъ отдѣльные города, приросшіе одинъ къ другому и имѣющіе совершенно различныя назначенія и потребности.

Изъ всѣхъ этихъ кварталовъ и изъ множества другихъ, о которыхъ я даже не упомянулъ, я обращу вниманіе читателей, для сравненія, только на три, стоящіе другъ передъ другомъ на неизмѣримой высотѣ: это на Вестъ-Эндъ—жилище аристократовъ, Сити—рабочаго люда и

наконецъ на Севенъ-діальсъ или даже Уайтъ-Чапель—жилище бродягъ и воровъ.

Нигдѣ въ мірѣ не заботятся столько о жизни богатыхъ людей, какъ въ Лондонѣ, и потому всѣ улучшенія дѣлались и дѣлаются до сихъ поръ только въ той части города, въ которой живутъ лондонскіе аристократы. . . .

Кварталъ Вестъ-Эндъ можно назвать лондонскимъ раемъ или, лучше сказать, его легкими, какъ удачно выразился объ немъ одинъ изъ путешественниковъ.

Оазисы парковъ, лучшее украшеніе Лондона, множество садовъ, зеленѣющія поля и чудесные фонтаны раскинуты именно въ этой части города. Прибавьте еще къ этому невысокіе дома, окруженные группами деревъ, что придаетъ имъ видъ дачъ, прямыя, широкія и красивыя улицы, мощенныя асфальтомъ, чтобы избавить изнѣженныхъ сибаритовъ отъ невыносимой трескотни, несущихся мимо, экипажей,—и вы будете имѣть понятіе объ этомъ раѣ, объ этомъ лондонскомъ перлѣ, отданномъ во владѣніе богатыхъ аристократовъ. При приданіи этому кварталу такого деревенскаго, прелестнаго вида руководствовались слѣдующимъ эгоистическимъ выводомъ: такъ какъ скопленіе большаго количества людей въ одномъ мѣстѣ заражаетъ воздухъ и образуетъ вредные міазмы, сокращающіе человѣческую жизнь, то нужно же постараться спасти хоть богатыхъ людей отъ этой опасности, принять рѣшительныя мѣры для устраненія зловредныхъ міазмовъ, очистить воздухъ и вытѣснить удушливый, притекаемый изъ плебейскихъ кварталовъ.

И эти мѣры городъ принялъ, совершенно забывъ о трудолюбивомъ рабочемъ людѣ и бѣднякахъ! . . .

Такимъ образомъ аристократическій кварталъ можетъ почесться роскошнѣйшимъ мѣстомъ въ Лондонѣ, а украшающіе его парки—чудомъ совершенства.

Но изъ всѣхъ парковъ самый замѣчательный—Гайдъ-паркъ, превосходящій роскошью деревъ и величиною всѣ существующіе парки въ мірѣ. Никакимъ интригамъ, никакимъ денежнымъ суммамъ не удалось откупить въ этомъ оазисѣ вѣчной зелени ни одного мѣстечка для построенія какой-нибудь виллы или дворца: все оставлено для прогулки пѣшкомъ, верхомъ или въ экипажахъ. Нѣтъ мѣста живописнѣе и оживленнѣе этого чудеснаго парка! Великолѣпные экипажи, кровныя лошади, дамы, лорды представляютъ зрѣлище, какого трудно найти гдѣ-либо въ мірѣ. Около парковъ живутъ обыкновенно въ великолѣп-

ныхъ дворцахъ, на счетъ старыхъ лордовъ, молодыя и прелестныя женщины полусвѣта, которыхъ вы ежедневно можете встрѣтить въ Гайд-паркѣ разодѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ, залитыхъ брильянтами и другими драгоцѣнными каменьями и разъѣжающихъ на тысячныхъ рысакахъ. Кромѣ нихъ, здѣсь вы можете встрѣтить всѣхъ негодяевъ высшей сферы, и иностранныхъ туристовъ, лондонскихъ зѣвакъ, отчаянныхъ денди и влюбленныхъ стариковъ. Здѣсь же толпятся разодѣтые джентельмены, съ масивными золотыми цѣпочками, съ дорогими перстнями, украшающими всѣ пальцы и съ огромными брильянтовыми запонками. Вы съ удивленіемъ посматриваете на этихъ джентельменовъ и представляете ихъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ герцоговъ, князей или банкировъ; но вы жестоко ошибетесь, потому что эти разодѣтые джентельмены ничто иное какъ первые лондонскіе воры. И дѣйствительно, не успѣете вы сблизиться съ какимъ нибудь подобнымъ господиномъ, какъ вамъ уже на ухо шепчутъ: «mind your pockets»! (берегите карманы), и это предостереженіе дѣлается однимъ изъ полицейскихъ агентовъ, которые сотнями разсыпаны въ толпѣ и зорко слѣдятъ за мнимыми герцогами, князьями и банкирами.

Описавъ, по возможности, кварталъ Вестъ-Эндъ и сборный пунктъ его жителей—Гайдъ-паркъ, скажу теперь нѣсколько словъ о самой древнѣйшей части города—Сити, о темномъ ульѣ рабочаго сословія—Клеркенуэлѣ. Улицы здѣсь, идущія въ гору, узки, кривы и едва мощены; многоэтажные старые дома тѣснятся другъ къ другу и какъ бы одинъ передъ другимъ тянутся кверху погрѣть на солнцѣ свои почернѣлыя, разтрескавшіяся стѣны. Работа кипитъ здѣсь въ лавкахъ, мастерскихъ и кузницахъ, кипитъ отъ крыши до подвала: отцы, молодые и старые, стучатъ молотами, скрипятъ пилами и въ увеличительныя стекла исправляютъ механизмы часовъ. Оборванные ребятишки бѣгаютъ по улицѣ, прыгаютъ, вижжатъ, какъ поросята, и отъ нечего дѣлать разрисовываютъ сѣрые камни домовъ разными рожами; исхудалыя, блѣдныя матери стоятъ въ сѣняхъ и укачиваютъ грудныхъ дѣтей, напѣвая грустныя, задумчивыя пѣсни съ дикими мотивами бѣдной Ирландіи...

Въ этомъ грустномъ кварталѣ стоитъ, въ видѣ косого четырехугольника, не менѣе грустное и монотонное зданіе тюрьмы Клеркенуэль; окруженное высокою, крѣпкою стѣною, оно своимъ нѣмымъ присутствіемъ придаетъ всему кварталу еще болѣе унылый, печальный видъ....

Во всемъ кварталѣ ни кусточка зелени, ни одного прохлаждающаго фонтана; повсюду одинъ только мрачный почернѣлый камень, одна нищета, но нужно сознаться, нищета честная, благородная....

Эту часть города бѣднаго рабочаго люда постигло въ 1867 году, 13 декабря, страшное бѣдствіе: все кипѣло здѣсь жизнью, молодые и старые работали въ потѣ лица, чтобы добыть себѣ насущное пропитаніе, какъ вдругъ, послѣ обѣда, что-то дрогнуло, треснуло, разорвало.... Ударъ былъ глухой, подземный, отрывистый, а между тѣмъ крыши, трубы, окна, часть темничной стѣны и цѣлые дома разлетѣлись въ дребезги; камни, высоко поднявшись на воздухъ, произвели страшный трескъ, за которомъ послѣдовало гробовое молчаніе могилы, и тамъ, гдѣ прежде кипѣла жизнь,—царила грозная, отвратительная смерть. Послѣ непродолжительнаго, страшнаго безмолвія раздались болѣзненные, раздирающіе душу, стоны; изъ дымящихся развалинъ протягивались окровавленныя руки, которыя нѣмыми отчаянными жестами молили освободить несчастныхъ отъ давящихъ камней. . . .

Вмѣсто скорой помощи явилась въ первый моментъ низкая, подлая чернь съ легіономъ воровъ и мошенниковъ, которые думали поживиться чѣмъ нибудь на страшной могилѣ. Это были существа, неимѣющія ничего общаго съ людьми, сопровождающія всякое народное несчастье. Вскорѣ послѣ черни явились пожарные, но тушить имъ было нечего, и ихъ инструменты годились развѣ только для приведенія несчастныхъ къ жизни. Въ эту страшную минуту погибло слишкомъ сто человѣкъ, не считая изувѣченныхъ; разрушенъ былъ цѣлый кварталъ; тысячи бѣдныхъ работниковъ остались безъ крова и лишились послѣдняго своего имущества. . . . Этотъ ужасный взрывъ произошелъ вслѣдствіе злоумышленія ирландскихъ феніанъ, которые, по нѣкоторымъ источникамъ, будто помышляли взорвать стѣну клеркенуэльской тюрьмы, чтобы освободить изъ нея своихъ предводителей Бреке и Кези; по другимъ же источникамъ, феніи взорвали часть города не съ цѣлью освобожденія своихъ предводителей, а съ цѣлью убить ихъ, чтобы они не открыли другихъ соучастниковъ. Дѣйствительно, если бы они были въ это время на дворѣ тюрьмы, то каменный дождь навѣрное положилъ бы ихъ на смерть. Такимъ образомъ изъ желанія освобожденія или смерти двухъ лицъ сдѣлались жертвою столько несчастныхъ, трудящихся и ни въ чемъ неповинныхъ работниковъ. . . . Самая тюрьма уцѣлѣла, потому что она находилась отъ стѣны гораздо дальше, чѣмъ противулежащіе дома, а иначе сила взрыва должна бы была сравнять ее съ землею. . . .

Теперь остается описать самый отвратительный изъ кварталовъ — Севен-діальсъ (Seven dials), жилище не менѣе отвратительныхъ подонковъ лондонской сволочи.

Нѣтъ ни одного города въ мірѣ богаче Лондона, но и нигдѣ нѣтъ такого,

въ которомъ бы гнѣздилась подобная ужасающая нищета, который кишѣлъ бы такимъ множествомъ бродягъ, воровъ и другихъ отвергнутыхъ обществомъ и Богомъ людей. Хотя нищета существуетъ и въ другихъ городахъ Великобританіи, но въ Лондонѣ, рядомъ съ окружающею ее роскошью и богатствомъ, она кажется замѣтнѣе, отвратительнѣе. Недостатокъ работы, дороговизна жизни и развращенность нравовъ увеличиваютъ въ немъ нищету и бродяжничество ежегодно въ огромныхъ размѣрахъ; всѣ усилія лондонскихъ благотворительныхъ обществъ предотвратить эту нищету, поднять изъ грязи и пороковъ почти третью часть лондонскаго населенія — мало успѣшны, и народъ, въ ожиданіи лучшаго будущаго, страшно бѣдствуетъ.... Въ Лондонѣ существуетъ нѣсколько отвратительныхъ кварталовъ, въ которыхъ живетъ самое грязное и бѣднѣйшее населеніе. Здѣсь тѣснятся всѣ неимѣющіе крова и пристанища, угнетенные судьбою, преслѣдуемые закономъ; здѣсь проводятъ большую часть жизни, брошенныя на произволъ судьбы погибшія дѣти разврата, преждевременно старѣющія отъ чувственныхъ пресыщеній, заразительныхъ болѣзней, холода и голода. Здѣсь бѣдность, нищета и всякаго рода пороки соединяютъ истинно несчастныхъ съ самыми низкими мошенниками и негодяями.

Но изъ всѣхъ этихъ кварталовъ не найти ужаснѣе — Уайтъ-Чапеля и Севенъ-діальса которые состоятъ изъ узкихъ, кривыхъ, совершенно немощеныхъ переулковъ, не имѣющихъ трубъ для стока нечистотъ, съ зараженными клоаками и воздухомъ. По сторонамъ стоятъ вмѣсто домовъ какія-то полуразрушенныя лачужки съ заклеенными бумагою или даже съ заколоченными окнами, которыя своимъ видомъ напоминаютъ хлѣва и собачьи конуры.

Днемъ эти кварталы поражаютъ путешественника ужасающею нищетою и смрадомъ; но если бы онъ рѣшился посѣтить ихъ ночью, то былъ бы свидѣтелемъ отвратительнѣйшаго разврата. Населеніе этихъ кварталовъ повернуло вверхъ дномъ обыкновенное теченіе сутокъ: спитъ днемъ, а ночью — бодрствуетъ и веселится. Днемъ по большей части здѣсь все тихо и какъ-то пусто; вы не увидите обитателей этихъ грязныхъ и вонючихъ домовъ, кромѣ нѣсколькихъ евреевъ, торгующихъ старымъ хламомъ, двухъ-трехъ полунагихъ женщинъ, протягивающихъ къ прохожимъ руки, да съ десятокъ блѣдныхъ дѣтей, валяющихся передъ домами въ однѣхъ и тѣхъ же лужахъ со свиньями. Повсюду вы увидите однѣ только вывѣшанныя, какъ бы для продажи, лохмотья, грязь, смрадныя лужи, кучи мусора; повсюду будетъ ударять вамъ въ носъ удушающая, доводящая непривычнаго человѣка до обморока, вонь,

да услышите изрѣдка площадную брань и ругательства, раздающіяся изъ близь лежащахъ кабаковъ....

Ночью же вы замѣтите здѣсь необыкновенное оживленіе: полупьяныя, босоногія и растрепанныя, но молодыя женщины задѣваютъ прохожихъ и насильно затаскиваютъ ихъ въ ближайшіе кабаки; пьяные ремесленники, матросы, нищіе, бродяги, мошенники и самые низкіе воры кричатъ, ругаются, дерутся и поднимаютъ невообразимый хаосъ. Бѣда путешественнику, который рѣшится отважиться вступить въ эту пору одинъ безъ хорошаго полисмена, въ это логовище разврата и пороковъ: онъ не иначе выйдетъ оттуда, какъ ограбленный, избитый и искалѣченный.

Любопытные могутъ вникнуть въ эту ужасную жизнь разврата лондонской черни, могутъ все видѣть, все изучить — стоитъ только обратиться къ инспектору полиціи, который съ любезною преупредительностію исполнитъ ваше желаніе, давъ въ провожатые ловкаго полисмена, и тотъ вамъ все покажетъ, проведетъ по всѣмъ закоулкамъ и лондонскимъ трущобамъ. Тутъ вы можете все высмотрѣть, полюбоваться дикими оргіями, выслѣдить нравы развратнаго населенія всемірнаго города. Но, разъ побывавши здѣсь, у васъ не явится въ другой разъ желаніе посѣтить это ужасное логовище: вы выбѣжите изъ него, зажавши носъ и уши, чтобы не задохнуться отъ невыносимаго зловонія, чтобы не охлохнуть отъ дикихъ криковъ, площадныхъ ругательствъ, нестройныхъ пѣсенъ, акомпанируемыхъ визгомъ и плачемъ полунагихъ, оставленныхъ безъ всякаго присмотра дѣтей.

Эти кварталы по истинѣ можно назвать заразою Лондона, его язвами и злокачественными ранами.

Изъ этого короткаго описанія трехъ различныхъ кварталовъ можно вывести грустное заключеніе, что въ Англіи заботятся о богатомъ сословіи гораздо больше, нежели о бѣдномъ, которое рѣшительно предоставлено самому себѣ. И это называется просвѣщеніемъ и человѣколюбіемъ!?.... Удивительное человѣколюбіе заботиться о богатомъ, у котораго все есть, оставляя бѣднаго въ его ужасной нищетѣ! Неужели бѣдному нельзя дать хоть одну радость въ этомъ свѣтѣ, — чистый и здоровый воздухъ? Неужели бѣдный не такой же человѣкъ, какъ и богатый, чтобы не могъ надѣяться на устройство въ своихъ кварталахъ разныхъ воздухоочистительныхъ средствъ, какъ-то парковъ: фонтановъ, хорошихъ трубъ для стока нечистотъ и т. д.? Вѣроятно, по мнѣнію многихъ, не такой, если до сихъ поръ въ большей части просвѣщеннѣйшихъ городовъ, а въ особенности въ Лондонѣ, всѣ улучшенія дѣлаются

только въ аристократическихъ частяхъ города.... Грустенъ этотъ фактъ, но что же дѣлать — онъ на лицо....

Первая половина моего пребыванія въ Лондонѣ была посвящена наружному осмотру города вообще, но вторая — исключительно однимъ только замѣчательнымъ зданіямъ и мѣстамъ. Первое зданіе, которое привлекло мое особенное вниманіе, былъ парламентъ — политическій центръ Великобританскаго королевства, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ мірѣ и величайшее произведеніе готической архитектуры. Онъ находится на лѣвомъ берегу Темзы близъ Вестминстерскаго моста и Вестминстерскаго аббатства, на мѣстѣ древняго Вестминстерскаго королевскаго дворца, сгорѣвшаго до тла 16 октября 1834 года и въ которомъ помѣщалась верхняя и нижняя палаты. Строителемъ этого великолѣпнаго зданія, заложеннаго 27 апрѣля 1840 года, былъ знаменитый и талантливый архитекторъ Карлъ Берри (Cherles Barry), который въ продолженіе почти семи лѣтъ неустанно работалъ надъ своимъ произведеніемъ, превзошедшимъ всѣ его предъидущія. Зданіе это громадно и достойно Великобританіи; оно нарочно построено въ готическомъ стилѣ, тюдоровскихъ временъ, чтобы не очень отличаться отъ стариннаго аббатства. Снаружи строеніе это имѣетъ четыре фасада, изъ которыхъ самый замѣчательнѣйшій восточный или параллельный Темзѣ, который, имѣя 900 футовъ длины, раздѣляется на пять главныхъ частей, украшенныхъ статуями и гербами королей Англіи со временъ Вильгельма-Завоевателя.

Это чудное зданіе украшено тремя главными башнями; изъ нихъ самая замѣчательная королевская, или башня Викторіи, имѣющая 340 футовъ въ высоту, лежитъ на юго-западномъ углу парламента. Въ срединѣ красуется такъ называемая «средняя башня» въ 300 футовъ высоты и наконецъ, со стороны Вестминстерскаго моста возвышается «колокольная башня», поднимающаяся на двадцать футовъ выше предъидущей. Кромѣ того, длинныя линіи зданія прерываются еще другими меньшими башнями, которыя своими живописными формами и положеніями придаютъ парламенту чрезвычайно разнообразный, эфектный и привлекательный наружный видъ.

Надъ парламентомъ красуются самые большіе часы въ мірѣ, на которые слѣдуетъ каждому путешественнику обратить свое вниманіе, потому что онъ ничего подобнаго не встрѣтитъ въ другихъ городахъ. Они состоятъ изъ четырехъ циферблатовъ, имѣющихъ въ сложности 22 фута въ діаметрѣ. Черезъ каждую минуту кончикъ минутной стрѣлки подвигается почти на 14 дюймовъ. Часы эти идутъ восемь съ поло-

виною дней, но бьютъ всего только въ продолженіе семи съ половиною и ихъ молчаніе краснорѣчиво показываетъ, что они забыты часовымъ мастеромъ, которому поручено надъ ними наблюденіе. Весь механизмъ часовъ чугунный, длина маятника 15 футовъ, боевой колоколъ имѣетъ 8 футовъ въ вышину, 19—въ діаметрѣ и вѣситъ слишкомъ 900 пудовъ, между тѣмъ какъ молотокъ, ударяющій въ колоколъ, вѣситъ болѣе 10 пудовъ.

Часы бьютъ четверти и по нимъ парламентскіе стенографы повѣряютъ свои часы: черезъ каждыя четверть часа они смѣняются и идутъ печатать свои замѣтки. На заводъ этихъ чудовищныхъ часовъ требуется болѣе двухъ часовъ времени.

Вообще англичане отличаются своею оригинальностью: сдѣлать что нибудь выходящее изъ ряду вонъ, построить какую нибудь вещь, которой нельзя было бы найти во всемъ мірѣ—это дѣло ихъ затѣй....

Внутренность парламента совершенно соотвѣтствуетъ его наружному виду: таже величественность, роскошь отдѣлки и красота. Множество превосходныхъ залъ и комнатъ украшены великолѣпными фресками и живописью; въ нихъ, кромѣ нижней и верхней палаты, помѣщаются разныя судебныя и присутственныя мѣста, библіотека, картинная галерея и пр.

Но замѣчательнѣе и великолѣпнѣе всѣхъ залъ—это старая Вестминстерская зала, одна только уцѣлѣвшая отъ королевскаго дворца во время пожара 1834 года; она была построена въ XI вѣкѣ знаменитымъ архитекторомъ Вилліамсомъ Руфусомъ, возобновлена въ царствованіе Ричарда II, въ XIV столѣтіи, и служила нѣкогда для засѣданій парламента. Длина ея 290 футъ, ширина—68 и наконецъ высота—110 футовъ, и въ то же время она не поддерживается ни одною колонною. Въ ней расположены побѣдные трофеи Англіи; два ряда статуй знаменитыхъ государственныхъ людей стоятъ по срединѣ, а стѣны ея украшены превосходными картинами, изображающими различные эпизоды изъ войнъ Англіи съ врагами.

Старая Вестминстерская зала знаменита своими историческими воспоминаніями: здѣсь именно парламентъ произнесъ надъ злосчастнымъ Карломъ I, смертный приговоръ, отсюда же этотъ самый парламентъ былъ выгнанъ Кромвеллемъ, украшеннымъ въ этой залѣ въ пурпуровую мантію и возведеннымъ въ званіе лорда—протектора Англійской Республики. Въ этой же залѣ возникъ изъ-за жестокаго обращенія съ туземцами и рѣшался, въ 1785 году, знаменитый процесъ Гастингса, генералъ-губернатора Остъ-Индіи, при чемъ адвокаты Буркъ и Шериданъ своимъ

удивительнымъ краснорѣчіемъ затмили великихъ араторовъ древности: Цицерона и Демосѳена. Здѣсь же приговоренъ былъ къ смерти извѣстный историкъ Томасъ Муръ, великій констебль, лордъ, герцогъ букингамскій Эдуардъ Стафортъ и наконецъ Сомерсетъ, братъ Іоанны Сеймуръ, супруги жестокаго короля Генриха VIII. Въ этой же залѣ судилась за двумужество герцогиня Кенгсигтонская и за убійство Чеуорта Байронъ, дѣдъ знаменитаго англійскаго поэта. Вообще эта зала знаменита по своимъ историческимъ воспоминаніямъ; теперь же она служитъ неболѣе, не менѣе какъ пріемною комнатою дома парламента и высшихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ, т. е. суда лорда Канцлера (Court of Exchequer), Королевской Скамьи (Queen's Bench) и суда Общихъ Исковъ и Казначейства (Commonpleas and Chancellers court), помѣщающихся въ западной части зданія.

Въ другихъ залахъ парламента также висятъ превосходныя картины, изображающія разныя историческія событія, поставлены статуи законодателей, ораторовъ, судей и королевы Викторіи, которая является повсюду то на полотнѣ, то въ мраморѣ, то въ бронзѣ....

На другой день я осмотрѣлъ другое замѣчательное зданіе — Лондонскую башню (London Tower), построенную, по преданію, Вильгельмомъ-Завоевателемъ, въ 1078 году. Она лежитъ на лѣвомъ берегу Темзы, на небольшомъ возвышеніи, въ полумили разстоянія отъ Лондонскаго моста. Это древнее зданіе, господствующее подъ Темзою отъ бухты Спасителя до пристани св. Олафа, состоитъ изъ массы валовъ, воротъ, стѣнъ съ бастіонами и башнями, изъ часовень и колоколенъ самой древней рыцарской архитектуры.

Смотря на эту массу зданій, покрытыхъ трещинами и выбоинами, невольно вспоминаешь грустныя страницы исторіи Англіи, когда невинная кровь смачивала можетъ быть тѣ самыя мѣста, около которыхъ проходишь теперь безъ всякаго сожалѣнія и содроганія, когда знаменитые и самые знатные люди Англіи, только вслѣдствіе жестокости и мнительности англійскихъ королей, томились въ этихъ мрачныхъ, душныхъ стѣнахъ; гдѣ измѣннически убивали ихъ, рѣзали, топили и душили. Смотря на эти мрачныя зданія, невольно вспоминаешь жестокосерднаго короля Генриха VIII и свирѣпаго герцога Глостера — убійцу и исполнителя подлыхъ порученій своего низкаго родственника короля Ричарда, позорными поступками очистившаго себѣ дорогу къ англійской коронѣ....

Два знаменитыхъ зодчихъ составляли планы главныхъ частей Лондонской башни: одинъ бѣдный монахъ Гундульфъ Плакальщикъ, а другой могущественный король Генрихъ Строитель. Въ пятнадцатомъ сто-

лѣтіи это замѣчательное зданіе служило королевскою резиденціею и въ это время невинная кровь смѣшивалась съ виномъ, крики веселья на славномъ пиру—съ воплями и плачемъ множества несчастныхъ жертвъ, заключенныхъ въ эти мрачныя стѣны.... Пожаръ, бывшій 30 октября 1841 года, уничтожилъ часть Лондонской башни, этой государственной тюрьмы, при чемъ погибли всѣ государственныя сокровища, хранившіяся въ арсеналѣ, кромѣ великолѣпнаго герба, украшавшаго входную дверь. Этотъ пожаръ истребилъ также всю внутренность такъ называемой Круглой башни, въ комнатахъ которой совершились самыя ужаснѣйшія злодѣянія жестокаго герцога Глостера: въ одной изъ нихъ онъ утопилъ въ бочкѣ вина своего родного брата герцога Кларенскаго, а въ другой—зарѣзалъ своихъ племянниковъ: двѣнадцатилѣтняго короля Эдуарда V и восьмилѣтняго брата его Ричарда, герцога Іоркскаго.

Пожаръ, 30 октября, едва не истребилъ также такъ называемыя Бѣлую и Новую башни, въ которыхъ хранились драгоцѣнности государства слишкомъ на два милліона фунтовъ стерлинговъ, но, благодаря энергическимъ мѣрамъ, эти башни вмѣстѣ съ церковью св. Петра, находящеюся при Лондонской башнѣ, были спасены. Въ этой спасенной церкви погребены: злосчастная жена короля Генриха VIII, Анна Болейнъ, несчастная Марія Шотландская, Кромвель и многія жертвы жестокости англійскаго деспота, казненные въ лондонской башнѣ.

Бѣлая башня, самая древняя и обширнѣйшая, представляетъ остатокъ нормандской архитектуры. Въ ней находится замѣчательная часовня, прозванная Кесарскою, въ которой хранятся модели различныхъ фортовъ, какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ. Передъ часовнею стоитъ мраморная статуя герцога Велингтона.

Башня, прозванная Бошанъ (Beauchamp), служила мѣстомъ заключенія многихъ знаменитыхъ лицъ Англіи, какъ напримѣръ: Анны Болейнъ, Екатерины Говардъ, Іоанны Грей, Дудлей и Филиппа — сыновей графа Норфолькскаго, историка сэра Вальтера Ралей, томившагося въ этихъ ужасныхъ стѣнахъ болѣе двѣнадцати лѣтъ и начавшаго здѣсь, въ душной атмосферѣ свою всемірную исторію, и наконецъ историковъ Пенна и Элиота. Здѣсь же понесъ заслуженную кару лордъ-канцлеръ Джефрезъ, самый подлый и жестокій изъ судей, долгое время позорившій англійское правосудіе. Такимъ образомъ среди всѣхъ этихъ невинныхъ жертвъ стоитъ только одинъ преступникъ!....

Другая башня, Векфильдская, извѣстна смертною казнью короля Генриха VI; третья, неизвѣстнаго имени, служила темницею королевѣ Елизаветѣ; на одномъ изъ дворовъ башни были казнены несчастныя

жены Генриха VIII Анна Болейнъ и Екатерина Говардъ; здѣсь же погибъ знаменитый историкъ Томасъ Муръ, а также молодая, прекрасная соперница королевы Елизаветы — леди Грей, внучка короля Генриха VII. Однимъ словомъ, каждый уголокъ Лондонской башни замѣчателенъ какимъ нибудь грустнымъ историческимъ фактомъ, и путешественникъ, внимательно осмотрѣвшій все зданіе и основательно изучившій всѣ его достопримѣчательности, можетъ смѣло сказать, что ему извѣстна по крайней мѣрѣ четверть всей исторіи Англіи, а именно самыя черныя ея страницы.

Осмотрѣвши это замѣчательное въ историческомъ значеніи зданіе, я рѣшился бросить бѣглый взглядъ на знаменитые лондонскіе доки, лежащіе по близости, а за тѣмъ спуститься по рѣкѣ къ извѣстному Гринвичскому госпиталю для флотскихъ инвалидовъ. Лондонскіе доки съ перваго же взгляда поразили меня своею гигантскою постройкою; они представляютъ рядъ великолѣпнѣйшихъ бассейновъ, въ которыхъ вода можетъ по произволу возвышаться или понижаться помощью шлюзовъ, находящихся въ сообщеніи съ Темзою. Эти исполинскіе бассейны могутъ вмѣстить въ себя болѣе 1,500 самыхъ большихъ кораблей и при томъ на столько глубоки, что по нимъ плаваютъ всевозможныя океанскія суда при полномъ грузѣ. Набережная этихъ бассейновъ, обстроена чудесными, шести и даже семи-этажными амбарами и почти столько же этажными погребами, въ которыхъ сохраняются отъ порчи и воровъ всѣ привозимые товары до тѣхъ поръ, пока за нихъ не будутъ уплачены пошлины.

Ежедневно приходятъ сюда массы нагруженныхъ кораблей, которые въ самое короткое время разгружаются, нагружаются другими товарами и опять несутся въ море, въ далекія страны всего міра. Если войти внутрь бассейновъ, то они имѣютъ видъ огромнаго муравейника, въ которомъ кипитъ необыкновенно-дѣятельная работа: множество работниковъ и носильщиковъ переносятъ на плечахъ товары съ судовъ въ амбары и обратно, все движется, дѣятельно работаетъ изъ за куска хлѣба. Разнокалиберность этихъ работниковъ и носильщиковъ поразительная; тутъ вы встрѣтите людей всѣхъ возрастовъ, разныхъ націй и званій: бездомныхъ ремесленниковъ, старыхъ матросовъ, прежнихъ таможенныхъ, полицейскихъ, чиновниковъ, духовныхъ лицъ, выгнанныхъ со службы за какіе нибудь противузаконные поступки, освобожденныхъ преступниковъ, уволенныхъ слугъ, прикащиковъ, извѣстныхъ воровъ — однимъ словомъ, всѣхъ, кто хочетъ ѣсть и не можетъ другимъ трудомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба.

Положеніе этихъ работниковъ ужасно: изнуренные голодомъ и холодомъ, худые—они производятъ на новичка подобнаго зрѣлища потрясающее дѣйствіе. Въ Лондонѣ устроено шесть доковъ, которые ежедневно могутъ доставить работу болѣе тридцати тысячамъ бѣдныхъ людей.... Ѣсть или не ѣсть этой массѣ въ извѣстный день, получить или не получить кусокъ хлѣба—совершенно зависитъ отъ погоды: бываютъ дни, когда, вслѣдствіе противныхъ сильныхъ вѣтровъ, приходитъ въ Лондонъ такое ограниченное число судовъ, что вся эта масса бѣдныхъ людей остается нѣкоторое время совершенно безъ куска хлѣба, и это отчаянное положеніе губитъ многихъ изъ нихъ истинно бѣдныхъ, развращаетъ ихъ и бросаетъ въ среду воровъ и мошенниковъ, въ обществѣ которыхъ они поневолѣ дѣлаются сами ворами и мошенниками, которые ежегодно плодятся въ Лондонѣ въ поражающей прогрессіи. При этомъ большая часть воровъ не воруетъ въ одиночку, но образуетъ правильно организованныя шайки, которыя раздѣляютъ между собою всѣ извѣстные имъ способы воровства, вслѣдствіе чего лондонскіе воры и мошенники по справедливости могутъ назваться первыми въ свѣтѣ. Въ настоящее время извѣстны въ Англіи шесть способовъ воровства: 1) нахальное воровство съ грабежомъ, при чемъ члены этой шайки грабятъ публику чуть ли ни днемъ, врываются въ квартиры съ оружіемъ и обираютъ на улицѣ въ сообщничествѣ развратныхъ женщинъ; 2) воровство, соединенное съ задушеніемъ жертвы [1]) или опаиваньемъ ее крѣпкими напитками; 3) тихое воровство, при чемъ отъ членовъ этой шайки требуется необыкновенная ловкость и проворство; 4) обдуманное проворство, при чемъ воры пріобрѣтаютъ сперва довѣріе своей жертвы и тогда только при удобномъ случаѣ обираютъ все до послѣдней нитки; 5) артиститеское воровство; кругъ дѣйствія этой шайки ограничивается искусною поддѣлкою разныхъ денежныхъ бумагъ, и наконецъ къ шестому разряду принадлежатъ укрыватели ворованныхъ вещей и фальшивые монетчики. Съ ворами тѣсно связаны нищіе, которые, часто прикрываясь своею бѣдностью и жалкимъ видомъ, протираются въ дома, высматриваютъ расположеніе комнатъ, снимаютъ слѣп-

[1]) Воры этой категоріи наводили въ недавнее время необыкновенный ужасъ на лондонскихъ жителей, но въ настоящее время они не опасны. Они назывались душителями или рёфами, подкарауливали въ извѣстномъ мѣстѣ жертву, при чемъ одинъ изъ нихъ нападалъ на нее сзаду и сильно сжималъ ей горло, другой быстро очищалъ карманы и обиралъ все, что только можно было унести и сбыть; между тѣмъ остальные рёфы стояли насторожѣ и предупреждали во время своихъ товарищей о приближеніи полисмена или другой жертвы. Рёфы самые отчаянные убійцы и воры.

ки съ замковъ, узнаютъ о привычкахъ хозяевъ, о мѣстахъ, гдѣ хранятся драгоцѣнности и деньги, и обо всемъ этомъ передаютъ ворамъ, которые уже знаютъ какъ приступить и обдѣлать хорошее дѣло....

Осмотрѣвъ гигантское сооруженіе доковъ, я отправился внизъ по Темзѣ къ Гринвичскому госпиталю, красиво расположенному на лѣвомъ берегу рѣки среди чудесныхъ садовъ и дворцовъ; повсюду прекрасные виды и зелень. Чего лучшаго могутъ пожелать труженики моря! Темза, какъ на ладони, наводитъ ветерановъ, любующихся изъ своихъ садовъ на быстро несущіеся, покрытыя парусами, суда, на веселыя, дорогія ихъ сердцу, воспоминанія о своей молодости, путешествіяхъ, о испытанныхъ ими буряхъ и непогодахъ, и идутъ у нихъ разсказы о прежней веселой, удалой жизни, которымъ и конца нѣтъ. Англійское правительство не могло выбрать лучшаго мѣста, чтобы успокоить подъ старость своихъ матросовъ-ветерановъ. Даже самое зданіе, въ которомъ они помѣщаются, напоминаетъ имъ о ихъ былой, хотя трудной, но веселой жизни: передъ входомъ помѣщается огромный глобусъ, внутри зданія—модели судовъ, карты, картины морскихъ сраженій, миѳологическія статуи четырехъ главныхъ вѣтровъ, и наконецъ бюсты замѣчательныхъ морскихъ дѣятелей, принесшихъ посильную пользу флоту и морскимъ наукамъ......

Въ госпиталѣ помѣщается около 3,000 ветерановъ и ихъ отлично одѣваютъ, кормятъ и вообще заботятся о нихъ съ отеческою добротою.....

Кромѣ вышеописанныхъ лондонскихъ зданій, сооруженій и мѣстъ, достойны особеннаго вниманія: Вестминстерское аббатство, Хрустальный дворецъ, Соборъ св. Павла, наконецъ Британскій музеумъ и Зоологическій садъ.

Вестминстерское аббатство, самое величественнѣйшее и древнее зданіе всемірнаго города, построено въ 616 году, саксонскимъ королемъ Себертомъ, но возобновлено впослѣдствіи при Генрихѣ III и Эдуардѣ I. Въ немъ короновались и погребались всѣ англійскіе короли и королевы, начиная съ Эдуарда Исповѣдника до настоящаго времени.

Наружный видъ аббатства поражаетъ своею величественною и древнею архитектурою,-смѣсью древней британской, греческой и готической; оно помѣщается противъ парламента, новый и прекрасной видъ котораго представляетъ огромную противоположность съ почернѣвшими и надтреснувшими стѣнами его предка, и черезъ это сочетаніе новизны со стариною много выигрываетъ Вестминстерская площадь, которой придается этимъ чрезвычайно величественный характеръ.

Внутренность аббатства отличается легкостью, соразмѣрностью и

роскошью своей архитектуры; множество прекрасныхъ гробницъ, статуй и памятниковъ красовалось во всѣхъ предѣлахъ храма, изъ которыхъ самый замѣчательный придѣлъ Эдуарда Исповѣдника, артистической отдѣлки, съ чудесными гробницами и памятниками англійскихъ королей и королевъ.

Въ другихъ частяхъ храма англійскій народъ не забылъ поставить памятники всѣмъ тѣмъ, которые, какимъ-бы то ни было образомъ, способствовали къ возвеличенію его славы и могущества. Тутъ вы увидите героевъ, воиновъ, знаменитыхъ государственныхъ людей, замѣчательныхъ проповѣдниковъ и, наконецъ, въ такъ называемомъ поэтическомъ углу аббатства, поэтовъ, писателей, мыслителей и изобрѣтателей.

Этотъ знаменитый поэтическій уголъ находится при восточномъ входѣ аббатства; здѣсь возвышаются памятники величайшимъ поэтамъ: Вилльяму Шекспиру, Аддисону, Мильтону, Гольдсмиту и многимъ другимъ; но между ними, къ сожалѣнію, посѣтитель не найдетъ изображенія Байрона, знаменитаго пѣвца Чайльдъ-Гарольда, потому что прекрасная статуя этого поэта, сдѣланная талантливымъ Торвальдсеномъ, была отвергнута деканомъ храма, какъ статуя человѣка безнравственнаго и порочнаго.... Другой замѣчательный храмъ всемірнаго города, безспорно, соборъ св. Павла, величайшее произведеніе знаменитаго англійскаго архитектора Христофора Врена. Храмъ этотъ стоитъ на землѣ, которая, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, было посвящена богопочитанію, потому что на этомъ же самомъ мѣстѣ во времена римлянъ, уже стоялъ храмъ, посвященный богинѣ охоты Діанѣ. Только въ 604 году епископъ Августинъ основалъ здѣсь христіанской соборъ, который два раза былъ разрушаемъ сильнымъ пожаромъ (въ 900 году и 1135 г) г.); но черезъ нѣсколько времени послѣ несчастья всегда красовался здѣсь новый соборъ еще величественнѣе и роскошнѣе.

Наконецъ въ третій разъ (въ 1666 году) такое несчастье постигло вновь построенную церковь, и тогда только на ея мѣстѣ былъ воздвигнутъ настоящій соборъ св. Павла—созданіе знаменитаго и талантливаго Христофора Врена. Тридцать пять лѣтъ (съ 1675 по 1710 годъ) трудился Вренъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ надъ этимъ чудеснымъ сооруженіемъ, трудился честно, бережливо и все-таки его обвинили въ обманѣ, въ утайкѣ значительныхъ суммъ, отпущенныхъ на постройку. Только по прошествіи нѣкотораго времени, назначенная для повѣрки его счетовъ комисія самымъ блестящимъ образомъ оправдала этого талантливаго и трудолюбиваго архитектора, которому приписываютъ, кромѣ постройки множества частныхъ и общественныхъ домовъ въ

Лондонѣ, созданіе двадцати одной церкви и двадцати восьми часовень.

Самъ онъ похороненъ въ созданномъ имъ соборѣ св. Павла и надъ его могилою вырѣзаны слѣдующія прекрасныя слова: «Здѣсь погребенъ строитель этого храма и этого города. Не для себя, но для общаго блага прожилъ онъ девяносто лѣтъ. Ты ищешь его памятника?—посмотри вокругъ себя!»

Соборъ св. Павла имѣетъ форму латинскаго креста и своимъ наружнымъ видомъ много походитъ на римскій соборъ св. Петра; три красивыхъ портика украшаютъ три входа, и къ величайшему изъ нихъ, на западной сторонѣ, ведетъ великолѣпная лѣстница въ двадцать восемь ступеней изъ чернаго мрамора. На этой же сторонѣ помѣщается прекрасный барельефъ, изображающій славное обращеніе св. Павла, а нѣсколько выше поставлены изображенія св. Петра, св. Іакова и четырехъ евангелистовъ, а во главѣ всѣхъ, на вершинѣ фронтисписа—колоссальная статуя св. Павла.

Куполъ собора, по величинѣ второй въ мірѣ послѣ купола св. Петра въ Римѣ, окруженъ 22 коринѳскими колоннами, которыя образуютъ такъ называемую «шепотную галерею», въ которой отъ купола такъ отражаются звуки, что на разстояніи ста слишкомъ футовъ слышенъ самый тихій разговоръ такъ ясно, какъ будто разговаривающіе стоятъ у самаго уха слушающаго.

Внутренность собора, раздѣленная на три части тремя рядами чудесныхъ колоннъ въ 100 футовъ высотою и 10 въ поперечникѣ, украшена превосходною живописью, лучшимъ органомъ въ королевствѣ, красивѣйшею каѳедрою, множествомъ статуй, знаменами и другими трофеями войнъ. Подъ церковью помѣщается цѣлый городъ мертвецовъ, состоящій изъ лабиринта комнатъ, залъ и коридоровъ со сводами; но большая часть могилъ, которыхъ насчитываютъ до 3½ тысячь, остается до сихъ поръ незанятою и только въ нѣкоторыхъ лежатъ останки знаменитыхъ мужей Англіи, въ томъ числѣ знаменитаго морскаго героя Нельсона, сухопутнаго — герцога Велингтона и талантливаго Христофора Врена.

Вообще соборъ св. Павла достоенъ вниманія путешественника какъ по изящности отдѣлки и архитектуры, такъ и по историческимъ памятникамъ, статуямъ и гробницамъ.... Самое величественное зданіе въ Лондонѣ, безспорно, Вестминстерское аббатство, самое великолѣпное —парламентъ, но хрустальный дворецъ можетъ почесться самымъ изящнѣйшимъ и фантастическимъ.

Это геніальное твореніе Пакстона, инспектора сада герцога Девон-

ширскаго, созданное только изъ желѣза и стекла, представляетъ какой-то дворецъ изъ сказочнаго міра, въ которомъ живутъ однѣ только феи и волшебницы. Онъ занимаетъ пространство почти въ мильонъ квадратныхъ футовъ; на основаніи изъ цемента и кирпича возвышаются легкія, вылитыя изъ желѣза, въ 24 фута вышины, колонны перваго этажа; надъ нимъ поднимается новый этажъ съ колоннами въ 20 футовъ вышины, а надъ этимъ — третій, построенный точно также и на такой же высотѣ. Промежутки между колоннами покрыты стекломъ; крыша сдѣлана изъ того же матерьяла, и къ общемъ все это производитъ такой эфектный видъ, что невольно переносишься изъ здѣшняго міра въ міръ фантазій и чудесъ.

Чудеснѣйшее и колоссальное это зданіе было воздвигнуто менѣе чѣмъ въ пять мѣсяцевъ и предназначалось для первой всемірной лондонской выставки, 1851 года; по окончаніи выставки, парламентъ рѣшилъ уничтожить хрустальный дворецъ, и онъ былъ разрушенъ еще скорѣе, чѣмъ созданъ, но впослѣдствіи опять возобновленъ въ окрестностяхъ Лондона, Сейденгамѣ, въ двадцати минутахъ ѣзды отъ этой столицы по кройдонской дорогѣ.

Въ послѣдній день 1866 года его постигло первое несчастье, напугавшее все народонаселеніе Лондона, которое, по справедливости, гордится этимъ удивительнымъ зданіемъ; творенію Пакстона угрожала, большая опастность — пожаръ. Огонь показался въ воскресенье, во второмъ часу, въ нижнемъ этажѣ дворца, въ такъ называемомъ тропическомъ отдѣлѣ, въ которомъ помѣщалось множество дорогихъ растеній, деревъ и рѣдкихъ животныхъ. Пламя распространилось съ необыкновенною силою, стекла лопались и сыпались на землю, колонны и желѣзныя стропила растоплялись и падали въ видѣ огненнаго дождя, растенія ярко горѣли, животныя выли и стонали отъ ужаса. Не смотря на энергичную работу прилетѣвшихъ пожарныхъ, часть Хрустальнаго дворца была совершенно истреблена, причемъ правительство понесло убытковъ слишкомъ на $^1/_2$ мильона рублей. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять былъ возобновленъ, и въ настоящее время красуется во всемъ своемъ величіи, окруженный прекрасными садами, украшенный каменными колоннадами и чудеснѣйшимъ артезіанскимъ колодцемъ.

Внутреннее украшеніе дворца, чудесные предметы, хранящіеся въ немъ, превосходятъ всякое описаніе. Все въ немъ такъ прекрасно, такъ разнообразно, что глаза разбѣгаются отъ удовольствія и съ живымъ любопытствомъ перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому. Нѣтъ никакой возможности описать всего, что въ немъ хранится, и даже нѣтъ

никакой возможности всего внимательно осмотрѣть, потому что для этого понадобилось бы ни день и ни два, а можетъ быть цѣлая недѣля и даже двѣ. Сюда собраны разнообразные предметы со всѣхъ концовъ міра; здѣсь выставляютъ свои произведенія всѣ желающіе: художники, скульпторы, фабриканты и т. д. Здѣсь же вы можете любоваться и русскими произведеніями; особенно обращаютъ на себя вниманіе англійской публики превосходныя картины нашего извѣстнаго профессора Верещагина, представляющія различные факты изъ азіятской жизни; передъ ними почти постоянно толпится много разнородной публики....

Другое замѣчательное собраніе рѣдкостей, но уже древнихъ, находится въ такъ называемомъ Британскомъ музеумѣ (British Museum). Основателемъ этого замѣчательнаго и богатаго собранія, превосходящаго всѣ подобныя въ мірѣ, былъ сэръ Гансъ Слонъ (Sir Hans Sloane) завѣщавшій послѣ смерти, въ 1753 году, свои неоцѣнимыя коллекціи англійскому правительству. Музеумъ заключаетъ въ себѣ четыре главныя коллекціи, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются еще на второстепенныя. Главныя коллекціи слѣдующія: коллекція скульптуры и памятниковъ, предметовъ этнографіи и древностей, затѣмъ — предметовъ естественной исторіи и наконецъ библіотека.

Первая коллекція занимаетъ часть нижняго этажа и заключаетъ въ себѣ художественныя произведенія Рима, Греціи, Египта, Ассиріи и Ликіи. Изъ множества предметовъ, составляющихъ эту замѣчательную коллекцію, слѣдуетъ обратить вниманіе: въ греческомъ отдѣлѣ на обломки Аѳинскаго Парѳенона, найденные и присланные въ Англію лордомъ Эльджиномъ (Elgin); а въ египетскомъ, самомъ богатомъ и интересномъ, — на камень прозванный Розеттъ, исписанный египетскими іероглифами съ греческимъ переводомъ: этотъ камень служилъ извѣстнымъ филологамъ Шампильону и Юнгу первымъ средствомъ къ разбору египетскихъ письменъ. Далѣе замѣчательны: прекрасно сдѣланная голова сфинкса, верхняя часть статуи Рамзеса Великаго, взятая изъ Ѳивскаго мемноніума, и множество другихъ статуй королей и боговъ.

Ассирійская коллекція составлена изъ открытій Лайара въ Нинёвіи, а Ликійская—изъ предметовъ, найденныхъ въ Малой Азіи. Коллекція предметовъ этнографіи и древности занимаетъ большую часть верхняго этажа и состоитъ изъ собранія домашней утвари, предметовъ туалета, орудій и матерій на платья изъ Египта, греческихъ, этрусскихъ и римскихъ вазъ, бронзовыхъ вещей и другихъ древностей, а также изъ оружія, идоловъ, утвари, одежды и орудій азіятскихъ, американскихъ, африкан-

скихъ и австралійскихъ племенъ, и наконецъ тутъ же хранятся антики древней Великобританіи и Скандинавіи, временъ владѣнія Англіею римлянами и англо-саксонцами.

Въ этомъ отдѣлѣ хранится также деревянный гробъ съ человѣческими костями, найденный въ пирамидѣ, построенной фараономъ Минькера. По мнѣнію Лапсіуса, эти кости принадлежатъ египетскому фараону, умершему 5170 лѣтъ тому назадъ.

Коллекція предметовъ естественной исторіи очень занимательна и обширна, но особеннаго въ ней ничего нѣтъ.

Библіотека же богата азіятскими рукописями, различными хартіями, граматами и другими важными документами. Въ ней хранится экземпляръ первый Библіи, отпечатанной Гутенбергомъ, подлинникъ «Большой хартіи» и многихъ другихъ хартій среднихъ вѣковъ, подлинникъ смертнаго приговора Карла I со всѣми подписями и наконецъ единственный автографъ Шекспира и Ньютона. Вообще библіотека богата разными историческими документами.

Лондонскій зологическій садъ можетъ служить образцомъ для другихъ; богатство и разнообразіе ихъ удивительны; тутъ собраны всѣ представители царства животнаго, которые являются здѣсь въ особенно замѣчательныхъ экземплярахъ отъ самыхъ громадныхъ созданій, до самыхъ незамѣтныхъ.

Особенно замѣчателенъ отдѣлъ птицъ, и въ немъ постоянно толпится много любопытныхъ, не смотря на страшный шумъ, свистъ, пѣнье, щелканье и крикъ. Тутъ вы увидите всѣхъ птицъ стараго и новаго свѣта, во всѣхъ ихъ видахъ и видоизмѣненіяхъ, отовсюду, куда только ступала человѣческая нога.

Изъ отдѣла животныхъ замѣчательны два экземпляра: новый видъ сѣверныхъ оленей съ хвостомъ осла и коровьими ногами и, такъ называемая, кошка-медвѣдь. Послѣднее животное формою и величиною нѣсколько похоже на кота; шерсть у него густая и довольно длинная, на верхнихъ частяхъ тѣла темнокрасная, а на головѣ и хвостѣ, на которомъ находятся темныя кольца, нѣсколько свѣтлѣе.

Морда, подбородокъ и внутренность ушей кошки-медвѣдя бѣлыя; наружное же ухо—въ сочлененіяхъ, брюхо, а также концы хвоста совершенно черные. Отъ глаза до отверстія рта идетъ широкая вертикальная полоса, въ которой очень красиво смѣшиваются цвѣта темно-красный и черный. Длина туловища болѣе двадцати двухъ дюймовъ, хвоста 16 дюймовъ, а вышина животнаго около десяти дюймовъ.

По описанію доктора Іердона, отечество этого красиваго животнаго

въ юго-восточной части Гималайскихъ горъ, гдѣ оно встрѣчается на высотѣ отъ 7,000 до 12,000 футовъ. Путешественникъ Годчсонъ говоритъ, что кошка-медвѣдь принадлежитъ къ травояднымъ лазунамъ; живетъ въ пещерахъ, разсѣлинахъ скалъ, питается кореньями, бамбуковыми почками, плодами, а также, если есть возможность, яйцами, молодыми птицами, молокомъ и мясною пищею; лазаетъ она превосходно, но по землѣ ходитъ медленно и неуклюже.

Когда кошка-медвѣдь разсержена, то шипитъ и хрипитъ какъ кошка и по временамъ издаетъ глухой ревъ, какъ молодые медвѣжата. Пойманная она безвредна, спокойна, понятлива и скоро приручается; ѣстъ только вечеромъ и утромъ, днемъ же, почти все время, спитъ, причемъ она ложится на бокъ, свертывается на подобіе шара и прячетъ голову подъ пушистый, чудесный хвостъ.

Другія животныя зоологическаго сада не представляютъ ничего особеннаго: тѣ же обезьяны, медвѣди, тѣ же тигры, леопарды, львы, носороги, слоны и тому подобные представители животнаго царства....

Кромѣ вышеописанныхъ замѣчательныхъ зданій и мѣстъ, въ Лондонѣ поставлено множество памятниковъ, статуй и монументовъ, но всѣ они содержатся чрезвычайно небрежно и не отличаются изящностью и и артистичностью своей постройки.

Только и стоитъ обратить вниманіе на величественную колонну (англичане ее называютъ просто монументомъ — monument), поставленную, по приказанію парламента, въ память страшнаго пожара, въ 1666 году, истребившаго большую часть всемірнаго города. Колонна эта, воздвигнутая Христофоромъ Вреномъ, имѣетъ слишкомъ 300 футовъ высоты и поставлена на границѣ прекращенія пожара. Внутри ея сдѣлана изъ чернаго мрамора великолѣпная лѣстница, по которой можно подняться на самый верхъ колонны и любоваться городомъ съ высоты, такъ сказать птичьяго полета. Вершина колонны покрыта, на подобіе клѣтки, толстыми желѣзными прутьями, потому что недавно явилось нѣсколько любителей лишать себя жизни, бросаясь съ верху и расшибая голову о мраморный пьедесталъ монумента. Теперь же, къ несчастью другихъ любителей, отнята возможность лишать себя жизни подобнымъ образомъ и имъ приходится выдумывать новый способъ самоубійства, и навѣрное придумаютъ еще болѣе оригинальный, потому что англичанинъ, по своему темпераменту, любитъ чѣмъ нибудь выдаться изъ общей среды: это его страсть, на этомъ, кажется, онъ помѣшался....

Закончу теперь описаніе Лондона краткимъ обзоромъ сильнѣйшей страсти англичанъ пари или, лучше сказать, своего рода игорныхъ до-

мовъ. Англичанинъ гордится не только своею породою и исторіею, но и тѣмъ, что на его островѣ нѣтъ игорныхъ домовъ. Дѣйствительно, въ Англіи нѣтъ, какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ на материкѣ, публичныхъ игорныхъ домовъ, нѣтъ рулетокъ и лотерей, потому что англійскіе законы запрещаютъ азартныя игры; но за то есть пари и рискъ, составляющіе господствующую страсть англичанъ, которые перенесли игру съ зеленаго стола на зеленый лугъ (Turf) и въ мѣсто рулетокъ. и картъ держатъ пари на лошадиныхъ скачкахъ. Страсть къ этому пари явилась у англичанъ только въ XVII столѣтіи въ царствованіе Іакова I, ревностнаго покровителя скачекъ и пари. При слѣдующихъ короляхъ Карлѣ I и II, любителяхъ этой забавы, страсть къ пари развивалась въ англичанахъ все больше и больше, и наконецъ при Георгѣ это удовольствіе, названное Murf (зеленый лугъ), сдѣлалось народнымъ учрежденіемъ. Множество разнаго званія людей стали жить отъ зеленаго луга, возникли интриги и спекуляціи, проигрывали и выигрывали баснословныя суммы въ азартной игрѣ риска и пари. Въ это же время возникло извѣстное заведеніе, подъ именемъ «Таттерсаля», основанное, въ 1777 году, коннозаводчикомъ герцога Кингстона Татерзалемъ, составившимъ на лошадиныхъ скачкахъ огромное состояніе.

Цѣль этого заведенія доставить возможность англійскимъ спортмэнамъ сходиться въ одномъ мѣстѣ, обезпечивать условія и платежъ пари, однимъ словомъ Таттерсаль для нихъ все равно, что биржа и банкъ для купцовъ. Здѣсь пишутся условія пари, здѣсь же выплачиваютъ проигрышъ или получаютъ выигрышъ, здѣсь въ нѣсколько минутъ проигрываютъ или выигрываютъ цѣлое состояніе. Въ настоящее время страсть къ пари увечилилась до такой степени, что англичане держатъ ихъ о всякой бездѣлицѣ: о подачѣ голосовъ въ парламентѣ, о гонкахъ судовъ, о пѣтушьемъ и кулачномъ боѣ, о прибытіи перваго судна изъ Китая съ чаемъ, о правописаніи сомнительныхъ словъ и т. д.—

Изъ этого небольшаго описанія читатель можетъ вывести заключеніе, на сколько Таттерсаль разнится отъ игорнаго дома и справедливы-ли англичане, гордящіеся, что въ ихъ королевствѣ нѣтъ настоящихъ игорныхъ домовъ.....

ГЛАВА VIII.

Выходъ изъ Плимута.—Эддистонскій маякъ.—Атлантическій океанъ.—Саргассовое море.—Матросская жизнь. — Летучія рыбы. — Фрегаты, глупыши и другія морскія птицы. — Дельфины. — Свѣченіе моря. — Прибытіе въ Порто-Гранде.

Обратную поѣздку изъ Лондона въ Плимутъ я совершилъ по желѣзной дорогѣ, и тутъ-то я узналъ быстроту англійскихъ поѣздовъ, которая, какъ видно, доказываетъ, что англичане не менѣе американцевъ дорожатъ своимъ временемъ и что у нихъ «время также деньги». Едва только поѣздъ вылетѣлъ изъ вокзала, какъ понесся по крышамъ домовъ, надъ всемірнымъ городомъ: внизу кипѣла жизнь, всякій торопился и нисколько, повидимому, не обращалъ вниманія на несущійся надъ ихъ головами поѣздъ.

Но вотъ городъ остался позади и поѣздъ еще быстрѣе понесся среди обработанныхъ полей, сельскихъ домиковъ, теряющихся въ красивой зелени, аристократическихъ виллъ, окруженныхъ чудесными парками; по всѣмъ направленіямъ шли рельсовые пути, повсюду носилось множество поѣздовъ, пересѣкая другъ другу дорогу, перегоняя и встрѣчаясь одинъ съ другимъ.... Я каждую минуту ожидалъ, что какіе нибудь два поѣзда встрѣтятся и однѣ только дребезги скатятся подъ откосъ полотна, но ничуть не бывало: они двигались съ такою разсчитанностью, что, повидимому, не могло произойти никакого несчастья....

Перерѣзавъ почти всю южную часть Англіи, отъ Лондона до Плимута, я былъ пораженъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ встрѣчаемыхъ видовъ, при чемъ нужно замѣтить, что Англія вообще не богата особенно замѣчательными проявленіями силы природы, но за то богата разнообра-

зіемъ картинъ, которыя придаютъ ей въ общности такой прелестный панорамный видъ, что невольно представляешь себѣ эту страну одною изъ прелестнѣйшихъ и красивѣйшихъ въ свѣтѣ. И дѣйствительно, съ каждою новою верстою открывалась новая картина, достойная кисти замѣчательнаго пезайжиста: здѣсь мелькаютъ мимо оконъ поѣзда высокія горы, дикія скалы, узкія ущелья, бурные потоки и прелестныя, плодородныя долины; дальше картина сразу мѣняется, и вы видите себя среди пустынныхъ болотъ, поросшихъ осокою и тростникомъ, среди необозримыхъ, безплодныхъ равнинъ, внезапно мѣняющихъ настроеніе путешественника. При видѣ горъ, дикихъ скалъ и ущелій невольно заносишься въ міръ фантазій и романовъ; при видѣ же безплодныхъ равнинъ и степей впадаешь въ меланхолію, и вмѣсто романовъ и чудесъ, витаютъ въ головѣ не болѣе привлекательные, совершенно прозаическіе, петербургскіе виды... Но не болѣе какъ черезъ полчаса, вмѣсто безплодныхъ степей и топкихъ болотъ, глазамъ представляются поросшія чудесною зеленью луга, засѣянныя поля, пересѣкаемыя рѣками, небольшими рѣчками и множествомъ извилистыхъ, блестящихъ ручейковъ, которые, кажется, манятъ къ себѣ, предлагая хорошій отдыхъ подъ роскошными рощами, раскинутыми по ихъ берегамъ.

Среди этихъ засѣянныхъ полей и зеленѣющихъ луговъ виднѣются хорошенькіе домики поселянъ, небольшія селенія и зарождающіеся города; только изрѣдка мелькаютъ великолѣпныя сельскія жилища англійскихъ аристократовъ, окруженныя столѣтними рощами, прелестными лужайками и красиво расположенными кустарниками... Повсюду зелень, роскошная зелень, которой не увидишь въ Петербургѣ даже въ самое благопріятное время года. И немудрено: влажность и теплота здѣшняго климата поддерживаютъ въ поляхъ и лѣсахъ постоянную зелень; рѣдко, въ зимнее время, и то только въ самые холодные года, покрываются поля снѣгомъ, но не на долго: при первомъ западномъ вѣтрѣ повсюду опять таетъ и вскорѣ появляется новая зелень.... У самаго Плимута, вмѣсто зелени и лѣсовъ, стали попадаться горные кряжи, небольшіе холмики, равнины съ безплодною почвою, покрытою кой-какою степною травою, осокою и рѣдкимъ кустарникомъ; встрѣчались также гранитныя скалы, лишенныя всякой растительности, известняки и глинистые сланцы, богатые мѣсторожденіемъ мѣди, олова, свинца и тому подобныхъ металловъ.

Наконецъ, поѣздъ влетѣлъ въ Плимутъ и черезъ два часа я уже былъ на корветѣ, на которомъ еще кипѣла усиленная работа, но уже приходившая, повидимому, къ концу.

Такъ какъ наше пребыванiе въ Плимутѣ должно еще было продолжиться до 2 февраля 1873 года, т. е. почти полторы недѣли, то я рѣшился еще разъ внимательно осмотрѣть собственно городъ и его достопримѣчательности, и новыя подробности добавить къ тѣмъ короткимъ свѣдѣнiямъ, которыя я уже далъ нѣсколько выше.

Плимутъ въ древнiя времена былъ извѣстенъ подъ другимъ названiемъ, а именно—Тамеоверта и позднѣе Соутоунъ. Онъ находится въ 315 верстахъ отъ Лондона, по желѣзной дорогѣ, и, представляя одинъ изъ главнѣйшихъ морскихъ арсеналовъ въ мiрѣ, расположенъ при устьѣ рѣки Плимъ, между устьемъ и впадающей въ тотъ же, такъ называемый Плимутскiй, лиманъ рѣкою Темеромъ. Лиманъ этотъ состоитъ изъ множества небольшихъ заливовъ, на рейдѣ которыхъ могутъ стоять на якорѣ флоты всего свѣта; самыя лучшiя бухты—это Плимъ и Темеръ: первая изъ нихъ образуетъ прекрасный бассейнъ для купеческихъ судовъ; вторая, длиною почти въ семь верстъ, представляетъ прекрасный рейдъ Гамоза глубиною, во время отлива, въ 50 футовъ и достаточный для свободной стоянки болѣе ста самыхъ большихъ военныхъ судовъ.

Поперекъ всего Плимутскаго залива, для безопасности противъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ, устроенъ вкось, еще въ 1841 году, огромный волнорѣзъ, почти въ полторы версты длиною и болѣе тридцати пяти футовъ ширины.

Торговля Плимута довольно значительна; сюда привозятъ много лѣсу, въ окрестностныхъ фабрикахъ кипитъ дѣятельная работа: тутъ вы встрѣтите фабрики парусныя, сахарныя, шелковыя, стеклянныя, заводы для приготовленiя крахмала и тому подобныя мануфактурныя и промышленныя учрежденiя.

Самый городъ не представляетъ ничего особеннаго: древнiй, съ узкими, но чрезвычайно чистыми, улицами и неправильно построенный, онъ въ общей сложности производитъ непрiятное впечатлѣнiе.

Девенпортъ, называвшiйся прежде Докомъ, построенъ гораздо лучше, такъ какъ онъ созданъ уже въ новѣйшiя времена, и защищается довольно правильными укрѣпленiями, крѣпостью Моунтъ-Вайзъ, лежащею между нимъ и гаванью, и наконецъ двумя фортами, расположенными со стороны моря. Самый же Плимутъ защищается только одною, почти полуразрушенною, цитаделью, построенною въ 1670 году на небольшой возвышенности, господствующей надъ всею мѣстностью; но за то онъ богатъ другими военными и частными учрежденiями, какъ-то: госпиталями, тюрьмами, мастерскими, театрами, морскими купальнями и т. д. Особенно замѣчательны: большой морской госпиталь, королевскiй воен-

ный госпиталь, большая военная тюрьма, въ которой можетъ помѣститься около 3,000 преступниковъ, и, наконецъ, купальни, большое число которыхъ разбросано также и въ окрестныхъ рыбачьихъ деревняхъ....

Работы на корветѣ между тѣмъ быстро приходили къ концу, и въ началѣ февраля онъ былъ уже совершенно готовъ пуститься въ дальнѣйшее плаваніе.

2-го числа, 1873 года, корветъ вышелъ изъ Плимута, теперь уже на долгое время распростившись съ европейскими берегами; черезъ два часа мы прошли знаменитый Эддистонскій маякъ, одиноко стоящій посреди моря (въ пятнадцати миляхъ отъ берега), на подводной скалѣ, вышиною въ 600 футовъ со дна океана, совершенно покрываемой водою во время высокихъ приливовъ.

Маякъ этотъ выстроенъ Смитономъ, въ 1759 году, въ видѣ башни, вышиною почти въ 130 футовъ и въ 23 фута въ поперечникѣ; свѣтящійся же приборъ расположенъ на высотѣ 143 футовъ надъ уровнемъ моря во время высокихъ приливовъ. Первый разъ былъ выстроенъ на этомъ мѣстѣ маякъ въ 1696 году, но онъ простоялъ недолго: въ 1703 году страшная буря сбросила башню въ море и бурныя волны смыли ее до основанія; но неутомимые англичане, уже въ 1708 году, выстроили на мѣстѣ стараго новый маякъ, который простоялъ однако всего только до 1755 года, въ которомъ его постигло новое несчастье, и онъ былъ до тла истребленъ страшнымъ пожаромъ, случившимся, вѣроятно, отъ оплошности сторожей, наблюдавшихъ за фонаремъ, потому что пожаръ начался съ вершины башни, съ того мѣста, гдѣ помѣщался свѣтящійся приборъ....

Англичане, послѣ двукратной неудачи, не упали духомъ и опять на томъ же самомъ мѣстѣ воздвигли, въ 1759 году, новый маякъ, крѣпче и лучше всѣхъ предъидущихъ. И стоитъ теперь онъ гордо, уже болѣе столѣтія, какъ бы насмѣхаясь надъ безполезными усиліями разсвирѣпѣвшаго океана—сбросить башню опять въ море. Дѣйствительно, покажется удивительнымъ всякому, какъ до сихъ поръ стоитъ эта одинокая постройка; никакія усилія волнъ не производятъ въ ней ни малѣйшаго измѣненія, хотя у ея основанія неумолчно шумитъ свирѣпый бурунъ, а въ сильныя бури прибой волнъ бываетъ здѣсь до того силенъ, что гребни ихъ подымаются слишкомъ на 25 футовъ выше самаго маяка. Этотъ величественный взбросъ воды, обдающій Эддистонскій маякъ сверху до низу, представляетъ по-истинѣ эфектную и изумительную картину! Можно себѣ представить силу удара волнъ, происходящаго на глубинѣ почти девяноста сажень, подъ обрывомъ у Эддистона, когда

онъ взбрасываетъ воду на высоту 188 футовъ надъ уровнемъ моря, поднимая при этомъ столбъ воды объемомъ отъ семидесяти до ста тысячъ кубическихъ футовъ и вѣсомъ болѣе двухсотъ тысячъ пудовъ!

Имѣя въ виду эту страшную массу воды, падающей на одинокій маякъ, невольно удивишься крѣпости постройки, невольно съ гордостью подумаешь, что человѣкъ побѣждаетъ даже стихіи своею удивительною настойчивостью, своимъ изобрѣтательнымъ умомъ!....

Но вотъ Эддистонскій маякъ остался далеко позади, и направо виднѣется мысъ Лизардъ, пустой и голый утесъ, далеко выдвинувшійся въ море при высотѣ почти въ 200 футовъ. Впереди раскинулся океанъ, безпредѣльный океанъ, который былъ въ совершенно другомъ настроеніи, нежели при нашемъ первомъ съ нимъ знакомствѣ: кругомъ царствовала глубокая тишина и спокойствіе; не большая зыбь [1]), оставшаяся отъ прежняго волненія, плавно подходила подъ корпусъ корвета, легко, безъ всякаго сотрясенія, поднимала его и совершенно спокойно опускала въ объятія смирившагося океана, который, казалось, хотѣлъ вознаградить насъ за перенесенныя въ немъ бѣдствія и доставить намъ пріятное плаваніе. Казалось, онъ совѣстился своего прежняго невѣжливаго съ нами поступка и теперь, нѣжно лаская нашъ корветъ своими спокойными волнами, повидимому хотѣлъ показаться на этотъ разъ гостепріимнымъ и вѣжливымъ хозяиномъ....

И дѣйствительно, такой переходъ, какой совершили мы до острововъ Зеленаго мысса, по-истинѣ удивителенъ; все намъ благопріятствовало: все время погода стояла самая великолѣпная, тихая; море награждало насъ удивительными зрѣлищами, на вѣки запечатлѣвшимися въ нашей памяти.

Идя все время, при ровномъ попутномъ вѣтрѣ, подъ парусами (кромѣ двухъ первыхъ дней по выходѣ изъ Плимута, которые по случаю штилей мы прошли подъ парами), корветъ быстро добѣжалъ, безъ особенныхъ приключеній, до широты 45° и вошелъ, въ такъ называемое, Саргассовое море. Оно образуетъ между 20 и 45° с. ш. длинный, травяной поясъ, который занимаетъ треугольное пространство, въ серединѣ могучаго водоворота, образуемаго теченіями Гольфстримомъ и экваторьяльнымъ. Въ этомъ, сравнительно спокойномъ, пространствѣ Атлантическаго океана съ удивительнымъ плодородіемъ развилась роскошная водяная растительность.

---

[1]) Зыбью вообще называется волненіе безъ вѣтра или несогласное съ направленіемъ дующаго вѣтра. Это явленіе, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того свойства жидкости, что она долго не успокоивается и продолжаетъ свои колебанія послѣ сильнаго волненія.

Долгое время ученые естествоиспытатели старались разъяснить фактъ, откуда и отчего появилось здѣсь такое громадное количество растеній, которыя обращаютъ огромное пространство океана въ одинъ почти сплошной пловучій лугъ. Одни естествоиспытатели утверждали, что эти растенія поднимаются со дна моря; но сколько ни старались они подтвердить фактами свое предположеніе, однакожъ не имѣли успѣха. Другіе же, напротивъ, доказывали, что эти растенія не имѣютъ рѣшительно никакого соотношенія ко дну морскому, но представляютъ ничто иное, какъ пловучій морской мохъ, занесенный сюда съ незапамятныхъ временъ теченіями и спокойно продолжавшій здѣсь, на сравнительно неподвижной поверхности воды, свое прозябаніе. Это послѣднее предположеніе совершенно справедливо, потому что на глубинѣ слишкомъ въ 10,000 футовъ не можетъ подыматься со дна океана никакое растеніе; затѣмъ, осторожно вытаскивая изъ воды этотъ пловучій мохъ, видишь совершенную его законченность, и не замѣтно, чтобы онъ былъ отъ чего нибудь оторванъ. Этихъ фактовъ, да и многихъ другихъ, которыхъ я здѣсь не привожу, совершенно достаточно, чтобы опровергнутъ предположеніе первыхъ естествоиспытателей.

Саргассовое море состоитъ собственно изъ двухъ большихъ группъ, соединенныхъ между собою множествомъ меньшихъ и разбросанныхъ полосъ моха, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прозябаетъ въ такой сплошной массѣ, что совершенно измѣняетъ цвѣтъ моря и даже, при тихомъ вѣтрѣ, задерживаетъ ходъ парусныхъ судовъ. Большая изъ первыхъ двухъ группъ лежитъ вблизи Азорскихъ острововъ, другая же, меньшая,—на юго-западѣ (SW) Бермудскихъ.

Это море мха, по всей вѣроятности, было уже извѣстно первымъ мореплавателямъ—финикіянамъ, потому что они, по возвращеніи своемъ изъ дальнихъ путешествій, разсказывали, что по выходѣ за Геркулесовы столбы въ океанъ, море тамъ, будто бы, до того густо, что ихъ суда насилу пробирались впередъ. Послѣ финикіянъ первое извѣстіе объ этомъ пространствѣ пловучаго моха мы получили отъ Христофора Колумба, который говоритъ въ дневникѣ своего перваго путешествія, что «рано утромъ увидѣли мы такое множество растеній, что море казалось какъ бы покрытымъ льдомъ». Съ тѣхъ только поръ оно получило свое настоящее названіе, потому что португальцы назвали его Mare de Sargasso, и со времени открытія Америки нисколько не измѣнило своего положенія, имѣя постоянно то же рѣзкое очертаніе по краямъ Гольфстрима.

На параллели Мадейры задулъ сѣверовосточный вѣтеръ (NO), который, не мѣняясь, перешелъ въ благопріятный для мореплавателей пассатъ

наступило блаженное время, какъ для матросовъ, такъ и для офицеровъ. Небо ясно, воздухъ чистъ, тепло; матросики сняли сапоги и босикомъ или въ башмакахъ бѣгаютъ по горячей палубѣ; всѣ переодѣлись въ лѣтнее платье, всѣ веселы на видъ и по цѣлымъ днямъ разгуливаютъ подъ теплымъ южнымъ солнцемъ, любуясь моремъ и его многочисленными прелестными обитателями.

Чрезвычайно правильное волненіе производитъ однообразную, убаюкивающую качку, отъ которой не появляется ни морская болѣзнь, ни даже головокруженіе. Отлично, да и только! настоящая дача, но не петербургская, пыльная и жаркая до духоты, а дача гдѣ нибудь въ Крыму, на берегу моря....

Дни шли за днями совершенно незамѣтно, днемъ одни ощущенія, а ночью другія, самыя разнообразныя и пріятныя.

Чтобы показать, какъ проводятъ всѣ эти дни матросы, возьму на выдержку одинъ только какой нибудь буднишній день. Всѣ другіе дни будутъ совершенно въ общихъ, такъ сказать, казенныхъ чертахъ, походить на этотъ; но разнообразіе, приносимое постоянно моремъ, такъ велико, что, съ другой стороны, одинъ день совершенно не походитъ на другой...

Рано утромъ, часовъ въ пять, раздаются въ палубу свистки и зычные голоса вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ: «Полно спать, пора вставать».

Нехотя подымаются матросики со своихъ коекъ, разнѣженные убаюкивающею качкою и чудною погодою, лѣниво набрасываютъ на себя одежду, самую тропическую, состоящую изъ бѣлой рубахи съ воротникомъ и панталонъ, и починаютъ аккуратно скатывать свои постели въ форму муравьиныхъ яичекъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздается новый свистъ, сопровождаемый молодецкимъ крикомъ:

«Койки на верхъ! На молитву»!

Точно муравьи закопошились матросики, подхватили свои скатанныя койки и поползли черезъ люки на верхъ, торопясь поскорѣе уложить ихъ въ назначенное имъ мѣсто [1]).

Послѣ краткой молитвы, которая поется всѣми матросами безъ исключенія, сытнаго завтрака и скачиванія палубы [2]), матросики разбрелись въ разныя стороны и каждый занялся своимъ дѣломъ: кто скоблитъ

---

[1]) Матросскія койки укладываются въ такъ называемыя, коечныя сѣтки— особо устроенные ящики, расположенные поверхъ всего борта, кругомъ судна. Уложенныя койки закрываются чахлами, чтобы ихъ не мочило волною или дождемъ.

[2]) Мытье палубы.

блочекъ, мурлыча себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, кто плететъ матъ (коврикъ), весело перебрасываясь съ сосѣдомъ, занимающимся другою, какою нибудь легкою, тропическою работою, матросскими остротами и беззлобною руганью. И идетъ себѣ у всѣхъ работа, среди разговоровъ и балагурства, незамѣтно, легко и нисколько не утомляя матросовъ. Никто ихъ не понукаетъ, а работаетъ каждый по своей волѣ и съ удивительною охотою и стараніемъ. И работаютъ матросики повсюду—на бакѣ, на ютѣ, въ палубѣ, на марсѣ, и весело поглядываютъ на чистое, ясное небо, на спокойное море, изъ котораго изрѣдка вылетитъ стая летучихъ рыбъ и опять скроется въ зеленоватыхъ волнахъ, или покажутся вдали акула, дельфины, морскія свиньи и косатки....

Весело матросамъ, привольно....

— Экая благодать, говоритъ самодовольно Михайло своему другу, закадычному и однокашнику Архипу, поди, таперь въ деревнѣ зима, снѣгу навалило аршина на два, а мы себѣ въ привольѣ живьемъ, босикомъ ходимъ, да въ однѣхъ рубахахъ....

— Вотъ бабамъ-то разскажемъ, какъ въ деревню придемъ! Эхъ-ма!

— А вѣтрило-то!? продолжалъ Михайло, подикось ужъ какой день идемъ, а все брасомъ [1]) шевельнуть не пригодитца. Идемъ себѣ, да идемъ и долго такъ будемъ идти, потому, господа ахвицеры баютъ, въ такую полосу ужъ вошли, гдѣ вѣтеръ все въ одномъ направленіи дуетъ. Одно слово, пасатъ вѣтеръ, заключилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Незамѣтно пролетѣло время до 11 часовъ и раздается свистокъ боцмана, сопровождаемый громкимъ крикомъ:

«Кончить всѣ работы»!

Кончили работы, все убрали, подмели палубу, вынесли браспойты, раздѣлись и начали, при громкомъ и веселомъ хохотѣ, окачиваться теплою, тропическою водою. Окатившись всѣ безъ исключенія, матросики собрались въ кучки и съ нетерпѣніемъ ждали желаннаго момента, когда просвистятъ къ водкѣ и обѣду.

Между тѣмъ штурмана вышли уже на верхъ ловить солнце и опредѣлять по полуденной его высотѣ широту мѣста; часто вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ ее капитанъ, офицеры и гардемарины, однимъ словомъ всѣ, у кого только есть секстантъ [2]) казенный или свой.

Глаза матросовъ обращены на группу наблюдателей и видно въ нихъ

---

[1]) Брасы—снасти, которыми реи могутъ быть вращаемы въ горизонтальной плоскости и которыя удерживаютъ ихъ въ желаемомъ направленіи къ килю.

[2]) Секстантомъ называется морской отражательный угломѣрный инструментъ.

необыкновенное нетерпѣніе и желаніе, чтобы солнце какъ можно скорѣе пришло на меридіанъ, чтобы скорѣе раздался давно желанный призывъ къ водкѣ. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія; наблюдатели зашевелились, отняли отъ глазъ инструменты и начали дѣлать свои выкладки на кусочкѣ бумаги или въ памятной книжкѣ.

Старшій штурманъ, окончивъ свои вычисленія, подходитъ къ вахтенному начальнику докладываетъ, что наступилъ моментъ истиннаго полдня, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ ему градусы, минуты и секунды обсерваціонной [1]) полуденной широты. Вахтенный начальникъ докладываетъ о томъ же старшему офицеру, а тотъ наконецъ капитану. Эта формальность соблюдается даже въ томъ случаѣ, если бы самъ капитанъ и старшій офицеръ были на верху, дѣлали наблюденія и уже заранѣе знали бы свою широту.

— Восемь стклянокъ [2]) бить, говоритъ капитанъ, и это приказаніе черезъ старшаго офицера переходитъ къ вахтенному начальнику.

— Восемь стклянокъ бить! громко командуетъ вахтенный начальникъ.

— На бакѣ, восемь стклянокъ бить! передается приказаніе на бакъ вахтеннымъ унтеръ-офицеромъ, и мѣрно, басомъ, звучитъ на бакѣ колоколъ, радостно отзываясь въ сердцахъ матросовъ, которые цѣлые полчаса съ нетерпѣніемъ ожидали эти удары. Почти въ то же время, какъ бы эхо, слышится въ палубѣ звонкій дискантовый колоколъ, торопливо отбивающій тѣ же восемь стклянокъ.

Не успѣли еще замолкнуть послѣдніе звуки колокола, какъ уже раздалась новая команда вахтеннаго начальника:

— Свистать къ вину и обѣдать!....

---

[1]) Обсерваціонная широта — опредѣленная по астрономическимъ наблюденіямъ, находясь въ виду берега, по пеленгамъ или угламъ.

[2]) Для измѣренія промежутка времени въ 30 или 15 секундъ, употребляются на суднѣ песочныя часы или стклянки. Въ прежнія времена на суда отпускались стклянки и большихъ размѣровъ (отъ получаса до четырехъ часовъ), которыя замѣняли на нихъ часы, но въ настоящее время онѣ вывелись изъ употребленія и уступили свое мѣсто обыкновеннымъ, пружиннымъ стѣннымъ часамъ; не смотря однако на это, выраженіе «стклянка», означающее получасовой промежутокъ времени, и до сихъ поръ остался на судахъ во всеобщемъ употребленіи. Стклянки бьютъ каждые полчаса. Если начать счетъ времени съ полночи, то въ $12^1/_2$ часовъ бьется одна стклянка (ударяется въ колоколъ, одинъ разъ), въ часъ бьется двѣ сткляники (два удара) и т. д. Наконецъ въ 4 часа утра бьется восемь стклянокъ, начиная съ половины пятаго опять одна стклянка и т. д. Такимъ образомъ, по восьми стклянокъ бьется на суднѣ шесть разъ въ сутки: въ полночь, въ 4 часа утра, въ 8 часовъ утра, въ полдень наконецъ въ 4 часа и въ 8 часовъ вечера.

Между тѣмъ, всѣ боцманы и унтеръ-офицеры уже стоятъ вокругъ жбана съ водкою, приложивъ дудки къ губамъ, поднявъ локоть правой руки немного кверху и закрывая большимъ пальцемъ отверстія дудокъ, чтобы онѣ заранѣе не издали никакого звука.

Какъ только послышалась послѣдняя команда вахтеннаго начальника, старшій боцманъ махнулъ рукою и всѣ разомъ, наклонивъ головы нѣсколько на бокъ, покраснѣвъ отъ натуги, но въ то же время съ самодовольною улыбкою поглядывая на жбанъ съ водкою, засвистали такъ пронзительно и оглушительно, что могли бы этимъ молодецкимъ посвистомъ оглушить и самаго свистуна Соловья-Разбойника. Среди протяжнаго неумолкаемаго свиста, можно было различить соловьиныя трели, которыми заливались искусники на этомъ инструментѣ. Наконецъ все смолкло: и молодецкій свистъ, и радостныя восклицанія, и громкій смѣхъ совершенно просвѣтлѣвшихъ матросиковъ, теперь уже внимательно поглядывавшихъ на толстаго баталера, который, развернувъ списки и помочивъ во рту кончикъ миніатюрнаго, совершенно изгрызаннаго карандаша, медленно, въ носъ началъ выкликать къ водкѣ по порядку.

— Бабкинъ!

— Яу!! отзывается Бабкинъ, произнося это «яу» со свойственною только одному матросу интонаціею.

— Бондаренко!

— Яё!

И подходятъ матросики одинъ за другимъ къ жбану съ водкою, зачерпываютъ ее чаркою и съ прищелкиваніемъ опрокидываютъ въ горло. Но въ жаркое время пьютъ матросы водку очень мало, «потому и безъ нея, окаянной, жарко», но за то въ холодное время рѣдко кто пропуститъ свою чарку. Есть впрочемъ рекрута, которые водку «не употребляютъ», и имъ она идетъ «въ заслугу», т. е. вмѣсто нея получаютъ онѣ, въ концѣ каждаго мѣсяца, опредѣленное количество денегъ.

Между тѣмъ артельщики разостлали на палубѣ брезенты [1]), принесли баки [2]) съ горячими щами, сухари, соль, и все это аккуратно разложили на брезентахъ; матросики чинно усѣлись вокругъ баковъ и начали обѣдать съ уморительнымъ обдуваньемъ горячихъ щей, съ облизываніемъ ложекъ, со вздохами, почесываніями и тому подобными привычками русскаго мужичка. У каждаго бака слышатся разговоры, смѣхъ, матрос-

[1]) Брезентъ — парусина, служащая половикомъ и вообще для покрышки.

[2]) Бакъ — родъ небольшой деревянной лоханки, изъ которой ѣдятъ матросы. Одинъ бакъ полагается на артель, въ которой обыкновенно считается отъ восьми до двѣнадцати человѣкъ.

скія остроты и каламбуры. Вокругъ ходитъ козелъ, заглядываетъ во всѣ баки черезъ плеча матросиковъ и съ уморительными гримасами ждетъ себѣ подачки.

— Стопъ! кричитъ веселый, развеселый матросъ Павловъ, лихой брамсельный [1]) и одно слово «выжига», какъ его охарактеризовали товарищи, — давайте опять Ваську напоимъ!

— Напоимъ, напоимъ! дружно загалдѣли его товарищи, разразившись здоровеннымъ, задушевнымъ смѣхомъ, заранѣе предвидя опять, «какъ будетъ имъ козелъ камедь ламать»! Живо принесли чарку водки, намочили въ ней сухари и начали кормить ими корветскаго козла; козелъ, охотникъ выпить, не прочь отъ предлагаемаго угощенія, фыркаетъ, морщится, но все-таки ѣстъ, да уплетаетъ за обѣ щеки намоченные въ водкѣ сухари.

Выпилъ онъ чарку, глаза заблистали, ноги заходили, и нашъ козелъ такія штуки началъ выкидывать, что матросики, упершись въ бока кулаками, хохотали «до животиковъ». И дѣйствительно, нельзя было безъ смѣху смотрѣть на продѣлки подкутившаго козла: то начинаетъ онъ кружиться, «валсъ-танецъ танцовать», то станетъ онъ на заднія ноги и, свѣсивши бороду на грудь и нагнувши на бокъ голову, начинаетъ выплясывать съ уморительными гримасами «козлиный танецъ — ланцесъ», какъ увѣряли матросики; то опустится онъ опять на всѣ четыре ноги, ощетинится, грозно выставитъ впередъ рога и со всего размаха бьетъ ими въ бортъ, орудіе, въ спину или бокъ перваго попавшагося матроса. Матросикъ ругается при общемъ смѣхѣ расходившихся товарищей, хватаетъ козла за рога и начинаетъ возить его палубѣ. Козелъ сердится еще болѣе, щетинится, какъ дикобразъ, наконецъ, вырывается изъ рукъ матроса и со всего размаха хочетъ ударить его рогами, но встрѣчаетъ подставленный ганшпугъ [2]) или пустой бакъ; козелъ сердится пуще прежняго, становится на заднія ноги и опять бьетъ рогами въ бакъ или ганшпугъ, что очень потѣшаетъ веселыхъ матросъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не измучится и, видя безсиліе своихъ рогъ, не начнетъ кусаться. Тутъ матросикъ бросаетъ ганшпугъ въ сторону и, ради увеселенія своихъ товарищей, прыгаетъ на орудіе, съ орудія лѣзетъ на мостикъ, съ мостика скачетъ опять внизъ на палубу и т. д.; козелъ не отстаетъ и, ощетиня шерсть, ловко прыгаетъ по слѣдамъ убѣгающаго

---

[1]) Брамсельный — работаетъ на брамъ-реѣ, убираетъ и отдаетъ брамсель, третій снизу парусъ.

[2]) Ганшпугъ — деревянный рычагъ, служащій для передвиганія станка, а при старыхъ орудіяхъ для ихъ повышенія и пониженія.

матроса до тѣхъ поръ, пока тотъ не устанетъ и не остановитъ его за рога. Тогда начинается укрощеніе расвирѣпѣвшаго козла сухарями, щами и, если есть зелень, то зеленью; наконецъ, нашъ козелъ успокоивается, забываетъ прошедшія оскорбленія и невзгоды, становится опять на заднія ноги и съ уморительнымъ выраженіемъ морды начинаетъ доканчивать, при общемъ дружномъ хохотѣ матросовъ, свой прерванный «козлиный таненъ-ланцесъ»...

Весело проходитъ время обѣда, послѣ котораго матросы обыкновенно отдыхаютъ, разлегшись по всей палубѣ въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ позахъ. Настаетъ на суднѣ совершеннѣйшая тишина, изрѣдка прерываемая только однообразными шагами вахтенныхъ, звучнымъ храпѣньемъ спящихъ, ворочаньемъ, чмоканьемъ, почесываніемъ....

Около двухъ часовъ раздается свистъ, сопровождаемый крикомъ:

«Вставать, умываться, грамотѣ учиться!!!»

Встаютъ матросики, умываются и дѣлятся на небольшія группы; приходятъ офицеры, гардемарины и священникъ и распредѣляются по своимъ «классамъ» (какъ называютъ матросы небольшие участки палубы, на которыхъ они располагаются въ самыхъ живописныхъ, свободныхъ, но все-таки въ почтительныхъ позахъ), и начинаютъ преподавать грамоту, ариѳметику, географію, законъ Божій и даже отчасти физическую географію [1]).

Ученіе происходитъ самымъ домашнимъ, непринужденнымъ образомъ; никто матроса не понукаетъ, а учится онъ самъ съ необыкновенною охотою и стараніемъ. Знающіе уже читать отдѣляются куда нибудь въ сторонку, подъ барказъ или къ орудію, и читаютъ вслухъ сказки, повѣсти, путешествія и другія болѣе или менѣе полезныя книги, выдаваемыя имъ изъ судовой библіотеки.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ время до четырехъ часовъ; въ четыре часа устраивается, въ видѣ моціона, артиллерійское ученье, бѣганье по вантамъ на салингъ [2]) или что нибудь въ родѣ этого; затѣмъ остальное время матросы совершенно свободны.

До шести часовъ устраиваютъ они на бакѣ пѣсни, и далеко разносятся по океану родные звуки, которые не замѣтно переносятъ нашу мысль далеко, далеко отъ корвета, туда, гдѣ оставили мы все родное и

[1]) Преподаваніе физической географіи ограничивается объясненіями всѣхъ морскихъ явленій въ самыхъ простыхъ, ясныхъ для матросовъ, выраженіяхъ.

[2]) Салингомъ называется небольшая площадка гораздо выше марса, состоящая изъ четырехъ, накрестъ положенныхъ, брусковъ.

знакомое. И грустно становится иногда на душѣ и съ тоскою вздохнешь, да подумаешь: «скоро ли, скоро ли возвратимся мы на родину, скоро ли увидимъ дорогихъ и любимыхъ сердцу»?

Поютъ матросы свои родныя пѣсни съ чувствомъ и увлеченіемъ, и далеко проникаютъ онѣ въ сердце и душу. Кромѣ обыкновенныхъ народныхъ пѣсень, слышатся иногда пѣсни собственнаго матросскаго произведенія, какъ напримѣръ:

«На корветѣ молодомъ,
На Аскольдѣ дорогомъ,
Воцъ калина, воцъ малина!
Командиры молодцы,
Всѣ родные намъ отцы!
Воцъ калина, воцъ малина!» и т. д.

Такимъ образомъ проходитъ время до ужина, передъ которымъ матросы обыкновенно опять, окачиваются и пьютъ по чаркѣ водки; послѣ ужина невахтенные разбираютъ койки и ложатся спать, кто на верхней палубѣ, а кто и въ жилой, такъ какъ всѣмъ въ жилой палубѣ, при удушливой жарѣ, спать нѣтъ никакой физической возможности. Вахтенные разбиваются на кучки, и, чтобы не уснуть, заставляютъ другъ друга разсказывать разныя сказки, въ которыхъ главную роль играютъ черти, домовые, лѣсовики, смерть, мертвецы, солдатъ, матросъ и все его начальство.

Какъ образчикъ подобной сказки приведу разсказъ стараго матроса, Козлова, который, какъ видно, обладаетъ очень пылкимъ воображеніемъ и притомъ — мастеръ разсказывать.

«Въ нѣкоторомъ государствіи, началъ Козловъ свою сказку, въ нѣкоторомъ царствіи, не въ томъ, разумѣтца, въ которомъ мы живемъ, а немножко подалече, поближе къ китайской границѣ, жили матросъ да солдатъ. Разъ и говоритъ матросъ солдату: «давай, говоритъ, шкура барабанная, силу мѣрить: хто изъ насъ сильнѣе, хто изъ насъ хитрѣе и хто безстрашнѣе?» Осерчалъ на эфти слова солдатъ, да какъ крикнетъ: «ахъ, ты матросъ.... (слѣдуютъ непечатныя выраженія), я, говоритъ, сильнѣе, хитрѣе и безстрашнѣе, я говоритъ царю и амператору вѣрою и правдою служу, а ты, матросъ, пьянствуешь только....» и пошелъ ругаться. Матросъ и говоритъ: «не галди раньше, давай мѣриться, а тамъ и узнаемъ, хто изъ насъ хитрѣе, сильнѣе и безстрашнѣе. Вотъ таперича, говоритъ, задамъ я тебѣ задачу, а ты мнѣ, — хто ё сполнитъ, тотъ и хитрѣе будетъ. Задавай ты напередъ». Солдатъ подумалъ, подумалъ, почесалъ поясницу, да и говоритъ: «возьми, говоритъ, ружьецо,

сдѣлай мнѣ на плечо, на каравулъ и къ ногѣ!» (А насъ видь таперича эфтому учатъ, обратился Козловъ къ слушателямъ, а солдатъ-то вѣрно эфтого не зналъ и думалъ матроса забить).

«Матросъ взялъ ружьецо, хвать на плечо, хвать на каравулъ, хвать и къ ногѣ, да такъ отчеканилъ, что солдатъ отъ удива глаза свои выпятилъ. «Ну, говоритъ, матросъ, таперь мой чередъ; вотъ, говоритъ, тебѣ кусокъ тросу, свайка и сдѣлай ты мнѣ аглицкій кнопъ!» Солдатъ еще больше глаза вытаращилъ. «Что, говоритъ, это за просо, это, говоритъ, веревка, и какже эфто я изъ эфтой самой веревки аглицкихъ клоповъ тебѣ понадѣлаю?!» Матросъ только сплюнулъ. «Дуракъ, говоритъ онъ солдату, какъ есть дуракъ, а еще въ споръ лѣзешь: это хитрѣе! И взялъ этта матросъ изъ рукъ солдата тросъ, да свайку, да такой англицкой кнопъ сдѣлалъ, что вамъ ужъ никогда такова не сдѣлать. И растолковалъ онъ солдату, что веревка не веревкой зовется и не просомъ, а тросомъ, и что онъ ни клопа велѣлъ ему сдѣлать, а кнопъ, то есть узелъ такой. Удивился солдатъ, да и говоритъ: «ну дѣлать нечего, ты хитрѣе меня, но за то я сильнѣе и безстрашнѣе!»

«Усмѣхнулся матросъ и одно слово только промолвилъ: «посмотримъ!»

«Разъ идутъ этта матросъ и солдатъ черезъ кладбище, на которомъ однѣхъ только матросовъ да салдаперовъ все хоронили, идутъ этта они ночью, въ самый разъ, когда мертвецы встаютъ и по кладбищу пляшутъ и визжатъ. Солдатъ жмется, побаивается, значитъ; матросъ же идетъ себѣ да идетъ, да камаринскую посвистываетъ. Вдругъ одна этта могила открывается и.... (въ слушателяхъ видѣнъ неподдѣльный ужасъ и начали они другъ къ другу жаться, а Козловъ между тѣмъ на нихъ посматриваетъ, да лукаво улыбается) и встаетъ изъ нея мертвецъ въ матросскомъ казакинѣ, страшный такой, синій, и ихъ къ себѣ манитъ, значитъ, въ могилу ложиться.... (Въ слушателяхъ произошло движеніе; кто-то зашепталъ: «не приведи Господи, увидѣть!» «Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!»). Солдатъ побѣлѣлъ, продолжалъ Козловъ, самодовольно подсмѣиваясь надъ страхомъ своихъ слушателей, бросился было бѣжать, да такъ почти бездыханный и упалъ. Матросъ ничаво, только подошелъ этто къ мертвецу, да какъ крикнетъ во все горло: «ахъ ты....(слѣдуютъ непечатныя выраженія) (а солдатъ еле живъ ждетъ конца и молится) ахъ ты такой, сякой, да эдакой, я, говоритъ, адмиралъ, ленту черезъ плечо имѣю, только таперича дома ее забылъ; я, говоритъ, нарошно пришелъ посмотрѣть всѣ ли вы на своихъ мѣстахъ, а ты, негодяй, какъ ты смѣлъ съ поста своего уйтить? Маршъ! говоритъ, въ могилу, а не то сто линьковъ велю отпустить!» Мертвецъ

затрясся, посинѣлъ еще больше, да какъ взмолится: «Ваше высокопревосходительство, не погубите; жену, семеро дѣтей на эфтомъ свѣтѣ оставилъ, такъ хотѣлось на ихъ посмотрѣть. Никогда не буду, ей Богу, не буду. Въ послѣдній разъ, ваше высокопревосходительство!» молитъ мертвецъ, а самъ чуть на колѣнки передъ матросомъ не падаетъ. Матросъ немножко смягчился, потому отеческая любовь мертвеца ему оченно по нутру пришлась, да и говоритъ: «возьми, говоритъ, этого солдата, да снеси на мою фатеру, да осторожнѣе, олухъ!....» Солдатъ совсѣмъ помертвѣлъ, когда мертвецъ подошелъ и его въ охабку заграбасталъ. Взмолился онъ къ матросу: «кормилецъ ты мой, ты сильнѣе, хитрѣе и безстрашнѣе, а я мразь передъ тобою! Не дай погибнуть въ рукахъ поганыхъ!»

«Матросъ сжалился и велѣлъ мертвецу солдата пустить, а самому восвояси возвращаться. Мертвецъ солдата пустилъ, отдалъ честь и побёгъ домой, значитъ, въ могилу.

«Тогды матросъ и говоритъ солдату: «ты, говоритъ, съ матросомъ никогда не спорься, онъ тя въ муку измелетъ!» ...

—Слушаю, проговорилъ солдатъ, низко поклонился и пошелъ, понуря голову, домой; но съ той поры съ матросомъ никогда въ споръ не лѣзъ.

«Такъ вотъ какъ, молодцы, матросъ солдата отдѣлалъ, закончилъ самодовольно Козловъ свою сказку, какъ видно собственнаго изобрѣтенія.

— Да молодецъ, послышалось со всѣхъ сторонъ, неча сказать ловко отдѣлалъ сухопутную крысу.

— Значитъ, не замай, проговорилъ молодой матросъ Плишкинъ, лихо покручивая пробивающійся усъ.

— А адмиралъ-то, адмиралъ то, и мертвеца даже запугалъ, тихо промолвилъ одинъ изъ слушавшихъ сказку молодыхъ матросовъ.

— Что жъ дѣлать, отвѣтилъ Козловъ, чинъ таковъ, уваженьеце имѣй и почитанье, а ослушаться.... ни-ни, потому одно слово — адмиралъ....

— Ишь-ты, говоритъ немного погодя одинъ рекрутъ другому, даже мертвецъ могилы своей не оставь, значитъ съ поста не уходи. Что же значитъ, живой человѣкъ?....

— Умри, значитъ, а не сходи....

— То-то, умри, а если не умрешь?

— Все жъ не сходи....

Въ такихъ разсказахъ и разговорахъ незамѣтно пролетаетъ для вахтенныхъ ночь, и не увидятъ они, какъ наступаетъ уже слѣдующій день, который разнообразится часто морскими обитателями и идущими тою же дорогою судами всѣхъ націй, чрезвычайно разнообраз-

ныхъ конструкцій.... Особенно развлекали насъ днемъ, вблизи Мадейры и Азорскихъ острововъ, стаи летучихъ рыбъ, которыя тысячами выскакивали изъ воды, поднимались часто на 15 и 20 футовъ надъ поверхностью моря, пролетали около пятидесяти саженъ и опять скрывались въ глубину безпредѣльнаго океана. Что и кто принуждаетъ этихъ красивыхъ рыбокъ, покрытыхъ серебристою чешуею, покидать свою родную стихію и отдаваться на время гибельному для нихъ воздуху? Преслѣдуемыя хищными дельфинами, бонитами и дорадами, лакомыми до ихъ нѣжнаго мяса, эти бѣдныя рыбы ищутъ своего спасенія внѣ родной стихіи, но это спасеніе только кажущееся, потому что, избѣгнувъ одной бѣды, онѣ подвергаются другой, еще болѣе ужасной; однимъ словомъ изъ огня онѣ попадаютъ въ полымя. Спасаясь отъ своихъ водяныхъ враговъ, несчастныя рыбы становятся жертвою крылатыхъ: фрегатовъ, чаекъ и глупышей, которые съ жадностью и удивительнымъ проворствомъ ловятъ ихъ на лету, настигаютъ ихъ съ быстротою пущенной стрѣлы раньше, чѣмъ онѣ снова успѣваютъ скрыться въ нѣдрахъ океана....

Кромѣ фрегатовъ, чаекъ и глупышей, преслѣдуютъ несчастныхъ летучихъ рыбъ морскія ласточки, буревѣстники и альбатросы.

Всѣ эти птицы служили намъ также не малымъ развлеченіемъ во время девятнадцатидневнаго перехода къ островамъ Зеленаго мыса.

Фрегаты, въ сравненіи съ ихъ незначительною вышиною, надѣлены чрезвычайно длинными, превосходными крыльями; когда они раскрыты, то имѣютъ въ длину, отъ одного конца до другаго, около двухъ саженъ. Они летаютъ большею частью въ самыхъ верхнихъ слояхъ воздуха, такъ что ихъ едва можно различить простымъ глазомъ; но какъ только замѣтятъ они выскочившихъ изъ воды летучихъ рыбъ, то бросаются съ невѣроятною быстротою и производятъ въ рядахъ несчастныхъ бѣглянокъ страшное опустошеніе.

Глупыши походятъ на фрегатовъ, но только меньшихъ размѣровъ. Свое названіе они получили отъ природной глупости, которую самки обнаруживаютъ при извѣстныхъ процессахъ своей материнской обязанности; но въ дѣйствительности этихъ птицъ нельзя назвать глупыми, потому что всѣ ихъ движенія чрезвычайно осмыслены, а ихъ характеристическій способъ ловить рыбъ имѣетъ даже въ себѣ много привлекательнаго. Они обыкновенно быстро летаютъ взадъ и впередъ надъ поверхностью воды, и, какъ только замѣтятъ плывущую рыбу, моментально поднимаются вверхъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится добыча, и потомъ, поджавъ крылья, стремительно падаютъ на нее и уже она ни

въ какомъ случаѣ не успѣетъ избѣжать страшныхъ для нея клюва и когтей.

Чайки, морскія ласточки и буревѣстники отличаются чрезвычайною легкостью и граціею своихъ движеній и скользятъ по воздуху посредствомъ едва замѣтныхъ движеній крыльевъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ большое сходство съ ласточками, другія — съ голубями.

Образъ ихъ жизни нисколько не соотвѣтствуетъ наружной ихъ красотѣ, потому что всѣ онѣ отличаются хищничествомъ и удивительною прожорливостью. Жадность ихъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ: съ какою завистью смотрятъ однѣ, какъ другія уносятъ лакомые кусочки, и съ какою нахальною дерзостью вырываютъ онѣ эти лакомые кусочки изъ самыхъ клювовъ своихъ болѣе счастливыхъ подругъ. Съ какою поспѣшностью стараются онѣ затѣмъ проглотить завоеванный кусокъ, давясь имъ и задыхаясь, чтобы только другія птицы не завладѣли имъ точно также, какъ онѣ сами завладѣли этимъ кускомъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Такимъ образомъ постоянно происходятъ между ними ссоры, драки и похищенія, которыя обыкновенно доставляли нашимъ матросамъ большое развлеченіе.

Кромѣ птицъ придавали нашему переходу много прелести и пріятности разнообразныя рыбы, которыя массами играли почти на самой поверхности воды; разнообразіе оттѣнковъ и цвѣтовъ было удивительное! Тутъ были рыбы съ золотистыми и серебристыми отливами, съ разноцвѣтною чешуею, самыхъ фантастическихъ формъ и породъ. Въ нѣкоторыхъ рыбахъ видна была необыкновенная грація, нѣжность и изящество; движенія другихъ были неуклюжи и какъ-то грубы; однимъ словомъ, тутъ были рыбы всевозможныхъ видовъ, цвѣтовъ и воспитаній: круглыя, плоскія, широкія, узкія, большеголовыя и съ едва замѣтными головами, самыхъ красивѣйшихъ и самыхъ уродливыхъ формъ, аристократки и плебеи, граціозныя и неуклюжія, благовоспитанныя и неблаговоспитанныя, хищныя и кроткія, однимъ словомъ, въ хорошіе ясные дни всплывало на поверхность океана все его многочисленнѣйшее и разнообразнѣйшее населеніе, которое, особенно въ тихую погоду, при каждомъ своемъ движеніи въ прозрачной водѣ, представляло взору удивительныя картины, которыми можно было бы любоваться по цѣлымъ днямъ, не сходя съ мѣста.

Появлялись и дельфины, которые иногда слѣдовали за корветомъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то перегоняя его, то опять возвращаясь и какъ бы насмѣхаясь надъ его небольшимъ ходомъ. Эти животныя имѣютъ большое сходство съ кашалотами, отъ которыхъ отли-

чаются только болѣе пропорціональною головою. Они раздѣляются обыкновенно на три класса: гриндъ, косатокъ и морскихъ свиней, которыя въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько видовъ, изъ которыхъ самый интересный — обыкновенные дельфины, достигающіе до десяти футовъ длины и считающіеся самыми быстрыми изъ всѣхъ рыбообразныхъ млекопитающихъ животныхъ.

Морскія свиньи нѣсколько меньше дельфиновъ (онѣ достигаютъ только до восьми футовъ длины) и считаются до сихъ поръ самыми маленькими изъ всѣхъ рыбообразныхъ млекопитающихъ животныхъ.

Косатка достигаетъ часто до 25 футовъ длины и даже болѣе; она изъ всей породы дельфиновъ отличается наибольшимъ хищничествомъ. Ея обыкновенную пищу составляютъ ластоногія и нѣкоторые виды плоскихъ рыбъ, но также не прочь она поохотиться и за морскими свиньями. Это животное считается за самаго лютаго врага кита, которому оно особенно насаливаетъ въ то время, когда тотъ входитъ въ какую нибудь бухту для метанія дѣтенышей. Тутъ косатка нападаетъ на кита съ ужасною яростью, кусаетъ его своими всеразрушающими зубами и ударяетъ съ разбѣга въ бокъ, какъ стѣнобитная машина. Обыкновенно въ этомъ случаѣ китъ ищетъ спасеніе въ бѣгствѣ; но грозная косатка, быстрѣе его на ходу, догоняетъ его и все больше и больше прижимаетъ къ берегу до тѣхъ поръ, пока китъ не будетъ выброшенъ волнами на берегъ или разбитъ объ острыя береговыя скалы. Вообще ненависть косатокъ къ китамъ удивительная и до сихъ поръ необъяснена ея причина. Неужели косатки дѣйствуютъ безсознательно? Если безсознательно, то отчего не преслѣдуютъ онѣ своею страшною ненавистью другихъ животныхъ кромѣ кита? Это подлежитъ тончайшему анализу естествоиспытателей, знакомыхъ съ привычками и нравомъ этого страшнаго животнаго....

Приближаясь уже къ островамъ Зеленаго мыса, пришлось намъ быть свидѣтелями, нѣсколько ночей подрядъ, чудеснѣйшаго явленія — мерцанія океана, которое своимъ великолѣпіемъ затмило все видимое раньше, потому что мы наблюдали подобное явленіе и въ высшихъ широтахъ, но въ очень слабой степени; теперь же, въ тропикахъ, это явленіе превзошло всѣ предъидущія и было въ сравненіи съ ними, точно огромный чудеснѣйшій алмазъ въ сравненіи съ простымъ булыжникомъ.

Вся видимая поверхность воды была покрыта безчисленнымъ множествомъ красноватыхъ, голубоватыхъ и зеленыхъ горящихъ точекъ, разнообразной величины и дивной красоты. Казалось, что всѣ звѣзды слетѣли съ неба и играютъ въ прозрачныхъ, зеленыхъ волнахъ безгранич-

наго океана; казалось Посейдонъ хотѣлъ затмить своею дивною иллюминаціею блескъ звѣздъ и луны.... Хребты обрушивающихся на корветъ волнъ горѣли яркимъ пламенемъ, которое бросалъ на бѣлые паруса корвета восхитительный, неземной свѣтъ, какъ будто бы полная луна освѣщаетъ все судно черезъ чуднаго цвѣта голубое стекло, будто бы всѣ борта были освѣщены самыми нѣжными бенгальскими огнями. Вдали, хребты волнъ имѣли какой-то дрожащій голубоватый свѣтъ, который, по мѣрѣ уменьшенія силы вала, постепенно пропадалъ и превращался опять въ прелестныя разбросанныя звѣзды.... Изъ нѣдръ океана поднимались свѣтящіеся шары, разливая свѣтъ на значительную глубину, постепенно становились они все больше и больше, ярче и ярче и, наконецъ, появлялись на самой поверхности воды въ видѣ огромныхъ, горящихъ нѣжнымъ пламенемъ, шаровъ....

Играющіе дельфины и разнообразныя тропическія рыбы дѣлали зрѣлище еще прекраснѣе, еще великолѣпнѣе: казалось, они были облиты горящею массою, ихъ путь обозначался то блестящими искрами, то яркими, извивающимися линіями.... Но великолѣпнѣе всего было однакожъ это зрѣлище тамъ, гдѣ носъ корвета, прорѣзывая волны, образовывалъ сильныя волны: пѣнящаяся у носа масса воды превращалась въ двѣ огненныя горы, переполненныя тысячами блестящихъ искръ и огней, которые съ шумомъ стремились вдоль борта и сливались въ струѣ, оставляемой корветомъ, въ одну длинную, свѣтящуюся, какъ бы усыпанную алмазами, полосу, которая далеко обозначала слѣдъ только-что прошедшаго судна.

Вообще, картина чудеснаго мерцанія моря была до того восхитительна, что нѣтъ словъ описать ее такъ, какъ она представляется въ дѣйствительности, не хватитъ чувствъ высказать все испытанное при видѣ этого явленія!.... Одно только скажу, что можно любоваться этою поражающею картиною всю жизнь и она все-таки не пресытитъ и всегда будетъ имѣть столько же привлекательности, имѣть столько же прелести, какъ будто бы видишь ее всего только въ первый разъ! Нѣтъ силъ оторваться отъ дивнаго явленія; взоры приковываются, чувства переполняютъ душу и сердце, мысль переносится въ самую глубину бездоннаго океана и пытливо старается разъяснить эту дивную иллюминацію, это чудное явленіе, затмѣвающее самыя прелестнѣйшія явленія въ мірѣ. Грустно становится, когда дневной свѣтъ понемногу появляется на востокѣ и чудесное явленіе блѣднѣетъ, блѣднѣетъ и наконецъ совершенно изчезаетъ, стушевывается передъ яркими лучами дневнаго свѣтила. Съ нетерпѣніемъ ждешь слѣдующей ночи, чтобы опять любоваться дивнымъ мерцаніемъ океанскихъ водъ, восхищаться имъ и удивляться!....

Многіе ученые старались объяснить это явленіе, долгое время не соглашались другъ съ другомъ, ошибались и только въ новѣйшія времена нашли истинную его причину. По всей вѣроятности, это чудеснѣйшее явленіе служило украшеніемъ морей и океановъ уже съ давнихъ временъ, но между тѣмъ древніе поэты и писатели рѣдко упоминали объ этой очаровательной картинѣ, а если и упоминали, то вкользъ и какъ-то сухо, хотя она можетъ произвести необыкновенное впечатлѣніе даже на натуры самыя грубыя. Или, можетъ быть, въ древнія времена это явленіе было не столь блистательно, или же не пришлось никому наблюдать его во всей своей красѣ, въ тропическихъ водахъ? Гомеръ, столь знакомый съ моремъ и обожатель этой стихіи, нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ удивительномъ мерцаніи. Только Плиній и Эліатъ довольно сухо говорятъ о свѣтящейся рыбѣ и растеніи, не выражая при этомъ своего удивленія по случаю такого страннаго явленія. Однимъ словомъ, до XVI вѣка не было точнаго описанія мерцанія моря и никто не упоминалъ объ этомъ зрѣлищѣ. Только съ этого времени начали о немъ писать и говорить, а разъяснить причину этого явленія до XVII вѣка никто даже и не пытался, и прежніе ученые не думали отдавать себѣ въ немъ никакого отчета.

Первымъ взялся объяснить это явленіе Бэконъ Веруламскій, но попытка его была неудачна; послѣ него взялся за это дѣло Картезій, знаменитый преобразователь философіи, въ первой половинѣ XVII вѣка, причемъ онъ старался пріискать какое нибудь механическое объясненіе мерцанія моря и началъ доказывать, что оно происходитъ отъ взаимнаго удара частицъ соли, находящейся въ морской водѣ, которую онъ считалъ состоящею изъ негибкихъ атомовъ, плавающихъ въ водѣ. Но это объясненіе было отвергнуто и не принято, такъ какъ не было доказательствъ его справедливости.

Послѣ Картезія трудились надъ этимъ же, но постепенно приближаясь къ истинѣ: Папинъ (въ 1647 году), Брантъ (въ 1669 г.), Веніаминъ Франклинъ, Форстеръ, Гумбольдъ, Бастеръ (въ 1760 г.) и наконецъ новѣйшій ученый естествоиспытатель Эренбергъ. Изъ нихъ только Бастеръ и Эренбергъ достигли полныхъ результатовъ и объяснили чудное явленіе мерцанія моря, и то только благодаря усовершенствованному микроскопу. Папинъ же, Брантъ, Франклинъ, Форстеръ и Гумбольдъ переходили отъ одной ошибки къ другой, отъ одного предположенія къ другому, и все-таки, благодаря отчасти плохому состоянію микроскопа, не пришли къ положительнымъ результатамъ. Такимъ образомъ Папинъ утверждалъ, что свѣченіе моря предста

вляетъ собою не болѣе какъ химическій процессъ воспламененія соли; Брантъ приписывалъ его фосфору, выдѣляющемуся изъ кусковъ умершихъ животныхъ и который свѣтится на поверхности воды; но изъ морской воды онъ не могъ добыть фосфора и потому отказался отъ своего, предположенія. Послѣ него В. Франклинъ старался объяснить мерцаніе моря способностью частицъ морской соли электризоваться отъ тренія и искриться, подобно проводнику электрической машины, а Форстеръ приписывалъ это явленіе тренію о морскую воду дегтя, которымъ бываетъ обыкновенно обмазано всякое судно. Но эти заключенія не имѣли достаточно доказательствъ, чтобы можно было ихъ принять за совершенно справедливыя, а потому считались только за предположенія, но не за дѣйствительные факты.

Знаменитый Гумбольдъ ошибался, какъ и всѣ, но только не по своей винѣ, а вслѣдствіе несовершенства микроскопа и господствующей ложной мысли, которая запутываетъ иногда даже самые ясные и геніальные умы. Хотя онъ уже зналъ, что въ морской водѣ существуютъ мелкія животныя, способныя издавать свѣтъ, но все-таки онъ не имъ приписывалъ явленіе свѣченія моря, а говорилъ, что оно происходитъ отъ слизи умершихъ животныхъ.

«Иногда, пишетъ онъ, даже при самомъ сильномъ увеличеніи нельзя было открыть въ морской водѣ какихъ бы то ни было животныхъ, между тѣмъ какъ вездѣ, гдѣ она ударяется о твердое тѣло, пѣнится или приводится въ движеніе отъ какой нибудь другой причины, появляется моментальный свѣтъ. Въ такихъ случаяхъ причина появленія его заключается, вѣроятно, въ гніющихъ волокнахъ умершихъ моллюсковъ, разсѣянныхъ по поверхности океана въ безчисленномъ количествѣ. Если процѣдить свѣтящуюся воду сквозь частую ткань, то эти волокна и перепонки остаются на ней въ видѣ свѣтящихся точекъ. Нельзя удивляться, что въ тропическихъ моряхъ, столь богатыхъ моллюсками, морская вода свѣтится и тамъ, гдѣ не видно волоконъ. При чрезвычайномъ измелченіи вещества мягкихъ медузъ, все море можно принять за жидкую массу, содержащую въ себѣ студенистое вещество, которое и свѣтится».

Послѣ Гумбольда большую пользу наукѣ въ этомъ отношеніи принесъ Бакстеръ, который, при тщательномъ разсмотрѣніи свѣтящейся воды черезъ сильно увеличивающій и усовершенствованный микроскопъ, нашелъ въ ней несмѣтное количество чрезвычайно малыхъ животныхъ, отъ которыхъ и зависитъ собственно мерцаніе морской воды.

«Камень или палка, говоритъ онъ, движимые въ морской водѣ, слу-

жать причиною образованія въ ней множества горящихъ точекъ, которыя ни что иное, какъ очень мелкія свѣтящіяся животныя, видимыя только при помощи сильно увеличивающаго микроскопа. Для полученія этихъ животныхъ въ достаточномъ количествѣ, нужно взять немного свѣтящейся воды и процѣдить ее сквозь пропускную бумагу, на которой останется не болѣе полунціи. Затѣмъ кисточкою или перышкомъ взять одну каплю такой воды, положить ее на вогнутое стекло и разсматривать черезъ микроскопъ: тогда можно будетъ видѣть, какъ эти животныя плаваютъ въ разныхъ направленіяхъ съ чрезвычайною быстротою».

Въ настоящее время, при добросовѣстныхъ наблюденіяхъ извѣстнаго естествоиспытателя Эренберга, наука обогатилась еще больше, и теперь несомнѣнно извѣстно, что почти всѣ низшія морскія животныя, въ особенности акалефы, инфузоріи, полипы, моллюски, червеобразныя и раки [1]) обладаютъ способностью издавать свѣтъ, и этимъ теперь только и обусловливается чудный феноменъ свѣченія моря.

Изъ всѣхъ органическихъ свѣтящихся животныхъ самый сильный, прекрасный яркій голубовато-зеленый свѣтъ издаютъ сальпы; при шести или восьми такихъ животныхъ, сгруппированныхъ въ одномъ мѣстѣ, можно читать даже книгу.

Сальпы—это маленькія мягкотѣлыя животныя, свободно плавающія въ морѣ большими обществами, въ которыхъ отдѣльныя особи соединены между собою отростками. Сквозь ихъ прозрачное тѣльце можно различить кольцеобразные мышцы, помощью которыхъ они движутся въ водѣ, поперемѣнно сокращая и ослабляя ихъ. Позади рта у каждаго индивидуума лежитъ свертокъ кишекъ конической формы и красновато-бураго цвѣта; въ нихъ-то и появляется всегда свѣтъ, сначала слабый, но затѣмъ постепенно все усиливающійся до опредѣленнаго предѣла, послѣ чего онъ опять ослабляется и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Свѣтъ отъ грушевидокъ (мелкія прозрачныя животныя) несравненно красивѣе; онѣ собираются въ большомъ числѣ на одномъ общемъ цилиндрѣ и образуютъ валикъ въ шесть или семь дюймовъ длины. Если прикоснуться пальцемъ къ какой нибудь части этого живаго цилиндра, то тотчасъ же, въ томъ мѣстѣ, появится сперва искра, которая, все усиливаясь, распространяется слегка трепещущимися волнами все далѣе и далѣе и наконецъ весь цилиндръ загорается синевато-зеленымъ свѣтомъ, походя при этомъ на бѣло-накаленную пламенѣющую желѣз-

[1]) Однихъ крошечныхъ раковъ считаютъ въ настоящее время пятнадцать породъ, способныхъ издавать свѣтъ, и они блещутъ на поверхности моря блѣднозелеными крошечными сафирами.

ную палку. Черезъ нѣсколько мгновеній этотъ свѣтъ начинаетъ исчезать въ обратномъ направленіи и наконецъ совершенно прекращается.

Вообще при подробномъ осмотрѣ отдѣльныхъ животныхъ видно, что свѣтъ у различныхъ породъ появляется весьма неодинаково; различенъ также и способъ его распространенія въ тѣлѣ. Обыкновенно свѣтъ появляется сперва въ опредѣленномъ мѣстѣ, но уже затѣмъ распространяется все дальше и дальше, постепенно усиливаясь и развиваясь до высшей степени, послѣ чего онъ ослабляется, гаснетъ и затѣмъ вскорѣ появляется снова, т. е. появленіе и исчезновеніе свѣта въ свѣтящихся животныхъ происходитъ періодически.

«Раздражите Photochasis, говоритъ Эренбергъ, и на каждомъ усикѣ ея появятся отдѣльныя молніеносныя искорки, которыя, постепенно усиливаясь, освѣщаютъ и весь усикъ; наконецъ живой огонь пробѣгаетъ и по спинѣ этого животнаго и оно представляется подъ микроскопомъ въ видѣ горящей зеленовато-желтымъ огнемъ сѣрной нити. Въ Oceaniahemis phaerica усики расположены иначе и свѣтъ появляется огненнымъ вѣнчикомъ. Появленіе этого вѣнчика ничто иное какъ жизненный актъ, все свѣтовое развитіе—органическій жизненный процессъ, проявляющійся у инфузорій на мгновеніе искрою, но появляющійся снова послѣ краткаго отдохновенія».

Морскія звѣзды также участвуютъ въ мерцаніи моря и у нѣкоторыхъ изъ нихъ (у офіуровъ) свѣтъ имѣетъ видъ колецъ, лежащихъ по направленію нѣжныхъ мышцъ; но особенно великолѣпенъ свѣтъ, распространяемый студенистыми акалефами, которыхъ арабы очень удачно назвали «морскими фонарями». Они подымаются изъ глубины моря въ видѣ большихъ свѣтящихся шаровъ и, появляясь на его поверхности, разливаютъ вокругъ себя прекрасный яркій свѣтъ.

Но особенно важны для свѣченія моря свѣтящіяся наливочныя животныя, открытыя въ новѣйшее время вслѣдствіе усовершенствованія микроскопа. Они придаютъ всему морю однообразную, непрерывную яркость; мильоны мельчайшихъ искръ свѣтятся одновременно въ каждое данное мгновеніе и сливаются передъ глазами наблюдателя въ одно связное явленіе. Животныя эти имѣютъ только отъ $^1/_{15}$ до $^1/_{12}$ линіи въ поперечникѣ и состоятъ изъ слизистой ткани, окруженной ясною перепонкою, имѣютъ ротъ, желудокъ, отверстіе для изверженія и движутся особымъ нитеобразнымъ придаткомъ. Если отдѣльное такое животное разсматривать подъ микроскопомъ, то въ его тѣлѣ можно различить тысячи крошечныхъ свѣтящихся точекъ, которыя появляются въ разныхъ мѣстахъ, внезапно возникаютъ, исчезаютъ и возобновляются. Иногда

эти крошечныя животныя образуютъ на поверхности непрерывный слой слизи, въ дюймъ толщиною, причемъ достаточно малѣйшаго сотрясенія, чтобы превратить все море въ свѣтящуюся фосфорическимъ свѣтомъ массу.

Вообще число свѣтящихся морскихъ животныхъ такъ велико, что нѣтъ никакой возможности пересчитать даже одни только ихъ разнообразные виды, и одинъ ученый естествоиспытатель по этому случаю остроумно выразился такимъ образомъ: «вмѣсто того, чтобы пересчитывать всѣхъ морскихъ животныхъ, издающихъ свѣтъ, несравненно легче указать только на тѣ, которыя не свѣтятся».

Прелесть свѣченія моря увеличивается еще потому, что оно не ограничивается одною только поверхностью, но распространяется также и въ глубину, такъ что въ прозрачной водѣ на значительной глубинѣ (отъ 2 до 8 сажень) можно любоваться разнообразными рыбами, какъ бы облитыми этимъ чуднымъ свѣтомъ.

У свѣтящихся морскихъ животныхъ нѣтъ особыхъ свѣтящихся органовъ, какъ думали нѣкоторые естествоиспытатели, но они только способны издавать свѣтъ при химическомъ или механическомъ раздраженіи. Такъ напримѣръ, при спокойномъ состояніи моря иногда даже не видишь совершенно никакого свѣченія, но при отбрасываніи волны носомъ судна, что наблюдалось мною нѣсколько разъ еще въ Балтійскомъ морѣ, является слабый свѣтъ въ видѣ разбѣгающихся искорокъ, которыя, по мѣрѣ прекращенія движенія отброшенной волны, ослаблялись и наконецъ совершенно исчезали, между тѣмъ какъ отъ носа корвета опять и опять разбѣгались новыя подобныя же искры и въ томъ же порядкѣ опять исчезали.... Такимъ образомъ, для произведенія мерцанія моря достаточно самаго ничтожнаго сотрясенія или даже одного приливанія прѣсной воды къ морской, но до извѣстнаго предѣла. Дѣйствительно, если зачерпнуть свѣтящейся воды въ ведро и влить въ него сразу небольшое количество прѣсной воды, то мгновенно появится яркій свѣтъ, который, послѣ непродолжительнаго колебанія, постепенно замираетъ и наконецъ совершенно исчезаетъ. Если подливать въ ведро прѣсной воды все больше и больше, свѣтъ будетъ появляться все слабѣе и слабѣе и наконецъ, при извѣстномъ количествѣ прѣсной воды, совершенно прекращается и уже нѣтъ никакой физической или химической возможности возбудить опять появленіе свѣта, потому что въ этотъ моментъ прекращается жизненный процессъ свѣтящихся животныхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ихъ способность издавать свѣтъ....

Ночныя иллюминаціи, устраеваемыя Посейдономъ въ своихъ мрач-

ныхъ владѣніяхъ, придавали нашему переходу къ островамъ Зеленаго мыса невыразимую прелесть и разнообразіе, и мы были съ лихвою вознаграждены за всѣ непріятности, испытанныя нами при первомъ знакомствѣ съ Атлантическимъ океаномъ.

19 февраля, рано утромъ, открылись острова Зеленаго мыса; чѣмъ ближе подходили мы къ нимъ, тѣмъ ярче и ярче выказывалась ихъ удивительная бѣдность и безплодіе: повсюду виднѣлись однѣ только скалы, нагроможденныя другъ на друга и безъ всякаго признака прозябанія. Живо прошелъ корветъ мимо острововъ: Св. Николая, С. Лучіа, С. Антонія и началъ входить въ прелестную бухту острова Св. Винцента, по берегу которой раскинулся предрянной маленькій городишко—Порто Гранде (Porto grande). Не успѣлъ корветъ стать но якорь, какъ уже на него полѣзли, выѣхавшіе на встрѣчу, оборванные и грязные негры, предлагая превосходные фрукты за такую ничтожную цѣну, что желающихъ пріобрѣсти ихъ явилось такъ много, что продавцы едва успѣвали отсчитывать свой товаръ и получать за него деньги.

Вокругъ негровъ собралась группа молодыхъ матросовъ, какъ видно въ первый разъ увидѣвшихъ такое чудо, и съ удивленіемъ со всѣхъ сторонъ осматривали они туземцевъ, чуть не пробуя ихъ руками.

— Эхъ, прости Господи, какъ ихъ то здѣсь припекло, ажно всѣ, бѣдняжки, почернѣли, проговорилъ съ видимымъ сожалѣніемъ стоящій тутъ же Архипъ.

— А губища-то, а волосища-то, а глазища-то, глазища — точно съѣсть хотятъ, съ удивленіемъ подсказываетъ Михайло, страсти, да и только....

— Нехристь, какъ есть нехристь, увѣрялъ третій матросикъ, угрюмо поглядывая на новоприбывшихъ.

— Поди-жъ, всякіе на свѣтѣ есть народы, проговорилъ опять Архипъ, и православные, и басурмане, и нехристи такіе....

— И всякому этта отдѣльная земля Богомъ назначена, добавилъ Михайло, вотъ въ Европіи все бѣлый народъ живетъ, а какъ попали въ Африканію, ну, сичасъ этта ужъ и черные пошли, а дальше, баитъ Яковъ Матфеичъ, и красные пойдутъ, а тамъ можа и желтые, одно слово — всякихъ цвѣтовъ....

— Удивительная этта вещь! не красятся ли ужъ онѣ? спросилъ матросикъ, угрюмо поглядывавшій на продавцовъ-негровъ.

— Ннѣтъ! Яковъ Матфеичъ баитъ, что все эфто отъ воздуху больше.

— Отъ воздуху!? Ну, значитъ, и мы здѣся тожъ почернѣемъ, съ испугомъ проговорилъ матросикъ.

— Можетъ статься!....

— Ой-ли! А значитъ какъ къ желтымъ попадемъ, такъ пожалуй и пожелтѣемъ, добавилъ Архипъ.

— И эфто можетъ статься!....

— А значитъ тогды только опять побѣлѣемъ, какъ въ Рассею возвратимся?

— Разумѣтца!....

— Эхъ, олухи, право олухи, вологодскіе мужланы, што вы тутъ брешете? проговорилъ стоящій въ сторонкѣ унтеръ и давно прислушивавшійся къ бесѣдѣ трехъ молодыхъ матросовъ; всѣ бѣлыми останемся, потому это народъ такой, чернымъ ужъ и родится....

— Ишь-ты! удивились въ одинъ голосъ собесѣдники и еще съ большимъ вниманіемъ стали поглядывать, да осматривать негровъ-торговцевъ.

Вмѣстѣ съ продавцами явился на корветъ представитель португальской власти, неизвѣстнаго происхожденія, потому что цвѣтъ его лица былъ не очень черенъ, а между тѣмъ губы и глаза очень походили на негритянскіе. Одѣтъ онъ былъ въ жилетъ, грязный фракъ съ галунами (нижняго бѣлья мы не видали) и старенькія брюки, украшенные неизбѣжною, при ветхости ихъ бахромою, которая едва-едва опускалась ниже колѣнъ и едва хватала до стоптанныхъ башмаковъ; на головѣ у этого субъекта красовался, мятый, посѣдѣлый отъ старости, цилиндръ, но надѣтый съ шикомъ, на бекрень, точь-въ-точь какъ носятъ его петербургскіе ловеласы. Съ необыкновенными ужимками началъ онъ выспрашивать о названіи судна, числѣ людей, нѣтъ ли на немъ больныхъ заразительными болѣзнями, и задавать тому подобные формальные вопросы. Записавъ всѣ отвѣты въ имѣвшуюся при немъ книгу, онъ привѣжливо со всѣми раскланялся, сѣлъ на шлюбку и возвратился на берегъ, а мы получили позволеніе имѣть съ городомъ свободное сообщеніе....

Корветъ съ перваго же дня началъ грузиться углемъ, запасаться зеленью и свѣжимъ мясомъ; въ первый же день явилось много желающихъ съѣхать, послѣ девятнадцати дневнаго перехода, на берегъ и посмотрѣть хоть на городъ, который оказался дотого плохимъ, какимъ-то тощимъ, что съ перваго же разу разочаровалъ многихъ. Онъ расположенъ у подошвы голыхъ горъ, на самой безплодной почвѣ: повсюду видѣнъ одинъ только песокъ и песокъ, и больше ничего; нигдѣ ни кусочка зелени, ни деревца. Городъ, состоящій всего на всего изъ какихъ нибудь четырехъ сотъ домовъ, былъ какъ-то пустъ, точно вымершій; только на берегу валялось въ пескѣ нѣсколько негровъ, которые съ совершеннымъ равнодушіемъ посмотрѣли на насъ и, казалось, нисколько нами не заинтере-

совались, да изрѣдка протрясется на лошакѣ по улицѣ какой-то джентльменъ съ лицомъ лимоннаго цвѣта, броситъ на насъ проницательный взглядъ и несется себѣ дальше.... Видѣли и встрѣчали, впрочемъ, и неизбѣжныхъ англичанъ, которые, повидимому, расплодились по всему свѣту, какъ тараканы, захвативъ почти всю торговлю въ свои могучія руки.

Вообще Порто-Гранде не можетъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ какъ развѣ своимъ безплодіемъ, унылымъ и жалкимъ видомъ, который придаютъ ему въ одинаковой степени какъ пустынная и нагая мѣстность, на которой онъ раскинулся, такъ и дрянные дома, какъ видно выстроенные на скорую руку. Есть впрочемъ, въ городѣ и порядочные дома, даже отели, но небольшое ихъ число совершенно стушевывается въ массѣ дрянныхъ построекъ, и кромѣ того они принадлежатъ большею частію, точно также какъ и красивыя загородныя дачи, окруженныя даже зеленью, богатымъ англійскимъ купцамъ, а не туземцамъ-португальцамъ, которые самымъ безпечнѣйшимъ образомъ проживаютъ свои дни въ плохенькихъ домикахъ, выстроенныхъ, какъ нарочно, на самыхъ безплодныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА IX.

Географическое положенiе острововъ Зеленаго Мыса.—Раздѣленiе на группы.—Пространство.—Наружный ихъ видъ.—Гидрографiя.—Геологiя.—Почва.—Климатъ.—Флора и фауна.

Между Сенегаломъ и Гамбiею африканскiй берегъ далеко выдается въ океанъ и образуетъ прекрасный мысъ, во всѣ времена года увѣнчанный зеленѣющими баобабами, отчего онъ и получилъ названiе Зеленаго Мыса. Не болѣе какъ въ 300 морскихъ миляхъ отъ этого мыса тянется небольшая группа острововъ, расположенная въ 250 миляхъ къ юго-западу отъ Канарскихъ и почти въ 2000 миляхъ отъ Плимута. Вся эта группа состоитъ только изъ четырнадцати острововъ: Сантъ-Яго (Sao-Thiago), Св. Антонiя (Sao-Antao), Фого (Ilha do Fogo), Боависта (Boavista), Св. Николая (Sao-Nicolais), Св. Винцента, Саль (Ilha do Sal), Maio (Ilha do Maio), Брава (Ilha do Brava), Св. Лучiи (Sao Lucia), Рацо (Razo), Бранко (Branco), Ромбо (Rombo) и Гранде (Grande); но четыре послѣднiе островка, до того малы, что не заслуживаютъ особеннаго вниманiя.

Острова Зеленаго Мыса расположены между 14°45′ и 17°13′ сѣверной широты и 22°40′ и 25°22′,5 западной долготы отъ Гринвича [1]), самый сѣверный изъ нихъ и въ то же время самый западный это островъ Св. Антонiя, самый южный — Брава и наконецъ самый восточный — Боависта.

Весь архипелагъ острововъ Зеленаго Мыса дѣлится природою на двѣ отдѣльныя группы, совершенно различныя другъ отъ друга. Первая изъ нихъ, западная, состоящая изъ острововъ: Св. Антонiя, Св. Винцента, Св. Лучiи, Св. Николая, Рацо, Бранко, расположенныхъ по прямой линiи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и подверженныхъ болѣе всего

---

[1]) Если считать отъ Парижскаго меридiана, до острова Зеленаго Мыса занимаютъ пространство между 25°46′ с. ш. и 27°47′ западной долготы.

вліянію господствующихъ вѣтровъ, называется «Навѣтренною» (as ilhas do Balrarento). Вторая же группа, восточная, заключающая въ себѣ остальные острова, лежащіе по кривой линіи, впадина которой приходится противъ первой вѣтви, называется «Подвѣтренною» (as ilhas do Sotavento), такъ какъ она находится подъ вѣтромъ у первой группы.

Общая поверхность всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса достигаетъ до 1,240 квадратныхъ миль, при чемъ эта величина распредѣляется на нихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поверхность	острова	Сантъ-Яго	равняется	360	кв.	мил.
»	»	Св. Антонія	»	240	»	»
»	»	Фого	»	144	»	»
»	»	Боависта	»	140	»	»
»	»	Св. Николая	»	115	»	»
»	»	Св. Винцента	»	70	»	»
»	»	Саль	»	68	»	»
»	»	Маіо	»	50	»	»
»	»	Брава	»	36	»	»
»	»	Св. Лучіи	»	8	»	»
» 4 острововъ:		Рацо, Бранко, Рамбо и Гранде	»	9	»	»
			Итого	1,240	кв.	миль.

Острова Зеленаго Мыса считаются важною морскою станціею, потому что они находятся, по своему морскому положенію, какъ разъ на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ Европы черезъ мысъ Доброй Надежды въ Индію, Австралію, Китай, Японію и другія страны, лежащія по окраинамъ Индійскаго и Великаго океановъ, а также на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ Европы въ Бразилію и обратно. Но въ настоящее время, послѣ прорытія Суэцкаго перешейка, ихъ важное значеніе значительно уменьшилось, потому что большая часть купеческихъ судовѣ избираютъ путь въ вышеупомянутыя страны черезъ Суэцкій каналъ, такъ какъ это есть кратчайшій путь и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣйшій. До прорытія же этого канала, острова Зеленаго Мыса были посѣщаемы гораздо большимъ числомъ купеческихъ судовъ, чѣмъ теперь, которыя заходили на эти острова собственно для того только, чтобы захватить для дальнѣйшаго плаванія свѣжей провизіи, зелени и воды На Мадейру же или Канарскіе острова суда не заходили, потому что они лежатъ совершенно въ сторонѣ отъ морской дороги, а для купца время дорого, и онъ лучше посѣтитъ безплодные острова Зеленаго

Мыса, лежащіе по дорогѣ, чѣмъ свернетъ въ сторону, чтобы только захватить необходимые припасы въ болѣе прелестныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, положеніе острововъ Зеленаго Мыса таково, что всѣ идущія изъ Европы суда подходятъ къ нимъ и уходятъ съ нихъ съ вѣчнымъ сѣверо-восточнымъ пассатомъ, а для паруснаго судна лучшаго желать и требовать нельзя.......

Острова Зеленаго Мыса, самыя безплоднѣйшія и бѣдныя владѣнія португальцевъ, имѣютъ почти во все время года чрезвычайно грустный и непривлекательный видъ: то взглядъ теряется въ нескончаемыхъ песчаныхъ пространствахъ, то останавливается на высокихъ скалистыхъ или базальтовыхъ горахъ, то наконецъ скользитъ по громаднымъ солянымъ грудамъ, составляющимъ главное богатство бѣдныхъ и безплодныхъ острововъ. Вообще наружный ихъ видъ представляетъ глазу много разнообразія, но въ то же время нѣтъ почти ни одного острова, на которомъ могъ бы отдохнуть утомленный взоръ. Изъ всего архипелага самые красивые острова это «Навѣтренные», по берегамъ которыхъ высятся высокія, оканчивающіяся пиками и снѣжными вершинами, горы, между тѣмъ какъ ихъ основанія омываютъ теплыя воды Атлантическаго океана.

Изъ «Подвѣтренныхъ» острововъ наружнымъ своимъ видомъ особенно выдаются: песчаный островъ Маіо съ двумя песчаными же, круглыми, отдѣльными горами и съ пикомъ, при подошвѣ котораго расположены дрянные домики, такъ называемаго, англійскаго города; островъ Сантъ-Яго, на которомъ, вмѣсто песчаныхъ равнинъ, вы увидите совершенно черныя базальтовыя горы, и наконецъ островъ Фого съ своимъ величественнымъ вулканическимъ пикомъ, вершина котораго теряется въ облакахъ.

Проникая въ глубь всѣхъ этихъ острововъ, приходится убѣдиться, что внутренній ихъ видъ совершенно соотвѣтствуетъ ихъ внѣшности: вся мѣстность, за исключеніемъ глубокихъ долинъ, подверженная жгучимъ лучамъ тропическаго солнца, совершенно пустынна и нага; въ сухое время года почти всюду распространяется невыносимый зной и страшная засуха; но при первыхъ зимнихъ дождяхъ изсохшая почва всѣхъ острововъ покрывается на короткое время роскошною растительностію, не уступающею растительности американскихъ пампасъ. Только на-островахъ: Сантъ-Яго, Св. Николая и Св. Антонія, даже и въ самое сухое время, живописныя ихъ долины, расположенныя среди высокихъ горъ, сохраняютъ достаточное количество воды, которая распространяетъ въ воздухѣ, въ это страшное время убивающаго зноя,

пріятную влажность и даетъ пищу зелени и деревьямъ, въ листьяхъ которыхъ слышится пѣніе множества пріютившихся птицъ, раздаются крики обезьянъ и тому подобные звуки животной жизни.

Острова Зеленаго Мыса орошаются столь незначительными и въ чрезвычайно ограниченномъ числѣ рѣками, что гидрографія ихъ можетъ имѣть только мѣстное значеніе. Только однѣ обширныя долины островов: Сантъ-Яго и Св. Антонія орошаются въ теченіе цѣлаго года ручейками и горными потоками; въ другихъ же мѣстахъ вода въ ручейкахъ появляется только во время зимнихъ дождей, а съ наступленіемъ засухи эти ручьи опять исчезаютъ, не принеся рѣшительно никакой пользы, потому-что жители Зеленыхъ острововъ не принимаютъ до сихъ поръ никакихъ мѣръ для собиранія воды на остальное время года, не устраиваютъ бассейновъ и водоемовъ, но пользуются во время сухаго времени колодцами и ключами, которыхъ однако такъ мало, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ: воды ихъ хватаетъ только развѣ на пищу, но никакъ ни на орошеніе засохшей почвы и поддержаніе растительности.

Общее бѣдствіе при сухомъ времени года много увеличиваетъ сама почва, которая, состоя преимущественно изъ песку и известняка, совершенно не въ состояніи, хотя бы на короткое время, сохранить въ себѣ влажность, вслѣдствіе чего испаренія здѣсь чрезвычайно быстры и почва почти постоянно раскалена до необычайной степени.

И такъ, два величайшія бѣдствія острововъ Зеленаго Мыса—это недостатокъ воды и деревъ; послѣднія встрѣчаются здѣсь очень рѣдко: только на нѣкоторыхъ островахъ попадаются небольшіе оазисы или рощи разновидныхъ деревьевъ, которые можно назвать земнымъ раемъ въ сравненіи съ окружающею мѣстностью, которая, по истиннѣ, достойна названія ада. Отсутствіе лѣсовъ имѣетъ сильное вліяніе на климатъ и плодородіе острововъ Зеленаго Мыса, потому что лѣса, если бы они были, значительно охлаждали бы окружающій воздухъ, корни лѣсовъ значительно разрыхляли бы почву, а ихъ отпадающіе листья образовали бы съ теченіемъ времени значительной толщины наземъ, который, весьма сильно втягивая въ себя влагу, такимъ образомъ представлялъ бы уже нѣчто въ родѣ природнаго хранилища необходимаго количества влаги, которая бы питала множество ключей, далеко распространяющихъ вокругъ себя плодородіе и изобиліе. Вмѣстѣ съ тѣмъ густой лиственный покровъ лѣсовъ препятствовалъ бы жгучимъ лучамъ солнца проникать на землю и высушать ее, и такимъ об-

разомъ много содѣйствовалъ бы какъ сохраненію въ землѣ втянутой въ себя влаги, такъ и увеличенію числа и обильности источниковъ.

Изъ всего этого видно, что совершенно зависитъ отъ человѣка преобразовывать климатъ страны и понудить природу къ болѣе равномѣрному распредѣленію своихъ даровъ; но жители острововъ Зеленаго Мыса, вмѣсто того, чтобы разводить лѣса, начали въ первое время, по своему невѣдѣнію, напротивъ, истреблять и тѣ, которые были, и такимъ образомъ довели свою страну до безобразнѣйшаго безплодія. Хотя они въ настоящее время и опомнились, прекративъ дальнѣйшее истребленіе на топливо еще имѣющихся небольшихъ рощъ и начавъ разводить понемногу новыя, но, къ несчастью, легко испорченные и вырубленные лѣса гораздо ужь труднѣе подростить, и много пройдетъ еще времени до тѣхъ поръ, когда, лишенные всякаго назема, горные хребты и безплодныя равнины покроются тѣнистою зеленью. Чтобы достигнуть этого, нужно много положить труда и энергіи, которыхъ, къ несчастью, у португальцевъ нѣтъ, а потому можно полагать, что пройдутъ еще вѣка, а острова Зеленаго Мыса останутся такими же безплодными, нагими и жалкими, если только они не перейдутъ въ болѣе энергичныя, трудолюбивыя и практическія руки....

Геологія острововъ Зеленаго Мыса еще мало изслѣдована; большую пользу въ этомъ отношеніи принесли только два знаменитыхъ ученыхъ: Дарвинъ, дѣлавшій наблюденія на островѣ Сантъ-Яго, и французскій геологъ Карлъ Сентъ-Клеръ-Девиль (Charles Saint-Claire-Deville), изслѣдовавшій вулканъ на островѣ Фого. «Удаляясь отъ береговъ острова Сантъ-Яго къ юго-западу, говоритъ Сентъ-Клеръ-Девиль, путешественнику прежде всего бросится въ глаза островъ Фого съ своимъ величественнымъ пикомъ Тейдъ (Teyde), рѣзко обрисовывающимся на свѣтлой лазури тропическаго неба; этотъ пикъ, несмотря на свою массу, покоится на группѣ высокихъ горъ, скрывающихъ значительную его часть, только съ сѣверо-восточной стороны его основаніе лежитъ на самомъ уровнѣ моря и затѣмъ онъ быстро возвышается почти до трехъ тысячъ метровъ. Формою своею вулканъ этотъ имѣетъ большое сходство съ Везувіемъ, потому что онъ представляетъ такой же конусъ, какъ и Везувій, съ одной стороны окруженный полукруглымъ валомъ и обвалившійся со стороны моря. Видъ пика правиленъ, съ наклономъ въ 35° или 40°, который кажется такимъ значительнымъ, что подняться на него очень трудно и даже невозможно».

И дѣйствительно, г. Девиль въ продолженіе трехъ часовъ поднимался на высоту почти трехъ тысячъ метровъ, и только послѣ страш-

ныхъ усилій и совершеннаго изнеможенія достигъ до краевъ кратера. Къ несчастью, французскій геологъ не могъ достигнуть самой вершины пика, потому что уединенный и скалистый утесъ, образующій эту вершину, былъ неприступенъ именно съ той стороны, съ которой поднимался г. Девиль.

По наблюденію барометра у подошвы утеса, пикъ оказался въ 2,764 метра вышины; но въ итогѣ Девиль считаетъ высоту пика острова Фого въ 2,790 метровъ (9,207 ф.), потому что онъ къ высотѣ собственно пика (2,764 м.) прибавилъ еще приблизительную высоту уединеннаго утеса (26 метровъ).

Въ нѣсколькихъ метрахъ ниже кратера, Девиль замѣтилъ широкое отверстіе, имѣющее, по всей вѣроятности, сообщеніе съ подземными глубокими гротами, и изъ котораго свободно, безъ всякаго шума, вырывался паръ, неимѣющій никакого запаха, но температура котораго доходила однако до 50° Р., почему знаменитый геологъ не могъ произвести подробнаго осмотра этого отверстія.

Діаметръ, почти круглаго, кратера доходитъ приблизительно до пятисотъ метровъ, глубина же отъ 250 до 300 метровъ. Внутренность его, наружныя отлогости и скала, у подошвы которой стоялъ Девиль, состоятъ изъ крѣпкаго базальта; слѣдовательно, изъ этого можно заключить, что весь пикъ острова Фого состоитъ изъ громадныхъ базальтовыхъ слоевъ.

По словамъ очевидцевъ изверженій этого вулкана, послѣдовавшихъ въ 1769, 1785 и наконецъ въ 1799 годахъ, казалось, что пикъ треснулъ и изъ него по временамъ выходило множество прямыхъ ключей; лава стремительно текла по вогнутой части окружающей возвышенности въ море, гдѣ и образовала у самыхъ береговъ страшные буруны, препятствующіе судамъ приставать къ острову съ этой стороны. Всѣ эти подробности напоминаютъ изверженіе Везувія, только разница въ томъ, что западная часть острова, на которой раскинуто множество потухшихъ конусовъ, не подверглась нападенію лавы.

Дальнѣйшія геологическія наблюденія Девиля показали, что весь островъ Фого состоитъ или изъ слоевъ одного только базальта, или же (какъ напримѣръ возвышенность, окружающая пикъ и поднимающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти перпендикулярно на 1000 метровъ въ вышину) изъ соединенія слоевъ базальта и конгломерата [1]), прорѣзанныхъ вертикальными и наклонными рудными жилами.

---

[1]) Конгломератъ—отъ латинскаго conglomerare—свивать въ клубокъ. Куски разныхъ минераловъ, связанныхъ между собою какимъ нибудь постороннимъ минераломъ.

Что касается до острова Сантъ-Яго, то геологическое строеніе его совершенно различно отъ острова Фого и представляетъ самый интересный отдѣлъ его естественной исторіи.

«При входѣ въ гавань Порто-Прая [1]), пишетъ Дарвинъ въ своемъ дневникѣ, путешественникъ прежде всего замѣтитъ въ стѣнѣ береговыхъ утесовъ почти горизонтальную бѣлую полосу, тянущуюся вдоль берега на нѣсколько миль, на высотѣ сорока пяти футовъ надъ уровнемъ моря. По изслѣдованію, эта полоса оказалась состоящею изъ известняка, заключающаго въ себѣ множество раковинъ, похожихъ на тѣ, которыя и до настоящаго времени встрѣчаются на сосѣднихъ берегахъ. Слой этотъ покоится на старыхъ вулканическихъ скалахъ и залитъ потокомъ базальта, вѣроятно еще въ то время, когда бѣлый раковистый известнякъ лежалъ на днѣ океана. Жаръ лавы, покрывающей эту рыхлую известковую массу, произвелъ въ ней интересныя измѣненія: такъ въ одномъ мѣстѣ она превратилась въ стекловидный камень, въ другомъ — въ пестрый плотный известнякъ; а тамъ, гдѣ известь подверглась дѣйствію расплавленной лавы, она превратилась въ изящныя, лучеобразно расположенныя, жилки, имѣющія большое сходство съ аррагонитомъ [2]). Слои лавы постепенно возвышаются слегка наклонеными площадками къ центру острова, откуда, по всей вѣроятности, потекли первоначально расплавленные потоки.

Со временъ историческихъ на островѣ Сантъ-Яго не было даже признаковъ вулканической дѣятельности и въ настоящее время даже трудно найти какіе нибудь остатки прежнихъ кратеровъ; однако можно еще различить на берегу слѣды послѣднихъ потоковъ лавы, образовавшей ряды скалъ менѣе высокихъ, чѣмъ болѣе древніе ея потоки, но за то выдающихся дальше.

Этимъ заканчиваются всѣ геологическія наблюденія на островахъ Зеленаго Мыса, однако достаточно доказывающія, что острова эти вулканическаго происхожденія и что можетъ быть тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь дѣятельно работали подземные огни и выдвигали изъ нѣдръ океана одинъ островъ за другимъ....

Почва островов Зеленаго Мыса чрезвычайно разнообразна: на островахъ Саль, Боависта и Маіо — глинистая, каменистая, известковая и мѣстами волканическая; на Сантъ-Яго, Св. Антонія, Св. Николая и

---

[1]) Порто-Прая — главный городъ архипелага.

[2]) Аррагонитъ отъ собственнаго имени. Родъ известняка, кристаллизующагося обыкновенно въ шестигранныя призмы. Названіе свое онъ получилъ отъ Аррагоніи, испанской провинціи, гдѣ былъ онъ въ первый разъ найденъ.

Фого—волканическая; наконецъ, на островѣ Брава — рухляковая и черноземная, и онъ, по своей роскошной, въ сравненіи съ другими островами, растительности считается самымъ плодороднѣйшимъ изъ всего архипелага.

По своему прелестному положенію въ тропическихъ водахъ, острова Зеленаго Мыса могли бы быть плодороднѣйшими въ свѣтѣ и доставили бы своимъ жителямъ всевозможные продукты въ несравненно большемъ противъ настоящаго количествѣ, но все несчастье ихъ заключается въ недостаткѣ лѣса и воды. Вслѣдствіе перваго недостатка большая часть поверхности острововъ подвержена губительному дѣйствію тропическаго солнца, причемъ самая плодороднѣйшая почва превращается въ самую безплодную и непроизрастательную. Вслѣдствіе втораго недостатка и бездожія не поддерживается въ воздухѣ и почвѣ необходимая для произрастанія влажность, почему острова Зеленаго Мыса представляютъ взору однѣ только выгорѣлыя равнины, какъ будто пробѣжало по нимъ недавно пламя опустошительнаго пожара и истребило до-тла всю растительность, или совершенно голыя, лишенныя признаковъ прозябанія, скалы, въ безпорядкѣ набросанныя другъ на друга и печально вздымающія къ небу свои угловатыя формы, или же, наконецъ—пустынные и песчаные берега, подвергающіеся въ извѣстное время года полной свирѣпости совершенно сухихъ, дующихъ съ раскаленнаго африканскаго материка, вѣтровъ . . . .

Минеральное богатство острововъ Зеленаго Мыса весьма ограничено: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ архипелага встрѣчается желѣзная руда, а на островахъ Св. Антонія и Брава находятъ желѣзные источники; кромѣ того, почва острова Брава представляетъ нѣкоторые признаки мѣди и селитры. Изъ благородныхъ металловъ находятъ иногда золото въ глинѣ горы Wermelho (Красная гора), на островѣ Сантъ-Яго, изъ которой туземцы выдѣлываютъ превосходную посуду. Кромѣ того, въ разныхъ частяхъ острововъ попадается: мраморъ, известняковый камень, черный янтарь и громадное количество соли, которое поразило древнихъ мореплавателей до такой степени, что они назвали острова Зеленаго Мыса—Солеными островами. Въ настоящее же время соль производятъ только три острова: Маіо, Боависта и Саль....

Климатъ острововъ Зеленаго Мыса чрезвычайно знойный, не уступающій климату континентальныхъ странъ той же широты, несмотря на то, что они окружены океаномъ, доставляющимъ имъ постоянную влажность, несмотря на то, что морскіе вѣтры много освѣжаютъ окружающій ихъ воздухъ. За то утра и вечера здѣсь, вслѣдствіе сильнаго

испаренія почвы и окружающаго океана, причемъ большая часть теплорода переходитъ въ скрытое состояніе, довольно прохладны и часто даже свѣжи; роса въ большую часть времени года выпадаетъ въ большомъ изобиліи.

Въ нѣкоторыя времена года всѣ острова покрываются какъ бы туманомъ, что происходитъ отъ тончайшей «желтой» пыли, поднимающейся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, съ засохшей почвы островов; она насаживается на проходящія суда въ такомъ изобиліи, что ихъ бѣлые паруса превращаются въ совершенно желтые, и поэтому случаю у иностранныхъ моряковъ существуетъ слѣдующая поговорка: «У острововъ Зеленаго Мыса бѣлые паруса перекрашиваются въ желтый цвѣтъ»! Знаменитый англійскій натуралистъ Дарвинъ опровергаетъ мнѣніе, что эта пыль поднимается съ засохшей почвы, но доказываетъ, что она идетъ изъ Африки. И дѣйствительно, судя по направленію вѣтра во время ея паденія, а также по времени, когда она падаетъ, что всегда случается именно въ тѣ мѣсяцы, когда гарматтанъ [1]) высоко поднимаетъ въ воздухъ со степи Сахары цѣлыя облака пыли, можно съ увѣренностью сказать, что эта не желтая, а коричневая пыль дѣйствительно приносится съ африканскаго материка. Она насаждается на судно уже за нѣсколько сотъ миль до острововъ и состоитъ, по изслѣдованію Эренберга, главнымъ образомъ изъ инфузорій съ кремнистыми панцырями и изъ кремнистыхъ частей растительной ткани. Онъ нашелъ въ ней около 67 различныхъ органическихъ формъ; а всѣ инфузоріи, за исключеніемъ только двухъ морскихъ видовъ, живутъ въ прѣсныхъ водахъ. Кромѣ того, въ этой же пыли Дарвинъ, собравшій ее на кораблѣ Биглѣ, за 300 миль отъ береговъ, нашелъ даже кусочки камня, величиною въ одну тысячную долю квадратнаго дюйма.

Пыль эта чрезвычайно вредна для глазъ и затемняетъ иногда воздухъ до такой степени, что кажется, что острова Зеленаго Мыса задернуты нѣсколько разъ сложенною коричневою кисеею.

Съ іюня по сентябрь здѣсь время зимнихъ дождей (o tempo das agoas), послѣ которыхъ наступаетъ всегда самое нездоровое и опасное состояніе воздуха, при чемъ свирѣпствуютъ часто смертоносныя болѣзни. Въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ идутъ самые сильные дожди, и это время столь же необходимо для населенія острововъ, какъ и разлитіе Нила — жителямъ Египта, потому что образуется множество рѣкъ,

---

[1]) Гарматтаномъ называются восточные вѣтры, дующіе у западныхъ береговъ Африки изъ степи Сахары.

ручейковъ и потоковъ, которые развиваютъ вокругъ себя роскошную растительность и плодородіе, но плодородіе скоро проходящее, потому что при первыхъ жарахъ все опять засыхаетъ, а жители острововъ Зеленаго Мыса нисколько не заботятся о сохраненіи хоть небольшаго количества зимнихъ дождей на лѣтнее время, такъ какъ у нихъ не устроены водоёмы, гдѣ могла бы сохраняться эта вода, нѣтъ также искусственныхъ каналовъ или хоть бы маленькихъ канавъ, помощью которыхъ можно было бы изъ болѣе плодородныхъ и богатыхъ водою мѣстъ проводить ее въ болѣе сухія, и такимъ образомъ распространять плодородіе и растительность до возможной степени. Этого, повторяю, ничего нѣтъ вслѣдствіе удивительнѣйшей безпечности жителей и самаго португальскаго правительства, которое нисколько не заботится о своихъ владѣніяхъ и совершенно ихъ не поддерживаетъ, а между тѣмъ они часто подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ, такъ какъ бываетъ время, когда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ [1]) не падаетъ здѣсь ни капли дождя и всеобщая засуха производитъ ужаснѣйшій голодъ и болѣзни. Владѣли бы этими, безплодными въ настоящее время, островами англичане, они навѣрное черезъ нѣсколько столѣтій обратили бы ихъ въ самыя плодороднѣйшія свои владѣнія.

Съ октября по май включительно состояніе погоды на островахъ Зеленаго Мыса совершенно мѣняется; вмѣсто дождей наступаетъ самая ясная, жаркая и сухая погода; роскошная растительность, появившаяся было во время зимнихъ дождей изъ каждой расщелины скалъ, на склонахъ горъ и громадныхъ равнинахъ, опять засыхаетъ и обращается въ естественное сѣно, которымъ кормятся въ сухое время большія стада рогатаго и другаго домашняго скота. Въ это время дуютъ постоянные восточные вѣтры, почему оно извѣстно подъ названіемъ «береговыхъ вѣтровъ» или «бризовъ». Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ эти вѣтры достигаютъ наибольшей своей силы (потому что въ это время происходитъ сильное охлажденіе Сахары) и приносятъ большой вредъ всему архипелагу, но особенно «Подвѣтреннымъ островамъ», какъ лежащимъ ближе всѣхъ къ африканскому материку.

На климатъ различныхъ острововъ имѣетъ большое вліяніе положеніе въ группѣ и составъ ихъ почвы, вслѣдствіе чего онъ на разныхъ островахъ совершенно различенъ. Такъ напримѣръ, на островѣ Сантъ-Яго, считающемся самымъ нездоровымъ и смертоноснымъ въ группѣ, свирѣпствуютъ часто мѣстныя вредныя лихорадки, извѣстныя подъ

[1]) Какъ напримѣръ съ 1770 года по 1773 и съ 1831 по 1833 годъ.

туземнымъ названіемъ carneiradas; между тѣмъ на островѣ Маіо эта болѣзнь появляется только въ дождливое время іюля и августа мѣсяцевъ. Что же касается до островов Св. Антонія, Св. Винцента и Брава, то, по своему здоровому климату, они занимаютъ первое мѣсто во всемъ архипелагѣ.

Флора острововъ Зеленаго Мыса, не смотря на отличное положеніе этого архипелага въ тропическихъ видахъ, очень бѣдна, и это происходитъ только вслѣдствіе недостатка воды.

Единственное богатство острововъ Саль, Маіо и Боависта, какъ я уже говорилъ,—соль, и потому они, вмѣстѣ съ островомъ Св. Винцента, заселеннымъ лѣнивыми пастухами, не изобилуютъ растеніями и продуктами. Наиболѣе засѣваются на нихъ турецкіе бобы и маисъ, а также встрѣчается, какъ и на прочихъ островахъ архипелага, лакмусовый ягель (lichen rocella), растущій преимущественно на вершинахъ и крутыхъ склонахъ. Это естественное богатство, не требующее за собою рѣшительно никакого ухода, приноситъ жителямъ довольно большой доходъ. На островахъ Сантъ-Яго и Св. Антонія обработывается только третья ихъ часть; на—Св. Николая и Фого—пятая, и наконецъ на островѣ Брава почти все его пространство, потому что онъ считается самымъ плодороднѣйшимъ изъ всего архипелага. Всѣ эти пять острововъ производятъ также маисъ и бобы, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что ихъ хватаетъ только на мѣстныя потребности и только въ очень урожайные годы небольшое количество этихъ продуктовъ вывозится на островъ Мадейру.

Изъ другихъ главныхъ продуктовъ, произрастающихъ на островахъ Зеленаго Мыса, замѣчательны: кофе, клещевина (они служатъ даже предметомъ вывоза), наконецъ хлопчатникъ, индиго, табакъ, драконовое дерево, кактусъ съ кошенилью, сахарный тростникъ и виноградъ. Кофе въ первый разъ былъ привезенъ на островъ Св. Николая въ 1790 году, затѣмъ, черезъ короткое время его уже начали разводить на Сантъ-Яго, и наконецъ въ настоящее время онъ разводится даже на островѣ Св. Антонія. Этотъ продуктъ до того здѣсь преуспѣлъ, что соперничаетъ съ самымъ лучшимъ кофе—мокскимъ.

Клещевина, или Palma Christi, не приносила въ прежнее время, по невѣдѣнію жителей, рѣшительно никакой пользы и ее истребляли тогда въ большомъ количествѣ только на топливо; но въ настоящее время о ней заботятся, не срубаютъ и даже разводятъ. Она растетъ на какой угодно почвѣ и не требуетъ за собою рѣшительно никакого ухода. Въ концѣ втораго года она даетъ плодъ, изъ котораго жители въ настоящее

время выжимаютъ превосходное горючее масло, вывозимое ежегодно со всѣхъ острововъ въ количествѣ почти 200,000 боченковъ, на сумму около 25 милліоновъ франковъ.

Хлопчатникъ на островахъ Зеленаго Мыса встрѣчается двухъ сортовъ: бѣлый или растущій деревомъ, и желтый или травянистый. Онъ разводится чрезвычайно легко, но съ трудомъ собирается и плохо очищается.

Индиго растетъ въ дикомъ состояніи на различныхъ островахъ, но въ особенности на островѣ Св. Антонія.

Сборъ и приготовленіе табаку не представляетъ здѣсь особеннаго труда; онъ хорошо разводится на островѣ Фого, почва котораго совершенно благопріятствуетъ его произрастанію. Готовый табакъ не уступаетъ своею добротою кентукійскому и виргинскому.

Драконовое дерево не только полезно для жителей, но даже необходимо собственно для острововъ Зеленаго Мыса. Оно растетъ въ мѣстахъ каменистыхъ, самыхъ сухихъ и безводныхъ, не требуя за собою рѣшительно никакого ухода. Не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ оно становится чрезвычайно вѣтвистымъ и тѣнистымъ, и такимъ образомъ первая его польза, и самая главная, заключается именно въ томъ, что оно поддерживаетъ вокругъ себя хорошую растительность; во вторыхъ изъ ствола его вытекаетъ чудесная смола, извѣстная подъ названіемъ «драконовой крови», которая вывозится отсюда, уже съ XVII столѣтія, почти въ такомъ же количествѣ, какъ соль и мѣдь. Каждое дерево выдѣляетъ изъ себя ежегодно до двухъ фунтовъ этой смолы.

Кактусъ coccionilifera въ первый разъ былъ привезенъ съ Тенерифа въ 1840 году и разросся чрезвычайно хорошо, но только кошениль его нѣсколько хуже мексиканской.

Сахарный тростникъ разводится на нѣкоторыхъ островахъ архипелага двухъ сортовъ, но сахару выдѣлываютъ очень мало, а больше всего гонятъ изъ него, такъ называемую, сахарную водку. Виноградники даютъ довольно хорошіе сборы: самый вкусный виноградъ растетъ на волканической почвѣ острова Фого, но приготовляемое изъ него вино до того плохо, что получило даже довольно ѣдкое, мѣстное названіе mijarella (урина). Кромѣ этихъ главнѣйшихъ произведеній почвы острововъ Зеленаго Мыса встрѣчаются и другія, но въ менѣе значительномъ количествѣ, какъ напримѣръ различнаго сорта деревья, кустарники, образующіе въ иныхъ мѣстахъ довольно хорошенькіе оазисы. Изъ нихъ особенно замѣчательны: рожковое дерево, дерево ameixoeira, плоды котораго похожи на большую сливу, но вкусъ имѣютъ горькаго миндаля;

акація катеху, дающая смолистый сокъ гуява или грушевое индѣйское дерево, lolo, волокнистые листья котораго идутъ на приготовленіе веревокъ; затѣмъ ананасныя, лимонныя, шафранныя, орѣховыя, имбирныя, миндальныя [1]) и разныя банановыя деревья; алой, апельсинныя деревья [2]) съ превосходными плодами, и наконецъ встрѣчаются огромныхъ размѣровъ баобабы и другія менѣе замѣчательныя деревья, но все это въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что общій видъ острововъ все таки какъ-то унылъ и совершенно голъ: только изрѣдка покажется между горами плодородная долина или небольшой оазисъ сгруппированныхъ деревъ.

Изъ огородныхъ растеній разводится здѣсь въ достаточномъ, для мѣстныхъ потребностей, количествѣ: чеснокъ, лукъ, салатъ, крессъ, щавель, двухъ или трехъ сортовъ капуста, тыква, дыни, арбузы и огурцы. Изъ нихъ дыни, хотя очень сочны и вкусны, но чрезвычайно нездоровы; спѣлыя—имѣютъ свѣтло-лимонный цвѣтъ; въ нихъ находится множество черныхъ и шереховатыхъ сѣмячекъ, острыхъ на вкусъ. . . . Что касается до фауны островов Зеленаго Мыса, то она, по количеству разнообразныхъ животныхъ, далеко оставляетъ позади себя флору.

Всѣ острова изобилуютъ крупнымъ рогатымъ скотомъ, постепенно размножающимся до довольно большихъ размѣровъ. Это небольшая порода, но сильная и хорошо откормленная, приноситъ жителямъ большую пользу: быки употребляются на всевозможныя работы, нисколько ихъ не изнуряющія и не портящія; съ нихъ снимаютъ шкуры и выдѣланныя высылаютъ въ другія страны, солятъ и сушатъ ихъ мясо, которое также распродается въ значительномъ количествѣ, и наконецъ живыми быками снабжаются всѣ проходящія суда, которыя имѣютъ обыкновеніе, при плаваніи въ Бразилію и кругомъ мыса Доброй Надежды, заходить на острова Зеленаго Мыса и запасаться здѣсь свѣжими продуктами для поддержанія въ экипажѣ, при большихъ переходахъ, здороваго состоянія, которое много зависитъ въ морѣ отъ качества и рода пищи.

Само населеніе не употребляетъ въ пищу бычачье мясо, кромѣ небольшаго числа живущихъ здѣсь иностранныхъ негоціантовъ и купцовъ, а также португальскихъ властей,—но питается преимущественно маисомъ, а если кто и ѣстъ изъ нихъ мясо, то козье и оскопленныхъ ословъ.

Число козъ и козловъ на островахъ очень значительно, несмотря на то, что ежегодно убивается ихъ огромное количество, какъ ради вы-

[1]) Растутъ только на островѣ Фого.

[2]) На островѣ Сантъ-Яго самые лучшіе.

дѣлки кожъ, которыя высылаются въ Сѣв. Америку, такъ и для пищи жителямъ средняго сословія всѣхъ острововъ. Собственно козъ впрочемъ истребляютъ очень мало и о нихъ заботятся съ особеннымъ тщаніемъ, потому что молоко ихъ, смѣшанное съ маисомъ и бананами, служитъ главною пищею поселянъ; изъ него же приготовляется сыръ и масло, но послѣднее чрезвычайно не вкусно. Козы приносятъ ежегодно отъ семи до десяти козлятъ. Кромѣ козъ, разводится на островахъ Сантъ-Яго, Фого и Брава довольно большое количество свиней; онѣ откармливаются здѣсь маисомъ, почему мясо ихъ чрезвычайно вкусно и сочно.

Изъ вьючныхъ животныхъ водятся здѣсь значительное количествоословъ, небольшое—лошадей и лошаковъ. Порода здѣшнихъ лошадей походитъ на варварійскую; небольшія ростомъ, онѣ чрезвычайно быстры, сильны и неутомимы. Большею частію неподкованныя, онѣ очень легко взбираются на крутыя горы и скалы, и твердою поступью ходятъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, по самымъ узкимъ тропинкамъ, вьющимся на краю страшныхъ пропастей и расщелинъ горъ.

Изъ другихъ животныхъ встрѣчаются здѣсь: кошки, собаки, кролики [1]), обезьяны [2]), мыши и крысы.

Что же касается до птицъ, то ихъ красотою острова Зеленаго Мыса похвастаться не могутъ. Тутъ встрѣчаются: куры, индѣйки, утки, изрѣдка прилетающія со стороны Гвинеи, гагары, чайки, вороны (въ несмѣтномъ количествѣ), ястреба, коршуны, затѣмъ—множество ласточекъ, зимородки, жаворонки, скворцы, черные дрозды, воробьи и наконецъ пеликаны, пустельга и замѣчательной величины фламинго, одѣтые въ изящныя красныя перья и съ удивительными длинными ногами.

На островахъ нѣтъ рѣшительно ни одной змѣи, но за то встрѣчаются: жабы, небольшіе скорпіоны, занесенные сюда мореплавателями, ящерицы, лягушки и водяныя черепахи; прилежащія къ берегамъ воды изобилуютъ такимъ количествомъ самой разнообразной и вкусной рыбы, что рыбаки, безъ особеннаго труда, зарабатываютъ въ нѣсколько часовъ больше, чѣмъ ремесленники въ три или четыре дня самаго усидчиваго и старательнаго труда.

Несмѣтное количество насѣкомыхъ, постоянныхъ и въ то же время непріятныхъ воздушныхъ и земныхъ обитателей всѣхъ тропическихъ

---

[1]) Значительное количество ихъ развелось и на островѣ Сантъ-Яго; но ихъ въ настоящее время истребляютъ всевозможными способами, такъ какъ они постоянно портятъ и поѣдаютъ посѣвы.

[2]) Эти животныя водятся только на островахъ Сантъ-Яго и Брава; принадлежащіе къ породѣ макакъ.

странъ, дѣлаютъ и безъ того скучные непріятные острова Зеленаго Мыса еще болѣе отвратительными, особенно въ дождливое время, когда отъ мошекъ, мухъ и комаровъ рѣшительно нѣтъ никакого отбоя. Присоедините къ нимъ множество непріятныхъ пауковъ, черныхъ и бѣлыхъ тараканов, муравьевъ, кузнечиковъ, сверчковъ и другихъ самыхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, — и вы можете посудить объ удовольствіяхъ прогулки по безплоднымъ горамъ, равнинамъ и скаламъ островов, гдѣ на каждомъ шагу, вмѣсто львовъ, тигровъ, пантеръ и тому подобныхъ кровожадныхъ животныхъ, встрѣчаемыхъ въ другихъ тропическихъ странахъ, васъ на каждомъ шагу осаждаютъ цѣлыя полчища то одних, то другихъ самыхъ непріятныхъ насѣкомыхъ, которыя надоѣдаютъ вамъ до высшей степени, залѣзаютъ подъ платье, кусаютъ и всѣми силами, по видимому, хотятъ доказать свое преобладающее господство на островахъ Зеленаго Мыса.

ГЛАВА X.

Число жителей.—Первое заселеніе островов.—Различныя расы.—Основаніе городов и деревень.—Характер поселян.—Их обычаи, сохранившіеся с древних времен.—Пища.—Одежда.—Городскіе жители.—Язык.

По послѣдней переписи, общее народонаселеніе островов Зеленаго Мыса достигало до 103,700 человѣк, из которых считалось 97,200 свободных и 6,500 невольников; оба эти сословія распредѣляются по островам в слѣдующем порядкѣ:

			Свободн.	Невольник.
На островѣ		Св. Антонія считается	30,000	200
»	»	Сант-Яго	25,000	2,500
»	»	Св. Николая	20,000	100
»	»	Фого	6,000	1,500
»	»	Боависта	4,100	400
»	»	Брава	4,000	300
»	»	Маіо	3,500	600
»	»	Св. Винцента	2,000	100
»	»	Саль	300	700
»	»	Св. Лючіи, Бранка, Гранде и Раца	2,000	100

Населеніе островов, не смотря на их безплодность, развивается в довольно крупных размѣрах; но все-таки оно еще так незначительно, что много есть мѣст, даже относительно плодородных, совершенно незаселенных и даже необработанных.

И дѣйствительно, большая часть жителей стремится в города, расположенные, как нарочно, в самых безплодных мѣстах, но за то у берега, и остается лишь небольшое количество поселян, занимающихся обрабатываніем своих полей и посѣвами. Таким образом, жители распредѣлены по всей поверхности островов чрезвычайно неравномѣрно; хотя средним числом приходится на одну квадратную

милю около 83 человѣкъ; но въ одномъ мѣстѣ считается на то же пространство нѣсколько тысячъ, а въ другомъ—на сотню квадратныхъ миль не найдешь ни одного человѣка. Это происходитъ отъ того, что жители главнымъ образомъ группируются въ городахъ и въ самыхъ плодородныхъ долинахъ островов, оставляя остальныя мѣста въ совершенномъ забытьѣ и застоѣ, между тѣмъ какъ нужно приложить только стараніе и умѣнье, чтобы большое число совершенно незаселенныхъ мѣстъ обратить въ достаточно плодородныя и удобныя для вспашки.

Населеніе острововъ чрезвычайно разнообразно и пестро, и чтобы показать, откуда появилась эта пестрота, нужно прослѣдить за его развитіемъ съ самаго заселенія архипелага Зеленаго Мыса. О времени этого важнаго эпизода происходило между нѣкоторыми португальскими историками и писателями большое разногласіе. Такъ, напримѣръ, писатель Фейджоо (Feijoo), жившій въ XVIII столѣтіи, утверждалъ, что въ эпоху открытія острововъ Зеленаго Мыса, будто бы, островъ Сантъ-Яго уже былъ заселенъ однимъ африканскимъ племенемъ Волофовъ (Volofs), которое, преслѣдуемое своими сосѣдями, Фелупами (Feloups), бѣжало изъ своихъ городовъ, сѣло на лодки и пустилось отъ свирѣпыхъ преслѣдователей въ открытое море. Долго странствовали волофы по океану и, наконецъ, были, будто бы, пригнаны пассатомъ къ острову Сантъ-Яго, который и заселили. Другіе писатели отвергаютъ это мнѣніе и утверждаютъ, что до заселенія острововъ португальцами они были совершенно необитаемы. Послѣдній фактъ имѣетъ больше вѣроятія, потому что португальцы съ самаго заселенія острововъ и до настоящаго времени не встрѣтили еще ни одного человѣка изъ вышеупомянутаго племени. Можетъ быть и правда, что волофы были пригнаны пассатомъ на Санто-Яго, но, вѣроятно, въ скоромъ времени оставили его и неизвѣстно куда скрылись, такъ какъ этотъ островъ своимъ безплодіемъ не могъ ихъ привлечь, не могъ даже въ первое время удовлетворить ихъ нуждамъ.

По самымъ вѣрнымъ историческимъ источникамъ, заселеніе всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса происходило въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ: въ 1461 году (черезъ пять лѣтъ послѣ открытія) инфантъ донъ Генрихъ приказалъ снарядить суда, посадилъ на нихъ нѣсколько португальскихъ семействъ и, подъ предводительствомъ Антонія де-Нолли (Antonio de Nolli), брата его Бартоломея и племенника Рафаэля, послалъ ихъ къ островамъ Зеленаго Мыса.

Антоній де Нолли прежде всего отправился въ Гвинею, закупилъ тамъ необходимое число невольниковъ для обработыванія новой земли

и высадилъ затѣмъ привезенныя португальскія семейства и пріобрѣтенныхъ невольниковъ на острова Сантъ-Яго и Фого.

Такимъ образомъ, съ перваго же времени заселенія появляются на островахъ Зеленаго Мыса три расы: бѣлая, которую составляли португальцы; черная, представителями которой были привезенные гвинейцы-невольники, и наконецъ, такъ называемая, мулатская, происшедшая отъ сближенія первыхъ со вторыми. Число мулатовъ первое время было весьма ограничено, потому что не всѣ португальцы-поселенцы желали сближенія съ своими невольниками; къ этому принуждала нѣкоторыхъ изъ нихъ одна только необходимость, такъ какъ чувствовался сильный недостатокъ въ женщинахъ, потому что новыхъ поселенцевъ въ первое время португальское правительство не высылало. Но, начиная съ XVII столѣтія, число мулатовъ начало значительно увеличиваться, такъ какъ съ этого времени португальское правительство обратило острова Зеленаго Мыса въ мѣсто ссылки своихъ преступниковъ, которые по неволѣ, отвергаемые первыми поселенцами, принуждены были вступать въ сношенія съ неграми.

Что касается до заселенія остальныхъ островозъ, то оно произошло, по словамъ Фейджоо, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Португальское населеніе острововъ Сантъ-Яго и Фого, говоритъ Фейджоо, проникнутое состраданіемъ къ бѣднымъ, несчастнымъ невольникамъ, освободило большую ихъ часть, оставя себѣ только самое необходимое число, и позволило селиться имъ, гдѣ будетъ угодно. Такимъ образомъ новые отпущенники, избѣгнувъ владычества бѣлыхъ и изнурительныхъ работъ, переправились на смежные острова, заселили ихъ и начали понемногу разработывать болѣе плодородныя мѣста. Въ это время привезены были новые невольники, и поселены на тѣ же острова, куда перебрались отпущенники. Такимъ образомъ острова, смежные съ Сантъ-Яго и Фого, были заселены только неграми, и это послужило причиною того, что жители этихъ острововъ почти всѣ черные (въ XVIII столѣтіи), за исключеніемъ небольшаго числа мулатовъ, происшедшихъ отъ негровъ и португальцевъ или другихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ сюда торговать

Постепенно однако три вышеупомянутыя расы начали смѣшиваться все больше и больше, и въ настоящее время это смѣшеніе дошло до такой сильной степени, что на нѣкоторыхъ островахъ даже трудно опредѣлить, къ какой расѣ принадлежатъ ихъ жители. Дѣйствительно, первыя три расы: бѣлая, черная и мулатская, сдѣлались основателями другихъ неизвѣстныхъ расъ, потому что мулатская раса, такъ сказать

добавочная, стала смѣшиваться съ бѣлою и черною. Дѣти, происшедшія отъ этого смѣшенія, подходили ближе или къ бѣлымъ португальцамъ, или къ чернымъ гвинейцамъ, представляя такимъ образомъ отъ мулатовъ восходящую и нисходящую ступень. Эти послѣднія сдѣлались въ свое время опять основателями новыхъ, еще болѣе смѣшанныхъ, расъ, потому что, вступая въ сношеніе уже съ мулатами, черными и бѣлыми, дѣти ихъ стали болѣе подходить къ той или другой расѣ, и такимъ образомъ представляли слѣдующія восходящія и нисходящія отъ мулатовъ ступени. Смѣшиваясь постепенно все больше и больше, жители острововъ Зеленаго Мыса создали самые разнообразнѣйшіе и удивительнѣйшіе типы, изъ которыхъ—одинъ подходитъ больше къ европейскому, другой, напротивъ,—имѣетъ сильное притязаніе назваться африканскимъ, третій —мулатскимъ, четвертый наконецъ колеблется между всѣми вышеупомянутыми типами, не дѣлая однако ни къ одному изъ нихъ особеннаго перевѣса, и т. д. Такъ напримѣръ, встрѣчаются въ настоящее время на нѣкоторыхъ островахъ [1]) жители съ европейскими, пріятными чертами, но между тѣмъ имѣющіе бронзовый цвѣтъ кожи и курчавые волосы; на другихъ же—встрѣчаются какіе-то выродки, не помнящіе совершенно отъ какой расы они происходятъ, потому что, начиная съ головы, видна на нихъ печать самыхъ разнородныхъ расъ.

Впрочемъ, внутри острова Сантъ-Яго сохранился у жителей въ большей или меньшей степени африканскій типъ, какъ видно передающійся въ крови гвинейскихъ жителей; но это произошло, по всей вѣроятности, отъ ихъ изолированности и малаго сношенія съ бѣлыми, которые, останавливаясь въ портахъ, рѣдко заходятъ во внутренность острововъ.

Первые португальскіе поселенцы прежде всего заняли приморскія мѣста, около болѣе или менѣе удобныхъ бухтъ и заливовъ, заложили города и завели торговлю съ проходящими купеческими судами, снабжая ихъ мясомъ, зеленью и даже живностью. Переходя постепенно съ одного острова на другой, они все-таки выбирали приморскія мѣста, такъ какъ внутрь острововъ, видя ихъ безплодіе, они пуститься не рѣшались, опасаясь погибнуть тамъ отъ голода и жажды. Но въ началѣ XVIII столѣтія частые набѣги испанскихъ пиратовъ произвели въ заселеніи острововъ неожиданный, но благодѣтельный переворотъ. Эти ужасные изверги, не вѣрующіе въ Бога, безжалостные убійцы и свирѣпые грабители навели на поселенцевъ такой ужасъ, что большая часть португальскихъ семействъ возвратилась на родину, оставя дома, скотъ и не-

---

[1]) На «Навѣтренныхъ островахъ» и островѣ Брава.

вольниковъ на разграбленіе жестокимъ пиратамъ. Оставленные невольники, желая избѣжать ужасной участи, которая ждала ихъ во власти свирѣпыхъ испанскихъ разбойниковъ, покинули въ большомъ числѣ всѣ приморскіе зарождавшіеся города и села и бѣжали во внутрь острововъ, гдѣ и скрылись отъ грабителей въ неприступныхъ горахъ. Живя здѣсь на свободѣ и видя, что пираты прекратили свои опустошительные набѣги, они разбрелись по островамъ въ разныя стороны, выбрали самыя плодороднѣйшія долины, стали обработывать землю и заниматься посѣвами. Такимъ образомъ образовались внутри острововъ небольшія села и деревни, но отстоящія другъ отъ друга на такомъ большомъ разстояніи, что, благодаря трудностямъ сообщенія, они не могли имѣть между собою и приморскими городами, которые опять начали уже заселяться новыми переселенцами, полнаго сообщенія, и жители отдѣльныхъ деревень первое время должны были довольствоваться только обществомъ своихъ родныхъ и односельцевъ. Впослѣдствіи однако ближайшія къ городамъ села и деревни завели съ ними небольшую торговлю, присылая, нѣсколько разъ въ году, на ихъ рынки разные сельскіе продукты и пріобрѣтая въ замѣнъ ихъ необходимыя для себя и своего хозяйства вещи.

Уединенность отъ зарождавшихся городовъ и португальцевъ и удаленіе отъ свѣта, уже приближавшагося къ цивилизаціи, имѣло сильное вліяніе на характеръ и нравственность поселянъ; вслѣдствіе это они весьма недовѣрчивы, нелюдимы, мало сообщительны, ужасно безпечны и лѣнивы; сѣютъ большею частью только то, что необходимо имъ, чтобы не умереть съ голоду, потому что они не имѣютъ достаточныхъ средствъ пересылать свои продукты, по причинѣ допотопныхъ сообщеній, въ приморскіе города; не заботятся о будущемъ и не желаютъ увеличивать своего благосостоянія необходимою дѣятельностью. Только ближе къ городамъ поселяне довольно трудолюбивы, и вотъ они-то и вывозятъ свои продукты на городскіе рынки. При всемъ томъ поселяне вообще кротки, переимчивы, подчиняются законамъ, если они только не обременительны, и однимъ словомъ безъ пороковъ, но также и безъ особенныхъ добродѣтелей.

Приморскіе жители болѣе цивилизованы, трудолюбивѣе, но, къ сожалѣнію, и развращеннѣе, потому что они имѣютъ постоянныя сношенія съ ссыльными и матросами проходящихъ судовъ, которые учатъ ихъ пьянствовать, играть въ карты и кости, распространяютъ среди ихъ заразительныя болѣзни и вообще портятъ ихъ нравственность до чрезвычайной степени, однимъ словомъ, цивилизуютъ ихъ, но цивилизуютъ по-своему. Развратъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно посѣщаемыхъ боль-

шимъ числомъ купеческихъ и военныхъ судовъ, доходитъ до такой отвратительной степени, что замужнія женщины и даже дѣвушки безъ особеннаго смущенія продаются матросамъ посѣщающихъ судовъ; только не извѣстно, дѣлаютъ ли онѣ это съ вѣдома или безъ вѣдома своихъ мужей и родственниковъ....

Жители городовъ и портовъ состоятъ главнымъ образомъ изъ иностранныхъ купцовъ и негоціантовъ, португальцевъ, цвѣтныхъ туземцевъ и, наконецъ, изъ ссыльныхъ, часть которыхъ несетъ на себѣ обязанности военной стражи, и только нѣкоторые изъ нихъ находятся подъ строгимъ надзоромъ португальскихъ властей.

Большая часть ссыльныхъ живетъ совершенно свободно, не имѣетъ никакихъ занятій и не желаетъ ихъ найти, вслѣдствіе чего они служатъ заразою всего населенія; побуждаемые дурными наклонностями, они большею частью, пользуясь своею свободою, уходятъ изъ городовъ въ отдаленныя мѣста, гдѣ занимаются грабежами, воровствомъ и тому подобными промыслами. Они вносятъ развратъ и безпорядокъ даже въ села и деревни, лежащія внутри острововъ, и вообще гибельно дѣйствуютъ на низшее сословіе, сильно подвергающееся ихъ вліянію. .

Обыкновенною пищею массы населенія служатъ: кислое козье молоко, отчасти козье мясо, маисъ, бобы и тыква. Маисъ ѣдятъ въ приправѣ къ жареному мясу или варятъ его въ кисломъ молокѣ, или же, наконецъ, пекутъ изъ маисовой муки небольшіе плоскіе пирожки, носящіе туземное названіе — ботангасъ (botangas). Турецкіе бобы и тыкву ѣдятъ преимущественно съ кислымъ молокомъ, и это кушанье считается у туземцевъ самымъ любимымъ и вкуснымъ. Какъ и всѣ африканцы, жители острововъ Зеленаго Мыса любятъ опьяняющіе напитки, и можно съ увѣренностью сказать, что сладкая водка, приготовляемая изъ сахарнаго тростника, единственно побуждаетъ ихъ разводить и заботиться объ этомъ растеніи.... Обыкновенная одежда мужчинъ состоитъ изъ рубашки и штановъ, сшитыхъ изъ грубой бумажной бѣлой ткани съ синими полосками, и изъ соломенной шляпы собственнаго приготовленія. Какъ видно, эта одежда самая тропическая, легкая и недорогая; впрочемъ, болѣе зажиточный классъ поселянъ и низшее городское сословіе носятъ еще сверхъ рубашки бумажной или полотняной ткани, синій жилетъ, украшенный большею частью блестящими металлическими пуговицами. Женская одежда состоитъ изъ рубашки съ манжетами, узкихъ панталонъ изъ полосатой ткани и, наконецъ, той же матеріи юбки съ поясомъ. Голову свою женщины покрываютъ ярко-красною, желтою или какою нибудь пестрою длинною косынкою, носящею мѣстное названіе

игуаладо (igualado) и расположенною въ видѣ тюрбана съ необыкновеннымъ вкусомъ и кокетствомъ; уши, шею и руки онѣ украшаютъ кораллами и стеклянными вещицами, а болѣе зажиточныя носятъ, кромѣ того, на пальцахъ бронзовыя, серебряныя и даже золотыя кольца. Ко всему этому прибавьте еще большія шали, которыя носятъ онѣ черезъ плечо, закрывая такимъ образомъ только одну сторону груди, оставляя другую едва прикрытою тонкою рубашкою. Въ деревняхъ и селахъ, расположенныхъ внутри острововъ, мужчины и женщины, всѣ безъ исключенія, ходятъ съ босыми ногами.

Сельскіе жители острововъ, какъ и всѣ обитатели тропиковъ, чрезвычайно любятъ празднества, которымъ предаются съ необыкновенною страстью и при всякомъ удобномъ случаѣ; праздность развита у нихъ до необычайной степени; они готовы на каждый случай въ жизни сочинить празднества: женится ли кто или выходитъ замужъ—устроиваются празднества на всю деревню; выздоровѣлъ ли кто нибудь, умеръ ли, родился и т. д.—вся деревня опять празднуетъ, и такимъ образомъ ихъ празднествамъ нѣтъ конца, и больше дней въ году проводятъ они въ пляскахъ и обжорствѣ, нежели за своею работою. Если нѣтъ причины, чтобы можно было предаться какимъ нибудь празднествамъ, то они ихъ выдумываютъ, и рѣдкій праздникъ они не растягиваютъ на нѣсколько дней. Вообще, какъ видно, они хотятъ обмануть самихъ себя: ни съ того, ни съ сего неловко же сидѣть имъ безъ дѣла и ни идти на работу, вотъ и выдумываютъ веселія, на которыя обыкновенно приглашаются всѣ жители той деревни или села, въ которомъ устраивается какое нибудь празднество. Разумѣется, никто отъ приглашеній не отказывается, потому что представляется удобный случай не идти на работу, попить, поѣсть и даже потанцовать. Танцы ихъ отличаются необыкновеннымъ сладострастіемъ: движенія ихъ медленны, какъ-то вялы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающія, глаза горятъ страстью и дѣлаются во время танцевъ какими-то влажными, полузакрытыми и какъ бы утомленными. Особенно женщины танцуютъ съ необыкновенною граціею, нѣгою и въ то же время съ сладострастными движеніями, которыя считаются совершенно приличными и необходимыми движеніями въ танцахъ даже для молодыхъ дѣвушекъ. Этой страсти и медленности движеній въ танцахъ много способствуетъ тропическая, возбуждающая необыкновенную нѣгу, жара.

Хотя всѣ жители христіане, но нѣкоторые ихъ обычаи имѣютъ какой-то варварскій, полудикій характеръ, ясно показывающій, что христіанство не привилось еще къ нимъ какъ слѣдуетъ и ихъ религія

имѣетъ что-то среднее между древними языческими и христіанскими обрядами. Это особенно замѣтно въ жителяхъ, живущихъ во внутренности островов, которые, по видимому, сильно придерживаются своихъ прежнихъ варварскихъ обычаевъ. Такъ, напримѣръ, на островѣ Сантъ-Яго свадебный обрядъ имѣетъ слѣдующій дикій характеръ: женихъ съ приглашенными гостями отправляется къ невѣстѣ, которая уже ждетъ его, окруженная подругами, въ хижинѣ своихъ родителей, и, оставя гостей у дверей, входитъ самъ въ комнату своей возлюбленной и ударами кулака разгоняетъ ея подругъ, которыя притворно защищаютъ невѣсту, но послѣ слабаго сопротивленія разбѣгаются и оставляютъ ее наединѣ съ женихомъ. Пробывъ съ невѣстою нѣсколько времени, женихъ, если онъ только нашелъ свою будущую подругу жизни въ полномъ цѣломудріи, отворяетъ окно и выстрѣломъ изъ ружья извѣщаетъ о томъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Сигналъ этотъ обыкновенно сопровождается радостными криками, и жениха съ невѣстою торжественно ведутъ въ церковь. Послѣ обыкновенного католическаго обряда вѣнчанія новобрачные устраиваютъ праздники, продолжающіеся нерѣдко нѣсколько дней сряду и на которыхъ приглашенные гости напиваются и наѣдаются до отвалу.

Впрочемъ, этотъ варварскій обычай удостовѣряться, почти публично, въ цѣломудріи невѣсты до супружества совершенно неизвѣстенъ на другихъ островахъ, и даже въ настоящее время начинаетъ понемногу выводиться и на Сантъ-Яго, потому что цивилизація проникаетъ годъ отъ году все дальше и дальше, и понемногу беретъ верхъ надъ этими дикими обрядами. Еще болѣе интересны своеобразныя похороны, которыя въ употребленіи почти на всѣхъ островахъ и представляютъ собою остатокъ древнихъ языческихъ похоронъ, перемѣшанныхъ съ христіанскими погребальными обрядами. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: умершаго, съ перваго же дня его смерти, начинаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней подрядъ носить, по три раза въ день, изъ дома въ церковь и обратно; въ церкви всѣ приглашенные и родные проводятъ время въ молитвѣ, въ оплакиваніи покойнаго и въ кропленіи тѣла святою водою; дома же, когда покойникъ стоитъ у себя, гости, изнуренные продолжительною молитвою и притворными слезами, съ жадностью набрасываются на приготовленныя явства и питье, и уничтожаютъ все съ удивительною прожорливостью. Кромѣ этихъ переносокъ умершаго изъ дому въ церковь и обратно, въ день его смерти всѣ родные и знакомые собираются, ровно въ полночь къ закрытымъ дверямъ церкви и хоромъ

поютъ различныя религіозныя пѣсни, которыя служатъ какъ бы проводами души умершаго въ другой, нетлѣнный міръ.

По исполненіи всѣхъ вышеупомянутыхъ церемоній, покойника, уже почти разложившагося отъ жары, погребаютъ съ обыкновенными католическими обрядами.

Вдова должна послѣ смерти своего мужа плакать и горевать или хоть показывать видъ, что плачетъ и горюетъ, въ продолженіе одного мѣсяца. Это время она проводитъ въ истинныхъ или притворныхъ слезахъ, покрываетъ голову черною тканью и сидитъ на кровати съ скрещенными ногами. Ежедневно посѣщаютъ ее знакомые и родные, утѣшаютъ, кто какъ можетъ, и сѣтуютъ, большею частью притворно, о ея жалкой участи. Вдова, между тѣмъ, должна сидѣть въ полномъ молчаніи и, какъ бы убитая горемъ, не отвѣчать на утѣшенія своихъ родныхъ, но только плакать и плакать....

Всѣ эти обычаи точнѣе всего сохраняются у внутреннихъ обитателей островов; въ портахъ же и приморскихъ городахъ они искореняются, такъ какъ цивилизація коснулась ихъ гораздо больше, чѣмъ внутреннихъ мѣстъ. Это замѣтно во всемъ: въ образованіи, постройкахъ, языкѣ, въ нравственности, одеждѣ и т. д.

Высшее городское сословіе большею частью слѣдуетъ европейской модѣ: правительственные чиновники ходятъ во фракахъ, обшитыхъ галунами, и цилиндрахъ; негоціанты и купцы въ пиджакахъ и сюртукахъ самаго моднаго покроя, въ шляпахъ всѣхъ фасоновъ и въ широкихъ модныхъ лѣтнихъ брюкахъ; жены иностранныхъ купцовъ одѣваются по послѣдней парижской модѣ, съ необыкновенною щеголеватостью и роскошью, между тѣмъ какъ жены португальскихъ властей и вообще живущихъ здѣсь португальцевъ носятъ свои дорогія платья съ какою-то небрежностью и даже безпорядочно, и часто вмѣсто шляпокъ покрываютъ голову iguালado.

Внутренняя жизнь иностранныхъ купцовъ и негоціантовъ ни чѣмъ не отличается отъ европейской: мебель у нихъ самая модная и изящная; вся обстановка самая аристократическая и европейская; пища, соотвѣтствующая климату, легкая и освѣжающая.

Что же касается до домашней жизни португальцевъ, то о ней даетъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія госпожа Боудвичъ (Bowdiche), прожившая нѣсколько времени въ семействѣ одного самаго богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго представителя португальской власти на островахъ Зеленаго Мыса.

«Человѣкъ этотъ, пишетъ она въ своихъ запискахъ одинъ изъ са-

мыхъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ во всемъ архипелагѣ; онъ владѣетъ богатыми помѣстьями, разбросанными чуть ли не по всѣмъ островамъ, имѣетъ множество невольниковъ и ведетъ значительную торговлю».

Описавъ свой пріѣздъ, г-жа Боудвичъ продолжаетъ:

«По толпѣ черныхъ, ворвавшихся въ нашу комнату, и по шуму, поднимаемому этими неугомонными людьми, мы сочли себя уже въ Африкѣ. Въ три часа позвали насъ обѣдать; выходя изъ комнаты, мы были грубо остановлены приставленнымъ къ нашимъ дверямъ часовымъ, одѣтымъ въ рубище, босоногимъ и при всемъ томъ вооруженнымъ старымъ изломаннымъ кортикомъ. Я была поражена его видомъ, а болѣе—дерзкимъ обращеніемъ; но онъ не обратилъ на это рѣшительно никакого вниманія и, не говоря ни слова, пригласилъ насъ движеніемъ руки слѣдовать за нимъ. Пройдя рядъ домашнихъ построекъ и хижинъ невольниковъ, вонь которыхъ свидѣтельствовала объ ихъ неопрятности, мы подошли къ грязной лѣстницѣ, по которой поднялись въ залу, гдѣ и были представлены семейству губернатора. Оно состояло изъ жены, дѣтей и двухъ племянницъ; домашній костюмъ ихъ совершенно согласовался съ климатомъ и состоялъ изъ самой легкой, но дорогой ткани; при всемъ томъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лентъ и крючковъ причинялъ въ ихъ костюмахъ явный безпорядокъ, изъ за котораго можно было любоваться лишними прелестями и частями одежды, которыя, по настоящему, должны бы быть по возможности скрыты отъ постороннихъ и особенно мужскихъ глазъ . . . .

«Когда собрались всѣ приглашенные къ обѣду, то составилось довольно большое общество, болѣе двадцати человѣкъ. Сѣли обѣдать, подали громадныя миски съ супомъ, не меньшихъ размѣровъ блюда съ пирамидами вареннаго мяса; за ними слѣдовали блюда, также почтенной величины, съ такимъ же количествомъ жаркаго; наконецъ поставили сюда же на столъ различную зелень, фрукты и т. д., однимъ словомъ, совершенно загромоздили столъ съ одного конца до другаго. Всего было вдоволь, даже слишкомъ много для такого числа обѣдающихъ; я полагала, что половина поданнаго останется несъѣденною, но ошиблась: къ концу обѣда всѣ миски и блюда оказались до того опустошенными, что изъ остатковъ нельзя было бы накормить даже маленькую собаку.

«Нужно замѣтить, что подаваемыя кушанья были всегда аттакуемы множествомъ мухъ, мошекъ и другими какими-то воздушными, отвратительными насѣкомыми, которыя, во все время обѣда, съ ужаснѣйшимъ азартомъ оспаривали у насъ каждый кусокъ. Чтобы избавиться отъ этихъ надоѣдливыхъ и непрошенныхъ гостей, стоящіе позади стульевъ

слуги обмахивали столъ искусно приспособленною и растянутою вокругъ стола легкою тканью, которая производила надъ нимъ пріятное и прохладное движеніе воздуха; но какъ только они прекращали это движеніе хоть бы на минуту, столъ и всѣ поданныя кушанья мгновенно покрывались несмѣтнымъ количествомъ смѣлыхъ насѣкомыхъ, которыя своею прожорливостью, казалось, не уступали сидящимъ за столомъ.

«Безпорядокъ приборовъ, шумъ отъ тысячи вопросовъ, задаваемыхъ въ одно время, громогласные на нихъ отвѣты — все это напоминало мнѣ обѣдъ въ самой дрянной французской гостинницѣ. Обѣдъ былъ чрезвычайно обиленъ, точно также какъ и завтракъ, и я полагала, что на этотъ день достаточно всѣ наѣлись, а потому можно быть совершенно спокойною, такъ какъ гостепріимные хозяева были постоянно мною недовольны, что я мало ѣмъ; но вдругъ, къ своему ужасу, узнаю, что вечеромъ будетъ еще ужинъ, нисколько не уступающій по своему изобилію завтраку и обѣду. Я не могла опомниться отъ этого извѣстія; моему удивленію не было конца, когда узнала еще, что подобные завтраки, обѣды и ужины, не считая утренняго и послѣобѣденнаго кофе или чая, происходятъ ежедневно; я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ всѣ эти мужчины и дамы, не смотря на температуру, доходящую до 80° и 90° Фаренгейта (21° и 26° Р.), пожираютъ такое громадное количество животной пищи!

«Такимъ образомъ я не могу пожаловаться на негостепріимство Мануэля Мартинса (имя губернатора), и я увѣрена, что онъ не измѣнилъ бы къ намъ своей благосклонности, если бы я прожила даже у него еще нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ; напротивъ, онъ всегда очень сердился, что мы отказывались отъ участія въ другихъ, кромѣ завтрака и обѣда, угощеніяхъ.

«За общій столъ дѣтей никогда ни садили; для нихъ былъ накрытъ другой, поменьше, около котораго суетилось постоянно не менѣе гостепріимная жена губернатора и заботливо угощала своихъ дѣтей и ихъ гостей—сверстниковъ.

Дѣти, по видимому, ничѣмъ не занимались и все время проводили въ праздности и глупыхъ шалостяхъ. Впрочемъ былъ у губернатора выписанъ изъ Лиссабона—учитель музыки, которому поручено было обучить дѣтей тому, что онъ самъ знаетъ; но знанія его были весьма ограниченны и онъ совершенно не понималъ какъ взяться за дѣло и чему учить порученныхъ ему бездарныхъ, какъ и онъ самъ, дѣтей. Весь его урокъ музыки заключался именно въ томъ, что онъ по вечерамъ садился за піанино и провѣрялъ свои знанія, играя какую нибудь сонату самаго

жалкаго произведенія, при шумныхъ разговорахъ и крикѣ окружающихъ дѣтей, которымъ нисколько, по видимому, не запрещалось, во время игры своего учителя, пѣть, играть, визжать, прыгать и производить вообще невыносимый хаосъ, среди котораго едва-едва слышались разбитые звуки жалкой сонаты».

Картина, нарисованная госпожею Боувичъ, какъ видно, не совсѣмъ-то красива, но по всей вѣроятности она нисколько не удаляется отъ истины, потому что, судя по общественной жизни португальцевъ, внутренняя, т. е. домашная, ихъ жизнь не можетъ быть лучше. Оканчивая эту главу, скажу нѣсколько сковъ о мѣстномъ, такъ называемомъ, креольскомъ языкѣ (lingue creoula), образовавшемся изъ смѣси африканскихъ и древнихъ португалскихъ словъ. Онъ очень не гармониченъ, не имѣетъ опредѣленныхъ правилъ, отчего на разныхъ островахъ совершенно различенъ, потому что произношеніе словъ, ихъ склоненіе и спряженіе совершенно зависитъ отъ говорящаго.

Большая часть жителей приморскихъ городовъ понимаетъ по португальски, но говорить на этомъ языкѣ не умѣстъ, и всюду слышится только коверканный и исковерканный тысячи разъ креольскій языкъ. Этимъ языкомъ говорятъ даже переселившіеся сюда уже въ послѣднее время португальцы, подчасъ забывая свой родной португальскій языкъ. Особенно дѣти ихъ, окруженныя постоянно прислугою, говорящею только на креольскомъ языкѣ, легче всего забываютъ родной языкъ и говорятъ исключительно по креольски.

Вообще этотъ языкъ во всеобщемъ употребленіи, и рѣдко кто не говоритъ на немъ или хоть не понимаетъ его. Всякій иностранецъ, пріѣхавшій на острова, считаетъ своею непремѣнною обязанностью ему выучиться, потому что безъ него онъ не можетъ завести торговли, не можетъ ничего купить, нанять туземной прислуги и даже имѣть сношеніе съ низшими португальскими властями, потому что большая ихъ часть, выбранная изъ мѣстныхъ жителей, не знаетъ другого языка, кромѣ креольскаго.

ГЛАВА XI.

Промышленность. — Торговля — Пути сообщенія. — Военная сила. — Народное просвѣщеніе. — Религія. — Духовенство.

Главная промышленность жителей острововъ Зеленаго Мыса заключается въ вывариваньи соли, въ пригововленіи глиняной посуды, мыла [1]), разныхъ матерій [2]) и тканей, въ выдѣкѣ кожъ [3]), въ сборѣ ягеля и рыболовствѣ; но все это, вслѣдствіе господствующей лѣни, выварывается, приготовляется, выдѣлывается, сбирается и ловится въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что почти все расходуется мѣстными же жителями, а потому внѣшняя вывозная торговля развивается очень слабо.

На островахъ чувствуется сильный недостатокъ въ разнаго рода мастеровыхъ и работниковъ, какъ-то: въ плотникахъ, каменщикахъ, кузнецахъ, конопатчикахъ, портныхъ, сапожникахъ и т. д. Существующее же въ настоящее время небольшое число мастеровыхъ и рабочихъ состоитъ большею частью изъ ссыльныхъ и невольниковъ; послѣдніе обучаются опредѣленному ремеслу на счетъ своихъ хозяевъ, которые позволяютъ имъ, по окончаніи курса ученія, заниматься своимъ дѣломъ сколько угодно, при чемъ часть выручаемыхъ за работу денегъ идетъ въ уплату хозяину за потраченную на своего невольника сумму, а также и на выкупъ.

---

[1]) Мыло приготовляется самаго сквернаго качества; поташу кладется въ него въ громадной пропорціи, что дѣлаетъ его совершенно негоднымъ и чрезвычайно вреднымъ для стирки хорошаго и тонкаго бѣлья.

[2]) Самыя богатыя матеріи имѣютъ слѣдующія названія: Pannos d'obra—изъ льна и бумаги; бываетъ разныхъ цвѣтовъ; Pannos de retro—изъ хлопчатника и шелку, и Colxas—изъ шелка, хлопчатника и льна. Всѣ эти матеріи прядутся на островахъ Фого и Св. Антонія; большая ихъ часть расходуется мѣстными жителями, а остальная—вывозится, точно также какъ небольшое количество разной ткани, во Французскую и Португальскую Гвинею.

[3]) Выдѣлываемая кожа идетъ въ обмѣнъ на необходимыя мѣстнымъ жителямъ вещи и матерьялы для постройки домовъ. Самое большое количество кожъ вывозятъ отсюда американцы, которые въ обмѣнъ ихъ привозятъ сюда лѣсъ, мебель, орудія землѣльческія и другія принадлежности сельскаго хозяйства.

Когда невольникъ выплатитъ всю сумму, то дѣлается совершенно свободнымъ [1]) и можетъ продолжать заниматься своимъ ремесломъ, совершенно не завися отъ своего бывшаго хозяина.

Внутренная торговля острововъ находится въ самомъ жалкомъ видѣ; португальское правительство совершенно не страется чѣмъ нибудь обезпечить своихъ подданныхъ и позволило захватить почти всю, производящуюся въ настоящее время, торговлю иностраннымъ купцамъ, которые, пользуясь удобнымъ случаемъ, обираютъ бѣдныхъ жителей до отвратительной степени, продавая имъ необходимыя вещи за баснословную цѣну и покупая между тѣмъ отъ нихъ ихъ продукты за самую низкую, которая нисколько не вознаграждаетъ даже лѣнивый ихъ трудъ.

Въ портахъ и приморскихъ городахъ лавокъ очень мало, а въ деревняхъ и селахъ о нихъ и помину нѣтъ, поэтому не можетъ быть никакой торговой конкуренціи, и бѣдные жители по неволѣ должны обращаться все къ одному и тому же купцу, который знаетъ свое дѣло и обираетъ бѣдняковъ до возможной степени. Португальское правительство смотритъ на это сквозь пальцы и не думаетъ хоть на сколько нибудь облегчить несчастную участь своихъ подданныхъ.

Соединенные Штаты, Англія и другія болѣе торговыя націи, чѣмъ португальцы, пользуются ихъ безпечностью и ведутъ, помимо ихъ, съ жителями внѣшнюю дѣятельную и въ высшей степени выгодную для себя торговлю. Американскія суда привозятъ сюда: лѣсъ, бѣлье, мебель, одежду и т. д.; англичане—чуть ли не всѣ свои мануфартурныя произведенія, металлическія вещи и каменный уголь, большіе склады котораго находятся на островѣ Св. Винцента и отчасти на Сантъ-Яго. Такимъ образомъ почти вся торговля, какъ внѣшная, такъ и внутренняя, находится въ рукахъ иностранцевъ, и это обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на благосостояніе жителей, находящихся въ совершеннѣйшей зависимости отъ людей, мечтающихъ только о томъ, какъ бы поскорѣе составить на счетъ бѣдныхъ хорошее состояніе и, по возвращеніи на родину, прожить остатокъ своихъ дней въ довольствѣ и благоденствѣ. Внутренняя торговля большею частью ограничивается портами и приморскими городами, селами и деревнями, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабо проникаетъ во внутренность острововъ; успѣшному ея развитію много препятствуютъ неправильные пути сообщенія, находящіеся въ самомъ жалкомъ, первобытномъ состояніи. Большая ихъ часть

---

[1]) Вообще, вслѣдствіе этой и другихъ причинъ, число невольниковъ значительно въ настоящее время уменьшается.

состоитъ или изъ узкихъ, крутыхъ тропинокъ, природныхъ или искусственныхъ, вьющихся по окраинамъ страшныхъ пропастей и расщелинъ скалъ, или же изъ песчаныхъ дорогъ, на которыхъ въ жаркое время года ноги вязнутъ по самое колѣно, а во время зимнихъ дождей онѣ превращаются въ какую-то жидкую массу, по которой нѣтъ никакой возможности проѣхать, а тѣмъ болѣе пройти. По тропинкамъ же могутъ отважиться пройти развѣ только привычные мѣстные жители или же ихъ лошади, которыя, совершенно неподкованныя и никѣмъ не управляемыя, слѣдуютъ по самымъ узкимъ и опаснымъ тропинкамъ съ удивительною твердостью и безстрашіемъ. Интересно смотрѣть, какъ осторожно ступаютъ эти смѣтливыя животныя по самому краю тропинки, съ какимъ удивительнымъ инстинктомъ выбираютъ себѣ самыя надежныя опорныя точки, съ какою смѣлостью, безъ малѣйшей дрожи, поднимаются и спускаются они надъ самыми страшными пропастями, гдѣ и у привычнаго туземца часто дѣлается головокруженіе и онъ безсознательно падаетъ въ глубокую пропасть, на днѣ которой превращается въ кусокъ окровавленнаго мяса. Въ такихъ мѣстахъ даже туземцы довѣряются инстинкту своихъ смѣтливыхъ и безстрашныхъ животныхъ, и тѣ съ честью выходятъ изъ самаго ужаснаго положенія, между тѣмъ какъ малѣйшее управленіе лошадью можетъ повлечь за собою какъ паденіе животнаго, такъ и всадника....

На островѣ Св. Антонія не было даже прежде и тропинокъ, и долгое время возвышенныя его части были почти неприступны: на нихъ взбирались и спускались по веревкамъ, опущеннымъ съ одного уступа на другой. Только въ послѣднее время возвышенная часть Св. Антонія была соединена съ долинами искусственною тропинкою, высѣченною въ скалѣ; но она до того узка, что по ней едва можетъ пройти одинъ только оселъ или лошадь, и если на ней встрѣтятся два осла, то одно изъ животныхъ должно неминуемо погибнуть. Въ избѣженіе этого несчастья, по отправленіи съ какой нибудь одной стороны въ дорогу осла или лошади, тотчасъ же вывѣшивается особый знакъ, видимый на другомъ концѣ тропинки и означающій, что путь уже занятъ, а потому всѣ отправляющіеся съ другой противуположной стороны должны обождать, пока пущенный оселъ не пройдетъ всю дорогу....

Остальные пути сообщенія состоятъ изъ небольшаго числа довольно плохихъ шоссе [1]) и болѣе или менѣе удобныхъ естественныхъ дорогъ...

[1]) Шоссе проложено напримѣръ на островахъ: Фого (отъ внутреннихъ деревень къ морю), Св. Антонія (отъ Санта-Круцъ къ берегу) и Сантъ-Яго (отъ Порто-Прая въ Рибейра Гранде и другія ближайшія мѣстечки).

Острова Зеленаго Мыса составляютъ самую обширную часть, такъ называемой, провинціи Зеленаго Мыса (Provincia de Cabo verde), къ которой причислено также большое число португальскихъ колоній, расположенныхъ на африканскомъ материкѣ, большею частью по теченію рѣкъ, впадающихъ въ Атлантическій океанъ у мыса Рохо (Roho) и противъ архипелага Биссао (Bissagos). Другія колоніи раскинуты на всемъ протяженіи португальскихъ владѣній въ Африкѣ, начиная съ рѣки Гамбіи, отдѣляющей ихъ отъ французскихъ владѣній, и кончая рѣкою Кабба, служащею южною границею континентальной части провинціи Зеленаго Мыса.

Главнымъ городомъ этой провинціи считался до 1780 года Рибейра-Гранде (Ribeira-Grande), расположенный на южномъ берегу острова Сантъ-Яго; въ 1780-же году резиденція генералъ-губернатора была перенесена въ Порто-Прая, гдѣ и находится по настоящее время; но нездоровый климатъ этого города и вообще всего острова Сантъ-Яго принуждаетъ губернатора и всѣхъ высшихъ португальскихъ сановниковъ выѣзжать почти на полгода на сосѣдніе, болѣе здоровые, острова, что, разумѣется, имѣетъ вредное вліяніе на общій ходъ управленія. Чтобы искоренить зло, тѣсно соединенное съ выѣздомъ губернатора изъ своей резиденціи, декретомъ отъ 11 іюля 1838 года, повелѣно было португальскимъ правительствомъ основать на самомъ здоровомъ островѣ архипелага, Св. Винцента, новую столицу и перенести туда генералъ-губернаторскую резиденцію; но это до сихъ поръ не осуществилось и все-таки губернаторъ живетъ полгода въ Порто-Прая, а въ нездоровые мѣсяцы покидаетъ столицу и удаляется вмѣстѣ съ помощниками въ свои помѣстья, расположенныя въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ архипелага, между тѣмъ какъ отъ этого происходитъ большой застой во всемъ управленіи и случаются разные безпорядки, нерекомендующіе португальское правительство, не обращающее вниманіе на переѣзды генералъ-губернатора изъ одного мѣста въ другое, на раздробленіе центральнаго правленія....

Въ административномъ отношеніи весь архипелагъ дѣлится на восемь, такъ называемыхъ, совѣтовъ (conselhos); каждый совѣтъ находится въ вѣдѣніи особыхъ лицъ, поставленныхъ генералъ-губернаторомъ, которыя пользуются на островахъ чрезвычайно обширною властью. Для обсужденія важныхъ вопросовъ и рѣшенія не менѣе важныхъ дѣлъ, собирается, подъ его предсѣдательствомъ, совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ и духовныхъ лицъ; но это собраніе не имѣетъ вліянія на власть губернатора, потому что совершенно отъ него зависитъ принять или не принять какое ни-

будь предложенiе, высказанное членами совѣта, согласиться или не согласиться съ ними на счетъ рѣшенiя какого нибудь дѣла и т. д. Однимъ словомъ, онъ собираетъ совѣтъ не для того, чтобы его члены указывали ему что дѣлать, но только съ цѣлью выслушать ихъ разнорѣчивыя мнѣнiя и разнообразные взгляды на дѣло и вывести изъ нихъ уже собственное мнѣнiе, дать собственное рѣшенiе дѣлу, нисколько не стѣсняясь высказанными мнѣнiями. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ считается полновластнымъ правителемъ всей провинцiи Зеленаго Мыса, и только въ исключительно важныхъ случаяхъ сносится съ лиссабонскимъ правительствомъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ должностныхъ лицъ, имѣется еще на каждомъ островѣ военный комендантъ и сборщикъ податей: первый считается прямымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ учрежденiй и войскъ, расположенныхъ на его островѣ, а второй—заботится о правильномъ и своевременномъ сборѣ съ туземцевъ королевской подати, выплачиваемой большею частью мѣстными продуктами.

Впрочемъ, военные коменданты носятъ это званiе только ради эффекта; а въ сущности оно не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ военныхъ учрежденiй и войскъ на островахъ Зеленаго Мыса очень мало. Оборонительныя же ихъ сооруженiя могутъ имѣть нѣкоторый внушительный видъ развѣ только для сотни какихъ нибудь дикарей, вооруженныхъ стрѣлами и дубинами и въ первый разъ увидѣвшихъ ружья, пушки и каменную постройку, возвышающуюся въ видѣ слабенькихъ фортовъ и батарей, уставленныхъ ржавыми и попортившимися гаубицами, изъ которыхъ не только стрѣлять нельзя, но даже подходить къ нимъ нужно съ нѣкоторою осторожностью, чтобы древнiя орудiя не свалились какъ нибудь съ прогнившихъ станковъ и не отдавили бы случайно ноги. Изъ всѣхъ имѣющихся здѣсь укрѣпленiй особенно замѣчательны (не своимъ грознымъ видомъ или образцовымъ вооруженiемъ, потому что такихъ укрѣпленiй на островахъ Зеленаго Мыса нѣтъ, а просто—своею ветхостью): цитадель въ Рибейра-Гранде, два форта въ Порто-Прая (построены чуть ли не XVII столѣтiи и не видавшiе съ тѣхъ поръ ремонтныхъ работъ) и пять батарей, расположенныхъ вокругъ Порто-Прая и вооруженныхъ орудiями, снятыми съ фрегата Уранiя, затонувшаго въ порто-прайской бухтѣ еще въ 1810 году. Кромѣ того въ Порто-Прая находится артиллерiйскiй паркъ съ тремя или четырьмя самыми древними орудiями, могущими служить развѣ только хорошимъ украшенiемъ музея рѣдкостей и древностей, но никакъ, не на устрашенiе и погибель враговъ отечества. Наконецъ, нѣкоторыя части

острововъ: Сантъ-Яго, Св. Николая, Боависта, Фого и Брава защищены полуразрушенными плохенькими батареями, которыя въ былое время были даже вооружены нѣсколькими орудіями, но въ настоящее время стоятъ пустыми и служатъ безгласными представителями настоящаго португальскаго могущества и величія....

Что же касается до войска, конечно сообразнаго оборонительнымъ сооруженіямъ, то число его едва-едва доходитъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, изъ которыхъ самая наибольшая часть расположена въ Порто-Прая, а меньшая—разбросана по остальнымъ островамъ, гдѣ она исполняетъ полицейскую службу. О вооруженіи этого войска говорить нечего, такъ какъ оно совершенно согласуется съ первобытнымъ вооруженіемъ имѣющихся батарей и фортовъ; а что касается до одежды, то она самая тропическая, легкая и нестѣсняющая движеній бравыхъ солдатъ, большая часть которыхъ могла бы служить интереснѣйшими натурщиками для любаго карикатурнаго журнала.... Остается теперь сказать нѣсколько словъ о народномъ просвѣщеніи и господствующей религіи, а затѣмъ перейти къ частному описанію острововъ всего архипелага, за исключеніемъ четырехъ самыхъ маленькихъ, не заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Народное просвѣщеніе на островахъ Зеленаго Мыса находится и до настоящаго времени все еще въ довольно жалкомъ состояніи, потому что португальское правительство много о немъ не заботилось, чему служитъ доказательствомъ то, что до 1817 года не было здѣсь ни одной школы, хотя португальцы владѣли уже архипелагомъ почти четыре столѣтія. Впрочемъ, въ 1773 году правительство начало подумывать прислать сюда учителей и основать даже училище; но мысль эта осталась почему-то безъ исполненія. Переселившіеся на острова португальскія семейства, желая дать своимъ дѣтямъ хоть нѣкоторое образованіе, начали съ 1794 года посылать ихъ учиться въ Лиссабонъ; но это дѣлали только люди зажиточные, обладающіе большими средствами, между тѣмъ какъ люди побѣднѣе и туземцы оставались до 1817 года во мракѣ невѣжества. Только въ этомъ году открыта была въ Порто-Прая первая школа; но до 1840 года она оставалась единственною во всемъ архипелагѣ; положеніе ея было самое жалкое; не получая отъ правительства никакой поддержки, она кое-какъ тянула свое существованіе. Но съ 1849 года, благодаря неутомимой энергіи и заботѣ нѣсколькихъ болѣе просвѣщенныхъ губернаторовъ, число школъ стало быстро увеличиваться и увеличиваться, и въ настоящее время ихъ уже основано около сорока; но все-таки это число на слишкомъ сто тысячъ жителей очень

ограниченно. Кромѣ того, отпускаемое на нихъ содержаніе [1]) не покрываетъ ихъ издержекъ, а потому учителя этихъ школъ не отличаются особеннымъ знаніемъ своего дѣла, а самыя школы — своимъ благосостояніемъ. . . .

Первыми распространителями христіанской вѣры между привезенными неграми были португальскіе переселенцы, и эти «закоренѣлые язычники», какъ называли ихъ португальцы, открыли имъ удобный случай выказать свою равность къ католической религіи; но негры такъ упорствовали въ старыхъ языческихъ вѣрованіяхъ, что вся ревность первыхъ переселенцевъ къ религіи безслѣдно сокрушалась передъ варварскимъ упрямствомъ, не принося рѣшительно никакихъ плодовъ. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ заселенія острововъ негры начали поддаваться францисканскимъ монахамъ, прибывшимъ изъ Португаліи, и нѣсколько ознакомились съ священнымъ писаніемъ и съ новою, предлагаемою имъ, религіею. Съ этихъ поръ паства и число пастырей стали быстро рости и рости, и уже въ 1532 году король донъ Іоаннъ III задумалъ даже учредить на островахъ Зеленаго Мыса епископство основаніе котораго и было, дѣйствительно, утверждено буллою папы Климента VII.

Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ дѣятельность поставляемыхъ епископовъ была очень ограниченна; живя въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ (Рибейра-Гранде), они заботились больше о своемъ здоровьѣ, чѣмъ о паствѣ, а потому духовное просвѣщеніе жителей было это время въ нѣкоторомъ застоѣ, и хотя всѣ почти туземцы приняли наружно католическую вѣру, но все-таки исподтишка сильно придерживались многихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Чтобы предотвратить это зло, король донъ Іосифъ I просилъ у папы Венедикта XIV позволеніе перенести епископскую каѳедру въ болѣе здоровое мѣсто, выборъ котораго предоставить самому епископу, и даже въ случаѣ надобности переносить ее изъ одного города въ другой, чтобы онъ могъ дѣятельнѣе слѣдить за духовнымъ просвѣщеніемъ всей своей паствы. На все это получено было разрѣшеніе папы, и въ 1754 году епископъ донъ-Педро Джакинто Валенте покинулъ смертоносный Рибейра-Гранде, и съ этого времени всѣ епископы стали переселяться съ одного острова на другой, но жили не по помѣстьямъ своимъ, какъ губернаторы, а въ городахъ, почему результатъ этихъ переѣздовъ былъ совершенно другой. Съ этого времени духовное просвѣщеніе жителей пошло нѣсколько бы-

---

[1]) Португальское правительство выдаетъ ежегодно, съ 1843 года, по 23,000 франковъ.

стрѣе, и до настоящаго времени уже основано на архипелагѣ двадцать восемь приходовъ, изъ которыхъ одиннадцать находятся на островѣ Сантъ-Яго, пять — на Св. Антонія, четыре — на Фого, по два на островахъ: Брава, Боависта и Св. Николая и, наконецъ, по одному на Маіо и Св. Винцента.

Большая часть духовныхъ лицъ въ настоящее время поставлена изъ цвѣтныхъ туземцевъ, и жители имѣютъ къ нимъ больше довѣрія, чѣмъ къ пріѣзжимъ патерамъ и монахамъ; только жаль, что образованіе поставляемыхъ духовныхъ лицъ не соотвѣтствуетъ ихъ положенію во главѣ церкви, и рѣдко кто изъ нихъ знаетъ въ точности всѣ христіанскіе церковные обряды, имѣетъ должное понятіе о всѣхъ христіанскихъ догматахъ, а главное — рѣдко кто изъ нихъ исполняетъ свою службу ревностно и притомъ безкорыстно. Однимъ словомъ, духовенство на островахъ Зеленаго Мыса не соотвѣтствуетъ потребностямъ страны, гдѣ нужны истинные просвѣтители Христовой вѣры, люди умные, ученые, твердые и энергичные, люди, посвятившіе всю свою жизнь одному только Богу и въ сердцахъ которыхъ нѣтъ мѣста корыстолюбію и честолюбію. Только такіе люди могутъ окончательно очистить настоящую религію отъ существующихъ еще языческихъ обрядовъ и обычаевъ, могутъ дать должное направленіе всей паствѣ, мало проникнутой новою религіею, просвѣтить ее, дать должное понятіе о всѣхъ христіанскихъ догматахъ и обрядахъ, о которыхъ большая часть жителей имѣетъ понятіе совершенно превратное и не ясное.

Недостатокъ школъ увеличиваетъ всеобщее невѣжество, а потому сперва необходимо заботиться объ увеличеніи этихъ заведеній и о присылкѣ сюда хорошихъ учителей и патеровъ, могущихъ дать совершенно другой, истинный оборотъ настоящему духовному просвѣщенію всей массы, и тогда только можно будетъ сказать, что «на островахъ Зеленаго Мыса жители исповѣдуютъ католическую религію»; теперь же этого сказать нельзя, потому что жители, вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ и обстоятельствъ, исповѣдуютъ въ настоящее время какую-то смѣшанную религію, не то католическую, не то языческую, но что-то среднее между тою и другою, потому что христіанскіе обряды подчасъ такъ сильно перемѣшиваются съ древними языческими (особенно во внутренностяхъ острововъ), что рѣшительно нельзя разобрать: какой религіи больше придерживаются мѣстные жители, католической или языческой, и которая изъ нихъ взяла у нихъ верхъ.

ГЛАВА XII.

Острова: Сантъ-Яго, Маіо, Фого, Брава, Боависта, Сантъ-Винцента.

Островъ Сантъ-Яго, самый большой и въ то же время самый нездоровый изъ всего архипелага, имѣетъ около 25 миль [1]) въ длину и 22 мили въ самыхъ широкихъ мѣстахъ.

Съ сѣвера на югъ тянется черезъ его середину черная базальтовая горная цѣпь, раздѣляемая пикомъ Св. Антонія, лежащимъ почти въ центрѣ острова и поднимающимся на 4,950 футовъ надъ уровнемъ океана, на двѣ части. Долины острова хорошо обработаны, большею частью очень живописны и отличаются отъ остальныхъ частей острова пріятнымъ освѣжающимъ воздухомъ, роскошною растительностью, массою населенія и благопріятною почвою, орошаемою здѣсь несравненно лучше, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ островахъ архипелага; здѣсь произрастаетъ большое число разновидныхъ деревьевъ, доставляющихъ превосходные плоды; разводятся: виноградъ, кофе, сахарный тростникъ и овощи; сѣется большое количество маиса и проса и, наконецъ, добывается много пальмоваго масла.

Съ начала XVIII столѣтія населеніе Сантъ-Яго постоянно колебалось между 20,000 и 27,000 душъ, то увеличиваясь отъ наплыва новыхъ поселенцевъ, то опять уменьшаясь отъ свирѣпствующихъ страшныхъ заразительныхъ болѣзней, пожиравшихъ большое число жителей, особенно въ несчастные года продолжительныхъ засухъ, какъ напримѣръ съ 1770 по 1773 годъ и съ 1831 по 1833 годъ. Жители группируются большею частью въ главномъ городѣ всего архипелага Порто-Прая и въ приморскихъ деревняхъ и селахъ, дома которыхъ раз-

---

[1]) Повсюду я говорю о морскихъ миляхъ, равныхъ 1¾ версты, или минутѣ меридіана.

бросаны по всѣмъ направленіямъ среди плантацій, расположенныхъ на днѣ самыхъ живописныхъ и плодороднѣйшихъ долинъ, при которыхъ Сантъ-Доминго и Фуентесъ считаются самыми лучшими и населеннѣйшими. Особенно долина Сантъ-Доминго, лежащая почти въ центрѣ острова, поражаетъ своею красотою, совершенно неожиданною, судя по мрачному колориту, преобладающему въ остальныхъ частяхъ острова. Прекрасное селеніе того же имени, состоящее слишкомъ изъ двухъ сотъ домовъ, расположено на днѣ этой живописной долины и окружено высокими зубчатыми стѣнами наслоившейся лавы; черезъ всю долину затѣйливо извивается быстрый ручеекъ, берега котораго покрыты роскошною зеленью, рѣзко отдѣляющеюся отъ окружающихъ черныхъ скалъ. Вообще общая картина долины Сантъ-Доминго чрезвычайно эффектна и производитъ сильное впечатлѣніе на путешественника, пораженнаго раньше голымъ и безплоднымъ наружнымъ видомъ всего архипелага. Это прелестное и уютное мѣстечко можно сравнить съ чудеснѣйшимъ алмазомъ, сокрытымъ отъ жадныхъ взоровъ въ булыжникѣ......

Главный городъ острова и столица всей провинціи Зеленаго Мыса— Порто-Прая—находится въ 14° 54′ сѣв. шир. и 23° 30′7 западной долготы отъ Гринвича и лежитъ по восточную сторону довольно обширной бухты, въ которой проходящія суда могли бы найти отличное убѣжище отъ господствующихъ вѣтровъ; но различныя обстоятельства дѣлаютъ эту прекрасную бухту [1]) весьма неудобною для якорной стойки. Во первыхъ, у береговъ постоянно бушуютъ огромные буруны, затрудняющіе сообщеніе съ городомъ; во вторыхъ, здѣсь свирѣпствуютъ страшныя заразительныя болѣзни и въ третьихъ — чувствуется сильный недостатокъ какъ въ прѣсной водѣ, такъ и въ необходимыхъ для судна свѣжихъ припасахъ, вслѣдствіе чего они здѣсь очень дороги и доставка ихъ чрезвычайно затруднительна.

Порто-Прая расположенъ на возвышенности, къ которой ведетъ отъ пристани крутая, песчаная и чрезвычайно утомительная дорога. Въ эпоху открытія острова ближайшія окрестности города были покрыты деревьями, но ихъ безрасудно уничтожили, что повело за собою почти совершенное безплодіе. Въ настоящее время окрестности эти со стороны моря до того голы и пустынны, что производятъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе; земля сдѣлалась до такой степени непроизводительною, что едва-едва питаетъ самую тощую траву, съ жадностью пожираемую стадами козъ, ословъ и коровъ. Почва, скалы, разбросанныя глыбы

[1]) Глубина бухты измѣняется между 5 и 8 саженями; грунтъ—илъ.

базальта и другіе предметы, на которыхъ останавливается взоръ, ясно показываютъ вулканическое происхожденіе острова; кругомъ какъ-то пусто, уныло и жалко..... Ближе къ городу взоръ развеселяютъ небольшія группы клещевины, въ вѣтвяхъ которыхъ важно возсѣдаютъ, разодѣтые въ яркія перья, зимородки и зорко высматриваютъ въ сухой травѣ свое любимое кушанье—ящерицъ и кузнечиковъ. Усмотрѣвъ добычу, они стремительно налетаютъ на нее и, захвативъ въ крѣпкій клювъ, молча и съ удивительною важностью опять усаживаются на свое мѣсто, уничтожаютъ добытую пищу и снова принимаютъ наблюдательное положеніе......

Самый городъ не представляетъ ничего особеннаго; главная или сѣверозападная его часть группируется вокругъ обширной площади Пелуриньо (Pelourinho), имѣющей видъ параллелограмма, и состоитъ въ весьма незрачныхъ выбѣленныхъ известью, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ тесомъ или черепицею. Улицы этой аристократической части города достаточно широки, хорошо вымощены и содержатся довольно чисто....

Юго-восточная часть города составляетъ демократическій кварталъ и состоитъ изъ чрезвычайно неопрятныхъ, не выбѣленныхъ и построенныхъ изъ грубаго камня домовъ, крытыхъ пальмовыми листьями и только изрѣдко—черепицею; улицы содержатся здѣсь въ отвратительномъ состояніи и, по видимому, предназначаются скорѣе для отдохновенія и прогулокъ грязыхъ свиней и разной домашней птицы, но только не для прохода людей. На каждомъ почти шагу встрѣчаешь здѣсь посреди дороги то развалившуюся свинью, зачастую окруженную своимъ многочисленнымъ грязнымъ семействомъ, поднимающимъ на всю улицу страшный визгъ, то стаю нахохлившихся домашнихъ птицъ, часть которыхъ возсѣдаетъ также съ важностью на особыхъ жердяхъ, выдвинутыхъ изъ подъ крышъ домовъ, и зачастую украшаетъ платье и шляпы неосторожныхъ прохожихъ, слишкомъ приблизившихся къ домамъ, весьма неприличными и непріятными пятнами. Вообще эта часть города находится въ такомъ запущеніи, что кромѣ мѣстнаго жителя рѣдко кто туда и заходитъ.....

Среди города возвышается нѣсколько общественныхъ зданій, какъ-то: гостинницы, церковь, тюрьма, судъ и довольно красивый госпиталь, рядомъ съ которымъ красуется единственная на архипелагѣ мельница, построенная уже очень давно и въ настоящее время стоящая въ бездѣйствіи.

Послѣдніе дома западной части города обращены къ небольшой, но

тѣнистой, долинѣ Общества (varzea del Companhia), черезъ которую протекаетъ извилистый ручеекъ Фонте-Анна (Fonte-Anna); здѣсь растутъ пальмы, бананы, сахарный тростникъ, виноградъ, апельсины, лимонныя, кокосовыя и другія деревья, и въ сложности это мѣсто представляетъ одно изъ лучшихъ и ближайшихъ мѣстъ прогулокъ жителей Порто-Прая. Оно постоянно привлекаетъ къ себѣ большое число гуляющихъ какъ городскихъ жителей, такъ и пріѣзжающихъ моряковъ, которые находятъ здѣсь, въ тѣни разновидныхъ и довольно роскошныхъ деревъ, пріятное убѣжище отъ знойныхъ лучей тропическаго солнца, и ихъ взоры, утомленные грустнымъ и голымъ видомъ всего архипелага, отдыхаютъ здѣсь на извилистомъ ручейкѣ, на его берегахъ, одѣтыхъ въ яркую зелень, и, наконецъ, на небольшихъ дачахъ, окруженныхъ виноградниками, бананами, апельсинными, лимонными и другими деревьями, а также красиво сгруппированными садовыми цвѣтами, что въ общей сложности имѣетъ чрезвычайно привлекательный и веселящій видъ.

Съ противоположной стороны, городъ ограниченъ не менѣе роскошною и привлекательною долиною Бомъ-Кае (Bom-Cae), что придаетъ ему довольно сносный видъ, и можно даже сказать, что это мѣсто одно изъ лучшихъ во всемъ архипелагѣ; но убійственный климатъ острова Сантъ-Яго ставитъ Порто-Прая на ряду съ самыми дрянными городами. Воды въ городѣ очень мало и она проведена изъ окрестныхъ мѣстъ; въ прежнее же время онъ снабжался ею ручейкомъ Фонте-Анна; но его мутная и нездоровая вода принудила городскія власти искать другихъ мѣстъ, могущихъ лучше удовлетворить самой необходимой потребности жителей, и въ настоящее время доставляется въ городъ довольно хорошая вода ручья изъ фермы Монтаджарро (Montagarro), лежащей въ восьми миляхъ отъ Порто-Прая.....

Другихъ городовъ, кромѣ Порто-Прая, на островѣ Сантъ Яго нѣтъ; отъ древней же столицы провинціи Зеленаго Мыса остались однѣ только развалины, лежащія въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку отъ Порто-Прая, на южномъ берегу острова.... Настоящій видъ Рибейра-Гранде очень печаленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно живописенъ; развалины древней обширной крѣпости и роскошнаго когда-то собора придаютъ ему какой-то величественный и гордый видъ. Въ прежнее время городъ велъ значительную торговлю и гордо красовался своими многочисленными и, судя по развалинамъ, довольно сносными зданіями; но въ 1712 г. онъ былъ почти совершенно разрушенъ французами, причемъ большая часть жителей покинула его и поселилась въ другихъ частяхъ острова; этотъ случай нанесъ первый ударъ благосостоянію Рибейра-Гранде и,

не смотря на то, что въ скоромъ времени наступило полнѣйшее спокойствіе, городъ уже не могъ достичь своего прежняго величія. Въ 1780 г. онъ уже пересталъ считаться столицею всей провинціи Зеленаго Мыса и резиденція генералъ-губернатора была перенесена въ только что зародившійся Порто-Прая: — случай этотъ нанесъ послѣдній ударъ злосчастному Рибейра-Гранде и онъ палъ окончательно, палъ и уже не поднялся. Въ настоящее время даже жаль смотрѣть на его уединенныя развалины, состоящія изъ безпорядочно разбросанныхъ грудъ мрамора и обдѣланнаго камня, среди которыхъ гордо возвышается полуразвалившійся соборъ и остатки епископскаго дворца, около которыхъ, по видимому, группировались въ прежнее время самыя лучшія и аристократическія зданія города. Городъ защищался въ былое время цитаделью, построенною въ 1567 году и отъ которой остались однѣ только жалкія развалины; невдалекѣ отъ нихъ раскинулось небольшое селеніе, живой остатокъ древней столицы, въ которомъ, среди прекраснаго тѣнистаго сада, скромно притаился маленькій монастырь капуциновъ-миссіонеровъ, еще хорошо сохранившійся, хотя его основаніе относятъ чуть-ли ни ко времени перваго заселенія островов . . . .

Паденію Рибейра-Гранде много способствовалъ вредный, убійственный его климатъ; въ противномъ случаѣ, онъ, по всей вѣроятности, опять бы поднялся и остался бы во главѣ провинціи. . . .

Островъ Маіо, лежащій всего только на 5 миль восточнѣе Сантъ-Яго, имѣетъ наибольшую длину 14 миль, а ширину 7. Восточная его часть гориста, между тѣмъ какъ остальная поверхность состоитъ изъ солончаковыхъ равнинъ и довольно обширнаго болота, лежащаго позади главнаго центра населенія острова, такъ называемаго, Англійскаго города. На всемъ островѣ нѣтъ ни одного источника или ручейка; его голая, безводная поверхность имѣетъ чрезвычайно жалкій и непривлекательный видъ. Вы не увидите здѣсь подобныхъ плодородныхъ долинъ, которыя встрѣчали на островѣ Сантъ-Яго; не встрѣтите освѣжающихъ и распространяющихъ далеко вокругъ себя плодородіе и жизнь ручейковъ, тихо журчащихъ въ берегахъ, окоймленныхъ роскошною зеленью; не насладитесь живописными мѣстоположеніями; не залюбуетесь уже тою дивною картиною, которая поразила бы васъ при въѣздѣ въ долины Сантъ-Доминго и Фуентесъ, на островѣ Сантъ-Яго. Нѣтъ, вы здѣсь увидите вмѣсто всего этого обширныя солончаковыя равнины, покрытыя тощею и изсохшею, подъ знойными лучами тропическаго солнца, травою, увидите нескончаемое и распространяющее далеко вокругъ себя смертоносные міазмы болото, имѣющее сильное вліяніе на здоровье всего

народонаселенія, такъ какъ оно бываетъ причиною свирѣпствующихъ здѣсь смертоносныхъ лихорадокъ и катаральнаго состоянія жителей. Наконецъ, глаза ваши остановятся на гористой части острова, въ надеждѣ увидѣть тамъ плодородныя долины и свѣтлые ручейки; но ваша надежда не оправдается: и тамъ представляются повсюду глазамъ вашимъ совершенно нагія скалы и возвышенности, совершенно безводныя и жалкія долины.... Такой голый, пустынный видъ островъ имѣетъ почти во все время года; только во время зимнихъ дождей встрѣтите здѣсь небольшія поля, засѣянныя маисомъ и овощами, а также роскошную зелень, появившуюся, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, изъ каждой трещины, изъ каждаго атома почвы; при первыхъ же жарахъ все это изсушается, все пропадаетъ....

Главное богатство острова Maio — соль, вывозимая отсюда ежегодно въ громадномъ количествѣ, и всѣ почти жители занимаются легкимъ добываніемъ этого дешеваго и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимѣйшаго продукта. Лучшая соль добывается въ такъ называемомъ Старомъ Салинѣ (Salina Vehla); но съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе скопленія въ солончакахъ ила, она теряетъ свои превосходныя качества.

Берега острова не изобилуютъ хорошими бухтами; на всемъ протяженіи береговой линіи встрѣчаются всего только два, довольно сносныя якорныя мѣста.

Въ 28 миляхъ къ западу отъ Сантъ-Яго лежитъ островъ Фого, извѣстный до конца шестнадцатаго столѣтія подъ именемъ Св. Филиппа онъ имѣетъ почти совершенно круглую форму; въ центрѣ его возвышается величественный пикъ съ вулканомъ, спокойнымъ въ настоящее время, но иногда пробуждавшимся и могучими движеніями приводившимъ въ сотрясеніе весь островъ. Вся поверхность Фого состоитъ изъ склоновъ этого величественнаго пика, мѣстами прорѣзанныхъ глубокими лощинами, идущими отъ самаго кратера до окружности острова. Вулканическая почва его чрезвычайно плодородна и при первыхъ зимнихъ дождяхъ покрывается необыкновенно роскошною растительностью: зерна всякаго рода, овощи и плоды произрастаютъ здѣсь въ это время въ большомъ количествѣ и лучшей доброты. Въ сухое же время года острова Фого не узнать: вся поверхность его обнажается, все засыхаетъ и принимаетъ самый жалкій и унылый видъ. Причина этой страшной перемѣны гнѣздится въ недостаткѣ воды; число источниковъ здѣсь такъ мало, что они даже не могутъ удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ жителей во время бездождья. Ужасный недостатокъ прѣсной

воды былъ причиною того, что во время страшной трехлѣтней засухи, начавшейся въ 1770 году, убыло здѣсь до 13,000 жителей.

Не смотря, однако, на весьма чувствительный недестатокъ прѣсной воды, все-таки Фого можно отнести къ наиболѣе плодороднымъ островамъ архипелага Зеленаго Мыса, потому что онъ во время зимнихъ дождей съ избыткомъ вознаграждаетъ жителей за всѣ понесенныя бѣдствія и лишенія. Въ хорошие годы отсюда вывозится, по большей части на Майдеру или въ Португалію, болѣе 600 бочекъ маису; кромѣ того, приноситъ жителямъ большой доходъ сборъ ягеля, а также добываніе разныхъ минеральныхъ продуктовъ, какъ-то: сѣры, пемзы, нашатыря и камней для фильтрованія....

Въ трехъ миляхъ на западо-югозападъ (WSW) отъ Фого лежитъ островъ Брава (Brava — дикій); судя по названію, его можно отнести къ самымъ безплоднѣйшимъ и непривлекательнѣйшимъ островамъ; но это будетъ несправедливо, потому что онъ одинъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ и прекраснѣйшихъ островов и по справедливости долженъ былъ бы носить названіе рая всего архипелага. Настоящее же свое названіе онъ получилъ отъ первыхъ поселенцевъ острова Фого по первому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на нихъ своимъ наружнымъ, дѣйствительно дикимъ, видомъ.... Небольшой, гористый, съ безплодными берегами, вѣчно покрытыми густымъ туманомъ, онъ производитъ съ перваго раза самое непріятное впечатлѣніе; но, проникнувъ во внутренность острова, вы будете поражены его удивительнымъ плодородіемъ, прелестными крошечными долинами, здоровостью и свѣжестью окружающей атмосферы.... Островъ Брава можно весьма удачно сравнить съ человѣкомъ, обладающимъ непривлекательною, отталкивающею наружностью, но имѣющимъ за то золотую душу, сердце и умъ: такой человѣкъ съ перваго взгляда оставляетъ непріятное впечатлѣніе; но, поговоривъ съ нимъ, узнавъ его внутреннія качества, вы совершенно забываете его наружное безобразіе.

Стоитъ же только взобраться на одну изъ разбросанныхъ по берегу, довольно значительныхъ возвышенностей, какъ общій видъ острова совершенно измѣняется: вмѣсто поражающей пустоты и безплодія, всюду разстилаются превосходныя плантаціи маніока, кофе и папаія; всюду виднѣются изъ-за роскошной зелени хорошенькія жилища поселянъ; на всемъ окружающемъ видны слѣды общаго благосостоянія, изобилія и довольства....

Главное мѣстечко острова, небольшая деревня (povoacao) Сантъ-Джоо-Баптиста (Sao-Joao-Baptista), расположено на восточномъ берегу,

со стороны Фого, на нѣсколькихъ невысокихъ холмикахъ; оно не имѣетъ видъ сформированнаго городка, но состоитъ изъ прелестныхъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ среди восхитительныхъ садовъ, богатыхъ плантацій и огородовъ. Вблизи этого мѣстечка лежитъ скала, пользующаяся на островахъ Зеленаго Мыса большою извѣстностью: изъ-подъ нея бьетъ превосходный ключъ, вода котораго служитъ предметомъ обширной внутренней торговли. При выходѣ изъ-подъ скалы она имѣетъ кисловатый вкусъ, но черезъ двадцать четыре часа теряетъ свою кислоту и дѣлается пріятною и освѣжающею; кромѣ того, вода эта облегчаетъ пищевареніе и возбуждаетъ аппетитъ.

Боависта лежитъ въ 27 миляхъ къ с.-в. отъ Сантъ-Яго; онъ имѣетъ форму неправильнаго пятиугольника, съ поверхности котораго возвышаются два базальтовые пика; почва его почти такая же, какъ и на островѣ Маіо и столь же способная къ произрастанію хлопчатника и кокосового дерева; жители острова, занимаясь добываніемъ соли, главнаго ихъ богатства, жатвою ягеля, рыболовствомъ и прибрежнымъ плаваніемъ, предаются сельскому хозяйству съ меньшею охотою, чѣмъ жители Маіо; воды здѣсь, какъ вообще на всѣхъ островахъ Зеленаго Мыса, очень мало, а потому преобладающій видъ острова голый и пустынный.

Не вдаваясь въ описаніе другихъ незначительныхъ островoвъ, я остановлюсь только на Св. Винцентѣ. Это голый и пустынный островъ, покрытый рѣдкимъ, низкимъ кустарникомъ; онъ имѣетъ форму неправильнаго параллелограма; отъ запада къ востоку, въ сѣверной и южной оконечностяхъ острова, тянутся двѣ параллельныя на всемъ своемъ протяженіи каменныя гряды, среди которыхъ расположена безплодная, дикая долина, закрытая съ востока и доходящая до моря въ западной части острова, гдѣ низкій, песчаный берегъ образуетъ прекрасную бухту Порто-Гранде, на берегу которой пріютилась столица Сантъ-Винцента.

Бухта эта надежна во всякое время года и считается лучшимъ якорнымъ мѣстомъ не только во всей группѣ островoвъ Зеленаго Мыса, но даже во всѣхъ португальскихъ владѣніяхъ; рейдъ можетъ вмѣстить слишкомъ двѣсти самыхъ большихъ судовъ, которыя находятъ здѣсь надежную и спокойную стоянку. Съ сѣвера бухта защищена отъ вѣтровъ высокими вершинами острова Св. Антонія, а съ остальныхъ сторонъ — своими берегами и возвышенностями. Порто-Гранде своимъ положеніемъ и здоровымъ климатомъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе; ни одно судно не пройдетъ мимо островoвъ Зеленаго Мыса и уже непремѣнно зайдетъ въ Порто-Гранде, и это частое посѣщеніе рейда большимъ числомъ иностранныхъ судовъ имѣетъ по видимому хорошее

вліяніе на городъ, который понемногу, но все-таки пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе благообразный видъ, и, судя, по довольно большому числу вновь строющихся зданій, можно утвердительно сказать, что совремемемъ Порто-Гранде приметъ болѣе европейскій, болѣе изящный видъ. Англичане предпочли безплодныя окрестности этого порта плодороднымъ и болѣе обитаемымъ островамъ архипелага и учредили здѣсь станцію для пароходныхъ линій на мысъ Доброй Надежды и въ Южную Америку; здѣсь находятся громадные склады каменнаго угля, который погружается на суда съ большими удобствами; на берегу, противъ складовъ, устроены пристани, поставлоны краны [1]) и Мортоновъ элингъ [2]) для баржъ; уголь нагружается помощью тачекъ въ вагоны; изъ вагоновъ перегружается въ шаланды [3]), которыя и ведутся буксирнымъ пароходомъ къ тому судну, которое желаетъ нагрузиться углемъ. Такимъ образомъ со стороны судоваго начальства не требуется особенныхъ хлопотъ; написалъ только, сколько требуется угля, какъ уже буксирный пароходъ, кряхтя и пыхтя, тащитъ нагруженныя верхомъ шаланды: только знай вываливать уголь въ угольныя ямы [4]) . . . .

Сантъ-Винцентъ еще дорогъ мореплавателямъ тѣмъ, что на немъ не свирѣпствуютъ болѣзги, свойственныя архипелагу Зеленаго Мыса....

---

[1]) Кранами называются особыя сооруженія, помощью которыхъ поднимаются большія тяжести; они бываютъ паровые и ручные, деревянные и желѣзные, и наконецъ постоянные и пловучіе.

[2]) Элингомъ вообще называется особая паровая машина, помощью которой судно, требующее починки или только осмотра подводной его части, вытаскивается изъ воды по наклонной плоскости и роульсамъ (желѣзные катки, вращающіеся на оси) на берегъ; Мортонъ — собственное имя.

[3]) Шаланды — это плоскодонныя, большею частію желѣзныя суда, перевозящія большія тяжести; носъ и корма ихъ имѣютъ полукруглую форму; это дѣлается съ цѣлью увеличить подъемную ихъ силу.

[4]) Такъ называются на судахъ особыя помѣщенія для угля; они бываютъ непремѣнно желѣзныя, потому что бываютъ случаи, что уголь самовозгорается.

ГЛАВА XIII.

ОТЪ ОСТРОВОВЪ ЗЕЛЕНАГО МЫСА ДО БУЕНОСЪ-АЙРЕСА.

Отплытіе съ островов Зеленаго Мыса.—Разсказъ Архипыча.—Плаваніе въ тропикахъ.—Море.—Жгуны.—Пузырники.—Ихъ наружный видъ и строеніе.—Медузы по Фредоллю.—Штилевая полоса—подготовительница бурь всего земнаго шара.—Шквалы.—Переходъ черезъ экваторъ.—Южное полушаріе.—Нѣтъ штилей!—Измѣненіе погоды.—Южный крестъ.—Чудныя ночи.—Ловля акулы.—Прилипала и лоцмана (рыбы).—Храбрецъ Архипъ.—Ожиданіе берега.—Устье Ріо-де-Ла-Платы.—Рыбы музыканты.—Монтевидео.—Видитъ око, да зубъ неймётъ!—Отъ Монтевидео къ Буеносъ-Айресу, столицѣ Аргентинской республики.—Памперо.—Малая глубина. — Удивительная мягкость грунта. — Бухта Баррагань (Barragan).

Простоявъ недѣлю у негостепріимныхъ и непривлекательныхъ береговъ острова Санъ-Винцентъ, нагрузившись углемъ, свѣжимъ мясомъ и зеленью, тронулись мы, 25 февраля, въ дальнѣйшій путь..... Быстро выбѣжалъ корветъ изъ Порто-Грандской бухты; замелькали мимо насъ непривѣтливые берега лежащихъ по дорогѣ островов и впереди открылся широкій проходъ въ Атлантическій океанъ, въ который и нырнулъ нашъ корветъ, оставляя позади себя безплодные острова Зеленаго Мыса. Не прошло и часу, какъ отъ всей группы осталось на горизонтѣ только черное пятно, которое постепенно свѣтлѣло, свѣтлѣло и наконецъ совершенно скрылось за горизонтомъ.....

Кругомъ насъ безграничный океанъ; береговъ уже не видать, а никто даже и не оглянулся на постепенно скрывавшуюся землю, никто не отдалъ послѣдній привѣтъ грустнымъ островамъ Зеленаго Мыса, потому что они произвели на всѣхъ самое непріятное впечатлѣніе. Всѣ покидали ихъ безъ всякой жалости, ожидая впереди лучшаго и привлекательнѣйшаго.... Прошедшаго для насъ какъ бы не бывало; мы жили

только настоящимъ и будущимъ; первое впрочемъ было очень непріятно, потому что однообразный скрипъ корветскихъ членовъ, завыванье довольно свѣжаго вѣтра, хлопанье снастей и парусовъ, постоянная качка— все это для насъ было не ново; за то будущее сулило намъ много хорошаго, пріятнаго и при всемъ томъ много новаго и интереснаго.....

Быстро бѣжалъ «Аскольдъ», подгоняемый свѣжимъ попутнымъ пассатомъ (NO), плавно вздымался на ровныя, спокойныя и убаюкивающія волны, правильными рядами бѣгущія за корветомъ, который слегка вздрагивалъ отъ ихъ ударовъ и, какъ пришпоренный конь, быстро бросался впередъ. Десятки морскихъ птицъ провожали насъ съ рѣзкими криками; весело кружились онѣ надъ нами, то подымаясь къ поднебесью, то опускаясь внизъ, какъ бы желая отдохнуть на реяхъ нашего корвета; но, какъ-будто чѣмъ-то встревоженныя, быстро бросались вверхъ, оглашая воздухъ какими-то плачевными, жалобными криками.

Наступила ночь; вахтенные матросики сидятъ небольшими группами въ разныхъ концахъ верхней палубы и бесѣдуютъ себѣ о томъ, о семъ, но больше объ оставленныхъ только что мѣстахъ, охаютъ, ахаютъ, удивляются и даже мечтаютъ.......

— Странная, братцы, этта вещь, тихо говоритъ молодцоватый матросикъ, вопросительно поглядывая на близь сидящихъ своихъ товарищей: кажись вѣдь Зеленые острова и не ахти какъ велики, да и не казисты больно, и лѣсу мало, и зелени тожи не видать, а посмотрико-сь какіе фрухты славные продаютъ чумазые арапы—куды нечета нашимъ россейскимъ фрухтамъ; а у насъ вѣдь лѣсамъ и конца нѣтъ, а зелени—такъ сколько хошь.... Не заграничные ли какіе ужъ продаютъ, аль неужто такъ-таки здѣсь они и растутъ?.....

— А ты думалъ, што нѣтъ? перебилъ его извѣстный уже читателямъ Храмцовъ; у насъ-то гдѣ эфтимъ фрухтамъ расти: не на еловыхъ же, аль сосновыхъ иль березовыхъ деревахъ, хотя такихъ лѣсовъ и взаправду много; а тутъ, братецъ ты мой, совсѣмъ другая статья: лѣсъ, смотришь, небольшой, паршивый, кажись, а фрухтовъ-то въ немъ много, потому ужъ дерева все такія въ немъ растутъ, что фрухты одни только даютъ, а не еловыя шишки и жолуди, какъ у насъ. И зачѣмъ этта намъ и фрухты-то, колды всего другаго вдоволь есть—кушай въ сласть, ну, и жизнь вѣдь наша не та, что здѣшняя; у насъ-то повольготнѣе будетъ, потому жары такой нѣтъ, да и землицы-то побольше, да получше... А на Зеленыхъ островахъ ужъ не то: земли нѣтъ, все одинъ песокъ, да камень, ну, и горька жизнь здѣшнему народу; Царь нашъ Небесный, по

добротѣ своей, фрухтовъ-то имъ далъ на то, чтобъ горечь заѣсть чѣмъ было.....

— И то правда, рѣшили въ одинъ голосъ остальные собесѣдники, съ удивленіемъ поглядывая на Храмцова, досконально объяснившаго имъ такую мудреную, повидимому, вещь.

— Жаль, продолжалъ Храмцовъ, что на островѣ не удалось вамъ побывать: все-жъ посмотрѣть его поближе не мѣшало бы.... Я-то вотъ уже который разъ тамъ былъ, такъ надоѣло: больно плохъ островъ-то, да и городъ плохъ, потому кабаковъ мало.

— У тебя все кабаки, да кабаки на умѣ, проговорилъ какъ-то грустно сидящій вблизи унтеръ, что въ кабакахъ-то твоихъ?.... Одная только мерзость, да пакость! Вонъ хоть бы онамнясь ты въ Плимутѣ съѣхалъ на берегъ, такъ какой свиньей назадъ вернулся и больно ужъ не въ деликатномъ видѣ: срамно даже было смотрѣть; а все потому, что кабаковъ тамъ много..... Вотъ что твои разлюбезные кабаки-то дѣлаютъ!.... Эхъ, Храмцовъ, Храмцовъ, водка тебя сгубитъ, повѣрь слову, сгубитъ!

— Что ты, Архипычъ, на водку-то такъ взъѣлся, укоризненно проговорилъ Храмцовъ, што она тебѣ сдѣлала?... Не нравится — не пей, а кому нравится—пусть пьетъ себѣ, да попиваетъ.... Да позволь тебѣ еще сказать, попрекнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, что ты и самъ-то знатнымъ пьяницей былъ, вѣдь помню, вмѣстѣ, кажись, кругомъ свѣта ходили и не разъ тебя тогда на гордешкѣ [1]) на палубу вздымали.

— Былъ, каюсь, что былъ тогда пьяницею, проговорилъ грустно Архипычъ: водку въ былое время больно любилъ, да теперь опротивѣла, окаянная, зарокъ далъ не употреблять ее и вамъ всѣмъ, други сердешные, тоже совѣтую: сгубитъ она, проклятая, право сгубитъ всякаго, кто возлюбитъ ее..... Да что васъ, братцы-товарищи, совѣститься, тихо добавилъ Архипычъ, поднявъ опущенную было на грудь голову, разскажу ужъ я вамъ свою исторію, слушайте только: авось, Богъ дастъ, васъ отъ водки, окаянной, отвращу....

— Разскажите, Архипычъ, мы послушаемъ, проговорили въ одинъ голосъ матросики, ближе подвигаясь къ унтеру.

Храмцовъ сердито приподнялся, отошелъ въ сторону и, облокотившись на бортъ, сталъ какъ будто бы любоваться пробѣгающими мимо

---

[1]) Въ былое время, мертвецки пьяныхъ матросовъ подымали со шлюбки на судно съ помощью веревки (гордешка, какъ ее называютъ), которая подвязывалась кругомъ туловища. Въ настоящее же время ихъ выносятъ на рукахъ.

корвета блестящими волнами, но въ то же время видно было, какъ онъ старался вслушиваться въ разсказъ Архипыча.

— Видно сичасъ, что совѣсть не чиста, зашушукали матросики, искоса поглядывая на удалявшагося Храмцова, чуетъ шельма-кошка, чье мясо съѣла....

— До двадцать втораго года, братцы мои, тихо началъ Архипычъ, водки я и въ ротъ не бралъ: не любилъ я ее, окаянную, потому много добрыхъ людей на глазахъ моихъ она загубила.... Была у меня избенка, была у меня и жена (тяжело вздохнулъ Архипычъ), бойкая славная, красивая баба, были и дѣтки — словомъ, все было.... Жилъ я себѣ, братцы, припѣваючи; ни горе меня не тревожило: казалось, оно и дорогу-то къ избѣ моей забыло, ни горькія думки, ни злые люди. Жилъ я со своей Насташьюшкою душа въ душу: ни я ее, ни она меня попрекнуть ни въ чемъ не могла, даже въ грубомъ словѣ. Все шло до поры до времени хорошо, анъ, подикось, вдругъ и къ намъ горе заглянуло, дорожку, значитъ, отыскало, заглянуло — и съ тѣхъ поръ, точно клещъ, впилось въ меня. Видите ли, пришла очередь въ рекрута идтить; забрили меня, бѣднягу, и поволокли; тяжело было разставаться съ дорогою семьей, тяжело было покинуть молодую жену и малыхъ ребятъ, одинъ Богъ знаетъ, какъ было мнѣ тяжело; но противъ судьбы и приказанья царскаго не пойдешь.... Распростился я и, какъ помѣшанный, отправился за партіей набранныхъ рекрутовъ; ничего я не помнилъ, ничего не видѣлъ: глаза помутились отъ горючихъ слезъ, только знаю, что жену свою я оставилъ въ безпамятствѣ: ужъ плакала она, сердешная, надрывалась, — видно жалко было разстаться съ мужемъ любимымъ (при этомъ Архипычъ какъ-то горько усмѣхнулся).... Какъ попалъ я въ Управу, какъ обрили меня, какъ одѣли въ царскую шинель — не помню, какъ попалъ я въ службу суровую-матросскую — тоже не помню.... Долго горевалъ я, да надрывался, бывало, сидя на нарахъ, много слезъ горючихъ пролилъ: бывало, уткнешься головой въ подушку, да такъ и заливаешься; спасибо только добрымъ товарищамъ — они меня успокоили, пообѣщавъ, что въ деревню скоро опять пойду. Повѣрилъ я сдуру ихнимъ словамъ и стала жисть моя идти веселѣе. Пожилъ я между новыми товарищами и привыкъ къ своей службѣ суровой, уже начальство стало отличать меня, какъ дѣльнаго и хорошаго матроса.... Жилъ я прошлымъ, объ женѣ и дѣтяхъ вспоминалъ кажиный день: одною радостью моею было получить отъ нихъ дорогія вѣсточки.... Прошло два года; вѣсточки отъ жены уже съ годъ какъ не получалъ; ждалъ я еще годъ — все вѣсточки нѣтъ, прождалъ еще годокъ — все ничего, а я, горемыка,

убивался и выдумать никакъ не могъ, что бы тамъ, въ деревнѣ, могло случиться?.... Писалъ я женѣ много разъ — молчитъ все — и шабашъ... Промаялся я такимъ образомъ еще годокъ; пришла къ намъ въ тое время новая партія рекрутовъ, а съ ними, узналъ я, изъ моей деревни и парень пришелъ.... Узналъ я объ эфтомъ самомъ, обрадовался, ну, думаю, полно маяться, узнаю таперь о женѣ своей, и дѣткахъ, и взаправду узналъ (голосъ Архипыча задрожалъ и онъ замолчалъ, понуривъ голову).

— Что-жъ ты, Архипычъ, узналъ? съ любопытствомъ спросили слушатели, видимо интересуясь разсказомъ унтера.

— Узналъ я, товарищи, продолжалъ Архипычъ, горько улыбаясь, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, что жена моя послѣ меня-то ужъ втораго родила, забыла, значитъ, мужа законнаго и съ сосѣднимъ кабатчикомъ шашни завела.... Узналъ я эту вѣсточку, да такъ объ полъ и грохнулся, а что было потомъ и не помню; опомнился я уже въ гошпиталѣ: товарищи говорили, что шесть недѣль въ лютой горячкѣ пролежалъ, да не помню.... Поправился этта я, вспомнилъ о своемъ лютомъ горѣ и затосковалъ; ужъ какъ я кручинился, какъ убивался, братцы мои, одинъ Богъ знаетъ .... Подлизались въ тое время ко мнѣ два товарища, люди гулящіе, пьющіе, да и давай съ пути добраго совращать. «Эхъ, говорятъ, Архипычъ, полно кручиниться, горю слезами, да охами не поможешь; а вотъ выпьемъ, пойдемъ-ка, лучше, право точно рукой сниметъ — все забудешь, парнемъ развеселымъ станешь»! Повѣрилъ я сдуру, да смолоду, ихъ бѣсовскому навожденію, захватилъ съ собой часть сбереженныхъ денжатъ, да и пошелъ съ новыми друзьями въ кабакъ.... Ужъ они поили, поили меня, не забывая разумѣтца и себѣ промачивать горло, и въ концѣ концовъ вернулся я въ казармы пьяный и безъ копѣйки въ карманѣ: всю мошню мою вытрясли други мои застольные. Ужъ не знаю, какъ попалъ я въ тотъ же вечеръ въ карцеръ, вѣроятно въ пьяномъ видѣ набуянилъ; подъ утро протрезвился: выпустили меня, наказавъ на будущее время пьянымъ въ казармы не приходить; совѣстно мнѣ было смотрѣть на товарищей, а на душѣ еще тяжеле стало, еще грустнѣе; тоска точно змѣя подколодная, такъ подъ сердцемъ и сосетъ, а тутъ, какъ лисицы, извиваются застольные мои друзья и горе лютое водкой опять залить приглашаютъ.... Поддался я ихъ дьявольскому навожденію и вторично, а тамъ и пошло катать.... Сталъ я хуже всякой свиньи, опустился ниже всякаго послѣдняго матроса; стали меня наказывать, въ кутузку сажать — ничего не помогало.... Маялись, маялись со мной грѣшнымъ и сослали меня наконецъ вмѣстѣ съ моими друзьями застольными въ арестантскія роты.... Вотъ до чего, братцы мои, довела меня водка

окаянная, зелье дьявольское; вышелъ изъ арестантскихъ -- сталъ я съ горя за границу проситься, горе размыкать; плавалъ я съ годъ, плавалъ и два, а все горя своего размыкать не могъ; какъ вспомню, бывало, о женѣ своей измѣнницѣ, сейчасъ же за чарку принимаюсь и пью, пью до тѣхъ поръ, пока все изъ памяти вышибетъ.... За границей смотрѣли на пьянство не такъ строго, какъ въ Рассеѣ, и потому только вторично въ арестантскихъ ротахъ не побывалъ, да и трудно было тамъ часто напиваться, когда по нѣскольку очередей на берегъ не ѣздилъ; а ужъ на суднѣ напиться ни-ни: не откудова и водки-то достать, да и наказаніе-то за это больно строгое, престрогое кладется....

Пришли мы изъ-за границы; старыхъ матросовъ пустили домой, то есть въ деревню, на побывку. Пошелъ, друзья мои сердешные, и я, и пошелъ этта я больше не ради жены своей измѣнницы, а ради дѣтокъ дорогихъ: хотѣлось ужъ больно на нихъ посмотрѣть.... да что правду таить, долженъ вамъ правду сказать, что и на жену взглянуть сердце просилось— все рѣшилъ при свиданіи забыть и простить, такой ужъ у меня характеръ. Авось, думалось мнѣ, увидитъ она меня и покается....

Путь мой былъ не близокъ, верстъ съ тысячу: гдѣ пѣшечкомъ, гдѣ пристроишься бывало на возку у добраго брата нашего — мужичка, а гдѣ и баринъ проѣзжій подвезетъ. Шелъ я, ѣхалъ ровнешенько двадцать деньковъ; послѣдній мой привалъ былъ въ сосѣднемъ съ моей деревней селѣ Горки; до дому оставалось еще съ верстъ тридцать. Принарядился это я на другой день, нельзя же было въ деревню родную свиньей показаться, и пустился въ дорогу чуть свѣтъ; повѣрьте, братцы мои, шелъ я, а ноги мои такъ ходуномъ и ходили — отъ радости ли, отъ горя ли—не знаю? Въ грудь точно молотомъ кто колотилъ, а въ лицѣ и не знаю что было: горѣло оно ажно въ огнѣ горючемъ, точно сто поплевухъ сичасъ получилъ. Иду этта я себѣ: и радость меня разбираетъ, что дѣтокъ, жену и деревню родную увижу, да въ тожъ время и горе сердце гложетъ.... Къ полдню подошелъ этта я къ горкѣ, не въ моготу было подняться, присѣлъ у дороги; а съ горки-то деревня моя должна была показаться, какъ на ладони; боязно было подняться на нее—все опасался, что отъ деревни моей родной и щепокъ не осталось, а въ тожъ времячко духомъ хочется взбѣжать на нее, да ноженки дрожатъ, не держутъ. Собрался этта я наконецъ съ силою, перекрестился и пошелъ; поднялся на горку, анъ ничего и не вижу: глаза помутились такъ, что въ двухъ шагахъ, кажись бы, коровы не увидалъ ужъ я теръ, теръ ихъ рукавомъ шинели—ничего не помогаетъ, а слезы-то, гости непрошенныя, такъ сами изъ глазъ и лѣзутъ. Успокоился на-

конецъ я маленько, трижды перекрестился, обтеръ рукавомъ послѣднія слезы и глянулъ.... Ахъ, братцы, какъ былъ я въ тое время счастливъ, точно кто на седьмое небо меня поднялъ! Передъ глазами — родная деревня, точь-точь такая же, какъ оставилъ я ее восемь лѣтъ тому назадъ: слѣва—рѣчка, въ которой бывало Настасьюшка бѣлье полоскала, справа—мельница махала своими длинными крыльями.... тѣ же покривившіяся избы, тотъ же плетень; словомъ все тоже, что и было при мнѣ. Не вытерпѣлъ я, припалъ этта къ родной землѣ, которая вспоила, вскормила меня, и трижды крѣпко поцаловалъ ее.... Ахъ, братцы, мнѣ было тогда очень хорошо; сами испытаете, какъ послѣ десятилѣтней службы суровой въ деревню пойдете.... Архипычъ замолчалъ и задумался; слушатели тоже призадумались, Богъ знаетъ о чемъ: можетъ быть и о томъ, что скоро ли и имъ придется испытать такую радость, скоро ли и имъ придется въ деревнѣ родной побывать, и что-то тамъ теперь безъ нихъ дѣлается.

— Эхъ далеко до родной деревни, грустно проговорилъ наконецъ одинъ изъ слушателей, а думушка и туды небось забѣгаетъ—подикось какая прыткая!....

— Что-жъ, Архипычъ, доскажи же исторію-то, послышался голосъ отъ борта. Это Храмцовъ пьяница разчувствовался и исторію просилъ досказать; стоялъ онъ тамъ грустный, угрюмый.

— Извольте, други, извольте, проговорилъ Архипычъ встрепенувшись..... Исторіи моей сичасъ ужъ и конецъ, добавилъ онъ, грустно поглядывая на товарищей, а какой конецъ, вы, братцы, я думаю, и подумать не можете.....

— Сбѣжалъ этта съ горки, откуда и ноги взялись, продолжалъ Архипычъ свою грустную исторію, и вошелъ въ деревню; собаки залаяли, въ ноги начали бросаться: не узнали, значитъ, своего..... Поднялся лай на всю деревню—просто бѣда; хорошо еще, что пора была рабочая, такъ въ деревнѣ окромя стариковъ и малыхъ ребятъ никого не оставалось. Изба моя была съ другова краю, пошелъ я къ ней, а у самого руки и ноги такъ и дрожатъ; смотрю, изба подновлена, нечета прежней, подхожу къ оконцу: окромя двухъ малыхъ ребятъ никого не видать. Вошелъ въ избу, помолился образамъ и сталъ этта я у малыхъ ребятъ выспрашивать: чьи они, да изба чья, да мать гдѣ? Вытаращали на меня ребята глазенки, смотрятъ,—не сморгнутъ, а слова не вымолвятъ, значитъ, малы были еще, не понимали. Сѣлъ этта я на лавку, да призадумался, поглядывая на малыхъ ребятъ, сталъ поджидать не подойдетъ ли кто... Прошло безъ малаго три часа; вдругъ вбѣгаетъ въ избу мальчишка, а

за нимъ и дѣвочка, славная такая, ну, настоящій Настасьюшкинъ портретъ. Вскочилъ этта я съ лавки и къ нимъ, сталъ, какъ бѣшеный, обнимать и цаловать ихъ, а они отъ меня рвутся, визжатъ — не узнали, значитъ, отца своего родного, да и немудрено: мальчишкѣ, какъ я уѣхалъ, всего только два года было, а дѣвчоночкѣ и году еще не минуло — куды имъ отца своего помнить. Успокоилъ я дѣтокъ, сталъ говорить, что я отецъ имъ родной.... гостинцевъ припасенныхъ досталъ, приласкалъ. Успокоились дѣтки, ко мнѣ ласкаться стали; началъ я ихъ выспрашивать о томъ, о семъ, а объ женѣ своей, Настасьюшкѣ, все боюсь слово вымолвить. «Кто эфти малыя ребята?» спрашиваю.—Братцы наши, говоритъ сынъ.—«Ишь-ты,—братцы», а у самаго такъ сердце и замерло.... Подошелъ я къ нимъ и ихъ гостинцами угостилъ, приласкалъ: вѣдь тоже же Настасьюшкины дѣтки были, Богъ съ ними, чѣмъ они-то виноваты.... Наконецъ не вытерпѣлъ и спросилъ у сынка: «А гдѣ Настасьюшка, матка ваша, гдѣ она»?.... а самъ этта я такъ и замеръ, на сынка глаза вытаращилъ и отвѣта ждалъ.... «Матушку на кладбище снесли, проговорилъ всхлипывая сынишко, мертвая, значитъ».... я такъ и грохнулся, точно обухомъ кто меня въ лобъ ударилъ. Не ждалъ я эфтого несчастья, не гадалъ, все-жъ думалъ Настасьюшку въ живыхъ застать, помириться и зажить по старому, анъ вышло не то, какъ-то лихорадочно говорилъ Архипычъ, да, не то, не привелъ Богъ мнѣ ее, мою ненаглядную, увидѣть,—а я какъ любилъ, ей Богу любилъ,—добавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались горькія слезы.

Слушатели грустно переглянулись; видно было, что Архипычъ возбуждалъ всеобщее участіе.

— Пришелъ этта я въ себя, продолжалъ онъ послѣ нѣкотраго молчанія, и пожелалъ узнать послѣднія минуты Настасьюшкины, вспоминала ли обо мнѣ, покаялась ли?.... На ту пору пришла въ избу Настасьюшкина сестра, которая приняла дѣтей послѣ ея смерти на свое попеченіе: добрая была она женщина, все мнѣ разсказала.... И узналъ я, что Настасьюшка съ горя померла, обо мнѣ тоскуючи; узнала этта она, что измѣна ея въ развратъ меня загнала, въ пьянство губительное, узнала она, что за все эфто меня казнили, да наказывали меня, ея мужа, котораго она когда-то сильно любила, пожалѣла она меня, сердешная, опомнилась, ненаглядная, и въ тоску впала. Бросила она любовника, изъ избы его выгнала и только и думала, какъ у мужа прощенье выпросить. Тосковала она, бѣдняжечка, годъ, тосковала и два, письма слезныя мнѣ писала; но я на ту пору въ заграницѣ былъ и вѣсточекъ ея дорогихъ не получалъ; а она, сердешная, еще больше убивалась, все думала, что

я простить ее не хочу. Промаялась она такъ, ненаглядная, еще годокъ и отдала Богу душу, завѣщавъ сестрѣ позаботиться о дѣткахъ и испросить мое прощеніе; слезно желала также она, моя голубушка, чтобъ водки я больше не пилъ. Узналъ я и отъ дѣтокъ, что матка ихъ постоянно имъ говорила обо мнѣ, говорила имъ, что и у нихъ есть батька, да служитъ онъ далече, на службѣ суровой-матрозской, узналъ я все досконально.... И радостно было мнѣ, что Настасьюшка покаялась, и горько было, что она, бѣдняжечка, меня не дождалась.... Ходилъ я на могилку къ ней, потосковалъ, поплакалъ и тамъ же зарокъ далъ водки, зелья окаяннаго, съ той поры и въ ротъ не брать, и всякого, друга и недруга, отъ нея отговаривать.... Вотъ до чего доводитъ водка, братцы, не пейте ее, окаянную, право-слово, еще много людей на своемъ вѣку она загубитъ.... Оставилъ я деревню, оставилъ дѣтокъ всѣхъ на рукахъ доброй женщины, а самъ въ экипажъ вернулся и сталъ въ «безвѣстную» проситься, чтобы горе злое сколько нибудь размыкать....

Архипычъ замолчалъ и грустно понурилъ голову.

— Вотъ послѣ похода ужъ совсѣмъ въ деревню пойдешь, срокъ тебѣ выйдетъ, съ участіемъ проговорилъ одинъ изъ слушателей.

— Дѣтушекъ своихъ опять увидишь, ласково добавилъ другой.

— Ахъ братцы, отвѣтилъ Архипычъ, безнадежно махнувъ рукою, до деревни-то еще подохнуть успѣешь!....

— Не дай, Господи, угрюмо промолвилъ, стоящій у борта Храмцовъ, въ деревню больно хочется идтить....

До самаго разсвѣта шли невеселые матросскіе разговоры; кто вспоминалъ о деревнѣ, кто объ оставленныхъ тамъ родныхъ и близкихъ сердцу, а кто даже о покинутой кудластой Жучкѣ или безхвостомъ Шарикѣ, вѣрныхъ псахъ деревенскихъ.... Ночь вообще, да еще скверная, бурная, постоянно наталкиваетъ матросовъ на подобные разговоры, которые, можно сказать, сообразуются у нихъ съ погодою: хороша она—разговоры идутъ самые пріятные, худая—непремѣнно ужъ заведутъ они о чемъ нибудь жалостливомъ и тяжеломъ. При этомъ матросики откровенничаютъ другъ передъ другомъ на распашку, не стараются скрыть самыхъ сердечныхъ своихъ мыслей, самыхъ важныхъ семейныхъ тайнъ, выскажутъ другъ другу все, что лежитъ у кого на душѣ, и при этомъ нужно сознаться, что несчастный или обиженный судьбою всегда найдетъ участіе въ своихъ товарищахъ, потому что все, что онъ ни разскажетъ, ложится прямо въ ихъ душу, затрогиваетъ самыя сердечныя ихъ стороны. Каждый радъ, далеко отъ родины, послушать что нибудь родное, а надъ роднымъ кто осмѣлится смѣяться, кто осмѣлится не принять въ немъ

участія, когда одинъ Богъ знаетъ, увидятъ ли они опять все то, что вспоминается у нихъ въ веселыхъ или невеселыхъ разсказахъ. Если и явится среди ихъ такой нравственный уродъ, который когда нибудь только подумаетъ потѣшиться надъ своею родиною и роднымъ, то всѣ товарищи оплюютъ его, осмѣютъ, изругаютъ на всякія манеры и уже никогда не вступятъ съ нимъ ни въ какіе разговоры; такимъ образомъ подобный негодяй будетъ очужденъ своими же товарищами, смирится и закается въ другой разъ обидѣть ихъ чѣмъ нибудь подобнымъ.

И дѣйствительно, далеко отъ родины все въ ней кажется въ радужномъ видѣ, точно она вся обклеена новыми сторублевыми кредитками; даже худое и злое принимаетъ подъ такимъ одѣяніемъ пріятный и добрый видъ.... Словомъ, пріятно всѣмъ жить воспоминаніемъ, потому что оно значительно облегчаетъ тяжелую разлуку!....

Дни шли за днями; корветъ, подгоняемый свѣжимъ попутнымъ пассатомъ, несся какъ лебедь, широко распустивъ свои бѣлыя крылья; погода стояла все время прекрасная, при постоянно ясномъ небѣ, дни были пріятно освѣжающіе и веселые!.... Тропическую погоду въ морѣ нельзя сравнивать съ такою же на сушѣ: дѣйствіе высокостоящаго тропическаго солнца, ничѣмъ не ослабляемые лучи котораго разливаютъ надъ землею невыносимый, удушливый жаръ, значительно ослабляются въ морѣ свѣжестью пассата, прохладнымъ вліяніемъ воды и холодомъ испареній. Вообще плаваніе въ предѣлахъ пассатовъ ни съ чѣмъ несравнимо; сѣверо-восточный вѣтеръ съ удивительнымъ постоянствомъ несетъ судно до самой штилевой полосы; случается, что, разъ установивъ паруса, не приходится шевельнуть брасомъ во все время плаванія въ предѣлахъ пассатовъ; небо постоянно ясно, воздухъ чистъ, океанъ спокойно катитъ свои правильныя, убаюкивающія волны. Испанцы прозвали эту часть Атлантическаго океана «Дамскимъ моремъ» (el Golfo de las Dames), подразумѣвая, что здѣсь даже дамская ручка можетъ управлять кораблемъ.

Прибавьте къ этому тѣ нескончаемыя удовольствія, которыя доставлялъ намъ океанъ, и вы будете имѣть только нѣкоторое понятіе о плаваніи въ тропическихъ водахъ. Океанъ представляетъ величайшее богатство, великолѣпіе и самое большое разнообразіе жизни, и эта жизнь вполнѣ заслуживаетъ всеобщаго участія и вниманія. Океанъ привлекаетъ къ себѣ всеобщіе взоры не только богатствомъ формъ, блескомъ цвѣтовъ, странностью и разнообразіемъ наружности, но также законами, силою и явленіями, которые обнаруживаются въ такомъ разнообразномъ видѣ, что, кажется, не хватитъ у человѣка жизни изучить и объяснить

ихъ. Какое видишь въ океанѣ на каждомъ шагу разнообразіе въ величинѣ и характерахъ формъ! Тутъ едва замѣтное микроскопическое растеніе, служащее пищею мелкимъ раковинамъ; рядомъ громадныя водоросли, достигающія иногда до тридцати сажень въ длину, и роскошные лѣса, сооруженные микроскопическими полипами; здѣсь замѣтная только черезъ сильно увеличивающій микроскопъ — инфузорія, тамъ исполинскій китъ; здѣсь царствуетъ кротость, доброта, нѣжность, изящество, умѣренность, красота и любовь, тамъ—кровожадность, свирѣпость, прожорливость, грубость, уродство.... Словомъ, океанъ представ-етъ дѣятельному изслѣдователю столько разнообразныхъ сторонъ, возбуждаетъ въ немъ тысячи идей и даритъ такое неисчерпаемое богатство самыхъ трудныхъ задачъ, касающихся естествознанія, что онъ не можетъ обнять всего, не можетъ всего изучить и долженъ ограничиться только частью, оставляя остальное на долю другимъ, не менѣе дѣятельнымъ изслѣдователямъ.

Гумбольдтъ говоритъ, что «море представляетъ роскошь и полноту жизни, о которой никакая другая часть земли не можетъ дать ни малѣйшаго понятія». Выраженіе Франклина еще лучше; онъ пишетъ, что «въ морѣ жизнь распространяется къ сѣверу, югу, востоку и западу; моря населены повсюду: въ глубинѣ бездны или на поверхности его трудятся и борятся существа: повсюду естествоиспытатель находитъ предметы для обогащенія своихъ знаній, а философъ—побужденіе къ размышленіямъ». И дѣйствительно, стоитъ только самому увидѣть море, полюбоваться его жизнью, видѣть множество самыхъ разнообразныхъ и странныхъ животныхъ, густую чащу морскихъ растеній, поверхность которыхъ покрыта разными раковинами и полипами, среди которыхъ извиваются милліоны самыхъ удивительныхъ мелкихъ рыбъ, моллюсокъ, червей и другихъ животныхъ, чтобы имѣть хоть какое нибудь понятіе о полнотѣ и богатствѣ жизни въ морѣ. Дарвинъ справедливо замѣчаетъ, что «лѣса морей оживлены несравненно больше, чѣмъ лѣса материковъ. Какъ ничтожны стаи мошекъ и тучи саранчи въ сравненіи съ стадами какихъ нибудь моллюсокъ, покрывающихъ огромное пространства океана; уже доказано, что море безусловно и относительно богаче видами и числомъ животныхъ, нежели суша». «Вѣрно то общее мнѣніе, говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи, что все, возникающее въ какой либо части природы, имѣетъ представителей въ морѣ; но, кромѣ того, въ немъ есть еще многое, чего на землѣ нигдѣ не встрѣчается».

«При сравненіи съ землею, говоритъ Шлейденъ, море кажется міромъ

плодородія, а земля міромъ безплодія. Море освѣжаетъ, подкрѣпляетъ и своею полносочностью и силою заставляетъ процвѣтать своихъ дѣтищъ и привязываетъ къ себѣ почитателей. Земля же съ знойнымъ, неумѣряемымъ жаромъ солнца, недостаткомъ воды и пылью изсушаетъ: бѣдные воспитанники суши смиренно и покорно становятся трусливыми травоядными. Море же знаетъ почти однихъ отважныхъ, сильныхъ мясоядныхъ, полныхъ подвижности и силы. Слонъ, величайшее животное земли, съ трудомъ влачитъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль свое существованіе, посвящаемое одной ѣдѣ, между тѣмъ какъ китъ, исполинъ моря, отступаетъ только отъ ослабляющаго жара тропическихъ водъ, проплываетъ тысячи миль, и, послѣ удовлетворенія голода, весело играетъ на поверхности океана. Насѣкомыя на землѣ, большею частью, рабы какого нибудь одного растенія, которымъ и питаются, между тѣмъ какъ инфузоріи, моллюски и насѣкомыя моря распространяются веселыми толпами на сотняхъ квадратныхъ миль. Единственный, и даже дерзкій и безстрашный рыцарь суши есть тигръ; въ морѣ же существуетъ больше семейство акулъ съ такою же силою, подвижностью, отвагою и безпощадностью».

Суша пріучаетъ своихъ обитателей къ лѣни и нѣгѣ, между тѣмъ какъ море возбуждаетъ въ своихъ дѣтищахъ жизнь и энергію. При видѣ безбрежнаго океана и украшеннаго блестящими, роскошными созвѣздіями небосклона, невольно тѣснится въ душу идея о безконечности, невольно является мысль о томъ Высшемъ Существѣ, создавшемъ міръ и все существующее въ немъ, чувствуется присутствіе Великаго Творца во всякомъ атомѣ окружающаго воздуха, въ каждой каплѣ, бьющей въ бортъ судна волнѣ, въ едва мерцающей звѣздѣ, въ каждой планетѣ, испускающей ровный, спокойный свѣтъ.... Невольно чувствуешь, въ душу и сердце проникающее, благоговѣніе къ Премудрому Творцу, къ дивнымъ дѣламъ его, къ созданной имъ гармоніи всемірной жизни и движенія....

Особенно забавляли насъ во время плаванія до экватора жгуны, плавающіе всегда обществами и весело играющіе въ ясную погоду на самой поверхности океана; въ видѣ изящныхъ колокольчиковъ, грибовъ и шаровъ, или прозрачныхъ, едва замѣтныхъ въ водѣ, или же молочно-бѣлыхъ со всѣми оттѣнками краснаго, желтаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ,— эти прелестныя, граціозныя существа доставляли намъ нескончаемыя удовольствія. Съ какою легкостью и граціею плавали они, едва касаясь до поверхности воды! Съ какимъ удивительнымъ кокетствомъ производили они въ тактъ съ своимъ движеніемъ легкія, неслышимыя, коле-

банія колоколовъ, грибовъ и шаровъ! Какъ шаловливо выпячивались они изъ родной стихіи, едва касаясь до поверхности воды, какъ легко и кокетливо скользили по синимъ волнамъ океана, съ какою граціею колебали они въ воздухѣ своими разноцвѣтными щупальцами, какъ бы чего-то ища и не находя, какъ бы желая схватить какой-то невидимый для нихъ предметъ—и безъ успѣха! Одинъ жгунъ тѣснится къ другому и массою уже плывутъ въ опредѣленномъ направленіи. Съ какою невыразимою прелестью сплетаются они при этомъ другъ съ другомъ своими нѣжными щупальцами; у нихъ въ это время происходитъ какъ бы какая-то борьба, но борьба самая граціозная, прелестная! Кажется, что эти милыя существа задали себѣ задачу показать восхищеннымъ зрителямъ въ этой между собою борьбѣ всю свою удивительную грацію, всю роскошь движеній!... Долго любовались мы этими нѣжными существами, какъ вдругъ произошло между ними что-то особенное, какъ будто чего-то они испугались и замерли въ ожиданіи невидимой опасности: игры ихъ и граціозныя движенія прекратились, и они представили на мгновеніе чудную живую картину, поражающую необыкновенно эфектнымъ сочетаніемъ разнообразныхъ, самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ.... Но, вотъ, какъ бы по мгновенію волшебнаго жезла или по безмолвному приказанію главы всего общества, моментально закрылись всѣ колокола, грибы и шары, опрокинулись и скрылись въ нѣдрахъ океана, только для того, чтобы черезъ нѣсколько времени снова появиться на его поверхности, снова начать свои прелестныя игры, снова прельщать восхищенныхъ зрителей своею граціею, нѣжностью и дивною красотою....

Сколько усилій употреблено было нами, чтобы поймать хоть одно изъ этихъ прелестныхъ животныхъ; закидывали особо устроенными своими средствами сѣтки, старались ловить ихъ парусинными ведрами—напрасно. Жгуны, состоя изъ студенистаго вещества, нѣжные и мягкіе, легко портились даже при самомъ осторожномъ ловѣ; удавалось намъ, впрочемъ, вытаскивать иногда какой нибудь субъектъ, но ужъ непремѣнно безъ какого нибудь украшенія, оставляемаго, по неосторожности въ морѣ. Тѣло этихъ животныхъ имѣетъ до того мало плотности, что, поднятыя изъ воды рукою, проскальзывали между пальцами, почти какъ жидкость; поэтому не удивительно, что поймать ихъ въ цѣлости рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Удивительно только, какъ эти нѣжныя воздушныя существа сопротивляются ударамъ и движеніямъ волнъ и теченій, которыя не производятъ въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія: волны раскачиваютъ ихъ безъ всякаго для нихъ вреда.

Кромѣ жгуновъ, случалось намъ любоваться великолѣпными пузырни-

ками, часто показывавшимися около самаго борта корвета; они состоятъ изъ довольно большого плавающаго пузыря блестящаго пурпуроваго цвѣта, съ синеватою вершиною, состоящею изъ складчатыхъ брыжжей. Многочисленныя хватальца этого красиваго животнаго имѣютъ свѣтло-красный свѣтъ, перемѣшанный съ темными пурпуровыми пятнами; между этими хватальцами движутся свѣтлосинія нити, у основанія которыхъ находятся органы размноженія. Однако съ прекрасными этими животными дѣло имѣть чрезвычайно опасно и они весьма тягостны и не рѣдко даже гибельны для купающихся, потому что имѣютъ страшное оружіе— крапивный органъ, состоящій изъ мелкихъ, круглыхъ или продолговатыхъ гнѣздышекъ, разсѣянныхъ на поверхности щупальцевъ, — такъ называемые, крапивные узлы. Въ гнѣздышкахъ лежатъ, спирально или комкомъ, чрезвычайно нѣжныя нити, усаженныя остріями. При прикосновеніи къ животному, гнѣзда на щупальцахъ раскрываются, изъ нихъ моментально выступаютъ спрятанныя нити и вонзаются въ прикасающееся тѣло, причемъ испытывается страшная боль, несравненно невыносимѣе, чѣмъ послѣ сильнаго ожога крапивы. По жгучести своей животныя эти носятъ названіе акалефъ или морскихъ крапивъ.

Крапивные органы пузырниковъ служатъ не только для обороны, но и для захвата добычи; щупальца этихъ животныхъ чрезвычайно подвижны; сокращаясь, они могутъ обратиться въ небольшія слизистыя бородавки, а когда вытягиваются, то образуютъ иногда нити въ сажень длиною. Добыча, схваченная такимъ органомъ, не можетъ уже вырваться отъ пузырника, а если и вырывается, то съ величайшимъ трудомъ и послѣ страшныхъ, сверхъестественныхъ усилій, потому что органъ этотъ парализируетъ жертву и лишаетъ ее силъ.

Какъ опасенъ, какъ ужасенъ этотъ крапивный органъ пузырника, можетъ доказать слѣдующій несчастный случай, происшедшій на глазахъ Мейена, во время его перваго кругосвѣтнаго путешествія.

«Однажды, разсказываетъ этотъ ученый естествоиспытатель, около корабля «Принцесса Луиза» показался великолѣпный пузырникъ; самые лучшіе цвѣта служили украшеніемъ этого дивнаго животнаго. Пузырь и брыжжи его, наполненные воздухомъ, имѣли перламутровый блескъ, къ которому гармонически присоединялись фіолетовый, пурпуровый и темносиній оттѣнки; бесчисленный щупальца, свѣшивающіяся отъ основанія пузыря подобно волосамъ Горгоны, пышнаго голубого и фіолетаваго свѣта, достигали почти трехъ футовъ длины. Желая во чтобы то ни стало добыть это прелестное животное, я вызвалъ охотника поймать его. Вышелъ молодой, здоровый и отважный матросъ и, черезъ

нѣсколько минутъ голый смѣло бросился съ борта въ море и ловко началъ подплывать къ пузырнику; но только что онъ прикоснулся къ животному, какъ былъ обхваченъ множествомъ длинныхъ щупальцевъ, произведшихъ въ моемъ молодомъ и смѣломъ матросѣ неожиданное превращенiе: лицо его изказилось, по видимому, отъ ужасныхъ страданiй, судороги свели его ноги и руки, и онъ, громко взывая къ намъ о помощи, съ трудомъ подплылъ къ кораблю, на который и былъ вытащенъ вмѣстѣ съ обхватившемъ его пузырникомъ. Тотчасъ же оторвали животное и оскоблили кожу, причемъ пришлось молодому человѣку перенести страшную боль; черезъ нѣсколько времени развилось у него жестокое воспаленiе и сильная нервная горячка, такъ что жизнь его долгое время находилась въ опасности.»

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ опасно имѣть дѣло съ этими, прекрасными на видъ, животными, скрывающими въ себѣ страшное для всѣхъ оружiе.

Пузырникъ не представляетъ какое нибудь самостоятельное животное, но состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ особей, соединенныхъ вмѣстѣ и образующихъ родъ общины или государства; каждая особь имѣетъ особое положенiе и особенную дѣятельность. Общую связь образуетъ нѣсколько красноватая трубка, сверху совершенно прямая, а внизу змѣевидно извилистая. На самомъ концѣ этой трубки находится раздутая особь—воздушный пузырь, поддерживающiй все животное на поверхности воды; затѣмъ слѣдуетъ красивый рядъ плавательныхъ пузырковъ, имѣющихъ назначенiе удерживать трубку обращенною вершиною кверху и, кромѣ того, обусловливающихъ движенiе всей колонiи, причемъ особи эти то раскрываются, то захлопываются. Нерѣдко онѣ отдѣляются отъ общаго стебля, нѣсколько дней плаваютъ очень быстро и затѣмъ умираютъ, не развиваясь далѣе. Такимъ образомъ однимъ членамъ этого общества предназначается приводить все пловучее государство въ движенiе; на долю другихъ достается забота о воспринятiи и обработкѣ пищи [1]), чтобы поддерживать полученнымъ веществомъ всю колонiю. Это сословiе кормителей охраняется другими особями, которыя подготовляютъ для всякаго гражданина этого маленькаго государства кровъ и домъ, и потому представляютъ касту ремесленниковъ. Четвертая каста особей, помѣщающихся между питающими существами по парно и состоящихъ изъ нѣжныхъ, чувствительныхъ существъ (щупальщики), занимаются только любовными интригами и имѣ-

[1]) Такъ называемые питающiе полипы.

ютъ у своего основанія маленькіе грозды половыхъ почекъ. Кромѣ того, есть въ этомъ миніатюрномъ государствѣ особи, принадлежащія къ кастѣ воиновъ, помѣщающіяся около каждаго питающаго полипа и состоящія изъ вышеупомянутыхъ уже хватальцевъ, усаженныхъ красными крапивными органами. Всѣ особи, составляющія колонію и состоящія изъ вышеупомянутыхъ кастъ, не имѣютъ, за исключеніемъ питающихъ особей, никакого значенія, какъ скоро онѣ отдѣлены отъ общей массы. Изъ этого видно, что всѣ особи находятся другъ отъ друга въ совершенной зависимости и не могутъ вести самостоятельной жизни.

Жгуны и пузырники принадлежатъ къ большему классу медузъ, о которыхъ даетъ хорошое понятіе извѣстный французскій ученый Альфредъ Фредолль, въ своемъ сочиненіи «Морской Міръ».

«Медузы, говоритъ онъ, похожи на шапочки, зонтики или, вѣрнѣе сказать, на изящные и нѣжные грибы, у которыхъ стебелекъ замѣняется тонкимъ центральнымъ тѣломъ, грубоко раздѣленнымъ на извѣстныя и покрытыя бахромою, лопасти».

Края зонтиковъ бываютъ ровные и зубчатые, иногда съ разрѣзами, часто съ рѣсничками или же наконецъ снабженные длинными нитеобразными придатками, вертикально спускающимися въ воду. Животныя эти бываютъ или совершенно безцвѣтны и притомъ прозрачны, какъ кристаллъ, или нѣжно-голубаго или блѣдно-розоваго цвѣта, или же наконецъ матоваго блеска. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются самыми яркими цвѣтами, самыми блестящими оттѣнками. Медузы—животныя безъ консистенціи и сильно пропитаны водою; удивительно и почти непонятно, какимъ образомъ нѣжная, тонкая ткань ихъ можетъ сопротивляться ударамъ волнъ и силѣ теченій: волны качаютъ ихъ, не нанося имъ вреда, буря разсѣеваетъ, не умерщвляя ихъ; но за то вынутыя изъ воды и оставленныя на берегу, онѣ постепенно растаиваютъ, разлагаются и превращаются почти въ ничто. Особенно сильно и быстро ихъ разложеніе при солнечномъ жарѣ, и послѣ этихъ прелестныхъ и милыхъ (въ водѣ) животныхъ остается только небольшое пятно, какъ бы то мѣсто, гдѣ лежало животное, вымазано было клеемъ.

Въ 1819 году, на бомбейскомъ берегу, Тельферъ видѣлъ гигантскую медузу, вѣсившую, будто бы, нѣсколько тоннъ (тоннъ=60 пудамъ); черезъ три дня животное начало разлагаться и постепенно таять. Тельферъ поручилъ сосѣднимъ рыбакамъ слѣдить за этимъ разложеніемъ, чтобы собрать кости и хрящи этого животнаго, если только они у него есть; но медуза, къ его удивленію, черезъ девять мѣсяцевъ разстаяла совершенно вся, не оставивъ послѣ себя рѣшительно ничего.

Впрочемъ медузы французскихъ береговъ далеко не имѣютъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ и многія изъ нихъ могутъ даже назваться очень маленькими животными. Самая нѣжная изъ нихъ Turris neglecta, имѣющая форму колокольчика, пересѣченнаго четырьмя поперечными полосами и со столькимъ же числомъ бѣлыхъ придатковъ, расположенныхъ въ видѣ креста; Turris neglecta имѣетъ прелестный розовый цвѣтъ, между тѣмъ какъ края самаго колокольчика украшены чудною бѣлоснѣжною бахромою.

Медузы всегда соединяются въ значительныя общества, покрывая при этомъ океанъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже совершенно измѣняютъ цвѣтъ воды на значительномъ пространствѣ [1]).

Натуралисты долгое время презирали медузъ, считая ихъ за массы студня или за студенистую воду; они не знали, что это настоящія животныя, и только со временъ Констана Дюмериля, которому первому пришло въ голову вспрыснуть молоко въ ихъ полости, причемъ оно распространилось по многочисленнымъ и чрезвычайно правильнымъ каналамъ, начали причислять ихъ къ животнымъ. Вскорѣ открыты были у нихъ органы пищеваренія и кровообращенія, а въ настоящее время наука открыла уже всѣ тайны ихъ внутренняго строенія.

Какъ бы то ни было, но живая студень, о который мы говоримъ, всегда останется только очеркомъ жизни и, какъ совершенно справедливо выражаются нѣкоторые ученые, растаетъ мильоны разъ прежде, чѣмъ природа выработаетъ изъ ея вещества какую либо часть прочно построеннаго животнаго.

Медузы питаются мелкими морскими животными, преимущественно червями и моллюсками; ротъ ихъ находится посрединѣ центральнаго тѣла; но у нѣкоторыхъ субъектовъ бываетъ по два и даже болѣе рта. Эти странныя животныя очень прожорливы и глотаютъ добычу не жуя, даже цѣликомъ. Если добыча оказываетъ сопротивленіе, то медуза ждетъ, пока ея несчастная жертва выбьется изъ силъ. Случается, что медуза не выпускаетъ схваченное животное даже и въ томъ случаѣ, если оно своими энергичными усиліями освободиться отъ ея прожорливости, совершенно выворачиваетъ ея желудокъ наизнанку. Тѣло медузъ попе-

---

[1]) Одинъ опытный морякъ, капитанъ, говоритъ Мори въ своемъ сочиненіи «Море въ своихъ физическихъ явленіяхъ», разсказывалъ, что разъ въ Гольфстремѣ, у береговъ Флориды, онъ попалъ въ толпу молодыхъ медузъ, покрывающихъ все видимое пространство. Капитанъ шелъ въ Англію и плылъ между ними пять или шесть дней. Спустя два мѣсяца, на возвратномъ пути, онъ встрѣтилъ почти такую же массу медузъ у западныхъ острововъ, и опять плылъ среди ихъ отъ трехъ до четырехъ дней.

ремѣнно то сокращается, то расширяется, и это движеніе служитъ однимъ изъ главныхъ элементовъ ихъ поступательнаго движенія; его замѣтили уже древніе и сравнивали съ движеніемъ человѣческой груди во время дыханія, назвавъ вслѣдствіе этого медузъ—морскими легкими. Плавая, медузы направляютъ выпуклую сторону впередъ, и если во время ихъ прогулокъ по поверхности моря слегка прикоснуться къ нимъ, то онѣ свертываютъ свои щупальца, сокращаютъ грибокъ и скрываются въ нѣдрахъ океана.

При тщательномъ изслѣдованіи крайнихъ частей медузы, открыты были у нѣкоторыхъ видовъ зрительные и даже слуховые органы; Кёлликеръ доказалъ существованіе первыхъ у океаніи, а Гегенбауеръ нашелъ ихъ у корненожекъ и пелагій, причемъ замѣтилъ также у нихъ присутствіе слуховыхъ органовъ. Глаза, по ихъ описанію, состоятъ изъ маленькихъ, окрашенныхъ массъ, заключающихъ въ себѣ, скрытые до половины, крошечные шарики, между тѣмъ какъ другая половина ихъ совершенно обнажена; рядомъ съ этими органами Гегенбауеръ нашелъ и слуховые, состоящіе изъ миніатюрныхъ пузырковъ, наполненные какою-то, еще неизвѣстною и неизслѣдованною, жидкостью.

Вообще все въ этихъ странныхъ животныхъ—чудесно; но размноженіе ихъ, вполнѣ изслѣдованное въ наше время, чудеснѣе всего. Оно совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ извѣстное время года на тѣлѣ медузъ появляются чрезвычайно крошечныя яички, самыхъ яркихъ и блестящихъ цвѣтовъ и висящія фестонами; развивающіяся изъ нихъ личинки нисколько не походятъ на свою мать: онѣ длинны, червеобразны и нѣсколько расширены на концахъ—точно микроскопическія піявки. Едва замѣтныя мерцательныя рѣснички, двигающіяся чрезвычайно быстро, придаютъ этимъ миніатюрнымъ животнымъ эфектный видъ. По прошествіи опредѣленнаго времени, личинки эти превращаются въ полиповъ съ восемью щупальцами.

Это, такъ сказать, подготовительное животное обладаетъ способностью размножаться туберкулами или почками, появляющимися на поверхности его тѣла, а также посредствомъ особыхъ нитей.

Такимъ образомъ одна особь можетъ сдѣлаться родоначальникомъ многочисленнаго семейства. Полипъ этотъ подвергается самымъ замѣчательнымъ преобразованіямъ; строеніе его усложняется, тѣло становится членистымъ и какъ бы состоящимъ изъ дюжины кружковъ, лежащихъ одинъ на другомъ, подобно кружкамъ въ Вольтовомъ столбѣ.

Верхній кружокъ, имѣющій выпуклую форму, послѣ конвульсивныхъ усилій отдѣляется отъ всей колоніи и становится свободнымъ; онъ со-

стоитъ изъ чрезвычайно маленькой медузы, похожей на звѣздочку. Послѣ верхняго кружка начинаютъ отдѣляться другъ за другомъ и другіе кружки или особи.

Такимъ образомъ, зоофиты, имѣющіе полъ, размножаются по общимъ законамъ; нарожденныя ими дѣти нисколько на нихъ не похожи и притомъ не имѣютъ пола, то есть, среднія. Посредствомъ почекъ и дѣленій, дѣти эти производятъ на свѣтъ подобныхъ себѣ особей, но вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ рождать и индивидумовъ, имѣющихъ полъ. Впрочемъ, до появленія послѣднихъ, животное, сперва простое, превращается въ сложное и уже отъ разъединенія элементовъ послѣдняго рождаются особи, имѣющія полъ, то есть болѣе совершенныя животныя. Эти два, столь различные, способа размноженія (то есть половой и безполый) правильно чередуются между собою и составляютъ, такъ называемый, генеагенезисъ, то есть такое размноженіе, въ которомъ дѣти никогда непохожи на мать, но на бабку.

Среднихъ особей, рождающихъ индивидуумовъ съ поломъ, называютъ, хотя и не очень удачно, кормилицами. Эти послѣдовательныя преобразованія одного и того же животнаго кажутся, съ перваго взгляда, очень необыкновенными и чудными; но между тѣмъ вокругъ насъ ежедневно совершаются подобныя же явленія, на которыя мы впрочемъ не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія и то только, вѣроятно, потому, что они очень обыкновенны и мы къ нимъ привыкли. Такъ напримѣръ, красивыя и изящныя бабочки кладутъ неподвижныя, круглыя и нисколько не изящныя яички, изъ которыхъ развиваются едва ползающія гусеницы, которыя, въ свою очередь, превращаются въ яйцевидную мумію-хризалиду, осужденную на летаргическій сонъ. И только хризалида уже превращается въ нарядную роскошную бабочку. Если бы эти насѣкомыя были чрезвычайно рѣдки и жили въ нѣдрахъ океана, то сколько бы времени прошло, прежде чѣмъ узнали бы, что яйцо, гусеница, хризалида и бабочка—одно и то же животное! Если бы это насѣкомое имѣло менѣе сложную организацію, то могло бы случиться и то, что его личинка или хризалида, а можетъ быть и самое яйцо, могли бы размножаться посредствомъ почекъ или дѣленій, и мы имѣли бы тогда на глазахъ совершенно тѣ же явленія, какія видимъ въ превращеніи медузы.

Всѣ врачи знаютъ теперь, что tenia, ленточный и членистый глистъ, имѣетъ личинки, совершенно не похожія на животное, обладающее способностью рождать эти личинки. Удивительно, эти странныя животныя бываютъ простыми въ одну эпоху своей жизни, сложными—въ другую и становятся опять простыми въ третью и т. д. Въ бабочкахъ особенно

замѣчательна эта поочередность явной и скрытой жизни: яйцо неподвижно, личинка ползаетъ, хризалида въ летаргическомъ снѣ, а бабочка летаетъ, словомъ, каждому движенію предшествуетъ покой и безчувственность....

Шесть дней неся корветъ, подгоняемый попутнымъ пассатомъ; плаваніе было спокойное, веселое, разнообразное; на седьмой же день (4 марта), находясь въ широтѣ 0°36′ N, пассатъ совершенно стихъ и корветъ остановился, плавно покачиваясь на оставшейся зыби. Положеніе настало самое непріятное и невеселое; погода мгновенно измѣнилась: изъ освѣжающей она сдѣлалась удушливою, знойною, постоянно ясное небо стало уже изрѣдка покрываться густыми, грозящими облаками, со всѣхъ сторонъ начали налетать сильные шквалы, сопровождаемые ливнемъ и грозою. Послѣ шкваловъ наступала могильная тишина; жгучее, почти раскаленное, солнце дѣлало общее положеніе еще несноснѣе, еще печальнѣе; нельзя было показаться на верхней палубѣ, нельзя было сидѣть и внизу: вездѣ была какая-то удушливая, давящая атмосфера, вездѣ чувствовалось въ воздухѣ какое-то непріятное зловоніе.... Кругомъ море, которому и конца нѣтъ, море безпредметное, утомленное, грустное, мучащее взоры своимъ мертвымъ однообразіемъ; хочешь прогуляться по палубѣ — нѣтъ физической возможности: ноги льнутъ къ растопленной смолѣ, вышедшей изъ пазовъ [1]) и капающей съ такелажа, а сверху бьютъ въ голову отвѣсные лучи экваторіальнаго солнца; хочешь уйти въ палабу, но и тамъ не находишь себѣ уютнаго уголка: кругомъ все пышетъ жаромъ, чуть ли не пылаетъ.... Всѣми овладѣло непобѣдимое изнеможеніе, у всѣхъ явилась какая-то сонливая вялость; пытались было нѣкоторые освѣжиться купаньемъ или окачиваньемъ, но ничего не помогало: вода была разгорячена чуть ли ни также, какъ и сама атмосфера....

Вообще наступило самое несносное, непріятное время; даже море уже не дарило насъ тѣмъ разнообразіемъ, которое встрѣчали мы въ тропическихъ водахъ. Океанъ въ штиль, особенно близь экватора, чрезвычайно однообразенъ, печаленъ и какъ-то спокоенъ; но въ этомъ спокойствіи чувствуется что-то ужасное, чувствуется измѣна; ни одна морщинка не рябитъ его гладкую зеркальную поверхность, а между тѣмъ онъ замышляетъ про себя что-то недоброе, нехорошее. О, это наружное, грозное спокойствіе всегда пугаетъ моряка, потому что онъ знаетъ, что окру-

---

[1]) Пазами называются долевыя щели между соприкасающимися досками палубы. Пазы прежде всего законопачиваются, а потомъ заливаются растопленной смолой.

жающая тишина не предвѣщаетъ ничего хорошаго, скрываетъ въ себѣ страшныя бури и шквалы. Морякъ чувствуетъ измѣну и мужественно, смѣло готовится ее встрѣтить.... Вотъ показался вдали и тотчасъ же исчезъ великанъ альбатросъ, предвѣстникъ худаго; вахтенный начальникъ подозрительно посматриваетъ на спокойный повидимому горизонтъ и посылаетъ доложить о своихъ подозрѣніяхъ капитану и старшему офицеру. Быстро выбѣжали они на верхъ и безпокойно оглядываютъ море и небо; они угадываютъ, что скоро нѣмая угроза океана обратится въ наказаніе, тишина и спокойствіе въ страшный хаосъ.... Они ждутъ чего-то и готовятся къ борьбѣ со стихіями; вдали показалось облачко, быстро разростается оно, быстро обхватываетъ все видимое пространство, затемняетъ солнце и разражается страшнымъ шкваломъ: быстрѣе молніи летитъ вѣтеръ, бѣшено рветъ паруса, гнетъ мачты, свирѣпо хлопаетъ снастями; быстро забарабанили по палубѣ крупныя капли дождя, но вотъ онѣ чаще запрыгали по корвету и наконецъ хлынули бѣшенымъ потокомъ.... Океанъ закипѣлъ, яростныя волны съ зловѣщимъ шумомъ бьютъ въ бортъ корвета, который послушно пригнулся подъ свирѣпымъ шкваломъ, и терпѣливо выноситъ страшные удары расходившихся, съ бѣлесоватыми вершинами, валовъ.... Стонетъ вѣтеръ и все ниже, ниже кладетъ послушное судно; но на немъ не дремлятъ: раздается спокойная, но громкая, команда, ясно слышная среди рева шквала; отданы марсафалы, фокъ и гротъ взяты на гитовы и гордо, спокойно вздымается корветъ на разъярившіяся волны, какъ бы надсмѣхаясь надъ безполезными усиліями разбушевавшейся стихіи.... Прошло нѣсколько минутъ и шквалъ пролетѣлъ, дальше неся бѣшенные потоки дождя, вздымая яростныя волны....

Я далъ вамъ описаніе нѣсколькихъ минутъ жизни и дѣятельности, наступившихъ послѣ многихъ часовъ, проведенныхъ въ какой-то дремотѣ, когда окружающая тишина точно приковала корветъ къ одному мѣсту....

Шкваловыя тучи чрезвычайно прихотливы и разнообразны: одна покрываетъ все небо и затмѣваетъ солнце; другая несется въ видѣ какого-то клубящагося одинокого острова, плывущаго по безконечному пространству; одна разражается бѣшеннымъ ливнемъ на огромномъ пространствѣ; другая занята какимъ нибудь опредѣленнымъ и при томъ небольшимъ мѣстомъ. Случалось, что ливень барабанилъ на юту, между тѣмъ какъ шканцы коробились отъ знойнаго пылающаго солнца, случалось и то, что прихотливая тучка занималась только правою стороною корвета, какъ будто ей до лѣвой нѣтъ никакого дѣла....

Таковъ ужъ переходъ черезъ штилевую полосу!.... Счастье наше, что мы пробыли въ такомъ скверномъ положеніи весьма не долго, благодаря тому, что сѣверо-восточный пассатъ довелъ насъ чуть ли не до экватора и позволилъ намъ, при его помощи, пройти большую часть такъ называемой, «штилевой полосы» при благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ.

Этотъ узкій поясъ постоянныхъ шкваловъ и штилей считается моряками самою непріятною мѣстностью Атлантическаго океана, особенно для парусныхъ судовъ, которыя ничѣмъ не могутъ во время штилей помочь своему горю; между тѣмъ какъ паровое судно нисколько этимъ не конфузится, убираетъ безцѣльно хлопающіе паруса, разводитъ пары и идетъ себѣ дальше, какъ бы ни въ чемъ не бывало, оставляя далеко позади себя всѣ парусныя суда, безнадежно колыхающіяся на гладкой, какъ зеркало, поверхности океана. Въ этой экваторьяльной области, затишья подготовляются бури для всей земли; здѣсь, гдѣ, подъ вліяніемъ отвѣстныхъ лучей раскаленнаго солнца, воздухъ безпрерывно течетъ кверху, нельзя себѣ представить образованіе вѣтра, по крайней мѣрѣ въ опредѣленномъ направленіи.

При испареніи соленой воды, паръ заключаетъ въ себѣ много положительнаго, а вода, напротивъ, много отрицательнаго электричества, вслѣдствіе чего и происходитъ сильное его напряженіе въ полосѣ штилей, которое разряжается замѣчательными грозами, неслыханными въ остальной части свѣта. Пассаты, насыщенные водяными парами, жадно поглощаемыми ими во все время пути отъ поворотныхъ круговъ, подойдя къ экваторьяльной области затишья, нагрѣваются высоко стоящимъ солнцемъ, расширяются и подымаются здѣсь въ верхніе слои воздуха, гдѣ, охлажденные болѣе низкою температурою, принуждены бываютъ отдать часть своей влажности. Такимъ образомъ, образуется сначала густое облако; вертикальное воздушное теченіе, поднимающееся надъ полосою штилей, уноситъ его все выше и выше, отчего оно все больше и больше сгущается и наконецъ падаетъ въ видѣ дождя. Такъ какъ всѣ слои воздуха, начиная отъ дождевой тучи и кончая поверхностью океана, насыщены парами, то падающія капли, пронизывая всѣ эти слои атмосферы, постоянно увеличиваются, и, соединяясь наконецъ въ толстыя водяныя нити, образуютъ ливень, поражающій новичка массою падающей воды и сопровождаемый, обыкновенно, сильными, электрическими разряженіями. Послѣ такой непогоды, какъ я уже говорилъ, наступаетъ могильная тишина, которая можетъ привести въ отчаяніе даже стоика; море въ это время не шелохнется и въ немъ ясно отражается

какъ бы заснувшее судно. Но эта мертвая тишина, черезъ нѣсколько времени, разряжается новымъ ливнемъ, новымъ шкваломъ, налетающимъ можетъ быть, съ совершенно противуположной стороны предъидущему шквалу. И это продолжается все время, пока судно не пройдетъ ужасную для моряковъ полосу штилей и шкваловъ, потому что, какъ только ливень прекратится, жгучіе солнечные лучи опять становятся чрезвычайно чувствительными, пассаты опять снабжаютъ вновь появившееся облако свѣжею пищею, которое черезъ нѣсколько часовъ разряжается новымъ, не менѣе ужаснымъ ливнемъ, сопровождаемымъ не менѣе сильною грозою.... Швалы, или внезапные и сильные порывы вѣтра, происходятъ въ полосѣ штилей отъ слѣдующей причины: такъ какъ эта полоса лежитъ не надъ экваторомъ, а нѣсколько сѣвернѣе его, то пассатъ южнаго полушарія (SO—юговосточный) доходитъ сюда или прямо отъ юга (S), или же отъ юго-юго-запада [1]) (SSW), и если при этомъ эта масса воздуха, прежде чѣмъ будетъ унесена въ верхніе слои атмосферы, встрѣтитъ пассатъ сѣвернаго полушарія (NO—сѣверо восточный), принимающій вблизи штилевой полосы болѣе сѣверное направленіе, то можетъ произойти внезапный вѣтеръ отъ всякаго направленія, смотря по силѣ того или другаго теченія....

Ширина штилевой полосы не остается во все время года одинаковою, но измѣняется, сообразно передвиженію солнца изъ южнаго полушарія въ сѣверный и обратно, потому что предѣлы пассатовъ перемѣщаются не съ одинаковою скоростью. Такъ напримѣръ, NO пассатъ, отъ марта, когда онъ занимаетъ самое южное положеніе [2]) и до августа, когда онъ наиболѣе удаляется отъ экватора (южный предѣлъ NO пассата въ это время находится, по таблицѣ Горсбурга, въ 13° N широты), передвигается на 7°52′, тогда какъ передвиженіе экваторьяльнаго предѣла SO пассата не бываетъ болѣе $2\frac{1}{2}$° [3]). Это явленіе объясняется во первыхъ тѣмъ, что термическія линіи въ сѣверномъ полушаріи имѣютъ большее годовое колебаніе, нежели въ южномъ полушаріи, вслѣдствіе вліянія материковъ, и во вторыхъ тѣмъ, что SO пассатъ, обладая большею, сравнительно съ NO пассатомъ, силою и занимая большее пространство,

[1]) SO отходитъ къ S или SSW, при переходѣ черезъ экваторъ, вслѣдствіе вращенія земли около своей оси отъ запада къ востоку.

[2]) По таблицѣ Горсбурга, въ мартѣ мѣсяцѣ южный предѣлъ NO пассата лежитъ въ 5°8′ сѣверной широты, между тѣмъ какъ онъ насъ довелъ до 0°36′ сѣверной широты.

[3]) Въ мартѣ сѣверный предѣлъ SO пассата, по таблицѣ Горсбурга, 1°15′ сѣверной широты, а въ ноябрѣ онъ находится въ наибольшемъ удаленіи отъ экватора, т. е. въ 3°45′ сѣверной широты.

представляетъ годовому движенію солнца и большее сопротивленіе и не такъ легко подчиняется ему.

Вслѣдствіе неодинаковаго передвиженія экваторьяльныхъ предѣловъ пассатовъ, ширина штилевой полосы, какъ я уже говорилъ, измѣняется: лѣтомъ она бываетъ наибольшая, а зимою наименьшая, поэтому, очевидно, паруснымъ судамъ выгоднѣе пересѣкать ее зимою (въ августѣ ширина штилевой полосы около 10°, между тѣмъ какъ въ декабрѣ едва доходитъ до 2°).

Въ прежнее время, когда большинство купеческихъ и даже военныхъ судовъ были парусныя, полоса штилей была ужасомъ моряковъ, которые бѣдствовали здѣсь ужасно; случалось штилевать имъ по три и болѣе недѣли, не видя ни откуда помощи, не зная какъ, да и не имѣя средствъ выбраться изъ этого адскаго мѣста. И дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе, что можетъ быть непріятнѣе — стоять по нѣскольку дней почти на одномъ мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая хотя бы самаго слабаго дуновенія вѣтерка; видѣть вокругъ себя одно только безграничное море, море ужасающее путниковъ своимъ мрачнымъ спокойствіемъ, своимъ одуряющимъ однообразіемъ, изрѣдка только прерываемымъ налетающими со всѣхъ сторонъ шквалами съ грозою и съ ливнемъ, да съ такимъ еще, что, кажется, все небо разверзлось, не въ силахъ будучи удержать въ себѣ скопленную влагу. Мы подвергались подобнымъ непріятностямъ всего только около двухъ сутокъ, но и то долго будемъ помнить эту «адскую полосу» (мнѣ кажется это названіе лучше подходитъ къ ней, нежели «штилевая»); что же, позвольте спросить, испытывали и испытываютъ въ настоящее время тѣ моряки, которые маялись и маются въ этой полосѣ по двадцати и болѣе сутокъ?.... Вѣроятно не мало, если они вступали въ эту полосу «съ ужасомъ» (что подтверждали многіе бывалые моряки); а моряка, испытавшаго самые сильные штормы, бури и ураганы, погибающаго, можетъ быть, по нѣскольку разъ въ жизни, но спасавшагося какимъ-то сверхъестественнымъ образомъ, натерпѣвшагося на своемъ вѣку, Богъ знаетъ какихъ, страховъ, такого моряка, привести въ ужасъ трудно.... И дѣйствительно, неизвѣстно, что ждетъ парусное судно въ этой адской полосѣ?.... Можетъ быть оно промается въ ней долго, долго, можетъ быть останется безъ крохи сухарей, безъ капли прѣсной воды; тутъ, какъ нарочно, ни одного встрѣчанаго или догоняющаго судна, которое могло бы снабдить бѣдствующаго всѣмъ необходимымъ [1]). Положимъ, отъ жажды не погиб-

[1]) По международному морскому уставу всякое бѣдствующее судно имѣетъ полное право требовать помощи отъ всѣхъ встрѣчныхъ судовъ, купеческихъ

нуть, потому что ливни могутъ доставить жаждующимъ такое количество прѣсной воды, что хоть купайся въ ней, но отъ голоду умереть очень легко. А кто можетъ поручиться, что не разовьется въ экипажѣ отъ бездѣйствія, апатіи, недостаточнаго количества необходимой пищи, отъ причастной штилевой полосѣ сонливости и вялости — цынга, эта страшная морская болѣзнь, отъ которой умирали и умираютъ многія сотни безстрашныхъ моряковъ. Не ужасно ли положеніе такого судна въ штилевой полосѣ?....

Понедѣльникъ, 5-го марта, былъ для насъ днемъ знаменательнымъ; въ этотъ день перевалились мы изъ сѣвернаго полушарія въ южный, просто сказать, перешли экваторъ, но перешли его какъ истые европейцы, безъ всякихъ смѣхотворныхъ и какихъ-то языческихъ празднествъ, устраивавшихся въ былыя времена на многихъ судахъ, пересѣкавшихъ экваторъ. Не было у насъ ни Нептуна съ его дрожайшею половиною Амфитридою, не было и нимфъ, тритоновъ, русалокъ и тому подобныхъ миѳологическихъ существъ; не было и обливаній и купаній новичка, въ первый разъ вступающаго въ южное полушаріе, словомъ, все прошло безъ особенныхъ празднествъ, безъ особенной кутерьмы.

Только съ самаго утра этого знаменательнаго дня стали уже на корветѣ поговаривать о предстоящемъ переходѣ черезъ экваторъ, хотя, въ сущности, въ этомъ переходѣ ничего особеннаго нѣтъ. Больше всѣхъ суетились тѣ, которымъ въ первый разъ предстояло пересѣчь экваторъ и только потому, чтобы, не краснѣя, назваться уже «морякомъ», потому что «тотъ не морякъ, кто экватора не пересѣкалъ, аль въ полюсахъ не побывалъ», говорили старые и бывалые матросы.

Около полудня всѣ закопошились и засуетились.

— Господа, сейчасъ экваторъ переходимъ, говоритъ, вбѣгая въ каютъ-компанію, старшій штурманскій офицеръ, и моментально несется опять на верхъ.

Повыскакали всѣ, взобрались, кто куда могъ, повыше, и смотрятъ во всѣ стороны, кикъ бы отыскивая и желая увидѣть что нибодь въ родѣ того экватора, который видѣли на глобусахъ и картахъ. Матросики тоже повысыпали на верхъ и съ неменьшимъ любопытствомъ поглядываютъ во всѣ стороны.

или военныхъ, и брать подъ росписку все необходимое, какъ-то: съѣстные припасы, воду, лекарство, рангоутъ, такелажъ и т. д. Судно, къ которому обратились съ подобнымъ требованіемъ, обязано, по силѣ возможности, исполнить его; а въ случаѣ отказа бѣдствующее судно можетъ взять требуемое силою, за что передъ закономъ не отвѣчаетъ.

*

— Ишь господа баятъ, что эрквантор̆ъ симинуть переходить будемъ, анъ ево еще и не видать, съ недоумѣніемъ проговорилъ извѣстный намъ Архипъ, таращащій во всѣ стороны свои буркулы и не видя ничего, кромѣ спокойнаго, сонннаго моря.

— И взаправду не видать еще, подтвердили нѣкоторые изъ его товарищей, съ неменьшимъ удивленіемъ поглядывая на окружающій горизонтъ.

— Эхъ вы олухи вологодскіе, мужланы мѣднолобые, разсердился стоящій тутъ Козловъ-сказочникъ, а знаете ли вы, скажите на милость, что за штука «эрквантор̆ъ»-то вашъ (вишь, даже выболтнуть-то не съумѣли, усмѣхнулся онъ), а по нашему экваторъ?

— Знамо знаемъ, какъ не знать, проговорили самодовольно нѣкоторые изъ «эрквантористовъ».

— Ну-съ, если «знамо знаете», передразнивалъ ихъ Козловъ, то потрудитесь дать мнѣ объ эфтой самой вещи должное понятіе, добавилъ онъ какимъ-то учительскимъ тономъ, то есть нѣсколько въ носъ и притомъ очень строго.

— Эрквантор̆ъ эфто такой кругъ, который раздѣляетъ нашу матушку-землю на двѣ какъ есть равныя части иль полушаріи: сѣверное и южное, быстро отвѣтилъ Архипъ, желая по видимому щегольнуть передъ товарищами своимъ знаніемъ.

— Ну-съ, хорошо-съ, кругъ, проговорилъ Козловъ, а позволь тебя спросить: какой эфто такой кругъ, деревянный ли, аль желѣзный, иль иной какой? добавилъ онъ лукаво, поглядывая на Архипа.

— На глобысѣ видать—деревянный и не больно широкъ, а на землѣ-матушкѣ долженъ быть покрѣпче, да пошире, потому сама побольше, отвѣтилъ нисколько несмутившійся Архипъ.

— Ха, ха, ха! неудержимо залился Козловъ, а за нимъ и нѣкоторые понимающіе суть дѣла матросики, — ишь какое колѣно выкинулъ.... Небось скажешь: господа офицеры тебя эфтому научили?..... Экій грѣхъ, экій грѣхъ, право: самой, что ни на есть простѣющей вещи понять не можетъ!....

Архипъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ на хохотавшихъ товарищей и какъ-то сердито почесывалъ лѣвою рукою поясницу, между тѣмъ какъ правая глубокомысленно рылась въ затылкѣ. Пожалѣлъ Козловъ Архипку безмозглаго и началъ ему тутъ же растолковывать, да въ голову вбивать, что «экваторъ не есть кругъ какой изъ чего-нибудь сдѣланный, а кругъ воображаемый, лишь въ умѣ представляемый», и, чтобы больше убѣдить въ этомъ Архипа, прибавилъ, что «матерьяла бы-

на эфтотъ самый кругъ нехватило-бъ, еслибъ вздумали, чтобъ былъ онъ желѣзный, аль иной какой, до кромя того уворовали-бъ ево много, потому чтобы укараулить ево нужно часовыхъ поставить, и на окіанахъ, и на земли, и на горахъ, словомъ, повсюду, гдѣ кругъ эфтотъ проходитъ, а наше начальство, добавилъ онъ, даромъ, денегъ бросать не любитъ». Слушалъ его Архипка, слушалъ, хлопалъ своими буркулами, хлопалъ, да такъ, кажется, ничего и не понялъ, хотя и божился Козлову чуть ли не всѣми святыми, что онъ «эфту самую штуку таперича маненько поразкусилъ и какъ въ деревню приду, то всенепримѣннѣйше своихъ односельцевъ глупыхъ эфтому самому научу». Слушали объясненіе Козлова и другіе, но поняли по видимому, больше Архипа; наконецъ урокъ кончился и доморощенный учитель не преминулъ спросить еще разъ своихъ учениковъ: «поняли»?—«Поняли, какъ не понять», отвѣтили тѣ, хотя по крайней мѣрѣ треть изъ нихъ ничего не поняли, что было видно по выраженію ихъ лицъ; но все-таки они были очень, повидимому, довольны, что «послушали такую мудреную вещь, што и въ голову даже нейдетъ», какъ высказался одинъ изъ подобныхъ слушателей. Не нужно удивляться подобному слушателю, потому что такихъ много и въ болѣе образованномъ обществѣ.

— Вона, господа баятъ, что экваторъ ужъ позади, значитъ тютю, весело проговорилъ прибѣжавшій съ юту Козловъ, а мы, значитъ, теперь уже въ южномъ полушаріи.....

— Ишь ты, проговорили съ недоумѣніемъ нѣкоторые изъ только что прослушавшихъ лекцію Козлова «о экваторѣ», но ничего изъ нея не вынисшіе, «ужъ эркванторъ и позади», и при этомъ какъ-то недовѣрчиво поглядывали за корму, какъ бы удивляясь: «какъ же такъ кругъ-то энтотъ мы перескочили»?.....

И дѣйствительно, нужно сознаться, что есть на корветѣ матросики, недавно пришедшіе изъ деревни, которымъ хоть цѣлый мѣсяцъ тверди объ одномъ и томъ же, а они, хоть въ зубъ толкнуть, рѣшительно ничего не понимаютъ, хотя постоянно твердятъ: «понятно, ваше благородіе, какъ не понять»; а у самихъ при этомъ такія безсмысленныя выраженія лица, что такъ и видишь, что ничего не понимаютъ. Заставишь, бывало, ихъ повторить объясненіе и они повторятъ, какъ попугаи, но все-таки останутся при своихъ старыхъ знаніяхъ. Конечно, когда пооботрутся еще немного, отъ нихъ можно будетъ хоть что нибудь ожидать, но въ настоящее время рѣшительно ничего.

Въ противуположность этимъ несообразительнымъ, есть на корветѣ такіе понятливые матросы, что любо-дорого смотрѣть; они чуть ли не

на лету схватываютъ даваемыя объясненія, при чемъ не преминутъ задавать вопросы, ясно показывающіе, что не только они толково все понимаютъ, но даже забѣгаютъ и впередъ.

Перейдя экваторъ въ долготѣ 26 °W (отъ Гринвича), мы принуждены были, по случаю продолжавшихся штилей, убрать паруса и развести пары; шквалы не переставали налетать со всѣхъ сторонъ, но мы были имъ очень рады, потому что они хоть на короткое время освѣжали воздухъ и давали намъ возможность хоть нѣсколько минутъ послѣ долгихъ и скучныхъ часовъ провести въ дѣятельности и весело. Развлеченій пока не было: океанъ ихъ не доставлялъ, а мы и подавно ничѣмъ себя не развлекали, потому что удушливая жара не слишкомъ-то насъ къ этому побуждала; но, напротивъ, вслѣдствіе ея сильно одуряющаго вліянія, мы впадали въ бездѣйствіе и сонливость....

7 марта (въ широтѣ 5°34′ S) кончились наши невзгоды; утромъ задулъ давно желанный вѣтерокъ и далъ намъ возможность поставить опять паруса; какъ бы по мановенію волшебнаго жезла все измѣнилось, все приняло оживляющій, веселый видъ. Всѣ обрадовались освѣжающему вѣтерку, все ему улыбнулось, все приняло новый, пріятный видъ: чистое ясное небо смотрѣло какъ-то привѣтливо; яркое, веселое солнце, солнце пріятное, радостное, но не раскаленное ядро, тихо играло и ласкалось въ спокойныхъ водахъ безмятежнаго океана, на поверхности котораго показались опять живыя существа, весело играя на теплыхъ лучахъ величественнаго свѣтила и нѣжно ласкаясь къ освѣжающему вѣтерку. Корветъ принялъ какой-то праздничный, необыкновенный видъ: толпа гуляющихъ сновала по палубѣ, любуясь окружающею жизнью и движеніемъ; никто уже не скрывался отъ раскаленныхъ лучей экваторіальнаго солнца, никто уже не впадалъ въ приличествующую штилевой полосѣ сонливость и апатію.... Словомъ, оживилось небо, оживилось море, ожили и люди!.... И это всеобщее оживленіе придало слабое дуновеніе вѣтерка; пока онъ спалъ—все спало кругомъ непробуднымъ, тяжелымъ сномъ, лишь только онъ встрепенулся—все кругомъ оживилось, проснулось и развеселилось....

Южное небо, усѣянное чудными созвѣдіями, доставляло намъ по ночамъ необъяснимое блаженство; не было силъ оторваться отъ блещущихъ яркимъ свѣтомъ звѣздъ, и бывало по нѣскольку часовъ сряду смотришь въ темное, глубокое небо. Южный Крестъ, это чудеснѣйшее созвѣздіе южнаго полушарія, возбуждалъ восторгъ своимъ дивнымъ божественнымъ видомъ; онъ горѣлъ яркимъ, дрожащимъ огнемъ, придававшимъ ему необыкновенную прелесть; нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ этого див-

наго созвѣздія, лучшаго украшенія южнаго неба. Темный небосклонъ иногда прорѣзывался свѣтлою дугою, путемъ летящаго метеора, который или скрывался далеко на горизонтѣ, или какъ бы врѣзывался въ самую средину какого нибудь созвѣздія и на вѣки въ немъ пропадалъ; эти яркія дуги, прорѣзывающія небо въ разныхъ направленіяхъ, придавали общей картинѣ чрезвычайно эфектный, грозный видъ. Невольно взоръ слѣдитъ за быстрымъ полетомъ раскаленнаго тѣла, невольно является мысль: откуда несется оно и куда, въ какія страны, на какую звѣзду или планету направляетъ свой блестящій путь.... Можетъ быть, оно и долетитъ до какой нибудь отдаленной планеты, можетъ быть ударится и въ землю, глубоко врѣзавшись въ рыхлую почву, а можетъ быть раньше, чѣмъ достигнетъ чего нибудь, оно разлетится на тысячи мельчайшихъ кусковъ, которые въ свое время превратятся въ пыль и прахъ.... Все это невольно тѣснится въ голову и всѣми силами стараешься увидѣть, куда направила свой путь эта одинокая, въ сравненіи съ окружающими тѣлами, песчинка, и пытливо стараешься предугадать—откуда, изъ какихъ невѣдомыхъ странъ пустилась она въ свое плаваніе по безконечному пространству! Небо со всѣми своими украшеніями заставляетъ умъ работать, заставляетъ размышлять, и всѣ мысли, чувства, душа и сердце невольно несутся къ Премудрому Создателю, давшему жизнь и вѣчное движеніе безконечному и невѣдомому міру, невольно чувствуешь благоговѣніе и трепетъ передъ Его всемогуществомъ, силою и творчествомъ, невольно преклоняешься передъ Его дивными дѣлами, и сознаешь, что все существующее въ мірѣ ничтожно передъ Нимъ.

Море, не менѣе неба, доставляло намъ по ночамъ удовольствіе; почти каждую ночь любовались мы его неизъяснимо прелестнымъ мерцаніемъ, то такимъ сильнымъ, что, казалось, вся видимая поверхность океана залита горящимъ фосфоромъ, то болѣе слабымъ, и казалось тогда, что все море покрыто какими-то чудными искрами, звѣздами, огненными шарами, переливающимися всевозможными, самыми мягкими, самыми прелестными цвѣтами. Въ такія ночи небо теряло свою красоту, теряло свою торжественность, блѣднѣло и только, какъ бы въ свѣтломъ туманѣ, блестѣли тогда вдали нѣкоторыя, самыя большія, звѣзды.... Остальныя звѣзды дѣлались невидимыми глазу и, казалось, что онѣ всѣ слетѣли съ темнаго небосклона и играютъ, купаются въ не менѣе темныхъ водахъ океана.... Да, мы видѣли два неба: одно высоко надъ нами, другое — подъ нашими ногами; оба эти неба, казалось, спорили о своей красотѣ, казалось хотѣли, наперерывъ, удивить, поразить людей своею дивною торжественностью, хотѣли выказать всѣ свои прелести, всѣ чуд-

ныя тайны.... Которое изъ нихъ чуднѣе, великолѣпнѣе, торжественнѣе—съ перваго раза трудно рѣшить; когда горитъ все подъ ногами, то, кажется, нѣтъ ничего прекраснѣе, удивительнѣе, очаровательнѣе этого неба; когда же оно потухнетъ и весь небосклонъ, какъ бы ревнуя, что на него не обращали нѣкоторое время вниманія, загорится чудными созвѣздіями, мерцающими гордымъ, торжественнымъ свѣтомъ, то невольно забываешь все земное, обращаешь взоры къ небу и любуешься его дивными украшеніями; причемъ сравниваешь его съ гордою, спокойною и скромною красавицею, презирающею слишкомъ яркіе наряды, между тѣмъ какъ океанъ можно сравнить съ вертлявою, бойкою красоткою, которая хочетъ удивить зрителей, обратить ихъ взоры на себя своими яркими нарядами и украшеніями, своею жизнью и игрою....

При этомъ сравненіи невольно отдаешь предпочтеніе гордой, спокойной и скромной красавицѣ.... Словомъ, весело стало на душѣ по выходѣ изъ непривѣтливой штилевой полосы; развлеченіямъ, даруемымъ намъ океаномъ, не было и конца: то любуешься игрою быстрыхъ дельфиновъ, толпами гоняющихся за корветомъ, то стройнымъ полетомъ летучихъ рыбъ, стаями носящихся по всѣмъ направленіямъ, то разноцвѣтными медузами, поражающими глазъ своею красотою, то, наконецъ, алчною акулою, плывущею за кормою и какъ бы выжидающее себѣ подачки ....

Дни шли за днями весело, незамѣтно; однажды наше вниманіе было привлечено огромною акулою, слѣдовавшею за корветомъ, что называется, по пятамъ. Видъ чудовища былъ отвратителенъ; хитрые, злые и какіе-то злодѣщіе глаза ея свирѣпо поглядывали на любопытныхъ, наклонившихся черезъ бортъ, матросиковъ, при чемъ страшная пасть ея, усѣянная нѣсколькими рядами острыхъ, всеразрушающихъ зубовъ, открывалась и закрывалась съ какимъ-то непріятнымъ и бросающимъ въ дрожь стукомъ. Видно было, хотѣлось акулѣ попробовать человѣческаго мяса, до котораго, какъ извѣстно, животныя эти очень лакомы; нѣсколько разъ высоко подымала она изъ воды свою свирѣпую голову и какъ бы хотѣла схватить кого нибудь изъ толпы трунившихъ надъ нею матросиковъ.

— Ишь ее, пасть-то какъ раззѣваетъ, ухмылялся смотрѣвшій тутъ же Архипъ, подикось, сунь ей хоша бы и пушку, такъ-таки и перекуситъ, шельма!.... Ишь зубища-то какіе, не нашимъ чета......

— И не говори, просто страсти, да и только, проговорилъ неразлучный другъ его Михайло, а вона товарищи баятъ, такъ того еще хуже—людей, шельма, жретъ....

— Людей?! удивился Архипъ, неужто такъ-таки и жретъ?

— Потонешь и тебя сожретъ, добавилъ ухмыляясь Михайло.

— Меня?! испугался Архипъ, ишь куды хватилъ.... Значитъ отъ энтой самой рыбины и спасенья нѣту, добавилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Спасаться, дружище, будешь у нея въ брюхѣ, проговорилъ усмѣхаясь стоявшій по близости Архипычъ, а брюхо-то у эфтой акулы-рыбы, что твоя изба: и прилечь, и походить въ немъ можно....

— Штобъ лопнуло у нее энто самое брюхо! со злостью проворчалъ Архипъ, и отошелъ въ сторону, искоса поглядывая на плывущее за кормою чудовище.

— А, что, братцы, не поймать ли намъ звѣря этого, предложилъ Яковъ Матвѣичъ.

— Отчего не поймать, поймаемъ, дружно согласились собравшіеся матросики.

Сію же минуту доложено было по начальству, что «молъ акула за кормою бѣжитъ, такъ не благоугодно ли будетъ, вашему высокоблагородію, позволить ее схапать»?

Позволеніе вышло; живо забѣгали бывалые матросики, засуетились и стали готовиться къ интересному лову: одинъ принесъ нѣсколько кусковъ сала, другой добылъ изъ шхиперской здоровейный гакъ (по береговому крюкъ), третій притащилъ не менѣе здоровую и надлежащей длины веревку и цѣпь; не забыли приготовить также топоръ и ганшпугъ, какъ самыя необходимѣйшія вещи при ловлѣ такого чудовища, какъ акула. Изъ принесеннаго матерьяла живо изготовлена была чудовищная удочка: къ гаку прикрѣпили цѣпь, къ цѣпи веревку, за веревку ухватилось нѣсколько человѣкъ здоровенныхъ матросовъ — и дѣло въ шляпѣ — все было готово, чтобы «схапать» акулу-рыбу.

Для приманки и возбужденія ея аппетита, брошено было сперва два куска сала, которыхъ моментально какъ бы не бывало: съ такою жадностью бросилась на нихъ акула и проглотила.

Третій кусокъ сала былъ надѣтъ на приготовленный гакъ, а чтобы не сорвало его ходомъ корвета, прихватили еще, для безопасности, къ гаку каболкою [1]); наконецъ все было готово и приманка брошена за корму....

Быстро взмахнула акула сильнымъ хвостомъ и бросилась за убѣгающимъ кускомъ сала; подплывъ къ нему, она съ какою-то осторожностью

---

[1]) Каболкою называется толстая крѣпкая нитка ($^1/_2$ дюйма въ окружности), свитая изъ пеньки; изъ каболокъ въ свое время вьется разной толщины тросъ, смотря по числу ихъ, взятыхъ для свивки, хлопокъ.

понюхала его и нѣсколько секундъ какъ бы не рѣшалась схватить предлагаемое угощенiе; но жадность превозмогла опасенiе и инстинктъ, и страшное животное, повернувшись нѣсколько на бокъ, съ алчностью схватило приманку и проглотило....

— Тащи, тащи, раздалась команда Якова Матвѣича, и матросики дружно потащили веревку.

Напрасно чудовище рвалось, напрасно било объ воду своимъ страшнымъ хвостомъ, напрасно старалось перекусить крѣпкую цѣпь—его подтаскивали все ближе и ближе....

Вода окрасилась кровью судорожно бьющагося чудовища; прошло еще нѣсколько минутъ—и акула была уже на палубѣ. Первымъ дѣломъ засунули ей въ пасть крѣпкiй ганшпугъ, который затрещалъ подъ страшными зубами чудовища, силившагося освободиться отъ непрiятной закуски. Прошло десять минутъ—и акула лежала уже безъ хвоста, отхваченнаго нѣсколькими ударами топора, лежала безсильная, но все еще яростная въ своемъ гнѣвѣ; наконецъ ее угомонили, и только судорожный трепетъ тѣла и яростно смотрящiе глаза показывали, что она еще жива и чувствуетъ; сильный хвостъ ея, однимъ ударомъ котораго она могла бы, пожалуй, проломить палубу или убить быка, лежалъ въ сторонѣ безсильный, недѣйствительный, и никто уже не боялся этого страшнаго оружiя чудовища акулы.

Вмѣстѣ съ акулою подняты были на палубу двѣ небольшiя рыбки, темносиняго цвѣта, которыя такъ сильно пристали къ чудовищу, что насилу можно было ихъ отторвать. Оказалось, что это были вѣчные спутники акулъ—прилипалы, имѣющiя на верхней части головы особый органъ, овальной формы, помощью котораго онѣ могутъ присасываться, по желанiю, къ любому предмету и даже рыбѣ.

Неизвѣстно, почему эти небольшiя рыбки постоянно сопутствуютъ акуламъ, къ которымъ присасываются, большею частью, около жабръ и въ такомъ положенiи совершаютъ съ чудовищами всевозможные переходы, не прилагая къ тому никакого труда и даже пользуясь остатками съ господскаго стола; такимъ образомъ эти рыбки представляютъ изъ себя какихъ-то паразитовъ, не могущихъ существовать безъ помощи болѣе сильнаго, который ими, по видимому, нисколько не безпокоится и не трогаетъ.

Объ этихъ прилипалахъ древнiе имѣли слишкомъ преувеличенное понятiе и полагали, что одно подобное существо въ состоянiи, присосавшись къ подводной части корабля, остановить его на полномъ ходу и помѣшать дальнѣйшему плаванiю.... Конечно, подобныя сказки можно

отнести именно только къ древнимъ временамъ, когда видѣли, да и желали видѣть все, происходящее въ свѣтѣ, въ самомъ преувеличенномъ, страшномъ и фантастическомъ видѣ, когда только и жили одними чудесами, сказками и фантазіями.... Въ настоящее же время, почти каждому извѣстно, что рыбки эти однѣ изъ слабѣйшихъ существъ и нетолько не могутъ нанести какой нибудь вредъ, но даже сами, сознавая свою слабость, вступаютъ подъ покровительство сильныхъ воднаго міра.

Кромѣ прилипалъ, у акулъ есть еще и другіе спутники, такъ называемые, лоцмана, которые, по видимому, приносятъ имъ гораздо больше пользы, а если не пользы, то ужъ непремѣнно меньше безпокойства, такъ какъ они не обращаютъ своего господина въ какой-то даровой экипажъ, какъ дѣлаютъ то лѣнивыя прилипалы.

Лоцмана, это тоже небольшія рыбки, очень красивыя, при томъ чрезвычайно проворныя и ловкія; онѣ то и дѣло, что снуютъ около акулы по всѣмъ направленіямъ, бросаются взадъ и впередъ, какъ бы отыскивая что-то въ окрестностяхъ. Вообще въ нихъ замѣтенъ чрезвычайно живой характеръ и, по всему видно, онѣ всѣми силами стараются разодолжить чѣмъ-то своего грознаго повелителя, который, нельзя не удивляться, при всей своей прожорливости, никогда ихъ не трогаетъ. Чего хлопочутъ эти красивыя рыбки, что онѣ такъ тщательно высматриваютъ и ищутъ —трудно догадаться. Но, нужно сознаться, есть между чудовищемъ и этими граціозными паразитами какая-то странная и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто неразрывная связь, потому что трудно себѣ представить безъ особенной и притомъ чрезвычайно важной причины подобную благосклонность, какую оказываютъ акулы своимъ ловкимъ, быстрымъ спутникамъ. Акула—это такое хищное и кровожадное чудовище, что даже не щадитъ свою братію, а тутъ вдругъ оказываетъ свое высокое благорасположеніе какой-то небольшой рыбкѣ.... Говорятъ, что, будтобы эти рыбки служатъ развѣдчиками своихъ могучихъ властелиновъ и даже отыскиваютъ имъ пищу:—можетъ быть, не даромъ же, вѣроятно прозвали ихъ лоцманами....

Черезъ нѣсколько времени пойманная акула была распластана: съѣдомыя части—развѣшаны на бакѣ, а негодныя—брошены за бортъ, отрубленная же голова ея долгое время служила забавою матросовъ, которые толпами приходили смотрѣть на нее, какъ она то открывала пасть, то судорожно сжимала, все еще торчащій изъ ея горла, гандшпугъ, какъ она поводила глазами и вообще выказывала всѣ признаки жизни.... И дѣйствительно, живучесть этихъ чудовищъ поразительна и служитъ даже источникомъ самыхъ интересныхъ и странныхъ анекдотовъ и разсказовъ....

Сильно радовались матросики своей добычѣ, но больше всѣхъ доволенъ былъ пойманною акулою Архипъ, который съ удовольствіемъ поглядывалъ на развѣшанные ея куски и еще живущую голову.

— Ну, ужъ, шельма, не съѣшь таперича, говорилъ онъ самодовольно, смѣло тыкая пальцемъ въ лежащую передъ нимъ голову; «таперича я отъ тебя въ сохранности нахожусь, а брюхо-то твое вишь гдѣ».... при этомъ онъ указалъ пальцемъ сперва за бортъ, а потомъ на бакъ, какъ бы думая, что голова понимаетъ его росказни и пантомимы.

— Ты таперича лежи, издыхай, шельма, продолжалъ Архипъ свою рѣчь, не поймали-бъ тебя, подикось сколько народу пережрала.... знаемъ васъ.... баятъ, вы больно ужъ обжорливы....

— Архипка, укуситъ, крикнулъ кто-то надъ самымъ ухомъ нашего оратора.

— Ой-ли, испугался Архипъ и, блѣдный, отскочилъ отъ головы въ сторону, неужто и взаправду укуситъ?!....

Раздался дружный хохотъ, вызванный уморительнымъ испугомъ краснорѣчиваго оратора. Архипка, сообразивъ, что надъ нимъ только смѣются, немного оправился отъ испугу и подошелъ опять къ головѣ, но съ какою-то осторожностью и опаскою. Но теперь уже жестокая судьба хотѣла, по видимому, посмѣяться надъ храбрымъ Архипомъ: только что онъ подошелъ къ головѣ, какъ она въ этотъ моментъ, будто-бы нарочно, широко раскрыла свою пасть и судорожно сжала опять безпокоившій ее ганшпугъ.

Архипка сильно испугался, поблѣднѣлъ какъ полотно и стремительно бросился въ сторону.

— И взаправду укуситъ, закричалъ онъ какимъ-то задушаемымъ голосомъ: ой, братцы, укуситъ!—Матросики разразились веселымъ смѣхомъ, потѣшаясь надъ страхомъ Архипки, который, между тѣмъ, забрался уже на бакъ и началъ разсказывать сидящему тамъ Михайлѣ, какъ его «чуть-чуточки акула-рыба обжорливая не проглотила».

Вскорѣ голова, на радость Архипки, была выброшена за бортъ и съ этой минуты онъ сталъ вдругъ съ чего-то сильно бохвалится своею храбростью и говорилъ, что «хоть-бы десятокъ такихъ рыбинъ, я ихъ всѣхъ руками-бъ перевязалъ».

Конечно, въ появившуюся вдругъ храбрость его никто не вѣрилъ, и это обстоятельство ужасно раздосадовало Архипку.

— Какъ же эфто такъ, хорохорился онъ, я что ни на есть тигру лютую не боюсь....

— А головы за то мертвой испужался, добавилъ усмѣхаясь Михайло.

— Не замай, Мишка, право не замай, обозлился Архипъ, бросая на своего друга свирѣпые взгляды, я теѣ говорю—не замай, а то всеѣ потрэха твои выпущу....

Однако все прошло благополучно: потроховъ Архипка Мишкѣ не выпустилъ, драки тоже не было, и нашъ храбрецъ окончательно успокоился, получивъ добрый подзатыльникъ отъ проходившаго мимо и недовольнаго чѣмъ-то въ то время Якова Матвѣича...

Быстро подвигались мы впередъ, съ нетерпѣніемъ ожидая появленія берега.... И дѣйствительно, пробывъ въ океанѣ мѣсяцъ, не видя береговъ, земля кажется какъ-то особенно заманчивою; конечно, если бы мы пользовались въ морѣ тѣми же удобствами, какія могли бы имѣть на берегу, ну, тогда, можетъ быть, мы ждали его не съ такимъ нетерпѣніемъ и не стали бы съ такою жадностью поглядывать на впереди разстилающійся горизонтъ, изъ за котораго ожидали появленія земли....

Наконецъ, наши пылкія желанія начали осуществляться: 28 марта открылся входной сѣверный мысъ въ Ла-Плату.... Войдя въ устье рѣки, мы съ любопытствомъ замѣчали, какъ замѣтно смѣшивались мутныя и окрашенныя ея воды съ волнами океана; вода Ла-Платы, будучи легче морской, текла сверхъ ея, что болѣе всего было замѣтно въ струѣ, оставляемой корветомъ, гдѣ чистая, прозрачная морская вода красивыми водоворотами смѣшивалась съ мутною водою рѣки.

Не доходя пятидесяти миль до Монтевидео, благопріятный намъ вѣтеръ стихъ и наступила совершеннѣйшая тишина, напомнившая намъ о времени, проведенномъ въ штилевой полосѣ; только здѣсь уже не было той духоты и зловонія, какое пришлось намъ испытать тамъ: погода стояла самая прекрасная, ясная, освѣжающая; да развѣ и можно было ожидать подобной духоты въ 34° южной широты: вѣдь это уже не въ тропикахъ и не подъ экваторомъ. Прошли уже тѣ печальныя времена, когда не находили мы себѣ мѣста, а въ настоящее время наступили другія, болѣе блаженныя и пріятныя; но, разумѣется, нельзя уже, вслѣдствіе этого, сказать, что прежнее не повторится еще, можетъ быть, десятки разъ, потому что не разъ придется еще пересѣчь экваторъ, не разъ придется промаяться въ штилевой полосѣ, безъ которой не обошелся и Великій океанъ....

Да, жизнь моряка чрезвычайно разнообразна: сегодня не знаетъ куда скрыться отъ знойнаго солнца, удушливой жары и невыносимо тяжелой атмосферы, а черезъ три онъ уже весело разгуливаетъ по палубѣ, освѣжаемый прохладнымъ вѣтеркомъ, любуется окружающею жизнью и красотою, забываетъ прошедшія невзгоды, живетъ настоящимъ и замѣ-

нилъ уже свою тропическую одежду, состоящую изъ рубахи, брюкъ и башмаковъ, чѣмъ нибудь болѣе положительнымъ. Прошло еще нѣсколько дней, онъ уже кутается въ пальто, одѣваетъ шарфы, фуфайки, калоши, словомъ, бумагу замѣняетъ шерстью, легкіе воздушные башмаки—тяжелыми, здоровыми сапожищами и калошами; холодный вѣтеръ пронизываетъ его до самыхъ костей и рветъ съ него плотно обтянутое пальто, надоѣдливый осенній дождь бьетъ въ лицо и всѣми силами старается попасть ему за воротникъ и затѣмъ разлиться по всей спинѣ непріятными и бросающими въ дрожь ручейками....

Не успѣлъ морякъ еще привыкнуть къ этой погодѣ, какъ уже наступаетъ настоящая зима: снѣгъ, висящія на снастяхъ и борту сосульки, морозъ—все это краснорѣчиво доказываетъ, что онъ уже далеко отъ тѣхъ блаженныхъ мѣстъ, гдѣ онъ не зналъ даже, что такое сюртукъ и сапоги, гдѣ онъ ходилъ чуть ли не въ одеждѣ праотца, и тяжело вздыхаетъ онъ о тѣхъ счастливыхъ временахъ, глубоко сожалѣетъ, что они уже прошли, хотя, можетъ быть, въ то время онъ проклиналъ ихъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ болѣе прохладной погоды, даже желалъ, можетъ быть, въ то время лучше зимы, чѣмъ удушливый зной.... Какъ, право, непостояненъ человѣкъ: ему кажется лучше тамъ, гдѣ его нѣтъ, лучше то, чего у него нѣтъ! Морякъ, впрочемъ, можетъ быть непостояненъ, потому что онъ не привыкъ къ постоянству и однообразію: не успѣлъ онъ еще хорошенько выругать наступающія холодныя и худыя погоды, какъ уже пользуется яснымъ небомъ, пріятнымъ воздухомъ, какъ будто попалъ изъ Россіи въ Италію или Крымъ, а тамъ вдругъ наступаетъ невыносимый зной, духота, точно изъ Италіи перенесенъ онъ какою нибудь злою феею въ степь Сахару, затѣмъ—опять хорошая погода, опять холодъ и т. д. И это продолжается всю его жизнь, если только онъ не привыкъ плавать въ какихъ нибудь лужахъ, но привыкъ полосовать океаны во всѣхъ ихъ направленіяхъ: съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, отъ одного полюса къ другому, отъ материка къ материку, проходить въ какіе нибудь двадцать-тридцать дней тысячи миль, десятки градусовъ....

Какъ я уже говорилъ, не доходя до Монтевидео, мы заштилѣли что, впрочемъ, насъ нисколько не смутило: черезъ два часа пары уже были готовы и корветъ, убравъ паруса, отправился дальше. Во время перехода до Монтевидео, мы были поражены странными звуками, исходящими изъ воды, и которые, какъ я впослѣдствіи узналъ, производили никто другой, какъ рыбы, эти безгласныя, по мнѣнію многихъ, существа. То слышался одинъ голосъ, то вдругъ раздавалось ихъ сразу нѣ-

сколько, причемъ голоса этихъ рыбъ-музыкантовъ сливались въ какую-то трескотню, похожую на перекаты барабана; то слышалось что-то въ родѣ звона, то голоса походили на непріятное кваканье лягушекъ.... Эти звуки, издаваемые рыбами, производятъ съ перваго раза какое-то странное впечатлѣніе, и невольно начинаешь сомнѣваться въ вѣрности того мнѣнія, что ихъ производятъ дѣйствительно рыбы, потому что съ самаго малолѣтства пріучаешься считать ихъ самыми безгласными существами.

Впрочемъ фактовъ, доказывающихъ существованіе рыбъ-музыкантовъ, очень много, и знаменитый Линней ошибался, называя рыбъ «глухими и нѣмыми». Въ настоящее время оказалось, что всѣ рыбы имѣютъ слухъ и есть, кромѣ того, не мало и такихъ, которыя издаютъ довольно разнообразные звуки. Уже Эліанъ говорилъ, что «кто обрекаетъ молчанію всѣхъ рыбъ и называетъ ихъ нѣмыми, тотъ мало знаетъ ихъ природу, потому что нѣкоторыя изъ нихъ свищутъ, шумятъ и даже ворчатъ». По Аристотелю: «ворчатъ лира, хромида и аперъ; свищетъ — фаберъ, а морская кукушка имѣетъ голосъ, похожій на свойственный ея тезкѣ — птицѣ». Впослѣдствіи, наблюденія надъ издающими звуки рыбами умножились, и уже въ 1817 году естествоиспытатель И. Мюллеръ говорилъ о нѣсколькихъ подобныхъ рыбахъ, и такимъ образомъ подтвердилъ наблюденія древнихъ естествоиспытателей; при этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на иглотѣла, который, если его схватить, ворчитъ, и на орлинаго умбреца, который ворчитъ такъ ясно, что голосъ его слышенъ даже на глубинѣ двадцати футовъ.

Наконецъ, недавно, Прегеръ и де-Толонъ сообщили даже о существованіи музыкальныхъ рыбъ. «Въ апрѣлѣ 1860 года, разсказываетъ первый, мы находились на Понтіанакѣ, величественной рѣкѣ западнаго Борнео; тутъ мы услышали, во время прилива, совершенно ясно музыкальные звуки, то высокіе, то низкіе, то несущіеся издалека, какъ эхо, то раздающіеся такъ близко, какъ будто музыканты-рыбы плавали у самаго уха.... Они неслись изъ глубины, то какъ сладкое пѣніе страстныхъ сиренъ, то какъ полные звуки органа, то какъ тихіе переливы Эоловой арфы.... Когда я погружалъ голову въ воду, то звуки стали слышаться сильнѣе: легко можно было различить многіе, одновременно звучащіе тоны. Эту музыку, какъ говорили туземцы и какъ подтвердили самыя добросовѣстныя наблюденія, производятъ рыбы».

М. де-Толонъ говоритъ о подобномъ же явленіи въ заливѣ Пайлонъ, на сѣверѣ провинціи Эсмеральды, въ Экуадорѣ.

Такимъ образомъ музыкальныя способности рыбъ достаточно под-

тверждаются многими фактами, заслуживающими полнаго довѣрія, и въ настоящее время уже нелѣпо употребленіе общепринятой избитой фразы: «буду нѣмъ, какъ рыба».

29 марта, утромъ, возставши отъ сна, мы были пріятно поражены показавшимся вдали берегомъ; на корветѣ быстро стали приводить все въ порядокъ, чтобы не показаться въ чужомъ городѣ «свиньей», какъ выражаются въ этомъ случаѣ матросики....

Показавшійся берегъ сталъ постепенно выясняться все больше и больше: уже видна была, покрывающая его, растительность, вдали забѣлѣлись уже дома Монтевидео, столицы Уругвайской республики.... Высыпали всѣ посмотрѣть на новый городъ и съ замираніемъ сердца подумывали о предстоящихъ удовольствіяхъ: всѣмъ, кажется, сильно надоѣлъ тридцатидневный переходъ. Глаза всѣхъ были устремлены на приближающагося лоцмана, и всѣ ждали его, повидимому, съ сильнымъ нетерпѣніемъ; и дѣйствительно, отъ него отъ перваго мы должны были услышать всѣ новости, касающіяся Монтевидео и даже всей страны. Но вотъ лоцманъ ловко подошелъ къ борту и, привязавъ къ своему небольшому суденушку поданный съ корвета конецъ, живо взбѣжалъ на палабу, и всѣ разомъ рѣшили, почему-то, что это непремѣнно французъ; почему большинство причислило лоцмана къ французской, а не къ какой нибудь другой націи — не знаю.... Дѣйствительно, на видъ-то онъ немного и смахивалъ какъ будто на француза, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было не сознаться, если хотите, на португальца и даже немножко на мулата или метиса, словомъ, — въ нашемъ лоцманѣ оказалось смѣшеніе чуть ли не пяти народовъ.... Смуглый цвѣтъ лица, полныя губы заставляли думать, что онъ мулатъ; изящная наполеоновская бородка, воинственные усы и римскій носъ располагали считать его за француза; черные, живые, проницательные и страстные глаза обличали въ немъ испанца; затѣмъ у него были прямые, толстые волоса индѣйца; куртка, шляпа и башмаки — португальскаго матроса, словомъ, будущій проводникъ нашъ былъ престранная личность.... Только что онъ взошелъ на палабу, какъ всѣ окружили его съ разспросами на довольно разнообразныхъ языкахъ, потому что никто еще не зналъ, на какомъ нарѣчіи изволитъ онъ объясняться; съ перваго разу лоцманъ какъ будто смѣшался и не могъ никакъ сразу удовлетворить ихъ любопытству, да и не мудрено: понялъ ли онъ хоть сотую долю изъ массы брошенныхъ ему вопросовъ, вопросовъ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ даже очень невѣжливыхъ и неприличныхъ.... Черезъ нѣсколько времени всѣ задающіе вопросы успокоили понемногу свои порывы и видя, что лоцманъ не

думаетъ имъ отвѣчать, рѣшились терпѣливо ждать, пока онъ самъ пожелаетъ что нибудь имъ разсказать. Представившись капитану, нашъ будущій проводникъ объяснилъ ему на французскомъ языкѣ, что въ Монтивидео, въ этомъ желанномъ городѣ, при видѣ котораго многіе изъ насъ уже переселились въ область фантазій, свирѣпствуетъ сильная желтая лихорадка; что люди мрутъ, какъ мухи; что сосѣдніе порта всѣ закрыты и что, наконецъ, суда, вышедшія изъ Монтевидео, подвергаются мѣсячному карантину, словомъ, принесъ намъ самыя непріятныя, самыя худыя вѣсти, поразившія всѣхъ хуже штилевой полосы; лица у всѣхъ приняли какой-то печальный оттѣнокъ, точно сейчасъ воротились всѣ съ похоронъ роднаго отца или вообще кого нибудь, очень близкаго къ сердцу. Особенно вытянулись физіономіи у тѣхъ, кто впалъ въ область фантазій и заранѣе предвкушалъ всѣ прелести береговой прогулки....

Дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе неожиданности! Шли тридцать дней къ цѣли, тридцать дней жили ожиданіемъ и надеждою, и вдругъ, въ самый послѣдній моментъ узнаемъ, что все это напрасно, безслѣдно пропащіе долгіе дни; вамъ вдругъ говорятъ: «можете отправляться, молъ, въ дальнѣйшій путь»; а тутъ, какъ на зло, ни угля, ни провизіи, ни воды, словомъ—вездѣ и все пусто.... Да, невольно задумаешься надъ подобнымъ случаемъ, а на что рѣшиться—не знаешь: войти въ Монтевидео опасно, потому что эпидемія можетъ разразиться и надъ корветомъ; кромѣ того нужно потомъ выдержать цѣлый мѣсяцъ карантинъ, а хуже этого, кажется, ничего нѣтъ. Идти дальше, не имѣя ни пуда угля, ни ведра воды, ни достаточнаго количества провизіи — тоже непріятно, даже безразсудно. Не долго, впрочемъ, ломало начальство голову, чтобы выйдти изъ бѣды, и рѣшило, по предложенію лоцмана, пробраться въ Буеносъ-Айресъ, пробраться въ столицу Аргентинской республики, въ которой съ роду не бывало ни одно русское военное судно. Всѣ обрадовались этому рѣшенію, всѣ были довольны, что прогулка по берегу отложена на очень короткое время, всего только на переходъ отъ Монтевидео до Буеносъ-Айреса.

Корветъ прошелъ мимо Монтевидео и сталъ подыматься по Ріо-де-Ла-Платѣ, которая похожа скорѣе на какой-нибудь очень широкій (въ миль 150) проливъ, но ужъ ни какъ не на рѣку..... Издали только пришлось намъ полюбоваться столицею Уругвая, которая, судя по наружному виду, вѣроятно очень красива. Городъ расположенъ на одномъ изъ двухъ прекрасныхъ холмовъ, лежащихъ при входѣ въ прелестную лунообразную бухту; другой холмъ, лѣвый, занятъ маякомъ, построеннымъ на его вершинѣ, между тѣмъ какъ у его основанія раскинута

небольшая деревушка, утопающая въ чудныхъ, роскошныхъ садахъ. Собственно этотъ холмъ и носитъ названіе Монтевидео, которое передается также и городу, расположенному напротивъ.

Монтевидео (городъ) или, какъ его еще называютъ, Санъ-Феличе, имѣетъ чрезвычайно эфектный наружный видъ; онъ построенъ амфитеатромъ; зданія громоздятся другъ надъ другомъ и достигаютъ до самой вершины холма, на которой, господствуя надъ всѣмъ окружающимъ, гордо красуется прекрасный соборъ съ высеребренным куполомъ и двумя величественными колокольнями. Бѣлые дома города, освѣщаемые яркими лучами полуденнаго солнца, безъ крышъ и трубъ, сливаются въ одну общую массу, и кажется, что весь Монтевидео высѣченъ изъ гигантскаго цѣльнаго камня: правильными кубами возвышается одинъ домъ надъ другимъ, образуя при этомъ какъ бы величественную лѣстницу, подымающуюся до самаго собора и опять спускающуюся по его другую сторону.

Но вотъ Монтевидео остался далеко позади; корветъ, пыхтя и шумя, бѣжалъ отъ него, какъ отъ чумы, гордо разсѣкая желтыя воды Ріо-де-Ла-Платы; онъ, какъ будто бы, гордился тѣмъ, что первымъ изъ русскихъ военныхъ судовъ шелъ въ Буеносъ-Айресъ. До полночи мы пользовались благопріятною погодою, но въ полночь, на 30 марта, заревѣлъ такой страшной памперосъ [1]), что мы принуждены были тотчасъ же, гдѣ онъ засталъ, стать на якорь. Крутомъ насъ разлилась страшная мрачность, такъ что съ правой стороны судна нельзя было разсмотрѣть, что дѣлается на лѣвой, отъ гротъ мачты не видна была фокъ-мачта. При такой погодкѣ нельзя было двинуться и шагу впередъ: Ріо-де-Ла-Плата забурлила, закипѣла; волны съ шумомъ и ревомъ лѣзли на корветъ, какъ бы желая поглотить непрошеннаго гостя, яростно били онѣ

---

[1]) Памперосъ—называются на берегахъ Ла-Платы сильные югозападные (SW) вѣтры, дующіе ужасными порывами, иногда съ громомъ и молніею. Признакомъ этихъ вѣтровъ служитъ пониженіе барометра, рѣзко очерченныя кучевыя облака, которыя быстро охвачиваютъ все небо. Затѣмъ наступаетъ мокрая, туманная погода и задуваетъ сперва тихій сѣверо-восточный (NO) вѣтерокъ (такъ называемый сильный памперосъ), съ дождемъ; но затѣмъ вѣтеръ отходитъ отъ NO, черезъ N, NW, W, къ SW (черезъ сѣверъ, сѣверо-западъ, западъ, къ юго-западу), послѣ чего на юго-западѣ (SW) небо очищается и начинаетъ дуть жестокій SW съ ясною погодою; послѣ того онъ отходитъ къ S,SO и обращается наконецъ въ OSO муссонъ (къ югу, югу-востоку и въ востоко-юго-восточный муссонъ). Принося своими сильными порывами большой вредъ судамъ, памперосъ въ то же время приноситъ и нѣкоторую пользу, а именно—очищаетъ атмосферу отъ накопившихся міазмовъ, неизбѣжныхъ при низменномъ положеніи страны.

въ борта, корму, носъ, словомъ, какъ грозная армія наступала отовсюду..... Это уже не было правильное волненіе, встрѣчаемое нами въ океанѣ; нѣтъ, оно было похоже на сильное кипѣніе въ чудовищномъ котлѣ. Кругомъ слышался шумъ, похожій на сильный всплескъ волнъ, какъ будто бы наступающая армія раздѣлилась на двѣ враждующія партіи, яростно сталкивающіяся въ страшномъ бою..... Завыванье вѣтра, всплески волнъ, хлопанье снастей, скрипъ корветскихъ членовъ — составили какой-то ужасающій концертъ разбушевавшейся стихіи; эта дикая музыка не раздражала слухъ, но въ ней слышалось что-то величественное, грозное, проникающее въ душу и сердце моряка..... Окружающая мрачность придавала всей картинѣ какой-то эфектный, таинственный видъ.....

Черезъ два часа памперосъ стихъ, но мы, за пасмурностью, не рѣшались еще сняться съ якоря и ждали разсвѣта; при этомъ интересно замѣтить, что мы простояли ночь на глубинѣ всего только двадцати футъ [1]), слѣдовательно, казалось бы, что корветъ долженъ былъ сидѣть на мели, но ни чуть не бывало: утромъ снялись съ якоря также спокойно, какъ будто глубина подъ нимъ была сто саженъ. Съ перваго раза покажется это очень страннымъ, но, въ сущности, страннаго ничего не было, потому что грунтъ подъ корветомъ былъ такъ мягокъ, лучше сказать, жидокъ, что опущенная баластина (чугунный параллелопипедъ, вѣсомъ въ два или четыре пуда—употребляется для баласта) погружалась въ него на нѣсколько футъ, послѣ чего ее съ трудомъ можно было вытащить изъ воды.

Съ разсвѣтомъ мы снялись съ якоря и уже подъ парусами, чтобы не засорить кингстоновъ, пошли дальше; вдали виднѣлся южный берегъ Ріо-де-Ла-Платы, низменный, въ видѣ обширнаго зеленѣющаго луга; вскорѣ показалась масса стоящихъ на якорѣ большихъ судовъ, разнообразной конструкціи и парусности, но города видать еще не было. Мы съ нетерпѣніемъ ждали его появленія и съ жадностью разсматривали разстилающійся передъ нами низменный берегъ, на которомъ разбросано было нѣсколько невзрачныхъ домовъ, составлявшихъ какъ будто бы что-то въ родѣ небольшаго мѣстечка. Напрасно всматривались мы въ даль, напрасно напрягали свое зрѣніе, оглядывая окружающую насъ мѣстность: кругомъ не видно было ничего, что нибудь похожее на столицу Аргентинской республики. Вдругъ нашъ лоцманъ торжественно объявляетъ, что дальше идти нельзя и нужно здѣсь стать на якорь.

---

[1]) Кормой корветъ сидитъ тоже двадцать футъ.

— Гдѣ?! спрашиваемъ мы съ удивленіемъ и разочарованіемъ, неужели здѣсь, гдѣ же Буеносъ-Айресъ?!

Лоцманъ съ какимъ-то насмѣшливымъ видомъ посмотрѣлъ на насъ, какъ бы удивляясь нашимъ вопросамъ, и повторилъ, что дальше идти нельзя, мелко, а нужно стать на якорь здѣсь, на «внѣшнемъ» Буеносъ-Айресскомъ рейдѣ или въ такъ называемой бухтѣ Баррaганъ.

— Хорошо, говоримъ мы съ нетерпѣніемъ, да гдѣ же Буеносъ-Айресъ, скажите намъ, пожалуйста, гдѣ онъ, гдѣ онъ? сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Буеносъ-Айресъ? переспросилъ насъ лоцманъ, какъ бы нехотя и въ то же время удивляясь нашему невѣдѣнію:—о, далеко, далеко отсюда, болѣе десяти миль будетъ!

Вотъ такъ опять нежданный сюрпризъ: въ Монтевидео желтая лихорадка, а тутъ такъ и къ Буеносъ-Айресу не подойти, жалко; но, что-жъ дѣлать, не назадъ же ворочаться, станемъ и здѣсь. Вскорѣ узнали впрочемъ (что насъ немножко успокоило), что не мы одни здѣсь должны стоять, но всѣ большія суда, которыя не могутъ подойти къ Буеносъ-Айресу ближе.

Внѣшній буеносъ-айресскій рейдъ крайне неудобенъ; онъ совершенно открытъ юго-восточному вѣтру, который разводитъ здѣсь большое, неправильное волненіе; глубина его измѣняется отъ 30 (при SO) до 18 футовъ, но стоящія суда этимъ нисколько не смущаются: бываютъ случаи, что нѣкоторыя изъ нихъ сидятъ въ илу футъ, два и даже больше, а между тѣмъ могутъ легко и свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто и дѣйствовать рулемъ, потому что грунтъ здѣсь также жидокъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Ріо-де-Ла-Платы.

Сообщеніе съ городомъ очень затруднительно и это обстоятельство имѣетъ сильное вліяніе на успѣхъ внѣшней торговли, которая, хотя въ настоящее время чрезвычайно обширна, при лучшихъ обстоятельствахъ и условіяхъ была бы, можно сказать, колоссальною. Болѣе тысячи судовъ стоятъ на рейдахъ почти постоянно; но недостатокъ рукъ удерживаетъ ихъ въ Буеносъ-Айресѣ по два и даже по три мѣсяца; выгруженіе привозимыхъ товаровъ и нагрузка мѣстныхъ на суда чрезвычайно затруднительна, потому что ни одна шаланда не можетъ подойти къ пристани, хотя она выведена на полмили отъ берега, и приходится весь товаръ перегружать съ нихъ въ особыя телѣги, на высокихъ колесахъ, которыя для того въѣжаютъ далеко въ воду....

Вообще, какъ портъ, Буеносъ-Айресъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія и только одна крайняя необходимость можетъ заставить сюда

зайти; но за то, какъ политическій центръ Ла-Платскихъ республикъ, онъ заслуживаетъ подробнаго описанія, какъ историческаго, такъ и художественнаго.... Кромѣ того, я желаю познакомить читателей съ политическимъ и историческимъ бытомъ Ла-Платскихъ республикъ, но въ особенности Аргентинской, потому что знакомство съ ихъ политическими переворотами, братоубійственной, во вѣки непрекращающейся, войною, измѣнами, рѣзнею, интригами—отлично охарактеризуетъ все населеніе этихъ обширныхъ и богатыхъ республикъ, бѣднѣющихъ отъ вѣчной междоусобицы, вѣчной ненависти и вражды, какъ бы передающейся изъ потомства въ потомство, отъ брата къ брату, отъ отца къ сыну, даже отъ матери къ дочери, потому что здѣсь всѣ, мужчины, женщины и дѣти, участвуютъ въ политическихъ переворотахъ своей страны, причемъ нерѣдко отецъ придерживается одной партіи, сынъ — другой, братъ — третьей и разгорается у нихъ семейная, братоубійственная война: отецъ не жалѣетъ сына, губитъ его, даже убиваетъ, если нужно; сынъ возстаетъ противъ отца, брата, рѣжетъ ихъ, отравляетъ и задушаетъ или собственными руками или руками наемныхъ убійцъ.... Да, эта страна постоянныхъ ужасовъ, безпорядковъ, страна убійствъ и подлостей! Все это легко выведетъ всякій здравомыслящій читатель изъ слѣдующаго политическаго и историческаго очерка республикъ, особенно когда буду описывать двадцатилѣтнее тиранство изверга Розаса, диктатора Аргентинской Республики....

ГЛАВА XIV.

БУЕНОСЪ-АЙРЕСЪ.

Сборы. — Буеносъ-Айресъ. — Извощики-тритоны. — Французская гостинница. — Необыкновенная правильность постройки улицъ. — Патіо. — Азотеи. — Наружный и внутренній видъ домовъ. — Аристократическій кварталъ. — Кварталъ бѣдныхъ. — Церкви и духовенство. — Площадь «Побѣды». — Буеносъ-айресскій рынокъ и гигантскія фуры. — Гаучо, его характеръ и одежда. — Населеніе Буеносъ-Айреса. — Внутренняя жизнь аргентинскаго семейства.

Черезъ два дня, по приходѣ въ бухту Баррагань, собралась небольшая компанія для прогулки по Буеносъ-Айресу и его окрестностямъ; кромѣ того предполагалось, если позволитъ время, побывать въ неизмѣримыхъ лугахъ Южной Америки и познакомиться съ житьемъ-бытьемъ поселянъ Аргентинской республики, жизнь которыхъ обставилась такъ странно, такъ оригинально, что заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ путешественниковъ, которые когда либо посѣтятъ эту своеобразную, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательную, страну. Между нами нашлось нѣсколько любителей верховой ѣзды, желавшихъ попробовать свое искусство на быстрыхъ, какъ вѣтеръ, мѣстныхъ лошадяхъ; нѣкоторые даже вооружились ружьями, въ надеждѣ подстрѣлить въ преріяхъ какую нибудь птаху или даже звѣря, если попадется; но конечно звѣря не страшнаго и не опаснаго (мы съ подобнымъ звѣремъ встрѣтиться не предполагали, да, откровенно сказать, и не желали), а такъ что нибудь въ родѣ зайца или уже, maximum, лисицы.

Сборы нашей компаніи были очень шумны и мы никакъ не могли между собою согласиться, съ которой стороны начать осмотръ столицы Аргентинской республики, какія окрестности осмотрѣть раньше, на что обратить большее вниманіе и, наконецъ, какъ начать нашу шумную про-

гулку: съ Буеносъ-Айреса ли или же высадиться на ближайшій берегъ въ деревню Барраганъ, и оттуда уже направиться къ городу, осмотрѣвъ такимъ образомъ часть его окрестностей раньше.... Одинъ совѣтывалъ обратить вниманіе на гостинницы, кондитерскія, магазины и разные увеселительные дома столицы; другой билъ на то, чтобы осмотрѣть непремѣнно храмы, капеллы, монастыри, въ которыхъ полагалъ найти что нибудь таинственное, дѣйствующее на воображеніе и фантазію; третьи, напротивъ, хлопотали о томъ, чтобы посмотрѣть сперва на картины потрясающія, какъ напримѣръ, матадеро (matadero), саладеро (saladero) и тому подобныя учрежденія (о нихъ будетъ сказано въ свое время), между тѣмъ какъ четвертые—стремились полюбоваться поскорѣе прелестными дамами Буеносъ-Айреса, о красотѣ и граціи которыхъ носились на корветѣ такіе удивительные слухи, что онѣ заранѣе пріобрѣли себѣ въ корветской молодежи самыхъ ревностныхъ и смѣлыхъ поклонниковъ.... Словомъ, каждый предлагалъ что нибудь свое и простодушно увѣрялъ остальныхъ, что совѣтъ его и планъ предстоящей прогулки—самый наилучшій. Чтобы удовлетворить общему желанію, рѣшено было осмотрѣть по возможности рѣшительно все, побывать вездѣ, куда заносила раньше времени каждаго изъ членовъ, собравшейся компаніи, его пылкая фантазія; рѣшено было осмотрѣть Буеносъ-Айресъ со всѣхъ сторонъ, не выпуская ничего изъ виду, начиная съ гостинницъ, магазиновъ и тому подобныхъ коммерческихъ учрежденій и кончая таинственными монастырями, храмами и капеллами. Что же касается до живыхъ существъ, то компанія рѣшила посмотрѣть съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ на извѣстныхъ чуть ли не всему міру дикихъ гаучо, которые своимъ видомъ, по нашему мнѣнію, должны были напомнить намъ какихъ нибудь ужасныхъ, отвратительныхъ разбойниковъ (въ чемъ мы, сознаюсь, немного ошиблись), такъ и на прелестныхъ буеносъ-айресскихъ женщинъ, которыхъ наше пылкое воображеніе рисовало намъ такими красавицами, съ черными страстными глазами, съ стройною, гибкою таліею, крошечными, бѣленькими ручками и ножками, что раньше времени уже нѣкоторые изъ насъ замирали отъ восторга полюбоваться такими чудными произведеніями лаплатской природы....

Да, всѣ ждали предстоящей прогулки съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, и не мудрено: пробывъ въ морѣ тридцать дней, не видя вокругъ себя ни одного предмета, сколько нибудь напоминающаго берегъ, любуясь постоянно давно знакомыми физіономіями, каждая черта которыхъ, кажется, каждая морщинка, пятнышко и рубчикъ давно уже врѣзались въ память,—невольно

начнешь мечтать о землѣ, о ея жителяхъ, удобствахъ и удовольствіяхъ.... Берегъ казался намъ такимъ прекраснымъ, привлекательнымъ и очаровательнымъ, что мы не могли дождаться той блаженной минуты, когда нога наша ступитъ наконецъ на твердую, неколеблющуюся подъ ногами почву, когда глаза наши будутъ скользить не по давно знакомымъ измученнымъ лицамъ, но будутъ пытливо останавливаться на лицахъ новыхъ, совершенно намъ незнакомыхъ, на лицахъ, которыя будутъ производить на насъ совершенно противоположное впечатлѣніе, чѣмъ пріѣвшіяся лица нашихъ товарищей. Какая-то невѣдомая сила торопила насъ окончить, какъ можно скорѣе, наши шумныя приготовленія; мы собирались на берегъ съ такою лихорадочною поспѣшностью, что болѣе половины изъ вещей, которыя мы предполагали взять съ собою, было забыто на корветѣ.

Наконецъ, всѣ сборы были, по видимому, окончены; публика усѣлась, кто съ чѣмъ, въ стоящій у борта паровой катеръ, который, черезъ нѣсколько минутъ, запыхтѣлъ, застучалъ, засвистѣлъ, и понесъ насъ къ Буеносъ-Айресу. Быстро пробирались мы среди множества, стоящихъ на якорѣ, судовъ, всѣхъ конструкцій и вооруженій, обдавая дымомъ и летящею изъ трубы сажею любопытныхъ матросовъ всѣхъ націй, которые, свѣсившись черезъ бортъ, съ удивленіемъ поглядывали на насъ, представителей Россійскаго государства, большинство которыхъ, откровенно сказать, были очень похожи, въ своихъ, неуклюже сидящихъ на нихъ, штатскихъ платьяхъ, на раковъ-отшельниковъ, забравшихся въ чужую раковину, или, лучше сказать, на ворону въ павлиньихъ перьяхъ.

Вскорѣ всѣ, стоящія въ баррагансвой бухтѣ, суда остались далеко позади, и съ лѣвой стороны открылся передъ нами, какъ на ладони, такъ страстно, такъ пылко и давно ожидаемый Буеносъ-Айресъ. Онъ былъ раскинутъ на нѣсколько возвышенномъ, но почти ровномъ, берегу; множество башенъ, колоколенъ, куполовъ церквей и монастырей придавали ему причудливый, разнообразный пріятный для глазу видъ.... Ближе къ берегу тянулся длинный рядъ домовъ, теряющихся вдали въ красивыхъ и богатыхъ рощахъ и садахъ; передъ ними разбросано было нѣсколько башенъ съ почернѣвшими, вывѣтрившимися и надтреснувшими стѣнами, ясно показывающими, что много десятковъ лѣтъ вынесли онѣ на своихъ крѣпкихъ, сильныхъ плечахъ. Сгруппированныя въ серединѣ и лежащія на нѣсколько болѣе возвышенномъ мѣстѣ, лучшія зданія города, какъ-то: прекрасная таможня со множествомъ оконъ и имѣющая видъ грознаго полукруглаго форта, величественный соборъ, съ вздымающимися къ небу колокольнями, театръ, съ чрезвычайно крутою и

островерхою крышею, и другія, придавали общей картинѣ эффектный видъ....

Далеко въ рѣку шли отъ берега двѣ пристани, къ которымъ мы и направились; но, на наше несчастье, отливъ былъ такъ великъ, что мы никакъ не могли пристать ни къ одной изъ манящихъ къ себѣ пристанямъ и должны были съ терпѣніемъ ожидать благопріятнаго исхода изъ нашего сквернаго положенія. Не успѣли однако мы остановиться, какъ съ берега уже замѣтили наше непріятное положеніе и цѣлый десятокъ возницъ, возсѣдающихъ на какихъ-то не то колесницахъ, не то телѣгахъ съ чрезвычайно высокими колесами, бросились, какъ бѣшенные, въ воду и, перегоняя другъ друга, торопились предложить намъ свои услуги. Масса брызгъ, радужно блестящая на солнцѣ, летѣла изъ подъ колесъ и ихъ ретивыхъ лошадей и окачивала съ ногъ до головы торопящихся и ругающихся возницъ; смѣшно намъ было смотрѣть на эту новую для насъ картину, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы возносили къ небу живую благодарность за то, что Господь надоумилъ мѣстныхъ возницъ выдумать средство избавить путешественниковъ или вообще иностранцевъ отъ непріятнаго путешествія по водѣ, яко по суху, потому что, не будь этихъ смѣшныхъ телѣгъ на высокихъ колесахъ, намъ пришлось бы или вернуться, что было-бы очень непріятно, или же выйти изъ шлюбки и пройтись нѣсколько десятковъ сажень по колѣно въ водѣ, что было бы еще непріятнѣе.... Длинныя пристани (около четверти мили) выведены въ рѣку какъ бы только въ насмѣшку, потому что, кажется ни одна шлюбка не можетъ пристать къ нимъ вплотную: такъ около нихъ мелко; вывести же пристани дальше пока никто еще не позаботился, да и зачѣмъ, когда мѣстные возницы выдумали обходиться совершенно безъ нихъ—такъ по крайней мѣрѣ думаютъ жители Буеносъ-Айреса, и думаютъ, пожалуй, отчасти справедливо, а если не справедливо, то логично. «Зачѣмъ, насмѣшливо говорилъ намъ хозяинъ гостинницы, остроумный французъ, строить намъ то, безъ чего обходились отцы и дѣды буеносъ-айресскихъ жителей, да и безъ чего и мы сами пока, какъ видите, обходимся, благодаря смѣтливости нашихъ возницъ. Правда, немножко неудобно, но что же дѣлать, нужно пріучаться къ неудобству; а къ удобству пріучиться, какъ знаете, ничего не стоитъ». Какъ видно, французъ остроумно высказалъ образъ мыслей большинства буеносъ-айресскихъ жителей, которые, повидимому, размышляютъ дѣйствительно такъ, и вотъ, благодаря подобнымъ, довольно оригинальнымъ, размышленіямъ, никто до сихъ поръ не предложилъ вывести пристани какъ можно дальше отъ берега, а если, можетъ быть, и нашелся подобный

благодѣтель человѣческаго рода, то городъ, вѣроятно, пожалѣлъ средствъ докончить начатое, и такимъ образомъ до настоящаго времени каждый путешествующій въ Буеносъ-Айресѣ можетъ испытать подобное же оригинальное сообщеніе съ берегомъ, какое привелъ Господь испытать и намъ....

И такъ, бурля и обдавая насъ тысячью мельчайшихъ брызгъ, подкатили къ намъ со всѣхъ сторонъ телѣги, запряженныя, каждая, парою отличныхъ, сильныхъ лошадей, и возницы наперерывъ, съ шумомъ и гвалтомъ, предлагали намъ свои услуги; при этомъ я замѣтилъ въ нихъ черту характера, очень похожаго на характеристическую выходку нашихъ Ванекъ, а именно: у нихъ такая же страсть хулить лошадей, экипажъ и искусство своихъ товарищей по ремеслу, между тѣмъ какъ себя и все свое возносить до небесъ.

— Господа, галдилъ съ правой стороны здоровенный возница съ всклоченными волосами и горящими глазами, обращаясь къ намъ на коверканномъ французскомъ языкѣ, «клянусь Пресвятою Богородицею, что лучше моихъ лошадей, лучше моего экипажа, вы не найдете во всемъ Буеносъ-Айресѣ, стрѣлою довезу вашу милость до берега.... А эти господа», при этомъ онъ сдѣлалъ презрительный жестъ и указалъ па другихъ, обступившихъ насъ возницъ и старающихся всѣми силами перекричать здоровеннаго возницу, «не довезутъ васъ и до половины дороги.... Пусть будетъ свидѣтельницей Пресвятая Дѣва Марія, что я говорю сущую правду.... на полпути околѣютъ у нихъ всѣ лошади, экипажи развалятся и они выкупаютъ васъ въ глубокой водѣ нашей Ріо»....

— Карамба! ревѣлъ съ другой стороны, надъ самымъ нашимъ ухомъ, коренастый, плотный возница, бросая на перваго уничтожающіе взгляды, этотъ негодяй лжетъ.... онъ васъ, господа, не довезетъ, онъ васъ утопитъ на третьей же сажени.... не довѣряйтесь ему; господа, онъ васъ ограбитъ, зарѣжетъ.... онъ воръ, мошенникъ, убійца.... И полилась на перваго возницу такая ужасная брань, сопровождаемая отчаянными размахиваніями руками, что мы, зная немного характеръ испанцевъ и опасаясь кровавой схватки, раздѣлились на два лагеря и усѣлись въ экипажи двухъ горячихъ возницъ.... Остальные, обманутые въ своихъ надеждахъ получить сѣдока, бросились къ берегу, проклиная и ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей, которые, между тѣмъ, взмахнули кнутами и, какъ полуумные, понеслись также къ берегу, желая, повидимому, доказать намъ, что увѣренія товарищей въ неисправности ихъ экипажа и негодности лошадей не имѣютъ никакого основанія. Нашей партіи достался именно тотъ, коренастый, плот-

ный возница, который такъ жестоко выругалъ своего товарища, везшаго за нами остальную половину нашей компанiи; тотъ, повидимому, всѣми силами старался насъ перегнать, чтобы поддержать свою честь и честь добрыхъ коней, но не имѣлъ успѣха.... Нашъ возница, не переставая поносить своего товарища, летѣлъ, какъ угорѣлый, обдавая насъ тысячью блестящихъ брызгъ и нисколько не внимая нашимъ просьбамъ ѣхать полегче.

— Нѣтъ, господа, говорилъ онъ съ жаромъ, я хочу доказать этому негодяю, выскочкѣ, что у меня экипажъ не тростниковый и не на бумажныхъ колесахъ... я хочу доказать этому мошеннику, вору, что у меня не какiя нибудь дохлыя клячи, какъ у него, а чистокровные арабскiе жеребцы.... вы въ этомъ, господа, сами увѣритесь.... Сантъ-Яго! крикнулъ онъ лошадямъ, замѣтя, что его противникъ начинаетъ насъ догонять: добрые кони, послушные этому общепринятому поощрительному для нихъ возгласу, замѣняющему «ну—у» «пошелъ!» «эхъ вы, соколики»! и т. д. нашихъ русскихъ ямщиковъ, рванули и духомъ вынесли насъ на берегъ по особо устроенному скату, предназначенному для спуска въ воду этихъ оригинальныхъ повозокъ.

Расплатившись съ горячими возницами, которые не переставали все время переругиваться, и оправивъ, сколько было возможно, наше платье, достаточно пострадавшее во время переѣзда съ шлюбки на берегъ, мы зашли въ первую попавшуюся гостинницу, кто утолить голодъ, кто жажду (такихъ было больше), а кто и такъ, ради компанiи, послѣ чего рѣшено было осмотрѣть городъ вдоль и поперегъ.

Гостинница оказалась совершенно европейскою и нисколько не напоминала Америку, да притомъ еще Южную; тутъ была роскошная европейская мебель, паркетные полы, бильярды; стѣны обклеены богатыми обоями, окна украшены гардинами, полы —коврами, словомъ, находясь въ Америкѣ, мы съ перваго разу предположили, что какая нибудь благопрiятная фея перенесла насъ въ Европу. При всемъ этомъ хозяиномъ гостинницы оказался чистокровный, безъ всякой примѣси, французъ, остроумный, живой, веселый, который разсказалъ намъ нѣкоторыя буеносъ-айресскiя сплетни, указалъ мѣста, достойныя посѣщенiя зданiя, достойныя вниманiя, и наконецъ далъ нѣкоторыя свѣдѣнiя о буеносъ-айресскихъ красавицахъ; говоря о послѣднихъ, онъ подмигивалъ, щурилъ глаза, таинственно улыбался и его лицо принимало при этомъ умильное выраженiе нѣжащагося на тепломъ солнцѣ кота.

— О, господа, буеносъ-айресскiя дамы, говорилъ онъ, подмигивая, нашей молодежи: первыя красавицы въ мiрѣ, даже такихъ вы не най-

дете въ нашей любезной Франціи, противъ нихъ не устоитъ ни одинъ иностранецъ, при этомъ онъ таинственно улыбнулся. Но долженъ я васъ предупредить, господа, продолжалъ онъ, что хотя онѣ и кокетки, и нахальны, но неприступны.... французъ улыбнулся, таинственнѣе прежняго и подмигнулъ даже въ добавокъ глазомъ.

— Что вы станете дѣлать, буеносъ-айрейсскія дѣвицы желаютъ имѣть мужа, а не любовника, добавилъ онъ, многозначительно улыбаясь и оглядывая всю нашу компанію, какъ бы думая, что кто нибудь изъ насъ изъявитъ желаніе жениться на одной изъ буеносъ-айресскихъ красавицъ и попроситъ его быть сватомъ.

Черезъ нѣсколько времени, французъ заговорилъ о матадеросъ и саладеросъ и совѣтывалъ непремѣнно познакомиться съ этими учрежденіями.

— О, восхищался французъ, саладеро и матадеро это лучшее, что вы можете увидѣть въ окрестностяхъ Буеносъ-Айреса (однако мы были потомъ не такого мнѣнія), каждый образованный путешественникъ обязанъ ихъ посѣтить, потому что, не видавъ ихъ, онъ не можетъ сказать, что видѣлъ Буеносъ-Айресъ!

Долго еще разсказывалъ намъ французъ о своей новой родинѣ, давалъ полезные совѣты и даже предлагалъ намъ свои услуги быть путеводителемъ по незнакомому городу; словомъ, нашъ хозяинъ оказался такимъ предупредительнымъ, любезнымъ, что мы благодарили случай, забросившій насъ именно въ его гостинницу. Отведенная намъ комната была удобна, отлично меблирована, а главное, выйдя на балконъ, мы могли любоваться довольно живописнымъ видомъ. Передъ нами лежала Ріо-де-Ла-Плата, обширная, безконечная, величественная рѣка—настоящее море; ближе къ берегу виднѣлось множество мелкихъ судовъ, разгружающихся и нагружающихся, между тѣмъ какъ вдали, нѣсколько въ правой рукѣ, рисовался на голубомъ небѣ цѣлый лѣсъ мачтъ, стоящихъ тамъ на якорѣ, купеческихъ судовъ, которыя, по мелководью рѣки, не могутъ приблизиться къ берегу. Рѣка была очень оживлена: на всѣхъ комерческихъ судахъ кипѣла дѣятельная робота, товары перегружались въ шаланды или барки, которыя, въ свое время, подходили ближе къ берегу, насколько было возможно, и перегружали вторично забранные товары въ повозки на гигантскихъ колесахъ, запряженныя громадными, длиннорогими быками. Эти высокія повозки, одна за другою, въѣжаютъ въ рѣку и медленно тянутся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, за мелководьемъ, остановились нагруженныя шаланды, по всѣмъ направленіямъ бороздили онѣ мутныя воды Ла-Платы, тяжело колыхаясь и обдавая другъ друга брызга-

ми и тиною; въ каждой повозкѣ важно возсѣдалъ, такъ называемый, пикадоръ (picador), вооруженый длиннымъ, тонкимъ шестомъ, помощью котораго онъ управлялъ своими быками. Вся эта картина имѣла въ себѣ много деревенской прелести; оригинальныя повозки и длиннорогіе быки напоминали собою Малороссію....

Вдоль рѣки тянулись небольшіе красивенькіе домики, построенные изъ бѣлаго и краснаго кирпича и окруженные благоухающими, роскошными садами; взглядъ терялся въ зеленѣющихся вдали преріяхъ или лугахъ, прорѣзанныхъ прекрасными ивовыми аллеями; повсюду видна была роскошная зелень, зелень благоухающая, освѣжающая, и немудрено, что Буеносъ-Айресъ [1]) славится своимъ прекраснымъ воздухомъ, что доказываетъ и самое его названіе. Впрочемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Буеносъ-Айреса воздухъ не такъ хорошъ, какъ былъ прежде, потому что онъ сильно зараженъ разбросанными повсюду безчисленными саладеро и матодеро....

Буеносъ-Айресъ считается послѣ Ріо-Жанейро самымъ большимъ, красивымъ и многолюднымъ городомъ Южной Америки; онъ построенъ чрезвычайно правильно и въ этомъ отношеніи превосходитъ лучшіе европейскіе города, хотя основаніе и планировка послѣднихъ относится къ гораздо позднѣйшему періоду. Улицы, идущія параллельно Ріо-де-Ла-Платѣ, пересѣкаются другими, совершенно имъ перпендикулярными, одинаковой съ нимъ ширины и лежащими на одинаковыхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Такимъ образомъ, весь городъ раздѣленъ своими улицами на совершенно правильные и притомъ равные четыреугольники, называемые мѣстными жителями «квадрами» (quadros); сторона любого четыреугольника равняется ровно 370 футамъ, и если у кого изъ путешествующихъ будетъ время, то тотъ можетъ повѣрить это разстояніе, обойдя всѣ квадры съ футомъ въ рукахъ. Эта необыкновенная правильность улицъ города позволяетъ его жителямъ чрезвычайно точно обозначать мѣсто и разстояніе до разыскиваемаго дома; такъ напримѣръ, если вы вздумаете спросить: гдѣ живетъ такой-то или далеко ли до извѣстнаго мѣста, то вы получите ясный и короткій отвѣтъ: «въ улицѣ, положимъ, Перу, въ трехъ съ половиной квадрахъ отъ улицы Чили»! По этому адресу вы очень легко разыщите то, что вамъ надо, а главное, будете знать, каково разстояніе до извѣстнаго мѣста.

Правильность домовъ не менѣе удивительна: почти всѣ построены по одному плану; окна задѣланы съ улицы желѣзными рѣшетками, ясно

---

[1]) Буеносъ-Айресъ въ переводѣ «прекрасный воздухъ».

доказывающими, какъ опасаются здѣсь за свою жизнь и имущество. И дѣйствительно, Буеносъ-Айресъ былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ и безпорядковъ, переполненъ такою массою негодяевъ и убійцъ, лакомыхъ до чужаго кармана, что подобная предосторожность очень понятна. Къ внутренной сторонѣ домовъ примыкаютъ, въ аристократической части города, роскошные, чистенькіе дворики, называемые мѣстными жителями «патіо» (patio), на которые выходятъ остальныя окна дома и двери. Патіо одного дома примыкаетъ къ патіо сосѣднихъ домовъ, образуя при этомъ роскошную амфиладу двориковъ, осѣненныхъ каролинскими биніоніями (деревья) и украшенныхъ прелестными виноградными бесѣдками. Общая картина патіо восхитительна; они придаютъ городу пріятный дачный видъ, распространяютъ вокругъ себя нѣжное благоуханіе (какъ видите они не чета нашимъ петербургскимъ, даже аристократическимъ дворамъ, большая часть которыхъ хотя и распространяетъ далеко кругомъ себя благоуханіе, но, къ несчастью, не нѣжное, а пришибательное), освѣжаютъ воздухъ, причемъ невольно сознаешься, что названіе города совершенно ему соотвѣтствуетъ.... Сколько прелестей представляетъ подобная аристократическая улица вечеромъ! Озаренная прекраснымъ южнымъ небомъ, украшенная гирляндами цвѣтовъ и густою зеленью, она имѣетъ въ себѣ много очаровывающаго и привлекательнаго....

Крыши домовъ плоскія (исключая общественныхъ, казенныхъ и духовныхъ зданій) и образуютъ, такъ называемыя, азотеи, служащія мѣстомъ отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ ихъ обитателей, но въ особенности обитательницъ, которыя почти каждый вечеръ, въ опредѣленный часъ, выходятъ на это мѣсто прогулки, любуются чуднымъ небомъ, восхищаются прекрасными патіо, красиво тянущимися у ихъ ногъ, и лукаво переглядываются съ своими обожателями, гуляющими на сосѣднихъ и противуположныхъ азотеяхъ. Какою страстью сверкаютъ ихъ темные, какъ ночи, но блестящіе, какъ звѣзды, глаза, лукаво и смѣло выглядывающіе изъ подъ кружевной мантильи, накинутой на голову и прикрывающей ихъ черные, роскошные волосы, полныя плечи и колыхающуюся грудь... О, женщины Буеносъ-Айреса!... Сколько сердецъ трепещетъ отъ одного этого слова и замираетъ отъ умиленія и страсти!... Онѣ служатъ лучшими украшеніями азотей; проходя по улицѣ, невольно любуешься этими прекрасными буеносъ-айресскими свѣтилами, блистающими на азотеяхъ во все своей красотѣ, между тѣмъ какъ по близости расположились молодые астрономы, наблюдающіе каждый свою яркую, любимую звѣзду....

Снизойдемъ, однако, съ высоты азотеи во внутренность дома и посмотримъ въ общихъ чертахъ на жилище аргентинскаго семейства.

Внутреннее помѣщеніе небогатыхъ домовъ такъ просто, что европейцу, привыкшему къ комфорту, оно покажется очень неудобнымъ и даже бѣднымъ; вмѣсто европейскаго пола — земля, вымощенная плитами, стѣны выбѣлены известью; нѣсколько стульевъ американской работы, столъ и зеркало представляютъ все убранство пріемной комнаты; можете теперь судить о меблировкѣ другихъ комнатъ, назначенныхъ для помѣщенія членовъ семейства и въ которыя не можетъ ступить ни одинъ посторонній, развѣ только родные и друзья. Впрочемъ болѣе богатый семьянинъ, кромѣ подобныхъ комнатъ, имѣетъ еще въ своемъ домѣ, такъ называемое, пріемное зало, оклеенное обоями и установленное не стульями, а мягкими креслами; здѣсь онъ принимаетъ гостей, съ наивною гордостью наблюдая за восторгомъ своихъ менѣе зажиточныхъ друзей, приходящихъ въ умиленіе отъ какого нибудь березоваго рабочаго столика или этажерки краснаго дерева, потому что сами далеко не могутъ, по своимъ ограниченнымъ средствамъ, позволить себѣ подобную роскошь. Если посѣтителемъ подобнаго наивнаго хозяина будетъ привыкшій къ роскоши иностранецъ, и если онъ пройдетъ мимо всѣхъ этихъ рѣдкостей (разумѣется рѣдкостей въ глазахъ человѣка, невидавшаго лучшаго) безъ восторженнаго восклицанія, то можетъ жестоко обидѣть добраго хозяина, который переходитъ, обыкновенно, съ гостемъ отъ одной вещи къ другой, какъ рьяный садоводъ отъ растенія къ растенію, взлелѣянному его собственнымъ уходомъ, краснорѣчиво разсказываетъ ему, сколько хлопотъ и трудовъ стоило пріобрѣсть ту или другую вещь, то или другое издѣліе европейскаго краснодеревщика и, наконецъ, съ какого корабля получилъ всѣ эти вещи, когда, во сколько піастровъ обошелся ему тотъ или другой предметъ роскоши, словомъ, онъ разскажетъ своему гостю полную атестацію каждой вещицы. Постарайтесь слушать его внимательнѣе, задавайте даже сами вопросы, восхищайтесь, если можете, тою или другою изящною вещицею, хвалите вкусъ добраго и наивнаго хозяина — и тогда вы пріобрѣтете полное его расположеніе; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ будетъ возносить васъ до небесъ, расхваливать первому встрѣчному вашъ умъ, вкусъ, образованность, вѣжливость, словомъ, будетъ отъ васъ безъ ума.

Наружный видъ подобныхъ небогатыхъ домовъ очень невзраченъ: низенькіе, ровные, выбѣленные известью, принявшею вслѣдствіе сырыхъ вѣтровъ сѣроватый цвѣтъ, лишенные всякихъ архитектурныхъ украшеній — они чрезвычайно походятъ на стѣны какого-то неоконченнаго

города. Впрочемъ, въ аристократическихъ квадрахъ встрѣчаются иногда изящные, построенные съ необыкновеннымъ вкусомъ, дома съ прекрасными балкончиками и миленькими азотеями. Общій ихъ видъ восхитителенъ; эти роскошные дворцы производятъ такое хорошее впечатлѣніе, особенно вечеромъ, при чудномъ сіяніи луны, что невольно переносишься въ невѣдомый, фантастическій міръ, невольно думаешь, что видишь передъ собою одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ построекъ, которыя такъ живо описаны въ сказкахъ «Тысячи одной ночи»....

Черезъ открытые чудесные подъѣзды, съ рядами невысокихъ, но необыкновенно изящныхъ, колоннъ, осѣненныхъ вьющимися вокругъ нихъ цвѣтущими ліанами, видны роскошныя, мраморныя лѣстницы съ золоченными перилами, эфектно убранными краснымъ и бѣлымъ хрусталемъ.... Внутренность этихъ домовъ достойна удивленія и болѣе потому, что трудно себѣ вообразить подобную роскошь въ Южной Америкѣ, которая далеко отстала отъ цивилизаціи (подвигающейся впередъ гигантскими шагами только въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ); которая еще находится, можно сказать, въ первобытномъ состояніи, въ странѣ, гдѣ просвѣщеніе и варварство ведутъ нескончаемую, жестокую борьбу... Если бы не европейскіе эмигранты, массами пріѣзжающіе сюда съ цѣлью обогатиться, то Южная Америка давно бы погрязла въ невѣжествѣ и поднять ее изъ этого омута было бы очень трудно.... И такъ, повторяю, внутренность аристократическихъ буеносъ-айресскихъ жилищъ, украшенныхъ, сверху до низу, цвѣтущею зеленью, которая обвиваетъ дверь, окна, галлереи, балконы и колонны, достойна удивленія; великолѣпно лѣпленные потолки, украшенныя чудесными фресками стѣны, мозаичной работы полъ, прекрасная, роскошная мебель, въ восточномъ вкусѣ,— все это напоминаетъ жилище какой нибудь феи или восточной царицы. Внутренній дворъ, или патіо, выстланъ мраморомъ; посреди его красуется изящный колодецъ, прикрытый мавританскою, золоченною или бронзовою аркою, украшенною разнообразною зеленью и цвѣтами. По вечерамъ, эти маленькіе, прекрасные дворцы фантастически освѣщаются множествомъ чудесныхъ лампъ съ разноцвѣтными колпаками, которыя разливаютъ вокругъ себя такой мягкій, волшебный свѣтъ, что, проходя мимо этихъ, поистинѣ царскихъ, жилищъ, невольно останавливаешься передъ ними очарованный, удивленный и восхищенный!...

Улицы въ этой аристократической части города содержатся необыкновенно чисто; прямыя, широкія — онѣ производятъ хорошее впечатлѣніе. Унизанныя съ обѣихъ сторонъ множествомъ красивыхъ, роскошныхъ лавокъ и магазиновъ съ зеркальными окнами, освѣщенныя газомъ,

и осѣненныя зеленью — онѣ восхитительны. Тутъ вы увидите модные, игрушечные, мебельные, оружейные магазины, лавки съ желѣзными и мѣдными издѣліями англійскихъ фабрикъ, тутъ вы увидите всю парнасскую изобрѣтательность, которая является здѣсь въ видѣ тысячи самыхъ затѣйливыхъ вещей изъ бронзы, золота, серебра, въ видѣ чудныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, бархата, атласа и, наконецъ, въ издѣліяхъ изъ войлока, поярка, бумаги и т. д. Словомъ, вы увидите здѣсь все тоже, что видите каждый день на нашемъ Невскомъ проспектѣ, только, разумѣется, въ миніатюрѣ, потому что въ Буеносъ-Айресѣ нѣтъ такихъ обширныхъ магазиновъ, такихъ прекрасныхъ, многоэтажныхъ домовъ съ громадными зеркальными окнами, нѣтъ такихъ чудныхъ широкихъ тротуаровъ: здѣсь вы увидите ту же роскошь, ту же суету, тѣ же товары, за которые, къ несчастью, вамъ пришлось бы заплатить баснословныя цѣны, потому что европейскія издѣлія здѣсь продаются чуть ли не на вѣсъ золота; но, тѣмъ не менѣе, почти всѣ магазины полны буеносъ-айресскими красавицами, передъ которыми ловкіе французы развертываютъ роскошныя шелковыя матеріи, ліонскій бархатъ, самыя лучшія ленты, модныя богатыя платья, шляпки и тому подобныя вещи, привезенныя изъ Франціи. Черноокія красавицы любуются всѣмъ съ необыкновеннымъ восторгомъ, страстные ихъ глаза разбѣгаются при появленіи каждой новой матеріи, новой шляпки или мантильи; онѣ суетятся у прилавковъ, хлопочатъ, жужжатъ, какъ стая прекрасныхъ бабочекъ, гоняютъ прикащиковъ за тою или другою вещью, перерываютъ магазинъ сверху до низу, торгуются, и въ концѣ концовъ уходятъ изъ него ничего не купивши, да и не мудрено: европейскіе купцы, пріѣхавшіе въ Буеносъ-Айресъ, задались мыслью непремѣнно разбогатѣть на счетъ мѣстныхъ жителей, и дерутъ съ нихъ за самую пустую вещь такія баснословныя цѣны, что только самые богатые граждане могутъ побаловать своихъ женъ и дочерей выдумками французской моды. Красавицы же, имѣющія отцовъ или мужей немножко побѣднѣе, довольствуются только тѣмъ, что переходятъ изъ одного магазина въ другой, любуются дорогими вещами, примѣриваютъ ихъ, вздыхаютъ и, глубоко огорченныя, что не могутъ пріобрѣсть какое нибудь идущее къ нимъ платье, мантилью, или шляпку, грустно уходятъ изъ магазина, купивъ, можетъ быть, всего только два аршина лентъ, а перерывъ весь магазинъ, примѣривъ чуть ли ни всѣ имѣющіяся въ немъ платья и шляпки и перемявъ, прикидывая къ себѣ, нѣсколько кусковъ матеріи....

— Боже сохрани, господа, говорилъ намъ одинъ французъ, обладатель нѣсколькихъ модныхъ магазиновъ въ Буеносъ-Айресѣ, если въ

магазинъ зайдетъ одна красавица, безъ мужа или отца; у насъ это явный признакъ, что она все неpeроетъ, перемнетъ, перемѣритъ, поставитъ весь магазинъ вверхъ дномъ, а между тѣмъ ничего не купитъ, или же ограничится нѣсколькими аршинами простенькихъ лентъ, вуалью или пуговицами. А попробуйте отказать въ чемъ нибудь подобной покупательницѣ, продолжалъ французъ, такъ поплатитесь тѣмъ, что ни одинъ покупатель не взглянетъ въ вашъ магазинъ и вы принуждены будете его закрыть. Это обстоятельство заставляетъ насъ угождать подобнымъ покупательницамъ и терпѣть убытки, причиняемые намъ ихъ примѣриванiемъ и прикидыванiемъ....

— И которые вы, разумѣется, возмѣщаете на другихъ покупателяхъ, прибавилъ кто-то.

Французъ замялся, покраснѣлъ и замолчалъ; какъ видно затаенная его мысль была обнаружена....

Немного въ сторонѣ отъ аристократической части города, отъ этихъ блистающихъ огнями и шумныхъ улицъ, тянется обширный кварталъ, до того пасмурный и тихiй, что при входѣ въ него невольно овладѣваетъ всѣмъ существомъ какая-то непонятная тоска, невольно начинаешь сожалѣть о бѣдныхъ жителяхъ этой грустной, грязной части города, напоминающей лондонскiй Уайтъ-Чапель или Клеркенуель.... Хотя улицы здѣсь также правильны, также широки, какъ и въ аристократической части города, но за то не отличаются тѣмъ же изяществомъ и чистотою; тутъ каждая квадра состоитъ изъ массы ветхихъ, полуразрушенныхъ домовъ, напоминающихъ своимъ видомъ жалкiя лачуги лондонскихъ нищихъ.

Низкая, грязная дверь ведетъ въ жилище буеносъ-айресскихъ бѣдняковъ; покосившiяся окна, ничѣмъ не прикрытыя, грустно и уныло посматриваютъ на вонючую, едва проходимую, улицу.

Проходя мимо этихъ жалкихъ лачугъ, невольно любуешься черезъ окна и полуотворившiяся двери грустными картинами бѣдности: здѣсь виднѣются нагiя, грязныя дѣти, валяющiяся на голой землѣ, потому что о каменныхъ плитахъ въ этихъ лачугахъ нѣтъ и помину; въ сторонѣ отъ нихъ перебираетъ грязныя, отвратительныя лохмотья, какая-то заспанная, не менѣе грязная, женщина, повидимому, мать; она такъ занята пересмотромъ своего жалкаго имущества, что не обращаетъ никакого вниманiя на пискъ и визги своихъ, валяющихся въ грязи, дѣтей... Немного дальше можно было разсмотрѣть черезъ окно богатырски, развалившагося на полу гаучо, усыпленнаго «кана» (крѣпкiй мѣстный напитокъ) или мате, но гаучо, не стройнаго, красиваго, мужественнаго,

какимъ его обыкновенно встрѣчаешь на улицѣ, а грязнаго, безпорядочнаго, одѣтаго въ какія-то лохмотья, гаучо — съ лицомъ испитымъ и убитымъ, ну, точно видишь передъ собою самаго отъявленнаго разбойника, мошенника и вора. Окружающая его обстановка показалась бы бѣдною даже лондонскому нищему: — такъ она была жалка и непривѣтлива!....

Тротуары въ этомъ грустномъ кварталѣ были поросши травою, какъ какое нибудь поле; улицы, лишенныя мостовой и изрытыя рытвинами, почти не проходимы, какъ лѣтомъ, такъ и зимою; въ ясную, сухую погоду, при слабомъ дуновеніи вѣтерка, пыль здѣсь стоитъ столбомъ, залѣпляетъ глаза, лѣзетъ въ носъ, ротъ и уши, словомъ, какъ бы хочетъ напомнить любопытному и любознательному путешественнику, желающему осмотрѣть эту трущобу, что здѣсь не его мѣсто, и лучше будетъ, если онъ повернетъ оглобли назадъ. Во время дождей здѣсь чуть ли не хуже: рытвины и выбоины наполняются дождевою, грязною водою и представляютъ множество вонючихъ, непроходимыхъ лужъ; гдѣ же нѣтъ лужъ, то тамъ такъ вязко, что даже мѣстные жители не рѣшатся пуститься въ эту берлогу безъ особенныхъ предосторожностей, а что касается до любопытнаго путешественника, то лучше будетъ, если онъ въ то время сюда и не заглянетъ.

Между прочимъ, въ этомъ кварталѣ бѣдныхъ существуетъ улица, носящая громкое названіе «улицы Соединенныхъ Штатовъ» (Calle de los Estados Unidos), но между тѣмъ она представляетъ одну изъ самыхъ ужаснѣйшихъ помойныхъ ямъ, какую только можно себѣ представить. Странно, отчего до сихъ поръ американскій посланникъ, въ Буеносъ-Айресѣ, не протестовалъ противъ подобнаго оскорбленія своей страны?.... Что можетъ быть хуже, какое оскорбленіе можетъ быть чувствительнѣе, какъ назвать груду нечистотъ и сору «улицей Соединенныхъ Штатовъ!»

Въ городѣ есть множество церквей, нѣсколько госпиталей, монастырей, университетовъ (?), академія (?), гимназіи, физическій и минералогическій кабинеты, и, наконецъ, самая богатая во всей Южной Америкѣ библіотека. Церкви Буеносъ-Айреса не такъ замѣчательны, своею архитектурою, какъ роскошью внутренняго убранства, доказывающаго необыкновенную ревность католиковъ къ своей религіи. Большая часть церквей отличается древностью постройки; архитектура ихъ самая простая, строгая, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень живописная, торжественная и эфектная; множество странныхъ изображеній святыхъ, разодѣтыхъ въ различныя одежды, украшенныхъ цвѣтами, лентами и какими-то орде-

нами, стоятъ во всѣхъ нишахъ и придаютъ, откровенно сказать, церквамъ какой-то балаганный, не дѣйствующій на душу видъ.

Религіозный фанатизмъ жителей-католиковъ доходитъ до такой сильной степени, что они чуть-ли не награждаютъ своихъ святыхъ генеральскими мундирами, лентами, звѣздами, шпорами, словомъ преобразовываютъ святое изображеніе въ какого нибудь военнаго генерала, министра и даже президента. Эта уморительная костюмировка святыхъ происходитъ вслѣдствіе невѣжества, какъ жителей, такъ и духовенства; послѣднее, вмѣсто того, чтобы направлять свою паству на истинный путь, напротивъ, совращаетъ ее съ него и дѣлаетъ всѣхъ католиковъ глупыми и дикими фанатиками. Все католическое населеніе Аргентинской конфедераціи отличается необыкновеннымъ суевѣріемъ, не имѣетъ точнаго понятія о религіи вообще, искаженно понимаетъ священное писаніе и враждебно относится къ тѣмъ, кто исповѣдуетъ не католическую религію. Кто виною подобнаго состоянія аргентинскихъ католиковъ? Духовенство, которое всѣми силами старается возбудить въ своей паствѣ глупый религіозный фанатизмъ, которое никогда и ничего не дѣлаетъ для того, чтобы возвысить и улучшить ея образъ мышленія; напротивъ оно всѣми силами старается, чтобы всѣ аргентинскіе католики погрязли въ невѣжествѣ, потому что оно понимаетъ, что съ образованнымъ народомъ труднѣе совладать, труднѣе будетъ водить его за носъ и обирать. Католическое духовенство Аргентинской республики отличается необыкновеннымъ высокомѣріемъ, фанатизмомъ и невѣжествомъ, оно постоянно возмущаетъ народъ противъ всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія, потому что считаетъ ихъ еретиками и массонами; мало того, оно вооружаетъ народъ даже противъ чистыхъ католиковъ, въ Европѣ, и которыхъ, не знаю почему, оно торжественно объявило врагами церкви. Не проходитъ ни одной недѣли, чтобы духовенство не пострекнуло народъ на какую нибудь отвратительную выходку, убійство или извергство; оно, рѣшительно можно сказать, портитъ нравственность низшаго класса, вмѣсто того, чтобы возвышать ее, проповѣдуетъ убійство, ненависть къ ближнимъ вмѣсто христіанской любви и милосердія!....

Въ центрѣ города лежитъ обширная площадь «Побѣды», вокругъ которой, а также въ примыкающей къ ней улицѣ «25-го мая [1])», группируются лучшія общественная и казенныя зданія города. Здѣсь красуется, напримѣръ, величественный соборъ, украшенный прекраснымъ

---

[1]) Улица «25 мая» названа такъ въ честь дня, въ который отдѣлилась Аргентинская конфедерація отъ метрополіи (25 мая 1810 года).

дорическимъ портикомъ и увѣнчанный роскошнымъ, чрезвычайно правильнымъ куполомъ; Рекова—крытый базаръ, въ родѣ европейскихъ гостинныхъ дворовъ или пассажей; Кабальдо или ратуша, подъ которою возвышается красивая башня и колокольня; наконецъ театръ де-Колонъ, лучшій въ Буеносъ-Айресѣ, дворецъ юстиціи, тріумфальныя ворота, замѣчательная постройка временъ Мендозы, основателя столицы Аргентинской конфедераціи, и другія, достойныя вниманія, зданія. Всѣ они стоятъ по четыремъ сторонамъ площади «Побѣды», поверхность которой равняется одной квадрѣ. Общій видъ всѣхъ этихъ зданій производитъ въ архитектурномъ отношеніи весьма пріятное впечатлѣніе, но если разсматривать ихъ отдѣльно одно отъ другаго, то, кромѣ величественнаго собора, ни одно изъ нихъ не можетъ похвалиться изяществомъ.

Посреди площади возвышается кирпичный обелискъ, окруженный бронзовою рѣшеткою, на острыхъ копьяхъ которой нанизаны были, во времена жестокаго Розаса, множество отрубленныхъ головъ жертвъ политическихъ безпорядковъ; граждане проходили тогда съ трепетомъ мимо этой ужасной рѣшетки, съ ужасомъ замѣчали нанизанныя головы и, страшась узнать въ нихъ своихъ друзей, родныхъ или знакомыхъ, боялись поднять глаза и взглянуть на эти, искаженныя страданіями, лица. Кромѣ того они опасались мести тирана; бѣда тому, кто выказалъ тогда хотя бы самое слабое сожалѣніе къ жертвамъ дикаго изверга: его немедленно схватывали презрѣнные наемники Розаса и тутъ-же зарѣзывали, отрубали голову и, для примѣра другимъ добрымъ гражданамъ, нанизывали ее рядомъ съ головою того, о комъ онъ выразилъ свое сожалѣніе словомъ или даже взглядомъ!

Я не понимаю, отчего до сихъ поръ не уничтожили этотъ обелискъ, этотъ памятникъ ужасныхъ временъ Розаса, отчего не изломали эту рѣшетку, на которой, кажется, видишь еще кровь жертвъ тирана? Неужели аргентинцы ждутъ повторенія ужасной тираніи, неужели буеносъайресскіе жители могутъ хладнокровно проходить мимо этого памятника извергства и убійствъ, любоваться бронзовою рѣшеткою, которая, въ былое время, сверху до низу, была покрыта кровью ихъ несчастныхъ братьевъ, отцовъ, мужей, друзей и близкихъ сердцу?....

Площадь «Побѣды» всегда очень оживлена, потому что представляетъ центръ правительственной и общественной дѣятельности; преобладающій здѣсь элементъ—военный. Тутъ вы увидите подъ арками галлереи дворца юстиціи большую толпу солдатъ, черныхъ, красныхъ, бѣлыхъ, наконецъ получерныхъ, полукрасныхъ и полубѣлыхъ, словомъ, солдатъ самыхъ разнообразныхъ народностей, всѣхъ помѣсей и при-

мѣсей. Одни изъ нихъ важно прогуливаются въ мундирахъ, другіе— въ индѣйскихъ панчо (плащъ), третьи—въ какихъ-то тряпьяхъ, не похожихъ ни на то, ни на другое, словомъ, какъ видно, они пользуются полною свободою носить все, что ни пожелаютъ, благо бы только дрались съ врагами отечества, какъ подобаетъ храброму и честному воину. Головы нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыты платками, другихъ чѣмъ-то въ родѣ вязанныхъ чепчиковъ, третьихъ — круглою съ широкими полями шляпою, словомъ, головной уборъ каждаго изъ солдатъ согласовался, повидимому, только съ его вкусомъ и карманомъ, и нисколько не подчинялся какимъ нибудь опредѣленнымъ законамъ о формѣ, которыхъ, какъ кажется, въ этой вольной странѣ не существуетъ. Съ какою безпечностью, съ какою апатіею исполняютъ свои обязанности эти храбрые защитники отечества, съ какою небрежностью носятъ они свои, старой конструкція, ружья и которыми, повидимому, очень тяготятся, словомъ, эти храбрецы имѣютъ очень распущенный и неблагообразный видъ. Впрочемъ, на парадахъ или вообще, когда аргентинское войско въ сборѣ, оно выглядитъ нѣсколько приличнѣе, потому что большая часть его одѣта одинаково, довольно опрятно, и даже почти каждый солдатъ имѣетъ сапоги или башмаки, между тѣмъ какъ въ прошлое время они всѣ ходили босикомъ и только высшіе чины въ войскѣ Розаса имѣли право носить башмаки или сапоги. Даже по обуви, при Розасѣ, различались чины: такъ напримѣръ, сержанты могли носить только башмаки, офицеры—сапоги изъ обыкновенной кожи и наконецъ генералы—сапоги изъ лакированной....

Кромѣ солдатъ, толпились подъ арками дворца юстиціи разнаго рода просители, тяжущіеся и какія-то старухи; всѣ они шумѣли, кричали, смѣялись, разговаривали и вообще не показывали никакого уваженія къ присутственному мѣсту судебной власти. Въ нижнемъ этажѣ дворца юстиціи находилась городская тюрьма, чуть ли не самая отвратительная и грязная во всемъ свѣтѣ; всѣ преступники безъ исключенія, убійцы, воры, мошенники, поддѣлыватели фальшивыхъ бумагъ, нарушители общественнаго спокойствія, пьяницы, поднятые на улицѣ полиціею, и тому подобные неблагонадежные люди, помѣщались въ одной комнатѣ, смрадной, вонючей и грязной.... Шумъ и гамъ неслся изъ этого отвратительнаго логовища буеносъ-айресскихъ подонковъ; нельзя было безъ отвращенія смотрѣть на толпу отъявленныхъ негодяевъ, то лежащихъ на грязномъ полу, то сидящихъ, то прогуливающихся въ своей вонючей клѣткѣ; нельзя было безъ содроганія слушать ихъ циничный хохотъ, руготню, едва не доходящую до драки, и какой-то адскій вой.... Какое странное

было тутъ смѣшеніе народностей, языковъ, одежды и преступленій! Вотъ сидитъ въ углу старикъ, въ лохмотьяхъ, избитый, изцарапанный, съ всклокоченными сѣдыми волосами и бородою, словомъ, буеносъ-айресскій бродяга, который, вѣроятно, и попалъ-то въ тюрьму, въ общество убійцъ и самыхъ отъявленныхъ негодяевъ только за то, что изволилъ шляться по городу безъ вида и протягивать прохожимъ за милостынею руку. Какъ тупо смотритъ онъ изъ подъ сѣдыхъ бровей на своихъ ужасныхъ сосѣдей и на ихъ циничныя выходки, — сейчасъ видать, что онъ не привыкъ вращаться въ подобномъ отвратительномъ обществѣ; онъ былъ бродяга и знался съ бродягами, а не съ убійцами, разбойниками и грабителями, въ среду которыхъ бросила его несчастная судьба. Недалеко отъ старика-бродяги расположился гаучо, гаучо, можно сказать, только что выкупавшійся въ крови (человѣческой или бычачьей—это неизвѣстно); лицо, руки, платье его были покрыты кровью; съ какимъ презрѣніемъ осматривалъ онъ бѣднаго старика и съ какою непринужденною граціею закутывался въ свой дырявый пончо. Гаучо, нужно сознаться, былъ красивъ, но въ выраженіи его лица было что-то звѣрское, отталкивающее и непріятное; его взглядъ былъ взглядъ хищнаго звѣря, запертаго въ крѣпкой клѣткѣ; онъ былъ похожъ на ядовитую змѣю, которая только ждетъ удобнаго момента, чтобы вонзить въ кого нибудь свои страшные зубы....

Остальные преступники представляли не меньшій интересъ для наблюдательнаго глаза; тутъ были, кромѣ дикихъ гаучо, обвиняемыхъ Богъ вѣсть въ какихъ преступленіяхъ, мрачные индѣйцы, бросавшіе вокругъ себя гордые, надменные взгляды, негры, мулаты, метисы, баски, словомъ, тутъ можно было увидѣть по нѣскольку представителей отъ всего разнообразнаго населенія Буеносъ-Айреса, лучше сказать, представителей всѣхъ подонковъ этого разнообразнаго населенія....

Кромѣ площади «Побѣды», въ Буеносъ-Айресѣ есть еще пять другихъ площадей, не меньшихъ размѣровъ, на одной изъ которыхъ устроенъ артиллерійскій паркъ и возвышается станція желѣзной дороги, между тѣмъ какъ другія служатъ жителямъ города обширными рынками, куда привозятъ поселяне для продажи, на своихъ фурахъ, все производство эстанцій. Фуры эти, или повозки такъ оригинальны, что заслуживаютъ того, чтобы дать о нихъ нѣкоторое понятіе; онѣ очень длинны, высоки, узки и имѣютъ всего только по два колеса; но эти два колеса такихъ почтенныхъ размѣровъ, что изъ нихъ можно сдѣлать почти дюжину обыкновенныхъ нашихъ дрожечныхъ колесъ: нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ до десяти футовъ въ діаметрѣ! Полукруглый верхъ этихъ фуръ,

бока и задняя часть покрыта тростникомъ или кожами, между тѣмъ какъ передняя ея часть открыта и имѣетъ видъ огромной зіяющей пропасти, способной проглотить несмѣтное количество разной поклажи. Каждую подобную фуру тащатъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ паръ сильныхъ, длиннорогихъ быковъ, которыми возница управляетъ помощью чрезвычайно оригинальнаго аппарата, имѣющаго видъ какого-то военнаго орудія. Онъ состоитъ изъ длинной, слишкомъ двадцати-футовой, здоровой палки, одинъ конецъ которой прикрѣпляется обыкновенно къ верху, внутри повозки; изъ середины этой палки идетъ подъ прямымъ угломъ небольшой отростокъ, служащій для управленія среднею парою быковъ, между тѣмъ какъ для самой ближней пары имѣется, кромѣ того, палка меньшихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, помощью этого страннаго орудія быки поощряются къ равному распредѣленію между собою труда везти повозку и, кромѣ того, указывается имъ путь, куда направить свои тяжелыя стопы. Вообще вся повозка, на своихъ колесахъ-великанахъ, запряженная шестью или восемью здоровыми и большерогими волами, увѣшанная вся, снизу, съ боковъ и сзаду, баклажками, ведерчиками съ какими-то снадобьями и разными запасными вещами, со своимъ кнутомъ-гигантомъ, имѣетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Подобіе такихъ фуръ можно встрѣтить только развѣ въ южно-русскихъ степяхъ!...

Бывъ въ Буеносъ-Айресѣ, нельзя не посѣтить одинъ изъ вышеупомянутыхъ рынковъ, чтобы познакомиться нѣсколько съ этими гигантскими фурами, съ поселянами, пріѣхавшими Богъ вѣсть съ какихъ эстанцій, и вообще полюбоваться совершенно новою, оригинальною картиною, какую не придется увидѣть въ другихъ городахъ. Представьте себѣ обширную, грязную площадь, установленную, правильными рядами, громадными фурами, нагруженными тюками съ шерстью, кожами, хлѣбомъ, мясомъ, лошадиными хвостами, зеленью, словомъ—всевозможными сельскими продуктами. По близости ихъ лежатъ длиннорогіе быки, флегматически пережевывая жвачку и спокойно ожидая времени, когда придется имъ подставить свои толстыя, сильныя шеи подъ ярмо и тащить тяжелую фуру до эстанціи, отстоящей отъ города, можетъ быть, на нѣсколько десятковъ миль. Хозяева этихъ фуръ и быковъ, гаучо, въ своихъ національныхъ костюмахъ, расположились по всей площади въ самыхъ живописныхъ позахъ; одни изъ нихъ забрались подъ импровизированную палатку, состоящую изъ бычачьей шкуры, переброшенной черезъ дышло, и весело разсказывали что-то другъ другу, вѣроятно, свои похожденія, причемъ такъ сильно размахивали руками, что каждую ми-

нуту можно было опасаться, чтобы они не заѣхали нечаянно другъ другу въ физіономію; другіе—сидѣли у громадныхъ колесъ своей фуры и зачинивали на скорую руку порвавшуюся упряжь или одежду; нѣкоторые изъ нихъ спрятались отъ солнца подъ свои повозки и задавали тамъ, на голой землѣ, такой храпъ, что проходящимъ невольно казалось, что въ самой фурѣ привезены для продажи, живьемъ, по крайней мѣрѣ съ десятокъ здоровыхъ борововъ, громко жалующихся на свою несчастную судьбу, забросившую ихъ такъ далеко отъ родной эстанціи.

Немного въ сторонѣ важно разсѣлись пять-шесть женщинъ, повидимому жены пріѣхавшихъ поселянъ, и, весело тараторя, приготовляли своимъ мужьямъ мате или парагвайскій чай (о немъ будетъ сказано въ послѣдствіи).

Отъ одной изъ повозокъ раздавалось громкое пѣніе, акомпанируемое гитарою; оказалось, что это былъ музыкантъ-гаучо, забавлявшій своимъ пѣніемъ небольшое общество своихъ товарищей, которые слушали его съ видимымъ наслажденіемъ и съ восторгомъ повторяли хоромъ послѣдній стихъ каждаго куплета. Гаучо-музыкантъ, какъ я узналъ, самъ складывалъ народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ героевъ пустынь, бѣжавшихъ отъ городской суеты и правосудія, ихъ подвиги, храбрость, неустрашимость и ловкость; въ его пѣсняхъ было что-то восторженное, дикое, увлекательное. Съ какою жадностью ловили слушатели его каждое слово и, подперевъ головы руками, страстными, горящими, черными глазами слѣдили за быстрыми пальцами музыканта, изъ подъ которыхъ неслись пріятные звуки, то страстные и бѣшеные, то грустные и монотонные; то онъ рвалъ струны своей гитары съ какимъ-то дикимъ увлеченіемъ, то вдругъ сразу замиралъ, едва касаясь пальцами до своего инструмента, словомъ, гаучо оказался истымъ артистомъ, такъ что даже прохожіе съ удовольствіемъ прислушивались къ его пріятному, преисполненному чувствами, пѣнію и восторженной игрѣ на гитарѣ.

Общій видъ площади былъ чрезвычайно живописенъ и достоинъ кисти знаменитаго художника; загорѣлыя, красивыя, мужественныя, дышащія энергіею лица гаучо, обрамленныя массою черныхъ кудрей, имѣли въ себѣ съ перваго разу много привлекательнаго; но, всмотрѣвшись въ нихъ хорошенько, невольно чувствуешь къ этимъ красавцамъ какую-то антипатію, невольно видишь въ нихъ кровожадныхъ звѣрей, которымъ все равно, убить ли человѣка или быка. Ихъ оригинальный, живописный костюмъ невольно бросается въ глаза; на головѣ у нѣкоторыхъ были соломенныя, съ широкими полями, шляпы; другіе, напротивъ, обвернули свои головы какими-то разноцвѣтными платками, которые, откровен-

но сказать, очень не шли къ ихъ мужественнымъ, рѣшительнымъ лицамъ. Грудь гаучо была прикрыта жилетомъ яркаго цвѣта, между тѣмъ какъ на плечи и спины ихъ были накинуты разноцвѣтныя, шерстяныя пончо [1]), обшитыя бахрамою и украшенныя кое-гдѣ блестящими металлическими пуговицами. Широкій кожанный кушакъ, за которымъ виднѣлся огромный ножъ, единственное оружіе гаучо, носимое при себѣ, стягивалъ ихъ стройныя тальи и поддерживалъ красныя «черипа» (chеrіра), родъ продолговатыхъ пончо, которыя плотно обхватывали бедра гаучо и ниспадали на колѣна красивыми треугольными складками; изъ подъ «черипа» виднѣлись коротенькія бѣлыя панталончики съ затѣйливою оборкою, точно у институтской барышни, между тѣмъ какъ ноги нѣкоторыхъ гаучо, вѣроятно тѣхъ, которые пріѣхали верхомъ и служили каравану фуръ прикрытіемъ отъ нападенія дикихъ индѣйцевъ и кровожадныхъ тигровъ, были обуты въ европейскіе сапоги съ такими громадными шпорами, что вертящіяся ихъ колесики могли бы смѣло замѣнить генеральскія звѣзды.

Другіе гаучо были обуты, кто въ вышитыя туфли, а кто въ мягкіе сапоги, выдѣлываемые изъ лошадиной шкуры слѣдующимъ образомъ: съ ногъ лошади снимается шкура чахломъ и растягивается на колодкахъ; когда она высохнетъ, то ее трутъ пескомъ, чтобы придать ей мягкость, послѣ чего гаучо пришиваетъ тонкую подошву, дѣлаетъ вырѣзы для большихъ пальцевъ, которыми онъ обыкновенно упирается въ стремя, и сапоги готовы....

Пользуясь удобнымъ случаемъ, дамъ нѣкоторые понятіе о нравахъ, характерѣ и жизни гаучо, о замѣчательнѣйшемъ населеніи Аргентинской республики, этихъ истинныхъ солдатахъ Южной Америки, неустрашимыхъ сыновъ неизмѣримыхъ пампасъ.

Гаучо, хотя и происходитъ по прямой линіи отъ испанскихъ авантюристовъ, прибывшихъ въ Ла-Плату въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія и смѣшавшихся съ индѣйскою и отчасти негритянскою расою, но онѣ однако не сохранилъ въ себѣ ничего испанскаго, развѣ только суевѣріе и языкъ. Кровь его такъ сильно смѣшана, что рѣшительно его нельзя причислить ни къ одному изъ существующихъ племенъ; гаучо представляютъ въ настоящее время совершенно новый типъ, новое племя, весьма многочисленное и довольно единообразное. Характеръ его представ-

---

[1]) Пончо, или плащъ, состоитъ изъ шерстяннаго большаго платка, съ прорѣзомъ въ серединѣ; въ этотъ прорѣзъ продѣвается голова, и пончо въ красивыхъ складкахъ падаетъ на плеча, спину и отчасти грудь, не стѣсняя при этомъ рукъ.

ляетъ странную смѣсь характеровъ всѣхъ племенъ, участвовавшихъ въ созданіи этого новаго, оригинальнаго типа.

Гаучо грубъ, надменъ, неукротимъ, жестокъ, страшно суевѣренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ храбръ, неустрашимъ, выносливъ, ловокъ и гостепріименъ. Всякій путешественникъ найдетъ у него убѣжище и пищу; каждому онъ готовъ помочь въ опасности и въ несчастьи, но если только это не потребуетъ отъ него много лишняго труда, потому что гаучо страшно лѣнивъ и не любитъ заниматься никакимъ дѣломъ.

Гаучо превосходный наѣздникъ, смѣлый укротитель дикихъ лошадей и страшный, непримиримый врагъ тигровъ; противъ послѣднихъ онъ выходитъ одинъ на одинъ только съ однимъ ножомъ, предварительно обернувъ лѣвую руку въ свой пончо; засунуть обернутую руку въ пасть страшнаго звѣря и вонзить ножъ до самаго сердца кровожаднаго тигра — для гаучо минутное дѣло и притомъ самое легкое дѣло; ему зарѣзать тигра также легко, какъ намъ проткнуть булавкою пойманную пчелу, только разница въ томъ, что мы обратимъ большее вниманіе на ужаленіе этого насѣкомаго, чѣмъ онъ на укусъ свирѣпаго тигра.

Гаучо владѣетъ ножомъ артистично, бросаетъ лассо и боласъ въ совершенствѣ, ѣздитъ верхомъ, какъ центавръ, и не мудрено: едва ребенокъ начинаетъ ходить, его уже сажаютъ на лошадь; шести-семи лѣтъ онъ уже, какъ бѣшеный, носится по пампасамъ на быстрыхъ, какъ вѣтеръ, скакунахъ и гонится съ отцомъ и старшими братьями за звѣремъ или страусомъ; пятнадцати лѣтъ мальчикъ уже превосходно бросаетъ лассо и боласъ, арканитъ дикихъ лошадей, укрощаетъ ихъ и дерется съ товарищами на ножахъ.

Гаучо съ малолѣтства пріучается къ виду крови и потому ему ничего не стоитъ и не значитъ зарѣзать быка или человѣка; изъ-за самой пустой обиды онъ готовъ рѣзаться со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, даже съ отцомъ роднымъ, и эти кровавыя драки часто оканчиваются очень печально, или убійствомъ, или уродствомъ. Въ борьбѣ каждая сторона старается попасть противнику въ лицо, раскроить ему носъ, выколоть глазъ и вообще нанести какую нибудь обезображивающую рану; въ этомъ именно заключается все ихъ искусство драться на ножахъ, которымъ они славятся въ цѣломъ свѣтѣ.

Гаучо неустрашимъ; ему ни почемъ самыя страшныя опасности, на ножъ онъ лѣзетъ слѣпо, но при всемъ томъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть странная слабость, которая очень не гармонируетъ съ ихъ мужественнымъ, смѣлымъ видомъ, а именно они ужасно боятся ружейнаго или револьвернаго дула, даже не заряженнаго, а потому, если гаучо въ чемъ

нибудь провинится, то его невѣшаютъ, какъ другихъ, а разстрѣливаютъ, и эта казнь для нихъ хуже всякой другой; они готовы лучше позволить повѣсить себя сто разъ сряду, чтобы только избѣжать направленныхъ на него ружейныхъ дулъ.

Все оружіе гаучо заключается въ ножѣ и лассо или боласѣ; послѣдними онъ управляется чуть ли нелучше, чѣмъ ножомъ. Лассо или арканъ состоитъ изъ очень крѣпкой, но тонкой тесьмы, сплетенной изъ сыромятныхъ ремней; одинъ конецъ его прикрѣпляется къ сѣдлу, позади всадника, между тѣмъ какъ на другомъ концѣ сдѣлана большая петля, образуемая лассо, продѣтымъ въ мѣдное или желѣзное небольшое кольцо. Когда гаучо хочетъ дѣйствовать своимъ арканомъ, то онъ свертываетъ коренной конецъ его въ чистую бухточку, которую и держитъ въ лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ въ правую руку беретъ петлю, которую обыкновенно гаучо дѣлаетъ очень большою (около восьми футовъ въ поперечникѣ), быстро вертитъ ею надъ головою и съ необыкновенною ловкостью, на всемъ скаку лошади, накидываетъ ее на любой предметъ, послѣ чего поворачиваетъ своего ретиваго коня, ударяетъ шпорами и тащитъ заарканенное животное или даже человѣка до тѣхъ поръ, пока оно не потеряетъ сознаніе. Искусство бросать лассо дошло у гаучо до такого совершенства, что они на всемъ скаку лошади могутъ, по желанію, забросить его на рога, шею животнаго, наконецъ, на правую или лѣвую, заднюю или переднюю его ногу....

Боласъ, иначе называемый просто «шарами», состоитъ изъ трехъ неравныхъ каменныхъ шаровъ, обтянутыхъ кожею и соединенныхъ въ общемъ центрѣ плетеными ремнями. Гаучо держитъ въ рукѣ самый маленькій изъ этихъ трехъ шаровъ и быстро вертитъ остальные два надъ своею головою, затѣмъ, прицѣлясь, бросаетъ ихъ въ воздухъ, причемъ они быстро кружатся, падаютъ на извѣстное животное, плотно обхватываютъ его, лишаютъ всякаго сопротивленія и нерѣдко даже убиваютъ на мѣстѣ. Впрочемъ, для ловли лошадей употребляются шары деревянные, которые не причиняютъ имъ рѣшительно никакого вреда.

Гаучо занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ; дома земледѣльцевъ-гаучо лежатъ далеко одинъ отъ другаго, потому что каждый изъ нихъ живетъ посреди своихъ полей и совершенно изолированъ съ своимъ семействомъ отъ всѣхъ окружающихъ; изрѣдка только онъ видится съ своимъ братомъ эстансіоромъ, живущимъ отъ него, можетъ быть, въ двадцати-часовомъ разстояніи, и очень рѣдко заглядываетъ въ города, куда возитъ для продажи все произведеніе своей эстанціи.

Скотоводовъ-гаучо больше чѣмъ земледѣльцевъ; ихъ хижины разбро-

саны среди необозримыхъ луговъ, далеко одна отъ другой, еще дальше, чѣмъ дома земледѣльцевъ. При подобномъ разъединеніи, при подобномъ одиночествѣ никакое общественное развитіе, никакой прогрессъ невозможны. У нихъ нѣтъ ни законовъ, а городскимъ законамъ они повиноваться не желаютъ, ни школъ, ни подземельной общины, словомъ, они живутъ хуже дикарей, у которыхъ есть все-таки общество, котораго у гаучо нѣтъ, есть какія нибудь условія, которымъ тѣ должны подчиняться, есть, наконецъ, даже законы. Гаучо совершенно одинокъ во всемъ мірѣ и это одиночество ему нравится; онъ совершенно доволенъ своею жизнью, своею соломенною хижиною, своею вольностью, стадомъ, которое доставляетъ ему рѣшительно все необходимое, неизмѣримыми лугами, и трудно его заманить въ города, гдѣ онъ долженъ будетъ подчиняться опредѣленнымъ законамъ, плясать по чужой дудкѣ, когда онъ привыкъ съ малолѣтства никому не повиноваться, кромѣ какъ своей неукротимой, сильной волѣ.

Гаучо думаютъ, что они самый великій народъ въ мірѣ и всѣхъ остальныхъ ставятъ ниже себя; особенно они презираютъ европейцевъ, потому что тѣ, какъ имъ извѣстно, не умѣютъ укрощать дикихъ лошадей, драться на ножахъ, арканить и бросать боласъ. Гаучо вообще ненавидятъ образованныхъ людей, ихъ одежду и нравы; онъ презираетъ горожанина, занимающагося мирнымъ трудомъ и который не сумѣетъ даже поймать быка или лошадь; онъ уважаетъ только физическія достоинства не заботясь о нравственности.

Гаучо страстно любятъ картежную игру и кости; они играютъ рѣшительно всюду и при всякомъ удобномъ случаѣ. Если случится имъ встрѣтиться верхомъ, то они, нисколько не смущаясь, начинаютъ играть не сходя съ лошади. Въ послѣднемъ случаѣ они становятъ своихъ лошадей такъ, чтобы тѣ касались, одна другой, мордами, вынимаютъ изъ подъ сѣдла какой нибудь коврикъ или просто только что снятую съ какого нибудь звѣря шкуру, разстилаютъ ее на лошадиныхъ головахъ, достаютъ кости и карты, которыя всегда имѣютъ при себѣ, и начинаютъ, не сходя съ лошадей, играть на импровизированномъ живомъ столѣ до тѣхъ поръ, пока вся наличная сумма одного не перейдетъ въ карманъ другаго. Обыгранный обыкновенно сердится, горячится, наконецъ выходитъ изъ себя и хватается за ножъ; счастливый противникъ хладнокровно прячетъ въ карманъ выигранныя деньги, слѣзаетъ съ лошади, обертываетъ лѣвую руку пончо и готовится съ честью принять удары ножомъ своего товарища. Выпустивъ другъ у друга достаточное количество крови, изполосовавъ, какъ слѣдуетъ, другъ другу лица, они обык-

новенно мирятся и, какъ ни въ чемъ ни бывало, садятся опять на лошадей и отправляются дальше, дружно бесѣдуя, какъ будто между ними не произошло рѣшительно никакой ссоры.

Эта картина чрезвычайно вѣрна и характеристична; ее можно видѣть почти каждый день или въ самомъ Буеносъ-Айресѣ, или же въ ближайшихъ его окрестностяхъ, гдѣ живетъ множество бѣдныхъ, не имѣющихъ собственной земли и стада, гаучо, занимающихся убоемъ быковъ и лошадей. Вы не встрѣтите ни одного гаучо, чтобы на его лицѣ не было какихъ нибудь знаковъ или шрамовъ, ясно доказывающихъ, что ему не разъ приходилось подставлять свое лицо подъ удары ножей товарищей, которые, вѣроятно, были изукрашены имъ не хуже его.

Гаучо не прочь выпить, и когда онъ пьянъ, то дѣлается дикимъ, кровожаднымъ звѣремъ, который съ удовольствіемъ зарѣжетъ всякаго, чѣмъ нибудь ему не потрафившаго, и зарѣжетъ, скажу вамъ, безъ зазрѣнія совѣсти, какъ какого нибудь быка. Вообще гаучо представляютъ самую замѣчательную часть населенія Аргентинской республики, а также и Буеносъ-Айреса, вокругъ котораго сгрупировалась, еще со временъ Розаса, порядочная масса подобныхъ негодяевъ, помощью которыхъ этотъ отвратительный тиранъ держалъ въ своихъ рукахъ власть цѣлыя двадцать лѣтъ. Можетъ быть покажется страннымъ, какимъ образомъ гаучо, эти неукротимые, дикіе, свободолюбивые люди вдругъ подчинились волѣ тирана и даже поддерживали его на престолѣ, созданномъ на головахъ и трупахъ безчисленныхъ жертвъ политическихъ безпорядковъ?... Это обстоятельство объяснить очень легко: хотя гаучо полуварвары, предпочитаютъ одиночество обществу, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ сильную потребность въ судѣ, но въ судѣ особенномъ, оригинальномъ, который пріучаетъ ихъ невольно покоряться страшнѣйшему деспотизму и презирать власть обыкновенную, основанную на законахъ.

Въ судьи гаучо выбираютъ человѣка опытнаго, испытаннаго, который вселяетъ страхъ и, послѣ молодости, полной приключеній, ведетъ подъ старость болѣе правильную жизнь. Подобный судья произноситъ приговоры не на основаніи опредѣленныхъ законовъ, но по совѣсти или же по побужденію страсти. Такимъ образомъ гаучо пріучаются покоряться волѣ, а не справедливости, и этою привычкою объясняется, почему эти неукротимые, любящіе свободу, люди совершенно безусловно исполняли волю тирана Розаса, умѣвшаго вселить въ нихъ къ себѣ уваженіе и страхъ....

Давъ нѣкоторыя свѣдѣнія о гаучо, и свѣдѣнія необходимыя, потому

что они составляютъ часть буеносъ-айресскаго населенія, скажу еще нѣсколько словъ о столицѣ Аргентинской республики.

Въ Буеносъ-Айресѣ есть нѣсколько, отлично устроенныхъ, госпиталей и пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей. Изъ послѣднихъ достоенъ вниманія большой, прекрасный пріютъ для бѣдныхъ дѣвицъ, который имѣетъ скорѣе видъ какого-то іезуитскаго монастыря, за высокими, прочными и толстыми стѣнами котораго скрыты отъ алчныхъ взоровъ цвѣтущая молодость, красота, грація.... Посѣтить подобное заведеніе нѣтъ никакой возможности; у тяжелыхъ, крѣпкихъ воротъ сидитъ церберъ, въ видѣ старой, безобразной женщины, которой, повидимому, приказано свыше впускать въ этотъ монастырь только лицъ женскаго пола, между тѣмъ такъ мужчинъ не только не подпускать къ воротамъ, но даже не позволять имъ застаиваться передъ красивымъ зданіемъ и засматриваться въ окна этого непривѣтливаго пріюта.

Населеніе Буеносъ-Айреса удивительно разнообразно: здѣсь вы встрѣтите испанцевъ, праправнуковъ завоевателей страны, басковъ, переселившихся сюда изъ Пиренейскихъ горъ уже съ давнихъ временъ и смѣшавшихся съ индѣйцами и испанцами, англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, словомъ, чуть ли не всѣхъ европейцевъ, затѣмъ — негровъ, мулатовъ, индѣйцевъ, метисовъ и разныя помѣси всѣхъ этихъ народовъ.... Что ни шагъ, то являются передъ вами все новые и новые представители разныхъ народовъ, въ своихъ національныхъ костюмахъ, какъ будто тянется мимо вашихъ глазъ великая понорама всѣхъ жителей Европы, Америки и отчасти Африки.

Изъ всего разнообразнаго населенія Буеносъ-Айреса самое непріятное впечатлѣніе производятъ католическіе монахи, которыхъ здѣсь такъ много, какъ евреевъ въ какомъ нибудь польскомъ городкѣ. Ихъ можно встрѣтить чуть ли не въ каждой улицѣ; они ходятъ обыкновенно попарно, какъ институтскія барышни, лицемѣрно опустивъ глаза книзу. Нельзя безъ отвращенія смотрѣть на эти чувственныя, жирныя, сонливыя и гладко выбритыя лица; съ перваго разу они выглядятъ очень святыми; но, всмотрѣвшись въ нихъ хорошенько, невольно приходишь къ тому заключенію, что всѣ встрѣчаемые монахи отъявленные плуты, негодяи, фанатики и лицемѣры.... Какъ эхидно посматриваютъ они своими заплывшими глазами, чуть ли не подмигивая всѣмъ проходящимъ мимо ихъ хорошенькимъ женщинамъ: видно монастырская жизнь, постоянная молитва и посты не пріучили ихъ еще къ воздержности, не потушили ихъ страсти....

То встрѣчаются монахи въ какихъ-то безобразныхъ шляпахъ, приплюснутыхъ съ боковъ и съ длинными, нѣсколько вздернутыми, полями, спереди и сзади, которыя придаютъ имъ необыкновенно потѣшный и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающій видъ, хотя монахи всѣми силами стараются придать своимъ жирнымъ физіономіямъ важное, серьезное и святое выраженіе; то попадаются монахи въ шляпахъ другаго фасона, наконецъ въ канюшонахъ, но всѣ они, откровенно сказать, производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Рясы монаховъ одного ордена, вѣроятно больше получающаго, отличаются необыкновенною чистотою, изяществомъ и даже роскошью, между тѣмъ какъ рясы монаховъ другаго ордена необыкновенно грязны, ветхи и бѣдны; у первыхъ — непремѣнно жирныя, гладко выбритыя лица, между тѣмъ какъ у вторыхъ они худы, угловаты и покрыты вдобавокъ кое-гдѣ, серебристою щетиною....

Я уже говорилъ, что въ Буеносъ-Айресѣ много иностранцевъ, составляющихъ чуть ли не на половину всего населенія столицы; народъ этотъ большею частью переходящій и появляется только на время; одна цѣль ихъ—составить себѣ порядочное состояніе и возвратиться затѣмъ на родину. Впрочемъ есть иностранцы, которые навсегда переселяются сюда съ семействами и не думаютъ о возвращеніи на родину; но такихъ очень мало.

Многочисленнѣе всѣхъ другихъ европейцевъ въ Буеносъ-Айресѣ— французы, которые бываютъ здѣсь содержателями отелей, поварами, портными, парикмахерами, наконецъ, книгопродавцами, модными и галантерейными продавцами и т. п. Лучшая улица Буеносъ-Айреса, «Перу», преимущественно наполнена ихъ роскошными, прекрасными магазинами.

Аргентинцы, не смотря на любовь къ французскому языку и литературѣ, которая, къ несчастью, ограничивается большею частью только романами Поль-де-Кока, Дюма и другихъ, не терпятъ однако французовъ за то, что тѣ любятъ вмѣшиваться не въ свои дѣла, хотятъ всюду имѣть верхъ, неосторожно и оскорбительно критикуютъ туземцевъ и на каждомъ шагу стараются дать имъ почувствовать свое просвѣщенное превосходство. Кромѣ того, аргентинцы не могутъ до сихъ поръ забыть гнусной политики Франціи во время междоусобныхъ ихъ войнъ, а главное во время національной борьбы — съ цѣлью свергнуть тирана Розаса и отнять у него, захваченную имъ, власть. Нѣмцевъ въ Буеносъ-Айресѣ будетъ не меньше французовъ; они большею частью принадлежатъ къ ремесленному или торговому сословію; затѣмъ слѣдуютъ англичане, баски, швейцарцы и другіе.

Дамъ теперь нѣкоторыя свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ столицы, извѣстныхъ, обыкновенно, подъ мѣстными названіями «портеносъ» (мужчины) и «портенасъ» (женщины) [1]), а также о цвѣтномъ его населеніи.

При первомъ вступленіи въ здѣшнее общество, прежде всего бросаются въ глаза четыре замѣчательныя обстоятельства: вѣжливость, гостепріимство, небыкновенный вкусъ въ одеждѣ женщинъ и равенство всѣхъ сословій.

Женщины Буеносъ-Айреса или «портенасъ» очаровательныя: онѣ нѣжны, граціозны, привлекательны, но, къ несчастью, худо воспитаны и не отличаются образованіемъ.

Овальное лицо, окоймленное блестящими, черными, густыми волосами, матовый цвѣтъ кожи, черные, страстные и магнетическіе глаза, небольшей, розовый ротикъ съ двумя рядами прелестныхъ жемчужинъ, вмѣсто зубовъ, изящный носикъ, прекрасныя брови—вотъ вамъ портретъ одной изъ «портенасъ». Онѣ производятъ своею дивною красотою необыкновенно пріятное впечатлѣніе; если бы съ ихъ красотою соединялось образованіе и хорошее воспитаніе европейскихъ барышень, то онѣ были бы вверхъ совершенства, но этого, къ несчастью, нѣтъ: портенаски привыкли царствовать въ обществѣ своею красотою, а не образованіемъ, потому что почти все буеносъ-айресское общество отдаетъ предпочтеніе красотѣ передъ образованіемъ.

Портенаски не любятъ заниматься науками или вообще какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ, потому что къ этому не пріучены; цѣлый день проводятъ онѣ въ бездѣйствіи, нѣгѣ и какой-то полудремотѣ; за то къ вечеру онѣ какъ будто бы оживаютъ, усердно начинаютъ расчесывать свои роскошные волосы, кокетливо вплетаютъ въ косы ленты разныхъ цвѣтовъ, наряжаются въ лучшія платья и такъ перерождаются, что трудно узнать въ живой, быстрой и легкой красавицѣ—дѣвушку, просидѣвшую почти цѣлый день на одномъ мѣстѣ, непричесанную, небрежно одѣтую, скучную, вялую и чуть ли не умирающую отъ тоски.

Послѣ заката солнца начинаютъ появляться красавицы на улицахъ въ магазинахъ, театрахъ, въ различныхъ салонахъ и наконецъ на азотеяхъ.

Обращеніе буеносъ-айресскихъ женщинъ чрезвычайно непринужденно, откровенно, просто, смѣло и даже отчасти нескромно: онѣ бросаютъ на молодежъ такіе убійственные, наглые взгляды, обѣщающіе много тайнаго блаженства, что невольно начинаешь думать, что видишь передъ собою

[1]) Portenos и Portenas.

легкомысленныхъ дамъ полусвѣта; а между тѣмъ извѣстно, что буеносъ-айресскія красавицы неприступны....

Если вамъ случится встрѣтиться съ одною изъ портенасокъ въ какомъ нибудь собраніи, то она, несмотря на то, что видитъ васъ, можетъ быть, всего только въ первый разъ, совершенно безцеремонно подойдетъ къ вамъ, крѣпко пожметъ вашу руку и наконецъ до того смѣло начнетъ болтать съ вами о буеносъ-айресскихъ сплетняхъ, даря васъ при этомъ нѣжными, страстными взглядами, что вы, черезъ пять минутъ, поневолѣ начнете отпускать ей комплименты, которые она будетъ слушать съ большимъ удовольствіемъ и не преминетъ даже отвѣтить вамъ тѣмъ же. Словомъ, съ перваго же знакомства вы станете съ любою портенаскою на такую короткую ногу, что можете тутъ же предложить ей свою руку и сердце и, повѣрьте, никогда не получите отказа, потому что женихи въ Буеносъ-Айресѣ очень дороги и рѣдки.

Чтобы оправдать нѣсколько общественную жизнь буеносъ-айресскихъ женщинъ и ихъ легкомысленное обращеніе съ мужчинами, дамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ идетъ воспитаніе дѣтей въ аргентинскихъ семействахъ и какое вредное вліяніе имѣетъ оно на ихъ нравственность и будущую общественную жизнь.

Дѣти состоятельныхъ испанцевъ отдаются, тотчасъ послѣ рожденія, на попеченіе мулатокъ, негритянокъ или индѣянокъ, которыя ухаживаютъ за ними до шести или семилѣтняго возраста. Такимъ образомъ, самые впечатлительные года ребенокъ проводитъ въ средѣ невѣжественной, грубой, лѣнивой, и, разумѣется, не можетъ получить хорошее первоначальное воспитаніе. Съ малолѣтства ему внушаютъ отвращеніе къ работѣ или вообще къ какимъ нибудь серьезнымъ занятіямъ, и онъ учится отъ своей черной или красной мамки всѣмъ, свойственнымъ этимъ расамъ недостаткамъ и порокамъ.

Дѣвочку шести лѣтъ начинаютъ учить, но чему?—совѣстно даже сказать: перебирать четки и нѣсколькимъ молитвамъ; двѣнадцати лѣтъ она публично пріобщается и становится, въ глазахъ всѣхъ, взрослою дѣвицею, могущею уже, будто бы, прельщать мужчинъ и кокетничать съ своими поклонниками. Понятно, въ такихъ невинныхъ годахъ она легко привыкаетъ къ обществу мужчинъ, пріучается быть съ ними нескромною, смѣлою и такимъ образомъ понемногу изъ нея вырабатывается уже извѣстный типъ буеносъ-айресской красавицы...

Если вамъ удастся познакомиться съ какимъ нибудь аргентинскимъ семействомъ, то при первомъ же визитѣ васъ угостятъ парагвайскимъ чаемъ или мате; его подаютъ обыкновенно въ небольшомъ, закрытомъ

сосудѣ, изъ котораго каждый членъ семейства и гости, поочередно, тянутъ этотъ напитокъ черезъ серебряную трубочку, называемую «бомбилла» (bombilla).

Вообще мате—самое любимое препровожденіе времени жителей всѣхъ при ла-платскихъ республикъ; оно считается первымъ угощеніемъ, и вы сильно обидите гостепріимнаго хозяина, отказавшись отъ этого напитка; за мате аргентинецъ забываетъ свое горе, свои неудачи и невзгоды, понемногу потягивая сладковатую жидкость....

При второмъ посѣщеніи знакомаго вамъ семейства, вы будете уже совершенно домашнимъ человѣкомъ, съ вами будутъ обращаться, какъ съ старымъ другомъ или даже близкимъ родственникомъ: хозяйка подастъ вамъ собственноручно кусокъ булки, который вы непремѣнно должны съѣсть, чтобы не обидѣть ея гостепріимство; ея прекрасная дочь (безъ нихъ не обходится ни одно аргентинское семейство), желая удостовѣриться, сладокъ ли вашъ чай, преспокойно и безцеремонно попробуетъ его своею ложкою, которою только что пробовала свой чай; въ другой разъ она пришлетъ вашъ на своей вилкѣ выбранный ею лучшій кусокъ какой нибудь закуски, и въ этомъ случаѣ не вздумайте отказаться отъ подобной любезности хорошенькой барышни, потому что иначе вы будете въ глазахъ всего семейства дурно воспитаннымъ джентельменомъ.... Да и найдется ли кто нибудь, у котораго хватило бы духу отказаться отъ присланнаго бутерброта, выбраннаго хорошенькими, бѣлыми ручками, отказаться прикоснуться къ вилкѣ, которая только что касалась розовыхъ губокъ красавицы?... Разумѣется нѣтъ, а потому и не трудно будетъ въ этомъ случаѣ подчиниться подобной аргентинской предупредительности и вѣжливости.... Но иногда.... приходится принимать подобные сюрпризы отъ отцвѣтшихъ красавицъ, даже отъ беззубыхъ, морщинистыхъ старухъ, но что же дѣлать: нужно и въ этомъ случаѣ принять присылаемое съ такою же пріятною улыбкою, какъ будто бы вы принимаете изъ рукъ красавицы.... Знайте, что это одинъ изъ законовъ или обычаевъ страны, а путешественникъ, какъ извѣстно, обязанъ подчиняться всѣмъ законамъ и обычаямъ посѣщаемыхъ имъ странъ; въ противномъ случаѣ онъ будетъ казаться «въ чужомъ монастырѣ съ своимъ уставомъ» очень смѣшнымъ, а пожалуй еще и дерзкимъ невѣждою, потому что многое, что въ одной странѣ кажется неприличнымъ, невѣжливымъ, смѣшнымъ и дерзкимъ, то въ другой какой нибудь странѣ, напротивъ, это же самое считается за очень приличное, вѣжливое, обыкновенное и наконецъ признакомъ особеннаго благоволенія.... Представьте теперь, что вы двадцать лѣтъ прожили среди сѣверо-американцевъ, воз-

вратились назадъ и вдругъ въ присутствіи прекраснаго пола вздумаете положить ноги на столъ или вообще забрать ихъ какимъ нибудь способомъ выше головы; да вѣдь это почтется за величайшее оскорбленіе всѣхъ присутствующихъ, а между тѣмъ въ Америкѣ это очень обыкновенно, и дамы въ этомъ случаѣ тамъ, пожалуй, не многимъ уступятъ мужчинамъ. Какъ видите, примѣровъ въ доказательство вышесказаннаго можно подыскать очень много: стоитъ только порыться въ характеристикѣ народовъ и обычаяхъ различныхъ странъ и сравнить ихъ между собою....

Обращусь теперь къ прерванному описанію внутренней жизни аргентинскаго семейства. Если вамъ удастся, повторяю, познакомиться съ какимъ нибудь семействомъ, то гостепріимные хозяева будутъ васъ принимать такъ радушно, такъ сердечно, ихъ хорошенькая дочка будетъ къ вамъ такъ внимательна, любезна и предупредительна, что вы просто потеряете голову и ваше воображеніе начнетъ строить вамъ въ будущемъ прекрасные воздушные замки, а вы сами будете мечтать о романѣ; но вы жестоко ошибетесь въ своихъ иллюзіяхъ! Вы будете безъ ума отъ красавицы барышни, станете посѣщать это семейство чуть ли не каждый день, и наконецъ въ одинъ чудный вечеръ, оставшись наединѣ съ прекрасною аргентинкою, осмѣлитесь объясниться ей въ любви и въ своемъ сумасбродствѣ рѣшитесь просить взаимности, которую, повидимому, вамъ уже обѣщали съ первыхъ же дней знакомства ласковыя слова красавицы, ея довѣрчивые взгляды, нѣжныя пожатія руки, таинственныя улыбки и т. д.... Но, чтобы пользоваться взаимностью, необходимо романъ передѣлать въ исторію, необходимо тропинку, по которой вы приближались къ красавицѣ, направить къ храму, словомъ, нужно отказаться отъ полной свободы холостяка и связать себя супружескими цѣпями.

Хотя буеносъ-айресскія женщины подчасъ и очень нескромны, легкомысленны и слабы по наружности, но въ то же время очень сдержанны въ извѣстныхъ случаяхъ и ни за что не рѣшатся оказать взаимность мужчинѣ, если тотъ не рѣшится идти подъ вѣнецъ. Всѣ помыслы аргентинскихъ красавицъ направлены къ супружеской жизни, въ которой онѣ видятъ все свое счастье и радость; разъ сдѣлавшись женою, онѣ остаются вѣрны своему супругу до гробовой доски и ихъ супружеское счастье не будетъ затемнено ни единымъ грязнымъ пятномъ.—Нужно сознаться, что супружеская вѣрность—лучшее украшеніе буеносъ-айресскихъ красавицъ и въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ несравненно выше европейскихъ женщинъ. Почти въ каждомъ семействѣ, какъ я уже говорилъ, есть непремѣнно двѣ или три красавицы невѣсты, которыя

какъ прекрасныя богини охоты, выжидаютъ удобнаго момента, чтобы пронзить сердца жертвъ-холостяковъ.

Совѣтую путешественникамъ не приближаться къ этимъ сиренамъ, потому что каждый лучъ ихъ черныхъ глазъ—стрѣла, летящая въ сердце, каждая обворожительная улыбка—боласъ, обвивающій жертву; каждый локонъ прекрасныхъ ихъ волосъ—лассо, привлекающій ее въ объятія красавицы. Будьте осторожны и не попадитесь въ разставленные повсюду западни и капканы!

Извинимъ впрочемъ прекрасныхъ богинь охоты, потому что ихъ побуждаетъ поступать такъ искренное желаніе найти себѣ мужа, желаніе, какъ знаете, весьма похвальное, освященное церковью и обществомъ, но къ несчастью, трудно исполнимое въ Буеносъ-Айресѣ, потому что, по мѣстному обычаю, невѣста не приноситъ своему жениху рѣшительно никакого приданаго и онъ самъ обязанъ сдѣлать ей все необходимое, начиная съ головы и кончая ногами, но такихъ щедрыхъ жениховъ, откровенно сказать, находится немного. Кромѣ того, постоянныя гражданскія войны, революціи, политическія убійства похищаютъ ежегодно такое громадное количество молодыхъ людей, что невѣстъ въ Буеносъ-Айресѣ чуть ли не въ три раза больше, чѣмъ жениховъ.

Судите же теперь о томъ страшномъ соперничествѣ прекрасныхъ невѣстъ, ожидающихъ жениховъ съ такимъ же нетерпѣніемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ евреи ждали, обѣщанную имъ, манну. Въ Буеносъ-Айресѣ прилагательное «холостой» или «солтеро» (soltero)—магическое слово, передъ которымъ открываются всѣ двери, начиная отъ хижины и кончая богатыми хоромами какого нибудь мѣстнаго негоціанта.... Иностранецъ, представившійся въ аргентинское общество съ этимъ счастливымъ и магическимъ прилагательнымъ, дѣлается предметомъ всеобщаго вниманія и разговоровъ; каждый отецъ или мать прекрасныхъ невѣстъ стараются привлечь его въ свое семейство, гдѣ онъ принимаетъ сам того не вѣдая, видъ крѣпостцы, на которую ведутъ дѣятельную аттаку красавицы-сестры, штурмуютъ ее, и наконецъ одна изъ нихъ беретъ приступомъ и плѣняетъ слабо защищающійся гарнизонъ. Остальныя сестры, видя печальный для себя исходъ дѣла и не желая отбить жениха у счастливой соперницы, прекращаютъ свои страстныя аттаки и, заключивъ перемиріе, готовятъ сестру подъ вѣнецъ, которая, по выходѣ замужъ, обязана, по мѣстному обычаю, подарить имъ всѣ свои платья, драгоцѣнныя вещи, бѣлье, словомъ, все, что она только имѣла, живя подъ крылышкомъ у своихъ родителей. Такимъ образомъ въ Буеносъ-Айресѣ женихъ покупаетъ невѣсту, что справедливѣе, между тѣмъ

какъ у насъ, болѣе цивилизованныхъ, дѣлается совершенно обратно, то есть невѣста покупаетъ жениха, что очень, откровенно сказать, безобразно и дико.

Буеносъ-айресскія красавицы, выйдя замужъ, не на долго сохраняютъ свою красоту; черезъ нѣсколько лѣтъ роскошный цвѣтокъ начинаетъ замѣтно сохнуть, вянуть и наконецъ блекнетъ, какъ полевая трава подъ жгучими лучами тропическаго солнца....

Мужское населеніе столицы, или «портеносы», хотя и происходятъ отъ испанцевъ, но нисколько не походятъ на своихъ предковъ, развѣ только страстью къ государственнымъ переворотамъ и къ различнаго рода возмущеніямъ, а также своимъ довѣріемъ. Портеносы забыли почти всѣ испанскіе обычаи, ввели новые, свои, и стали, такимъ образомъ, возрожденнымъ народомъ; кромѣ того, они питаютъ къ европейскимъ испанцамъ сильную антипатію, часто переходящую даже въ ненависть, потому что они не могутъ забыть, что нѣкогда находились подъ ихъ гнетомъ; между американскими испанцами и европейскими существуютъ такія же натянутыя отношенія, какія мы видимъ въ настоящее время между сѣвероамериканцами и англичанами, двумя непримиримыми націями.

Портеносы не могутъ похвалиться своими нравами, сильно испорченными постоянными революціями, безпорядками, а больше всего тираніею изверга Розаса, при которомъ они привыкли унижаться, льстить и подличить....

Что касается до цвѣтнаго населенія Буеносъ-Айреса, то его можно раздѣлить на четыре господствующія группы, именно: негровъ, индѣйцевъ, метисовъ и мулатовъ. Остальные представители этого населенія представляютъ странную смѣсь всѣхъ вышеупомянутыхъ четырехъ расъ между собою, а также и съ чистыми расами. Европейскому, непривычному глазу трудно, даже невозможно, узнать происхожденіе встрѣчаемыхъ имъ личностей изъ цвѣтнаго населенія, между тѣмъ какъ большая часть мѣстныхъ жителей-испанцевъ легко отличаютъ, напримѣръ, метиса, рожденнаго отъ бѣлой матери и отца индѣйца, отъ метиса, у котораго отецъ былъ бѣлый, а мать—индѣянка, точно также они могутъ безъ труда отличить мулата, происшедшаго отъ бѣлаго отца и негритянки, отъ мулата, отецъ котораго былъ негръ, а мать—бѣлая. Цвѣтные смѣшанной крови очень часто едва отличаются отъ чистокровныхъ испанцевъ, а между тѣмъ знатоки подмѣчать въ человѣкѣ разныя примѣси и подмѣси извѣстныхъ расъ, могутъ опредѣлить съ большою точностью ихъ происхожденіе.

Въ настоящее время почти все населеніе Аргентинской республики

представляетъ смѣшанную расу, исключая иностранцевъ; чистокровныхъ испанцевъ очень мало. Впрочемъ въ Буеносъ-Айресѣ есть множество богатыхъ людей, или «портеносовъ», которые гордятся своимъ чистокровнымъ испанскимъ происхожденіемъ, а между тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, въ ихъ жилахъ течетъ небольшая примѣсь индѣйской или негритянской крови. Они хвалятся, что происходятъ отъ древнихъ испанскихъ завоевателей Ла-Платы, думая, вѣроятно, этимъ поддержать свою чистокровность; но извѣстно, что авантюристы, пришедшіе на Ла-Плату, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, почти безъ женщинъ, должны были взять себѣ въ жены индіянокъ, и такимъ образомъ первое приращеніе населенія состояло преимущественно изъ дѣтей испанцевъ и индѣянокъ, или метисовъ. Смѣшанный этотъ типъ постоянно подновлялся кровью той или другой расы и даже получилъ незначительную долю негритянской крови. Такимъ образомъ потомки древнихъ испанскихъ завоевателей, большею частью, не могутъ хвалиться своею чистокровностью, хотя въ ихъ крови и очень трудно примѣтить какую нибудь посторонюю примѣсь.

Самая лучшая часть цвѣтнаго населенія это метисы; непривычному глазу чрезвычайно трудно отличить ихъ отъ чистокровныхъ испанцевъ, потому что индѣйскій типъ немногимъ рознится отъ европейскаго; затѣмъ слѣдуютъ мулаты, индѣйцы, негры и, наконецъ, замбы (смѣсь негровъ съ индѣйцами), самый испорченный классъ людей во всемъ мірѣ.

Особенно хорошее впечатлѣніе производятъ въ Буеносъ-Айресѣ негры съ курчавыми волосами, добродушными улыбками и невозмутимыми глазами. Смотря на ихъ толстыя, постоянно улыбающіяся, губы, выказывающія два ряда блестящихъ, здоровыхъ и бѣлыхъ зубовъ; смотря на ихъ, дышащія здоровьемъ, лица, на лоснящуюся кожу, напоминающую хорошо чищенный опойковый сапогъ, невольно радуешься ихъ свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ проходящемъ «черномъ» видишь не раба, униженно сгибающаго свою истерзанную спину подъ удары кнута господина и не смѣющаго взглянуть на «бѣлаго», но видишь такого же свободнаго гражданина, какъ и всѣ, который съ добродушнѣйшею улыбкою жметъ руки своимъ прежнимъ господамъ и съ важнымъ видомъ засѣдаетъ вмѣстѣ съ ними въ какомъ нибудь народномъ собраніи, разсуждаетъ какъ человѣкъ разумный, словомъ, мало въ чемъ уступаетъ «бѣлымъ», въ среду которыхъ его бросила судьба, и уже непремѣнно стоитъ выше тѣхъ, которые до сихъ поръ считаютъ его за какое-то животное, безъ капли мозга въ головѣ и одаренное всѣми самыми гнусными пороками....

Всѣ мѣстные жители Буеносъ-Айреса въ искусствѣ верховой ѣзды походятъ нѣсколько на гаучо; верховыя лошади служатъ здѣсь для всевозможныхъ переѣздовъ, прогулокъ, визитовъ и путешествій; докторъ посѣщаетъ больныхъ непремѣнно верхомъ; купцы, маклера переѣзжаютъ изъ магазина въ магазинъ, изъ конторы въ контору тоже верхомъ. Каждая женщина съ малолѣтства пріучена ѣздить на лошади, и потому не удивительно встрѣчать въ Буеносъ-Айресѣ цѣлыя кавалькады прекрасныхъ, граціозныхъ амазонокъ, несущихся галопомъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи.

Проходя по улицамъ города, почти на каждомъ шагу можно видѣть стоящихъ у тротуаровъ лошадей и терпѣливо ожидающихъ своихъ господъ: этотъ конь адвоката, пріѣхавшаго по дѣламъ къ своему кліенту, тотъ — молодаго влюбленнаго, привезшаго своей возлюбленной букетъ камелій; немного дальше стоитъ смирная лошадь какого нибудь почтеннаго негоціанта, а рядомъ съ нею нетерпѣливо бьетъ копытомъ стройный, горячій скакунъ удальца-гаучо, словомъ, куда не посмотришь, повсюду красуются, какъ бы на выставкѣ, множество прекрасныхъ лошадей разной масти, разнаго темперамента и возраста.

Обыкновенно, всадникъ, сойдя съ лошади, бросаетъ поводъ на ея шею, и вѣрное, благородное животное терпѣливо ждетъ на улицѣ своего господина, пока тотъ не кончитъ свои важныя дѣла или просто любовныя похожденія.

При всемъ томъ жители Буеносъ-Айреса не любятъ ѣздить на своихъ скакунахъ шагомъ или рысью; они гонятъ ихъ постоянно бѣшенымъ галопомъ и, конечно, подобная ѣзда не обходится безъ приключеній и несчастій. Не проходитъ дня, чтобы въ какой нибудь домъ не принесли несчастнаго всадника или совершенно разбитаго, или же съ прошибленною головою, съ переломленными ребрами, ногою или рукою; но, выздоровѣвъ, онъ опять садится на лошадь и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, мчится на ней тѣмъ же бѣшенымъ галопомъ, нисколько не опасаясь надломить себѣ шею во второй и даже въ третій разъ.

Всѣ аргентинцы имѣютъ странное обыкновеніе останавливать своихъ лошадей на всемъ скаку, что очень вредно дѣйствуетъ на ноги благородныхъ животныхъ; ихъ искусство въ подобномъ маневрѣ доходитъ до такой сильной степени, что почти каждый всадникъ, несясь во весь опоръ, можетъ моментально остановить свою лошадь на разостланномъ плащѣ, поверхность котораго не превышаетъ одной квадратной сажени, и это онъ сдѣлаетъ изъ десяти разъ девять и притомъ совершенно непринужденно, легко и съ необыкновенною граціею. Въ одно мгновеніе

добрый конь и всадникъ превращаются какъ бы въ бронзовое, или каменное изваяніе, самой артистической работы; благородное животное имѣетъ въ этотъ моментъ необыкновенно красивый видъ: съ дымящимися ноздрями, съ горящими глазами, настороженными ушами и съ дрожащими ногами оно походитъ на какого-то сказочнаго, богатырскаго скакуна, остановленнаго на всемъ скаку какою нибудь злою волшебницею и превращеннаго вмѣстѣ съ всадникомъ, отъ прикосновенія ея волшебнаго жезла, въ прекрасную группу, у которой отнято движеніе, но оставлена жизнь....

Лошади въ Ла-Платѣ такъ многочисленны и ихъ содержаніе обходится такъ дешево, что даже самый бѣдный житель Аргентинской республики въ состояніи имѣть по крайней мѣрѣ одного добраго скакуна, которому ни почемъ проскакать бѣшенымъ галопомъ такое разстояніе, которое наши русскія лошади едва пробѣгутъ обыкновенною рысью. Люди богатые держатъ на своихъ конюшняхъ по десятку и болѣе лошадей, на сбрую которыхъ они тратятъ чуть ли не больше денегъ, чѣмъ на свою одежду; одна или двѣ осѣдланныя лошади стоятъ весь день у дома, чтобы хозяинъ и члены его семейства могли бы ѣхать, тотчасъ же, какъ только имъ вздумается.

Лошадь такъ же необходима аргентинцамъ, какъ руки и ноги нашему трудолюбивому мужичку; держать хорошаго скакуна считается здѣсь не роскошью, по необходимостью, поэтому не удивляйтесь, если вы встрѣтите на буеносъ-айресскихъ улицахъ людей, просящихъ подаяніе, а между тѣмъ сидящихъ на прекрасныхъ лошадяхъ, стоющихъ, можетъ быть, у насъ тысячу рублей, но которыя пріобрѣтаются на мѣстѣ за нѣсколько франковъ. Было бы очень несправедливо отказать подобному нищему въ милостынѣ только потому, что онъ сидитъ на отличной лошади, а не ковыляетъ пѣшкомъ. Это было бы также несправедливо и дико, если бы мы отказали въ подаяніи петербургскому нищему за то, что у него есть на головѣ изодранная шапка или полуразвалившіеся опорки на ногахъ, за которые онъ, если бы перенесся въ Буеносъ Айресъ, можетъ быть, получилъ бы скакуна.

Лошадей въ Ла-Платѣ такое множество, что ихъ даже истребляютъ какъ какихъ нибудь вредныхъ животныхъ! Объ этомъ я скажу нѣсколько словъ впослѣдствіи, когда буду говорить о саладеро и матадеро....

Въ Буеносъ-Айресѣ нѣтъ общественныхъ экипажей: всѣ разъѣзжаютъ, какъ я уже говорилъ, верхами; впрочемъ нѣкоторые негоціанты и очень богатые портеносы владѣютъ каретой или коляской, но это считается уже предметомъ необыкновенной роскоши, и очень немногіе могутъ по-

зволить себѣ подобную прихоть. Кромѣ того, мостовая въ Буеносъ-Айресѣ не представляетъ, большею частью, плоской гладкой, ровной поверхности, чтобы по ней удобно было разъѣзжать въ европейскихъ каретахъ и колясках; напротивъ катанье въ нихъ крайне утомительно и несравнено пріятнѣе пронестись верхомъ или пройтись пѣшкомъ по довольно сноснымъ тротуарамъ, чѣмъ рискнуть покачаться и помять бока въ лободныхъ экипажахъ, предназначенныхъ не для ухабовъ и выбоинъ, въ которыхъ они могутъ разлетѣться въ дребезги, а—для болѣе удобной, спокойной дороги.

Единственные мѣстные экипажи—это, такъ называемые, «галеры» и вышеописанныя величественныя фуры на гигантскихъ десяти-футовыхъ колесахъ. Первыя состоятъ изъ какого-то, уродливо сшитаго деревяннаго ящика, поставленнаго на качалкахъ въ родѣ употребляемыхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. Въ подобную повозку запрягаются цугомъ отъ четырехъ до пяти паръ прекрасныхъ лошадей, и въ такомъ видѣ она служитъ для переѣздовъ путешественниковъ изъ городовъ въ отдаленныя эстанціи обратно. Эти повозки хотя и некрасивы, очень удобны для переѣздовъ по неизмѣримымъ пампасамъ....

ГЛАВА XV.

БУЕНОСЪ-АЙРЕССКІЯ ОКРЕСТНОСТИ.

Дорога въ Баррагань.—Матадеро.—Мѣстечко Баррагань.—Саладеро.—Укрощеніе дикихъ лошадей.—Чакарита.—Палермо—прежняя резиденція Розаса.—Прогулка на эстанцію.—Собаки-пастухи.—Еще нѣсколько словъ о гаучо.—Парагвайскій чай.—Жизнь эстансіонера.

Осмотрѣвъ Буеносъ-Айресъ вдоль и поперегъ, мы обратили свое вниманіе на его окрестности; прежде всего намъ очень хотѣлось увидѣть восхваляемыя трактирщикомъ-французомъ саладеро и матадеро. Для предстоящей прогулки нанятъ былъ нами мѣстный экипажъ «галера», экипажъ, правда, не красивый и не изящный, но очень удобный для путешествій по аргентинскимъ дорогамъ, изрытымъ выбоинами, ямами, рытвинами и одинъ Богъ знаетъ еще чѣмъ.

Раннимъ утромъ выѣхали мы изъ города, черезъ восточныя ворота, и понеслись по довольно сносному шоссе къ мѣстечку Баррагань, около котораго расположены, большею частью, самыя лучшія саладеро. Погода, на наше счастье, стояла прекрасная; правда, было немного холодно, но мы надѣялись въ скоромъ времени согрѣться кровавымъ зрѣлищемъ.

Не смотря на раннее утро, дорога къ мѣстечку Баррагань или къ внѣшнему буеносъ-айресскому порту была очень оживлена; на каждомъ почти шагу попадались намъ или же перегоняли нашу неуклюжую галеру разныя личности, торопящіяся по своему дѣлу въ Буеносъ-Айресъ или въ Баррагань; громадныя и уже хорошо извѣстныя читателямъ фуры, нагруженныя различными товарами и запряженныя сильными быками, скрипя на всѣ возможные лады и тяжело покачиваясь на неровной и изрытой дорогѣ, двигались намъ на встрѣчу, подымая за собою столбы пыли, окружавшей насъ весьма непріятною, непроницаемою завѣсою. При

каждой встрѣчѣ съ подобными гигантами, подъ которыми, кажется, ломится крѣпкая дорога, мы заранѣе закрывали глаза и зажимали носъ и уши, чтобы избавиться отъ надоѣдливой и мелкой пыли, которая повсюду находила себѣ проходъ, повсюду отыскивала самыя микроскопическія лазейки и аттаковывала насъ съ удивительною свирѣпостью.

Иногда попадались намъ громадныя стада длиннорогихъ быковъ, подымавшія пыль еще въ болѣе ужасныхъ размѣрахъ; при каждой встрѣчѣ съ подобными неучами, мы сыпали на обѣ стороны энергичныя ругательства, проклинали нашу злосчастную судьбу, заставившую насъ вдоволь наглотаться вонючей пыли, и въ концѣ концовъ пересыпали невольныя ругательства и проклятія страшнѣйшимъ и единодушнѣйшимъ кашлемъ, сморканьемъ, морганьемъ и различными уморительными кривляньями, вызванными несносною пылью. Каждый разъ мы заставляли возницу гнать лошадей чуть-ли ни галопомъ, чтобы выйдти поскорѣе изъ весьма непріятнаго положенія; но не всегда намъ это удавалось, не всегда удавалось скоро отдѣлаться отъ окружающей насъ пыли. Быки запружали иногда дорогу до такой сильной степени, что нашимъ лошадямъ приходилось пробираться среди ихъ шагомъ. Подобное положеніе нельзя было назвать пріятнымъ! Кругомъ торчали рогатыя головы, плавно покачивающіяся сообразно походкѣ, со стороны на сторону, раздавалось страшное мычанье и звонкое хлопанье кожаныхъ бичей, помощью которыхъ гаучо, находящіеся при стадѣ, подгоняли отсталыхъ быковъ и возбуждали энергію въ лѣнивыхъ. Наши лошади пробирались среди стада безъ всякаго страха и довольно даже безцеремонно расчищали себѣ дорогу; быковъ наше присутствіе нисколько не тревожило и они совершенно хладнокровно давали намъ дорогу, скучиваясь по обѣимъ сторонамъ шоссе. При каждомъ стадѣ находилось по нѣскольку гаучо, которые разъѣзжали вокругъ него верхами на славныхъ лошадяхъ и наблюдали, чтобы ни одно животное не возъимѣло намѣренія тайно избѣжать предстоящей рѣзни; если бы которое нибудь изъ нихъ и вздумало бы отклониться въ сторону, то зоркій глазъ гаучо подмѣчалъ его раньше, чѣмъ оно успѣвало удалиться на десять шаговъ отъ общей массы, давалъ шпоры своей привычной лошади и молніей несся къ бѣглецу, накидывалъ на его рога свой лассо, повертывалъ скакуна къ стаду и безцеремонно тащилъ упрямое и непокорное животное на свое мѣсто. Быкъ въ подобныхъ случаяхъ непремѣнно упирается, роетъ ногами землю, упрямится, но ничего не можетъ подѣлать съ ловкимъ гаучо, который безъ особеннаго труда загоняетъ его въ стадо и спокойно возвращается къ своему наблюдательному посту. Впрочемъ иногда, когда быкъ старый,

опытный и не разъ уже испытывалъ на себѣ могущество лассо, загнать его въ стадо очень трудно и нерѣдко это даже можетъ стоить гаучо жизни, если только лошадь его не хорошо выѣзжена и не знакома съ нравомъ упрямаго животнаго. Когда подобный быкъ-дока пойманъ помощью лассо, то онъ начинаетъ быстро кружиться вокругъ лошади и тянуть ее за собою; послѣдняя при этомъ должна непремѣнно вертѣться за нимъ, какъ колесная ось, и такимъ образомъ распутывать запутывающійся арканъ; если же лошадь плохо выѣзжена и при томъ еще испугается подобнаго движенія быка, то она вмѣсто того, чтобы вертѣться въ ту же сторону, въ которую кружится животное, начинаетъ противиться этому движенію, вслѣдствіе чего лассо иногда захлестывается вокругъ всадника, и отъ быстраго, сильнаго движенія быка въ противуположную сторону лошади перерѣзываетъ гаучо пополамъ....

Какъ я уже говорилъ, дорога, идущая отъ Буеносъ-Айреса къ мѣстечку [redacted], была замѣчательно оживлена; и немудрено, потому что она представляетъ единственное сообщеніе столицы съ внѣшнимъ ея рейдомъ, который обыкновенно покрытъ большимъ количествомъ коммерческихъ судовъ, приходящихъ сюда за произведеніями саладеро и привозящихъ все необходимое изъ заграничныхъ портовъ.

[redacted] ли не ежедневно посѣщаютъ это мѣстечко и составляютъ такимъ образомъ главную массу, оживляющую эту дорогу, лежащую среди неизмѣримыхъ, пустынныхъ и необработанныхъ луговъ, служащихъ пастбищемъ полудикимъ лошадямъ и быкамъ.

Ближе къ Буеносъ-Айресу мѣстность имѣетъ болѣе оживленный, болѣе привлекательный видъ; множество кактусовъ и агавъ тянутся въ видѣ нескончаемыхъ заборовъ, за которыми скрываются небольшіе, но очень миленькіе, домики, окруженные прекрасными садами; тамъ и тутъ разбросаны чудесныя рощи персиковыхъ, апельсинныхъ, оливковыхъ и наконецъ ивовыхъ деревьевъ, придающія городскимъ предмѣстіямъ чрезвычайно привлекательный и красивый видъ и распространяющія далеко вокругъ себя свѣжесть и благоуханіе. Но чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ города, тѣмъ мѣстность становилась печальнѣе, угрюмѣе и непривѣтливѣе, тѣмъ воздухъ дѣлался все непріятнѣе и зловоннѣе. Вмѣсто нѣжнаго благоуханія, которымъ мы наслаждались въ аристократическомъ кварталѣ Буеносъ-Айреса и въ ближайшихъ его окрестностяхъ, мы должны были теперь вдыхать въ себя какіе-то міазмы,

количество которыхъ, по мѣрѣ нашего приближенія къ цѣли поѣздки, постепенно все увеличивалось и увеличивалось.

— Господа, скоро пріѣдемъ на матадеро [1]), предупредилъ насъ возница!—но мы, къ несчастью, и безъ его предупрежденія уже заранѣе чувствовали близость матадеро или саладеро.

И дѣйствительно, черезъ полчаса мы были уже на одномъ изъ матадеро; зрѣлище, представившееся нашимъ глазамъ, было въ высшей степени отвратительно; передъ нами лежало обширное пространство земли, прорѣзанное канавами, служащими, по видимому, для стока крови; куда ни посмотришь, повсюду валялись остовы и внутренности быковъ, около которыхъ копошилась стая голодныхъ, истрепанныхъ и грязныхъ собакъ; повсюду стояли громадныя лужи крови только что зарѣзанныхъ быковъ, съ которыхъ сдирали шкуру нѣсколько десятковъ какихъ-то людей, съ ногъ до головы покрытыхъ кровью и грязью. По всѣмъ направленіямъ разъѣзжали на прекрасныхъ, но перепачканыхъ запекшеюся кровью лошадяхъ — гаучо, главные дѣятели матадеро, главные истребители несчастныхъ животныхъ, предназначенныхъ въ жертву городскимъ жителямъ; ихъ забрызганныя кровью лица и платья придавали имъ свирѣпый, разбойничій видъ; трудно было въ этихъ кровожадныхъ мясникахъ узнать красивыхъ щеголей, какими обыкновенно большая часть гаучо являются въ городъ.

На матадеро гаучо въ своей сферѣ; здѣсь лучше всего выясняется его характеръ, жестокій, свирѣпый и кровожадный; здѣсь можно довольно коротко познакомиться съ этою дикою натурою, незатронутою понятіями и взглядами цивилизованнаго міра....

Вообще видъ бойни былъ ужасенъ и возмутителенъ.

Немного въ сторонѣ построено было нѣсколько коралей или загоновъ, окруженныхъ крѣпкими деревянными заборами, изъ-за которыхъ виднѣлись только длинные рога множества быковъ, терпѣливо ожидающихъ своей ужасной очереди—пасть подъ ножами свирѣпыхъ мясниковъ.

Каждый загонъ имѣлъ по нѣскольку выходовъ, черезъ которые, то и дѣло, гаучо выгоняли быковъ въ поле, гдѣ ихъ моментально убивали, сдирали съ нихъ шкуру и превращали въ стяги мяса, какіе обыкновенно продаются въ мясныхъ лавкахъ. Быстрота, съ которою быки падали одинъ за другимъ, подъ ножами кровожадныхъ мясниковъ-гаучо и превращались въ распластанные куски мяса, была по-истинѣ изумительна;

[1]) Матадеро называется бойня, на которой бьютъ быковъ для потребностей города.

нельзя было не удивляться необыкновенной ловкости всѣхъ участвующихъ въ этой кровавой картинѣ, необыкновенному ихъ навыку къ трудной и отвратительной работѣ.

Рѣзня быковъ на матадеро производится такимъ оригинальнымъ способомъ, чуждымъ нашимъ европейскимъ бойнямъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія, что я не нахожу лишнимъ дать о ней нѣкоторое понятіе.

Корали, или загоны, имѣютъ, какъ я уже говорилъ, по нѣскольку выходовъ, но такой ширины, что черезъ нихъ можно пройдти свободно только по одному быку. Верховой гаучо, съ лассо въ рукахъ, въѣзжаетъ въ загонъ, набрасываетъ свой арканъ на рога избраннаго животнаго, поворачивается къ выходу и во весь опоръ несется въ поле, таща за собою оторопѣвшаго и перепуганнаго быка. Первый моментъ опѣшившее животное бѣжитъ за скакуномъ-гаучо по пятамъ, но затѣмъ приходитъ въ себя, собирается съ духомъ и начинаетъ изо всѣхъ силъ рыть землю ногами, пытается, но безуспѣшно, противиться насилію, бросается то въ одну, то въ другую сторону, думая сбить съ ногъ лошадь; но всадникъ ставитъ ее въ такое положеніе, что быкъ при каждой попыткѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, едва не сшибается съ ногъ и поневолѣ наконецъ покоряется и слѣдуетъ за гаучо. У выхода кораля стоитъ другой гаучо съ ножемъ и въ то время, какъ быкъ пробѣгаетъ мимо его, онъ перерѣзаетъ подколѣнныя жилы одной изъ заднихъ ногъ.

Бѣдное животное немного можетъ поспѣть на трехъ ногахъ за привычною лошадью, несущеюся во весь опоръ, начинаетъ спотыкаться и наконецъ тяжело падаетъ на землю, тщетно пытаясь приподняться и освободиться отъ лассо. Едва быкъ успѣетъ упасть, какъ уже подскакиваютъ къ нему нѣсколько мясниковъ съ большими ножами въ рукахъ, моментально зарѣзываютъ его, снимаютъ шкуру и распластываютъ; не успѣешь хорошенько всмотрѣться, что именно дѣлаютъ около быка эти облитые кровью люди, не успѣетъ еще замолкнуть эхо предсмертнаго, раздирающаго душу, рева зарѣзаннаго животнаго, рева, выражающаго самую отчаянную муку, какъ уже вмѣсто него видишь передъ собою только куски, еще трепещущаго, мяса, куски — совершенно въ томъ видѣ, какъ ихъ обыкновенно продаютъ въ мясныхъ лавкахъ. Общій видъ матадеро, не смотря на страшное зловоніе, къ которому, впрочемъ, можно скоро привыкнуть, довольно интересенъ, но сцена убійства—непріятна для непривычнаго глаза. Гаучо, точно хищные, голодные звѣри, нападаютъ на беззащитное, измученное животное, вонзаютъ въ него свои длинные ножи и, не давъ быку еще испустить послѣднее дыханіе, уже

начинаютъ распарывать ему брюхо, снимать шкуру, ломать кости, распластывать туловище....

Трудно приучиться хладнокровно смотрѣть на это кровавое зрѣлище; но каково тѣмъ, кто въ немъ участвуетъ? Работа эта, мнѣ кажется, ужасна и она должна вознаграждаться лучше, чѣмъ всякая другая.

Присутствовать при рѣзнѣ быковъ довольно опасно, потому что бываютъ случаи, что они иногда срываются съ лассо или выбѣгаютъ изъ загоновъ, бѣсятся и бросаются на всякаго встрѣчнаго; бѣда тому, кто попадется на дорогѣ разъяренному быку: однимъ взмахомъ огромныхъ острыхъ роговъ расвирѣпѣвшаго животнаго онъ будетъ подброшенъ на нѣсколько саженъ кверху, истерзанъ, исковерканъ и истоптанъ.

Гаучо, знакомые съ нравами быковъ, разсказываютъ, что эти животныя въ разъяренномъ состояніи не оставляютъ свою жертву до тѣхъ поръ, пока отъ нея не останется одинъ безобразный комъ окровавленнаго мяса; они подбрасываютъ ее своими рогами къ верху по нѣскольку разъ, топчутъ ногами, и нѣтъ возможности отвлечь ихъ отъ несчастныхъ, подвергшихся ихъ нападенію.

Разумѣется, подобные несчастные случаи бываютъ только съ людьми посторонними, такими же любопытными какъ и мы; но съ опытными гаучо ничего подобнаго никогда не случится и не случается. Раньше, чѣмъ быкъ вздумаетъ поднять его на рога, онъ будетъ опрокинутъ хорошимъ ударомъ ножа, или же, если гаучо верхомъ, помощью лассо. Гаучо настолько ловокъ и неустрашимъ, что ему рѣшительно нипочемъ сразиться одинъ на одинъ съ бѣшеннымъ животнымъ, желающимъ избѣжать своей ужасной участи — пасть подъ ударамъ мясниковъ — и продать свою жизнь какъ можно дороже....

На матадеро намъ пришлось полюбоваться, съ какою удивительною ловкостью гаучо владѣютъ своими лассо, противъ которыхъ безсильны самыя сильныя, самыя большія животныя аргентинскихъ пампасъ. Случалось, что гаучо, стоящій у выхода, съ ножомъ въ рукѣ, не успѣвалъ перерѣзать подколѣнныя жилы задней ноги быка, который, вслѣдствіе этого, преисправно поспѣвалъ за скачущей во весь опоръ лошадью и не думалъ подставлять свою шею подъ удары ножей мясниковъ. При такихъ обстоятельствахъ подскакивалъ моментально сзаду другой гаучо, также съ лассо въ рукахъ, который онъ забрасывалъ, на всемъ скаку, на одну изъ заднихъ ногъ бѣгущаго быка, быстро поворачивалъ свою лошадь въ противоположную сторону, и животное растягиваемое двумя сильными, привычными скакунами ошеломленное, чуть-ли не разорван-

ное, тяжело грохалось на землю и, черезъ нѣкоторый очень короткій промежутокъ времени, превращалось въ стяги мяса.

Этотъ трудный, почти невозможный, маневръ совершался съ удивительною быстротою и ловкостью; рѣдко случается, чтобы гаучо закидывалъ свой лассо по два раза; большею частью онъ попадаетъ въ цѣль и даже такую трудную, мелькающую, какъ нога животнаго, во время самаго быстраго бѣга, съ перваго же раза.

Какъ удивительно долженъ быть разсчитанъ ударъ, до какой сильной степени развита вѣрность глаза, чтобы выполнить подобную задачу, немыслимую для европейскаго жителя, но очень обыкновенную для гаучо, который при случаѣ можетъ выказать еще большее искусство, бо́льшую ловкость и вѣрность глаза.

Не смотря на удушливую, смрадную атмосферу, мы пробыли на матадеро довольно долго; насъ интересовала собственно не самая рѣзня, но поражающая ловкость гаучо, этихъ дикихъ сыновъ аргентинскихъ пампасовъ. Наконецъ, мы поѣхали дальше, къ мѣстечку Баррагáнъ; дорога была оживлена не менѣе прежняго; на ней кипѣла дѣятельная, общественная жизнь, представляющая сильный контрастъ съ глухою, дикою, необработанною мѣстностью, тянущеюся по обѣ стороны шоссе. По дорогѣ проѣзжала масса купцовъ, торговцевъ, поселянъ, тянулись опять нескончаемые ряды гигантскихъ фуръ, нагруженныя или произведеніями эстанцій, или разнообразными товарами, привезенными комерческими судами изъ заграничныхъ портовъ; попадались опять большія стада длинногихъ быковъ, предназначенныхъ для избіенія на матадеро; словомъ, на шоссе кипѣла необыкновенно дѣятельная жизнь. Рѣзкій, проникающій въ самую душу, скрипъ несмазанныхъ колесъ-великановъ, топотъ, несущихся быстрымъ галопомъ, лошадей, мычанье быковъ, крики возницъ, погонщиковъ и пастуховъ, хлопанье бичей — все это сливалось въ одинъ общій гулъ, неуступающій гулу, раздающемуся на самой многолюдной лондонской улицѣ.

На сколько баррагáнское шоссе было оживлено и шумно, на столько прилежащія къ нему неизмѣримые, низменные луга были безмолвны и необитаемы! Этотъ странный контрастъ производилъ сильное впечатлѣніе: тутъ видишь жизнь, а тамъ почти смерть; тутъ видишь нѣкоторое просвѣщеніе, а тамъ—мракъ и невѣжество; тутъ видишь, наконецъ, на всемъ печать человѣческой руки, а тамъ — только руки Всевышняго, словомъ, видишь дикую природу рядомъ съ общественною жизнью.

Впрочемъ подобные контрасты встрѣчаются здѣсь почти на каждомъ шагу, они очень обыкновенны и удивляться имъ нечего. Общественная

жизнь въ Аргентинской республикѣ имѣетъ среди неизмѣримыхъ, необработанныхъ и пустынныхъ пампасовъ видъ оазисовъ, лежащихъ среди пустыни Сахары....

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Баррагану, тѣмъ дорога становилась оживленнѣе и оживленнѣе: даже по сторонамъ ея стали показываться харчевни или пульперіи, открытыя для посѣтителей отъ восхода солнца до поздней ночи, потянулись бѣдныя лачуги работниковъ и переносщиковъ товаровъ, корали, окруженные алойными заборами, изъ за которыхъ виднѣлись длинные рога быковъ и головы лошадей, предназначенныхъ или для продажи, или же для истребленія на саладеро, помѣщающихси около Баррагана, и наконецъ начали показываться громадные огороды, снабжающіе столицу зеленью и овощами, но огороды — нисколько не похожіе на наши европейскіе: тутъ не было правильно обработанныхъ грядъ, канавъ для стока воды, не было того порядка, того симетрическаго распредѣленія овощей и земли по классамъ и грядкамъ, которое обыкновенно можно видѣть на нашихъ петербургскихъ огородахъ. Тутъ всѣ овощи были перемѣшаны между собой въ такомъ безпорядкѣ, что рѣшительно невозможно было разобрать, гдѣ именно произростаетъ одно и гдѣ другое, и все, повидимому, предоставлено было на волю Божію, потому что нельзя было замѣтить правильнаго ухода ни тутъ, ни тамъ.

Не смотря, однако на то, что буеносъ-айресскіе огородники мало заботятся о своихъ огородахъ, произрастаніе свойственныхъ ла-платской почвѣ и климату овощей и зелени здѣсь удивительно. Что было бы, если бы приложить къ огородамъ побольше старанія, побольше уходу и заботы?.... При каждомъ почти огородѣ красовались обширные фруктовые сады, принадлежащіе большею частью нѣмцамъ и ирландцамъ, которые больше другихъ способны ухаживать за подобными растеніями. Тутъ было особенно много апельсинныхъ, персиковыхъ и оливковыхъ деревьевъ; правда, аргентинскіе апельсины не могутъ сравниться съ апельсинами, растущими на островахъ Зеленаго Мыса, а персики немного тверды, но тѣмъ не менѣе плоды эти очень сочны, вкусны и здоровы. Въ садахъ этихъ иногда красовалось по нѣскольку очень замѣчательныхъ, красивыхъ деревьевъ, свойственныхъ только ла-платской природѣ, а именно, такъ называемыя, «омбу». Они достигали удивительной величины, и нужно непремѣнно видѣть одно изъ этихъ гигантскихъ растеній, чтобы имѣть понятіе о необыкновенной растительной силѣ аргентинскихъ пампасовъ, почва которыхъ вообще славится св[illegible] рѣдкимъ плодородіемъ.

Узловатый и ноздреватый стволъ омбу походитъ на изрытый утесъ; его скругленная вершина имѣетъ видъ широкаго величественаго купола, подъ которымъ можно укрыться какъ отъ ливня, такъ и солнечнаго зноя. Подобныя деревья разбросаны по неизмѣримымъ пампасамъ въ разныхъ направленіяхъ и служатъ для путешественниковъ надежной защитой отъ всякой непогоды, бурь и палящихъ солнечныхъ лучей. Нѣкоторыя омбу имѣютъ въ основаніи ствола до пятидесяти футовъ въ окружности....

Наконецъ сады и огороды остались позади, и мы въѣхали въ мѣстечко Баррaганъ, раскинутое на берегу рѣки, носящей, знаменитое въ Аргентинской республикѣ, историческое имя Солисъ и впадающей въ Ріо-де-ла-Плату.

Въ мѣстечкѣ этомъ кипѣла необыкновенная дѣятельность; на деревянныхъ пристаняхъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ рѣки въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, толпились купцы, прикащики, матросы, маклера и носильщики; послѣдніе складывали въ громадныя груды, подъ особенными навѣсами, разнообразные товары, привезенные чуть-ли не изъ всѣхъ частей свѣта; тутъ были кожи, и шерсть изъ Коріентеса, лѣсъ изъ Парагвая, ящики съ виноградомъ изъ Мендозы, страусовыя перья и тигровыя шкуры изъ неизмѣримыхъ пампасовъ Южной Америки, предметы роскоши изъ Европы, желѣзные и стальные товары изъ Англіи, различныя сѣверо-американскія издѣлія, словомъ, подъ громадными навѣсами сложены были товары всего свѣта, товары самые разнообразные и противуположные.

Множество небольшихъ судовъ стояло вдоль обоихъ береговъ рѣки; одни изъ нихъ нагружались произведеніями саладеро, какъ-то: кожами, шерстью, саломъ, клеемъ, сухими жилами и соленымъ мясомъ; другія напротивъ, разгружали только привезенные изъ заграницы разнообразные товары. Эти небольшія суда служатъ здѣсь перевозочными средствами, такъ какъ морскіе, коммерческіе корабли не въ состояніи, по мелководью, приблизиться къ берегу и по-неволѣ должны разгружать свои товары сперва на меньшія, перевозочныя суда, которыя уже и входятъ съ ними въ рѣку Солисъ и подходятъ къ самому мѣстечку Барраганъ, гдѣ всѣ товары разгружаются и уже на извѣстныхъ гигантскихъ фурахъ перевозятся въ столицу. Послѣднія въ большомъ числѣ толпились около пристаней и, раскрывъ свои широкія, бездонныя пасти, глотали несмѣтное количество товаровъ; погонщики и возницы разбрелись въ ожиданіи, пока насытятся ихъ повозки, по лавкамъ и харчевнямъ, гдѣ ублажали свои желудки хорошо изжаренною бычачиною и

водкою; а ихъ почтенные, длиннорогіе товарищи важно развалились передъ своими фурами и флегматически пожевывали жвачку въ ожиданіи прихода своихъ хозяевъ и получки отъ нихъ здороваго удара палкой, служащаго знакомъ, что пора имъ выйдти изъ своего мечтательнаго положенія и заняться болѣе положительнымъ дѣломъ — довезти перегруженную фуру до столицы, а можетъ быть куда нибудь и дальше.

Вообще въ мѣстечкѣ Баррaганъ, куда ни глянешь, кипѣла необыкновенная жизнь и дѣятельность, доказывающія, какое имѣетъ оно въ торговомъ отношеніи важное значеніе.... Дома мѣстечка представляютъ большое разнообразіе: тамъ стоитъ роскошная вилла какого нибудь буеносъ-айресскаго негоціанта, имѣющаго дѣла въ Баррaганѣ, а рядомъ съ нимъ виднѣется простой, но чистенькій домикъ зажиточнаго баска или беарнца, составляющихъ главный элементъ населенія этого мѣстечка; съ другой стороны этой резиденціи буеносъ-айресскаго богача пріютилась жалкая лачуга бѣдняка, поражающая своею страшною ветхостью и бѣдностью. Немного дальше красуется что-то въ родѣ китайскаго павильона, рядомъ съ которымъ обращенъ въ мирное жилище старый кузовъ купеческаго судна, утомленнаго бурями и непогодою и отдыхающаго отъ многочисленныхъ трудовъ и опасностей. Словомъ, куда ни посмотришь, видишь самое странное разнообразіе, которое тѣмъ болѣе поражаетъ глаза путешественника, что самая столица Аргентинской республики построена съ удивительнымъ однообразіемъ.

Большая часть этихъ жилищъ принадлежитъ трудолюбивымъ, честнымъ баскамъ и беарнцамъ, переселившимся сюда съ Пиренейскихъ горъ, въ надеждѣ составить себѣ здѣсь состояніе; и дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ неутомимаго труда, они дѣлаются если не богачами, то зажиточными гражданами Аргентинской республики; но при этомъ нисколько не помышляютъ о возвращеніи на родину и, не смотря на пріобрѣтенныя богатства, остаются постоянными жителями обогатившей ихъ страны, между тѣмъ какъ нѣмцы и французы, набивъ себѣ карманы аргентинскимъ золотомъ, непремѣнно мечтаютъ о возвращеніи на родину, чтобы уже тамъ прожить въ довольствѣ остатокъ своихъ дней, а не въ чуждой имъ странѣ....

За мѣстечкомъ Баррaганъ тянулись большія заведенія, называемыя саладеро; тутъ были салотопни, мыловарни, свѣчные заводы и тому подобныя учрежденія, въ которыхъ производилось все, что только можно было получить изъ убитыхъ быковъ и лошадей; тутъ же были громадные загоны съ множествомъ тѣхъ и другихъ животныхъ, предназначенныхъ для рѣзни; были заведенія, въ которыхъ солятъ мясо и выдѣлываютъ

кожу, и наконецъ—матадеро; но на этихъ матадеро били быковъ и лошадей совершенно новымъ способомъ, еще болѣе оригинальнымъ, болѣе удобнымъ. Такимъ образомъ саладеро представляютъ цѣлую сѣть громадныхъ и разнообразныхъ заведеній, цѣль которыхъ добыть изъ массы избиваемыхъ тутъ же быковъ и лошадей все, что только могутъ дать ихъ кости, мясо, жиръ и т. п.

Избіеніе быковъ не производитъ здѣсь такого сильнаго впечатлѣнія, какъ убійство прекрасныхъ, стройныхъ лошадей, убійство ничѣмъ не оправдываемое, убійство жестокое, вызываемое только страстью къ пріобрѣтенію богатства и къ различнаго рода спекуляціямъ.

Впрочемъ, свирѣпые промышленники, владѣтели этихъ саладеро, оправдываютъ это убійство, къ которому никто не привыкъ, тѣмъ, что въ ла-платскихъ пампасахъ расплодилось такое громадное количество дикихъ лошадей, что онѣ уже становятся не полезными, но вредными животными, а потому ихъ нужно истреблять, а истреблять безъ выгодъ нѣтъ никакого смысла.

И дѣйствительно, богатая природа ла-платскихъ пампасовъ и свободная, вольная жизнь на ихъ тучныхъ, роскошныхъ пастбищахъ до такой степени благопріятна лошадямъ, что онѣ въ нѣсколько сотъ лѣтъ расплодились въ ужасающихъ размѣрахъ, иногда, дѣйствительно, очень опасныхъ для всѣхъ и всего окружающаго.

Весною, молодыя кобылы доходятъ иногда до такого бѣшенства, что нападаютъ на караваны путешественниковъ, торговцевъ и поселянъ, какъ хищные звѣри, и умерщвляютъ всѣхъ попавшихся имъ лошадей и ихъ всадниковъ; не было никакой возможности отбивать ихъ яростныя нападенія, производимыя иногда громадною массою въ нѣсколько тысячь головъ; въ этихъ случаяхъ все и всѣ гибли подъ ударами ихъ крѣпкихъ копытъ и превращались въ порошокъ; мало того, дикія лошади дрались между собою и въ этихъ ужасныхъ междоусобныхъ стычкахъ гибло громадное количество этихъ прекрасныхъ животныхъ. И такую страшную анархію вноситъ въ ихъ безчисленные табуны весна, смущающая всѣхъ своими прелестями и раздражающая своимъ благоуханіемъ....

Дѣло дошло дотого, что начали опасаться, чтобы эти прекрасныя животныя не наводнили всю страну и не причинили бы ей своимъ бѣшенствомъ большой вредъ; а потому разрѣшено было истреблять и превращать никому не принадлежащіе табуны дикихъ лошадей въ соленыя кожи, сухія жилы, изъ которыхъ дѣлаются лучшія лассо, въ хвосты, идущіе на султаны, сало, свѣчи, мыло, клей и т. п.

Мы посѣтили нѣсколько саладеро; на одномъ изъ нихъ били только

лошадей, на другомъ—быковъ, на третьемъ, наконецъ,—тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Общій видъ этихъ заведеній столь же отвратителенъ и ужасенъ, какъ и матадеро; воздухъ здѣсь зараженъ чуть-ли еще не больше, потому что кромѣ того, что поднимается страшная вонь отъ валяющихся повсюду ободанныхъ труповъ животныхъ, такъ еще не мало портятъ воздухъ множество различныхъ сушиленъ, коптиленъ, мыльныхъ, свѣчныхъ и другихъ заводовъ.

Избіеніе лошадей произвело на насъ очень непріятное впечатлѣніе; при этомъ нужно прибавить, что этой страшной участи подвергаются только однѣ кобылы, которыхъ въ этой оригинальной странѣ, не знаю почему, сильно презираютъ и преслѣдуютъ. Здѣсь считается смѣшнымъ даже ѣздить на кобылахъ, а потому ихъ убиваютъ, оставляя очень ограниченное число для размноженія. Загоны, или корали, устроены на саладеро нѣсколько иначе, чѣмъ на матадеро. Они состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, соединенныхъ узенькимъ коридорчикомъ, въ которомъ могутъ помѣститься въ рядъ не болѣе трехъ или двухъ лошадей.

Въ большемъ отдѣленіи этихъ загоновъ помѣщалась масса дикихъ кобылъ, назначенныхъ для избіенія; красивыя животныя съ трепетомъ ждали здѣсь своей ужасной очереди пасть подъ ударомъ молотка; меньшее отдѣленіе загоновъ въ концѣ нѣсколько суживается и оканчивается воротами съ перекладиною, въ которой вращается большой горизонтальный блокъ съ продѣтымъ въ него крѣпкимъ, толстымъ и длиннымъ лассо, одинъ конецъ котораго, находящійся въ загонѣ, заканчивался широкою петлею, между тѣмъ какъ другой—былъ привязанъ къ сѣдлу сильной, крѣпкой лошади, на которой восѣдалъ, покрытый запекшеюся кровью и грязью, гаучо. Вся операція избіенія несчастныхъ, беззащитныхъ животныхъ производится въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ большаго отдѣленія загона выгоняютъ черезъ коридорчикъ въ меньшее—опредѣленное число лошадей, послѣ чего ихъ сейчасъ же отдѣляютъ отъ коридора крѣпкими воротами; послѣдній между тѣмъ быстро наполняется новыми жертвами, выгнанными изъ большаго отдѣленія, и закрывается со стороны его не менѣе крѣпкими воротами, чтобы не позволить несчастнымъ животнымъ избѣжать своей ужасной участи.

Между тѣмъ кобылы, наполнившія меньшее отдѣленіе, были истребляемы, по очереди, съ удивительнымъ проворствомъ и искусствомъ; у воротъ, съ перекладиною на верху съ врѣзаннымъ въ ней горизонтальнымъ блокомъ, стоялъ на устроенныхъ подмосткахъ гаучо, съ разбойничьей физіономіею, которая совершенно совпадала съ его ужасной профессіею; онъ съ необыкновенною быстротою набиралъ въ чистую бухту

конецъ лассо, обращенный къ перепуганнымъ, дрожащимъ лошадямъ, и съ удивительною ловкостью набрасывалъ страшную петлю на шеи ближайшихъ жертвъ. Иногда петля захватывала одну лошадь, иногда двѣ и даже три; по крику этого главнаго истребителя несчастныхъ животныхъ, гаучо, сидящій на лошади, къ сѣдлу которой прикрѣпленъ внѣшній конецъ ужаснаго аркана, шпорилъ своего сильнаго, привычнаго скакуна, и двѣ или три кобылы моментально были подтянуты къ извѣстной перекладинѣ, замѣняющей несчастнымъ животнымъ плаху.

Лишенныя всякаго сопротивленія, полузадушенныя, съ налитыми кровью глазами, судорожно бились несчастныя жертвы, пытаясь, но тщетно, освободиться отъ страшной петли, которая, сильнѣе и сильнѣе, стягивала ихъ красивыя шеи; но гаучо, забрасывающій лассо, не дремалъ: быстро и ловко нанесъ онъ въ лобъ каждой жертвы по сильному удару небольшимъ молоткомъ — и все было кончено.... Ни вздоха, ни капли крови! Слышался только непріятный трескъ проломленныхъ череповъ и моментально огонь, горѣвшій въ воспаленныхъ глазахъ жертвъ, потухалъ, какъ затушенная свѣча, и прекрасныя животныя, полныя силы, превращались въ безжизненные трупы. Послѣдніе съ быстротою опускались на подъѣхавшую подъ перекладину, по проложеннымъ рельсамъ, телѣгу и отвозились въ сторону; здѣсь они сваливались и попадали подъ ножи мясниковъ, которые съ необыкновенною ловкостью сдирали съ нихъ шкуру и превращали въ скелеты. Между тѣмъ гаучо, стоящій на подмосткахъ, продолжалъ забрасывать вѣрною рукою свою роковую петлю на шеи несчастныхъ животныхъ, которыя, одно за другимъ, падали подъ сильными ударами молота и превращались въ трупы.

Общая картина саладеро ужасна, тѣмъ болѣе для европейца, не привыкшаго къ подобному убійству прекрасныхъ животныхъ, которыя могли бы имѣть совершенно другое, гораздо высшее, назначеніе, чѣмъ пасть на плахѣ подъ ударомъ жестокаго гаучо и превратиться черезъ нѣсколько времени въ сало, свѣчи, мыло, кожи, клей, жилы, султаны и т. п.

Жалко, тяжело смотрѣть на столпившихся, дико озирающихся красивыхъ, стройныхъ животныхъ, съ ужасомъ пригибающихъ свои гордыя, граціозныя головы подъ ужасною петлею лассо; они, какъ будто, сознаютъ ожидающую ихъ участь, бьются въ загонѣ, какъ бѣшенныя, вздымаются на дыбы и жалобно ржутъ. Съ горящими, воспаленными глазами, съ раздутыми ноздрями, покрытыми малиновыми пятнами, съ дрожащими ногами и навостренными ушами ждутъ они съ трепетомъ своей ужасной очереди—пасть подъ ударомъ молотка свирѣпаго гаучо.... А роковая петля, между тѣмъ, дѣлаетъ свое страшное дѣло; брошенная ловкою

рукою, свиститъ, гудитъ она въ воздухѣ и падаетъ на шеи слѣдующей и слѣдующей жертвы.

На саладеро лошади чрезвычайно дешевы; здѣсь можно пріобрѣсть за какіе-нибудь тридцать, сорокъ франковъ славнаго, сильнаго скакуна, за котораго въ Европѣ дали бы тысячу и болѣе рублей; но скакуна этого нужно еще объѣздить, потому что онъ еще незнакомъ ни съ сѣдломъ, ни съ уздой. Выѣздкой дикихъ лошадей занимаются тутъ же; за нѣсколько франковъ вамъ укротятъ скакуна въ два, три пріема, и вы смѣло можете поставить его хоть подъ дамское сѣдло.

При укрощеніи дикой, молодой лошади гаучо выказываетъ все свое необыкновенное искусство въ верховой ѣздѣ, всю свою ловкость и неустрашимость. Его продѣлки при выѣздкѣ лошади замѣчательны; самый дикій скакунъ, незнакомый ни съ сѣдломъ, ни съ уздой, черезъ нѣсколько времени дѣлается покорнымъ, смирнымъ животнымъ, на которомъ безопасно можетъ прокатиться даже ребенокъ. Пріемы, употребляемые гаучо при укрощеніи лошадей такъ замѣчательны, что грѣшно не дать о нихъ хотя бы нѣкоторое понятіе.

Предположимъ, что лошадь выбрана и сторгована; остается ее только укротить. Тогда входитъ гаучо одинъ, съ лассо въ рукахъ, въ загонъ, и забрасываетъ свой арканъ на замѣченное животное такъ, чтобы онъ стянулъ ея переднія ноги, что, разумѣется, сдѣлать не легко. Дикое животное бросается отъ страху въ сторону, думая освободиться отъ стягивающей петли, но этимъ, напротивъ, еще болѣе затягиваетъ ее и, лишившись свободы двухъ ногъ, тяжело падаетъ на землю. Гаучо не дремлетъ: живо подбѣгаетъ онъ къ барахтающейся лошади, крѣпко затягиваетъ ея переднія ноги, обводитъ затѣмъ лассо вокругъ одной изъ заднихъ ногъ, немного выше копыта, сильно притягиваетъ ее къ переднимъ и такимъ образомъ, черезъ нѣсколько секундъ, у лошади оказывается связанными три ноги. Въ такомъ положеніи она не въ состояніи нанести рѣшительно никакого вреда, и гаучо можетъ дѣлать съ ней что захочетъ. Ни сколько не медля, садится онъ на шею животнаго и одѣваетъ ему особенную узду, употребляемую только при укрощеніи дикихъ лошадей. Для устройства подобной узды, у гаучо имѣется при себѣ два крѣпкихъ повода, съ кольцами на концахъ, и тонкій, но чрезвычайно крѣпкій, ремешокъ, который онъ продѣваетъ черезъ кольца и нѣсколько разъ обматываетъ имъ кругомъ нижней челюсти и языка животнаго такимъ образомъ, чтобы повода пришлись на своемъ мѣстѣ.

Когда подобная узда будетъ готова, то гаучо связываетъ переднія ноги лошади крѣпкимъ ремнемъ, но такъ, чтобы, сидя на ней, легко

можно было бы его развязать; для этого ремень завязывается петлею, причемъ одинъ конецъ его, составляющій самую петлю, оставляется такой длины, чтобы всадникъ, не нагибаясь, могъ держать его въ рукѣ.

Затѣмъ лассо, стягивающій три ноги животнаго, снимается и лошадь, хотя съ большимъ трудомъ, понуждается подняться на ноги. Послѣ этого выводятъ лошадь изъ загона и начинается самый трудный процессъ—осѣдлываніе. Одинъ гаучо держитъ скакуна за узду, а другой—начинаетъ надѣвать сѣдло и подтягивать подпругу; при осѣдлываніи, дикое животное, чувствуя, что его стягиваютъ поперегъ живота, начинаетъ биться, лягаться, кататься по землѣ, думая этимъ освободиться отъ стягивающей его подпруги; но напрасно: гаучо бьютъ его и заставляютъ встать опять на ноги.

Когда лошадь осѣдлана, то укротитель садится въ сѣдло, но такъ осторожно, чтобы животное, имѣя переднія ноги крѣпко связанными, не потеряло равновѣсіе и не свалилось бы раньше, вмѣстѣ съ всадникомъ, на землю. Но вотъ гаучо уже на лошади, дрожащей отъ страха и гнѣва; твердо усѣлся онъ въ сѣдлѣ и развязываетъ ремень, стягивающій ея переднія ноги. Почувствовавъ себя свободнымъ, скакунъ, молніей, бросается впередъ, дѣлаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ, желая освободиться отъ непривычной тяжести, падаетъ на землю, думая смять подъ собой смѣлаго укротителя, вздымается на дыбы, опрокидывается, словомъ, употребляетъ всевозможныя уловки, чтобы только избавиться отъ всадника и сѣдла.

Нельзя не удивляться при этомъ необыкновенному хладнокровію гаучо, его удивительной ловкости и искусству! Вотъ лошадь взвилась на дыбы и опрокидывается.... Еще моментъ и гаучо долженъ былъ бы превратиться въ кусокъ окровавленнаго мяса; но не успѣетъ еще пройти этотъ страшный моментъ, какъ уже укротитель стоитъ на ногахъ, здравъ и невредимъ, хладнокровный и спокойный, а дикій скакунъ имѣетъ подъ собой только одно сѣдло. Съ бѣшенствомъ отъ неудачи, какъ молнія, вскакиваетъ лошадь на ноги и думаетъ въ бѣгствѣ найти спасеніе отъ своего врага; но гаучо уже давно на ней и ловкою, твердою, спокойною рукою сдерживаетъ ея бѣшенные порывы.

Долго еще происходитъ энергичная борьба между дикимъ, гордымъ животнымъ и человѣкомъ, и наконецъ первое покоряется волѣ послѣдняго; но до этого момента оно употребляетъ страшныя усилія, чтобы избѣжать позора и освободиться отъ рабства; но всѣ эти усилія разбиваются однимъ движеніемъ руки гаучо, какъ морскія волны объ утесистый берегъ.

Горячій скакунъ, замѣтя свое безсиліе сбросить съ себя ловкаго всадника, съ ужасомъ бросается скакать во весь опоръ, думая хотя бы быстротою своего бѣга избавиться отъ гаучо, но напрасно: укротитель позволяетъ нестись своей лошади до тѣхъ поръ, пока она не обезсилитъ и тогда только заставляетъ слушать узду, заставляетъ покориться своей волѣ и съ торжествомъ поворачиваетъ укрощенное животное къ тому мѣсту, откуда оно начало свой бѣшенный бѣгъ. Обыкновенно, послѣ перваго укрощенія, лошадь бываетъ до того измучена, что едва шевелитъ ногами и тутъ-то поневолѣ покоряется малѣйшей волѣ своего укротителя.

Послѣ двухъ, трехъ подобныхъ пріемовъ, лошадь уже окончательно будетъ усмирена; но затѣмъ еще нужно ее пріучить къ желѣзнымъ удиламъ, что чуть-ли не труднѣе самого укрощенія скакуна. Гаучо все это вамъ сдѣлаетъ за нѣсколько франковъ и въ очень короткое время.

Для продажи на саладеро держится нѣсколько славныхъ жеребцовъ; но если вамъ вздумается пріобрѣсть кобылу (разумѣется за безцѣнокъ), то не совѣтую сѣсть на нее верхомъ: при первой встрѣчѣ съ посторонними, они васъ осмѣютъ, а мальчишки такъ закидаютъ еще грязью, потому что, какъ я уже говорилъ, кобылы не пользуются въ Ла-Платѣ никакимъ уваженіемъ и считается даже неприличнымъ (?) сѣсть на нее верхомъ. Что-жъ станете дѣлать, такой ужъ у жителей предразсудокъ!

Кобылъ даже здѣсь нѣтъ обыкновенія объѣзжать, и онѣ всю свою жизнь не вѣдаютъ, что такое значитъ сѣдло и узда....

Однако, бросимъ послѣдній взглядъ на саладеро; страшная работа кипитъ здѣсь съ ужасающею быстротою. Одни работники сдираютъ шкуру, другіе—отдѣляютъ мясо отъ костей, третьи—складываютъ въ громадныя кучи конскіе хвосты, четвертые—копошатся у груды костей; словомъ, у всякаго есть здѣсь свое дѣло, которое спорно кипитъ въ ихъ ловкихъ и искусныхъ рукахъ....

На другомъ саладеро мы присутствовали при боѣ быковъ, произведшемъ на насъ нѣсколько лучшее впечатлѣніе, потому что избіеніе этихъ животныхъ было въ нашихъ глазахъ очень обыкновенною вещью. Процессъ истребленія быковъ почти тотъ же, какъ и лошадей, только разница въ томъ, что ихъ не били по лбу молотками, а ловко вонзали между рогами ножъ. Подобный ударъ наносимъ былъ, облитымъ кровью, гаучо такъ ловко, хладнокровно и искусно, что жертва, какъ пораженная молніей, испускала духъ моментально. На этомъ саладеро кровь лилась ручьями, и работники, отъ перваго до послѣдняго, были облиты ею съ головы до ногъ, какъ будто они только что выкупались въ ней

или вылѣзли изъ внутренностей распоротаго быка. Работа этихъ людей ужасна: тѣло ихъ постоянно наклоняется надъ жертвой, руки погружены еще въ трепещущее мясо, ноги плаваютъ въ крови; но они такъ привыкли къ подобной рѣзнѣ, что она доставляетъ имъ удовольствіе, дѣлается ихъ страстью.

Собранныя бычачьи кожи обмываются въ разсолѣ и развѣшиваются, отдѣленные отъ костей куски мяса распластываются, обмываются въ бассейнѣ съ водою, укладываются въ особыхъ складахъ и пересыпаются затѣмъ солью; рога освобождаются отъ ихъ чешуйчатой оболочки и складываются въ громадныя горы; словомъ, каждый занятъ здѣсь извѣстнымъ дѣломъ и извлекаетъ изъ всего какую нибудь вещественную выгоду.

Распластанные куски мяса остаются сложенными въ колоссальныхъ складахъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не вытечетъ вся кровь; затѣмъ ихъ развѣшиваютъ на солнцѣ и сушатъ, и въ этомъ уже видѣ вывозятъ за границу.

Изъ жирныхъ частей животныхъ добываютъ на саладеро сало, изъ ногъ — горючее масло, изъ обрѣзковъ кожи — клей, словомъ, все до малѣйшей части идетъ здѣсь въ дѣло, и убиваемые быки и лошади приносятъ людямъ самую полную пользу, какую только можно изъ нихъ извлечь. Владѣтели саладеро богатѣютъ въ ужасныхъ размѣрахъ, и потому немудрено, что они платятъ своимъ работникамъ необыкновенно щедро; тутъ есть такіе люди, которые за шесть или за семь часовъ работы получаютъ отъ двадцати пяти до тридцати франковъ. Кушъ, какъ видите, порядочный, но за то работу нельзя назвать легкою; многіе не согласятся получать въ четыре раза больше, чтобы только не купаться цѣлый день въ крови и не видѣть предсмертныхъ мукъ животныхъ.

Къ подобной ужасной работѣ можно привыкнуть только развѣ съ малолѣтства, а потому большая часть работниковъ на саладеро и матадеро непремѣнно гаучо. Нерѣдко даже видишь здѣсь множество мальчишекъ, дѣтей гаучо, копошащихся въ крови и пробующихъ надъ распростертымъ трупомъ свои небольшіе, но хорошо отточенные, ножи. Поэтому не мудрено, что они современемъ будутъ самыми хладнокровными, жестокими истребителями быковъ и лошадей, и въ искусствѣ наносить хорошіе удары не уступятъ своимъ отцамъ и дѣдамъ. Не мудрено также и то, что подобные мясники вонзятъ, при случаѣ, свой ножъ, вмѣсто быка или лошади, въ бокъ или спину человѣка, чѣмъ нибудь ихъ обидѣвшаго или разсердившаго. Эта страшная привычка къ виду

крови очень пагубна для аргентинскихъ жителей, горячихъ и неукротимыхъ; убійства здѣсь очень обыкновенны, и убить человѣка считается чуть-ли даже не проще, чѣмъ убить быка или лошадь. Изъ за самой пустой вещи сверкаютъ здѣсь ножи, и кровь льется какъ вода; изъ за самой пустой ссоры аргентинцы готовы бы срѣзать другъ другу головы, распороть грудь, животъ и изуродовать до высшей степени. Здѣсь обращаютъ на эти кровавыя драки меньше вниманія, чѣмъ мы—на драку двухъ какихъ нибудь псовъ; у насъ непремѣнно употребятъ какія нибудь мѣры, чтобы охладить пылъ и горячность двухъ разъярившихся животныхъ: обольютъ, напримѣръ, холодной водою, или безъ дальнѣйшей церемоніи разгонятъ хорошими ударами палки, или же, наконецъ, растащатъ за хвосты. Между тѣмъ, въ этой оригинальной странѣ всякая кровавая драка доставляетъ всѣмъ самое лучшее наслажденіе, пріятное зрѣлище и развлеченіе. Вмѣсто того, чтобы постараться успокоить дерущихся, ихъ напротивъ поощряютъ, подстрекаютъ, громко хвалятъ хорошіе удары, даже аплодируютъ имъ, хулятъ—худые, жадно ожидаютъ первой крови, словомъ, выказываютъ къ подобнымъ дракамъ полное сочувствіе. Если случится, что одинъ изъ дерущихся положитъ на мѣстѣ хорошимъ ударомъ ножа своего противника, то раздаются восторженные аплодисменты, сопровождаемые какимъ-то ревомъ, похожимъ на яростное рычаніе кровожаднаго, голоднаго звѣря, увидѣвшаго кровь и хорошій кусокъ еще трепещущаго мяса. Побѣжденнаго въ этомъ случаѣ зарываютъ, обыкновенно, какъ собаку, тутъ же и не иначе вспоминаютъ о немъ, какъ съ презрѣніемъ, а побѣдителя съ торжествомъ носятъ на рукахъ и наконецъ скрываютъ отъ карающей руки правосудія. Странно то, что даже самые почтенные граждане Аргентинской республики всегда почти помогаютъ убійцѣ скрыться отъ преслѣдованія полиціи, потому что, по ихъ мнѣнію, человѣкъ, убивая, грѣшитъ не противъ общества, а противъ правительства, и общество поэтому не должно преслѣдовать убійцу.

Какъ ни странны подобныя вещи, однако онѣ совершенно справедливы; можетъ быть со временемъ нравы жителей измѣнятся нѣсколько къ лучшему, но въ настоящее время они удивительно развращены. Особенно большой упадокъ нравовъ произошелъ въ правленіе тирана Розаса, и до сихъ поръ жители не могутъ подняться изъ того омута, въ который спихнулъ ихъ этотъ отвратительный убійца и извергъ....

Осмотрѣвъ въ тончайшихъ подробностяхъ всѣ учрежденія саладеро, надышавшись вдоволь испорченною атмосферою этихъ ужасныхъ боенъ, мы вернулись въ Баррагань, чтобы немного отдохнуть отъ тяжелаго

зрѣлища и закусить послѣ продолжительной прогулки въ одной изъ пульперій.

Большую часть жителей этого мѣстечка, какъ я уже говорилъ, составляютъ, переселившіеся сюда съ Пиренейскихъ горъ, баски и беарнцы; они сохранили здѣсь свои природные обычаи, свой языкъ и національный костюмъ, состоящій, у женщинъ, изъ шерстяной, короткой юбки, узкаго корсажа, открытаго лифа, обнаруживающаго изящныя роскошныя формы, и наконецъ изъ беррета (ихъ національный головной уборъ). Мужчины же, занимающіеся постоянно переноскою товаровъ или же какими нибудь работами, на саладеро одѣваются въ мѣстный костюмъ, болѣе удобный для работы, и только по воскресеньямъ наряжаются въ свою національную одежду. Баски и беарнцы чрезвычайно трудолюбивы, экономны и представляютъ самое честное и промышленное населеніе буеносъ-айресскихъ окрестностей....

Послѣ матадеро и саладеро мы посѣтили и другія болѣе или менѣе замѣчательныя окрестности столицы, изъ которыхъ особенно достойны вниманія путешественниковъ Чакарита и Палермо.

Чакарита лежитъ отъ Буеносъ-Айреса почти въ десяти верстахъ; здѣсь находится величественныя развалины роскошнаго зданія, окруженныя прекраснымъ персиковымъ лѣсомъ. Зданіе это было построено нѣкогда католическими миссіонерами, первыми просвѣтителями этой страны, замѣчательными поборниками вѣры и истинными учителями дикихъ народовъ, кочующихъ по неизмѣримымъ пампасамъ Южной Америки. Съ крестомъ въ рукѣ, съ любовью къ Богу въ сердцѣ, съ душеспасительными, теплыми и святыми словами на устахъ, эти истинные учители вѣры проникали въ самыя глухія, неизвѣстныя мѣста, съ жаромъ проповѣдовали новое ученіе среди самыхъ дикихъ индѣйскихъ племенъ и приносили правительству несравненно больше пользы и покоряли индѣйцевъ съ крестомъ въ рукѣ и кротостью гораздо скорѣе, чѣмъ испанскіе губернаторы, которые, во главѣ сильнаго войска, съ оружіемъ въ рукахъ, проповѣдывали своимъ примѣромъ среди этихъ дикихъ племенъ — убійство, грабежъ, месть, ненависть и жестокость! Католическіе миссіонеры (не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ настоящимъ католическимъ духовенствомъ, которое проникнуто грубымъ фанатизмомъ, невѣжествомъ, суевѣріемъ и многими другими пороками, не позволяющими имъ заняться духовнымъ просвѣщеніемъ страны), проникнувъ въ дикія страны, строили, въ знакъ примиренія, въ разныхъ мѣстахъ сперва небольшія часовни, возлѣ которыхъ вскорѣ появлялись прекрасный садъ, обработанныя поля, гумна, житницы и, наконецъ,

когда средствъ было достаточно, они строили здѣсь прекрасныя зданія, развалины которыхъ и въ настоящее время приводятъ путешественниковъ въ восторгъ. Миссіонеры собственноручно обработывали землю, занимались скотоводствомъ и научили индѣйцевъ пахать, сѣять и ходить за скотомъ; они наконецъ распространяли торговлю, прокладывали дороги и вообще принесли Южной Америкѣ громадную пользу. По обѣимъ сторонамъ Андовъ и рѣки Ла-Платы католическіе миссіонеры были первыми земледѣльцами и первыми эстансіонерами! Чакарита именно представляетъ одно изъ тѣхъ прекрасныхъ зданій, воздвигнутыхъ нѣкогда миссіонерами въ пустынныхъ неизмѣримыхъ пампасахъ Южной Америки; обширный кирпичный корпусъ съ четыреугольнымъ патіо, или дворомъ, окруженный аркадами, представляетъ величественную груду развалинъ; при входѣ въ эти грустные останки нѣкогда прекраснаго зданія, находится небольшая часовня, находящаяся въ такомъ же жалкомъ состояніи, но тѣмъ не менѣе развалины которой краснорѣчиво говорятъ о ея прежней красотѣ и величіи.

Аргентинскіе правители, отмѣнившіе ученіе іезуитовъ (миссіонеры были этого ордена) и изгнавшіе ихъ изъ своей страны (при Розасѣ), не хотѣли заимствоваться и ихъ архитектурою, и годъ за годъ Чакарита постепенно превращался въ то, что представляетъ онъ въ настоящее время, то есть въ грустныя, но величественныя и достойныя вниманія путешественниковъ, развалины....

Прогулка въ Палермо, прежнюю резиденцію Розаса, была еще интереснѣе.

Палермо соединенъ съ Буеносъ-Айресомъ прекраснымъ шоссе, идущимъ вдоль берега Ріо-де-ла-Платы и окаймленнымъ съ одной стороны зелеными лугами, простирающимися вплоть до рѣки, а съ другой — густо разросшимися прекрасными садами, среди которыхъ виднѣются великолѣпныя дачи или квинты партеносовъ и богатыхъ иностранцевъ.

Палермо — называется огромный садъ, похожій скорѣе на лѣсъ, нѣкогда разведенный Розасомъ; при входѣ въ него стоитъ полуразвалившійся одноэтажный домъ, служившій въ былое время тирану постояннымъ жилищемъ, и въ которомъ, со времени его паденія, никто еще не рѣшился пожить, потому что каждый считалъ и считаетъ даже въ настоящее время для себя позорнымъ поселиться тамъ, гдѣ нѣкогда безчинствовалъ извергъ Розасъ, о которомъ аргентинцы вспоминаютъ не иначе какъ съ проклятіями и ужасомъ, хотя въ былое время большая

часть ихъ боготворила его, поклонялась ему какъ Богу [1]), прославляла его, какъ героя и генія....

Судя по развалинамъ, дворецъ Розаса былъ въ свое время образцомъ архитектурнаго искусства, изящнѣйшимъ произведеніемъ итальянскихъ архитекторовъ, выписанныхъ тираномъ изъ Европы, для постройки этого зданія.

Прекрасная, еще достаточно сохранившаяся, каменная галерея, съ полукруглыми арками, окружаетъ низенькій корпусъ главнаго зданія, почти совершенно скрытый отъ постороннихъ глазъ густо разросшимися ліанами, которыя, какъ змѣи, обвиваютъ его со всѣхъ сторонъ и нѣсколько скрываютъ то разрушеніе и опустошеніе, ту мерзость и запустѣніе, которыя произведены были въ зданіи не столько временемъ и непогодою, сколько человѣческими руками и неблагопристойностью. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на мѣстѣ этихъ печальныхъ развалинъ стоялъ роскошнѣйшій дворецъ, мимо котораго проходили всѣ, начиная отъ знатнѣйшаго и богатѣйшаго гражданина и кончая послѣднимъ воромъ и убійцей, съ ужасомъ, почтеніемъ, подобострастіемъ и даже благоговѣніемъ; между тѣмъ въ настоящее время тѣ же самые люди проходятъ мимо этого, нѣкогда страшнаго и роковаго, зданія, съ презрѣніемъ, съ проклятіями на устахъ и относятся къ своему бывшему кумиру съ презрѣніемъ и ненавистью.

Всѣ стѣны дворца Розаса, внутреннія и внѣшнія, украшены многочисленными подписями посѣтителей, краснорѣчиво высказывающими ихъ чувства къ свергнутому тирану, и, нужно сознаться, чувства весьма недружелюбныя.

Внутренность дворца имѣетъ чрезвычайно жалкій и унылый видъ: дорогіе, нѣкогда изящнѣйшіе, обои висятъ клочьями; двери краснаго дерева разломаны или сорваны даже совсѣмъ съ петлей; окна выбиты; камины изъ бѣлаго мрамора разбиты; стѣны украшены неприличными надписями и пропитаны сыростью и грязью. Словомъ, все краснорѣчиво говоритъ о томъ страшномъ опустѣніи, въ которомъ находится въ настоящее время, нѣкогда великолѣпнѣйшій, дворецъ.

Прилежащій къ нему паркъ представляетъ почти то же запустѣніе и разрушеніе, а между тѣмъ въ былое время онъ стоялъ въ ряду лучшихъ европейскихъ парковъ.

Розасъ, по прихотливой своей натурѣ, построилъ Палермо на Ла-Платѣ; множество тысячъ возовъ земли и камней образовали въ рѣкѣ

[1]) Историческій фактъ.

прелестный полуостровъ, на которомъ диктаторъ развелъ свой паркъ, стоившій ему много трудовъ, хлопотъ и денегъ.

Близъ парка лежитъ груда развалинъ казармъ, въ которыхъ, при Розасѣ, жили три тысячи, такъ называемой, преторіанской стражи или его тѣлохранителей, которые исполняли, смотря по прихоти своего повелителя, то должность солдатъ, то садовниковъ, то ликторовъ, то палачей, то, наконецъ, убійцъ. Эти «три тысячи» были составлены изъ самаго отъявленнаго сброда мошенниковъ, воровъ и убійцъ, которымъ Розасъ давалъ у себя пріютъ, одѣвалъ, кормилъ и хорошо платилъ, но только требовалъ отъ нихъ, чтобы они безпрекословно исполняли его волю и малѣйшія желанія.

Розасъ лелѣялъ свой паркъ, какъ дорогое дѣтище, но все-таки не могъ сохранить его въ полной своей красѣ. Разсказываютъ про него, что, желая предохранить свои аллеи отъ порчи, онъ прибѣгалъ иногда къ очень оригинальнымъ выходкамъ. Такъ напримѣръ, ему сильно хотѣлось сохранить въ полномъ блескѣ и красотѣ свои апельсинныя аллеи, а между тѣмъ на листьяхъ этихъ деревьевъ появилась ржавчина, отъ которой они начали постепенно пропадать. Для исполненія задуманной цѣли, онъ закупилъ въ Буеносъ-Айресѣ рѣшительно всѣ, находящіяся въ магазинахъ зубныя и ноготныя щетки, вооружилъ ими своихъ тѣлохранителей и вмѣнилъ имъ въ обязанность счистить эту ржавчину во что бы то ни стало. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней ржавчины на листьяхъ апельсинныхъ деревьевъ какъ бы и не бывало; но, къ несчастью, она, появилась вскорѣ опять, и какъ Розасъ ни бился вмѣстѣ со своими солдатами, но ничего не могъ подѣлать съ природою, оказавшеюся, къ крайнему неудовольствію тирана, могущественнѣе его, и большая часть прекрасныхъ апельсинныхъ деревьевъ, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, все-таки погибла.

Въ другой разъ онъ узналъ, что муравьи портятъ въ его паркѣ кустарники; чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, Розасъ приказалъ собрать всѣхъ военно-плѣнныхъ, которыхъ набралось до восьмисотъ человѣкъ, и заставилъ каждаго изъ нихъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія и даже смерти, поймать муравьевъ не менѣе какъ полную бутылку, которыя и были выданы имъ на руки.

Черезъ нѣсколько дней муравьевъ какъ не бывало и кустарники преспокойно начали разростаться и хорошѣть.

Эти два факта ясно показываютъ эксцентричность розасовой натуры, натуры весьма замѣчательной, но, къ несчастью, еще не описанной. Хотя и брался Густавъ Эмаръ въ своихъ историческихъ романахъ «Rosas» и

«Mas horca» дать свѣдѣнія объ этомъ весьма замѣчательномъ субъектѣ но, къ несчастью, онъ смотритъ на его дѣла слишкомъ слабо и не упоминаетъ множество особенно характеристическихъ его чертъ и чертъ весьма замѣчательныхъ. Кромѣ того, Эмаръ выставляетъ его въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. По мѣстнымъ историческимъ документамъ и по преданію, Розасъ былъ тираномъ первой статьи, и самые старинные римскіе тираны, какъ-то: Неронъ, Тиберій, Калигула и другіе, не годятся ему въ подметки. Въ его диктаторство, Буеносъ-Айресъ походилъ на огромный саладеро, а самъ Розасъ на облитаго кровью гаучо, закидывающаго свой страшный лассо на избранныя головы жертвъ....

Въ Палермо достоинъ вниманія прекрасный бассейнъ, окруженный мраморными лѣсенками и прикрытый густымъ сводомъ благоухающихъ деревьевъ; бассейнъ этотъ служилъ нѣкогда купальнею прекрасною дочери Розаса — Мануэлѣ, которая была на столько же добра, великодушна, благородна, кротка и мила, насколько отецъ ея былъ золъ, неумолимъ, неукротимъ, дикъ, свирѣпъ и жестокъ.

Замѣчательно въ характерѣ Розаса то, что онъ обращался со своею единственною дочерью довольно хорошо и по возможности старался при ней сдерживать свои дикіе порывы страсти. Вообще Мануэла считалась добрымъ геніемъ Палермо, и большая часть аллей даже и до настоящаго времени носитъ ея имя. Аргентинцы вспоминаютъ объ этомъ добромъ ангелѣ не иначе, какъ съ уваженіемъ, любовью и восторгомъ....

Вдоволь нагулявшись по заброшенному, но все еще прекрасному, парку, мы отправились на одну изъ ближайшихъ эстанцій, лежащую отъ города не болѣе какъ въ тридцати верстахъ.

Дорога все время шла по неизмѣримымъ лугамъ и изрѣдка только ровная мѣстность пересѣкалась небольшимъ ручейкомъ или же приподымалась и образовывала небольшую возвышенность, на которой непремѣнно красовалась небольшая группа разнообразныхъ деревьевъ. Иногда попадались намъ *венты*, въ родѣ жидовскихъ корчмъ, окруженныя густою зеленью, въ тѣни которой отдыхали проѣзжіе путешественники, купцы или гуачо и съ удовольствіемъ попивали общеупотребляемый парагвайскій чай или мате.

Венты своимъ наружнымъ видомъ много походили на жидовскія корчмы; вѣроятно и внутренность ихъ, судя по наружности, не уступала послѣднимъ въ неопрятности и грязи, а потому мы опасались заѣхать въ одинъ изъ подобныхъ пріютовъ путешественниковъ и оставляли ихъ въ сторонѣ.

Иногда мы перегоняли или же встрѣчали громадные караваны гигантскихъ фуръ, число которыхъ доходило до двадцати и тридцати штукъ. Онѣ двигались точно по рельсамъ, одна за другою, по глубокой и широкой колеѣ, проложенной, можетъ быть, тысячью другими фурами, двигались съ страшнымъ скрипомъ и шумомъ. Подобные караваны имѣютъ очень эффектный видъ; смотря на ихъ громадныя фуры, нагруженныя всякою всячиною, на множестио длиннорогихъ, сильныхъ быковъ, на верховыхъ гаучо, служащихъ защитою каравану отъ нападенія дикихъ звѣрей и индѣйцевъ, на возницъ съ ихъ гигантскими кнутами и даже на женщинъ, сопутствующихъ своимъ мужьямъ въ продолжительномъ путешествіи, невольно приходитъ въ голову, что видишь передъ собою переселеніе какого нибудь библейскаго патріарха въ Обѣтованную землю.

Если смотрѣть на подобный караванъ съ какой нибудь возвышенности, то, кажется, что видишь передъ собою громадную, извивающуюся змѣю, которая съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу и съ какою-то торжественною важностью подвигается впередъ. И дѣйствительно, подобные караваны двигаются съ удивительною медленностью и торжественностью, точно какая нибудь похоронная процессія; они проходятъ обыкновенно въ день не болѣе двадцати или тридцати верстъ. Каждый вечеръ караванъ останавливается на ночлегъ, причемъ беретъ всѣ предосторожности противъ двухъ страшныхъ своихъ враговъ: индѣйцевъ и хищныхъ звѣрей. Поставленныя вкругъ фуры представляютъ противъ этихъ враговъ довольно сильное укрѣпленіе, за которымъ легко выдержать нападеніе толпы дикихъ индѣйцевъ; внутри этого укрѣпленія разводится обыкновенный огромный костеръ, который пугаетъ ночью хищныхъ звѣрей и заставляетъ ихъ держаться отъ каравана въ почтительномъ разстояніи. Обыкновенно этотъ костеръ поддерживается до самаго разсвѣта; всѣ находящіеся при обозѣ спятъ или въ фурахъ, или же, если погода позволяетъ, около огня, но непремѣнно головами къ нему, чтобы при первомъ открытіи глазъ обозрѣть передъ собою все окружающее....

Черезъ два часа довольно скорой ѣзды мы въѣхали въ предѣлы эстанціи, цѣли нашей прогулки. Кругомъ зазеленѣли тучныя пастбища, на которыхъ тамъ и сямъ паслись громадныя стада быковъ, лошадей и овецъ. Смотря на эти безчисленныя стада, число головъ въ которыхъ доходило до нѣсколько тысячъ, невольно удивляешься, какимъ образомъ эстансіонеры слѣдятъ за своимъ громаднымъ богатствомъ, какъ его сохраняютъ и пересчитываютъ, чтобы удостовѣриться о прибыли или убыли.

Обыкновенно на каждой эстанціи есть старшій пастухъ или капа-

тацъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находится весь рогатый скотъ, лошади и овцы, пасущіяся на пастбищахъ этой эстанціи, а также и всѣ пастухи, которыхъ обыкновенно назначаютъ только по одному на тысячу головъ. Безъ сомнѣнія, трудно одному услѣдить за такимъ огромнымъ количествомъ скота, разбредшимся въ разныя стороны, но гуачо на своемъ быстромъ конѣ поспѣваетъ повсюду, и ни одно животное изъ его стада не затеряется, и только въ рѣдкихъ случаяхъ которое нибудь изъ нихъ послужитъ хорошею закускою какому нибудь хищному звѣрю.

Пастухи обыкновенно разъѣзжаютъ вокругъ своихъ стадъ съ собаками и не позволяютъ ему расходиться, а также наблюдаютъ, чтобы ни одно животное не перешло границу хозяйской эстанціи и не затерялось бы въ чужія стада; впрочемъ, если бы какое нибудь животное и попало бы случайно въ чужое стадо, то его безъ особеннаго труда разыскиваютъ по выжженному на бедрѣ знаку. Гаучо, увидѣвъ въ своемъ стадѣ быка, лошадь или овцу съ чужимъ клеймомъ, непремѣнно постарается, при первой возможности, возвратить животное по принадлежности, за что, разумѣется, сосѣди отплачиваютъ ему тѣмъ же. Такимъ образомъ изъ-за животныхъ не бываютъ здѣсь ни ссоръ, ни споровъ, и ни одинъ изъ эстанціонеровъ не подумаетъ даже присвоить себѣ скотину съ чужимъ клеймомъ.

Каждый вечеръ, на ночлегъ, пастухи загоняютъ всѣ стада въ огороженное мѣсто, называемое «родео», а по утрамъ выгоняютъ ихъ опять на пастбище. Разумѣется, не легко съ первыхъ разовъ собрать стадо въ нѣсколько тысячь головъ въ одно мѣсто: но понемногу животныя до того свыкаются съ этимъ правиломъ, что сами обыкновенно при заходѣ солнца, инстиктивно, отправляются на ночлегъ въ родео, откуда выходятъ сами же съ зарею, и пастухамъ при этомъ нѣтъ никакой работы. Слѣдовательно, главныя хлопоты хозяйства на эстанціи заключаются въ томъ, чтобы понемногу приручать животныхъ, а также, время отъ времени, пересчитывать ихъ — съ цѣлью узнать объ убыли или прибыли. Конечно, не легко пересчитать стадо въ десять, пятнадцать и даже двадцать тысячь головъ, но большихъ тонкостей въ счетѣ не требуютъ, а довольствуются приблизительнымъ числомъ; ничего не значитъ, если будетъ показано больше или меньше настоящаго на пятьдесятъ, сто и даже двѣсти головъ.

При счетѣ обыкновенно пользуются странною привычкою скота раздѣляться на небольшія кучки въ пятьдесятъ и семьдесятъ головъ; при каждой подобной кучкѣ есть непремѣнно представитель, около котораго группируются его товарищи; онъ отмѣченъ особеннымъ знакомъ, выж-

женнымъ на бедрѣ, рядомъ съ именемъ эстансіонера; кромѣ того, эти представители имѣютъ еще особенные наружные признаки, по которымъ гаучо можетъ легко и быстро разъискать ихъ въ стадѣ хоть въ двадцать тысячь головъ. Куда идетъ подобный глава, туда толпится неразлучно и вся кучка, какъ добрые друзья. Случается, что буря или другое какое нибудь обстоятельство разбиваетъ эти кучки; но какъ только кругомъ все успокоится, животныя находятъ своихъ товарищей среди десяти или пятнадцати тысячь головъ и опять раздѣляются на неизмѣнныя кучки. Интересно знать, чѣмъ руководствуются они при розыскахъ своихъ товарищей и что именно служитъ имъ ихъ отличительнымъ признакомъ—наружность, запахъ или что другое....

Когда всѣ стада въ сборѣ, то прежде всего повѣряютъ: всѣ ли представителина лицо и, смотря, котораго изъ нихъ нѣтъ, приблизительно знаютъ, какое количество скота пропало, потому что число животныхъ въ каждой кучкѣ повѣряется разъ въ году и записывается.

Подобные приблизительные пересчеты стадъ эстанціи производятся обыкновенно отъ трехъ до четырехъ разъ въ недѣлю; въ это же время выбираютъ животныхъ для продажи и убоя....

Стада овецъ охраняются и пасутся собаками, и пастухи не вмѣшиваются въ управленіе этихъ смѣтливыхъ, преданныхъ животныхъ; при стадѣ въ сто, двѣсти овецъ находится, обыкновенно, одна или двѣ собаки, которыя съ удивительною добросовѣстностью охраняютъ ввѣренныхъ имъ животныхъ, не позволяютъ имъ разбрестись и заходить въ чужія владѣнія, словомъ, слѣдятъ за ними не хуже гаучо.

Собака съ любовью относится къ своимъ подданнымъ и готова жертвовать шкурою, даже жизнью, чтобы только не допустить какого звѣря, въ особенности свирѣпаго волка или дикой собаки, покуситься на одну изъ ввѣренныхъ ей овецъ.

Подобныя животныя-пастухи привыкаютъ къ своему дѣлу еще щенками, для чего ихъ отнимаютъ отъ матери и постепенно сближаютъ съ своими будущими друзьями и вмѣстѣ съ тѣмъ подданными. Щенку даютъ, взамѣнъ матери, овцу, которая и кормитъ своего будущаго повелителя; кромѣ того, дѣлаютъ ему въ овчарнѣ изъ овечьей шерсти небольшую постельку, не позволяютъ играть съ другими собаками и дѣтьми, и такимъ образомъ щенокъ съ самыхъ раннихъ дней своей жизни видитъ только однѣхъ овецъ и проводитъ свое время среди ихъ общества. Понятно, что собака, воспитанная такимъ образомъ, окончательно сживается со своими новыми друзьями, чувствуетъ къ нимъ влеченіе, между тѣмъ какъ ко всей собачьей породѣ питаетъ чуть ли не враждебное чувство.

Послѣ такой дрессировки, ей не придетъ уже охота покинуть стадо и побаловаться съ другими собаками, которыхъ она уже считаетъ для себя чуждыми и неродными. Въ молодости впрочемъ желаніе поиграть доходитъ у ней до такой сильной степени, что она, не имѣя разрѣшенія играть съ своими товарищами, поневолѣ рѣшается поиграть съ овцами, которыхъ иногда загониваетъ до такой сильной степени, что тѣ уже бываютъ не въ силахъ наконецъ бѣжать отъ навязчивой собаки и грохаются на землю полумертвыми; но, впослѣдствіи, страсть къ подобнымъ невиннымъ забавамъ у ней пропадаетъ и она обращается со своими подданными очень примѣрно и скромно.

Интересно смотрѣть, какъ собака-пастухъ залаетъ, засуетится около стада, когда кто нибудь вздумаетъ къ нему подойти, и съ какою смѣтливостью и заботливостью начинаетъ собирать въ кучу своихъ подданныхъ, передъ которыми и становится въ боевую позицію, чтобы защитить ихъ отъ всякаго врага и супостата. Овцы тоже какъ будто понимаютъ, что собака ихъ охрана, сила и глава: сами прячутся за нее и каждая изъ нихъ стремится при этомъ стать къ ней какъ можно ближе, чтобы, въ случаѣ опасности, имѣть защиту подъ рукою. Отъ этого понятнаго желанія трусливыхъ овецъ, при первой опасности, со стороны человѣка или какого нибудь животнаго, онѣ сбиваются въ такую плотную массу около своего повелителя, что собакѣ-пастуху ничего не стоитъ обозрѣвать всѣ стороны своей колонны, легко замѣтить съ которой стороны приближается опасность и во-время ее предупредить.

Гаучо разсказываютъ объ этихъ собакахъ много интереснаго; каждый подобный четвероногій-пастухъ находится при стадѣ почти безотлучно; только разъ въ день прибѣгаетъ онъ къ дому получить кусокъ мяса, и затѣмъ стремглавъ несется опять къ своимъ подданнымъ, какъ будто ему совѣстно, что онъ оставилъ ихъ безъ защиты и подпоры.

Домашнія собаки относятся къ этимъ пришельцамъ за подачкою очень недружелюбно и всегда встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ съ яростнымъ лаемъ и нерѣдко даже щипнутъ зубами за бока. Любопытно смотрѣть, какъ собака-пастухъ, получивъ назначенный ей кусокъ мяса и задравъ хвостъ, убѣгаетъ къ своему стаду, преслѣдуемая по пятамъ толпою домашнихъ собакъ, которыя, нужно замѣтить, храбрятся только до тѣхъ поръ, пока овчарка далеко отъ стада; но какъ только она подбѣжитъ къ своимъ подданнымъ, станетъ въ оборонительную позицію и оскалитъ свои острые зубы, то всѣ преслѣдователи, какъ ошпаренные, оборачиваютъ тылъ и удираютъ во свояси, оглашая воздухъ громкимъ, но безсильнымъ, лаемъ.

Удивительно, право, то, что всѣ собаки безъ исключенія, домашнія и дикія (послѣднихъ въ пампасахъ очень много), боятся овчарку, чувствуютъ къ ней невольное уваженіе только въ то время, когда она при стадѣ, между тѣмъ какъ въ другое время ее можетъ обидѣть самая паршивая и тщедушная дворняшка. Цѣлая свора голодныхъ дикихъ собакъ не рѣшится напасть на стадо, охраняемое овчаркою, которая необыкновенно смѣла и неустрашима только въ кругу овецъ, на которыхъ она смотритъ, какъ на своихъ собратьевъ, что, разумѣется, ей придаетъ много храбрости.

Разумѣется, дикія собаки могли бы легко загрысть овчарку, не смотря на ея рыцарское мужество; но онѣ чувствуютъ къ ней какой-то непонятный страхъ и уваженіе, и только потому, что видятъ ее въ обществѣ животныхъ. Вѣроятно, онѣ какъ нибудь смутно представляютъ себѣ, что въ подобномъ сообщничествѣ овчарка имѣетъ столько же силы, какъ бы находясь среди цѣлой своры своихъ однорыльниковъ, а потому и не рѣшаются аттаковать овецъ, охраняемыхъ ею.

Преданность овчарки удивительна и вошла даже въ мѣстную пословицу; она каждую минуту готова жертвовать своею шкурою, даже жизнью, чтобы только не позволить вырвать клокъ шерсти у одной изъ ввѣренныхъ ея попеченію овецъ....

Болѣе получаса ѣхали мы по тучнымъ пастбищамъ эстанціи и съ удовольствіемъ любовались на прекрасныя стада быковъ, лошадей и овецъ, доказывающихъ, что эстансіоръ былъ не изъ бѣдныхъ. Наконецъ показалось вдали жилище землевладѣльца или, по мѣстному, ранчо, которое было на видъ чрезвычайно просто и нисколько не показывало, что хозяинъ этого жилища богатъ и владѣетъ громаднымъ пространствомъ земли и многочисленными стадами рогатаго скота, лошадей и овецъ. Глиняныя стѣны, соломенная крыша, — выказываетъ это жилище съ очень печальной стороны; сбоку и позади ранчо расположены были хижины работниковъ и пастуховъ, загоны для скота и разныя хозяйственныя сооруженія, обнесенныя крѣпкою изгородью изъ агавъ.

Подъѣхавъ къ дому, мы было, не зная мѣстныхъ обычаевъ, вздумали вылѣсть изъ своей галеры и безъ разрѣшенія хозяевъ войти въ домъ; но, къ счастью, были во-время предупреждены нашимъ разговорчивымъ возницею, который объяснилъ намъ, что если мы желаемъ воспользоваться гостепріимствомъ добрыхъ хозяевъ ранчо, то должны, не выходя изъ экипажа, привѣтствовать ихъ черезъ дверь словами «Ave Maria purissima», и до тѣхъ поръ, пока хозяева не отвѣтятъ на эти слова и не при-

гласятъ войти въ домъ, считается неприличнымъ, даже дерзостью, выйти изъ экипажа или сойти съ лошади.

Если бы, объяснялъ намъ возница, не послѣдовало отвѣта на произнесенныя слова, то лучше будетъ, если путешественникъ поѣдетъ дальше просить гостепріимства, потому что онъ можетъ быть увѣренъ, что тамъ, гдѣ безмолствовали на его священный привѣтъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не получитъ приглашенія отдохнуть, закусить и отогрѣться или обсушиться.

Впрочемъ, гостепріимство жителей аргентинскихъ пампасовъ доходитъ до такой сильной степени, что они никогда одинокому, даже своему врагу, не откажутъ въ кровѣ, пищѣ и мѣстѣ у очага ранчо, и съ радостью предложатъ ему распоряжаться въ ихъ домѣ, какъ въ своемъ, забывъ на время пребыванія врага въ ихъ ранчо о всякой къ нему ненависти, враждѣ, забывъ о томъ злѣ, о тѣхъ непріятностяхъ, которыя, можетъ быть, пришлось имъ вытерпѣть отъ того, кто проситъ у нихъ гостепріимства и которому, по мѣстному обычаю, они не могутъ въ немъ отказать. Гостепріимство аргентинцевъ удивительно и напоминаетъ патріархальныя времена библейской исторіи....

Не успѣлъ нашъ возница проговорить «Ave Maria purissima», какъ послышался изъ ранчо обычный отвѣтъ «sin pecado concebida» (зачатую безъ грѣха), и къ намъ вышелъ здоровенный, красивый эстансіоръ, который съ удивительнымъ радушіемъ пригласилъ насъ въ свое жилище, гдѣ и предложилъ сѣсть на лошадиные черепа, замѣнявшіе стулья.

Внутренность ранчо соотвѣтствовала его внѣшности; все было необыкновенно просто, даже бѣдно; по стѣнамъ развѣшаны были сѣдла, узды, лассо, боласъ, ножи, громадныя шпоры, словомъ, лучшее, что только имѣетъ гаучо; тутъ же красовались славныя тигровыя шкуры, страусовыя перья и другіе трофеи охоты. Если бы не эти украшенія, замаскировывающія нѣсколько наготу жилища эстансіора и придающія ему много привлекательности, то внутренность ранчо походила бы скорѣе на какой нибудь сарай или, лучше сказать, овинъ съ закопченными стѣнами и потолкомъ, землянымъ поломъ и крохотными четыреугольными отверстіями безъ стеколъ, вмѣсто оконъ.

Странно было смотрѣть на жалкое жилище эстансіора и тѣмъ болѣе, что нѣсколько минутъ тому назадъ мы только что любовались многочисленными табунами лошадей и огромными стадами быковъ и овецъ, доказывавшими обиліе и довольство хозяина, а не бѣдность и недостаточность, о которыхъ можно было бы вывести заключеніе изъ общаго вида его жилища.

Эстансіоры живутъ настоящими отшельниками; далеко отъ городовъ, далеко и другъ отъ друга, они довольствуются своею внутренною жизнью, своею эстанціею, обществомъ своихъ работниковъ и пастуховъ. Они живутъ совершенно отдѣльною жизнью, не интересуясь знать, что дѣлается вокругъ нихъ; разъ въ мѣсяцъ, а можетъ быть и въ годъ, смотря по отдаленности эстанціи отъ города, они посылаютъ туда свои произведенія, и тѣмъ заканчивается всякое ихъ сношеніе съ болѣе цивилизованнымъ міромъ. У нихъ есть свои развлеченія и они не ищутъ, не жаждятъ городскихъ удовольствій, о которыхъ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія; побиться одинъ на одинъ съ тигромъ, погоняться за дикими лошадьми и страусами, прокатиться на скакунѣ, невѣдающемъ еще, что такое значитъ сѣдло и узда, подвергать, ежели нужно, свою жизнь опасностямъ для нихъ—лучшее развлеченіе, лучшее удовольствіе, которое они не промѣняютъ ни на какія городскія удовольствія.

Большая часть эстансіоровъ—гаучо, которые, хотя и владѣютъ иногда обширными землями, удобными для хлѣбопашества, занимаются земледѣліемъ съ большою неохотою и даже отвращеніемъ; они сѣютъ только для своихъ потребностей. Гаучо любятъ одну охоту и верховую ѣзду; тутъ только они не чувствуютъ усталости, тутъ только они выказываютъ необыкновенную неутомимость, энергію, силу и трудолюбіе. Стоитъ же только поставить ихъ за борону и соху, стоитъ заставить ихъ заняться какою нибудь положительною работою, а не охотою и верховою ѣздою, какъ они дѣлаются отъявленно лѣнивыми работниками, которые, вмѣсто работы, мечтаютъ о томъ, какъ бы поскорѣе закутаться поплотнѣе въ свой пончо и уютно улечься у очага ранчо, скушавъ заранѣе изрядный кусокъ «азадо [1])» и запивъ его кружкою кана.

Благодаря подобной нелюбви къ земледѣлію, эстансіоры получаютъ отъ своей плодородной земли очень мало выгодъ, между тѣмъ какъ стоило бы только ему и его работникамъ—гаучо приложить нѣсколько больше старанія, и онъ очень легко и быстро могъ бы увеличить свое матеріяльное благосостояніе.

Гаучо-работникъ имѣетъ очень мало расходовъ, потому что онъ немногимъ и довольствуется: кускомъ азадо и мѣстомъ у очага ранчо; все заработываемое имъ незначительное количество денегъ идетъ на возобновленіе его пончо, черипа, на покупку огромныхъ шпоръ, ножа или узды; но большая часть денегъ тратится въ ближайшихъ пуль-

[1]) Азадо (azado)—называется бычачье мясо, зажаренное на вертелѣ въ своей кожистой оболочкѣ; оно необыкновенно сочно и вкусно; гаучо ѣдятъ его безъ хлѣба, посоливъ немного солью.

періяхъ или кабакѣ, гдѣ онъ съ удовольствіемъ выпьетъ, поиграетъ въ карты и кости, проиграетъ и наконецъ подерется на ножахъ. Лучшаго отъ него нельзя и требовать: такъ онъ уже воспитанъ. Старики-гаучо, припоминающіе прошлое, съ грустью разсказываютъ и сознаются, что настоящіе гаучо далеко отстали отъ прежнихъ; они увѣряютъ, что прежде гаучо были честнѣе, благороднѣе, даже храбрѣе, и что въ настоящее время ихъ сильно портитъ цивилизація, постепенно проникающая въ самое сердце пампасовъ.

Правда ли это—не знаю, но нѣкоторые почтенные аргентинцы говорятъ тоже самое и даже раздѣляютъ вѣковую исторію гаучо на три замѣчательные и довольно оригинальные періода, показывающіе постепенную порчу ихъ нравовъ; но при этомъ нужно прибавить, что ихъ нравы всегда были испорчены, но въ настоящее время они дошли до апогея испорченности.

Въ первый періодъ гаучо, перерѣзавъ своему товарищу горло, съ набожностью зажигалъ вокругъ еще теплаго трупа свѣчи, склонялся самъ передъ своею жертвою на колѣни и просилъ Бога избавить его отъ адскихъ мукъ и когтей дьяволовъ и простить ему убійство ближняго. Второй періодъ показываетъ очень замѣтное измѣненіе въ нравахъ гаучо въ худшую сторону; въ это время, гаучо, зарѣзавъ въ дракѣ своего товарища, уже не молится передъ трупомъ, не зажигаетъ свѣчей, чтобы освѣтить своей жертвѣ трудный путь въ рай, а напротивъ—преспокойно собираетъ вокругъ себя своихъ лучшихъ друзей, усаживаетъ ихъ кругомъ трупа, садится самъ и хладнокровно начинаетъ на немъ играть съ ними въ карты, какъ будто онъ зарѣзалъ не человѣка, а быка. Третій періодъ, онъ же и настоящій, самый испорченный; въ этомъ періодѣ гаучо рѣжетъ своего товарища не вслѣдствіе какой нибудь ссоры или неудовольствія, а просто изъ любви къ искусству и рѣжетъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ, какъ будто онъ тыкаетъ свой ножъ не въ человѣческое тѣло и горло, а—въ хлѣбъ и землю.

Въ настоящемъ періодѣ сцена убійства происходитъ часто въ слѣдующемъ порядкѣ: сидятъ, напримѣръ, за стаканомъ хорошаго кана два неразлучные, повидимому, товарища, пьютъ, обнимаются, цалуются, дружелюбно бесѣдуютъ, какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, одинъ изъ собесѣдниковъ совершенно хладнокровно говоритъ другому: «Я хочу убить тебя».

— За что? спрашиваетъ его товарищъ безъ малѣйшаго волненія, выпивъ при этомъ стаканъ кана, какъ будто-бы его собесѣдникъ говоритъ ему о желаніи лечь спать или прогуляться.

— Такъ мнѣ хочется, говоритъ первый.

— Если хочется, то я къ твоимъ услугамъ, предупредительно отвѣчаетъ второй, хладнокровно подымаясь изъ за стола и вынимая свой ножъ, какъ будто бы для того, чтобы выстрогать себѣ зубочистку.

Вызвавшій на бой выпиваетъ остатокъ кана, вынимаетъ не торопясь свой ножъ и хладнокровно нападаетъ на своего товарища, который съ неменьшимъ хладнокровіемъ отражаетъ его удары и наноситъ самъ....

Черезъ нѣсколько минутъ, въ Аргентинской республикѣ становится однимъ гражданиномъ меньше; но убійца не играетъ уже на трупѣ съ товарищами въ карты, а моментально садится на свою лошадь и бѣжитъ отъ преслѣдованія полиціи, отъ карающей руки правосудія въ нѣдра родныхъ пампасовъ. Гаучо поступаетъ въ настоящее время такъ только потому, что законъ преслѣдуетъ его, какъ убійцу, а быть повѣшеннымъ, тѣмъ болѣе растрѣлляннымъ, ему очень не нравится. Между тѣмъ прежде законъ ничего не упоминалъ о подобныхъ кровавыхъ дракахъ гаучо и относилъ ихъ чуть-ли не къ ряду пѣтушьихъ боевъ, слѣдовательно терпимыхъ въ государствѣ. Иногда, впрочемъ, гаучо не убиваетъ своего товарища, но только уродуетъ, и это считается даже чуть-ли не хуже.

— Я тебя не убью, говоритъ онъ противнику, а только отмѣчу, и, выхвативъ ножъ, ловко отрѣзаетъ ему носъ или уши, выкалываетъ глаза или вырѣзываетъ губы и щеки.

Подобное звѣрство гаучо, подобная его страсть къ крови трудно согласуется съ его изящною наружностью, по которой можно было бы предположить, что онъ настоящій caballero и его руки болѣе привычны къ перчаткамъ, нежели къ ножу.

Находясь въ обществѣ гаучо, такъ и кажется, что который нибудь изъ нихъ всадитъ вамъ ножъ по самую рукоять, а за что —и не узнаешь; но во всякомъ случаѣ ихъ обращеніе съ нами было очень вѣжливое, хотя подъ этою вѣжливостью и проглядывала иногда ихъ дикая натура, заставляющая быть на-сторожѣ и опасаться обидѣть кого нибудь изъ нихъ дѣломъ или словомъ....

Воспользовавшись гостепріимствомъ добраго эстансіора, мы не могли отказаться, изъ опасенія обидѣть его, отъ предложеннаго намъ мате. Онъ поданъ былъ въ кубковидномъ сосудѣ и мы должны были, поочереди, прикладываться къ трубочкѣ (бомбилья), вставленной въ его крышку. На первый разъ мате показался намъ очень невкуснымъ, но, не желая оскорбить гостепріимнаго хозяина, мы проглотили, съ грѣхомъ пополамъ, немного этого чая и доставили, повидимому, тѣмъ эстансіору несказанное удовольствіе....

Упоминая постоянно о мате́, я думаю нелишнее дать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ оригинальномъ напиткѣ, о томъ растеніи, изъ листьевъ котораго онъ настаивается, о способѣ обработки этого чая и его употребленіи.

Уже со времени открытія Южной Америки было извѣстно, что жители пьютъ здѣсь настой листьевъ остролистника, который извѣстенъ былъ у индѣйцевъ гаурановъ подъ названіемъ «каа» (Саа), что означаетъ на ихъ языкѣ «растеніе». Въ настоящее время поджаренные и толченые листья этого дерева извѣстны подъ названіемъ парагвайскаго чая, или мате̂. Первое названіе происходитъ отъ отечества этого растенія, а второе — отъ сосуда, въ которомъ обыкновенно настаиваютъ его листья.

Парагвайскій чай общеупотребляемъ во всей Южной Америкѣ, но далѣе ея онъ не распространенъ и въ другихъ частяхъ свѣта считается большою рѣдкостью; растеніе, изъ котораго воздѣлывается этотъ чай, свойственно только этой странѣ, въ которой онъ занимаетъ обширныя пространства земли, покрываетъ всѣ склоны горъ, и лѣса этихъ, драгоцѣнныхъ для аргентинцевъ и другихъ южно-американцевъ, деревьевъ тянутся на громадныя разстоянія. Но настоящая родина этого замѣчательнаго растенія находится въ области источниковъ Параны и Парагвая; отсюда онъ распространяется на сѣверъ до самой Бразиліи и на югъ, по обоимъ берегамъ Параны и Уругвая, гдѣ образуетъ почти непроходимые лѣса.

Здѣсь считаютъ до восьми различныхъ породъ остролистника, листья котораго и собираются для выдѣлки парагвайскаго чая. Однѣ породы этого растенія достигаютъ до тридцати или сорока футовъ вышины, а другія—даже до семидесяти и ста футовъ. Стволы деревьевъ разныхъ породъ покрыты бѣлою или сѣроватою корою, которая отдирается отъ нихъ съ большимъ трудомъ; отъ ствола расходятся множество чрезвычайно густыхъ вѣтвей, образующихъ тѣнистый, прекрасный куполъ. Овальные, клинообразные листья съ сжатыми зубцами сидятъ на красныхъ черешкахъ одинъ возлѣ другаго чрезвычайно тѣсно; они имѣютъ глянцеватый зеленый цвѣтъ, но при этомъ верхняя часть листа темнѣе нижней. Если смять листъ въ рукѣ, то нѣкоторыя частицы его входятъ въ кожу, которая принимаетъ отъ того зеленоватый цвѣтъ. Это ясно доказываетъ, что онъ имѣетъ въ себѣ извѣстное красящее вещество и именно, какъ показали тщательныя изслѣдованія, то самое, которое добываютъ китайцы изъ своего чая и употребляютъ на окраску шелковыхъ матерій. Цвѣты остролистника расположены кистями. Качество получаемаго отъ этого растенія чая не одинаково и зависитъ не только отъ

мѣста произрастенія, но и отъ времени сбора, способа обработки и сохраненія.

Остролистники, доставляющіе парагвайскій чай, извѣстны вообще въ Ла-Платѣ подъ названіемъ «yerba», что означаетъ, на мѣстномъ нарѣчіи, «трава», а лѣса такихъ растеній — «yerbals». Самыя обширныя yerbals находятся у рѣки Парагвая, близъ города Вилья-Реаль.

Правительство отдаетъ сборъ чая на откупъ; самымъ же сборомъ занимаются большею частью наемные индѣйцы, которые болѣе другихъ могутъ перенести эту изнурительную работу, губящую не мало людей.

Сборъ начинается обыкновенно съ ноября или декабря мѣсяца и кончается въ августѣ слѣдующаго года. Уже съ октября мѣсяца выступаютъ съ различныхъ мѣстъ большія партіи работниковъ, нанятыхъ для сбора чая, и отправляются къ мѣсторожденію этого драгоцѣннѣйшаго для южно-американцевъ растенія. Обыкновенно, за сборщиками чая слѣдуютъ громадныя повозки со всѣми необходимыми орудіями, вещами и припасами, и достаточное количество рогатаго скота, предназначеннаго для пищи труженникамъ, которые не увидятъ семейнаго очага въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Большая часть работниковъ ѣдетъ верхомъ, другіе — въ повозкахъ, между тѣмъ какъ третьи, напротивъ, предпочитаютъ идти пѣшкомъ; но всѣ они непремѣнно хорошо вооружены, на случай нападенія хищныхъ звѣрей или дикихъ индѣйцевъ, что легко можетъ случиться въ ихъ продолжительномъ, трудномъ путешествіи.

Послѣ долгаго, изнурительнаго похода черезъ непроходимые лѣса, караванъ наконецъ достигаетъ того мѣста, гдѣ растетъ въ достаточномъ количествѣ драгоцѣнное дерево; здѣсь работники останавливаются, разыскиваютъ непремѣнно какой нибудь ручей и уже возлѣ него располагаются лагеремъ. Прежде всего они расчищаютъ большое пространство земли, строятъ на немъ себѣ хижины или ранчо, воздвигаютъ легкіе склады, предназначенные для сохраненія собираемаго мате, и наконецъ складываютъ особыя печи, называемыя барбагами (barbague), въ которыхъ сушатъ собранные листья. Когда все это будетъ готово, то приступаютъ къ самой трудной операціи — сбору листьевъ; работники, вооруженные длинными ножами, называемыми «кушилло», лѣзутъ на деревья и срѣзаютъ съ нихъ рѣшительно всѣ вѣтви, идущія прямо отъ ствола и носящія мѣстное названіе «гайосъ» (gajos); другіе работники, внизу, раздѣляютъ большія вѣтви на маленькія (des gollar) и складываютъ послѣднія къ печамъ, гдѣ уже и производятъ подъ ними дальнѣйшія операціи. Прежде всего ихъ опаливаютъ и обсушиваютъ, про-

водя ими надъ сильнымъ огнемъ, послѣ чего всѣ вѣтви складываются на особенныя плетенки, помѣщающіяся сверхъ вышеупомянутыхъ печей, и представляющія ихъ рѣшетчатый сводъ, через который проходитъ весь жаръ.

Подъ рѣшетчатымъ сводомъ печи разводится умѣренный огонь, чтобы листья, положенные на плетенки, не морщились и не обугливались, причемъ для топлива употребляются мелко изрубленные сучья, остающіеся по снятіи съ нихъ сушеныхъ листьевъ мате, къ нимъ примѣшиваютъ для аромата разныя душистыя растенія, дающія какъ можно меньше дыма и копоти. Жаръ сжигаемыхъ растеній умѣренно доходитъ до разложенныхъ на верху сучьевъ съ листьями, которые работники, по мѣрѣ ихъ поджариванія, постепенно поворачиваютъ. Огонь поддерживаютъ въ продолженіе сутокъ, послѣ чего сучья раскладываютъ на кожи, положенныя на ровномъ мѣстѣ, и обколачиваютъ всѣ листья палками или деревянными саблями; затѣмъ ихъ кладутъ въ особыя ступки, въ которыхъ превращаютъ въ болѣе или менѣе мелкій порошокъ. Послѣдній укладывается въ большіе мѣшки изъ бумажной матеріи или изъ бычачьей и оленьей шкуры; каждый мѣшокъ вѣситъ отъ трехъ до шести пудовъ.

Мате, однако, нельзя долго сохранять, потому что онъ теряетъ отъ этого много силы, вкуса и благоуханія. Такимъ свойствомъ этого чая объясняется то, почему его не вывозятъ въ другія части свѣта; въ полномъ вкусѣ мате можно пить только въ его отечествѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ собираютъ листья этого растенія, и притомъ вскорѣ послѣ ихъ приготовленія.

Вышеописанный способъ превращенія мате въ порошокъ употребляется въ Парагваѣ; въ миссіонерской же области восточнаго Уругвая онъ измельчается нѣсколько иначе. Тамъ листья американскаго чайнаго дерева кладутъ подъ каменный жерновъ, который приводится въ движеніе помощью лошади; хозяева подобныхъ мельницъ покупаютъ у работниковъ дневной ихъ сборъ, за который платятъ имъ деньгами, одеждою, съѣстными припасами и виномъ.

Собираніе листьевъ, какъ я уже говорилъ, работа очень тягостная и ей даже приписываютъ вымираніе индѣйцевъ въ Парагваѣ, которые преимущественно занимаются этимъ промысломъ; каждое дерево подрѣзается не болѣе одного раза въ три года, и за этимъ правиломъ правительство строго слѣдитъ, потому что иначе черезъ нѣсколько времени всѣ бы деревья пропали.

Съ одного и того же дерева получается мате различнаго качества,

смотря по времени сбора и способу приготовленія. Въ торговлѣ различаютъ три главные сорта: каа-куйсъ, каа-мири и каа-гауча, гдѣ каа, какъ я уже говорилъ, означаетъ на гуаранскомъ нарѣчіи «растеніе». Первый и лучшій сортъ получается изъ полураспустившихся почекъ, который такъ трудно сохранить, что нѣтъ возможности даже вывозить его изъ Парагвая въ другія южно-американскія республики, а потому онъ тратится мѣстными жителями-парагвайцами. Второй сортъ изготовляется изъ рачительно собранныхъ листьевъ, изъ которыхъ удалены жилы; способъ этого приготовленія введенъ іезуитами. Всего менѣе старательно собираютъ послѣдній сортъ мате; въ этомъ случаѣ листья сушатся вмѣстѣ съ вѣтвями и именно по вышеупомянутому способу. Послѣдній сортъ имѣетъ первое время весьма непріятный травянистый запахъ, который въ послѣдствіи однако измѣняется въ слегка душистый.

Въ продажѣ мате является въ видѣ свѣтлозеленаго крупнаго порошка, смѣшаннаго съ вѣточками, кусочками дерева и стебельками.

Парагвайскій чай заваривается въ кубковидномъ сосудѣ, называемымъ мате, который у богатыхъ людей бываетъ обыкновенно серебряный, вызолоченный съ болѣе или менѣе роскошными украшеніями, между тѣмъ какъ бѣдные ограничиваются глинянымъ. Все приготовленіе этого напитка заключается въ томъ, что на порошокъ листьевъ наливается кипятокъ; достаточные люди прибавляютъ затѣмъ сахару, иногда нѣсколько капель лимоннаго соку или просто опускаютъ въ мате кусочки лимонной или апельсинной корки, между тѣмъ какъ поселяне и люди небогатые пьютъ мате безъ всякихъ приправъ, и тогда онъ имѣетъ весьма сильное дѣйствіе.

Нѣкоторые замѣняютъ воду молокомъ и находятъ даже, что это гораздо вкуснѣе, но другіе, напротивъ, отвергаютъ подобный способъ приготовленія мате и твердо стоятъ за кипятокъ, словомъ, въ этомъ случаѣ аргентинцы во вкусахъ расходятся, между тѣмъ какъ во всемъ остальномъ чрезвычайно сходятся.

Настоянный парагвайскій чай имѣетъ свѣтлозеленый, слегка мутный цвѣтъ; пить его нельзя однако тѣмъ же порядкомъ, какъ пьютъ у насъ обыкновенно китайскій чай, потому что порошокъ листьевъ легко можетъ попасть въ ротъ. Для предотвращенія подобной непріятности, употребляется у людей достаточныхъ серебряная (бѣдные ограничиваются жестяною или глиняною) трубочкою, въ шесть или семь дюймовъ длиною, называемая бомбилья. Въ нижнемъ конусѣ бомбильи находится плоскій, мелко продыравленный, шаръ; способъ употребленія подобной трубочки весьма непріятенъ для европейца. Обыкновенно, се-

мейство обладаетъ только однимъ мате и одною бомбильею, почему при питьѣ оба прибора переходятъ изъ рукъ въ руки, что, разумѣется, не очень пріятно европейцу, непривыкшему къ подобнымъ церемоніямъ.

Мате пьютъ во всякое время дня, а съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ послѣ сна; когда бы вы ни зашли въ кругъ аргентинскаго семейства, то непремѣнно застанете ихъ за мате, которое они и предложатъ вамъ съ необыкновеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Было бы со стороны гостя очень оскорбительно для хозяевъ — отказаться принять, любезно предлагаемую, бомбилью, бывшую во рту другихъ.

Такимъ образомъ мате служитъ постояннымъ и любимѣйшимъ напиткомъ аргентинцевъ, и они почти по цѣлымъ днямъ не разстаются съ бомбильею; а потому въ зажиточныхъ домахъ имѣются даже особые слуги (cebador), должность которыхъ заключается только въ томъ, чтобы приготовлять своимъ господамъ и ихъ гостямъ любимый напитокъ.

Матѐ для аргентинцевъ—отрада жизни, лучшее препровожденіе времени и лучшее угощеніе; они готовы скорѣе цѣлый день не ѣсть, чтобы только проглотить нѣсколько капель этого напитка; они, умирая съ голоду, скорѣе протянутъ руки къ бомбильѣ, нежели къ куску хлѣба: до такой сильной степени пристрастились они къ этому напитку, такъ онъ имъ нравится.... Европейцу же матѐ приходится не по вкусу и тѣмъ болѣе потому, что нужно его пить очень горячимъ, ибо онъ съ охлажденіемъ теряетъ, свойственный ему, особенный пріятный вкусъ. Впрочемъ, современемъ, европеецъ также можетъ пристраститься къ этому напитку, какъ и аргентинецъ, потому что напитокъ обладаетъ тѣмъ же страннымъ свойствомъ, который замѣчается въ опіумѣ, то есть, чѣмъ больше его пьешь, тѣмъ больше хочется пить, и, разъ привыкнувъ къ нему, нѣтъ физической возможности отвыкнуть отъ него....

На однихъ и тѣхъ же листьяхъ можно заваривать чай до трехъ разъ, но къ этому прибѣгаютъ только люди недостаточные, между тѣмъ люди болѣе или менѣе зажидочные каждый разъ кладутъ свѣжіе листья.

Креолы пристрастились къ этому напитку до отвратительной степени; обыкновенно они кладутъ сразу такъ много измельчаннаго мате, что чай ихъ походитъ скорѣе на какую-то густую массу, кашицу, нежели на напитокъ. При этомъ настой этотъ до того крѣпокъ, что даже сами креолы могутъ проглотить, и то съ большимъ трудомъ, можетъ быть не болѣе двадцати или тридцати капель; что-же касается до бѣлыхъ, особенно европейцевъ, не привыкшихъ къ матѐ, то, проглотивъ двѣ, три капли подобнаго настоя, у нихъ является тошнота, рвота и раздражается весь ихъ организмъ.

Вообще матѐ нельзя назвать напиткомъ безвреднымъ: онъ растраиваетъ желудокъ, дѣйствуетъ на мозгъ и клонитъ ко сну. Къ несчастью, жители Южной Америки пристрастились къ этому напитку до такой сильной степени, что онъ сдѣлался для нихъ необходимѣйшей приправою ихъ жизни, безъ которой они чувствуютъ себя не въ нормальномъ состояніи, впадаютъ въ непріятное расположеніе духа, словомъ—для нихъ матѐ тоже, что для китайцевъ—опіумъ.

Какъ я уже говорилъ, парагвайскій чай пьютъ съ утра до вечера и даже чуть ли не ночью; все, кажется, дѣло аргентинца заключается въ томъ, чтобы потягивать понемногу возбуждающую жидкость и проводить время въ пріятной сіестѣ. Матѐ подаютъ также къ столу, и аргентинецъ не проглотитъ куска, чтобы не запить его сейчасъ же горячимъ чаемъ. Отъ неумѣреннаго употребленія мате бываютъ дурныя послѣдствія, почти такія же опасныя, какъ и отъ опіума; онъ возбуждаетъ, опьяняетъ и даже вызываетъ при неумѣренномъ употребленіи бѣлую горячку. При химическомъ изслѣдованіи найдено, что парагвайскій чай, кромѣ обыкновенныхъ составныхъ частей растенія и летучаго вещества, содержитъ въ себѣ еще органическую щелочь, тожественную съ кофейною и чайною, и особую дубильную кислоту, окрашивающую окись желѣза зеленоватымъ цвѣтомъ. Особенно губительно дѣйствуетъ на бѣлыхъ, не привыкшихъ къ подобному напитку, въ особенности на рабочій и вообще недостаточный классъ населенія, которому онъ замѣняетъ водку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мате пьютъ также, какъ и мы — чай, но при этомъ онъ раньше процѣживается и подается въ миніатюрныхъ чашечкахъ; впрочемъ большинству аргентинцевъ этотъ способъ питья не нравится и они предпочитаютъ потягивать его черезъ бомбилью.

Мы провели время на эстанціи довольно весело; осматривали всѣ ея сооруженія, любовались окружающимъ ее довольствомъ и благосостояніемъ, любовались молодцами—гаучо, выкидывающими на своихъ дикихъ скакунахъ разныя сальто-мортале, не хуже наѣздниковъ цирка, наконецъ вникли нѣсколько въ жизнь эстансіора, жизнь особенную, оригинальную.

Изолированный отъ всего окружающаго міра, онъ живетъ настоящимъ помѣщикомъ старыхъ временъ, который знаетъ только то, что дѣлается въ его помѣстьѣ, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ, который только разъ или два въ году съѣздитъ въ гости къ своимъ сосѣдямъ, да разъ въ городъ на поклонъ губернатору или другому представителю гражданской или военной власти; остальное время онъ довольствуется

обществомъ своихъ дворовыхъ, довольствуется прогулкою, по помѣстью, охотой и рыбной ловлею. Жизнь эстансіора сложилась почти подобнымъ же образомъ: сосѣдей своихъ, эстансіоровъ онъ не навѣщаетъ, да и нѣтъ у него лишняго времени, чтобы тратитъ его даромъ на подобныя поѣздки, на которыя нужно положить по крайней мѣрѣ сутки, а не то и больше, потому что ближайшій его сосѣдъ живетъ отъ него на сорокъ, шестьдесятъ, а можетъ быть и сто верстъ, которыя, благодаря удивительно безобразнымъ путямъ сообщенія, стоятъ нашихъ двѣсти, а пожалуй и триста верстъ. Въ городѣ эстансіоръ бываетъ очень рѣдко и то только по необходимости: или распродать произведенія эстанціи, или же закупить что нибудь для нуждъ своего хозяйства. Остальное время онъ проводитъ въ кругу своихъ гаучо, рыскаетъ по своей обширной эстанціи, осматриваетъ и считаетъ свои громадныя стада, охотится за разнымъ звѣремъ и птицею, словомъ, ведетъ жизнь самую дѣятельную и вольную. Эстансіоръ не знаетъ, что такое законъ и не признаетъ надъ собою ничьей власти; онъ въ своихъ владѣніяхъ маленькій король и пользуется гораздо большими правами и властью, чѣмъ какой нибудь князекъ любаго нѣмецкаго княжества.

Жаль только, что просвѣщеніе слабо проникаетъ въ ихъ ранчо, и вы не встрѣтите ни одного эстансіора, который бы зналъ обо всемъ окружающемъ больше своей лошади или собаки. Невѣжество нашего гостепріимнаго эстансіора, пріютившагося почти подъ бокомъ столицы, доходило до отвратительной степени. Онъ, напримѣръ, предполагалъ, что свѣтъ ограничивается только одними пампасами и Буеносъ-Айресомъ, онъ даже не зналъ, что есть ли въ его странѣ другіе города, кромѣ того, подъ бокомъ котораго онъ пріютился, онъ наконецъ думалъ, что міръ заселенъ только преимущественно одними гаучо, и считалъ этотъ народъ самымъ умнымъ, храбрымъ и образованнымъ. Эстансіоръ очень удивился, когда мы кое-какъ объяснили ему, что есть государства несравненно больше всѣхъ его пампасовъ, и что въ этихъ государствахъ есть города даже лучше, больще и красивѣе Буеносъ-Айреса, жители которыхъ не только не видѣли гаучо, но большею частью даже не знаютъ о существованіи этого оригинальнаго народа. Словомъ, мы, повидимому, были первыми просвѣтителями невѣжественнаго эстансіора, первыми его учителями.

Подобную невѣжественность даже не мудрено встрѣтить и въ болѣе высшихъ классахъ аргентинскаго населенія, потому что тутъ мало заботятся о своемъ образованіи и больше читаютъ романы Поль-де-Кока, Дюма и другихъ французскихъ писателей, чѣмъ географію и исторію.

ГЛАВА XVI.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Географическій очеркъ Ла-Платы. — Рѣки: Ла-Плата, Парана, Парагвай и Уругвай.—Первая экспедиція въ Ла-Плату.—Жестокое обращеніе съ туземцами.— Завоеванія Чили и Пэру.— Отдѣленіе Ла-Платы отъ метрополіи.— Честолюбіе провинціи Буеносъ-Айресъ.— Первый президентъ Ривадавіа. — Время безголовья (акефаліи).— Розасъ. — Лавалле. — Война съ Франціею.— Тайное общество «Масхорка».— Уркиза—конституціонный президентъ Аргентинской республики.—Генералъ Митре.— Доминго Сарміенто.

Рѣчная область, прилегающая къ Ріо-де Ла-Платѣ, по величинѣ своей занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ; земли, по которымъ протекаетъ эта величественная рѣка со своими притоками, лежатъ частью въ тропикахъ, частью въ умѣренномъ климатѣ и могутъ такимъ образомъ доставить произведенія разныхъ полосъ земнаго шара. Вся поверхность Ла-Платскихъ республикъ (Аргентинской, Парагвая и Уругвая), исторія которыхъ идетъ почти нераздѣльно, занимаетъ огромное пространство въ 1.200,000 англійскихъ квадратныхъ миль, превышающее рѣчную область Миссисипи и только на 18,000 квадратныхъ миль меньше области Амазонской рѣки, величайшей во всемъ мірѣ.

Собственно Аргентинская республика простирается отъ Ріо-Негро, на югѣ, отдѣляющей ее отъ Патагоніи, до Боливіи, Парагвая и Бразиліи, на сѣверѣ; съ запада она граничится величественными Андскими горами, отдѣляющими ее отъ Чили, а съ востока Атлантическимъ океаномъ, республикою Уругваю и Бразиліею.

Огромнѣйшія эти земли заселены очень бѣдно; города, мѣстечки, деревни и эстанціи разбросаны въ этой обширной странѣ, какъ одинокіе среди безконечнаго океана; они лежатъ другъ отъ друга въ трехъ и даже шестидневномъ разстояніи; дороги, соединяющія ихъ, въ высшей

степени отвратительныя: при подобныхъ путяхъ сообщенія нельзя въ настоящее время мечтать о развитіи въ этой странѣ внутренней торговли, промышленности, земледѣлія и цивилизаціи, которыя находятся здѣсь на самомъ низшемъ уровнѣ.

Жизнь, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, аргентинскихъ семействъ и даже европейскихъ эмигрантовъ, которые переселяются сюда въ настоящее время въ огромномъ количествѣ, мало разнится отъ жизни краснокожихъ индѣйцевъ, первыхъ владыкъ незмѣримыхъ пампасовъ. Не смотря, однако на ихъ жалкую жизнь, они физически съ избыткомъ надѣлены богатствомъ этихъ дикихъ странъ; но, къ несчастью, богатства эти остаются почти въ томъ-же мертвомъ состояніи, какъ котелокъ съ деньгами какого нибудь скупца, зарывшаго свое сокровище въ землю.

Вслѣдствіе бездорожья, жители неизмѣримыхъ пампасовъ, владѣтели богатыхъ эстанцій, не могутъ удобно и легко сбывать свои произведенія, которыя большею частью пропадаютъ даромъ и не приносятъ хозяину той выгоды, которую можно было бы ожидать при лучшихъ путяхъ сообщенія.

Въ безводныхъ, обширныхъ земляхъ Аргентинской республики цивилизація и варварство ведутъ постоянную, упорную борьбу, и вотъ уже сколько столѣтій послѣднее твердо охраняетъ свои владѣнія отъ энергическихъ аттакъ просвѣщенія и прогресса. Общій видъ этой страны печаленъ: обширныя песчаныя и травянистыя равнины безпрестанно перемежаются здѣсь съ мѣстностями, поросшими густыми непроходимыми лѣсами кокосовыхъ, ананасовыхъ, персиковыхъ, апельсинныхъ, хинныхъ, тамариндовыхъ и другихъ деревьевъ, а также—съ обширными yerbals, доставляющими южно-американцамъ ихъ любимѣйшій напитокъ—мате. Къ несчастью, въ неизмѣримыхъ травянистыхъ равнинахъ очень мало луговъ удобныхъ для пастбища, и тѣмъ объясняется причина того, что эстанціи лежатъ другъ отъ друга въ такомъ далекомъ разстояніи. Большая часть этихъ равнинъ покрыта горькимъ клеверомъ или величественнымъ чертополохомъ, въ которомъ скрываются обыкновенно дикіе индѣйскіе всадники и, подобно хищнымъ гіенамъ, нападаютъ изъ своихъ непроходимыхъ засадъ на оплошавшій караванъ, на одинокихъ путешественниковъ, на пастуховъ и ихъ стада.

Чертополохъ достигаетъ здѣсь баснословной высоты, такъ что въ немъ, когда онъ въ нормальномъ ростѣ, легко можетъ скрыться всадникъ, сидящій на рослой лошади; чертополохъ почти непроходимъ; въ этомъ оригинальномъ лѣсу вьется множество тропинокъ, дотого перепу-

*

танныхъ, что онѣ представляютъ въ своемъ родѣ ужасный лабиринтъ, въ которомъ иногда блуждаетъ по нѣсколько часовъ, не находя выхода, даже мѣстный житель.

Эти страшныя, непроходимыя заросли служатъ убѣжищемъ индѣйцамъ, луговымъ пиратамъ и, проѣзжая по нимъ, нужно быть ежесекундно на-сторожѣ, чтобы, при первомъ подозрительномъ движеніи въ чащѣ, встрѣтитъ опасность лицемъ къ лицу и съ оружіемъ въ рукахъ. Отъ времени до времени безпредѣльныя равнины оживляются тяжелымъ караваномъ, который подвигается обыкновенно съ удивительною осторожностью, высматриваетъ каждое подозрительное мѣсто, каждый кусточекъ и бугорокъ, чтобы не позволить застать себя въ расплохъ дикимъ индѣйцамъ, свирѣпымъ луговымъ пиратамъ и хищнымъ звѣрямъ. Иногда пампасы оживляются громадными стадами дикаго рогатаго скота, табунами лошадей, оленей и страусами. Какъ бѣшенныя, несутся они по безпредѣльному пространству, ломая и уничтожая передъ собою рѣшительно все; за этими животными обыкновенно слѣдуютъ стаи красныхъ волковъ, съ жадностью нападающихъ на отставшихъ и выбившихся изъ силъ. Путешествовать по пампасамъ чрезвычайно опасно: на каждомъ почти шагу встрѣчаешь смерть лицомъ къ лицу, и только мужествомъ, хладнокровіемъ и смѣлостью можно избавиться отъ грозящей опасности. Тигры, ягуары, ядовитыя змѣи, наконецъ индѣйцы и разбойники — первые враги, которыхъ можно встрѣтить на пути, и враги чрезвычайно опасные.

Тысячи рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ орошаютъ обширныя земли Ла-Платы и представляютъ прекрасные естественные пути сообщенія; впрочемъ, изъ всей этой массы водныхъ путей заслуживаютъ особеннаго вниманія только четыре рѣки: Ріо де-Ла-Плата, Парана, Парагвай и Уругвай.

Ріо де-Ла-Плата, или Серебряная рѣка, образуется изъ соединенія желтыхъ водъ Параны съ голубыми волнами Уругвая, близъ островка Мартинъ-Гарсіа, изъ за котораго спорятъ еще до сихъ поръ двѣ сосѣднія республики (Аргентинская и Уругвай), потому что обѣ желаютъ выстроить на немъ себѣ форты, чтобы помощью ихъ господствовать надъ рѣкою, служащею имъ границею. Нуженъ новый Соломонъ, который разрѣшилъ бы этотъ важный и трудный международный споръ; но, по всей вѣроятности, Соломона замѣнитъ сила, и островомъ будетъ владѣть болѣе могущественный сосѣдъ, то есть — Аргентинская республика. Ла-Плата имѣетъ скорѣе видъ морскаго залива, чѣмъ рѣки; она проходитъ мимо Буеносъ-Айреса, Монтевидео и Мальдонадо.

Парана образуется изъ соединенія большой рѣки Ріо-Гранде Паранахибо; Ріо Гранде соединяется на границѣ бразильской провинціи Матто-Гроссо съ Паранахибо; отсюда уже величественная рѣка получаетъ названіе Параны, удерживая его до самаго соединенія съ рѣкою Уругваемъ. Ріо-Парана вначалѣ узка и берега ея покрыты громадными, дѣвственными лѣсами, тянущимися на необозримомъ пространствѣ. Но чѣмъ больше приближается она къ городу Корріентесъ, тѣмъ дѣлается все шире и величественнѣе; проходя мимо Миссіонерской области и провинціи Корріентесъ, она образуетъ роскошный архипелагъ, въ которомъ насчитываютъ болѣе ста прелестныхъ островковъ.

Выше города Корріентеса въ Парану вливается рѣка Парагвай и съ этого мѣста она нераздѣльно, на протяженіи шести съ половиною градусовъ (съ $27^1/_2$ по 37° ю. ш.), принадлежитъ Аргентинской республикѣ. Немного выше острова Мартинъ Гарсіа, она раздѣляется на четыре большіе рукава, носящіе мѣстное названіе «бокасъ» (bocas) и образующіе прелестные, довольно большіе острова съ прекрасною растительностью и съ множествомъ фантастическихъ и таинственныхъ ручейковъ, затѣйливо извивающихся по нимъ въ разныхъ направленіяхъ и прикрытыхъ душистыми сводами переплетающихся роскошныхъ деревьевъ.

Островки, образованные этими рукавами, покрыты роскошною растительностью; ихъ берега почти совершенно скрыты нависшими вѣтвями ивъ, выше которыхъ красуются громадныя маноліи съ бѣлыми и розовыми цвѣтами, дикія апельсинныя, персиковыя и тамариндовыя деревья, гигантскій американскій алой, величественные кактусы и другія растенія, свойственныя ла-платской почвѣ и атмосферѣ.

Парана (на гауранскомъ нарѣчіи означаетъ «море») въ своемъ нижнемъ теченіи чрезвычайно широка и похожа скорѣе на проливъ, чѣмъ на рѣку; ничто не можетъ сравниться съ ея красотою; она вся усѣяна многочисленными островками, которые то исчезаютъ, то вновь появляются, нерѣдко переходятъ съ одного мѣста на другое, словомъ, похожи на какія-то фантастическія живыя существа; иногда они имѣютъ видъ огромнаго прекраснаго цвѣтника, иногда же представляютъ плоскую равнину, покрытую тучною травою и на которой пасутся большія стада лошадей или рогатаго скота; приплывшаго сюда съ материка. Островки эти оживлены также множествомъ прекрасныхъ птицъ; тутъ вы увидите фламинго съ розовыми крыльями, ибисовъ снѣжной бѣлизны, граціозныхъ бѣлыхъ лебедей съ черными ошейниками и тысячи другихъ пернатыхъ красавицъ. Нерѣдко встрѣтите также на этихъ островкахъ

ягуаровъ, для которыхъ они служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ; эти хищники, какъ извѣстно, любятъ селиться въ подобныхъ мѣстностяхъ, потому что вода составляетъ необходимое условіе ихъ существованія. Обыкновенною пищею служитъ имъ рѣчная свинка, и тамъ, гдѣ много этихъ беззащитныхъ животныхъ, ягуаръ не нападаетъ на людей и скотъ, но довольствуется однимъ, и притомъ любимымъ, блюдомъ.

Всѣ острова рѣки Параны—пловучіе и держатся только или корнями, пустившими свои отростки въ дно рѣки, или же какою нибудь преградою, часто попадающею на рѣкѣ, какъ напримѣръ: рифомъ, засѣвшими въ дно стволами деревьевъ, затонувшимъ судномъ и т. п. Они очень хрупки, и часто случается, что, при сильномъ вѣтрѣ и волненіи, нѣкоторые изъ нихъ разваливаются, и ихъ остатки, покрытые кустарниками, деревьями и нерѣдко даже съ ягуаромъ, неуспѣвшимъ оставить островъ во время катастрофы, несутся внизъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно не развалятся, или же не встрѣтятъ какую нибудь преграду и не остановятся; въ послѣднемъ случаѣ остатки только что развалившагося островка кладутъ основаніе для новыхъ острововъ, для новаго убѣжища ягуаровъ и множество пернатыхъ птицъ. Постепенно прибиваются къ нимъ теченіемъ разные обломки, корни деревьевъ, трава и понемногу является такимъ образомъ новый островъ, который покрывается черезъ нѣсколько времени роскошною растительностью и дѣлается не менѣе пріятнымъ, но такимъ же шаткимъ и недолговѣчнымъ, убѣжищемъ ягуаровъ и разноцвѣтныхъ птицъ.

Въ концѣ декабря начинается обыкновенно разлитіе Параны, которое и продолжается до апрѣля мѣсяца; оно сопровождается всегда сильными грозами и тропическими ливнями. Послѣ разлива остаются на прилежащихъ къ рѣкѣ лугахъ большое количество труповъ животныхъ, неуспѣвшихъ спастись отъ потопа, и разныя гніющія вещества, распространяющія кругомъ страшную вонь и заразу.

Обыкновенно, при возвышеніи воды, тигры, лисицы, волки и другія животныя ищутъ себѣ спасенія на островкахъ рѣки, гдѣ и происходитъ въ этомъ сбродѣ страшная анархія: слабѣйшія служатъ пищею сильнѣйшимъ, которыя подъ конецъ, истребивъ всѣхъ слабѣе себя, заводятъ, ради своего существованія, безобразную междоусобную войну. Рѣка подымается все выше и выше и затопляетъ наконецъ всѣ острова, служившіе послѣднимъ убѣжищемъ несчастнымъ животнымъ, не знающимъ куда дѣться отъ грозной стихіи. Испуганныя жертвы напрасно думаютъ спастись отъ поглощающей ихъ воды вплавь: бурное теченіе

уноситъ всѣхъ, разбиваетъ и выбрасываетъ въ концѣ концовъ на берегъ одни только трупы.

Часть Параны, лежащая въ Аргентинской конфедераціи, извѣстна болѣе другихъ, но и здѣсь, представляя главную жилу внутренняго движенія, мало измѣнилась она со времени завоеванія страны испанцами.

Судоходство по ней очень затруднительно вслѣдствіе множества рифовъ и нѣсколькихъ водопадовъ, которые низвергаются со скалы на скалу на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ миль. Самый обширный и величественный водопадъ на рѣкѣ Паранѣ — Гвайра (Guayra), лежащій между 24° и 25° южной широты. Громадная масса воды, занимающая въ ширину болѣе двѣнадцати тысячь футовъ, моментально съуживается въ узкій каналъ въ двѣсти футовъ, въ которомъ она стремится съ ревомъ и пѣнясь по острымъ камнямъ и затѣмъ падаетъ въ бездну съ страшнымъ, оглушительнымъ шумомъ. Надъ бездною стоитъ постоянно огромный столбъ водяной пыли, отражающей въ себѣ радужные лучи величественнаго свѣтила....

Не смотря на рифы, Парана судоходна до впаденія въ нее рѣки Игвазу (Iguazu), то есть до самаго водопада Гвайра, но притомъ для судовъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе десяти футовъ....

Парагвай беретъ свое начало въ богатой брильянтовыми минами бразильской провинціи Матто-Гроссо; нельзя не восхищаться этою великолѣпною рѣкою, которая, при одинаковой глубинѣ, спокойно и тихо катитъ свои волны въ прелестныхъ берегахъ, покрытыхъ роскошнымъ лѣсомъ, большая часть котораго еще не испытала на себѣ могущества человѣческихъ рукъ и служитъ только страшнымъ, непроходимымъ убѣжищемъ для хищныхъ звѣрей и множества разноцвѣтныхъ птицъ, которыя не видали еще въ своихъ владѣніяхъ человѣческаго лица, не испытали на себѣ силы его ружья или капкана....

Испанцы, первые посѣтившіе эту страну, застали здѣсь дикое племя, называвшее себя пайагуасъ (Payguas) и сохранившееся до настоящихъ временъ; рѣку же, на берегу которой жили эти индѣйцы, они называли Пайагвай (Payaguay), а на испорченномъ языкѣ—Парагвай.

Уругвай судоходенъ для судовъ, сидящихъ не болѣе четырнадцати футовъ въ водѣ, только до города Сальта, то есть на протяженіи двухъ сотъ семидесяти верстъ отъ своего устья. Въ этомъ мѣстѣ судоходство прерывается небольшимъ водопадомъ, который однако легко можно было бы избѣжать при помощи обходнаго канала, для прорытія котораго потребовалась бы весьма ограниченная сумма; но урагвайское правитель-

ство до сихъ поръ не позаботилось объ этой пустой вещи и тѣмъ, понятно, тормозитъ внутреннюю торговлю.

За этимъ водопадомъ Уругвай становится опять судоходнымъ, и всѣ суда, сидящія въ водѣ отъ шести до восьми футовъ, могутъ свободно проникнуть въ самый центръ бразильской провинціи Санта Катарина.

Всѣ рѣки Ла-Платскихъ республикъ представляютъ прекрасные пути сообщенія, на которые стоитъ только обратить большее вниманіе, чтобы они могли доставить внутренней торговлѣ громадныя выгоды, могли бы увеличить благосостояніе жителей, просвѣтили бы ихъ и помогли бы заселить еще незаселенныя, но чрезвычайно богатыя, мѣстности, лежащія по ихъ берегамъ.

Парана и Уругвай—главныя артеріи этой обширной системы, даже и въ настоящее время, когда онѣ мало изслѣдованы, когда жители еще находятся въ первобытномъ состояніи, приносятъ странѣ громадныя выгоды; только жаль, что мѣстные жители не имѣютъ охоты заняться судоходствомъ, и почти всѣ суда, плавающія по Ла-Платскимъ рѣкамъ, принадлежатъ иностранцамъ, которые чрезвычайно ловко загребаютъ жаръ чужими руками, богатѣютъ не по годамъ, а по днямъ, и забираютъ въ свои руки всю внутреннюю торговлю. При такихъ обстоятельствахъ нельзя мечтать объ увеличеніи благосостоянія жителей....

Промышленность и торговля аргентинскихъ провинцій зависитъ отъ ихъ топографическаго и географическаго положенія; такъ напримѣръ, рѣчныя провинціи, лежащія по судоходнѣйшимъ и лучшимъ рѣкамъ Ла-Платы,—Санта-Фе, Корріентесъ и Энтръ-Ріосъ, высылаютъ ежегодно громадное количество кожъ, шерсти, сала, жиру, конскаго волосу и соленаго мяса. Жители же внутреннихъ провинцій занимаются земледѣліемъ и выдѣлкою разныхъ матерій; изъ нихъ вывозится: вино, сахаръ, сушеные фрукты и т. п. Многія области Аргентинской республики изобилуютъ богатыми рудами разныхъ металловъ, которыя могли бы доставить громадныя богатства; но, къ несчастью, недостатокъ рабочихъ рукъ не позволяетъ приступить къ ихъ разработкѣ: большая часть этихъ природныхъ сокровищницъ остается въ совершенномъ забытьи, въ первобытномъ состояніи, и много лѣтъ пройдетъ до тѣхъ поръ, когда застучитъ, еще въ нетронутыхъ горахъ, заступъ, когда закипитъ здѣсь дѣятельная, энергичная работа, когда груды разрытой почвы начнутъ постепенно выдѣлять изъ себя золото, серебро, мѣдь и другіе металлы....

Климатъ въ Аргентинской республикѣ чрезвычайно здоровый и въ высшей степени благодѣтельный для животной и растительной жизни; средняя годовая температура въ разныхъ мѣстахъ конфедераціи чрез-

вычайно разнообразна, потому что эта страна занимаетъ по широтѣ часть умѣреннаго и часть жаркаго пояса, и, кромѣ того, различныя ея провинціи находятся на разной высотѣ надъ уровнемъ океана, и это обстоятельство имѣетъ сильное вліяніе на ихъ среднюю годовую температуру.

Конфедерація замѣчательна громаднымъ разнообразіемъ представителей трехъ царствъ: животнаго, растительнаго и минеральнаго; ея большое протяженіе по широтѣ и разнообразіе климата способствуетъ обработкѣ всевозможныхъ растеній и разведенію животныхъ всѣхъ родовъ. Тутъ разводятся ваниль, ревень, табакъ, маніокъ, хлѣбныя растенія, бермудскій картофель, конопля, ленъ, рисъ и пр. Изъ животныхъ встрѣчаются: лошади, быки, овцы, ламы, альпака, олени, тапиры, зайцы, кабаны, лисицы, муравьѣды, обезьяны, наконецъ тигры, ягуары, американскіе львы или пумы, красные волки, выдры, даже крокодилы и другія менѣе замѣчательныя животныя. Изъ птицъ водятся: страусы, цапли, перцеяды, колпицы, орлы, кобчики, мышеловы, коршуны, разноцвѣтные попугаи, райскія птицы, колибри, сѣрые дрозды, щуры и проч....

Честь открытія и завоеваніе областей, составляющихъ собственно Ла-Плату, то есть: Аргентинской Конфедераціи, Восточной республики Уругвай и Парагвай, принадлежитъ преимущественно испанскимъ экспедиціямъ, посылавшимся сюда или по королевскому повелѣнію или же снаряжавшимся частными лицами, какими нибудь искателями приключеній, жаждавшими обогатиться въ новой странѣ, о которой носились въ то время самые фантастическіе, самые преувеличенные слухи. Экспедиціи, посланныя изъ Европы, прежде всего поднялись по рѣкѣ Паранѣ и утвердились въ Парагваѣ; отсюда уже онѣ начали распространять владѣнія испанскаго короля къ югу, западу, востоку и сѣверу, завладѣли всей нынѣшнею республикою Парагваемъ, Корріентесомъ, Энтръ-Ріосомъ, Санта-Фе и Буеносъ-Айресомъ, составляющими въ настоящее время однѣ изъ провинцій Аргентинской Конфедераціи и наконецъ богатою землею, извѣстною теперь подъ названіемъ республики Уругвай, или Восточная Банда.

Всѣ эти вновь открытыя и завоеванныя земли были подчинены вице-королю Чили, которая уже была въ то время подъ владычествомъ испанцевъ; но открытый вслѣдъ затѣмъ небольшой участокъ земли, лежащій между рѣками Параной и Уругваемъ и присоединенный въ настоящее время къ Аргентинской конфедераціи подъ названіемъ «Миссіонерской Территоріи» (Missions), — былъ отданъ подъ управленіе вице-короля

Перу [1]), который кромѣ того, какъ старшій испанскій губернаторъ въ Южной Америкѣ, имѣлъ высшее наблюденіе не только надъ вновь завоеванными землями, но даже и надъ Чили, вице-король которой былъ ему подчиненъ королевскимъ указомъ. Ставъ такимъ образомъ твердою ногою въ малоизвѣстной еще странѣ, заселенной дикими и кровожадными индѣйцами, испанское правительство стало помышлять о дальнѣйшемъ распространеніи своихъ, уже и то достаточно обширныхъ, владѣній въ Южной Америкѣ, и приказало вице-королямъ Перу и Чили посылать для этой цѣли отряды, которые приняли бы подъ верховное владычество Испаніи всѣ земли, еще незавоеванныя и неизслѣдованныя, и лежащія между вышеупомянутыми вице-королевствами и только что завоеванными европейскими экспедиціями областями.

Въ силу этого приказанія, стали посылаться изъ Перу и Чили хорошо снаряженныя экспедиціи, которыя быстро увеличивали владѣнія испанскаго короля.

Побѣдители обращались съ побѣжденными народами жестоко и несправедливо и тѣмъ только привели туземцевъ въ ярость, въ непріятное съ собою столкновеніе, слѣдствіемъ котораго было частое разрушеніе и разграбленіе только что основанныхъ испанцами городовъ и истребленіе всѣхъ попадавшихся имъ испанцевъ, безъ различія возраста и пола. Въ эти ужасные годы страшной международной ненависти и жажды мщенія, гибли тысячами въ ужасныхъ мукахъ какъ туземцы, такъ и завоеватели. Первые старались сбросить съ себя ненавистное ярмо послѣднихъ, мстили имъ за ихъ безчеловѣчіе и жестокость, рѣзали беззащитныхъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, выбирая удобныя минуты для нападеній на зарождающіеся города, когда большая часть мужскаго населенія, могущаго носить оружіе, расправлялась гдѣ нибудь за десятки миль отъ своего жилья съ недовольными индѣйцами другихъ племенъ.

Какое распространялось въ рядахъ испанскаго войска горе, какою страшною местью закипали ихъ сердца при видѣ, по возвращеніи изъ экспедиціи, заслуженной кары за свои подлыя дѣла, при видѣ разрушеннаго, испепеленнаго города, зарѣзанныхъ храбрыхъ защитниковъ, безпомощныхъ стариковъ и дѣтей, при видѣ того позора, которому подверглись ихъ жены, сестры, матери и невѣсты, и истерзанныхъ труповъ этихъ несчастныхъ жертвъ, надъ которыми вдоволь потѣшились дикіе индѣйцы!.... Въ отместку за разграбленіе города, убійства и позоръ, испанцы нападали на первыхъ, попавшихся имъ на глаза, индѣйцевъ,

[1]) Перу также уже принадлежала въ то время испанцамъ.

не разбирая причастны ли они или непричастны къ совершенному преступленію, рѣзали ихъ, предавали страшнѣйшимъ мукамъ, безъ различія пола и возраста, и тѣмъ только усиливали противъ себя ненависть другихъ туземцевъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ жестоко вознаграждали испанцевъ за ихъ несправедливую жестокость и мученія. Такимъ образомъ долгое время кипѣла между завоевателями и побѣжденными упорная безнравственная борьба, постепенно уменьшавшая число туземныхъ жителей, развращавшая нравы какъ ихъ, такъ и испанскіе, и вообще подготовлявшая ту анархію, въ которую впадали иногда ла-платскія республики, особенно Аргентинская и Уругвай; въ послѣдней даже и до настоящаго времени кипитъ наслѣдственная вражда между бѣлымъ и цвѣтнымъ населеніемъ, ни на минуту не прерывающаяся, причемъ одна партія передъ другою хочетъ, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ, владычествовать въ странѣ.

Въ эпоху открытія Ла-Платы, она была заселена многочисленными племенами цвѣтнаго населенія, отъ которыхъ однако осталось, можетъ быть, не болѣе десятой доли, потому что страшная борьба ихъ съ испанцами и цивилизація, проникшая къ нимъ отъ завоевателей, погубили большую часть этого населенія, стерли съ лица земли цѣлыя племена.

Первая экспедиція, посланная испанскимъ королемъ (въ октябрѣ 1515 года) въ Ла-Плату, находилась подъ начальствомъ Жуанъ-Діазъ де-Солисъ; она состояла изъ трехъ кораблей (отъ 30 до 60 тоннъ каждый) и шестидесяти храбрыхъ и неустрашимыхъ матросовъ-авантюристовъ. Войдя черезъ нѣсколько времени въ Ріо-де-ла-Плату, Солисъ высадился на восточномъ ея берегу, близъ впаденія рѣки Уругвая, и занялъ эту вновь открытую землю именемъ испанскаго короля, но въ первой же битвѣ съ дикими индѣйцами племени чаруа (Charrua) онъ былъ убитъ, и экспедиція, потерявъ своего начальника и не рѣшаясь безъ него пуститься въ глубь страны, принуждена была вернуться въ Испанію, гдѣ и заявила правительству о вновь открытой, но еще не завоеванной землѣ, которую они описали въ самыхъ яркихъ краскахъ, хотя въ сущности ничего еще особеннаго не видѣли. Испанскій король непремѣнно пожелалъ завладѣть богатою страною и приказалъ изготовить вторую экспедицію, которая и послана была къ берегамъ Ла-Платы въ 1526 году, подъ начальствмъ Габото. Послѣ долгаго, труднаго плаванія Габото вошелъ наконецъ въ устье Ріо-де-Ла-Платы и сталъ на якорь противъ того самаго мѣста, гдѣ находится въ настоящее время столица Аргентинской республики—Буйеносъ-Ай-

ресъ; черезъ нѣсколько времени, онъ отправился на одномъ кораблѣ вверхъ по Паранѣ и, 28 марта 1528 года, вошелъ въ рѣку Парагвай, гдѣ и высадился при устьѣ рѣки Пермею; но неудачно: большая часть его спутниковъ была истреблена индѣйцами племени агасовъ (Agaces). Видя невозможность бороться съ дикими туземцами съ такими небольшими силами, Габото рѣшился спуститься въ Ла-Плату и принять подъ свое начальство остальные корабли экспедиціи, которымъ приказано было ждать его возвращенія и ни въ какомъ случаѣ не имѣть сношенія съ берегомъ и туземцами. Спускаясь по рѣкѣ Парагваю, Габото встрѣтилъ, почти у самаго ея устья, Гарсіа, начальника новой экспедиціи, посланной испанскимъ королемъ нѣсколько позже габотовской, именно 15 августа 1526 года.

Встрѣча эта подѣйствовала на честолюбиваго Габото чрезвычайно непріятно, и тутъ же завязался между двумя начальниками экспедицій жестокій споръ, причемъ каждый изъ нихъ претендовалъ на право перваго открытія этой страны, каждый старался захватить управленіе новою землею въ свои руки. Гарсіо, назначенный королемъ, передъ своимъ отъѣздомъ, губернаторомъ всѣхъ земель, которыя будутъ имъ открыты впослѣдствіи, долгое время не хотѣлъ подчиниться Габото, но наконецъ уступилъ силѣ и призналъ своего противника губернаторомъ Ла-Платы, затаивъ въ сердцѣ сильную противъ него ненависть.

Габото немедленно послалъ къ королю Карлу V, на одномъ изъ своихъ кораблей, двухъ пословъ, которые и поднесли ему куски золота и серебра, добытые у индѣйцевъ, причемъ просили короли назначить своего начальника губернаторомъ вновь открытыхъ земель. Карлъ V милостиво выслушалъ посланныхъ Габота, назначилъ его губернаторомъ и обѣщалъ даже послать ему подкрѣпленіе для дальнѣйшихъ завоеваній, но событія, случившіяся въ Европѣ, въ 1529 году, помѣшали выполненію этого обѣщанія.

Габото, ничего не зная объ исходѣ своего посольства, измучившись долгимъ ожиданіемъ, рѣшился оставить на время вновь открытыя имъ земли и отправился въ Испанію, гдѣ его ждало непріятное разочарованіе. Здѣсь ему объявили, что король испанскій не можетъ помочь ему деньгами и войскомъ для дальнѣйшихъ завоеваній, и онъ, не имѣя собственныхъ средствъ для новой экспедиціи, долженъ былъ отказаться отъ только-что полученнаго губернаторства, которое передано было богатому испанскому дворянину Педро Мендозѣ, предложившему правительству послать экспедицію на свой счетъ и подъ своимъ начальствомъ.

Пышное предложеніе Мендозы было принято и онъ вышелъ изъ Севильи, 24 августа 1534 года, съ 14 кораблями и многочисленнымъ экипажемъ, состоящимъ изъ 2,500 испанцевъ, 150 нѣмцевъ и фламандцевъ и 60 лошадей; въ началѣ 1535 года онъ прибылъ въ Ла-Плату, гдѣ и сталъ на якорь, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Габото.

Высадившись на берегъ, Мендоза основалъ, 2 февраля 1535 года, Санта-Марія де Буеносъ-Айресъ, нынѣшнюю столицу Аргентинской республики, но это обошлось не дешево: ему пришлось выдержать нѣсколько нападеній дикихъ индѣйцевъ, причемъ погибла значительная часть его спутниковъ.

Въ то время, когда Мендоза основывалъ Буеносъ-Айресъ, одинъ изъ его подчиненныхъ, именно Жуанъ де-Айоласъ, отправился, по его приказанію, вверхъ по Паранѣ и Парагваю и основалъ на правомъ берегу послѣдней рѣки (14 августа 1636 года) городъ Асунсіонъ, настоящую столицу Парагвайской республики.

12 февраля 1537 года Айоласъ съ небольшимъ отрядомъ рѣшился пробиться въ Перу, передавъ командованіе экспедиціею своему товарищу Доминго Мартинецу де-Ирала, и такимъ образомъ положить нѣкоторую связь между старыми и новыми испанскими владѣніями.

Между тѣмъ Мендоза, измучившись постоянною борьбою съ дикими индѣйцами, потерявъ въ битвахъ съ ними большую часть своего экипажа, палъ духомъ и, не надѣясь на благопріятный исходъ своей экспедиціи, рѣшился вернуться въ Испанію, передавъ губернаторство отсутствующему Айоласу, о которомъ однако никто не имѣлъ никакого извѣстія.

При такомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ избранъ былъ въ временные губернаторы Ирала, первымъ административнымъ дѣломъ котораго былъ призывъ всѣхъ оставшихся испанцевъ въ Буеносъ-Айресѣ въ Асунсіонъ, чтобы хоть здѣсь окончательно утвердиться и представить сильный отпоръ нападеніямъ дикихъ индѣйцевъ.

Между тѣмъ въ Испаніи, получивъ извѣстіе о смерти Айоласа и Мендозы (послѣдній умеръ на обратномъ пути въ Испанію), назначили новаго губернатора Алваръ Нунецъ-Кабеца де-Васа, который и не замедлилъ прибыть въ Парагвай, 11 марта 1542 года. Принявъ отъ Ирала титулъ губернатора Ла-Платы, онъ поручилъ послѣднему отыскать дорогу въ Перу, но, узнавъ черезъ нѣсколько времени, о нападеніи на Ирала индѣйцевъ, самъ вышелъ изъ Асунсіона во главѣ сильнаго войска и поспѣшилъ къ нему на помощь (8 сентября 1543 года).

Трудность похода и постоянныя опасности сильно повліяли на духъ войска, которое вышло изъ повиновенія и принудило Васа возвратиться въ Асунсіонъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ апрѣля слѣдующаго года; зачатки революціи не замедлили вскорѣ разразиться страшнымъ бунтомъ: въ ночь съ 25 на 26 апрѣля войско, подстрекаемое неизвѣстнымъ агитаторомъ, возстало противъ своего губернатора, схватило и отослало въ Испанію подъ предлогомъ его неповиновенія волѣ монарха. Вмѣсто Васа избранъ былъ большинствомъ голосовъ въ губернаторы — Ирала, только что возвратившійся изъ своей неудачной экспедиціи. Въ продолженіе пяти лѣтъ Ирала не получалъ изъ Испаніи никакого извѣстія; все это время его постоянно преслѣдовала одна только мысль—проложить дорогу въ Перу. Наконецъ, желая во что бы то ни стало выполнить задуманный проектъ, Ирала вышелъ изъ Асунсіона, въ августѣ 1548 года, во главѣ отлично снаряженной экспедиціи и счастливо дошелъ до Чуквизака (Chuquisaca) въ Боливіи. Отсюда онъ послалъ къ Перуанскому вице-королю Лагаска посольство, которое предложило ему отъ имени Ирала помощь для возстановленія тишины въ Перу, потрясаемой уже въ то время страшными революціями.

Лагаска, слышавъ о войскѣ Ирала, какъ о самомъ безнравственномъ сбродѣ разбойниковъ, оказывающихъ постоянно своимъ начальникамъ полное неповиновеніе, очень хорошо понялъ, что, вмѣсто водворенія въ Перу спокойствія, они еще больше взбунтуютъ народъ, еще болѣе внесутъ въ его страну безпорядковъ, а потому, поблагодаривъ Ирала за его любезное предложеніе и опасаясь, чтобы упадокъ нравственности въ войскѣ послѣдняго не проникъ въ его собственную армію, просилъ Ирала удалиться въ Парагвай, на что тотъ изъявилъ полное несогласіе. Такимъ образомъ возникли между Лагаской и Ирала сильныя неудовольствія, принудившія перваго, въ силу своего высокаго положенія въ испанскахъ владѣніяхъ Южной Америки, отрѣшить послѣдняго отъ командованія войскомъ и назначить вмѣсто него другаго (Діего Сентено); но Ирала не подчинился такому рѣшенію и въ бѣшенствѣ умертвилъ своего намѣстника, ставъ опять во главѣ буйнаго войска. Вскорѣ послѣ этого однако сами солдаты Ирала, измученные труднымъ походомъ и недовольные своимъ предводителемъ, отдалили его отъ командованія экспедиціей, выбравъ на его мѣсто Гонзало де-Мендозу; но черезъ нѣсколько времени, войско, постоянно всѣмъ и всѣми недовольное, свергнуло только что избраннаго предводителя и признало опять Ирала командующимъ экспедиціею.

Такимъ образомъ, своеволіямъ буйнаго и безнравственнаго испан-

скаго войска не было и конца; оно дѣлало все, что только желало, и рѣшительно ворочало своими предводителями, которые, какъ видно, не имѣли ни голоса, ни власти, но подчинялись прихотямъ своихъ разбойничьихъ шаекъ. Эти-то постоянные безпорядки, своеволіе солдатъ, вражда предводителей, интриги и убійства подготовляли постепенно то, что видѣли мы недавно и видимъ въ настоящее время въ большей части южно-американскихъ республикъ, т. е. полнѣйшую анархію.

Чтобы успокоить нѣсколько недовольныхъ труднымъ походомъ, Ирала вернулся, въ 1557 году, въ Асунсіонъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, передавъ управленіе завоеванной страною своему зятю Гонзало де-Мендозѣ, который умеръ въ свою очередь 6 іюля 1558 года.

Выбранный вслѣдъ затѣмъ губернаторъ Франциско Ортицъ де-Бергара управлялъ страною очень неспокойно; постоянныя революціи, жестокія битвы съ индѣйцами показали, что онъ не обладалъ даромъ правленія и не пользовался любовью войска и новыхъ подданныхъ испанскаго короля. Благодаря своимъ многочисленнымъ врагамъ, которые всѣми силами старались возбудить къ нему въ испанскомъ правительствѣ недовѣріе, Бергара былъ вызванъ въ Испаніи и отрѣшенъ отъ губернаторства. Изъ слѣдующихъ [1]) за нимъ правителей особенно замѣчателенъ Жуанъ Жарая, бывшій прежде вице-губернаторомъ Ла-Платы и основавшій въ это время извѣстный городъ Санъ-Фе де-ла-Вера-Круцъ (въ іюлѣ 1573 года). Первымъ дѣломъ этого губернатора было усмиреніе волновавшихся войскъ въ Парагваѣ, которыя никакъ не могли забыть своего прежняго своеволія и не хотѣли подчиниться губернатору, назначенному не ими, а испанскимъ королемъ; такимъ образомъ, уже съ этого времени стало постепенно разростаться во вновь завоеванныхъ земляхъ желаніе отдѣлиться отъ испанскаго владычества и самовольно управлять страною.

Въ 1580 году Жарая положилъ новое основаніе Буеносъ-Айресу, потому что селеніе, основанное Мендозою въ 1553 году, было совершенно уничтожено набѣгами дикихъ индѣйцевъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ заложеннаго вновь города ему пришлось выдержать кровопролитную битву съ большою шайкою хорошо вооруженныхъ туземцевъ, желавшихъ опять разрушить только что зарождающійся Буеносъ-Ай-

---

[1]) Послѣ Бергара управляли страною: Жуанъ Ортецъ Цавати, при которомъ утверждена была должность вице-губернатора; затѣмъ его дочь, управлявшая страною подъ опекою Жарая (вице-губернатора), и наконецъ племянникъ Цавати—Діего Мендиста, славившійся жестокимъ обращеніемъ съ туземцами, которыми даже былъ умерщвленъ.

ресъ. Попытка индѣйцевъ окончилась полною неудачею; разбитые наголову, они были истреблены до послѣдняго, такъ что даже до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ происходила эта битва, носитъ страшное названіе—Матанца (Matanza — бойня).

Въ 1584 году Жарая былъ измѣннически умерщвленъ индѣйцами, напавшими на него при его возвращеніи изъ Буеносъ-Айреса въ Асунсіонъ. Смерть Жарая возвратила индѣйцамъ надежду завладѣть Буеносъ-Айресомъ и Санта-Фе; но всѣ ихъ нападенія соединенными силами были удачно отбиты храбрыми защитниками этихъ городовъ, которые надолго отучили туземцевъ отъ дерзкаго нападенія на большія колоніи.

Съ 1584 по 1620 годъ въ Ла-Платѣ перемѣнилось множество губернаторовъ, но особеннаго въ ихъ правленіе ничего не случилось [1]).

Въ 1620 году испанскій король раздѣлилъ всю завоеванную страну на двѣ, совершенно независимыя другъ отъ друга, провинціи: Парагвай, включающую въ себѣ все пространство, лежащее между рѣками Параною и Парагваемъ, и провинцію Ріо-де-Ла-Плата, къ которой причислены были земли Буеносъ-Айреса, Корріентесъ, Энтр-Ріосъ, Санта-Фе, а также все пространство, составляющее въ настоящее время Восточную республику Уругвай.

Провинціи Парагвай и Ріо-де-Ла-Плата управлялись отдѣльными губернаторами, назначаемыми испанскимъ королемъ и подчиненными вице-королю Перу, какъ главнѣйшему во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ Ю. Америки. Это административное раздѣленіе завоеванной страны существовало до 1776 года, т. е. до эпохи новыхъ административныхъ переворотовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже....

Въ то время, когда экспедиціи, посылаемыя изъ Европы, завоевывали Парагвай и прилежащія къ нему земли, вице-короли Перу посылали отъ себя, по приказанію испанскаго короля, небольшіе отряды, которые должны были забирать всѣ неизвѣстныя области, лежащія вблизи этого королевства.

Большая часть посылаемыхъ изъ Перу экспедицій не имѣли полнаго успѣха вслѣдствіе неурядицъ начальниковъ и безпорядковъ въ войскѣ; но тѣмъ не менѣе уже въ 1553 году захвачены были обширныя земли Тукуманъ, составившія провинцію Сантъ-Яго дель-Эстеро, управлявшуюся собственнымъ губернаторомъ, избираемымъ перуанскимъ вице-королемъ. Первымъ губернаторомъ вновь образовавшейся провинціи на-

[1]) Только правленіе Жуанъ-Тореса де Вера (1558 годъ) ознаменовалось основаніемъ города Корріентесъ и трехъ индѣйскихъ колоній: Гвакарасъ, Итати Охома и Санта-Луція.

значенъ былъ, въ 1560 году, Жуанъ-Перецъ де-Цурита, основавшій три города: Лондусъ, Канете и Кордова; но онъ управлялъ ввѣренной ему областью очень недолго: испанцы, поселившіеся въ городѣ Лондусъ и недовольные жестокимъ обращеніемъ своего губернатора, свергли его и выбрали въ управители нѣкоего Грегоріо Костанеде, основавшаго, въ 1561 году, въ долинѣ Жужуй, городъ Ніева. Такимъ образомъ начало распространяться своеволіе и неповиновеніе и въ земляхъ, открываемыхъ со стороны Перу и Чили.

Въ 1562 году, индѣйцы долины Кальчаки, недовольные жестокимъ обращеніемъ побѣдителей и замѣчая, что тѣ стараются все дальше и дальше отодвигать ихъ отъ родныхъ пампасовъ, двинулись въ громадной массѣ на только что основанные города и разрушили ихъ до основанія, истребивъ при этомъ всѣхъ жителей, безъ различія пола и возраста.

Костанедо всѣми силами старался предовратить грозное нашествіе и даже нѣсколько разъ вступалъ съ дикими индѣйцами въ кровопролитныя битвы; но всегда побѣждаемый многочисленностью, палъ духомъ и съ позоромъ бѣжалъ изъ своей провинціи въ Чили, поручивъ управленіе страною своему другу, капитану Перальта.

Въ 1563 году, присланъ былъ изъ Испаніи королевскій указъ, присоединявшій провинцію Сантъ-Яго къ Ріо-де-Ла-Платѣ, но при этомъ предписано было имѣть въ первой особаго правителя, зависящаго впрочемъ отъ Ла-Платскаго губернатора. Изъ первыхъ правителей Сантъ-Яго особенно замѣчателенъ Луи Кабрера.

Въ 1574 году, нѣкто Гонзало де-Абренъ Фигвероа выступилъ изъ Перу во главѣ сильнаго отряда, снаряженнаго на собственный счетъ, и овладѣлъ, пользуясь отсутствіемъ Кабреры, провинціею Сантъ-Яго, объявивъ себя ея губернаторомъ. Затѣмъ онъ направился на Кордову, взялъ въ плѣнъ своего собрата Кабреру, отрубилъ ему голову и, желая властвовать въ завоеванной имъ странѣ совершенно неограничено, задумалъ отдѣлиться отъ власти вице-короля Перу, а также и отъ Ла-Платскаго губернатора. Однако, вице-король Перу, узнавъ о замыслахъ Абрена, выслалъ противъ него, въ 1580 году, сильное войско, во главѣ котораго стоялъ, извѣстный своею жестокостью, Хермандо де-Лерма, которому поручено было наказать преступника, замышлявшаго отдѣлиться отъ верховной власти испанскаго короля, такъ, чтобы надолго отбить у всѣхъ охоту къ подобнымъ выходкамъ. Лерма немедленно вторгнулся въ провинцію Сантъ-Яго, захватилъ Фигвероа въ плѣнъ и предалъ его жестокимъ мукамъ; долго терзали злополучнаго

Гонзало, пока онъ не прекратилъ свою жизнь, полную треволненій и опасностей.

Лерма, сдѣлавшійся губернаторомъ Сантъ-Яго, отличался необыкновенною свирѣпостью характера и безъ зазрѣнія совѣсти предавалъ жесточайшимъ мукамъ какъ провинившихся въ чемъ нибудь испанцевъ, такъ и индѣйцевъ, которые сильно ожесточались и при первомъ удобнымъ случаѣ съ неменьшею жестокостью мстили за пересененныя ихъ братьями мученія.

Вице-король Перу, услышавъ о извергствѣ Лермы, приказалъ арестовать его и отослать въ Чуквизака, а вмѣсто него назначилъ губернаторомъ (въ 1586 году) Жуана де Веласко, который, желая соединить свою провинцію съ Перу безопасною дорогою, основалъ, въ 1592 году, два станціонныхъ городка: Санъ-Сальвадоръ де Жужуй и Ласъ-Юнтасъ.

До 1609 года въ Сантъ-Яго перебывало до восьми губернаторовъ; правленіе двухъ послѣднихъ (Квинонецъ Озоріо и Жуанъ де Вира) было необыкновенно кротко и благоразумно; даже дикіе индѣйцы, успокоенные хорошимъ обращеніемъ, притихли въ своихъ пустыняхъ и не думали нарушать страшными набѣгами спокойствіе завоевателей. Казалось, наступали для страны хорошія времена, которыхъ такъ жаждали немногіе благонамѣренные люди; но, къ несчастью, это спокойствіе продолжалось недолго. Кроткаго Жуанъ Алонцо де Вира замѣнилъ, въ 1627 году, жостокій Фелипе Алорноцъ, который возстановилъ противъ себя своею свирѣпостью всѣ индѣйскія племена, долгое время уже не безпокоившія истерзанную страну; громадною массою бросились они на города Жужуй, Сальта, Тукуманъ и Ріо, желая не только разрушить ихъ до основанія, но и истребить всѣхъ вторгнувшихся въ ихъ владѣнія испанцевъ. Однако ихъ грозная попытка не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Алорноцъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и быстротою успѣлъ отбить всѣ ихъ нападенія и принудилъ удалиться въ свои пустыни. Съ этихъ поръ наступили для индѣйцевъ несчастныя, страшныя времена: ихъ преслѣдовали, какъ стаи кровожадныхъ волковъ, безжалостно избивали, безъ различія возраста и пола, предавали жесточайшимъ мукамъ, думая этими ужасными средствами усмирить ихъ буйный характеръ; но подобное обращеніе привело къ совершенно противоположному результату, и свирѣпый Алорноцъ ошибся въ своихъ страшныхъ разсчетахъ. Все индѣйское населеніе единодушно возстало, какъ одинъ человѣкъ, противъ жестокаго мучителя и еще разъ попыталось свергнуть ненавистное и унизительное для себя ярмо испанцевъ. Нѣкоторое время вся завоеванная территорія находилась въ страшной опасности; были

минуты, когда ожидали, что все, пріобрѣтенное кровью и трудами, отпадетъ опять къ разсвирѣпѣвшимъ индѣйцамъ, и это легко могло бы случиться, если бы не послано было изъ Перу сильное подкрѣпленіе.

Дѣйствительно, никогда не возставали индѣйцы такъ единодушно, какъ въ эти страшные для испанцевъ дни; послѣдніе считали уже себя совершенно погибшими и съ ужасомъ помышляли о тѣхъ страшныхъ мукахъ, которыя пришлось бы имъ перенести у позорнаго столба индѣйцевъ.... Наконецъ возстаніе начало ослабѣвать; туземцы, получивъ сильный отпоръ отъ присланнаго въ Перу подкрѣпленія, удалились въ свои пустыни; но и оттуда еще грозили въ безсильной злобѣ своимъ жесточайшимъ врагамъ и не упускали удобной минуты для вторженія въ испанскія владѣнія.

Десять лѣтъ длилась жесточайшая война, въ которой испанцы и индѣйцы наперерывъ старались превзойти другъ друга въ жестокости, безнравственности и безчеловѣчности! Нѣтъ, эту рѣзню нельзя даже назвать войною: индѣйцы и испанцы рѣшались на всевозможныя подлости и низости, чтобы только побѣдить врага; рѣзали не только захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, но даже женщинъ, стариковъ и дѣтей, словомъ, одна нація стремилась во что бы то ни стало стереть съ лица земли другую. Плѣнныхъ предавали въ эти ужасные годы самымъ страшнымъ мукамъ, какія только могли выдумать расвирѣпѣвшіе солдаты и индѣйцы, а они, нужно сознаться, превзошли въ этомъ отношеніи даже самаго Вельзевула....

Наконецъ, дикій и кровожадный Алорноцъ, причина всѣхъ постигшихъ страну бѣдствій, ужасовъ и убійствъ, былъ отрѣшенъ, въ 1637 г., отъ недостойно занимаемой имъ важной должности. Слѣдующіе за нимъ губернаторы всѣми силами старались успокоить разволновавшихся индѣйцевъ, но ни кротость ихъ, ни дарованія не могли укротить бурныя страсти, встревоженныя жестокимъ Алорноцомъ. Долгое время они не имѣли никакого успѣха, потому что сами испанцы, не менѣе индѣйцевъ, отдались своимъ бурнымъ страстямъ и вдесятеро отплачивали имъ за ихъ жестокости и буйные набѣги. Словомъ, испанцы озлобились не менѣе индѣйцевъ, хотя сами были всему виною, и губернаторы не могли воздержать ихъ мести, между тѣмъ какъ только этимъ возможно было укротить дикихъ индѣйцевъ; только платя добромъ за зло можно было привязать ихъ опять къ побѣдителямъ; но этого достигнуть было очень трудно, потому что страшный законъ дикихъ народовъ «око за око, зубъ за зубъ» былъ здѣсь въ полной силѣ.

Только въ 1664 году окончательно прекратились жестокія битвы

съ индѣйцами, которые принуждены были наконецъ покориться силѣ и «испанской цивилизаціи», приведшей ихъ, откровенно сказать, на край могилы. Съ 1664 года прекратились также дальнѣйшія завоеванія испанцевъ и съ этого времени они занялись заселеніемъ завоеванныхъ странъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о той помощи, которую оказала Чили въ распространеніи владѣній испанскаго короля; посылаемыя чилійскимъ вице-королемъ экспедиціи имѣли большой успѣхъ: уже въ 1566 году завоевана была обширная территорія, образовавшая провинцію Куйо, а нѣсколько позже чилійцы уже начали прокладывать здѣсь дороги и прорывать, для орошенія земли, каналы. Вообще нужно сознаться, чилійцы дѣйствовали несравненно благоразумнѣе, почему и дѣла ихъ шли необыкновенно успѣшно; всѣ назначаемые въ эту провинцію губернаторы поставили себя въ отношеніи индѣйцевъ въ такое хорошее положеніе, что тѣ не производили здѣсь ни набѣговъ, ни грабежей, ни убійствъ.

Провинція Куйо постепенно богатѣла подъ благоразумнымъ и кроткимъ управленіемъ честныхъ и благородныхъ губернаторовъ; города быстро обстраивались, заселялись и заводили съ туземцами дѣятельную торговлю. Такъ прошло до 1776 года, когда вся эта провинція была присоединена къ вице-королевству Ла-Плата, основанному 8 августа того-же года и состоящему изъ слѣдующихъ провинцiей: Ріо-де-Ла-Плата, Тукумакъ, территорій Чили, расположенныхъ по восточную сторону Андовъ, губернаторства Парагвай и территоріи Высокой Перу (въ настоящее время республика Боливія).

Новой вице-король сталъ зависѣть только отъ испанскаго короля; главнымъ городомъ вице-королевства сдѣланъ былъ Буеносъ-Айресъ, какъ древнѣйшій изъ основанныхъ въ немъ городовъ. Въ 1782 году Ла-Плата была раздѣлена на восемь интендантствъ или управленій (переименованныхъ въ слѣдующемъ году въ губернаторства), начальники которыхъ избирались испанскимъ королемъ, но въ дѣлахъ управленія они совершенно зависѣли отъ Ла-Платскаго вице-короля.

Подобное административное раздѣленіе Ла-Платы сохранилось до 1810 года, въ который вспыхнула въ ней сильная революція [1]) противъ испанскаго короля, вызванная ограниченіемъ испанской колоніальной администраціи и отреченіемъ отъ короны Фердинанда VIII. Временная юнта (исп. совѣтъ), составленная исключительно изъ американцевъ, замѣнила власть вице-короля; всѣ провинціи единодушно потре-

[1]) 25 мая 1810 года.

бовали федеративную форму правленія, образуя при этомъ, такъ называемыя, «Соединенныя провинціи».

Съ этого времени началась сильная и продолжительная борьба между Буеносъ-Айресомъ и остальными аргентинскими провинціями; городъ Буеносъ-Айресъ изъявилъ, послѣ освобожденія отъ ига метрополіи, притязаніе на преобладаніе надъ всѣми частями прежняго вице-королевства, на основаніи того, что онъ считался въ то время столицею всей завоеванной страны; остальныя провинціи не желали оказать ему подобнаго предпочтенія, вслѣдствіе чего возгорѣлась междуусобная война за гегемонію, продолжающаяся и до настоящаго времени. Мы не будемъ описывать никому не интересныхъ подробностей междуусобій, а перейдемъ прямо по времени знаменитаго Розаса.

4 января 1831 года, заключенъ былъ между провинціями: Буеносъ-Айресомъ, Санта-Фе, Энтръ-Ріосъ и Корріентесомъ, такъ называемый, «прибрежный трактатъ», принятый и остальными провинціями: онъ признавалъ во всѣхъ древнихъ Союзныхъ провинціяхъ федеральный образъ правленія и совершенную независимость ихъ извнѣ. Каждая провинція имѣла свое отдѣльное управленіе, своего губернатора и представителей; веденіе сношеній съ иностранными державами, а также и войны—представлялось губернатору Буеносъ-Айреса, который назначался въ этомъ случаѣ главнокомандующимъ союзной арміи.

Розасъ [1]), вступивъ въ управленіе дѣлами республики, старался всѣми силами отстранить исполненіе трактата 1831 года и не думалъ заняться благоустройствомъ страны; тогда генералъ Лопецъ, губернаторъ провинціи Санта-Фе, рѣшительно потребовалъ у Розаса приступить къ благоустройству республики; но на всѣ его настоятельныя требованія тотъ отвѣчалъ ему, что у него до сихъ поръ не было времени заняться этимъ важнымъ дѣломъ, а собраніе постановительныхъ коммисій могло помѣшать ходу правленія.

Генералъ Лопецъ былъ сильно возбужденъ этимъ нахальнымъ отвѣтомъ и рѣшился, пригласивъ съ собою извѣстнаго генерала Квирога, прославившагося въ послѣднихъ гражданскихъ войнахъ, силою оружія потребовать немедленнаго приступленія къ устройству республики. Кви-

---

[1]) Розасъ родился въ 1813 году, въ Буеносъ-Айресѣ, въ почтенномъ семействѣ, переселившемся сюда изъ Астуріи. Его прадѣдъ былъ губернаторомъ въ Чили. Въ молодости, Розасъ долго жилъ между гаучо, на эстанціяхъ своихъ родственниковъ, принималъ участіе въ ихъ работахъ, играхъ и разныхъ увеселеніяхъ. Гаучо смотрѣли на юношу какъ на своего и съ гордостью поддерживали потомъ домогательства бывшаго товарища.

рога былъ чрезвычайно опаснымъ врагомъ Розаса и могъ бы серьезно противудѣйствовать его дерзкимъ планамъ, но онъ не достигнулъ своей благородной цѣли, потому что палъ подъ ножами наемныхъ Розасомъ убійцъ. Лопецъ, потерявъ лучшаго и сильнѣйшаго своего союзника, долженъ былъ оставить пока свое намѣреніе въ сторонѣ и прекратить воинственныя приготовленія.

По истеченіи законнаго срока президентства, Розасъ сложилъ съ себя эту должность, поступивъ въ первый и послѣдній разъ въ смыслѣ конституціи; но въ 1835 году онъ былъ избранъ снова и уже съ неограниченною властью, потому что иначе онъ не желалъ быть выбраннымъ. Каждый разъ, какъ истекалъ срокъ его президентства, Розасъ начиналъ лицемѣрно отказываться отъ своей должности, которая будто бы разстраивала его здоровье, будучи совершенно увѣренъ, что его станутъ упрашивать остаться и принять на себя управленіе страною; и дѣйствительно, какъ только онъ заикался объ отказѣ, депутаты начинали упрашивать его остаться во главѣ республики, каждый разъ прибавляя ему, въ видѣ подмазки, новыя права и новыя почести.

Такимъ образомъ, Розасъ, поддерживаемый своими вѣрными гаучо, постепенно захватывалъ власть въ свои руки, постепенно дѣлался неограниченнымъ властелиномъ, деспотомъ своей страны. Онъ уже совершенно пересталъ думать объ устройствѣ республики по конституціи 1831 года, и никто ему объ этомъ не осмѣливался напомнить, потому что ножи подкупленныхъ убійцъ заставили бы на вѣки замолчать смѣлаго выскочку.

Впрочемъ, Розасъ, въ первые годы своего деспотическаго правленія, оказалъ республикѣ большія услуги, которыя много помогли ему удержать власть въ своихъ рукахъ, потому что своими побѣдами онъ возбудилъ къ себѣ безумную любовь низшаго класса людей — гаучо. Первымъ его дѣломъ было наказать за частые набѣги индѣйцевъ, жившихъ на южной границѣ Буеносъ-Айреса и Чили; въ союзѣ съ чилійцами онъ рѣшился усмирить дикарей и навсегда отбить у нихъ охоту врѣзываться во внутрь страны и истреблять все, попадающее на ихъ пути, огнемъ и оружіемъ. Во главѣ храбрыхъ, но жестокихъ, гаучо двинулся Розасъ къ Магеланову проливу, билъ встрѣчающихся ему индѣйцевъ, безъ различія пола и возраста, билъ и рѣзалъ всюду, гдѣ только встрѣчалъ хотя бы самое слабое сопротивленіе, причемъ освобождалъ отъ рабства тысячи плѣнныхъ христіанъ. Этимъ труднымъ и опаснымъ походомъ Розасъ стяжалъ себѣ въ народѣ славу и уваженіе, который воздавалъ ему всевозможныя почести и прославлялъ какъ героя.... Къ этому же времени относится

его славная борьба за народную независимость, за самостоятельность Новаго Свѣта.

Въ 1837 году, Розасъ, на основанiи давно-забытаго закона, потребовалъ, чтобы всѣ иностранцы, поселившiеся въ Буеносъ-Айресѣ, участвовали въ нацiональной милицiи, причемъ нѣсколько французовъ было завербовано силою. Протесты и жалобы французскаго агента остались безъ отвѣта; тогда французское правительство, почувствовавъ себя обиженнымъ, приняло противъ беззаконныхъ дѣлъ Розаса рѣшительныя мѣры: въ 1838 году, 28 марта, всѣ порты Аргентинской конфедерацiи объявлены были въ блокадѣ. Французы, соединились съ врагами Розаса — унiонистами, во главѣ которыхъ сталъ извѣсный генералъ Лавалле, прибывшiй въ то время изъ Монтевидео. Первое время Розасу не посчастливилось: войска его, встрѣтившись съ инсургентами и французами, были совершенно разбиты въ нѣсколькихъ стычкахъ. Въ 1840 году, «войско освободителей», подъ командою Лавалле, подошло къ Буеносъ-Айресу, внутри котораго начали вспыхивать частые мятежи, ясно доказывавшiе, что власть Розаса начала колебаться.

Между тѣмъ Францiя повела себя въ этой войнѣ до того безтактно, что сильно повредила успѣхамъ Лавалле; вмѣсто того, чтобы сражаться, она начала домогаться низложить уругвайскаго президента Мануеля Орибе (друга Розаса) и посадить на его мѣсто главу революцiоннаго движенiя генерала Фруктуосо Ривера. Такимъ образомъ, она вздумала возводить и возлагать правителей въ Южной Америкѣ, чѣмъ сильно оскорбляла нацiональную гордость и вмѣсто союзниковъ прiобрѣла себѣ въ народѣ враговъ, черезъ что сильно повредила своей выгодной съ этою страною торговлѣ. Окончательный поступокъ Францiи выказалъ ее въ очень невыгодномъ свѣтѣ; въ то время, когда Лавалле уже осадилъ Буеносъ-Айресъ, когда внутри столицы уже начали показываться признаки неудовольствiя противъ Розаса, словомъ, когда окончательная побѣда была уже на сторонѣ союзниковъ, прiѣзжаетъ вдругъ изъ Францiи въ Монтевидео адмиралъ Мако (23 сентября 1840 года) съ приказанiемъ отъ французскаго правительства все кончить и какъ можно скорѣе выпутать Францiю изъ ла-платскихъ дрязгъ и ссоръ. Мако спѣшилъ измѣнить друзьямъ Францiи, вступилъ въ переговоры съ Розасомъ и заключилъ съ нимъ миръ на слѣдующихъ условiяхъ: 1) республика Уругвай, на основанiи трактата 1828 года, по которому она отдѣлялась отъ Бразилiи, сохраняетъ свою независимость; 2) всѣмъ возставшимъ противъ Розаса должна быть объявлена амнистiя; 3) всѣ убытки, нанесенные Францiею, должны быть вознаграждены, и наконецъ, 4) Францiя,

наровнѣ съ прочими державами, пользуется предоставленными имъ правами.

Недовольные уніонисты не признали этотъ договоръ дѣйствительнымъ и продолжали противъ Розаса дѣятельную борьбу; ихъ ненависть къ французамъ усилилась дотого, что они громко и публично выражали противъ Франціи свое негодованіе. «Мако, Франція и измѣна», говорили они, «съ этихъ поръ однозначащія слова! Мы всѣ проданы, намъ измѣнили! За деньги Франція продала свою честь, своихъ союзниковъ, даже свою выгоду и она еще увѣрена, что Розасъ сдержитъ свои обѣщанія». И дѣйствительно, передъ глазами французскаго адмирала вели амнистированныхъ къ Розасу, пытали ихъ и многихъ, въ числѣ которыхъ были и французы, казнили.

Лавалле и Ривера стали набирать въ Монтевидео новую партію, преимущественно изъ лицъ, бывшихъ противъ президента Орибе, и торжественно объявили, что трактатъ, заключенный между Розасомъ и адмираломъ Мако, недѣйствителенъ, такъ какъ былъ написанъ безъ согласія союзниковъ-уніонистовъ. «Измѣна, своеволіе и глупость», говорили они, «написаны на лбу у французскаго адмирала! Кто далъ Франціи право, во имя уніонистовъ и Уругвая, не спрашивая ихъ, заключать съ Розасомъ миръ? Они думаютъ тамъ, у себя въ Парижѣ, что свирѣпый гаучо Розасъ дѣйствительно проститъ своихъ враговъ!? Никогда!» И это было совершенно справедливо; трактатъ 1840 года остался безъ исполненія....

Лавалле продолжалъ съ Розасомъ упорную борьбу, но очень несчастливо: 19 сентября 1841 года онъ былъ разбитъ въ долинѣ Фамалла, а 8 октября убитъ, при слѣдующей стычкѣ съ войсками диктатора. Войско уніонистовъ, оставшись безъ предводителя, не могло оказать никакого сопротивленія и было вскорѣ совершенно разсѣяно Розасомъ. Окончательное истребленіе уніонистовъ было ведено съ настойчивою кровожадностью, достойною одного только свирѣпаго убійцы Розаса; онъ рѣзалъ, разстрѣливалъ своихъ враговъ, предавалъ ихъ самымъ страшнымъ пыткамъ, сажалъ въ тюрьму, изгонялъ изъ страны: кто же успѣлъ, тотъ бѣжалъ самъ отъ гнѣва разъяреннаго диктатора!

Видъ конфидераціи совершенно измѣнился: повсюду лилась кровь, повсюду валялись изуродованные трупы, на всѣхъ рѣшеткахъ нанизаны были человѣческія головы; Розасъ хотѣлъ уничтожить «зло» съ корнемъ, въ чемъ ему помогало и духовенство, состоявшее изъ низкихъ фанатиковъ. Епископъ Хозе Мануэль Эйфразіо называлъ публично дикаго и свирѣпаго гаучо Розаса «божественнымъ героемъ»,

благословлялъ изверга на его гнусныя дѣла и говорилъ: «Истинная христіанская любовь, сильная и возвышенная, ведущая ко спасенію, требуетъ уничтоженія безбожной толпы, враговъ Бога и людей. Истинная христіанская любовь требуетъ окончательнаго уничтоженія дикихъ уніонистовъ!»

Подъ управленіемъ Розаса народные нравы стали сильно портиться: повсюду введены были подкупы, шпіонства и убійства; даже нельзя было увѣренно сказать, что въ семействѣ не былъ подкупленный шпіонъ, который слѣдилъ за своими родственниками и при первой возможности продавалъ ихъ извергу. Отецъ опасался сына, сынъ украдкою замѣчалъ за отцомъ, братъ остерегался брата, словомъ — общая нравственность упала такъ низко, что члены одного и того же семейства продавали другъ друга, враждовали и чуть ли не рѣзались. «Эгоизмъ, лукавство, извергство и насиліе»: вотъ девизъ тогдашнихъ нравовъ. Розасъ разорвалъ такимъ образомъ родственныя и дружественныя связи, сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ жизни, судьбы и чести своихъ подданныхъ. Онъ всѣми силами противодѣйствовалъ европейской цивилизаціи; духовенство ему помогало въ преслѣдованіи всего умственнаго и благороднаго. Розасъ сознавалъ, что ему легче управлять неограниченно невѣжественною, необразованною толпою, чѣмъ просвѣщеннымъ народомъ, поэтому онъ всѣми силами старался возстановить своихъ подданныхъ противъ иностранцевъ, возбуждалъ къ нимъ неумолимую ненависть, указывалъ на Европу какъ на страну деспотическую, стремящуюся забрать все, что только попадется ей подъ руки. «Европа хочетъ побѣдить насъ», говорилъ онъ, «передадимъ ненависть къ ней нашимъ дѣтямъ, возьмемся за оружіе и съ криками: Смерть иностранцамъ! — будемъ рѣзать этихъ полуумныхъ шутовъ!»

Вообще положеніе конфедераціи во время владычества Розаса было ужасно; по словамъ нѣкоторыхъ аргентинскихъ писателей, «правленіе Нерона и Тиберія покажется въ сравненіи съ Розасовымъ отечески нѣжнымъ!»

Страшное свое вліяніе Розасъ поддерживалъ только кровавыми кознями, заточеніемъ и конфискаціею, но больше всего формально организованнымъ убійствомъ. Въ помощь себѣ Розасъ основалъ, въ 1840 г., страшное тайное общество «Масхорка», цѣль котораго была тайно истреблять всѣхъ враговъ диктатора. Масхорка — значитъ маисовый колосъ, и тайное общество было названо такъ потому, что когда оно начало свою дѣятельность, то Розасъ, въ знакъ своего благоволенія, по-

слалъ ему маисовый колосъ, сдѣлавшійся символомъ союза отвратительныхъ разбойниковъ.

Всѣ отверженные обществомъ, всѣ развратные люди принимались въ это свирѣпое общество, давая торжественную клятву безпрекословно исполнять волю своего тирана; они хотѣли уничтожить во всей республикѣ враговъ Розаса и людей почему нибудь ему ненравящихся или стоящихъ на его дорогѣ; они безнаказанно врывались въ дома, убивали, грабили и предавали, кого имъ было угодно, ужаснымъ мукамъ. Убивали не только тѣхъ, кто явно стоялъ противъ Розаса, но и всѣхъ, кто возбуждалъ чѣмъ нибудь противъ себя хотя бы малѣйшее подозрѣніе или на которыхъ подаваемы были доносы, и убивали безъ всякаго суда и расправы. Часто случалось, что человѣкъ, желая избавиться отъ своихъ враговъ, доносилъ на нихъ обществу, обвиняя въ преступленіяхъ противъ Розаса, и ихъ немедленно безжалостно спроваживали къ праотцамъ, хотя бы они были ревностнѣйшими сторонниками Розаса. Масхорка не вѣрила увѣреніямъ, а вѣрила только доносамъ самымъ несправедливымъ и безчестнымъ.

Столица была свидѣтелемъ страшныхъ убійствъ и жестокостей; ужасъ сковывалъ уста гражданъ при слухѣ о злодѣйствахъ, совершаемыхъ почти каждую ночь масхорками. По утрамъ находили на улицахъ изуродованные и никѣмъ не узнаваемые трупы, которые валялись, бывало по нѣскольку дней, пока сами граждане не убирали ихъ тайно, потому что иначе и они подверглись бы за это страшной смерти. Розасъ напускалъ на несчастныхъ горожанъ свою свирѣпую толпу каждый разъ, когда ему казалось нужнымъ снова вселить ужасъ въ своихъ врагахъ.

«Дикіе уніонисты должны быть окончательно истреблены», говорилъ диктаторъ, одна мысль принадлежать къ этой ордѣ — уже смертный грѣхъ. Нужно избавить республику отъ этихъ измѣнниковъ; они не заслуживаютъ сожалѣнія, пощада ихъ будетъ бѣдствіемъ страны! Ихъ личности и имущества нужно подвергнуть наказанію, достойному ихъ измѣны и звѣрства».

Пойманные уніонисты избивались сотнями и ихъ головы выставлялись публикѣ на остріяхъ рѣшетокъ; кто произносилъ хоть слово состраданія къ этимъ мученикамъ или, какъ ихъ называли сторонники Розаса, къ «безбожнымъ измѣнникамъ», того убивали тутъ же, и тутъ же выставляли его голову. Если у этихъ несчастныхъ были жены и дочери, то онѣ отдавались масхоркамъ, которые, обезчестивъ ихъ, вдоволь натѣшившись надъ ними, безжалостно убивали эти жертвы своей низкой прихоти. Масхорки умѣли придумывать страшныя казни; такъ напри-

мѣръ, они зашивали уніонистовъ въ сырыя бычачьи шкуры и оставляли ихъ подъ лучами знойнаго солнца; медленно высыхала кожа — и несчастныя жертвы тирана кончали свою жизнь въ страшныхъ мученіяхъ....

Англійскій и французскій уполномоченные думали было положить конецъ ужаснымъ драмамъ, но ихъ энергическіе протесты остановили руки убійцъ только на время, а Розасъ, добрый, великодушный Розасъ, смиренно объявилъ имъ, что онъ ничего не зналъ о злодѣяніяхъ, ежедневно совершаемыхъ на его глазахъ и къ нимъ онъ нисколько не причастенъ!??....

Офиціально извѣстно, что Розасъ истребилъ своихъ враговъ только до конца 1843 года (позже неизвѣстно настоящее число жертвъ) слишкомъ «двадцать двѣ тысячи», изъ которыхъ четверо погибли отъ яда, 722 убиты тайно, 3,765 зарѣзаны; 1,393 человѣкъ застрѣлены, а остальные убиты военно-плѣнными. Болѣе десяти тысячъ человѣкъ эмигрировало въ Уругвай, Боливію, Перу, Чили и Бразилію.

Большая казнь въ темницѣ Сан-Лукаръ, близъ Буеносъ-Айреса, была для Розаса истиннымъ празднествомъ; онъ пріѣзжалъ туда съ толпою своихъ дикихъ друзей, и въ то время, когда солдаты истребляли заключенныхъ, изверги пѣли «ресбалосъ» (resbalos), особую пѣсню, сочиненную для подобныхъ случаевъ. Кто шелъ на казнь спокойно — тотъ умиралъ тотчасъ же, а кто рѣшался произнести противъ тирана дурное слово, тотъ подвергался прежде смерти разнымъ истязаніямъ.

Для чествованія «великаго спасителя конфедераціи», какъ называли Розаса, время отъ времени учреждались въ Буеносъ-Айресѣ разныя празднества; въ извѣстные дни портретъ Розаса былъ возимъ на великолѣпной колесницѣ по улицамъ столицы первыми гражданами города и красивѣйшими дамами, затѣмъ его подвозили къ собору, гдѣ ставили на главномъ алтарѣ между священными изображеніями Спасителя и Божьей Матери, причемъ духовенство кадило и молилось о благоденствіи «божественнаго» мужа Розаса и произносило его имя на ряду съ святѣйшими именами. Вотъ до чего упала въ то время общая нравственность, до чего дошло честолюбіе изверга! Тѣхъ священниковъ, которые не хотѣли почему либо участвовать въ этихъ богохульныхъ празднествахъ, Розасъ приказывалъ немедленно растригать и предавать смерти. Какая месть и ненависть кипѣла въ гражданахъ къ этому человѣку, который, повергнувъ къ своимъ ногамъ человѣколюбіе, честь и справедливость, рѣшился еще богохульствовать; но ненависть эта была безсловесная и чувства мести таились въ сердцѣ. Всѣ высказывали свои мысли и чувства шепотомъ, въ кругу очень близкихъ и вѣр-

ныхъ друзей; а передъ Розасомъ—тѣ же люди сгибали спины, безропотно выслушивали его декреты и слѣпо повиновались малѣйшей его фантазіи....

Между тѣмъ Розасъ продолжалъ дѣятельную войну съ Уругваемъ, совершенно забывъ о трактатѣ 1840 года, и во что бы то ни стало желалъ подчинить себѣ это государство, также какъ и Парагвай.

Аргентинскія войска наводнили Уругвай; все было уже ими забрано: одинъ только Монтевидео еще сопротивлялся войскамъ и флоту Розаса. Бразилія съ опасеніемъ слѣдила за этою неровной борьбою, потому что уничтоженіе независимости Уругвая и его присоединеніе къ Аргентинской конфедераціи было бы для нея очень не выгодно.

При такихъ безпрерывныхъ войнахъ не мало страдала иностранная торговля; уже много разъ англійскіе купцы подавали своему правительству жалобы, прося его вмѣшаться въ дѣла Ла-Платскихъ республикъ. Въ 1844 году, Англія рѣшилась наконецъ вмѣшаться въ южно-американскія дрязги, пригласивъ съ собою и Францію; отъ обѣихъ этихъ державъ посланы были въ Буеносъ-Айресъ уполномоченные, которые и предъявили Розасу свои справедливыя требованія, объявивъ ему, что если онъ не исполнитъ ихъ, то они принуждены будутъ прибѣгнуть къ силѣ. Они требовали, чтобы Розасъ призналъ Уругвай и Парагвай самостоятельными государствами и отказался бы отъ всякаго на нихъ притязанія. Розасъ смѣло и рѣшительно объявилъ посламъ, что ни въ какихъ случаяхъ не позволитъ европейцамъ вмѣшиваться въ дѣла Ла-Платскихъ республикъ и ни за что въ свѣтѣ не станетъ повиноваться прихотямъ европейскихъ державъ, желающихъ, повидимому, предписывать Америкѣ законы. Вслѣдствіе этого рѣшительнаго отвѣта послѣдовало, въ 1845 году 18 сентября, объявленіе войны какъ Франціи, такъ и Англіи. Союзники немедленно блокировали Буеносъ-Айресъ, завладѣли небольшою аргентинскою эскадрою, стоявшею у Монтевидео, осадили островъ Мартинъ-Гарсіа и вообще повели первое время дѣло очень энергично. Розасъ продолжалъ настойчиво сопротивляться и терпѣливымъ выжиданіемъ до того утомилъ, наконецъ, союзниковъ, что они немедленно пожелали окончить эту дорого стоющую имъ войну.

Съ этою цѣлью присланъ былъ въ Буеносъ-Айресъ (въ 1849 г.) англичанинъ Самуэль Гудъ, который и заключилъ съ Розасомъ перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ военныя дѣйствія съ Уругваемъ должны быть прекращены, причемъ должна быть дарована общая амнистія; англичане и французы обязаны снять съ Буеносъ-Айреса блокаду и возвратить островъ Мартинъ-Гарсіа. При исполненіи этихъ условій

явились вдругъ большія затрудненія, принудившія возобновить переговоры; новый уполномоченный Англіи, лордъ Гоуденъ, получилъ приказаніе покончить съ войною, вслѣдствіе неудовольствія Англіи противъ Франціи, принявшей враждебное англійскимъ интересамъ участіе въ итальянскихъ и швейцарскихъ дѣлахъ, и немедленно отозвать отъ Буеносъ-Айреса англійскую эскадру, предоставивъ такимъ образомъ одной Франціи выпутаться изъ ла-платскихъ дрязгъ.

Въ это же время вспыхнула во Франціи революція и французскій уполномоченный, графъ Валевскій, получилъ приказаніе принять трактатъ, подписанный Англіей и Розасомъ, по которому послѣдній получилъ право назначить уругвайскимъ президентомъ своего друга Орибе, и могъ запретить свободное плаваніе по рѣкѣ Паранѣ.

Такъ прошло время до 1851 года. Розасъ, повторявшій черезъ опредѣленные промежутки времени свою комедію отказа отъ президентства, чтобы получить еще большія права и почести, вздумалъ и въ этомъ году также явиться передъ депутатами съ слѣдующею рѣчью: «Мои тѣлесныя силы до того ослабѣли, что мнѣ невозможно вести дѣла Аргентинской республики при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ».... Но на эту лицемѣрную рѣчь Розасъ получилъ отъ генерала Уркизы, губернатора провинціи Энтръ-Ріосъ, чрезвычайно ловкій отвѣтъ, который отбилъ у диктатора на будущее время охоту прибѣгать къ подобнымъ комедіямъ.

«Было бы жестоко, обратился Уркиза къ депутатамъ, взваливать тяжесть правленія на великодушнаго президента, черезъ что здоровье его можетъ, пожалуй, еще больше пострадать.... Этимъ онъ народу мало услужитъ: при нездоровьи президента интересы страны могутъ сильно потерпѣть и ея благосостоянію угрожаетъ опасность».... Къ голосу Уркизы присоединился голосъ губернатора Корріентеса—генерала Фирасоро; моментально вспыхнулъ въ конфедераціи сильный мятежъ; вся страна огласилась криками ненависти противъ тирана, на которые энергично отвѣчали всѣ аргентинскіе эмигранты.

Уркиза далъ народу слово привести въ исполненіе трактатъ 4 января 1831 года, устранить всѣ препятствія къ развитію внѣшней и внутренней торговли и промышленности, далъ слово даровать миръ странѣ, потрясаемой двадцатилѣтними гоненіями, безпорядками и убійствами, обѣщалъ свергнуть тирана съ трона, созданнаго изъ труповъ жертвъ дикаго и свирѣпаго гаучо. «Я обѣщаю народу», писалъ Уркиза, «конгрессъ и конституцію, свободу и прогрессъ»!

Со всѣхъ сторонъ съ радостью и энтузіазмомъ приняли обѣщанія Уркизы; но, къ несчастью, остальныя провинціи, управляемыя людьми,

тайно связанными съ тиранамъ и подъ присягою подчинившимися его деспотической власти, не могли отвѣтить на призывъ къ оружію, сдѣланный губернаторами Энтръ-Ріоса и Корріентеса.

29 мая 1851 года, эти двѣ провинціи и Уругвай заключили съ Бразиліею оборонительный и наступательный союзъ съ цѣлью доставить Уругваю, разоряемому десятилѣтнею междоусобною войною, прочный миръ и вытѣснить навсегда изъ республики генерала Орибе, осаждавшаго Монтевидео уже около девяти лѣтъ, во главѣ 12 тысячнаго войска.

Въ силу трактата 1851 года, Уркиза двинулся немедленно, во главѣ 5 тысячъ кавалеріи, къ Уругваю, перешелъ 20 іюля рѣку Уругвай, противъ Пайсанду и, не теряя времени, бросился на генерала Орибе, сосредоточившаго свои силы въ укрѣпленіи Серрито, подъ стѣнами Монтевидео. Въ $2^1/_2$ мѣсяца окончился этотъ походъ, доставившій Уркизѣ большое торжество; Орибе бѣжалъ къ Розасу, а республика Уругвай была освобождена отъ честолюбивую Розаса, причемъ не пролито было ни одной капли крови.

Окончивъ дѣла въ Уругваѣ [1]), союзники двинулись къ Буеносъ-Айресу съ цѣлью низвергнуть тирана съ трона; 22 января 1852 года, армія освободителей перешла границу этой провинціи и направилась къ столицѣ, не встрѣтивъ на дорогѣ никакого сопротивленія. Розасъ сосредоточилъ было сперва свои силы въ Сантъ-Гукаръ, лежащемъ вблизи Буеносъ-Айреса, но затѣмъ передвинулся, 1 февраля, впередъ и занялъ выгодную и крѣпкую позицію на возвышенности Монте-Козеросъ. 3 февраля, Уркиза повелъ аттаку и послѣ пятичасовой битвы обратилъ въ бѣгство войска диктатора, которыя, разрозненными толпами, бросились на собственный городъ и начали въ немъ грабежъ; граждане и иностранцы должны были взяться за оружіе противъ своихъ же защитниковъ. Уркиза, вступивъ въ столицу, перевѣшалъ нѣсколько сотенъ этой сволочи, въ числѣ которыхъ находились главные помощники диктатора, бѣжавшаго въ то время на иностранномъ суднѣ въ Англію; вся пло-

---

[1]) 21 ноября 1851 года, провинціи Э. Р. и Кор., респ. Уругвай и Бразилія подписали новый трактатъ, по которому назначены были коммисары для проведенія между Бразиліею и Уругваемъ демаркаціонной линіи, объявлена общая амнистія и обѣщано возвращеніе конфиск. имѣній; торговля объявлена на свободныхъ началахъ; подданные всѣхъ подписавшихся государствъ могутъ жить въ той или другой странѣ и вести свои дѣла, не платя никакой повинности и не опасаясь быть завербованнымъ въ военную службу и т. д. Финансы Уругвая до того были плохи, что тамъ не могло существовать никакое правительство, и Бразилія обязывалась трактатомъ помогать ему, выдавая ежегодно (съ 21 ноября 1851 г.) по 50 т. піастровъ во все время продолженія войны.

щадь Викторіи была увѣшана трупами друзей Розаса, которымъ Уркиза не давалъ никакой пощады. Граждане, сбросившіе съ себя позорныя цѣпи, привѣтствовали побѣдителя при Монте-Казеросъ именемъ «освободителя»; Уркиза принялъ предложенный ему, собравшимися депутатами, титулъ временнаго правителя Аргентинской конфедераціи и немедленно созвалъ губернаторовъ провинцій на общій съѣздъ съ цѣлью заняться образованіемъ новаго правительства и благоустройствомъ страны.

Сборнымъ мѣстомъ приглашенныхъ губернаторовъ былъ назначенъ самый сѣверный городъ провинціи Буеносъ-Айресъ — Санъ-Николасъ делосъ-Аройосъ, расположенный на берегу Параны. Послѣ десятидневнаго совѣщанія, объявлена была, 30 мая 1852 года, конвенція, подтверждавшая главныя основы трактата 4 января 1831 года.

Всѣ провинціи, кромѣ Буеносъ-Айреса, единодушно приняли эту конвенцію, потому что видѣли въ ней исполненіе своего пылкаго желанія; Буеносъ-Айресъ же, видя въ той конвенціи ограниченіе своей власти, дарованной ей Розасомъ, рѣшительно отказался ее принять; граждане столицы начали желать не только перемѣны властителя, но требовали также прежнихъ своихъ свободныхъ и гегемоническихъ учрежденій.

Жестокость, съ которою Уркиза велъ легкую войну, безчисленныя казни друзей Розаса, своевольное запрещеніе, наложенное на найденное имъ въ Буеносъ-Айресѣ государственное и частное имущество — все это пугало гражданъ столицы, которые смотрѣли на Уркизу, какъ на преемника Розаса. Такимъ образомъ, конвенція Санъ-Николасъ подала поводъ къ продолжительнымъ и жестокимъ распрямъ; граждане Буеносъ-Айреса принудили подать министерство въ отставку и такъ враждебно отнеслись къ своему губернатору, что тотъ, не имѣя энергіи удержать власть въ своихъ рукахъ, отказался отъ должности и удалился изъ столицы.

Временной правитель Уркиза понялъ всю важность этихъ событій, для будущности страны, и, опираясь на пунктъ 14 конвенціи Санъ-Николасъ [1]), распустилъ камеру представителей и силою оружія возстановилъ отставленнаго губернатора. Буеносъ-Айресъ молча перенесъ этотъ ударъ своему первенству — и спокойствіе водворилось, но ненадолго; граждане столицы выжидали только удобнаго случая, чтобы снова возстать противъ ограничителей ихъ власти. Случай этотъ не замедлилъ представиться: и тогда снова начались безпорядки, кончившіеся тѣмъ, что буеносъ-айресская провинція осталась отдѣльною.

[1]) 14 пунктъ конвенціи давалъ правителю право прибѣгать ко всѣмъ необходимымъ мѣрамъ для достиженія внутренняго порядка и поддержанія властей, поставленныхъ закономъ.

До 1859 года провинція Буеносъ-Айресъ довольствовалась своимъ отдѣленіемъ и ничего не замышляла противъ Аргентинскаго союза; но въ этомъ году явился на сцену генералъ Бартоломео Митре, губернаторъ столицы, который во что бы то ни стало задумалъ поставить свою провинцію опять во главѣ Аргентинской республики; но онъ встрѣтилъ своимъ замысламъ сильное сопротивленіе въ провинціяхъ Корріентесъ и Энтр-Ріосъ, во главѣ которыхъ сталъ президентъ Уркиза. Тогда Митре соединился съ уругвайскимъ президентомъ Флоресомъ и послѣ страшной междоусобной войны достигъ наконецъ своей цѣли (въ 1860 г.), провозгласилъ себя президентомъ и сталъ съ этого времени руководствовать политикой союза, по своимъ собственнымъ преданіямъ, для своихъ собственныхъ интересовъ.

Замѣнившій его нынѣшній президентъ Доминго Сарміенто родился въ 1811 году, въ городѣ Санъ-Жуанѣ, находящемся въ провинціи того же имени, лежащей у самой чилійской границы. Какъ всѣ замѣчательные люди Аргентинской республики, онъ всю свою молодость сражался противъ тираніи Розаса и ему подобныхъ людей; первое время Сарміенто не посчастливилось: преслѣдуемый, какъ политическій преступникъ, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Чили, гдѣ прожилъ болѣе восьми лѣтъ, трудомъ снискивая себѣ пропитаніе, занимаясь на рудокопняхъ. Въ 1836 году Сарміенто вернулся въ отечество, основалъ въ своемъ родномъ городѣ первую школу для дѣвушекъ и сталъ издавать журналъ «Yonda». Розасъ, которому было невыгодно, чтобы народъ просвѣщался, началъ преслѣдовать Доминго, и если бы тотъ не успѣлъ бѣжать во второй разъ въ Чили, то былъ бы навѣрное убитъ или посаженъ въ страшную тюрьму Санъ-Лукаръ. Въ Чили Сарміенто прожилъ недолго; его тянуло туда, гдѣ бы онъ могъ изучить все относящееся къ вопросу объ образованіи. Сперва онъ посѣтилъ Соединенные Штаты, а затѣмъ и Европу, гдѣ познакомился съ Тьеромъ и Гизо. Возвратившись въ Чили, онъ напечаталъ отчетъ о своемъ путешествіи и въ то же время основалъ библіотеку для школъ; но все время его озабочивала судьба отечества, страдавшаго подъ ненавистнымъ игомъ Розаса, и, въ 1851 году, онъ наконецъ рѣшился бросить свои труды и упроченное состояніе, и явился на помогу аргентинцамъ, возставшимъ въ то время противъ диктатора. По сверженіи Розаса, Сарміенто, преслѣдуемый Уркизой, опять удалился въ Чили и прожилъ тамъ до 1859 года, то есть до года, когда генералъ Митре сдѣлался президентомъ всей Аргентинской республики. По возвращеніи въ Буеносъ-Айресъ, онъ сдѣланъ былъ, въ 1860 году, министромъ внутрен-

ныхъ дѣлъ; вскорѣ (1862 году) онъ назначенъ былъ губернаторомъ провинціи Санъ-Жуанъ, но управлялъ ею недолго, потому что ему предложено было отправиться въ Соединенные Штаты посланникомъ. Возвратившись въ Буеносъ-Айресъ, Сарміенто сдѣлался губернаторомъ провинціи того же имени, а вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ, въ 1868 году, значительнымъ большинствомъ голосовъ, въ президенты Аргентинской республики.

ГЛАВА XVII.

ОТЪ БУЕНОСЪ-АЙРЕСА ЧЕРЕЗЪ МАГЕЛЛАНОВЪ ПРОЛИВЪ ВЪ ВАЛЬПАРАЙЗО (ВЪ ЧИЛИ).

Свѣтло-Христово Воскресенье. — Матросскія игры. — «Корветскіе чиновники». — Опять въ океанѣ! — Штормъ, качка и ночныя развлеченія въ непогоду. — Разсказъ Хрѣнова. — Андронычъ. — Какъ онъ попалъ въ матросы.

Пасху пришлось намъ встрѣтить въ Буеносъ-Айресѣ; въ страстную субботу всѣ добрые христіане были уже на корветѣ, чтобы въ общей морской семьѣ встрѣтить великій праздникъ, или, какъ матросики говорили, «праздникъ всѣмъ праздникамъ». Всѣ забыли на время береговыя удовольствія, забыли и буеносъ-айресскихъ красавицъ, ихъ плѣнительные глаза, стройныя таліи и съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія торжественнаго момента, ждали такъ, какъ никто, можетъ быть, изъ насъ не ждалъ его на родинѣ: далеко отъ родныхъ, брошенные неумолимою рукою судьбы въ среду незнакомыхъ намъ людей, не сочувствующихъ нашимъ радостямъ и горю, невольно встрѣчаешь праздники, даже самые маленькіе, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которое трудно объяснить, но которое испыталъ навѣрное каждый путешественникъ, оставившій на долгое время свою родную семью и родину.

Всѣ на корветѣ, начиная отъ капитана и кончая самымъ послѣднимъ матросомъ, дѣятельно готовились къ встрѣчѣ великаго праздника, Свѣтло-Христова Воскресенья; всѣ принарядились въ лучшія праздничныя платья, всѣмъ хотѣлось достойно почтить этотъ торжественный праздникъ всего христіанскаго міра!....

Въ то время, когда кругомъ корвета царствовала глубокая тишина, нарушаемая изрѣдка всплесками набѣгающихъ на борта волнъ, въ жи-

лой палубѣ кипѣла необыкновенная дѣятельность, доказывавшая съ какимъ нетерпѣніемъ матросики и офицеры ждали наступленія великаго торжества; весь корветъ былъ ярко освѣщенъ; куда ни посмотришь, все глядѣло какъ-то радостно, празднично.... Наша скромная походная церковь была уже собрана; все населеніе корвета съ благоговѣніемъ ожидало начала богослуженія, правда, столь же скромнаго, какъ и церковь, но все-таки очень торжественнаго для насъ, добровольныхъ изгнанниковъ.....

Богослуженіе началось; торжественные гимны проникали въ самое сердце, и каждый съ невольнымъ умиленіемъ преклонялъ передъ Всевышнимъ колѣна и съ жаромъ возносилъ къ небу свои простыя молитвы..... Многимъ, я думаю, вспоминалось то счастливое время, когда они встрѣчали этотъ торжественный праздникъ въ кругу своей семьи, и у многихъ, вслѣдствіе этого дорогаго воспоминанія, выкатилась горячая слеза, незамѣтно капнувшая на чисто вымытую палубу или же поспѣшно пойманная на полпути и скрытая въ рукѣ, чтобы товарищи не замѣтили эту невольную слабость; но товарищамъ куда замѣтить, когда они сами, также украдкою, ловятъ катящуюся по загорѣлымъ щекамъ слезу, когда они сами перенеслись на дорогую родину, вспомнили о собравшемся въ подобный моментъ кругѣ близкихъ и дорогихъ сердцу, которые не забудутъ навѣрное вспомнить объ отсутствующемъ ихъ другѣ и родственникѣ.... Но вотъ раздались давно ожидаемыя радостныя слова «Христосъ воскресъ»! Тихо, торжественно и съ умиленіемъ пронесся съ одного конца палубы до другаго отвѣтный возгласъ на радостное привѣтствіе, подтвержденіе великой и святой истины....

По окончаніи богослуженія началось братское христосованье; во всѣхъ концахъ палубы слышались сердечныя поздравленія съ торжественнымъ, великимъ праздникомъ.

— Ну, Архипушка, Христосъ воскресе, проговорилъ Михайло, подходя къ своему односельцу съ распростертыми объятіями и съ радостнымъ, веселымъ лицомъ.

— Во-истину воскресе, Миша, отвѣтилъ Архипъ, дружно обнимаясь съ Михайломъ и трижды крѣпко съ нимъ цѣлуясь.

— Сподобилъ Господь и намъ встрѣтить Свѣтло-Христовъ праздникъ, началъ Михайло послѣ окончанія христосованья, а какъ-то наши тамотка, въ деревнѣ?.... Подикось тоже въ храмѣ таперича, аль ужъ и въ избѣ за сдобнымъ калачемъ сидятъ.... При этомъ воспоминаніи веселое лицо Михайлы омрачилось грустною думкою.

*

— Точно, Миша, таперича въ деревнѣ тожъ, подикось, праздникъ великій, проговорилъ какъ-то грустно Архипъ; смотри, дѣвки разряженныя по селу таперича ходятъ, пѣсни поютъ, съ парнями христосаются, а мы-то что, безшабашные.... А скажи, Миша, вдругъ тревожно добавилъ Архипъ: подикось, Дунька вить тожъ таперича съ парнями христосается?....

— Знамо христосается, отвѣтилъ какъ-то не хотя Михайло.

— Ахъ ты бѣда!.... А я такъ думаю, прибавилъ Архипъ послѣ короткаго раздумья, что она того, то есть, значитъ, рыла своего парнямъ не подставляетъ?!....

— Почемъ знать.... можа и подставляетъ....

— Да вить она, измѣнница, зарокъ мнѣ дала, когда въ некрута шелъ, што она съ парнями не только што нибудь такое, но даже словомъ ласковымъ не перебросится.

— Што-жъ, что дала....

— Значитъ и твоя Танька тожъ рыло свое всѣмъ парнямъ подставляетъ? — проговорилъ злобно Архипъ.

— Моя Танька?!.... переспросилъ сурово Михайло, нѣтъ, шалишь, не посмѣетъ, потому какъ вернусь въ деревню,—всѣ ей косы повыдергаю....

— А Дунька, ты думаешь, посмѣетъ?.... тоже не посмѣетъ, потомъ я не спущу, ей-Богу, не спущу....

— Полно, Архипъ, началъ увѣщевать своего друга Михайло, зачѣмъ праздникъ Божій такими словами встрѣчать, лучше пойдемъ разговляться, вишь, уже товарищи за столами сидятъ.

И дѣйствительно, вокругъ подвѣшанныхъ столовъ чинно сидѣли уже матросики и разговлялись тѣмъ, что Богъ послалъ; шли веселые разговоры: кто вспоминалъ свою деревню, кто Кронштадтъ, и каждый, повидимому, былъ очень счастливъ своимъ дорогимъ воспоминаніемъ.... Вскорѣ въ палубѣ наступила полная тишина; матросики разбрелись по койкамъ....

Въ воскресенье устроены были различныя игры; съ самаго утра старые матросы думали какъ-бы потѣшиться надъ молодыми и посмѣяться надъ ихъ неловкостью.

Чтобы окончательно познакомить читателей съ матросскимъ бытомъ, рѣшусь описать этотъ веселый воскресный день съ тою же подробностью, съ какою раньше я уже описалъ ихъ будничный, рабочій день. Матросъ въ веселомъ настроеніи духа, въ праздничный свободный день, совершенно не похожъ на себя, когда онъ занятъ какимъ нибудь, хотябы самымъ пустымъ, дѣломъ; онъ умѣетъ повеселиться, но, разумѣется,

повеселиться по своему; онъ любитъ сильныя ощущенія и, какъ увидите, получаетъ ихъ въ своихъ своеобразныхъ играхъ.

Во время игръ душа матросовъ на распашку; въ это веселое для нихъ время характеры всѣхъ обрисовываются со всѣми оттѣнками, съ хорошей или дурной стороны. Матросъ вообще, большею частью, лицемѣрить не любитъ, а тѣмъ менѣе въ веселомъ настроеніи духа:. всѣ его недостатки, ошибки, пороки или хорошія качества проникаютъ сквозь всѣ его поры, словомъ, онъ становится совершенно не такимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ наканунѣ и какимъ будетъ завтра, когда потечетъ его суровая, многотрудная дѣятельность, когда ему не будетъ времени не только перекинуться съ товарищемъ веселымъ словцомъ, но даже какъ слѣдуетъ поѣсть, поспать и вообще отдохнуть отъ постоянной работы, бѣготни и суеты, безъ которыхъ не обходится ни одинъ переходъ внѣ тропиковъ, между тѣмъ какъ плаваніе, какъ извѣстно уже читателямъ, въ этихъ предѣлахъ для матроса — рай, цѣлый рядъ веселыхъ праздниковъ....

Послѣ краткой обѣдни, хорошаго, сытнаго обѣда и славной высыпки, по корвету поднялся веселый и шумный говоръ — предвѣстникъ хорошаго настроенія команды.

— Какъ играть будемъ? спрашивали другъ друга матросики.

— Давайте въ «рыбку», предлагали старые, тертые калачи, матросы впередъ радуясь тому, какъ-то будутъ отдѣлываться своими боками молодые, не обтертые еще ихъ товарищи.

— Въ рыбку, такъ въ рыбку, рѣшило нѣсколько голосовъ.

— А кто со мною на бакъ пойдетъ, пѣсни пѣть и плясать, предложилъ Храмцовъ, страстный любитель подобнаго развлеченія.

Явились охотники пѣсни пѣть и плясать; такимъ образомъ понемногу разбились матросики на многочисленныя группы и предались своимъ незатѣйливымъ удовольствіямъ. На шканцахъ удалось расчистить небольшое мѣсто для игры въ «рыбку», конечно не совсѣмъ удобное вслѣдствіе стоящихъ повсюду орудій; но матросъ не взыскателенъ: было-бы гдѣ только ему повеселиться, а объ удобствахъ онъ и не заикнется, потому что онъ привыкъ къ неудобствамъ.... Что ему за дѣло, если онъ посадитъ себѣ на лобъ лишнюю шишку, свихнетъ лишній разъ ногу или руку или, наконецъ, ушибетъ немного бокъ или грудь, когда онъ вдоволь повеселится, когда онъ съумѣетъ все-таки развлечь себя и забыть на нѣсколько часовъ свою трудную, суровую и опасную службу, когда онъ перенесся въ своихъ играхъ на дорогую матушку-родину, вспомнилъ все родное и близкое къ сердцу.....

И такъ, на шканцахъ началась игра въ «рыбку» [1]), веселая для тертыхъ калачей-матросовъ, ловкихъ, хитрыхъ, знающихъ свое дѣло, и чувствительная—для молодыхъ, которые, по своей неловкости и неопытности, бываютъ постоянно въ этой игрѣ страдательными лицами, между тѣмъ какъ первые представляютъ только лица, ловко дѣйствующія своими здоровыми жгутами. Не успѣетъ новичекъ повернуться въ одну сторону, какъ на него сыплется градъ ударовъ съ другой; только что онъ обращается лицемъ къ нападающимъ, какъ уже другіе сыплютъ ему въ спину ударъ за ударомъ и полосуютъ бѣднягу такъ, что небо кажется ему съ овчинку. Бываютъ случаи, что подобный неопытный рыболовъ промается цѣлый часъ, выбьется изъ силъ, а все-таки не удастся ему запятнать хоть кого нибудь изъ товарищей; его исполосуютъ такъ, что, раздѣвшись, онъ походитъ на татуированнаго дикаря. Случается, что попадаетъ и бывалымъ, опытнымъ матросамъ, но рѣдко, и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Матросики эту игру любятъ, потому что она доставляетъ имъ желаемыя сильныя ощущенія, волнуетъ и разжигаетъ кровь, пріучаетъ къ ловкости и терпѣнію....

Въ то время, какъ на шканцахъ матросики полосовали другъ другу спины, на бакѣ гремѣли пѣсни и вѣтеръ далеко разносилъ родные звуки. Лихой Храмцовъ, въ шапкѣ на затылкѣ, отплясывалъ подъ звуки пѣсни такого трепака, что любо-дорого было смотрѣть; палуба стонала подъ его сильными, выбивающими дробь, ногами; его здоровенныя посвистыванья слышались съ бака на ютѣ. То ловко выкидывалъ онъ ногами, то вскакивалъ и, браво подбоченясь, ходилъ гоголемъ, то, наконецъ, засвиститъ соловьемъ-разбойникомъ, гаркнетъ и лихо закружится въ веселой, удалой пляскѣ....

Толпа матросовъ съ видимымъ удовольствіемъ любовалась лихимъ плясуномъ и невольно семенила ногами, какъ-бы желая сейчасъ пуститься

[1]) Игра въ рыбку заключается въ слѣдующемъ: на извѣстной высотѣ привязывается веревка такъ, что она образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ гигантскіе шаги. Одинъ изъ играющихъ, по жребію, берется за свободный ея конецъ и представляетъ обороняющееся существо, между тѣмъ какъ другіе, имѣя въ рукахъ по здоровому жгуту, представляютъ нападающую партію. Они всѣми силами стараются приблизиться къ обороняющемуся и нанести ему жестокій ударъ по спинѣ, груди, бокамъ, рукамъ или ногамъ, но отнюдь не по лицу, что строго преслѣдуется всѣми играющими. Держащійся за веревку прыгаетъ, скачетъ, какъ полуумный, желая избѣжать сыплющіеся на него со всѣхъ сторонъ удары и въ то же время запятнать, ногою или рукою, котораго нибудь изъ своихъ товарищей; но при этомъ онъ можетъ дѣйствовать только въ кругу веревки, которую онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права выпустить изъ рукъ.

съ Храмцовымъ въ присядку и вспомнить деревенскіе хороводы; со всѣхъ сторонъ слышались одобренія и поощренія.

— Ай, лихо, Храмцовъ, молодчина! Ишь его, шельмецъ, какъ онъ того, ногами-то семенитъ, слышалось съ одной стороны.

— Прибавь жару, кричатъ съ другой, валяй, значитъ, во всѣ лопатки!

Весело гудитъ плясовая пѣсня; лихо отбиваетъ ей въ тактъ Храмцовъ трепака, носится, какъ вихрь, а кругомъ все еще слышится: «прибавь жару!» «Махни во всю удалую!» «Не жалѣй ногъ!» и тому подобные поощрительные возгласы....

Наконецъ пѣсня умолкла—и Храмцовъ, облитый потомъ, остановился какъ вкопанный, лихо подбоченясь и удало взбросивъ чуть-ли не до марса свою фуражку. Со всѣхъ сторонъ посыпались на ловкаго плясуна похвалы и одобренія; нѣкоторые матросики, въ порывѣ восторга, дарили Храмцову свои чарки водки и умилились до такой степени, вспомнивъ матушку Россію, что даже прослезились.

— Ишь его, какъ онъ-то «русскую» отхватилъ, любо, да и только, разсуждали между собою матросики, лихо, что ни на есть, значитъ по нашенски....

— А я, значитъ, гляжу на Храмцова, говоритъ грустно Архипъ своему товарищу Михайлѣ, да и думаю: эхъ, кабы Дунька здѣся была — право и въ Рассею не надо, а безъ бабы трудненько, неча сказать:

— Трудненько-то трудненько, а все терпи, потому подъ началомъ находишься, увѣщевалъ Михайло, а какъ будешь амираломъ, такъ тогда вози бабу свою съ собой сколько хошь...... Таперча што ни захоти, а какъ начальство крикнетъ: не позволямъ!.... и шабашъ — лучше не хоти; а какъ амираломъ будешь, да крикнешь: «я молъ хочу и нраву мому не препятствуйте!» — и всѣ ни гу-гу, только разѣ гаркнутъ: «слушаемъ, ваше высокопревосходительство! рады стараться!».... потому амиралъ — сила, супротивъ его ничего не подѣлаешь, а тебѣ какъ разъ сотню, другую влѣпятъ, да третью еще надбавятъ, если ты того, значитъ, маненько заупрямишься.

— Ужъ и не говори, Миша, лихо быть амираломъ—его и мертвецъ даже пужается, какъ, помнишь, онамнясь Козловъ въ сказкѣ разсказывалъ....

— Эй, вы, маршъ сюда, послышался призывъ Якова Матфеича, я вамъ задачу задамъ.... кто ее рѣшитъ, тому отъ меня чарка, а кто не рѣшитъ, тотъ мнѣ свою отдастъ....

— Задавай, задавай, раздалось нѣсколько голосовъ, и около Якова Матфеича собралась порядочная кучка молодыхъ матросовъ, изъ которыхъ многіе заранѣе уже облизывались обѣщанною чаркою. Сюда же подошелъ и Михайло съ Архипомъ.

— Задача моя, братцы, больно не трудна, а ужъ это я вамъ удружить хочу, чаркою подарить, говорилъ Яковъ Матфеичъ, хитро улыбаясь, видите-ли вотъ стоитъ бакъ съ водою, только-что изъ-за борта досталъ.... Правда, вода немного и грязна, но ничего, потому нечайно грязи въ ведро захватилъ (вралъ шельмецъ).... Въ бакѣ, видите-ли, стериновая свѣча плаваетъ.... такъ вотъ что, братцы, кто эту самую, заложивши руки назадъ, свѣчу зубами за средину схватитъ, тому моя чарка, а кто съ трехъ разъ промахнется, пусть мнѣ свою отписываетъ.

— Вотъ такъ задача, ха, ха, ха, захорохорился Архипъ, выступая впередъ, да я вамъ, Яковъ Матфеичъ, сотню свѣчей зубами переловлю.

— Ну подходи, проговорилъ насмѣшливо Яковъ Матфеичъ, только смотри, зубья не застуди.

Архипъ сталъ передъ бакомъ на колѣни, заложилъ назадъ руки, нагнулся и началъ ловить зубами свободно плавающую стеариновую свѣчу; но сколько онъ ни бился, какъ ни ухитрялся — ничего не выходило: только что онъ приближалъ губы къ поверхности воды, какъ свѣча моментально погружалась и Архипъ не успѣвалъ даже до нея дотронуться зубами. То онъ старался поймать ее осторожно, постепенно погружая въ воду только лицо, то думалъ схватить ее быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ, причемъ окуналъ въ воду почти всю голову; но напрасный трудъ, напрасное желаніе пріобрѣсть лишнюю чарку водки.

Со всѣхъ сторонъ посыпались на Архипа колкія насмѣшки его товарищей, которымъ повидимому онъ постоянно досаждалъ своимъ глупымъ хвастовствомъ.

— Не суйся, дружище, съ немытымъ рыломъ въ калашный рядъ, говорили съ одной стороны.

— Братцы, глядите-ко, онъ, кажись, всю свѣчу съѣсть хочетъ.... штобъ она, того, поперегъ глотки ему не стала, слышалось съ другой.

— Ишь его, бѣсъ подери, точно какъ собака на кость, такъ Архипъ на свѣчу бросается.... вотъ кабы таперича жгутомъ по спинѣ его хлобыснуть, толковали третіе, съ презрѣніемъ поглядывая на хвастливаго Архипа.

— Ну, поди, довольно съ тебя, проговорилъ наконецъ Яковъ Матфеичъ, который разъ пытаешься, а все ничего не сдѣлалъ: чарка, значитъ, за тобою.

— Нѣтъ, шалишь, вскрикнулъ злобно измученный Архипъ, потерявъ въ азартѣ даже уваженіе къ начальству, какимъ считалъ себя Яковъ Матфеичъ, чарка моя тебѣ не даромъ достанется.... ужъ я свѣчу, окаянную, поймаю во что бы то ни стало, изловлю ее, шельмовскую, хотя бы издохнуть пришлось надъ бакомъ....

И онъ, чуть-ли не въ десятый разъ нагнулся опять къ свѣчѣ и сталъ прицѣливаться, какъ-бы схватить ее поудобнѣе.... Въ это время подскочилъ къ нему сзади одинъ изъ желающихъ попытать свое искусство, которому, повидимому, сильно надоѣло ждать своей череды, схватилъ Архипа за его жирный затылокъ и погрузилъ голову хвастуна почти до самаго дна бака. Давъ время Архипу достаточно наглотаться грязной воды, школяръ выпустилъ изъ своихъ сильныхъ рукъ его голову и моментально скрылся въ толпѣ любопытныхъ.

Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что никто даже не пошевельнулся, чтобы вывести нахальнаго хвастуна изъ непріятнаго положенія; а когда онъ приподнялся, перепуганный, съ вытаращенными отъ удивленія и страха глазами, и сталъ отряхиваться, какъ утка, и отплевываться съ самыми уморительными гримасами, потому что не малое количество невкусной воды попало ему въ ротъ, то окружающіе разразились такимъ дружнымъ, веселымъ и задушевнымъ хохотомъ, который могъ бы, пожалуй, разсмѣшить мертвеца.

Въ этомъ здоровомъ, сердечномъ смѣхѣ матросики, казалось, даже забыли, что они далеко отъ своей родины, далеко отъ всѣхъ, кто дорогъ ихъ сердцу; настоящимъ они забыли на время прошедшее, между тѣмъ какъ будущее, тяжелое будущее, скрылось отъ нихъ, то же на время, за непроницаемымъ покровомъ.... Вѣдь Богъ вѣсть, сколько еще годовъ они не увидятъ родину, промаются, мыкая свое горе въ чуждыхъ намъ земляхъ, среди неизмѣримаго, бурнаго океана.... Посторонній, взглянувшій на внезапный порывъ веселости нашихъ матросовъ (а безъ этихъ порывовъ обойтись нельзя и ихъ бываетъ не мало), можетъ быть подумалъ: «какъ счастливы, какъ довольны своею участью эти добрые, честные люди! Горе не омрачаетъ ихъ лица; они поютъ, смѣются и веселятся; они живутъ настоящимъ, забывъ веселое прошедшее».... Но онъ жестоко ошибется, потому что матросъ никогда не забываетъ прошедшаго, сердце его ежечасно гложетъ тоска по родинѣ, въ чемъ легко убѣдиться, стоитъ только послушать ихъ грустные разговоры, которыми они обмѣниваются иногда въ тѣсномъ кругу товарищества. Тутъ бы онъ узналъ, тутъ бы онъ услышалъ, какъ часто вспоминаютъ матросики прошедшее, свою матушку-Россію, какъ часто ду-

маютъ они о своей деревнѣ, родныхъ и близкихъ сердцу, и эти тяжелыя думы навѣваютъ на нихъ грусть и тоску; они скучаютъ, вспоминая о своей родинѣ; они изливаютъ другъ другу свои сердечныя тайны, чтобы хоть сколько нибудь облегчить наболѣвшее сердце и душу.

Если же матросы иногда и веселятся, играютъ, смѣются, поютъ веселыя пѣсни, то это только порывы, желаніе забыться....

Охотнѣе всего поютъ матросики тѣ пѣсни, въ которыхъ то изливаютъ они свои чувства, то вспоминаютъ прошедшее, и это воспоминаніе ихъ подкрѣпляетъ, даетъ силу до конца испить «горькую чашу», потому что «прошедшее» напоминаетъ имъ о далекомъ, счастливомъ «будущемъ», когда они, вернувшись изъ труднаго, продолжительнаго плаванія, вновь увидятъ дорогія имъ мѣста и лица, вновь испытаютъ веселое «прошедшее».... Для нихъ это прошедшее не безвозвратно кануло въ вѣчность; нѣтъ, оно современемъ обновится, возвратится и будетъ «настоящимъ».... Впрочемъ, есть на корветѣ субъекты, въ родѣ Храмцова для которыхъ родина, родные и вообще все прошедшее—трынъ-трава которымъ кажется та земля лучше, гдѣ кабаковъ больше, тотъ ему землякъ, братъ и отецъ, кто угоститъ получше; но что-жъ дѣлать, нѣтъ правилъ безъ исключеній.... Если посадить одного изъ подобныхъ людей въ ящикъ, въ которомъ помѣстился бы, кромѣ него, еще неизсякаемый полштофъ водки и такого же свойства селедка, то онъ, кажется, былъ бы совершенно счастливъ и доволенъ своею участью; онъ даже и не подумалъ бы посмотрѣть, что дѣлается внѣ ящика, а потому и немудрено, что такихъ людей прошедшее нисколько не трогаетъ, его они забываютъ и довольствуются настоящимъ, благо была бы только водка, да закуска.. Однако вернемся назадъ. Архипъ своими уморительными гримасами развеселилъ всѣхъ: стоявшіе вблизи офицеры тихонько пересмѣивались, хитрый Яковъ Матфеичъ хохоталъ во все горло, а матросики дружно и громко ему вторили. Опять посыпались на бѣднягу со всѣхъ сторонъ колкія насмѣшки и остроты.

— Ну, таперича, Архипка нашъ, какъ есть, на свинью-Еремѣевну походитъ, котора вмѣсто пойла уксуса нахлебалась, смѣялись матросики. Наконецъ смѣхъ и шутки прекратились. Яковъ Матфеичъ обратился опять къ окружающимъ съ воззваніемъ испытать свою ловкость и счастье и поймать плавающую свѣчу. Охотниковъ вышло не мало, но сколько всѣ ни бились, сколько ни мучились—никакъ не могли поймать свѣчу и, въ концѣ концовъ, волею-неволею, должны были поплатиться своими чарками, причемъ единодушно рѣшили, что свѣча заговорена и самъ бы чортъ таперича ее не поймалъ!...

Такимъ образомъ хитрый Яковъ Матфеичъ выигралъ такое количество чарокъ, что чуть ли не двѣ недѣли получалъ двойную порцію водки, между тѣмъ какъ проигравшіе смотрѣли только, какъ онъ пилъ, да облизывались, точно коты передъ мясомъ....

Въ то время, когда нѣсколько человѣкъ бились до седьмаго поту, какъ выразился одинъ изъ проигравшихъ чарку, надъ окоянною свѣчею, два любителя сильныхъ ощущеній выдумали довольно оригинальную игру, заключающуюся въ слѣдующемъ: они сѣли верхомъ, лицомъ къ лицу, на весло, положенное на такой высотѣ, что ноги ихъ отстояли отъ палубы по крайней мѣрѣ на аршинъ, взяли въ руки по здоровому жгуту и, какъ два пѣтуха, проготовились къ жестокому бою. Смѣшно было смотрѣть на ихъ насупившіяся лица, заломленныя на затылокъ фуражки и замахнувшіяся правыя руки, изъ сжатыхъ пальцевъ которыхъ висѣли очень внушительные жгуты; они, повидимому, ждали только условленнаго сигнала, чтобы начать лупить другъ друга и сбросить ударами жгута противника съ весла.

Наконецъ раздался такъ страстно ожидаемый сигналъ: разъ, два, три, валяй! поданный третьимъ лицомъ, стоявшимъ на благородной дистанціи отъ сражающихся и съ видимымъ любопытствомъ поглядывавшимъ на сердитыхъ противниковъ. Разомъ опустились поднятыя руки, засвистѣли въ воздухѣ жгуты и градомъ посыпались взаимные удары, черезъ плечо, по спинѣ и лѣвому боку противника.

Оригинальный поединокъ продолжался почти десять минутъ; все это время слышался только свистъ подымаемыхъ и опускаемыхъ жгутовъ, звукъ здоровенныхъ ударовъ, прерывистое дыханіе распѣтушившихся матросовъ и—больше ничего; ни одинъ изъ нихъ не издалъ ни малѣйшаго звука, даже болѣзненнаго вздоха, какъ будто удары ложились на какіе нибудь деревянные чурбаны, а не на спины живыхъ существъ. Только глаза противниковъ метали молніи, зубы ихъ были судорожно сжаты— одно это доказывало, что удары приходились имъ не совсѣмъ по вкусу.

Наконецъ, одинъ изъ бойцовъ не вытерпѣлъ, потерялъ равновѣсіе и кубаремъ слетѣлъ съ весла, осыпаемый насмѣшками торжествующаго противника, который, какъ ни въ чемъ ни бывало, приглашалъ присутствующихъ вступить съ нимъ въ единоборство, хвалясь, что онъ всякаго сброситъ десятью ударами жгута.

Нашлись охотники испробовать силу жгута побѣдителя, и черезъ минуту одинъ изъ нихъ уже сидѣлъ верхомъ на веслѣ, держа въ рукахъ жгутъ побѣжденнаго матросика, но послѣ десяти или девятнадцати онъ уже летѣлъ кубаремъ на палубу при громкомъ хохотѣ собравшихся

зрителей; той же участи подверглись и другіе, пожелавшіе вступить въ единоборство съ храбрымъ побѣдителемъ, который, сбросивъ съ весла чуть ли ни съ десятокъ своихъ товарищей, все еще вызывалъ охотниковъ съ нимъ побороться, все еще хвалился, что и одиннадцатаго сбросить съ весла такъ же легко, какъ сбросилъ первыхъ десять человѣкъ; но одиннадцатый охотникъ, къ его несчастью, не нашелся и онъ принужденъ былъ, хотя и съ видимымъ сожалѣніемъ, сойти съ весла, на которомъ подвизался съ такою храбростью, честью и ловкостью, съ такимъ удивительнымъ терпѣніемъ, хладнокровіемъ и мужествомъ.

Если считать, по меньшей мѣрѣ, что каждый изъ противниковъ нанесъ ему по десяти ударовъ здоровымъ жгутомъ, то въ суммѣ будетъ очень изрядное число ударовъ, которые вынесъ, ради своего собственнаго удовольствія, храбрый боецъ, да еще въ какомъ неудобномъ, шаткомъ положеніи. Вотъ вамъ образчикъ матросской выносчивости, и такихъ господъ найдете вы на корветѣ не мало; если же десять бойцовъ и свалились съ весла, то никакъ не отъ боли, повѣрьте, а просто отъ потери равновѣсія, которое нелегко сохранить, сидя верхомъ на веслѣ, при нанесеніи и принятіи здоровенныхъ ударовъ; если бы не это самое обстоятельство, сдѣлавшее ихъ побѣжденными, они, можетъ быть, вынесли бы по сту ударовъ....

Весело провели время матросики въ разнообразныхъ играхъ до самаго ужина, послѣ котораго занялись чтеніемъ, разсказами и воспоминаніями о прошломъ.... Около Якова Матфеича, который отлично читалъ, и главное прекрасно понималъ все прочитанное, собралась порядочная группа матросовъ, которые, разлеглись въ самыхъ непринужденныхъ, живописныхъ позахъ, жадно слушали одинъ изъ разсказовъ Погосскаго «Штуцерникъ».

Сочиненія Погосскаго, котораго матросы зовутъ своимъ сочинителемъ, пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ и любовью; они съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушаютъ его прекрасные разсказы, проникающіе прямо въ душу русскаго человѣка....

— Ишъ ты, какъ ловко написано, прошепталъ самодовольно одинъ изъ слушателей, толкнувъ своего сосѣда локтемъ, сичасъ видать, што нашъ эту исторію писалъ, потому ужъ больно понятно и какъ есть, значитъ, нашу братію расписываетъ, што ни на есть въ самую точку попадаетъ....

— Чудно, лихо, отвѣтилъ тоже шепотомъ сосѣдъ, только вона Яковъ Матфеичъ баитъ, что Погоскинъ не изъ «нашихъ», анъ изъ офицеровъ какихъ-то, значитъ изъ благородныхъ, да што-то не вѣрится....

— Вретъ, прошепталъ первый рѣшительно, офицеръ такую исторію сочинитъ не можетъ, потому онъ офицеръ и больше ничаво, и межъ нашей братіей не жилъ.

Въ это время Яковъ Матфеичъ прекратилъ чтеніе, чтобы собраться съ духомъ, и обратился къ слушателямъ съ вопросомъ:

— Что важно, небось, писано?

— Больно важно, отвѣтили въ одинъ голосъ матросики.

— А што, Яковъ Матфеичъ, обратился одинъ изъ слушателей къ унтеру, скажите на милость: кто эфту самую исторію сочинялъ, любопытно знать, потому больно ловко нашу братію расписываетъ?

— Погосскій!

— Ишъ ты, Погоскинъ.... а, ну, онъ изъ нашихъ што ли?

— Нѣтъ, братецъ, не изъ нашихъ, а офицеръ, отвѣтилъ Яковъ Матфеичъ.

— Офицеръ!? недовѣрчиво проговорилъ матросикъ, ну, нѣтъ, что-то не вѣрится.... офицеры совсѣмъ другія исторіи сочиняютъ, ну а эфту, видать сичасъ, что кто нибудь изъ нашихъ....

Яковъ Матфеичъ однако стоялъ на своемъ, и вотъ всѣ слушатели раздѣлились на три враждебныя партіи: одна увѣряла, что эту исторію непремѣнно сочинилъ офицеръ, потому нашъ братъ въ книгахъ писать неумѣетъ; другая же партія энергично стояла на томъ, что Погосскій долженъ быть непремѣнно изъ мужичковъ или солдатовъ, потому жисть ихъ больно хорошо знаетъ, между тѣмъ какъ третья партія, самая малочисленная, пыталась было замолвить слово за «штатскаго», но безъ всякаго успѣха.

Двѣ первыя партіи единодушно возстали противъ стоящихъ за «штатскаго» и заставили ихъ сознаться, что «штатскій» ни въ какомъ случаѣ не можетъ сочинить такую исторію, да и никакой не можетъ сочинить, потому онъ «жуликъ тонконогій», какъ выразились матросики, и больше ничаво: ему только бы за мамзелями гоняться, а не исторіи про нашего брата сочинять.

Такимъ образомъ «штатскій» былъ совершенно вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ на сочиненіе, а въ концѣ концовъ рѣшили, что и офицеру незачѣмъ въ немъ красоваться, «потому онъ на такія вещи неспособенъ.. ему бы только камандовать, да болѣе мудреныя книжки сочинять, какія не только понять намъ не можно, да и прочитать невозможно, потому на первой же строчкѣ точно обухомъ по лбу кто съѣздитъ и ходишь какъ ошалѣлый, аль въ потьмахъ, и ни одно слово мудреное въ голову не лѣзетъ». Такимъ образомъ рѣшено было большинствомъ голосовъ, что «По-

госскинъ» непремѣнно изъ нашихъ; только послѣ этого оживленнаго спора продолжалъ Яковъ Матфеичъ прерванный разсказъ Погосскаго; всѣ слушали «своего сочинителя» съ такимъ жаднымъ наслажденіемъ, съ такимъ удовольствіемъ, что любо-дорого было смотрѣть....

Немного въ сторонѣ отъ этой живописной группы сидѣло трое матросовъ; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ книгу, которую всѣ трое съ удивленіемъ разсматривали.

— Кажись для нашего брата написана, а больно не понятно, проговорилъ одинъ.

— Ишь ты, «Чтеніе для солдатъ», прочиталъ держащій книгу, восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой.... котору страницу читаемъ, а я и въ толкъ не возьму до сихъ поръ, о чемъ тутъ такомъ пишутъ.... чудесно, да и только, одно слово, разѣ однѣ анаралы такую исторію понять могутъ, а ужъ нашему брату куда....

— Истинно твое слово, подтвердилъ третій, все въ книгѣ эфтой какъ-то мудрено.... посмотришь сказки, а не то и правда какая....

— Эфто все гличане насъ морочатъ, рѣшилъ первый собесѣдникъ, каверзу всякую подводятъ, дурманятъ насъ, штобъ потомъ Рассею завоевать.

— Прахъ тебя возьми, што ты тутъ толкуешь, заворчалъ сердито третій, развѣ не видишь—книга эфта для русскаго солдата сочинена и кто-бъ позволилъ, што-бъ бѣсъ-гличанинъ въ ней што писалъ, да окромя того онъ по нашенски и слова написать не съумѣетъ....

— Такъ эфто можетъ русскій измѣнникъ какой?...

— А Господь его знаетъ....

Такого рода печальный разговоръ шелъ между тремя собесѣдниками, въ руки которыхъ попался одинъ изъ нумеровъ журнала «Чтеніе для Солдатъ», въ которомъ было отпечатано, въ сжатомъ видѣ, извѣстное сочиненіе Жюля Верна «Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой», сочиненіе весьма полезное и интересное для людей болѣе или менѣе развитыхъ и образованныхъ, но непонятное и безъинтересное для людей неразвитыхъ и необразованныхъ.... Удивляюсь, какая была цѣль у редактора этого солдатскаго журнала (въ которомъ должны быть бы печататься статьи самыя простыя, общепонятныя) напечатать въ немъ такое серьезное сочиненіе?... Неужели онъ думалъ познакомить простаго русскаго человѣка съ чудесами подводнаго міра, а главное съ чудесами большею частью офиціально неизвѣстными и непринятыми, но только предполагаемыми; неужели онъ думалъ познакомить его съ пылкими фантазіями талантливаго автора, съ его соображеніями и выкладками?.. Напрасный трудъ! Смѣшное желаніе!

Я нарочно разспрашивалъ почти всѣхъ матросовъ, прочитавшихъ это сочиненіе, и получилъ отъ нихъ весьма странные отвѣты, ясно доказывающіе, что они нисколько не понимаютъ его цѣли (хотя при немъ и приложено небольшое предисловіе, на которое матросики не обращаютъ должнаго вниманія), не понимаютъ высказываемыхъ новыхъ мыслей, хотя онѣ и изложены въ болѣе простой формѣ, но все таки непонятной для матроса. Словомъ, прочитавши все сочиненіе, онъ имѣетъ очень смутное понятіе о причитанномъ, понятія часто нелѣпыя, которыя ясно доказываютъ, что *книга принесла ему не пользу, а вредъ и вредъ очень чувствительный*.... Вмѣсто того, чтобы матросъ расширилъ свой кругозоръ, онъ его значительно съузилъ; вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя новыя свѣдѣнія (по правдѣ сказать ему и ненужныя), онъ испортилъ небольшія старыя....

Странно, право, пичкать простаго, неразвитаго мужика какими-то подводными чудесами, знакомить съ удивительными похожденіями и фантазіями, имѣющими смыслъ только развѣ у человѣка нѣсколько развитаго и понимающаго суть дѣла, а не у мужика, который незнакомъ съ самыми простыми истинами природы, который едва понимаетъ дѣйствительность, который читаетъ чуть ли не по складамъ, забывая на второй строкѣ о чемъ говорится въ первой, на третьей, что прочелъ во второй, словомъ, у котораго мысли настолько не сосредоточены, что онъ не въ силахъ понять и раскусить мало мальски серьезное или фантастическое сочиненіе. Матросъ—это почти тотъ же, по развитію, ребенокъ, для котораго нужно выбирать предметы для чтенія очень осмотрительно и съ крайнею осторожностью, чтобы не извратить его понятія и умъ, не испортить нравственность, не дать заглохнуть хорошимъ чувствамъ и развиться худымъ наклонностямъ. Прочитывая сочиненія искуснаго выбора, матросъ видитъ свои недостатки, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, и старается ихъ пополнить; я могу навѣрное сказать, что постоянное чтеніе нравственныхъ сочиненій можетъ поставить на истинный путь даже матроса уже испорченнаго; ему нужны только примѣры, въ которыхъ бы онъ поучался, что безнравственная жизнь ведетъ человѣка къ погибели, между тѣмъ какъ честная, благородная жизнь возвышаетъ его въ глазахъ всѣхъ и служитъ источникомъ всевозможныхъ благъ.... Есть впрочемъ и изъ матросовъ люди, понимающіе, которые не задумаются надъ сочиненіемъ Жюля Верна, но какъ «капля въ морѣ», а вѣдь журналы печатаются не для капли, а для самаго моря. Если же подобный исключительный субъектъ и захочетъ обогатить свой умъ, расширить свой кругозоръ, то онъ можетъ

обратиться къ болѣе серьезному журналу, а не къ «Чтенію для Солдатъ», который, какъ извѣстно, предназначенъ для людей малоразвитыхъ и необразованныхъ....

Въ сторонѣ отъ всѣхъ, за писарскимъ столомъ, собрались такъ называемые матросами корветскіе чиновники: подшкиперъ, баталеръ, фельдшеръ и писарь.

Осанистый, полный баталеръ, еврейскаго происхожденія, держалъ въ рукахъ одинъ изъ старыхъ нумеровъ «Голоса» и что-то очень серьезно обдумывалъ, поднявъ глаза къ небу и глубокомысленно наморщивъ лобъ; рядомъ съ нимъ лежала на палубѣ цѣлая груда самыхъ разнообразныхъ газетъ, которыя ждали, повидимому, своей очереди, чтобы дать отчетъ передъ обществомъ о приключившихся событіяхъ и разныхъ политическихъ казусахъ, какъ выразился корветскій писарь, франтъ первой руки и старающійся всѣми силами выказать передъ другими свое образованіе (?), познанія и умѣнье выражаться свѣтскимъ языкомъ.

Нужно замѣтить, что «корветскіе чиновники» очень любили почитывать газеты и разсуждать «о приключившихся политическихъ казусахъ», для этой цѣли запасливый баталеръ пріобрѣлъ гдѣ-то, передъ уходомъ за границу, цѣлую груду старыхъ газетъ, самыхъ разнообразныхъ названій, форматовъ и направленій, которыя и перечитывались ими постепенно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Тутъ былъ и «Голосъ», и «Петербургскій Листокъ», и «Сынъ Отечества», и «Московскія Вѣдомости», и Богъ вѣсть еще какія въ лежащей грудѣ газеты, которыя понасбиралъ баталеръ чуть ли не со всего Кронштадта.... И такъ, осанистый баталеръ держалъ въ рукахъ «Голосъ» и что-то очень серьезно обдумывалъ; франтоватый писарь рѣшалъ, повидимому, въ умѣ какой-то важный «политическій казусъ»: глаза его были глубокомысленно опущены внизъ, указательный палецъ правой руки приставленъ ко лбу, брови нѣсколько сдвинуты и ощетинены. Подшкиперъ и фельдшеръ глупо таращили свои глаза на задумавшагося писаря и съ видимымъ нетерпѣніемъ ждали, когда онъ разрѣшитъ встрѣтившуюся «заковычку» и толково разъяснитъ ее своимъ собесѣдникамъ.

— Да, господа, началъ вдругъ писарь съ необыкновенною величавостью (собесѣдники встрепенулись и насторожили уши), это дѣло большой важности, требуетъ глубокаго обсужденія «нашего общества».... Неужели сотворится такое зло, что французская имперія подпадетъ подъ иго прусскаго королевства?.... Ораторъ запнулся; видно было, что онъ думалъ проговорить давно заученую фразу, но забылъ, къ несчастью, что слѣдовало дальше.

— Подумайте, продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія писарь, покраснѣвшій отъ натуги выдумать что нибудь путное: съ одной стороны стоитъ имперія, а съ другой всего только королевство.... по моему мнѣнію, побѣда должна остаться за имперіею, потому что.... потому что.... (писарь опять запнулся, а для выигрыша времени засморкалъ, зачихалъ и закашлялъ; видно было, что онъ могъ-бы обойтись и безъ этихъ порывовъ, которые вышли очень принужденными), потому что.... она имперія, а то всего только королевство, рѣшилъ онъ наконецъ, нисколько не смутившись.

— Почему же имперія должна непремѣнно побѣдить королевство? спросилъ баталеръ съ нѣкоторою строгостью въ голосѣ, повидимому очень недовольный, что писарь раньше его рѣшилъ «головоломный вопросъ», а по моему такъ будетъ обратно....

— Помилуйте, господа, смущенно проговорилъ писарь, пойманный на словѣ, да вѣдь она имперія, а знаете ли, что это за штука, чѣмъ отличается отъ королевства?....

— Ну, скажите, чѣмъ? настойчиво присталъ баталеръ.

— Въ имперіи вѣдь царствуетъ императоръ, началъ писарь послѣ небольшой передышки, въ которую онъ все-таки не могъ выдумать, какъ бы выпутаться изъ бѣды, а въ королевствѣ — всего только король: чинъ перваго выше, а за старшимъ, какъ вы, я думаю, уже и знаете, господа, всегда и сила, потому что старшій можетъ приказать младшему, а младшій старшему, то же вамъ не безъизвѣстно, ничего приказать не можетъ....

— Постойте, любезный, перебилъ съ важностью баталеръ краснорѣчиваго оратора и «корветскаго политика», вы, я вижу, окончательно заврались, хотя и красно хотите сказать (замѣтьте корветскіе чиновники всегда разговариваютъ другъ съ другомъ на «вы», чѣмъ и хотятъ выказать передъ матросами свой свѣтскій лоскъ).... По вашему, значитъ, французскій императоръ сказалъ прусскому королю: «ты, молъ, со мной не воюй, убирайся къ чорту, безъ бою отдавай свои города!»— такъ, вы думаете, тотъ и послушается!?.... Нѣтъ, вы ошибаетесь!.... На корветѣ, у насъ, оно, пожалуй и такъ будетъ, а тамъ не чинъ беретъ, а сила.....

Писарь окончательно сконфузился и растерялся; хотѣлъ было онъ еще замолвить слово о превосходствѣ имперіи надъ королевствомъ, но поперхнулся и замолчалъ....

Долго еще спорили «чиновники» о разныхъ политическихъ событіяхъ; долго еще разносились по рейду отголоски родныхъ пѣсенъ и трещалъ

бакъ подъ сильно выбивающими трепака ногами лихихъ плясуновъ.... Наконецъ всѣ угомонились, разобрали койки, и чрезъ самое короткое время почти все корветское населеніе уже покоилось въ теплыхъ и сладкихъ объятіяхъ Морфея. На корветѣ наступила мертвая тишина, изрѣдко прерываемая только однообразными шагами часовыхъ, прохаживающихся по верхней палубѣ, да чмоканьемъ, почесываньемъ и оханьемъ спящихъ матросиковъ.....

Прошло нѣсколько дней; на корветѣ стали готовиться къ выходу въ море. 14 апрѣля распростились мы съ гостепріимнымъ Буеносъ-Айресомъ, прошли Ла-Плату подъ парусами и уже въ полдень, 16 числа, качались опять въ океанѣ, встрѣтившемъ насъ весьма недружелюбно: ревѣлъ свѣжій юго-западный (SW) вѣтеръ, высоко вздымавшій къ небу пѣнящіяся волны, съ которыми пришлось опять корвету вести трудную, нескончаемую борьбу.

Океанъ затянулъ опять свою грустную пѣсню; свѣжій вѣтеръ гудѣлъ въ снастяхъ и завывалъ въ нихъ на самые разнообразные, раздирающіе душу, мотивы; яростныя, пѣнящіяся волны повели опять на борта корвета свою смѣлую аттаку, и опять заскрипѣли корветскіе члены, вытерпѣвшіе уже столько бурь и непогодъ, вынесшіе несмѣтное число яростныхъ ударовъ разсвирѣпѣвшихъ волнъ, каждый ударъ которыхъ разрушалъ постепенно крѣпкое здоровье нашего красавца «Аскольда». Вышелъ нашъ корветъ изъ Кронштадта крѣпкимъ, сильнымъ, а вернется изъ кругосвѣтнаго плаванія дряхлымъ старикомъ, котораго безъ значительныхъ исправленій даже страшно будетъ послать въ море.... Вотъ что дѣлаютъ штормы, бури и непогоды; вотъ что творятъ свирѣпыя волны, которыхъ одна только, кажется, цѣль — разрушать и разрушать.....

Четырнадцать дней качался корветъ почти на одномъ мѣстѣ, подъ глухо зарифленнымъ гротъ-марселемъ и триселями; четырнадцать дней находились мы въ постоянной тревогѣ и хлопотахъ.....

«Аскольдъ» тяжело переваливался съ боку на бокъ, трещалъ своими переборками, нырялъ, взлеталъ на вершины шипучихъ волнъ и опять погружался въ холодныя объятія океана. Хлопанье снастей и парусовъ, дикое, заунывное завываніе вѣтра, плескъ волнъ, жалобный скрипъ корветскихъ членовъ — все это сливалось въ дикую, но величественную музыку, которая однако не только надоѣдала намъ днемъ, но и ночью.

Ночи въ это скверное, бурное время проводили мы также скверно; трудно уснуть подъ дикую музыку разбушевавшаго океана, нѣтъ возможности даже хорошенько вздремнуть, когда нужно заботиться о томъ,

чтобы не слетѣть съ койки и не испробовать лбомъ крѣпость палубы, переборки или стола, когда почти каждую минуту встревоживаетъ васъ какое нибудь обстоятельство, можетъ быть самое пустое и глупое. Только что думаешь засыпать, какъ громкая, тревожная бѣготня по палубѣ, точно несется по ней цѣлый табунъ дикихъ лошадей, вырываетъ васъ изъ теплыхъ объятій Морфея и бросаетъ въ холодныя объятія дѣйствительности; тревожно прислушиваешься къ раздавшемуся топоту и пытливо стараешься предугадать причину поднявшейся суеты.... Но вотъ постепенно все замолкло; натягиваешь на себя сползающее одѣяло, перевертываешься на другой бокъ, закрываешь глаза, начинаешь забываться, какъ вдругъ раздается громкая команда вахтеннаго начальника, надрывающаго свои легкія, чтобы только перекричать шумъ свирѣпѣющей непогоды; слышится вслѣдъ затѣмъ, почти надъ самою головою, мѣрный, дружный топотъ сотни ногъ, сопровождаемый рѣзкими, короткими свистками унтеръ-офицеровъ.... Чувствуешь, что-то тянутъ и тянутъ съ трудомъ.... Черезъ нѣсколько времени опять все замолкаетъ; слышится только страшное завыванье вѣтра въ снастяхъ, да скрипъ расшатавшихся переборокъ; пользуясь временнымъ затишьемъ, предаешься легкой дремотѣ, но не надолго: упадутъ ли отъ качки съ полки книги, свалится ли стулъ, поддастъ ли корветъ сильнѣе обыкновеннаго, такъ что необходимо бываетъ вцѣпиться во что нибудь руками и ногами, чтобы не слетѣть съ койки, — невольно просыпаешься и начинаешь чутко прислушиваться.... и такъ коротаешь время до утра. Встанешь не въ духѣ, съ тяжелою головою и проклинаешь негостепріимный океанъ, качку и непогоду!

Къ утреннему чаю публика собирается за общимъ столомъ и начинаетъ передавать другъ другу ночныя невзгоды; одинъ разсказываетъ со злостью, какъ ночью слетѣлъ онъ два раза съ койки и шарахнулся лбомъ въ рундукъ; другой съ необыкновенною точностью объясняетъ, какъ онъ провоевалъ всю ночь съ настойчиво льющимся въ его постель ручейкомъ, причемъ показалъ даже подушку, одѣяло и простыню, вымокшія до послѣдней нитки; третій повѣряетъ свое горе, какъ свалилась съ полки на столъ стклянка съ чернилами и, разбившись, разумѣется въ дребезги, окропила его съ ногъ до головы трудно выводимою жидкостью, причемъ большая часть чернилъ, какъ нарочно, попала ему прямо въ лицо; принявъ съ просонковъ чернила за воду, онъ сталъ тщательно вытирать простынею и руками и только утромъ замѣтилъ свою грустную ошибку: край простыни былъ совершенно черенъ, руки — какъ у негра, а подойдя къ зеркалу, онъ первый моментъ себя даже и

не призналъ, потому что лицо его очень много смахивало на хорошо вычищенный сапогъ. Полчаса мылся бѣдняга, полчаса теръ онъ свое лицо самымъ отчаяннымъ образомъ и все-таки не могъ совершенно отмыться и принужденъ былъ сѣсть за чайный столъ съ физiономiею, изпещренною затѣйливыми темноватыми разводами.... Вотъ вамъ ночныя развлеченiя!.... Днемъ, въ качку, не находишь себѣ, въ свободное время, рѣшительно никакого дѣла: читать тяжело, писать нѣтъ физической возможности, и вотъ коротаешь время въ пустой болтовнѣ и не дождешься лучшаго плаванiя, не дождешься конца скучнаго перехода.

Развлеченiй, кромѣ вышеописанныхъ, нѣтъ никакихъ, и невольно всѣ помыслы летятъ къ берегу, невольно мечтаешь о томъ, какъ было бы теперь хорошо, если бы какая нибудь, добрая фея перенесла тебя изъ маленькой, сырой, похожей на качающуюся клѣтку, каюты въ теплую, сухую, комфортабельно убранную комнату, въ которой можно было бы весело провести время и забыть на нѣсколько дней бурю и непогоду....

Матросы ходятъ тоже хмурыми, недовольными: измучились они постоянною качкою, трудною работою и безсонными ночами. Не слышно уже на бакѣ веселыхъ пѣсень, не гудитъ палуба подъ ногами лихихъ корветскихъ плясуновъ, словомъ, команда, сообразно погодѣ, находится въ дурномъ настроенiи духа.

Тамъ и сямъ слышатся невеселые разсказы: кто съ грустью вспоминаетъ деревню и все деревенское населенiе, начиная отъ стараго дѣда Пахома и кончая кудластымъ Шарикомъ; кто передаетъ друзьямъ свои сердечныя раны, а кто толкуетъ о томъ, какъ «съѣздилъ его по рылу боцманъ Карла Иванычъ и съѣздилъ-то ни за что, ни про что, а такъ, что ажно въ глазахъ заискрилось».

— Стою это я у гротъ-мачты, разсказываетъ побитый, на марса-быкъ-горденѣ [1]); рифы это отдали и я, какъ значитъ, марсафалъ пошелъ, отвернулъ его въ свое время, а онъ, шельмецъ, гдѣ-то и захрясъ, нейдетъ, да и только.... Съ марсу Аксеновъ трясетъ горденъ, ругается на всѣ четыре стороны, кричитъ сверху что-то, а я и не слышу, потому стонетъ вѣтрило, гудитъ въ снастяхъ.... Вдругъ откуда ни возмись летитъ ко мнѣ боцманъ, трахъ по уху, трахъ по другому, ажно въ глазахъ заискрилось.... Это, говоритъ, отчего у тебя, горденъ нейдетъ?.... Ты, говоритъ, такой, сякой, да эдакой, спишь у снасти, а дѣла не дѣлаешь!.... Нѣтъ, говорю, Карла Иванычъ, это не у меня горденъ-то

---

[1]) Марса-быкъ-горденъ—такъ называется особая снасть у марселей (вторые паруса снизу), помощью которой подтягиваютъ нижнюю сторину (кромку) паруса.

захрясъ, а должно быть тамъ, на марсѣ.... Я тебѣ дамъ на марсѣ, крикнулъ Карла Иванычъ, да носомъ это меня къ самому шкиву [1]) и ткнулъ.... гляжу и глазамъ не вѣрю: какимъ такимъ образомъ стирку [2]) въ шкивъ засосало!.... Напустился на меня Карла Иванычъ, тарарахнулъ еще два раза въ рыло, а той порой гордень-то возьми, да и лопни, прахъ бы его побралъ.... Досталось же мнѣ, а я, ей-Богу, ни душой, ни тѣломъ къ дѣлу этому не причастенъ, потому темно было, хоть глазъ выколи — не видать; а стирка, окаянная, какъ попала въ шкивъ и сказать не могу, потому не примѣтилъ....

— Да можетъ хто ё на бухту бросилъ въ попыхахъ, высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ слушателей.

Другіе съ нимъ не согласились; долго спорили матросики о томъ, какимъ такимъ образомъ «стирку въ шкивъ засосало», и наконецъ единогласно рѣшили, что «по всему вѣроятію окоянный дѣдушка водяной подшутилъ и стирку въ шкивъ запихалъ, штобъ гордень лопнулъ»....

— Такъ, такъ, братцы, продолжалъ недовольнымъ тономъ побитый, изъ-за горденя какого-то, чортъ бы его побралъ, изъ-за вервія проклятаго ровно я четыре здоровѣннѣйшихъ поплевухи съѣлъ.

— И не то бываетъ, наставительно замѣтилъ одинъ изъ слушателей, вотъ хоть бы я третеводня ночью съ десятокъ подзатыльниковъ съѣлъ, да такихъ, что раза три это я носомъ клюнулъ: сперва въ бортъ, затѣмъ въ мачту, а тамъ ужъ не припомню куды..... А за что?..... спросите.... Да ни за что, ни про что: задремалъ это я маненько, а тутъ, какъ нарочно, авралъ (общая работа) поднялся, меня-то, какъ курицу на насѣстѣ, и сцопали, да нахлобучили....

— А я такъ вчера-сь, началъ другой, такого тумака получилъ, что отдай все и то мало покажется.....

И стали матросики считать, да пересчитывать, кто сколько съѣлъ поплевухъ, подзатыльниковъ, тумаковъ и т. п., когда, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ; при этомъ каждый изъ нихъ старался увѣрить своихъ товарищей, что ему досталось «лучше и знатнѣе ихъ».....

У фокъ-мачты собралась другая группа матросовъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ выдавался бравый, красивый и удалый марсовой Хрѣновъ,

---

[1]) Шкивами называются отверстія въ блокѣ, борту, мачтѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, чрезъ которыя тянутъ продернутыя въ нихъ снасти.

[2]) Стирка—таже швабра (безъ палки), но сдѣланная изъ несмоленыхъ каболокъ (нѣсколько свитыхъ каболокъ, смотря по толщинѣ веревки, составляютъ «прядь»; три или четыре—«пряди», свитыя вмѣстѣ, образуютъ «трехъ» или «четырехъ-прядный тросъ»).

разсказывавшій товарищамъ о своей сердечной ранѣ — несчастной любви, принудившей его проситься въ «безвѣстную».

— Полюбилъ это я дѣвку красивую, молодую, полную, грустно разсказывалъ Хрѣновъ, дочку писаря 7-го экипажа Анкудія Ермолаича; Агафьей ее звали, да полюбилъ я не въ радость себѣ, а въ горе-горемычное.....

Увидалъ я ее въ первый разъ на вечеринкѣ у нашего баталера: краше всѣхъ дѣвокъ была, нарядная такая, хорошая.... увидалъ я ее и обомлѣлъ, ажно сердце запрыгало, а на то времячко и она на меня какъ вскинетъ глазами, ну, братцы, едва въ землю съ радостей не провалился: значитъ, заприметила она меня.... Подъ вечеръ сошелся это я съ ней, но такой меня тутъ конфузъ взялъ, что и не припомню, о чемъ мы тамъ толковали и какъ я отъ баталера вышелъ.... Помню только, что ласкова со мной была и въ церковь велѣла это въ праздникъ придтить, съ ней повидаться.....

Что долго говорить: влюбился это я въ Агафью по самыя по уши, и она въ меня, и сталъ я частенько съ ней видаться, то въ соборѣ, то у знакомыхъ какихъ.... Вотъ думаю, колибъ Анкудій Ермолаичъ за меня замужъ ее отдалъ, кажись бы ничего для ней не пожалѣлъ... И стало мнѣ, доложу я вамъ, братцы мои, оченно скучно отъ этой самой думы, ажно похудѣлъ.... Агафья-то это и заприметила и начала меня научать къ отцу ея сходить, посвататься; послушался я, одѣлся въ новенькій мундирчикъ, примазался, да и пошелъ къ Анкудію Ермолаичу; встрѣтилъ онъ меня ничаво, ласково; поговорилъ я съ нимъ маненько (а у самаго сердечко точно колоколъ стучитъ), да вдругъ стамши на колѣна, бухнулся ему въ ноги и разсказалъ про нашу любовь.... А онъ какъ пугнетъ меня, крикнетъ на весь домъ: «вонъ, мошенникъ! Не видать тебѣ, говоритъ, моей Агафьи, какъ своихъ ушей! Рыломъ не вышелъ! Жениха ей лучшаго найду! Дѣвки моей, говоритъ, и не увидишь больше, подъ замокъ посажу ее, негодную!....» Раскричался это онъ, братцы вы мои, до того, что я совсѣмъ ошалѣмши бросился вонъ.... Что со мной въ тую пору было, я вамъ и сказать не умѣю: какъ будто кто обухомъ по лбу меня угорошилъ, такъ всю память изъ меня вышибло, и сдѣлался я чрезъ это самое какъ есть настоящій сумасшедшій, да и домой ни какъ не попаду: иду я.... иду я.... анъ смотрю опять у Агафьинаго дома стою, да на окно ея поглядываю.... Пойду это опять я прочь отъ ейнаго дома, домой, значитъ, въ казармы хочу идтить, хожу, хожу, какъ одурѣлый, анъ смотрю опять та же оказія, опять у Агашкинаго окна стою и глаза на него таращу, какъ дуракъ.... Про-

ходилъ я этакимъ манеромъ, почитай, до полночи.... можа и дольше проходилъ, если бы не дворникъ пугнулъ: «что, говоритъ, глазища свои таращишь на эфтотъ домъ, нельзя-ли подалѣе отъ этихъ самыхъ мѣстъ!».... Пришелъ это я маненько въ себя и пошелъ домой, точно шальной какой.... Тяжело стало на сердцѣ; такъ и хотѣлось мнѣ что нибудь надъ собою сотворить, да страхъ все какой-то бралъ.... Думалъ я горе сномъ заспать — не спится: все страшилища какія-то въ глазахъ вертѣлись и душить меня все собирались, всю ночь съ боку на бокъ ворочался и стоналъ.... Нѣсколько разовъ вставалъ я ночью съ постели, такая тоска разбирала, и руки хотѣлъ на себя наложить, да Господь не попустилъ совершиться такому сраму: страшно больно было, значитъ другая смерть на роду моемъ написана.... Промаялся этакимъ манеромъ, почитай, цѣлую ноченьку, уже свѣтать стало, когда это я маненько уснулъ. Проснулся по утру, взглянулъ на день свѣтлый, на солнышко ясное, и такъ мнѣ это стало тошно на бѣломъ свѣтѣ жить, что слезы такъ изъ глазъ и полились.... Поуспокоился это я маненько и сталъ думу думать, какъ бы съ Агашей увидѣться, думалъ, думалъ, да такъ ничего и не выдумалъ.... Промаялся я этакимъ манеромъ, почитай, полгода, Агафьи никакъ не могъ увидать и слуху объ ней никакого не слыхать было: точно въ воду канула.... Похудѣлъ это я, осунулся, какъ водовозная кляча, и никакъ Агафьи забыть не могъ: все думалъ съ ней повидаться.... и далъ Богъ мнѣ съ ней свидѣться, да не въ радость, а въ горе тяжкое,— грустно, съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ Хрѣновъ, отирая рукавомъ невольно скатившуюся слезу.

Слушатели, затаивъ дыханіе, съ сожалѣніемъ смотрѣли на своего несчастнаго товарища.

— Ну что, Хрѣновъ, тихо спросилъ одинъ изъ нихъ послѣ продолжительнаго, тяжелаго молчанія, гдѣ это увидалъ ты свою Агашку-то?

Хрѣновъ встрепенулся; грустно оглядѣлъ онъ своихъ товарищей и продолжалъ разсказывать о своей несчастной любви голосомъ, въ которомъ слышались горькія слезы и затаенныя рыданія.

— Ужъ я вамъ, братцы вы мои, разскажу исторію свою до конца! Поѣхалъ я онамнясь въ Питеръ, къ своему брату Никитѣ Михайловичу, что столярнымъ мастерствомъ тамъ занимается; иду это я, пробираюсь къ Бассейной (братъ мой тамъ живетъ), и вдругъ вижу, и глазамъ своимъ не вѣрю: идетъ на встрѣчу мнѣ Агафья, разряженная въ пухъ и прахъ, что ни на есть пава.... Я это къ ней: «Агафьюшка, говорю, вотъ Богъ-то далъ гдѣ свидѣться!.... но она не дала и слова больше промолвить: недалече городовой стоялъ, она это къ нему, да и гово-

ритъ: «голубчикъ, тресни, пожалуйста, этого солдата по загривку, чтобъ благородныхъ дамъ не затрогивалъ!» Я такъ и обомлѣлъ, поглядѣлъ это на нее (думалось съ перваго разу, что шутитъ Агафья); а она смотритъ на меня сурово, точно на чужаго, а городовой-то ужъ подступаетъ.... Бросился это я отъ нее со всѣхъ ногъ, точно ошалѣлый, прибѣжалъ къ брату, да такой видно былъ я страшный, что тотъ перепугался и креститься началъ.... «Ужъ не съ того ли свѣта пришелъ ты, Ваня?» — спрашиваетъ онъ меня. Я ему возьми, да и разскажи про Агафью-то, про свое горе горемычное, и тутъ-то я узналъ отъ него всю подноготную, узналъ я, что за благородная дама Агафья-то, узналъ я ея безчестіе, узналъ я, что отецъ ея за деньги хорошія съ пути честнаго ее спихнулъ, и стала она таковской!.... Плакалъ это я, плакалъ, да слезы всѣ свои выплакалъ!... глухо проговорилъ Хрѣновъ, вотъ и рѣшилъ въ безвѣстную проситься, чтобъ горе сколько нибудь размыкать и Агафью обманщицу забыть, да нѣтъ силёнокъ: все она въ глазахъ мерещится, ужъ больно крѣпко я ее любилъ и люблю даже по сію пору, добавилъ онъ тихо, грустно понуривъ головою.

Слушатели съ видимымъ сожалѣніемъ поглядывали на несчастнаго Хрѣнова и каждый изъ нихъ сравнивалъ какъ будто свою съ долею несчастливца. Долго длилось тяжелое молчаніе, всѣ, повидимому, находились еще подъ вліяніемъ грустнаго разсказа. Хрѣновъ между тѣмъ оставилъ своихъ собесѣдниковъ и отошелъ въ сторону, чтобы наединѣ предаться своимъ тяжелымъ воспоминаніямъ.

— Ужъ коли душу свою открывать, открою и я свою, проговорилъ вдругъ одинъ изъ слушателей, рябой, некрасивый матросъ, и разскажу вамъ, братцы вы мои, исторійку, но только маненько повеселѣе Хрѣновой. Слушайте, ребята!...

— Развесели насъ, Андронычъ, а то больно грустно стало, — просили матросики.

— Дѣвокъ я, молодцы, началъ Андронычъ, больно не долюбливаю, по той самой причинѣ, что они меня хуже бѣса какого боятся и рыла свои все отъ меня ворочаютъ.... Разъ эдакъ вздумалъ я съ ласками своими къ Дунькѣ Гавриловой подойти, да такой отпоръ, бестія, здоровый дала, что просто разлюли малина.... Сперва этта плюнула она мнѣ въ самое что ни на есть рыло, а опосля какъ крикнетъ, почитай, на весь Кронштадтъ: «куда лѣзешь, окаянный, не въ показанное мѣсто!?.. Взгляни ранѣе на харю свою, точно вѣдь черти на рылѣ твоемъ въ свайку играли!»... Выслушалъ обиду я эфту хладнокровно: не за косы же бабу оттаскать.... хотѣлъ было впрочемъ выругаться на всѣ четыре

стороны, да поперхнулся.... и съ той поры къ дѣвкѣ красивой закаялся подходить, чтобъ опять не услыхать такую компленту; а къ рожѣ, такой, какъ я, ужъ больно срамно съ любезностями лѣзсть.... Ужъ я такъ и рѣшилъ женой не заводиться, а жить, да поживать вольной птицей: куда захотѣлъ, туда полетѣлъ, гдѣ захотѣлъ, тамъ и сѣлъ, и, одно слово, чудная моя таперича жизнь, привольная, что ни на есть разлюли малина!... Когды я мальцемъ былъ, такъ у своего помѣщика шутомъ служилъ: по собачьему ли полаять—старика-помѣщика посмѣшить, по кошачьему ли помяукать—помѣщицу-матушку до животиковъ раззадорить—это было мое дѣло, всякую штуку выкинуть—тоже мое дѣло было.... Отецъ-помѣщикъ любилъ меня безъ памяти и жить просто безъ своего шута не могъ: куды онъ, туды и я; матушка-помѣщица меня баловала и всегда вареньемъ домашнимъ угощала, одно слово, жисть моя у нихъ была разлюбезная.... Какую бы штуку я ни выкинулъ, только бы помѣщика разсмѣшить, ничего, все съ рукъ сходило.... Неразъ потѣшался я надъ сосѣдями, которые больно любили къ нашему барину ѣздить, потому тотъ хлѣбосолъ былъ первой статьи, угощалъ на славу, и не разъ былъ и битъ я ими за свои продѣлки, да ничего: шутовская моя шкура привыкла ко всему; въ отместку же непремѣнно въ другой разъ насолю имъ что ни на есть лучшимъ манеромъ....

Случился однако такой разъ случай, изъ за котораго я прямо въ матросы попалъ, одно слово, нашла коса на камень; ни любовь господина моего, ни слезы старухи моей матери—ничего не помогло: запрятали меня безо всякаго суда и расправы....

Случилось это такимъ манеромъ: пріѣзжаетъ къ отцу-помѣщику молодой сосѣдъ, молодецъ изъ себя, только что изъ Питера пріѣхалъ, и былъ онъ, вишь, гвардіи полковникъ, да еще кавалеріи гусаръ, одно слово—сила. Вздумалось мнѣ, чортъ меня дернулъ, и надъ нимъ посмѣяться и выкинуть что ни на есть самую лучшую штуку, да нашла коса на камень — вздернули меня такъ, что свѣта не взвидѣлъ, а злость все-таки въ себѣ затаилъ.... Слушайте-жъ!

И вотъ, братцы, пріѣзжаетъ этотъ помѣщикъ къ намъ, одѣтъ фертомъ: на ногахъ шпоры бренчатъ, на груди золотые шнурки, штаны красные, въ обтяжку, сапоги лакированные съ кисточками, одно слово, гусаръ первостатейный. Въ тую пору удивился я такой срамной формѣ и тутъ же рѣшилъ штуку выкинуть, потому ужъ больно не нравились мнѣ красные штаны и коротенькій, прекоротенькій сертучишко....

Пригласилъ нашъ помѣщикъ этого гусара обѣдать остаться, а я и радъ, ну, думаю, лафа, штуку непремѣнно выкину!... Сварилъ я ма-

хонькой котелочекъ что ни на есть лучшаго клею, да съ дегтемъ еще, досталъ кисть и все это заранѣе поставилъ подъ тотъ стулъ, на которомъ гусаръ долженъ за обѣдъ сѣсть.... Начали садиться за столъ; я это все около гусара верчусь, услужить будто хочу, «пожалуйте, говорю, вотъ ваше мѣстечко», стулъ ему отодвигаю, одно слово, всѣ силенки свои кладу, чтобъ котелка кто съ клеемъ не замѣтилъ; а помѣщикъ мой межъ тѣмъ только удивляется: «что это, говоритъ, съ нашимъ Андрюшкой стало, какимъ онъ степеннымъ сдѣлался?» А я себѣ, думаю: «погоди, отецъ мой, скоро я свое степенство вотъ этому самому гусару покажу!».... И такъ, братцы мои, гусаръ сѣлъ, я за его стуломъ стою, салфетка въ рукахъ, прислуживаю, просто удивилъ господъ, а между тѣмъ самъ не промахъ: какъ это онъ немножко что приподымется, соль ли достать, хлѣбца ли барышнѣ передать, аль что нибудь другое, я это сичасъ салфетку на полъ, будто нечайно уронилъ, а какъ нагнусь подымать ее, то сичасъ это — разъ, два, три и вымажу тихонько клеемъ стулъ и опять смирно стою, какъ будто совсѣмъ святымъ сдѣлался. Господа мои только ахаютъ, да удивляются: «это, говорятъ гусару, вы первые въ такую милость къ нашему Андрюшкѣ попали, а то онъ никого изъ сосѣдей не долюбливаетъ!» Я это все слушаю и самую что ни на есть невиннѣйшую рожу строю.... Подъ конецъ обѣда, попользовавшись удобнымъ случаемъ, вылилъ я на стулъ гусара, почитай, весь котелокъ съ клеемъ, да сичасъ вонъ изъ комнаты, запрятался, да и посматриваю изъ-за двери, что будетъ.... Господа межъ тѣмъ покушали и стали изъ-за стола выходить: вышелъ старикъ-помѣщикъ, встала матушка-помѣщица, приподнялась и барышня наша, гусаръ-же мой то покраснѣетъ, то поблѣднѣетъ, а все на мѣстѣ сидитъ, точно къ стулу пришитый: встать какъ будто-бы и хочетъ, да въ немоготу, плотно, значитъ, наѣлся. Господа къ нему подходятъ, «что съ вами, спрашиваютъ, вы, кажется, нездоровы, позвольте поможемъ встать!»—«Благодарю васъ», говоритъ гусаръ, а самъ пуще еще краснѣетъ, да блѣднѣетъ и стуломъ только маненько пошевеливаетъ.....

— Ишь ты, весело проговорилъ одинъ изъ слушателей, ты, значитъ, его къ стулу пришпилилъ: молодчина, нечего сказать.... Ай-да шутъ....

— Именно, продолжалъ усмѣхаясь Андронычъ, гусаръ къ стулу прилипъ, точно муха къ меду..... Прошло минуточки двѣ, ухватился онъ обѣими руками за стулъ и всталъ, только что-то затрещало, значитъ, красные штаны его распоролись.....

— Ха, ха, ха, залились матросики веселымъ смѣхомъ, забывъ со-

вершенно Хрѣнова и его грустную исторію, ай-да Андронычъ, распотѣшилъ насъ, молодчина!.....

— Слушайте дальше, продолжалъ Андронычъ, всталъ это гусаръ и хуже звѣря какого на стулъ оглянулся, да какъ зарычитъ: «это, говоритъ, вашъ шутъ штуку надо мной осмѣлился выкинуть, прошу васъ его проучить, выпороть», и пошелъ, и пошелъ.... Господа смотрятъ на красные штаны гусара, а смѣхъ у нихъ, видать было, такъ къ горлу и подступаетъ, да только воздержались маленько, потому совѣстно стало гостя новаго; а барышня наша, какъ увидала гусара въ неделикатномъ видѣ, такъ и убѣжала, чуть-чуточки даже въ обморокъ отъ конфуза не чебырахнулась.... Гусаръ уѣхалъ отъ насъ такой разбѣшеный, что просто страсти; господа меня сичасъ почали ругать: «ты, говорятъ, болванъ, не знаешь съ кѣмъ связываешься, представился такимъ святымъ, а тутъ, вишь, какую пакость сотворилъ».... да и на томъ и покончили, потому сами мнѣ во всемъ поблажку давали. Гусаръ же такъ на меня обозлился, что приказалъ своимъ дворовымъ, при первомъ-же удобномъ случаѣ, сцапать меня и на глазахъ своихъ выпороть....

— И больно? спросилъ кто-то.

— Такъ, что чуть всю кожу, черти, съ меня не содрали, проговорилъ со злостью Андронычъ, по сію пору тотъ день еще памятенъ, хотя съ тѣхъ поръ уже болѣе пятнадцати годковъ прошло. Когда меня пороли, то гусаръ все приговаривалъ: «тебѣ, шуту, не нравились мои красные штаны, такъ вѣроятно не понравится и мой березовый лѣсъ! ты вздумалъ со мной пошутить, а съ тобой шутить не стану; запорю до полусмерти!».... И дѣйствительно, когда кончилась порка, то я не могъ и пошевельнуться; только къ вечеру пришелъ въ себя и на силу до дому доплелся.... Жаловался я своему барину, да тотъ то-и сдѣлалъ, что рукой махнулъ, да промолвилъ, «за дѣло дураку, впередъ съ такими важными господами не связывайся!» И взаправду, богаче этого гусара въ цѣлой губерніи не было, ну и боялся мой баринъ съ нимъ потягаться; но я въ душѣ злобу затаилъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало гусару отомстить....

Прошелъ безъ малаго годъ; гусаръ опять сталъ къ намъ ходить; за барышнею ухаживать, а я себѣ жду, не дождусь удобной минуточки, чтобъ ему за все отплатить, да такъ, чтобъ и самому недосталось....

Собралась разъ компанія по озеру нашему на лодкѣ покататься, былъ и гусаръ тутъ; поѣхали на другую сторону, значитъ погулять, ягодъ поискать, грибовъ, да чаекъ попить въ лѣсу.... Долженъ вамъ сказать, братцы вы мои, что лодка къ берегу не могла тамъ близко по-

дойти, больно мелко, вязко, одно слово, немного болотцемъ приходится пройтись; но господа наши этимъ самымъ нисколько не смущались и завсегда для той нужды нѣсколько дворовыхъ молодцовъ съ собою брали, чтобы тѣ ихъ на плечахъ, аль на рукахъ съ лодки на сухое мѣсто перетаскивали.... Былъ въ тую пору и я съ ними и, повѣрите-ли, ухитрился гусару спину свою подставить: сѣлъ онъ мнѣ на плеча, ноги въ своихъ красныхъ штанахъ задралъ чуть-ли не выше моей головы, все опасался ихъ подмочить, значитъ, и велѣлъ притомъ потише идтить, не плескать сильно, чтобы его какимъ нибудь манеромъ не забрызгать... Иду это я себѣ чинно, благородно (а господа остальные уже всѣ на берегу, смотрятъ, какъ гусаръ на мнѣ переправляется), иду какъ слѣдуетъ десять шаговъ, двадцать, а потомъ вдругъ, какъ будто бы нечайно споткнулся, да и бухъ въ воду!.... Гусаръ у меня это черезъ голову, да и завязъ въ болотѣ, какъ журавль....

— Ха, ха, ха, распотѣшилъ насъ, Андронычъ, послышались веселые голоса, вотъ такъ молодчина первой статьи, экъ тебя угораздило какую штуку выкинуть!....

— Слушайте дальше, проговорилъ ухмыляясь Андронычъ; всталъ это гусаръ на ноги: харя грязная, весь мокрый, въ тинѣ, ну точно самъ дѣдушка водяной со дна приподнялся, всталъ это онъ и съ мѣста двинуться боится, а самъ межъ тѣмъ по поясъ въ болото ушелъ.... Я какъ будто тоже завязъ, барахтаюсь и встать будто не могу; господа на берегу смѣются и только черезъ четверть часа подумали другихъ дворовыхъ на помощь къ намъ прислать, а то со смѣху все рѣшительственно забыли. Вытащили гусара на берегъ, вытащили и меня; я охаю, морщусь, точно ногу сломилъ или свихнулъ, а гусаръ то и дѣло, что отплевывался (значитъ тинка ему въ ротъ малость попала), да такъ на меня свирѣпо посматривалъ, что у меня душа даже въ пятки ушла.... Ну, думаю, догадался вѣрно, что я надъ нимъ штуку выкинулъ и будетъ опять порка знатная, презнатная!....

Одначе порки не было, а попалъ я за свою продѣлку прямо въ матросы.... Гусаръ, видите ли, на томъ настоялъ, чтобъ меня въ солдаты сдали; баринъ мой, хотя и добрый былъ, послушался гусара, потому дочку свою думалъ за него отдать, да и сдалъ меня, своего шута гороховаго, въ рекрута, а тамъ ужъ и въ матросы я попалъ.... На службѣ не могъ я забыть своихъ шутовскихъ продѣлокъ и выкидывалъ надъ товарищами что ни на есть разлюбезныя штуки; и дубасили они меня за то, и отъ начальства иногда доставалось, а я все не унимался..... Прошелъ мой срокъ на службѣ быть, а я въ деревню и не поѣхалъ, по-

тому родныхъ у меня тамъ никого не было (мать-старуха черезъ два года, какъ сдали меня въ рекрута, Богу душу отдала), а знакомые меня, шута, и не признали бы.... И рѣшилъ я Царю-батюшкѣ служить, пока силенокъ моихъ хватитъ, и объ деревнѣ своей не тужить, потому что она ничего, кромѣ шутовской погремушки, мнѣ не дала.... Выкидывалъ я, братцы мои, разныя штуки до той самой поры, какъ «Аскольда» начали въ «безвѣстную» готовить; одначе вижу наконецъ, что добромъ шутки мои не окончатся, и рѣшилъ въ умѣ послѣднюю что ни на есть лучшую штуку выкинуть, да и закаяться на вѣки вѣковъ! Аминь!....

— Какую-же ты штуку выкинулъ, Андронычъ? съ любопытствомъ спросили матросики, придвигаясь къ разсказчику, ожидая, повидимому, услышать отъ него что нибудь очень интересное и веселое, развеселое.

— Да видите ли, братцы мои, думалъ я, думалъ, какую бы штуку выкинуть, всему свѣту на смѣхъ, и наконецъ вотъ и выдумалъ, да знаете-ли, какую? Догадайтесь! проговорилъ усмѣхаясь Андронычъ.

— Какую-жъ, да говори скорѣе, запросили подзадоренные слушатели.

— Да вотъ какую: шутъ Андрюшка сталъ въ «безвѣстную» проситься! отвѣтилъ очень серьезно Андронычъ.

— Какая же это штука? спросилъ недовольнымъ тономъ одинъ изъ разочарованныхъ слушателей.

— Странный-же ты человѣкъ, Андронычъ, что ради штуки какой нибудь на Амуру сталъ проситься, проговорилъ съ удивленіемъ другой.

Андронычъ хотѣлъ было что-то сказать, да поперхнулся; громкая команда вахтеннаго начальника: «марсовые на марсъ, два рифа отдать!» поймала его слово на полдорогѣ и заставила Андроныча вслѣдствіе этого малость захлебнуться. Разбѣжались матросики по своимъ мѣстамъ,—и закипѣла работа; вѣтеръ немного стихъ и позволилъ отдать у гротъ-марселя два рифа, но на долго ли?.... Нѣтъ, не надолго; черезъ нѣсколько часовъ опять онъ засвистѣлъ до степени шторма и опять пришлось глухо зарифиться и стоять почти что на одномъ мѣстѣ.

Четырнадцать дней качался корветъ по прихоти громаднаго волненія, двигаясь впередъ «черепашьимъ шагомъ», какъ говорили матросики, и эти четырнадцать дней можно было назвать невыносимо тяжелыми; они нагнали на весь экипажъ какое-то суровое настроеніе духа.

Но вотъ, 30 апрѣля, погодка разгулялась; вѣтеръ немного стихъ и сдѣлался попутнымъ.... Съ погодкою измѣнилось и настроеніе духа корветскихъ жителей: на бакѣ послышались опять веселыя пѣсни, подъ звуки которыхъ лихой Храмцовъ отплясывалъ трепака такъ, что любо-

дорого было смотрѣть; лица у всѣхъ были довольныя, неизмученныя, словомъ, всѣ повеселѣли и пришли въ нормальное состояніе духа.

Корветъ уже не нырялъ отчаянно, бѣшено толкаясь, на одномъ мѣстѣ, а птицею несся по направленію къ Магелланову проливу, какъ бы жаждя поскорѣе проскочить этотъ извилистый проходъ, и взлетѣть въ Тихій океанъ, и взглянуть хоть на другой край нашей матушки-Россіи.....

Вотъ показался, съ правой руки, первый мысъ Магелланова пролива—Мысъ Дѣвы (Virgin's cape, Vierge); быстро пролетѣли мы мимо него и направили свой курсъ къ другому—мысу Донженесъ; ближе и ближе выяснялся высокій скалистый берегъ, за которымъ мы думали укрыться, такъ какъ наступающая темнота не позволяла намъ пройти самую узкую часть пролива. Когда мы стали на якорь, то уже совершенно стемнѣло и весь берегъ окутался въ темный непроницаемый покровъ; тщетно глазъ старался пронизать темноту, тщетно пытался онъ поподробнѣе разглядѣть дикій и мрачный берегъ, возвышающійся почти передъ самымъ носомъ корвета.....

На слѣдующее утро думали войти въ проливъ, но не удалось; цѣлый день мы были окружены такимъ густымъ туманомъ, что и нельзя было даже помышлять сдвинуться съ мѣста: пришлось ждать у моря погодки!

ГЛАВА XVIII.

Магеллановъ проливъ. — Жители Огненной Земли (фуегосы). — Наружный ихъ видъ. — Краткій очеркъ ихъ жизни и нравовъ. — Санди-Пойнтъ (Sandy-Point) или Пунта-Аренасъ. — Патагонцы. — Ихъ нравы и обычаи, описанные Лакруа, Бугенвилемъ (Bougainville), Валисомъ (Wallis), Фалькнеромъ (Falkner), Орбиньи (d'Orbigny) и Кингомъ (Parker King). — Гуанаки. — Страусы. — Мысъ Фроуардъ. — Плайя-Парда (Playa-Parda). — Тихій океанъ. — Прибытіе въ Вальпарайзо.

12 мая, съ разсвѣтомъ, снялись мы съ якоря и подъ парами стали приближаться къ узкости Магелланова пролива.... Вотъ показался вдали узкій проходъ, окаймленный высокими, мрачными скалами; казалось, что корвету и не проскочить черезъ эту лазейку, похожую скорѣе на щель, чѣмъ на проливъ, но вотъ, при внезапномъ поворотѣ, открылся почти передъ самымъ его носомъ широкій проходъ, блестящею широкою лентою вьющійся среди темныхъ скалъ, изрытыхъ черными, глубокими трещинами и покрытыхъ преземистымъ кустарникомъ.... Разорванные, высокіе берега Огненной Земли имѣли необыкновенно мрачный, дикій характеръ; при видѣ этого непривѣтливаго острова, невольно рисуешь въ своемъ воображеніи злыхъ духовъ, притономъ которыхъ, кажется, служитъ эта безплодная, грустная земля....

Плаваніе Магеллановымъ проливомъ было очень удачно, и если бы не постоянные холода (по ночамъ температура упадала даже ниже нуля), то это плаваніе можно было бы также назвать и пріятнѣйшимъ. Все время стояли штили; не было и помину о тѣхъ страшныхъ западныхъ вѣтрахъ, которые дуютъ здѣсь съ ужасною силою...

Мы шли только днемъ, становясь на ночь на якорь въ болѣе или менѣе удобныхъ бухтахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Санди-Пойнтъ или Пунта-Аренасъ, Плая-Парда и Галанъ (Gallant).

Магеллановъ проливъ можно причислить къ самымъ живописнѣйшимъ и привлекательнѣйшимъ мѣстамъ земнаго шара; онъ предста-

вляетъ путешествующему такое громадное количество самыхъ прелестнѣйшихъ, самыхъ фантастическихъ и разнообразныхъ картинъ, что кажется, тянется передъ нимъ чудеснѣйшая панорама лучшихъ и грандіознѣйшихъ мѣстъ земнаго шара. Нѣтъ въ мірѣ такого прекраснаго пролива: извилистый, какъ наши почтовыя дороги, съ необыкновенно приглубыми, совершенно безопасными и самыми разнообразнѣйшими берегами, богатый множествомъ природныхъ портовъ и надежныхъ якорныхъ стоянокъ, онъ, по-истинѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ путешественниковъ, но въ особенности моряковъ, на обязанность которыхъ возлагается его изслѣдованіе, изученіе и промѣриваніе....

Магеллановъ проливъ богатъ прекрасными лѣсами, изобилуетъ дичью, рыбою и всѣмъ тѣмъ, что только можетъ доставить страна, до сихъ поръ не обработанная и мало населенная. Трудно представить себѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль такое разнообразіе пейзажей, какое встрѣчаешь па этой большой дорогѣ, соединяющей два океана, величайшіе и просвѣщеннѣйшіе въ мірѣ.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Санди-Пойнтъ или Пунта-Аренасъ, тѣмъ патагонскій берегъ становился все привлекательнѣе и привлекательнѣе; не было уже дикихъ, обрывистыхъ, изрытыхъ глубокими, черными трещинами скалъ, покрытыхъ презеимистымъ кустарникомъ и пестрымъ ковромъ мховъ и лишаевъ, скалъ, напоминающихъ своимъ видомъ грустные и жалкіе берега острововъ Зеленаго Мыса. Тамъ и сямъ стали проглядывать плоскія мѣста, покрытыя роскошною растительностью, красорѣчиво доказывающею, что здѣсь нѣтъ недостатка какъ въ строевомъ, такъ и въ нестроевомъ лѣсѣ, нѣтъ недостатка въ богатыхъ пастбищахъ и пахатныхъ земляхъ.... Даже берега Огненной Земли стали мягче и уже не напоминали своимъ видомъ притонъ злыхъ духовъ: высокія и крутыя скалы иногда прорѣзывались пологими мѣстами, позволявшими заглянуть внутрь дикаго острова.... Развѣшанные кое-гдѣ рыболовные снаряды, поднимающійся изъ за пригорка дымъ—показывали, что страна обитаема жалкими, несчастными существами, потому что на всемъ окружающемъ лежала печать страшной бѣдности и скудости....

Вскорѣ намъ удалось поближе познакомиться съ жителями этого непріятнаго, скучнаго мѣста, и окончательно убѣдиться въ томъ, что они дѣйствительно жалки, несчастны и находятся на низшей степени развитія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ животнаго инстинкта.

Недалеко отъ Санди-Пойнтъ мы увидали быстро приближающуюся къ намъ лодку самой первобытной постройки; въ ней сидѣло нѣсколько

отвратительныхъ мужчинъ и женщинъ, которые, не смотря на сильный холодъ, едва-едва были прикрыты дырявыми тюленьими шкурами. Женщины усиленно гребли и кормили въ то же время грудью дѣтей, лежащихъ на ихъ колѣнахъ совершенно нагишомъ; мужчины же энергично махали тюленьими шкурами и чуть-ли ни на весь проливъ кричали, повидимому, заученныя слова, повторяемыя нѣсколько разъ сряду: «Stop boat, tabacco, galetta! Tabacco! Galetta! (стой судно, табакъ, сухарей! табакъ! сухарей!) дѣлая при этомъ знаки, чтобъ корветъ остановился.

Черезъ какихъ нибудь полчаса лодка съ фуегосами (жители Огненной Земли; такъ они названы капитаномъ Веделемъ, посѣтившимъ Магеллановъ проливъ въ 1822 году) была уже у борта; не безъ страха взлѣзли на корветъ трое мужчинъ, оставивъ женщинъ съ дѣтьми внизу, и сейчасъ-же обратились къ окружившимъ ихъ любопытнымъ съ заученными словами: «Tabacco, galetta»! Наружный видъ дикарей возбуждалъ невольное отвращеніе; едва прикрытые тюленьими шкурами, выпачканные въ бѣлой глинѣ, съ чувственными лицами, вздутыми животами и тонкими, сухими ногами и руками, они производили крайне непріятное впечатлѣніе. Такъ и кажется, что видишь передъ собою какое-то скверное животное, въ родѣ жабы, къ которому не только тошно прикоснуться, но даже непріятно и посмотрѣть.

Фуегосы были небольшаго роста и отвратительно сложены; ихъ большія головы, покрытыя черными, жесткими волосами, падающими на плеча, свалявшимися космами и схваченными вокругъ головы ремешкомъ, были безобразны. Выдающіяся скулы, низкій лобъ, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, сѣрые глаза обыкновенной величины, большой ротъ съ ровными, острыми и грязными зубами, толстыя губы: — вотъ вамъ остальныя примѣты жалкихъ созданій Огненной Земли. Лица ихъ, лишенныя бороды, усовъ и бровей, которыя, какъ извѣстно, вслѣдствіе принятаго здѣсь обычая, заботливо вырываются, не имѣли рѣшительно никакой осмысленности,—точно видишь передъ собою какую-то высохшую мумію.

Женщины были менѣе отвратительны, и даже одна изъ нихъ могла бы назваться среди ихъ красавицею, но, къ несчастью, ихъ уродливыя туловища и удивительная неопрятность внушали то же отвращеніе, производили то же непріятное впечатлѣніе....

О фуегосахъ, вообще, имѣется очень мало свѣдѣній, и никто еще не изучилъ вполнѣ этотъ жалкій народъ, никто еще не вникъ, какъ слѣдуетъ, въ его внутреннюю жизнь. Они дѣлятся, по нѣкоторымъ источ-

никамъ, на четыре племени [1]), считающія въ себѣ не болѣе какъ по нѣсколько сотъ человѣкъ: одно племя отличается отъ другаго ростомъ, цвѣтомъ кожи и даже языкомъ. Фуегосы страстно любятъ мазать свое тѣло бѣлою глиною, а нѣкоторые изъ нихъ, ради щегольства, смазываютъ его еще смѣсью изъ угля, охры и тюленьяго жира, и эта смѣсь до того вонюча, что отъ фуегоса, вымазаннаго подобнымъ снадобьемъ необходимо держаться на очень благородной дистанціи.

Всю одежду этихъ жалкихъ людей составляютъ только коротенькіе плащи изъ тюленьей или гуанаковой шкуры, и нужно удивляться, какъ могутъ они въ подобномъ, почти тропическомъ одѣяніи переносить постоянныя стужи и непогоды. Странно, что они до сихъ поръ не подумали еще одѣваться теплѣе, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ все-таки небольшія сношенія съ просвѣщенными народами, какъ напримѣръ, съ мимо проходящими моряками. Оружіе фуегосовъ состоитъ изъ лука и пращи, которыми, нужно сознаться, они владѣютъ артистически.

Фуегоски не пользуются равноправностью; онѣ рабы своихъ мужей и обязаны исполнять безпрекословно малѣйшія ихъ прихоти; на нихъ лежитъ все хозяйство, на нихъ валятъ самыя тяжелыя и изнурительныя работы, между тѣмъ какъ ихъ мужья проводятъ большую часть времени въ обжорствѣ и снѣ, а меньшую—на охотѣ за тюленями и китами.

Пищу фуегосовъ составляетъ китовое и тюленье мясо, сырая рыба, а также грибы, растущіе въ громадномъ количествѣ на корѣ буковыхъ деревьевъ.

Фуегосовъ въ нѣкоторой степени можно даже причислить къ людоѣдамъ, потому что они, по заявленію многихъ путешественниковъ, при недостаткѣ жизненныхъ припасовъ, убиваютъ «старыхъ женщинъ», которыхъ и пожираютъ съ тѣмъ же аппетитомъ, какъ будто лежитъ передъ нимъ ихъ любимое кушанье — грибы.

О религіи фуегосовъ мало извѣстно, даже не знаютъ, есть ли она у нихъ или нѣтъ.

---

[1]) Племена эти слѣдующія: 1) Вакана-Кунни (Vacana-Kunny) живетъ въ сѣверовосточной части Огненной Земли; оно мало извѣстно и считаетъ въ себѣ не болѣе 500 человѣкъ; 2) Текиника (Tekinica) — живетъ въ окрестностяхъ канала Биглы, самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ племенъ; въ немъ насчитываютъ тоже около 500 человѣкъ; 3) Аликхулипъ (Alikhoulip) — живетъ между западною частью канала Бигль и Магеллановымъ проливомъ (около 400 человѣкъ), это племя самое рослое и лучшаго сложенія и имѣетъ большое сходство съ патагонцами, и наконецъ, 4) Пешересы (Pecherais) — заселяютъ среднюю часть Магелланова пролива; они считаются самыми уродливыми изъ всѣхъ фуегосовъ; ихъ насчитываютъ не болѣе 200 человѣкъ.

Что касается до ихъ хижинъ или «вигвамовъ» (wigwamas), то онѣ представляютъ самую первобытную постройку; онѣ имѣютъ видъ сахарной головы и дѣлаются изъ длинныхъ вѣтвей, воткнутыхъ по окружности въ землю и перевязанныхъ сверху тростникомъ. По срединѣ хижины стоитъ очагъ, распространяющій вокругъ себя удушливый, густой дымъ; прибавьте къ этому еще запахъ припасенной рыбы и мяса, часто не свѣжаго, смѣшанный съ отвратительною вонью нечистоплотныхъ фуегосовъ,—и вы будете имѣть полное понятіе объ этомъ жалкомъ жилищѣ, въ которомъ иностранцу можетъ сдѣлаться дурно даже послѣ минутнаго въ немъ пребыванія.....

Вотъ вамъ почти всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о жалкихъ существахъ, населяющихъ непривѣтливую Огненную Землю и представители которыхъ изволили посѣтить нашъ корветъ....

Фуегосовъ-гостей окружила масса любопытныхъ; ихъ разсматривали со всѣхъ сторонъ, какъ вообще разсматриваютъ какую нибудь новую невиданную вещь. Между тѣмъ они не переставали твердить одно и то же: «tabaco! galetta!» причемъ отчаянно жестикулировали, пополняя такимъ образомъ короткую просьбу весьма понятною пантомимою.

Матросы (добрыя души) не замедлили исполнить настойчивую просьбу дикарей: кто далъ табаку, кто принесъ сухарей, а одинъ даже подарилъ фуегосу, менѣе остальныхъ прикрывшему свою наготу, старую рубаху.

— На, говоритъ, срамникъ этакой, прикройся малость, штобъ намъ хотя не стыдно было на тебя глядѣть!....

Фуегосъ съ неописанною радостью схватилъ рубаху, началъ ее прикидывать къ себѣ, но никакъ не могъ угадать ея назначенія: то онъ совалъ ноги въ рукава, то завертывалъ ею свою поясницу, то накидывалъ на плечи, но голову и руки не догадался все-таки просунуть куда слѣдуетъ, въ этомъ положеніи онъ очень напоминалъ крыловскую мартышку, выкидывающую тѣ же штуки съ добытыми гдѣ-то очками.

Сжалился матросъ, подарившій рубаху, надъ бѣднымъ фуегосомъ и собственноручно одѣлъ ее на него, чѣмъ очень, повидимому, разодолжилъ бѣдняка.....

Смотря на эти несчастныя существа, находящіяся на самой низшей ступени развитія, невольно чувствуешь къ нимъ какую-то жалость; худыя, голодныя, они внушали къ себѣ, кромѣ отвращенія, еще всеобщее сочувствіе. Съ удивительною жадностью бросились они на подаваемые имъ сухари, и тутъ же, при насъ, истребляли ихъ съ страшнымъ прожорствомъ, не забывая впрочемъ кусокъ-другой бросить и женщинамъ, сидѣвшимъ въ лодкѣ, которыя съ неменьшею жадностью ловили свою

подачку и съ удивительною быстротою грызли своими острыми, какъ у хищнаго звѣря, и грязными зубами крѣпкій матросскій сухарь....

Получивъ все просимое, фуегосы спустились въ свою ладью и отвалили отъ борта, дружелюбно махая намъ вслѣдъ своими рваными тюленьими плащами, причемъ пропѣтъ былъ намъ, чуть ли не на весь проливъ, всѣмъ дикимъ обществомъ какой-то прощальный привѣтъ (а можетъ быть и выругали насъ — не могу навѣрное сказать, потому что никто ни понялъ ихъ собачьяго лая), и пропѣтъ, откровенно сказать, очень нестройно и негармонично, что краснорѣчиво доказывало, что фуегосы не обладаютъ музыкальнымъ ухомъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ съ честью занять на нашей петербургской оперной сценѣ первыхъ ролей.

Послѣ отъѣзда дикарей, баковая публика не приминула пуститься о нихъ въ длинныя разсужденія.

— Вишь, холодъ, говорилъ матросъ, подарившій фуегосу рубаху, насъ такъ въ бушлатахъ даже пробираетъ, а они, окаянные страмники, голышами ходятъ.... я вона одному рубаху подарилъ, такъ какъ онъ, сердешный, обрадовался: видно не въ терпежъ-то уже ему стало на морозѣ нагишемъ ходить....

— А бабы-то какія у нихъ тожъ страмныя, разсказывалъ съ удивленіемъ другой матросикъ, сидятъ себѣ.... а на нихъ наши молодцы смотрятъ, смѣются, а имъ, вишь, наплевать, ну точно онѣ отъ насъ за каменными стѣнами сидятъ....

— Поди-жъ ты, значитъ, такая ужъ тутъ страмная земля, проговорилъ глубокомысленно нашъ знакомецъ Архипъ.

— А Господь ее знаетъ....

— Видно ѣсть этому звѣрью тутъ нечего, началъ третій матросикъ: какъ они, горемышные, на сухарики-то бросились.

Жалко просто было и смотрѣть-то на нихъ....

И долго еще толковали матросики о фуегосахъ и, откровенно сказать, очень жалѣли этихъ несчастныхъ существъ, относились къ нимъ сочувственно, хотя иногда и отплевывались, вспоминая ихъ отвратительную наготу, ихъ удивительно безобразное тѣлосложеніе и страшную неопрятность....

Но вотъ показались на плоскомъ берегу Патагоніи слѣды цивилизаціи и черезъ нѣсколько времени раскинулось передъ нами небольшое мѣстечко, къ которому мы и стали быстро приближаться.... Это былъ Санди-Пойнтъ, или Пунта-Аренасъ, ссылочное мѣсто чилійскихъ преступниковъ.

Санди-Пойнтъ расположенъ на небольшой, чрезвычайно красивой возвышенности, окруженной плодородною равниною; онъ состоитъ изъ непрерывнаго двойнаго ряда деревянныхъ домовъ, тянущихся параллельно прекрасной, удобной для якорной стоянки, бухты; надъ массою небольшихъ домиковъ господствовалъ губернаторскій домъ съ башнею, надъ которою, на высокомъ флагштокѣ, гордо развѣвался чилійскій флагъ. Санди-Пойнтъ окруженъ укрѣпленнымъ валомъ, придающимъ ему видъ небольшой крѣпостцы; позади селенія виднѣлся густой лѣсъ, тамъ и сямъ разбросаны были прекрасныя буковыя деревья, достигавшія гигантскихъ размѣровъ, а также деревья капитана Винтера [1]) со своими вѣчно-зелеными кожистыми листьями; за лѣсомъ синѣли высокія горы, въ которыхъ разработываются въ настоящее время очень порядочныя угольныя копи, а также добывается и золото. Основаніе Пунта-Аренаса положено около двадцати лѣтъ тому назадъ; сюда, какъ въ болѣе удобное мѣсто, была переведена колонія изъ порта Фаминъ (портъ Голода), названнаго такъ въ память случившейся тамъ страшной катастрофы, погубившей триста испанскихъ переселенцевъ, присланныхъ сюда королемъ Филиппомъ II. Эти несчастные искатели счастья въ чуждой имъ странѣ нашли въ ней себѣ могилу, за исключеніемъ только двухъ, спасенныхъ проходившимъ англійскимъ судномъ.

Этотъ печальный фактъ случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ: нѣкто донъ Педро Сарміенто, посланный испанскимъ королемъ Филиппомъ II, заложилъ здѣсь поселеніе Санъ-Фелипе, просуществовавшее, къ несчастью, очень недолго. Судно, на которомъ прибыли искатели счастья въ Магеллановъ проливъ, было выброшено въ одну изъ непогодъ на скалистый берегъ и разбито въ дребезги; такимъ образомъ поселенцамъ отрѣзано было всякое отступленіе, а между тѣмъ наступала уже стужа; приближалась суровая зима. Оставшись безъ жизненныхъ припасовъ въ самую страшную пору года, несчастные переселенцы стали одинъ за другимъ умирать ужасною голодною смертію; изъ трехъ сотъ человѣкъ осталось только двое (страшная пропорція), которые были спасены англійскимъ судномъ, спасены въ самый послѣдній моментъ! Съ этого времени селеніе Санъ-Фелипе было переименовано въ портъ Фаминъ (Портъ Голода), и до сихъ поръ это названіе напоминаетъ о страшной катастрофѣ....

---

[1]) Эти деревья названы въ честь капитана Винтера, спутника Франца Драке, посѣтившаго, въ XVI столѣтіи, Магеллановъ проливъ; Винтеръ вылечилъ корою этихъ деревьевъ своихъ матросовъ отъ цынги.

Населеніе Санди-Пойнтъ состоитъ преимущественно изъ преступниковъ обоего пола, которыхъ насчитываютъ до нѣсколько сотъ человѣкъ; небольшой гарнизонъ, состоящій изъ пѣхоты (чилійцы) и кавалеріи, вербованной изъ индѣйцевъ, заселяющихъ сѣверную часть Патагоніи, наблюдаетъ за сосланнымъ сбродомъ и сдерживаетъ его грубыя страсти.

Остальную часть населенія составляютъ поселяне, переселившіеся сюда изъ Чилоэ для обработки земли; торговцы и разный сбродъ всевозможныхъ авантюристовъ, пріѣхавшихъ сюда въ надеждѣ составить себѣ состояніе, которое они не могли составить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Какъ видите, Пунта-Аренасъ своимъ населеніемъ похвастаться не можетъ, точно также не можетъ похвастаться и нравами этого сброда негодяевъ. Вообще нравы здѣсь сильно испорчены и развращены, и понятно почему: главную массу населенія составляютъ преступники, негодяи и распутныя женщины, высылаемыя изъ Вальпарайзо и выдаваемыя замужъ за ссыльныхъ; отъ этого сброда идетъ нравственная зараза во всѣ стороны и гнететъ надъ остальнымъ населеніемъ. Пьянство развито здѣсь въ страшной степени; большая часть жителей проводятъ цѣлые дни въ потягиваніи коньяка, который истребляется здѣсь въ значительномъ количествѣ; трудно встрѣтить на улицѣ трезваго: кто пьянъ «до положенія ризъ», кто назудился до такой степени, что «лавируетъ съ громаднымъ дрейфомъ», а кто только навеселѣ....

Почти всѣ жители этого мѣстечка, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ преступникомъ, занимаются мѣновою торговлею, причемъ на торговомъ поприщѣ главнымъ предметомъ эксплуатаціи служатъ патагонцы. Эти бѣдняки до страсти полюбили крѣпкіе напитки, съ которыми познакомили ихъ цивилизующіе ихъ чилійцы; за коньякъ, разбавленный водою, они отдаютъ лошадей, мѣха гуанаковъ, пумъ, полосатыхъ хорьковъ, страусовыя шкуры и т. п. Съ ними обходятся всѣ съ нахальнымъ безстыдствомъ, что ложится грязнымъ пятномъ не только на губернатора колоніи, но и на все чилійское правительство.

Патагонцы (о нихъ будетъ сказано ниже) очень часто посѣщаютъ колонію, партіями въ сто и болѣе человѣкъ, и привозятъ сюда результаты своихъ долговременныхъ трудовъ; но ихъ не впускаютъ въ нее иначе, какъ отобравши заранѣе все оружіе, которое и хранится до окончанія мѣны у губернатора. Попавъ разъ въ руки торговцевъ, они уходятъ изъ селенія почти голышами; продавъ все, что было съ собою взято за нѣсколько бутылокъ коньяка, который большею частью распивается ими тутъ же, на мѣстѣ, они получаютъ отъ губернатора свое оружіе и полупьяными выходятъ уже изъ колоніи. Рѣдкій патагонецъ увезетъ

съ собою кусокъ сукна яркаго цвѣта или что нибудь другое, болѣе или менѣе необходимое; большая же часть ихъ уходитъ изъ селенія только со своимъ оружіемъ, истративъ такимъ образомъ, въ самое короткое время, результаты долговременныхъ трудовъ....

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ все населеніе Санди-Пойнтъ легко наживается [1]), а сама колонія «быстро процвѣтаетъ», но только не въ славу, а въ позоръ чилійцамъ; каждый почти годъ прибываютъ сюда новые и новые авантюристы, эксплоатирующіе патагонцами съ тѣмъ же нахальнымъ безстыдствомъ и задавшіеся единственною мыслью поскорѣй разжиться на счетъ бѣдныхъ индѣйцевъ, будущность которыхъ при подобныхъ условіяхъ очень печальна.... Вотъ вамъ и цивилизація!.. Вмѣсто того, чтобы вывести дикарей изъ невѣжества, познакомивъ съ хорошею стороною цивилизаціи, ихъ знакомятъ съ дурною и тѣмъ втаптываютъ несчастныхъ глубже въ омутъ, изъ котораго имъ уже никогда не вылѣзть.... Словомъ, здѣсь цивилизація идетъ тѣмъ же путемъ, какъ она шла у американцевъ и ихъ друзей (?) англичанъ, любящихъ цивилизовать такъ, чтобы отъ просвѣщеннаго имъ народа остался одинъ комокъ грязи, надъ которымъ можно только развѣ поставить надгробный памятникъ съ надписью: «существовалъ нѣкогда народъ, но когда просвѣтился, то умеръ»!...

Пунта-Аренасъ ожидаетъ впослѣдствіи хорошая будущность; находясь на главномъ соединительномъ пути Атлантическаго океана съ Великимъ, имѣя неистощимый запасъ очень порядочнаго каменнаго угля, строеваго лѣса, огромное количество строительной извести и золотые пріиски, онъ можетъ быть впослѣдствіи главнымъ торговымъ пунктомъ въ Магеллановомъ проливѣ, можетъ сдѣлаться первымъ портомъ всей Патагоніи. Бухта Санди-Пойнтъ представляетъ одно изъ лучшихъ якорныхъ мѣстъ Магелланова пролива, но, къ несчастью, приставаніе къ берегу при волненіи весьма неудобно вслѣдствіе почти постоянно бушующаго прибоя. Этотъ важный недостатокъ порта можно отстранить только возведеніемъ хорошаго мола; но, къ сожалѣнію, существуетъ здѣсь еще другой недостатокъ, отстранить который почти нѣтъ возможности, а именно: наливка водою въ Санди-Пойнтъ чрезвычайно затруднительна, да и самая вода не можетъ похвалиться хорошимъ вкусомъ и аппетитнымъ видомъ. Около кладбища, лежащаго позади селенія,

[1]) Пріобрѣтенные отъ патагонцевъ предметы перепродаются съ громаднымъ барышемъ на мимо проходящія суда. Гуанаковую шкуру, напримѣръ, которая обошлась, можетъ быть, въ одну бутылку разбавленнаго коньяка, они продаютъ за двадцать и даже болѣе рублей.

протекаетъ небольшой ручеекъ съ мутною, красноватою водою, годною развѣ только для разведенія лягушекъ, но никакъ не для питья и пищи; шлюбка къ мѣсту наливки пробраться не можетъ и приходится черпать воду ведрами и носить ее къ катерамъ, что очень неудобно, да и притомъ утомительно для команды....

Находящіяся въ Санди-Пойнтѣ угольныя копи неистощимы: онѣ простираются далеко внутрь страны и разрабатываются довольно дѣятельно, такъ какъ спросъ на уголь очень большой. Склады его находятся на самомъ берегу; отъ нихъ проложены къ копямъ рельсы, по которымъ подвозятъ уголь къ берегу на лошадяхъ и быкахъ....

Прогулка по берегу доставила намъ громадное удовольствіе; сейчасъ за селеніемъ тянулся вдаль великолѣпный лѣсъ, въ которомъ, не смотря на холодъ, растительность была чудесная, почти фантастическая. Громадные антарктическіе буки, съ необыкновенно толстыми и вѣтвистыми стволами, со своими маленькими, зазубренными листьями, вѣчно зеленѣющія винтеревы деревья образовывали почти непроницаемую чащу, среди которой вились лишь узенькія тропинки или пролегали неширокія просѣки. Окружающая насъ роскошная зелень какъ-то не согласовалась съ нашимъ теплымъ одѣяньемъ, къ которому необходимо было прибѣгнуть вслѣдствіе холоднаго дня; съ нѣмымъ восторгомъ любовались мы чудеснѣйшими гигантскими буками, вздымающими къ небу свои пышныя вершины, стройными винтеревыми деревьями и другими роскошными растеніями, небоящимися холода, снѣжныхъ бурь, града и другихъ непогодъ Магелланова пролива....

Въ Санди-Пойнтѣ удалось намъ познакомиться съ нѣсколькими представителями гигантскаго племени патагонцевъ, прибывшими въ колонію сбыть за нѣсколько бутылокъ коньяку гуанаковые мѣха и страусовыя шкуры. Видѣнныхъ нами индѣйцевъ нельзя безусловно назвать великанами, хотя въ сравненіи съ нами они казались гигантами; ихъ ростъ былъ самый красивый ростъ, котораго достигаютъ и многіе европейцы; но чѣмъ разительно отличаются они отъ послѣднихъ и всѣхъ туземныхъ индѣйскихъ племенъ—это необыкновенно широкими плечами, плотнымъ, мускулистымъ тѣломъ и сильно развитыми ногами и руками, которыя достигаютъ у нихъ весьма почтенныхъ размѣровъ [1]). Словомъ, патагонцы скорѣе геркулесы, но не гиганты; впрочемъ верхомъ они дѣйствительно кажутся великанами, и главная причина того несоразмѣрность длиннаго туловища съ сравнительно очень короткимъ ногамъ.

[1]) Необыкновенно развитыя ноги подали Магеллану мысль назвать этихъ индѣйцевъ патагонцами (Patagon), что означаетъ: «люди съ большими ногами».

Голова у патагонцевъ большая, немного приплюснутая сзаду; лице широкое, почти четыреугольное, съ нѣсколько выдающимися скулами, съ небольшими прямыми глазами и съ большимъ, постоянно улыбающимся и немного выдающимся ртомъ, такъ что перпендикулярная линія, проведенная отъ выпуклаго лба къ губамъ, едва коснется носа, приплюснутаго и съ открытыми ноздрями. Толстыя губы, славные, ровные и бѣлые зубы, черные, какъ вороново крыло, волосы, торчащіе широкими космами и перехваченные ремешкомъ или бумажною тесемкою, темногрязный цвѣтъ кожи:—вотъ вамъ остальныя примѣты этихъ сильныхъ, могучихъ существъ.

Бороды вы не увидите ни у одного патагонца: они ея не любятъ и при первомъ появленіи на свѣтъ нѣсколькихъ волосковъ сейчасъ же выщипываютъ ихъ самымъ усерднымъ и тщательнымъ образомъ; въ этомъ отношеніи ихъ вкусъ и мода совершенно сходятся со вкусомъ и модою фуегосовъ....

Патагонки нѣсколько красивѣе; правда, есть между ними много очень уродливыхъ, но есть также и красавицы, въ полномъ смыслѣ этого слова, прекраснаго тѣлосложенія, съ маленькими руками и ногами, роскошными волосами и почти совершенно европейскимъ типомъ. Происхожденіе этихъ красавицъ, появляющихся среди дикихъ индѣйцевъ, какъ блестящій метеоръ въ глубинѣ темнаго, мрачнаго неба, объясняется сближеніемъ туземокъ съ европейцами, сближеніемъ весьма пагубнымъ для дикарей, потому что черезъ него вносятся въ среду ихъ страшныя заразительныя болѣзни, съ которыми они не знаютъ даже что дѣлать, не понимаютъ всей ихъ опасности, на которыя они не обращаютъ должнаго вниманія, вслѣдствіе чего болѣзни эти распространяются здѣсь въ быстрыхъ размѣрахъ. Словомъ, въ Патагоніи повторяется та же исторія, совершавшаяся на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ предковъ уже сотни разъ.... Патагонскія дѣвушки зарились и зарятся даже до сихъ поръ на различныя грошевыя украшенія, получаемыя ими отъ европейцевъ, нисколько не сознавая при этомъ, что вмѣстѣ съ извѣстнымъ украшеніемъ онѣ получаютъ, большею частью, совершенно неизвѣстную имъ страшную болѣзнь; на проступки дѣвушекъ никто изъ патагонцевъ не обращаетъ никакого вниманія, потому что тѣ, какъ дальше увидите, пользуются до замужества «полною свободою»....

Вся одежда патагонцевъ состоитъ изъ обширной квадратной мантіи, сшитой или изъ какой нибудь яркой матеріи, пріобрѣтенной въ Санди-Пойнтѣ взамѣнъ своихъ природныхъ богатствъ, или же изъ самыхъ лучшихъ и мягкихъ гуанаковыхъ шкуръ; впрочемъ люди побѣднѣе до-

вольствуются мантіею, сшитою изъ шкурокъ лисицъ и хорьковъ.... При сшиваніи отдѣльныхъ кусковъ патагонцы употребляютъ страусовыя сухія жилы....

Кромѣ мантіи, нѣкоторые изъ патагонцевъ носятъ еще, изъ чувства стыдливости, добавочное одѣяніе, состоящее изъ треугольной шкуры, обхватывающей своимъ основаніемъ талью и спускающейся вершиною къ колѣнамъ, которая затѣмъ пропускается между лядвіями и привязывается сзаду къ поясу. Но большая часть стѣсняется подобнымъ, по ихъ мнѣнію лишнимъ, одѣяніемъ и красиво драпируются только въ свои обширныя мантіи, которыя схватываются на груди серебряною или мѣдною пряжкою, смахивая при этомъ на древнихъ римлянъ или грековъ. Женщины, кромѣ мантіи, носятъ еще поясную повязку, спускающуюся до колѣнъ въ видѣ юбки, или же нѣчто въ родѣ женской рубахи; волосы свои носятъ онѣ или распущенными по плечамъ, или же заплетаютъ ихъ въ двѣ длинныя роскошныя косы, къ которымъ привѣшиваютъ чуть ли не всѣ имѣющіяся у нихъ украшенія, перемѣшивая ихъ съ кусочками кожи и разными монетами. Огромныя серебряныя серьги съ привѣшанными квадратными кусочками золота служатъ лучшимъ украшеніемъ патагонскихъ женщинъ, которое онѣ готовы пріобрѣсть всевозможными средствами....

Татуированіе патагонцамъ неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе у нихъ рѣдко сохраняется природный цвѣтъ кожи, потому что они до страсти любятъ расписываться бѣлою, черною и красною красками, къ которымъ прибѣгаютъ даже и женщины. Патагонецъ всюду путешествуетъ съ маленькими мѣшечками, въ которыхъ хранятся обыкновенно всѣ эти снадобья и необходимые для окраски инструменты: онъ пачкается ими при всякомъ удобномъ случаѣ и находитъ въ этомъ занятіи истинное удовольствіе, въ которомъ не отказываетъ себѣ самый бѣднѣйшій изъ патагонцевъ....

Характеромъ своимъ патагонцы похвастаться не могутъ: ложь, хитрость, коварство, вѣроломство, жестокость, страшная лѣнь и наконецъ пьянство, которому научились они отъ цивилизующихъ ихъ чилійцевъ,—вотъ вамъ главнѣйшія качества этихъ индѣйцевъ; мошенничество и воровство у нихъ въ большомъ ходу, особенно въ сношеніяхъ съ иноземцами. Съ женщинами они обращаются деспотически: онѣ скорѣе у нихъ невольницы, нежели жены; ихъ заставляютъ работать съ ранняго утра до поздней ночи, между тѣмъ какъ мужья только и думаютъ о томъ, какъ бы добыть себѣ табаку и рому, да лежатъ безъ всякаго дѣла въ своихъ душныхъ шалашахъ, предаваясь пьянству и обжорству. Жен-

щина даже въ послѣдній періодъ своей беременности не смѣетъ посвятить отдыху хотя бы нѣсколько часовъ, даже въ это тяжелое для нея время она завалена работою по самое горло. Она стряпаетъ мужу кушанье, нянчитъ дѣтей, смотритъ за всѣми лошадьми и домашнимъ скотомъ, сдираетъ шкуры съ гуанаковъ, лисицъ, хорьковъ и страусовъ, привезенныхъ съ охоты, обдѣлываетъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и выдѣлываетъ изъ нихъ кожи, сѣдлаетъ и чиститъ мужу коня, словомъ, цѣлый день проводитъ она въ страшной суетѣ и хлопотахъ...

Лѣность патагонцевъ доходитъ до высшей степени безобразія: они занимаются только своимъ оружіемъ и охотою, и то ради любезнаго имъ коньяка и табаку; у нихъ одна только забота, какъ бы получше выпачкать свое тѣло и покрасивѣе растрепать волосы; въ этомъ отношеніи они очень походятъ на нашихъ кокетливыхъ модницъ, у которыхъ главную роль играютъ румяна, бѣлила и самые безобразные шиньоны, прическа которыхъ, нужно сознаться, много смахиваетъ на растрепанную гриву патагонцевъ....

Патагонцы вообще, мужчины и женщины, страшно неряшливы; они живутъ положительно въ грязи и никогда не метутъ своихъ хижинъ, или толдосъ (toldos), имѣющихъ большое сходство съ жилищемъ фуегосовъ (но только выстроены онѣ гораздо изящнѣе и крыты гуанаковою кожею); соръ въ ихъ хижинахъ лежитъ обыкновенно безобразными вонючими кучами; когда же его количество достигаетъ такой массы, что начинаетъ уже мѣшать живущимъ, то толдосъ переносится на другое чистое мѣсто, которое черезъ нѣсколько времени превращается также въ отвратительную помойную яму.... Патагонцы никогда не моются, купаются же только въ очень жаркое время и то съ цѣлью освѣжиться, а уже никакъ не съ цѣлью сполоснуть съ себя десятки слоевъ самой отвратительной грязи; они сжились съ грязью, какъ сжились съ нею наши русскія свиньи, и находятъ особенное удовольствіе валяться въ неметеной хижинѣ, дышать міазмами, подымающимися съ зараженной земли, и любоваться вздымающимися повсюду грудами нечистотъ. Толдосъ почти недоступна для иностранца; не думаю, чтобы кто нибудь рѣшился подробнѣе осмотрѣть эту вонючую берлогу, кто нибудь рѣшился пожертвовать своими легкими, глазами и носомъ, не упоминая уже о томъ, какіе непріятные слѣды пребыванія въ хижинѣ индѣйца останутся на платьѣ и обуви любопытнаго путешественника.. Патагонецъ не прихотливъ въ ѣдѣ: вареное или сырое кобылье и гуанаковое [1])

[1]) Гуанаковое мясо необыкновенно нѣжно и вкусно.

мясо для него одинаково вкусно; протухлое сало и жиръ считаются у патагонцевъ лакомымъ блюдомъ. Изъ этого можно заключить, что они приготовляютъ вкусное гуанаковое мясо такъ скверно, что оно у нихъ ничѣмъ не отличается отъ любезнаго имъ протухлаго жира. Патагонцы ѣдятъ удивительно много, но вмѣстѣ съ тѣмъ способны на долгій постъ; бываютъ случаи, что индѣецъ не выходитъ изъ-за лѣни изъ своего шалаша двое сутокъ и только тогда отправляется на охоту, когда его желудокъ черезъ чуръ энергично потребуетъ себѣ работы....

Патагонцы ведутъ кочующую жизнь на огромномъ пространствѣ земли, лежащемъ между Магеллановымъ проливомъ и Ріо-Негро; кочуютъ они партіями отъ ста до двухсотъ человѣкъ, причемъ каждая партія имѣетъ своего старшину, въ которые избираютъ обыкновенно самыхъ богатыхъ изъ индѣйцевъ и владѣющихъ большимъ числомъ лошадей. Власть старшинъ очень ограничена и проявляется только при выборѣ пути для перекочеванія; кромѣ старшинъ, у патагонцевъ есть еще высшій начальникъ, называемый «карасъ-кенъ» (caras-ken), который управляетъ всѣмъ народомъ; въ мирное время онъ впрочемъ пользуется очень ограниченною властью, но въ военное—власть его неограниченна: онъ собираетъ всѣ кочующія въ разныхъ мѣстахъ партіи въ одно цѣлое и становится во главѣ собраннаго войска; въ это время всѣ безъ исключенія должны ему безпрекословно повиноваться, и малѣйшее неповиновеніе наказуется смертью. Чтобы быть выбраннымъ на это важное мѣсто, нужно раньше выказать свое мужество и краснорѣчіе [1]); власть эта пожизненная, но не наслѣдственная....

Во время кочевки, переговорными сигналами между партіями служатъ огни, помощью которыхъ они увѣдомляютъ другъ друга о грозящей опасности; для этого зажигаютъ въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ лѣсъ или траву, и дымъ отъ этихъ пожаровъ бываетъ видѣнъ на большомъ разстояніи; извѣстное число огней имѣетъ разъ навсегда опредѣленное зна-

[1]) Въ Санди-Пойнтъ разсказываютъ, что недавно, будто бы (кажется въ 1866 году), прибылъ въ Патагонію какой-то промотавшійся французскій адвокатъ (забылъ фамилію), который успѣлъ, зная патагонскій языкъ, снискать благорасположеніе индѣйцевъ, и былъ ими единодушно избранъ въ карасъ-кенъ. Не довольствуясь этимъ титуломъ, не имѣющимъ для европейца особенной привлекательности, онъ сталъ называть себя «королемъ всей Араукаіи», при чемъ даже, по примѣру коронованныхъ особъ, сталъ подписываться всюду не иначе какъ одномъ именемъ, не забывая даже выставлять за нимъ и нумеръ (онъ назвалъ себя Ореліемъ I). Этотъ авантюристъ дѣятельно было принялся за образованіе «новаго королевства», началъ выпускать для своего «царскаго двора» какія-то акціи, но въ настоящее время живетъ кажется въ Парижѣ....

ченіе. Оборонительное и наступательное оружіе патагонцевъ состоитъ изъ лука, дротика, пращи и боласа; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже и ружья, но такія плохія, что никоимъ образомъ нельзя ихъ сравнить даже съ луками, которые въ рукахъ ловкаго индѣйца принесутъ гораздо больше пользы. Послѣдніе бываютъ обыкновенно около трехъ футовъ длиною, причемъ тетивы ихъ вьются изъ сыромятныхъ ремней; деревянныя стрѣлы очень коротки; задній конецъ ихъ украшенъ крѣпкими, короткими и бѣлыми перьями, между тѣмъ какъ остріе замѣняетъ или ловко вдѣланный осколокъ бутылки, или же хорошо отточенный кремень. Кромѣ того конецъ стрѣлы снабженъ еще двумя, слабо прикрѣпленными крючками, которые, при входѣ ея въ тѣло, прижимаются къ древку; но какъ только раненый захочетъ вытащить стрѣлу, то крючки эти раздвигаются и страшно расширяютъ рану, а при дальнѣйшей его попыткѣ избавиться отъ смертоноснаго оружія, они совершенно отдѣляются отъ древка и остаются въ тѣлѣ, что, разумѣется, сильно затруднитъ леченіе раны....

Пращи, принятыя въ употребленіи у патагонцевъ, самаго простаго устройства: онѣ состоятъ изъ крѣпкой кожи, растянутой въ видѣ длиннаго параллелограма.

Патагонцы владѣютъ лукомъ и пращею съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ неподражаемою ловкостью; способъ дѣйствія послѣднею напоминаетъ игру въ лапту: лѣвою рукою подбрасывается въ воздухъ хорошо закругленный камень, который ударяется пращею, находящеюся въ правой рукѣ; при такомъ простомъ способѣ бросанья камней они летятъ удивительно вѣрно и притомъ на значительное разстояніе. Нѣтъ почти цѣли, въ которую ни попалъ бы патагонецъ камнемъ, подданнымъ пращею; нѣкоторые изъ индѣйцевъ владѣютъ этимъ оружіемъ одинаково артистично, какъ правою, такъ и лѣвою рукою; они выкидываютъ имъ такія удивительныя штуки, которыя не выкинетъ самый лучшій стрѣлокъ изъ отлично вывѣреннаго и хорошо ему знакомаго ружья самой лучшей системы. Нечего также говорить, что съ лукомъ и дротикомъ они управляются съ тѣмъ же почти сверхъестественнымъ искусствомъ, а въ бросаніи боласа превосходятъ даже гаучо, этихъ прославленныхъ типовъ необыкновенной ловкости и проворства [1]). Нужно только удивляться той удивительной вѣрности глаза, которая развивается у этихъ индѣйцевъ при постоянномъ упражненіи, и по всему можно судить, что они враги очень опасные....

[1]) О способѣ бросанія боласа было уже говорено раньше; устройство его также извѣстно.

Во время войны патагонцы сбрасываютъ съ себя все лишнее одѣяніе и остаются совершенно голыми, чтобы удобнѣе было бороться съ врагомъ и удобнѣе употреблять въ дѣло всевозможныя хитрости, коварства и уловки, которыя обыкновенно считаются у индѣйцевъ лучшимъ и необходимѣйшимъ достоинствомъ каждаго храбраго воина. На патагонцѣ въ день сраженія остается одинъ только кожаный поясъ, къ которому привязывается все его оружіе; впрочемъ ихъ главные предводители разодѣваются въ оригинальные доспѣхи, заимствованные ими у индѣйцевъ племени окасовъ. Доспѣхи эти состоятъ изъ широкой рубашки, безъ рукавовъ, сшитой изъ двойныхъ, гибкихъ и хорошо выдѣланныхъ кожъ; она обыкновенно доходитъ до колѣнъ, и патагонецъ, наряженный въ подобныя латы, кажется верхомъ на лошади, какимъ-то Добрынею Никитичемъ или Бовою Королевичемъ, который однимъ махомъ сто тысячъ побивалъ, да семь могучихъ богатырей. При подобныхъ доспѣхахъ, какъ необходимую принадлежность, носятъ не менѣе оригинальный шлемъ, сдѣланный изъ самой крѣпкой толстой кожи, съ ахилловскимъ гребнемъ, украшеннымъ кусочками серебра и мѣди...

У патагонцевъ сильно развита полигамія; каждый изъ нихъ можетъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи купить, сколько можетъ помѣстить въ своемъ толдосѣ; жены для патагонца не болѣе, не менѣе какъ работницы; на нихъ лежитъ вся забота о хозяйствѣ, лежатъ всѣ работы безъ исключенія, между тѣмъ какъ онъ самъ проводитъ время въ праздности.... Патагонцы очень ревнивы и жестоко наказываютъ своихъ женъ за малѣйшую измѣну.... До замужества дѣвушка пользуется полною свободою и можетъ жить такъ, какъ ей вздумается, какъ ей кажется пріятнѣе; но разъ вышедши замужъ, отъ нея строго требуютъ, чтобы она была вѣрна своему мужу, своему господину, чтобы она забыла уже навсегда свои прежнія шалости, своихъ прежнихъ обожателей и вела себя цѣломудренно, какъ подобаетъ честной женѣ храбраго воина. Патагонки вообще очень стыдливы и никогда не выставляютъ наружу своихъ прелестей, но, тѣмъ не менѣе, самое грошовое украшеніе можетъ ихъ заставить на время измѣнить своей стыдливости и удовлетворить прихоть своей страстной натуры....

Когда дѣвушка достигаетъ полнаго развитія (о чемъ она сама объявляетъ своей матери), то это считается въ семействѣ большимъ праздникомъ, важнымъ событіемъ, и понятно почему: ее можно уже продать и получить за нее лошадей, шкуры и одежду, въ которой, можетъ быть, отецъ и мать сильно нуждались.

Въ честь совершившагося событія, отецъ варѣзываетъ самую жирную

кобылу и приглашаетъ на праздникъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, причемъ ни за что не упуститъ изъ виду тѣхъ, кто думаетъ обзавестись новою женою. Дѣвушку сажаютъ посреди толдоса, на особое изукрашенное мѣсто, носящее туземное названіе пуетенука (puetenuca), и къ ней начинаютъ, по очереди, подходить съ поздравленіемъ всѣ приглашенные на праздникъ, за что получаютъ отъ нея, смотря по званію или родству, большій или меньшій кусокъ конины. Послѣ этой церемоніи дѣвушку кла[illegible] женскую мантію, за концы которой берутся ея мать и ближайшія [illegible]ственницы, и несутъ къ рѣкѣ или озеру, причемъ впереди этого шествія [illegible] обыкновенно патагонская жрица, напѣвая съ безобразными [illegible]ляніями и гримасами заклинанія противъ злаго духа. Шествіе это не смѣетъ сопровождать ни одинъ мужчина; когда оно подойдетъ къ рѣкѣ или озеру, то жрица первая входитъ въ воду, беретъ въ горсть немного прохлаждающей стихіи и, бросая ее въ воздухъ, бормочетъ про себя какія-то молитвы. Затѣмъ дѣвушку раздѣваютъ, вносятъ въ воду и нѣсколько разъ погружаютъ въ нее, взывая хоромъ къ доброму духу, чтобъ хотъ избавилъ ее отъ зла въ ея новомъ положеніи; послѣ этого выносятъ ее изъ рѣки, тщательно вытираютъ и кладутъ на разостланную на берегу мантію, причемъ покрываютъ ее самыми лучшими тканями, какія только имѣлись у ея родителей, и торжественно вносятъ въ толдосъ. Съ этого времени на дѣвушку смотрятъ уже какъ на почетнаго члена семейства и дѣятельно пріискиваютъ ей жениха; отецъ назначаетъ ей цѣну и торгуетъ своимъ дѣтищемъ такъ же, какъ будто продаетъ мѣшокъ картофелю или гуанаковыя шкуры; но, нужно сознаться, дѣвушку не выдаютъ замужъ безъ ея согласія, и торгъ тогда только считается законченнымъ, когда она увидитъ ищущаго ея руки и сердца индѣйца и лично объявитъ ему о своемъ согласіи сдѣлаться его женою и рабою.

Когда такимъ образомъ уладятся въ цѣнѣ и заполучатъ согласіе невѣсты, то начинаютъ строить свадебный толдосъ; когда послѣдній будетъ готовъ, то въ него вводятъ торжественно жениха съ невѣстою и оставляютъ ихъ наединѣ въ ихъ новомъ жилищѣ; приглашенные же гости и родные собираются вокругъ хижины новобрачныхъ, чтобы достойно отпраздновать совершающееся событіе.... Прежде всего жрица начинаетъ, черезъ дверь толдоса, давать молодому наставленія, какъ ему слѣдуетъ вести себя въ отношеніи своей жены, и пунктуально разъясняетъ ему всѣ его обязанности; кончивъ свои наставленія, она начинаетъ выплясывать вокругъ хижины, причемъ, время отъ времени,

приговариваетъ различныя заклинанія, сопровождая ихъ уморительными кривляніями и гримасами, которыми, повидимому, она думаетъ напугать злаго духа и отогнать его подальше отъ ложа новобрачныхъ. Всѣ присутствующіе слѣдуютъ ея примѣру и начинаютъ вертѣться вокругъ толдоса въ адской пляскѣ, акомпанируя себѣ при этомъ самою дьявольскою музыкою, заключающеюся въ ужасномъ насвистываньи въ большія раковины и тыквенныя бутылки. Между тѣмъ лучшіе друзья молодаго разводятъ костеръ и жарятъ кобылье мясо, которымъ, по временамъ, угощаютъ, по маленькому кусочку, молодую чету, и такъ проводятъ время до самаго утра; но и тогда бракъ не считаютъ еще окончательно совершеннымъ.... Еще нужно, чтобы всѣ жители толдеріи или деревни посѣтили молодыхъ, на другой день, на ихъ брачномъ ложѣ, и тогда только бракъ признается дѣйствительнымъ, и никто уже не посмѣетъ обидѣть молодую, заклеймивъ ее названіемъ наложницы.... Послѣ этого молодая жена одѣваетъ на себя самые дорогіе подарки мужа, садится на подареннаго ей коня, разукрашеннаго самымъ лучшимъ образомъ, и выѣзжаетъ показаться всей толдеріи....

При этомъ нужно замѣтить, что женихъ не имѣетъ права разспрашивать невѣсту о ея прошедшемъ поведеніи, а мужъ не имѣетъ права упрекнуть свою жену въ прежнихъ ея шалостяхъ, но за то строго слѣдитъ за ея нравственностью, чтобы она не осмѣлилась согрѣшить и въ замужествѣ, что считается величайшимъ позоромъ какъ для мужа, такъ и для его жены.... Если же она заведется впослѣдствіи возлюбленнымъ, который рѣшится похитить ее изъ толдоса мужа, то послѣдній тогда только имѣетъ право потребовать возвращенія жены и примѣрно ее наказать, когда онъ самъ высшаго званія, чѣмъ похититель, или же имѣетъ болѣе могущественныхъ друзей; въ противномъ же случаѣ онъ долженъ, по обычаямъ страны, терпѣливо перенести похищеніе и навсегда отказаться отъ своей жены....

Патагонскія женщины занимаются рѣшительно всѣмъ, за исключеніемъ охоты и войны; работы у нихъ множество, онѣ трудятся съ ранняго утра до поздней ночи и не имѣютъ днемъ часу отдыха; даже во время своей беременности онѣ завалены тою же работою, и къ ихъ мученіямъ мужья нисколько не нисходятъ, а послѣ разрѣшенія имъ дается не болѣе двухъ-трехъ дней отдыха, а затѣмъ онѣ опять обязаны суетиться по хозяйству и утомляться надъ изнурительными и тяжелыми работами.. Рожденіе ребенка ознаменовывается пѣснями, пляскою и веселымъ пиршествомъ; патагонцы любятъ своихъ дѣтей до обожанія; къ нимъ они

чрезвычайно нѣжны и внимательны, что странно видѣть въ подобныхъ дикаряхъ....

Но что особенно достойно вниманія у патагонцевъ,—это всеобщее благоговѣніе и почтеніе къ усопшимъ; въ этомъ отношеніи они очень походятъ на насъ, цивилизованныхъ; у нихъ могилы и погребальныя процессіи пользуются глубокимъ уваженіемъ. Патагонцы долго вспоминаютъ тѣхъ, кого любили, часто оплакиваютъ ихъ и разсказываютъ другъ другу о добродѣтеляхъ покойныхъ.... Когда умираетъ глава семейства, то всѣ друзья его надѣваютъ трауръ (то есть окрашиваютъ свое тѣло въ черную краску) и приходятъ утѣшать вдову и дѣтей; затѣмъ они раздѣваютъ покойника и, пока онъ еще тепелъ, даютъ ему весьма неудобное положеніе, а именно: пригибаютъ колѣна къ подбородку такъ, чтобы пятки приходились у нижней части туловища, причемъ руки усопшаго скрещиваются на голеняхъ. Послѣ этого сжигаютъ, въ знакъ печали, часть его имущества, а также и толдосъ; жена и дѣти снимаютъ съ себя все принадлежавшее покойнику, потому что, по обычаямъ страны, они не имѣютъ права носить все это послѣ смерти главы; затѣмъ вдова пачкаетъ все свое тѣло черною краскою и обрѣзаетъ волосы на передней части головы, расчесываетъ остальные, распускаетъ ихъ по плечамъ и запирается въ старый толдосъ, гдѣ цѣлый годъ проводитъ время въ глубокой горести, притворной или искренней—это ужъ ея дѣло, цѣлый годъ не снимаетъ съ себя траура (то есть не смываетъ черной краски и не даетъ подростать волосамъ), причемъ должна вести самый строгій образъ жизни. Малѣйшее нарушеніе этого обычая считается жестокою обидою памяти умершаго, родные котораго имѣютъ право убить виновную вмѣстѣ съ ея соучастникомъ....

Когда тѣло покойнаго сложено, какъ выше было сказано, и толдосъ его сожженъ, то родственники его зарѣзываютъ принадлежавшихъ ему лошадей и домашній скотъ, мясо которыхъ употреблять въ пищу считается величайшимъ оскорбленіемъ усопшаго; даже собаки, вѣрные спутники въ охотахъ покойнаго, подвергаются той же печальной участи. Изъ всѣхъ лошадей оставляютъ впрочемъ одну и именно ту, которую покойникъ любилъ больше другихъ; она должна довезти его тѣло, вмѣстѣ съ оружіемъ и всѣми драгоцѣнностями, до мѣста погребенія, гдѣ со всѣмъ этимъ и зарывается, *чтобы покойникъ могъ и въ будущей жизни пользоваться ею, когда ему заблагоразсудится.* Родственники зарываютъ тѣло въ сидячемъ положеніи, и при этомъ всѣми силами стараются скрыть отъ постороннихъ глазъ мѣсто погребенія, чтобы

никто не могъ возпользоваться зарытыми драгоцѣнностями и лучшею одеждою, составляющею богатство уже другой жизни [1])....

Если умираетъ индіанка, то съ тѣломъ ея зарываютъ только одежду и нѣкоторыя украшенія, но животныхъ не убиваютъ, такъ какъ они принадлежатъ не ей, а главѣ семейства; церемонія погребенія та же, но только вдовецъ и дѣти не носятъ наружнаго траура, и первый можетъ вновь жениться когда ему вздумается или представится случай, хотя бы на другой день смерти жены.... Изъ всего этого видно, какимъ почетомъ пользуется глава семейства и на какомъ низкомъ общественномъ уровнѣ стоитъ его жена!...

Патагонцы вѣруютъ въ вѣчность души, но представляютъ себѣ рай чувственнымъ и будущую жизнь матерьяльною, почему и имѣютъ обыкновеніе зарывать съ умершимъ его одежду, драгоцѣнности и лошадей. Они вѣрятъ въ существованіе верховнаго существа, которое всѣмъ управляетъ и отъ котораго они находятся въ полной зависимости; оно извѣстно у нихъ подъ названіемъ Ашекенатъ-Канетъ (Achekenat-Kanet) и представляетъ какъ добраго, такъ и злаго духа, почему, смотря по обстоятельствамъ, онъ или умоляется, или же заклинается. Патагонцы о «добромъ верховномъ существѣ» такого высокаго мнѣнія, что не осмѣливаются представить его ни подъ какою формою, но какъ только этотъ «добрый богъ» начинаетъ за что нибудь злиться и олицетворять уже «злое существо», то его представляютъ или подъ видомъ какого нибудь сквернаго насѣкомаго, или же подъ видомъ уродливаго дерева и т. п....

Патагонцы очень суевѣрны и склонны къ магіи; старыя женщины, играющія у нихъ роль гадальщицъ или жрицъ, пользуются глубокимъ уваженіемъ; при каждомъ семейномъ праздникѣ должны присутствовать всѣ жрицы толдеріи и своими заклинаніями отгонять злаго духа, а молитвами призывать добраго; заклинанія свои онѣ сопровождаютъ обыкновенно различными кривляніями и гримасами, причемъ нерѣдко доходятъ до экстаза. Въ этомъ видѣ жрицы считаются вдохновленными Ашекенатъ-Канетъ, и всѣ произносимыя ими въ это время слова точно запоминаются присутствующими и принимаются какъ за вѣрныя предсказанія.

Эти же женщины занимаются леченіемъ всякихъ недуговъ, какъ ду-

[1]) Никто изъ патагонцевъ никогда не рѣшится воспользоваться зарытымъ богатствомъ; но часто случалось, что «бѣлые» и индѣйцы другихъ племенъ, неуважающіе обычаевъ этого народа, подсматривали мѣсто погребенія, разрывали могилу и похищали рѣшительно все, что только было въ нее положено.

шевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, причемъ непремѣнно прибѣгаютъ къ разнаго рода заклинаніямъ, нашептываньямъ и заговариваньямъ съ цѣлью изгнать изъ больнаго злаго духа, будто бы вошедшаго въ его тѣло и кровь.

Патагонцы совершенно увѣрены въ способности своихъ жрицъ излечивать всевозможныя болѣзни и съ полною надеждою на выздоровленіе отдаются въ руки этихъ шарлатанокъ; послѣднія всѣми силами стараются убѣдить добродушныхъ дикарей, что въ кровь и тѣло ихъ забрался злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять страшными заклинаніями и приговариваніями. Въ концѣ всей церемоніи излечиванія больнаго, жрица украдкою прячетъ въ руку какое нибудь насѣкомое и, подавая видъ, что будто вытаскиваетъ его изъ тѣла паціента, совершенно убѣждаетъ индѣйцевъ въ справедливости своихъ словъ.

Такимъ образомъ у мѣстныхъ гадальщицъ развито страшное шарлатанство (котораго впрочемъ онѣ, кажется, и сами не сознаютъ) и, что ни шагъ, онѣ обманываютъ патагонцевъ, какъ малыхъ дѣтей. Увѣренность послѣднихъ въ томъ, что злой духъ можетъ поселяться на время въ ихъ тѣлѣ и крови, бываетъ причиною страшныхъ съ ихъ стороны глупостей и дикихъ выходокъ. Всякій недугъ въ себѣ, хотя бы самый обыкновенный, они относятъ непремѣнно къ злому духу, завладѣвшему ихъ существомъ; устанетъ ли, напримѣръ, патагонецъ, захочетъ ли пить, ѣсть или спать, то въ этомъ непремѣнно обвинитъ онъ злаго духа, котораго слѣдуетъ, по его мнѣнію, сейчасъ же изгнать. Если нѣтъ подъ рукою у него жрицы, то онъ рѣшается самолично выгнать изъ своей крови духа немочи, для чего разрѣзаетъ себѣ руки, ноги, плеча въ надеждѣ, что демонъ выйдетъ изъ него вонъ вмѣстѣ съ кровью. Увидя черезъ нѣсколько времени безплодность своихъ продѣлокъ, онъ рѣшаетъ, что злому духу очень понравилось сидѣть въ его тѣлѣ, а потому слѣдуетъ покориться (то есть отдохнуть, поѣсть и попить) и подождать, когда самъ демонъ не вздумаетъ оставить его грѣшную плоть и перебраться на другую квартиру....

Патагонцы ужасно боятся заразы и моровыхъ повѣтрій, изъ которыхъ особенно много пожираетъ у нихъ жертвъ оспа; заразу [1]), какъ и все, они относятъ къ дѣламъ того же злаго духа, который, по ихъ мнѣнію, недовольствуясь одною квартирою, постепенно переходитъ изъ одного

---

[1]) Замѣчательно, что патагонцы, во время какихъ нибудь моровыхъ повѣтрій, теряютъ всякую вѣру въ могущественную силу своихъ жрицъ—изгонять злаго духа, противъ котораго въ такое время необходимо, по ихъ мнѣнію, ополчаться чуть ли ни цѣлымъ племенемъ съ массою жрицъ во главѣ.

тѣла въ другое; а потому, по ихъ мнѣнію, нужно подальше держаться отъ больныхъ, чтобы онъ не могъ отъ нихъ какъ нибудь перескочить къ здоровымъ. Если случится, что заболѣетъ оспою членъ семейства, то всѣ его покидаютъ, бѣгутъ отъ него, какъ отъ страшно зачумленнаго, не оставивъ ему ни капли воды, ни куска мяса.... Если отъ перваго больнаго заразятся другіе, то всѣ жители толдеріи оставляютъ то мѣсто, на которомъ раскинули свои толдосы, и съ ужасомъ бѣгутъ, бросая всѣхъ больныхъ на произволъ судьбы; но чтобы духъ зла не послѣдовалъ за ними, они грозно махаютъ по воздуху оружіемъ, какъ бы отгоняя отъ себя какого-то невидимаго врага, страшно кривляются, гримасничаютъ и орутъ во все горло не менѣе страшныя заклинанія, причемъ считается небезполезнымъ бросать въ воздухъ пригоршни воды. Удалившись отъ больныхъ на такое растояніе, что уже, по ихъ мнѣнію, духъ зла догнать ихъ не можетъ, они снова начинаютъ потрясать своимъ оружіемъ и грозно махать имъ по направленію къ покинутой толдеріи. Если же и въ новомъ мѣстѣ станутъ показываться признаки заразы, то они опять обращаются въ безпорядочное бѣгство, опять неистово машутъ по всѣмъ направленіямъ своимъ оружіемъ, опять оставляютъ своxъ больныхъ безъ всякой помощи, безъ всякихъ средствъ къ существованію....

Такимъ образомъ патагонцы разбрасываютъ своихъ несчастныхъ зараженныхъ оспою въ разныхъ мѣстахъ и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока мнимый злой духъ не оставитъ ихъ въ покоѣ, и среди нихъ не будутъ появляться уже признаки заразы.... Можете теперь себѣ представить положеніе больныхъ, оставленныхъ безъ всякой помощи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, оставленныхъ среди дикой, безводной пустыни, въ которой и здоровому трудно бороться съ встрѣчающимися опасностями и лишеніями; можете себѣ представить, сколько несчастныхъ избавляется отъ ожидающей ихъ страшной участи умереть отъ голода или жажды, а можетъ быть еще даже подъ зубами хищныхъ звѣрей и подъ клювами не менѣе хищныхъ коршуновъ и орловъ!....

Вообще обычаи и вѣрованія патагонцевъ весьма нелѣпы, и нужно только удивляться, что они до сихъ поръ не измѣнились еще къ лучшему, хотя были сильныя поползновенія со стороны католическихъ миссіонеровъ познакомить этихъ дикарей съ христіанскою религіею; индѣйцы однако всегда сильно противились попыткамъ отцовъ іезуитовъ и остались неизмѣнно вѣрными религіи своихъ предковъ. Главныя причины ихъ упорства — суевѣріе и полигамія; эти два обстоятельства еще долго

время будутъ для отцовъ миссіонеровъ камнемъ преткновенія; особенно трудно имъ будетъ бороться съ полигаміею.... Вообще, нужно сознаться, что всѣ народы, у которыхъ допускается многоженство, весьма недружелюбно относятся къ христіанской религіи, требующей ограничиться одною женою. Для патагонца жены—работницы, безъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ бы просуществовать по своей природной лѣни и отвращенію къ какому либо труду; все его хозяйство зиждется на женахъ, и тѣмъ оно у него лучше, чѣмъ больше у него работницъ.... Миссіонеры тогда только будутъ имѣть хоть какой нибудь успѣхъ, когда дадутъ возможность патагонцу обойтись съ одною женою, когда пріучатъ его къ осѣдлой жизни, научатъ земледѣлію, словомъ, когда совершенно переродятъ этого дикаря и дадутъ новое, ему непріятное, направленіе, что очень трудно, если не сказать—невозможно.... Патагонцы почти ничего еще пока не заимствовали изъ европейской и даже американской (то есть чилійской и аргентинской) цивилизаціи, ибо то, что они перенесли и переносятъ до сихъ поръ отъ европейцевъ и своихъ сосѣдей американцевъ, вселяетъ въ нихъ лишь безграничное отвращеніе къ подобнаго рода христіанамъ, которые хотятъ всѣми силами привить къ нимъ одно только зло, которые эксплоатируютъ ими самымъ нахальнымъ, безсовѣстнымъ образомъ.

Послѣднее обстоятельство не мало вліяетъ на упорство дикихъ сыновъ пустыни, и тѣмъ труднѣе познакомить ихъ съ новою, благотворною религіею, къ которой, какъ и къ людямъ, исповѣдующимъ ее, они имѣютъ весьма понятное предосужденіе. Повѣрьте, если бы всѣ иноземцы, какіе только перебывали въ Патагоніи или около нея, вели бы себя такъ, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, то результатъ былъ бы совершенно другой, лучшій.... Нужно бы было съ самаго начала привлечь дикарей, и они отнеслись бы къ предлагаемой имъ теперь религіи съ большимъ сочувствіемъ; но разъ какъ имъ внушили ко всему христіанству полное отвращеніе, то, понятное дѣло, они упорствуютъ и будутъ упорствовать Богъ вѣсть сколько еще времени!...

Космогонія (наука о сотвореніи міра) патагонцевъ весьма несложна и нисколько не затрогиваетъ ихъ воображеніе; они говорятъ, что «добрый духъ Ашекенатъ-Канетъ сотворилъ человѣка и далъ ему оружіе», но какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ былъ сотворенъ первый человѣкъ—объ этомъ не упоминаютъ. Послѣ сотворенія человѣка, по ихъ мнѣнію, всѣ животныя вышли, по повелѣнію того же добраго духа, изъ одной глубокой пропасти, разверзшейся въ ихъ землѣ; при этомъ они очень забавно объясняютъ появленіе различныхъ животныхъ, которыя

имъ были совершенно неизвѣстны до прибытія въ ихъ страну испанцевъ. «Послѣ страусовъ, гуанаковъ, собакъ, коршуновъ и тому подобныхъ животныхъ и птицъ, говорятъ патагонцы, появился наконецъ быкъ, который такъ напугалъ первыхъ людей своими большими рогами, что тѣ сейчасъ же загнали его опять въ пропасть, а изъ боязни, чтобы онъ не вышелъ изъ нея, завалили ее огромнымъ тяжелымъ камнемъ. Но вотъ появились въ нашей странѣ испанцы, которые и отвалили отъ пропасти приложенный первыми людьми камень и выпустили на свѣтъ оставшихся тамъ животныхъ, какъ-то: быковъ, лошадей и тому подобныхъ, которыхъ до прибытія иностранцевъ никто изъ насъ не видалъ и не зналъ даже о ихъ существованіи....

Главное природное богатство патагонцевъ составляютъ гуанаки и страусы.

Гуанакъ — родъ ламы; шерсть его цвѣтомъ походитъ на верблюжью, но только она гораздо мягче и пушистѣе послѣдней. Они водятся въ громадномъ количествѣ во всѣхъ частяхъ Южной Америки, начиная съ печальныхъ острововъ Огненной Земли и кончая гористою частью Ла-Платы и Перуанскими Кордильерами; не смотря на то, что животныя эти предпочитаютъ возвышенныя мѣста, они въ большихъ массахъ ходятъ по южнымъ равнинамъ Патагоніи, и кочующія племена патагонцевъ слѣдуютъ за ними, обыкновенно, по пятамъ, потому что гуанаки для нихъ составляютъ самые главные предметы жизненной потребности: пищу, одежду и даже жилище....

Гуанакъ чрезвычайно красивое, граціозное животное съ прекрасными, нѣжными глазами, которымъ позавидовала бы даже буеносъ-айресская красавица. Объ этихъ животныхъ разсказываютъ много интереснаго.... На сѣверномъ берегу Магелланова пролива они собираются громадными стадами: отличительная черта характера этихъ четыреногихъ красавцевъ — любопытство. Если случится вамъ встрѣтиться съ отдѣлившимся отъ стада гуанакомъ, то онъ, вмѣсто того чтобы обратиться отъ васъ въ бѣгство, что, безъ сомнѣнія, долженъ былъ-бы ему внушить его дикій инстинктъ, непремѣнно остановится, вытянетъ шею и станетъ внимательно васъ разсматривать своими мягкими, добрыми глазами; только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ начнетъ онъ удаляться, но при этомъ будетъ оборачиваться къ вамъ черезъ каждые десять шаговъ и также внимательно, съ видимымъ любопытствомъ на васъ посматривать. Если принять въ это время какое нибудь новое положеніе, какъ напримѣръ, встать вверхъ ногами или на четверинки, то гуанакъ непремѣнно начнетъ къ вамъ осторожно приближаться съ

цѣлью разузнать: то ли еще стоитъ передъ нимъ существо и почему оно приняло другой видъ, стало въ иную позу?....

Охотники очень часто пользуются этою странною и вмѣстѣ съ тѣмъ невинною чертою характета гуанака и при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ начинаютъ выкидывать разныя штуки, привлекая такимъ образомъ его вниманіе; когда-же гуанакъ подойдетъ очень близко, то падаетъ жертвою своего любопытства....

Гуанаки легко приручаются и служатъ часто домашними животными; они очень сильно размножаются и ходятъ всегда большими семействами. Самцы въ этомъ случаѣ ведутъ себя весьма странно: если приблизится къ самкѣ мужчина, то они смѣло нападаютъ на него, начинаютъ лягаться и вообще употреблять всѣ свои усилія, чтобы избавиться отъ непрошеннаго гостя.... Расказываютъ, что причина подобнаго страннаго, непонятнаго поведенія самцовъ-гуанаковъ — ревность къ самкамъ!?.... Интересно было бы узнать навѣрно: правда ли это или нѣтъ?.... Въ дикомъ же состояніи гуанакъ труслилвъ и даже не имѣетъ обыкновенія защищаться; одна собака легко съ нимъ справляется.

Гуанаки любятъ воду; часто видѣли, какъ они переправлялись въ Магеллановомъ проливѣ съ одного острора на другой. Эти животныя легко могутъ обойтись безъ прѣсной воды и утолить свою жажду соленою, что подтверждается многими путешественниками. Байронъ (Byron), напримѣръ, разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ гуанаки «пили соленую воду»; а англійскіе офицеры съ карабля «Бигль» видѣли, какъ «цѣлое стадо этихъ животныхъ пило крѣпкій настой изъ соловаренъ Бѣлаго мыса».... Этому можно повѣрить, потому что если бы гуанаки не могли-бы утолить своей жажды соленою водою; то имъ пришлось бы погибнуть въ нѣкоторыхъ частяхъ Патагоніи, въ которыхъ на нѣсколько сотъ миль въ окружности не найдти прѣснаго источника....

Разсказываютъ еще о двухъ странныхъ, необьяснимыхъ привычкахъ гуанаковъ, а именно: они имѣютъ обыкновеніе отдавать дань природѣ всѣ въ одномъ мѣстѣ, причемъ груды ихъ кала достигаютъ иногда до восьми футовъ въ діаметрѣ; вторая ихъ привычка заключается въ томъ, что они, чувствуя приближеніе послѣдней своей минуты, выбираютъ себѣ могилы около рѣкъ и притомъ въ мѣстахъ болѣе или менѣе тѣнистыхъ. Привычку эту трудно объяснить; но замѣчено охотниками, что даже раненый гуанакъ всегда направляется къ ближайшей рѣкѣ или ручью, гдѣ и издыхаетъ....

Гуанакъ представляетъ для патагонцевъ главный предметъ мѣновой

торговли съ иностранцами; за мясо и шкуры этихъ животныхъ они получаютъ свой любимый напитокъ — коньякъ....

Патагонскій страусъ имѣетъ въ этой торговлѣ не меньшее значеніе и доставляетъ индѣйцамъ не меньшее количество ихъ любезнѣйшаго напитка. Страусъ этотъ гораздо меньше африканскаго, отъ котораго онъ сильно отличается; туземное его названіе нанду (nandu). Характеристическая черта этихъ птицъ та же, что и у гуанаковъ, то есть любопытство; въ домашнемъ состояніи они очень часто забираются въ кругъ разговаривающихъ, какъ бы желая послушать, о чемъ идетъ рѣчь, или же поближе посмотрѣть на лица бесѣдующихъ и на ихъ оживленныя жестикулированія. Эта странная привычка бываетъ нерѣдко гибельна страусамъ, находящимися въ дикомъ состояніи, потому что они, какъ и гуанаки, стараются поближе разсмотрѣть то, что кажется имъ очень необыкновеннымъ, чѣмъ и пользуются всѣ мѣстные охотники.

Перья нанду не могутъ красотою сравниться съ перьями африканскихъ страусовъ и годны только на приготовленіе метелокъ; охота на нихъ производится на лошадяхъ, съ боласомъ въ рукѣ, и рѣдкій страусъ избѣгнетъ этого страшнаго оружія, которое, какъ змѣя, плотно обхватываетъ его длинныя ноги, шею или даже самое туловище. Охотники стараются нагнать страуса въ первую же минуту, для чего пускаютъ своихъ лошадей въ погоню за ними во весь карьеръ, въ противномъ случаѣ лошади могутъ утомиться продолжительною погонею за нанду, дѣлающимъ тысячу самыхъ неожиданныхъ поворотовъ и старающимся всѣми силами избѣжать страшнаго боласа. Когда охотникъ подскачетъ близко къ страусу, то вѣрною рукою бросаетъ свой боласъ, который, моментально, какъ змѣя, обвиваетъ шею, ноги и туловище бѣглеца. Вообще охота за нанду требуетъ большой сноровки и ловкости, а у патагонцевъ въ томъ и другомъ недостатка нѣтъ....

Взявъ въ Санди-Пойнтъ для пробы каменнаго угля, корветъ отправился дальше; плаваніе было самое разнообразное и интересное; мѣста, проходимыя «Аскольдомъ», могли бы привести въ восторгъ не только поэтовъ, но и людей съ самымъ прозаическимъ воображеніемъ.

Мы пробирались вдоль Брауншвейгскаго полуострова то по узкимъ, но чрезвычайно глубокимъ каналамъ, окаймленнымъ отвѣсными, точно выполированными, скалами, съ рѣзкими, необыкновенно смѣлыми, очертаніями, скалами совершенно голыми, какъ черепъ столѣтняго старца; то входили сразу въ обширныя, тихія озера, окруженныя роскошными берегами, поросшими чудеснѣйшею, почти тропическою растительностью: пышная трава, непроницаемая чаща переплетшихся кустарниковъ, пре-

красныя деревья, стройныя, какъ пальмы, и прямыя, какъ мачты, обхватывали большiя пространства воды дивнымъ, волшебнымъ кругомъ.... Казалось, что неизвѣстная фея перенесла корветъ въ одинъ моментъ изъ Магелланова пролива куда нибудь въ тропики; казалось, что мы перенеслись вдругъ на двадцать и даже болѣе, градусовъ сѣвернѣе, ближе къ экватору.... Но вотъ обаянiе, навѣянное чудесною мѣстностью, моментально пропадаетъ: пространныя, спокойныя озера съуживаются въ каналъ и корветъ уже идетъ вдоль отвѣсныхъ, мрачныхъ скалъ, вдоль непрерывнаго ряда холмовъ и вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, вдоль фантастически расположенныхъ гранитныхъ массъ, вздымающихся къ небу то въ видѣ зубчатой каменной стѣны, то въ видѣ утесовъ, испещренныхъ глубокими, черными трещинами, изъ которыхъ кое-гдѣ торчитъ преземистый кустарникъ и грацiозно спускается внизъ, прикрывая немного наготу скалъ....

Не доходя до мыса Фровардъ (самая южная оконечность Южной Америки), мѣстность приняла необыкновенно грацiозный характеръ: высокiй берегъ былъ покрытъ чудеснѣйшими ледниками, походившими на огромныя замерзшiя озера; тамъ и сямъ, изъ расщелинъ крутыхъ, разорванныхъ утесовъ, ниспадали съ громадной высоты небольшiе пѣнящiеся водопады, истоки которыхъ были живописно прикрыты густою зеленью деревьевъ, осѣнявшихъ гребень возвышавшагося передъ нами берега, за которымъ виднѣлись высокiя вершины и покрытые снѣгомъ пики. Разнообразiе этихъ прекрасныхъ каскадовъ было удивительно! Одни изъ нихъ ниспадали совершенно отвѣсно, проектируясь на черномъ фонѣ скалъ въ видѣ серебряныхъ лентъ; другiе перескакивали съ грохотомъ и шумомъ съ одного утеса на другой, съ уступа на уступъ разбиваясь при этомъ на мильоны блестящихъ, радужныхъ брызгъ; то извивались они въ глубинѣ ущелiй въ видѣ едва замѣтной струи, то широкою лентою окаймляли мрачные утесы, выдѣлывая при этомъ на темномъ фонѣ самые разнообразные, затѣйливые узоры.... А передъ самымъ носомъ корвета поднимается къ небу, въ видѣ грандiознаго обелиска, гора Букландъ; вершина ея покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; вулканическое чело окружено бѣлыми, какъ снѣгъ, облаками.... Картина по-истинѣ очаровательная!.... Пожалуй, не найдти въ мiрѣ мѣста, которое могло бы своею грандiозностью и живописностью сравниться съ этою интереснѣйшею частью Магелланова пролива! На самомъ небольшомъ пространствѣ видишь восхитительное разнообразiе картинъ, переносишься то въ тропики, то въ полярныя страны, то на Швейцарскiя Альпы!.... Точно тянется передъ глазами величественная панорама избраннѣйшихъ мѣстъ земнаго шара!....

Но вотъ показался мысъ Фровардъ, совершенно отвѣснымъ рифомъ вдающійся въ Магеллановъ проливъ; дикій, мрачный, скалистый, достигающій значительной высоты, онъ разрушалъ очарованіе, окружавшее насъ при проходѣ лучшею частью Магелланова пролива.... За Фровардомъ мѣстность имѣла необыкновенно дикій характеръ; съ обѣихъ сторонъ громоздились другъ на друга угрюмыя горы, достигающія громадной высоты и перерѣзанныя мрачными ущельями; тамъ и сямъ виднѣлись небольшіе ледники, блиставшіе на солнцѣ яркимъ голубымъ цвѣтомъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли чрезвычайно причудливыя формы: тамъ были ледяныя башни, и пики, и горы, перерѣзанныя глубокими ущельями, испещренныя темными трещинами....

Небольшая бухта Плайя-Парда (Playa-Parda) была послѣднимъ мѣстомъ въ Магеллановомъ проливѣ, въ которомъ провелъ корветъ ночь передъ выходомъ въ Великій океанъ; она имѣла видъ круглаго неподвижнаго озера, обставленнаго со всѣхъ сторонъ громоздящимися другъ на друга скалами, покрытыми пестрымъ ковромъ мховъ и лишаевъ; множество небольшихъ, но вѣтвистыхъ деревьевъ сплетались у подошвы этихъ скалъ въ непроницаемую чащу, въ которую, повидимому, еще не проникала человѣческая нога; вдали, за угрюмыми утесами, виднѣлись снѣговыя горы, среди которыхъ покоился величественный ледникъ.... Кругомъ было какъ-то пустынно и дико; никто и ничто не нарушало мертвой тишины; только небольшой каскадъ тихо журчалъ и пѣлъ свою мелодичную, игривую пѣсню; затѣйливо вился онъ среди камней и мховъ, прыгалъ со скалы на скалу, съ утеса на утесъ, съ уступа на уступъ, разсыпаясь при этомъ блестящею радужною пылью и граціозно ниспадалъ въ спокойныя, тихо застывшія, воды бухты.... Никто не оживлялъ пустынной картины!.... Казалось, что весь окружающій міръ погрузился въ глубокій, непробудный сонъ; при такой странной обстановкѣ дѣлалось какъ-то неловко; боишься нарушить, голосомъ или лишнимъ движеніемъ, эту мертвую тишину, боишься уничтожить обаяніе этого царства спокойствія!.... Въ глубинѣ бухты точно заснула, поддавшись окружающему обаянію, американская китобойная шкуна очень непредставительной наружности; ея крутые борта, излизанные волнами, а можетъ быть и льдомъ, имѣли чрезвычайно неопрятный видъ; такъ и кажется, что несетъ отъ нихъ китовымъ жиромъ; въ рангоутѣ — страшный безпорядокъ, доказывающій, что не даромъ зашла шкуна въ Плайя-Пардскую бухту: вѣроятно хорошо тряхнуло ее гдѣ нибудь около мыса Горнъ или у непривѣтливыхъ береговъ Патагоніи....

Но вотъ спокойствіе нарушилось пришельцомъ — нашимъ «Аскольдомъ»; заснувшія воды Плайя-Парда взмутились тяжелымъ винтомъ; мертвая тишина нарушилась страшнымъ пыхтѣньемъ и кряхтѣньемъ корветской машины и громкою командою; загремѣла цѣпь и якорь слетѣлъ на дно спокойной бухты; окружающія горы, скалы, утесы и лѣса оживились на минуту, огласились стоустнымъ эхомъ и опять замерли, какъ бы испугавшись, что осмѣлились нарушить завѣтъ Того, Кто далъ имъ въ удѣлъ молчаніе и миръ.... Оживилась и американская китобойная шкуна; не успѣли мы стать на якорь, какъ уже пріѣхалъ къ намъ, на корветъ, каптейнъ, рослый, здоровый американецъ, и обратился къ нашему капитану съ просьбою выдать ему необходимой провизіи, такъ какъ онъ въ ней очень нуждается. Разумѣется, просьба его была уважена, и онъ уѣхалъ съ корвета, повидимому, очень довольный своимъ успѣхомъ....

Съ разсвѣтомъ, 18 мая, мы вышли изъ Плайя-Пардской бухты и быстро понеслись къ выходу въ Великій океанъ; къ вечеру корветъ былъ уже на открытомъ мѣстѣ.... Океанъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо: ни вѣтра, ни качки; въ этотъ моментъ онъ вполнѣ заслуживалъ названіе «тихій», но не надолго.... Утромъ, 19 мая, дунулъ съ сѣвера вѣтерокъ, сталъ понемногу свѣжѣть, свѣжѣть—и къ вечеру заставилъ насъ убрать лишнюю парусину и остаться подъ однимъ гротъ-марселемъ. Недолго однако пришлось намъ бороться съ противнымъ вѣтромъ и колыхаться на бурныхъ, пѣнящихся волнахъ разбушевавшагося океана: въ тотъ же день вѣтеръ перешелъ къ юго-западу и сдѣлался, такимъ образомъ, совершенно попутнымъ; быстро стали ставить одинъ за другимъ недавно убранные паруса, и къ утру, 20 мая, корветъ уже былъ весь закрытъ парусиною, и птицею несся къ Вальпарайзо.... Плаваніе было очень удачное, спокойное!....

28 мая, мы зашли въ бухту Коронель (Coronel), главное мѣсто разработки чилійскихъ угольныхъ копей, пополнили здѣсь, какъ можно скорѣе, истощившійся запасъ угля—и понеслись дальше....

31 мая, на сорокъ восьмой день по выходѣ изъ Буеносъ-Айреса, мы были уже въ виду Вальпарайзо; видъ на него съ моря необыкновенно красивъ; онъ расположенъ у самой подошвы цѣпи довольно крутыхъ и высокихъ холмовъ, изрытыхъ безчисленнымъ множествомъ ложбинъ и ущелій, и едва прикрытыхъ тощею растительностью. Длинный рядъ низкихъ, выбѣленныхъ домовъ тянется вдоль морскаго берега, то стыдливо скрываясь въ встрѣчающихся оврагахъ, то громоздясь по ихъ наклоннымъ бокамъ, то располагаясь амфитеатромъ по красноватымъ хол-

мамъ, лишеннымъ всякой растительности. Въ сѣверовосточномъ направленіи довольно ясно виднѣлись величественные Анды, позлащенные яркими лучами заходящаго солнца!....

Валпарайзская бухта имѣетъ видъ полумѣсяца, въ глубинѣ ея красуется самое значительное и замѣчательное предмѣстье Almendral (букетъ миндальныхъ деревъ), лучшее мѣсто прогулки всего населенія; тутъ виднѣлась и богатая зелень, и пышныя деревья, словомъ, все то, чего не хватало въ остальныхъ частяхъ красивой, но печальной бухты.

Гордо вошелъ корветъ на Вальпорайзскій рейдъ, ловко проманеврировалъ среди стоящихъ въ бухтѣ военныхъ и купеческихъ судовъ, и сталъ на якорь на самомъ видномъ мѣстѣ. Не успѣло еще замолкнуть эхо отъ загрохотавшей по палубѣ цѣпи, не успѣлъ еще корветъ придти на канатъ, а уже цѣлая стая мѣстныхъ шлюбокъ, не смотря на позднее время, неслась къ намъ, точно подъ парами, причемъ каждая изъ нихъ, судя по сверхъестественнымъ усиліямъ гребцовъ, желала, повидимому, поспѣть на Аскольдъ какъ можно раньше другихъ; чрезъ нѣсколько минутъ онѣ облѣпили корветъ со всѣхъ сторонъ, точно мухи прильнули къ патокѣ.... Стали появляться на палубѣ разные комисіонеры, прачки, портные и тому подобный людъ, который радуется приходу каждаго иностраннаго судна, потому что надѣется извлечь изъ него кое-какую, а можетъ быть и весьма даже почтенную, выгоду.

Всѣ эти господа бѣгали по корвету точно угорѣлые, суя каждому изъ насъ различныя атестаціи, выданныя имъ другими офицерами съ иностранныхъ и русскихъ судовъ, перебывавшихъ въ Вальпорайзо; нѣкоторыя изъ этихъ атестацій были чрезвычайно оригинальнаго содержанія, и ясно было, что выдавшіе ихъ, пользуясь незнаніемъ атестуемымъ лицомъ другаго языка, кромѣ роднаго, рѣшились, вѣроятно за какую нибудь его нечестную продѣлку или просто такъ, для препровожденія времени, атестовать его самымъ ѣдкимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ документовъ, выданныхъ комисіонеру Кристобалю и которымъ онъ, повидимому, очень дорожилъ, было между прочимъ сказано: «Кристобаль ловкій мошенникъ, но нужно довольствоваться и имъ, потому что во всемъ Вальпорайзо не найти комисіонера честнѣе его; онъ хотя и украдетъ, но украдетъ только то, что, по его мнѣнію, ему уже принадлежитъ за хлопоты, между тѣмъ какъ другіе — крадутъ и часть того, что, даже по ихъ мнѣнію, имъ вовсе не принадлежитъ».

Другой комисіонеръ былъ атестованъ французскими моряками съ броненоснаго корвета «Alma» еще оригинальнѣе: «Господа, кто не жалѣетъ своихъ денегъ, тотъ пусть поручаетъ закупать все необходимое

комисіонеру Петрарди: онъ принесетъ вамъ все порченное, протухшее, лежалое и гнилое, а заплатитъ въ три-дорога, причемъ, конечно, и свой карманъ не забудетъ. Впрочемъ, нужно сознаться, одно порученіе исполняетъ онъ весьма добросовѣстно, а именно—на счетъ прекраснаго пола, и въ этомъ случаѣ единогласно совѣтуемъ непремѣнно обращаться къ нему....» Конечно, Петрарди безъ порученій не остался; онъ уѣхалъ съ корвета очень довольный, лукаво подмигивая нашей молодежи.... Вслѣдъ за нимъ оставили «Аскольдъ» и другіе неотвязчивые субъекты, заваленные разнаго рода порученіями, которыя они обѣщали исполнить «какъ можно аккуратнѣе и добросовѣстнѣе», въ чемъ мы однако сильно сомнѣвались, глядя на ихъ мазурничьи рожи, говорившія вовсе не въ ихъ пользу. Уже съ вечера многіе изъ насъ стали дѣятельно готовиться къ слѣдующему дню, сулившему намъ, послѣ сорока-восьми дневнаго поста, много удовольствій и развлеченій; всѣ уже заранѣе распредѣлили свои свободные часы и мечтали только о томъ, какъ бы лучше и пріятнѣе провести время въ чужомъ городѣ и насладиться вполнѣ наконецъ свободою, которой мы были лишены въ продолженіе полутора мѣсяца. Одни предлагали съѣздить въ Сантъ-Яго, столицу чилійской республики, и побывать въ тамошнемъ театрѣ (а этого удовольствія мы были лишены уже Богъ вѣсть сколько мѣсяцевъ, и потому предложеніе было весьма заманчиво); другіе хватали даже дальше, мечтали о величественныхъ Андахъ, о пріятной прогулкѣ на лошакахъ, о неизмѣримыхъ пропастяхъ, по окраинамъ которыхъ пришлось бы ѣхать чуть ли не зажмуривъ глаза и крѣпко-на-крѣпко привязавшись къ лошаку, о пикахъ и вершинахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; словомъ, мечтали обо всемъ томъ, чѣмъ нельзя было бы насладиться въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и что возбуждало бы сильныя ощущенія; третьи же, наконецъ, и именно брюхопоклонники, энергично старались всѣхъ увѣрить, что дальше перваго отеля не стоитъ и заходить, не стоитъ даромъ рвать сапогъ и платьевъ и бросать на вѣтеръ деньги, да притомъ еще «золото», которое умнѣе было бы потратить «на что нибудь другое», чѣмъ на глупыя экскурсіи подъ облака, на ни къ чему не ведущія осмотры того или другаго города, той или другой мѣстности.... Такимъ образомъ все общество раздѣлилось на три лагеря; но вскорѣ однако второй лагерь согласился примкнуть къ первому, такъ какъ, чтобы попасть къ Андамъ, нужно непремѣнно прежде побывать въ Сантъ-Яго, лежащемъ у самаго подножія этихъ величественныхъ горъ, а побывавши въ Сантъ-Яго, отчего же не побывать и въ театрѣ, разсуждали очень разумно коноводы втораго лагеря, и потому рѣшили, что очень недурно

было бы примкнуть къ любителямъ эстетическаго удовольствія и составить такимъ образомъ пріятную компанію (какіе самонадѣянные).... Итакъ дѣло уладилось, и къ тому же пора было на боковую; всѣ разбрелись по своимъ койкамъ и вполнѣ отдались Морфею, въ объятіяхъ котораго и предвкушали заранѣе всю сладость предстоящихъ удовольствій.

ГЛАВА XIX.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ВАЛЬПАРАЙЗО.

Видъ Вальпарайзо. — Лордъ Кокранъ.— Сантъ-Яго. — Чилійцы.— Араукане.— Управленіе, религія, нравы и обычаи.

Почти трехнедѣльная стоянка въ Вальпарайзо позволила намъ не только осмотрѣть подробно этотъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытный городъ, но даже сдѣлать нѣсколько небольшихъ экскурсій внутрь страны. Такъ, напримѣръ, небольшая партія любознательныхъ представителей корвета «Аскольдъ» посѣтила Сантъ-Яго, полюбовалась на самомъ близкомъ разстояніи величественными Андами и побывала даже, ради ознакомленія съ сельскою жизнью чилійцевъ, на одной изъ лучшихъ гаціендъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ прелестной столицы чилійской республики. Сколько удалось намъ, во время нашихъ непродолжительныхъ прогулокъ, увидѣть любопытнаго, сколько удалось услышать занимательнаго, характеризующаго какъ семейный, такъ и политическій бытъ чилійцевъ и ознакамливающаго вообще съ внутреннею и внѣшнею стороною ихъ злосчастной родины!... Если перебрать все видѣнное и слышанное, то невольно приходишь къ полугрустному убѣжденію, что Чили [1]) такая же несчастная и неспокойная страна, какъ и Аргентинская республика, страна почти постоянно разоряемая не только внутренними

---

[1]) Существуетъ три разныхъ мнѣнія о происхожденіи слова Чили (Chili), которое испанцы произносятъ «tchile»: одни производятъ «chili» отъ слова «chil», что означаетъ на перуанскомъ языкѣ—холодъ; это названіе дано было, по ихъ мнѣнію, потому, что она страна сравнительно холодная, вслѣдствіе окружающихъ ее снѣговыхъ горъ. Другіе производятъ «chili» отъ слова «quile», индѣйскаго названія Ріо-Квилоты, одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ страны; слѣдуя же мнѣнію туземцевъ и ученаго Молина (Molina), это названіе третьи производятъ отъ мѣстныхъ птицъ, семейства сѣрыхъ дроздовъ, крикъ которыхъ сильно походитъ на слова «tchil» или «chili».

смутами и безпорядками, но даже страшными проявленіями силы природы — землетрясеніями....

Уже болѣе трехъ вѣковъ прожила Чили подъ владычествомъ европейцевъ, но до сихъ поръ видала одно только позорное и худое; постоянныя и опустошительныя войны съ араукандами и страшныя внутреннія смуты, безпорядки и революціи, безъ которыхъ, какъ легко можно замѣтить, не можетъ обойтись ни одна страна, гдѣ только поселились испанцы и гдѣ ихъ элементъ преобладаетъ надъ всякимъ другимъ элементомъ, разоряютъ республику Чили, развращаютъ народные нравы, вгоняютъ жителей въ позорную нищету, въ страшное безъисходное положеніе.

Испанцы, этотъ буйный народъ, не признающій надъ собою рѣшительно ничьей власти и любящій мѣнять правителей такъ же часто и съ тою же безразсудностью, какъ модная кокотка своихъ обожателей, жилъ и живетъ по сіе время одними только революціями, безпорядками, грабежами и убійствами, которыя обыкновенно прикрываются ими маскою «войны», «жажды свободы» и «религіозныхъ убѣжденій».... Но напрасный трудъ съ ихъ стороны, потому что они вполнѣ разгаданы и ввести въ заблужденіе не могутъ; каждый благо и здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что источникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, грабежей и убійствъ гнѣздится въ неопреодолимомъ желаніи нѣкоторыхъ господъ «половить рыбы въ мутной водѣ», возвыситься на счетъ другихъ и создать себѣ тронъ на грудѣ изуродованныхъ жертвъ ихъ честолюбія, гнѣздится въ интригахъ и въ грубомъ фанатизмѣ изувѣровъ-монаховъ и патеровъ, думающихъ не о поддержаніи въ народѣ истинныхъ христіанскихъ чувствъ, а только о томъ, какъ бы захватить въ свои цѣпкія руки власть и богатство, какъ бы вооружить массу противъ всего новаго или, по ихъ мнѣнію, противъ «всякой европейской чертовщины». Мѣстное католическое духовенство сильно тормозитъ ходъ общественнаго образованія и представляетъ самое злокачественное бѣльмо республики, отъ котораго можетъ освободить страну только весьма искусный и опытный операторъ; но, нужно замѣтить, всѣ правители Чили были до сихъ поръ очень плохими операторами и даже нѣкоторые изъ нихъ едва не лишили ее зрѣнія, взявшись за дѣло безъ извѣстной доли осторожности и искусства; другіе же не брались за трудное дѣло и вовсе, а третьи даже старались объ увеличеніи этого злокачественнаго бѣльма, вопреки всякаго здраваго смысла и благосостоянія страны...

Кромѣ внутреннихъ безпорядковъ, разоряютъ страну страшныя періодичныя землетрясенія, какъ будто бы земля не можетъ снести на

себѣ изувѣровъ и убійцъ, и въ грозномъ своемъ гнѣвѣ наказуетъ ихъ за гнусныя дѣла и жестокости; но, къ несчастію, вмѣстѣ съ виновными гибнетъ масса ни въ чемъ неповиннаго люда. Всѣ эти страшные порывы природы не внушили однако до сихъ поръ чилійцамъ мысли прекратить свои междуусобныя войны и внутренніе раздоры, не внушили изувѣрамъ-патерамъ мысли прекратить свои подстрекательства, успокоить взволнованные ими же народные умы и дать странѣ миръ и спокойствіе, которое одно только могло бы вознаградить несчастныхъ за печальныя послѣдствія, причиняемыя ужасными землетрясеніями... Но, нѣтъ, имъ мало жертвъ, которыя вырываетъ ежегодно природа изъ среды фанатическаго народа: имъ нужно еще крови, еще жертвъ... Не проходитъ года безъ какой нибудь жестокой смуты, безъ какой нибудь отвратительной рѣзни; несчастная Чили бываетъ свидѣтельницею страшныхъ изувѣрствъ, самыхъ гнусныхъ, дикихъ выходокъ, какъ духовенства, такъ и правителей.

Исторія Чили въ общихъ чертахъ походитъ на исторію Аргентинской республики, и знакомить съ нею читателей было бы лишнею тратою времени, потому что пришлось бы говорить почти о томъ же самомъ; а потому оставимъ историческій очеркъ страны въ сторонѣ, и обратимся къ описанію всего видѣннаго и слышаннаго... Видъ на Вальпарайзо [1]) съ рейда, какъ я уже говорилъ, очень красивъ; онъ построенъ амфитеатромъ, въ три яруса, и расположился у подножія довольно высокихъ красноватыхъ холмовъ, едва прикрытыхъ тощею растительностью. Въ нижнемъ ряду помѣщаются роскошные магазины, банкирскія конторы и всѣ присутственныя городскія мѣста, а также главнѣйшія публичныя зданія; выше тянутся дома зажиточныхъ гражданъ, а еще выше, господствуя надъ всѣмъ городомъ, красуются изящные и роскошные дворцы мѣстной аристократіи и банкировъ. Широкія, чистыя улицы напоминаютъ собою европейскія; всюду проведены конно-желѣзныя дороги, совершенно похожія на петербургскія, только плата на нихъ гораздо ниже: за одинъ центъ ($1^1/_2$ коп.) васъ провезутъ съ одного конца города на другой, между тѣмъ какъ на петербургскихъ конно-желѣзныхъ дорогахъ пришлось бы за такое разстояніе заплатить не менѣе десяти копѣекъ...

Вальпарайзо считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ Южной Америки; и, дѣйствительно, громадное число ку-

1) Val-Paraiso—значитъ «Райская долина»: такъ назвали этотъ городъ его основатели, негоціанты города Консепсіона.

печескихъ паровыхъ и парусныхъ судовъ почти круглый годъ наполняютъ его обширный, полукруглый рейдъ, представляющій впрочемъ хорошую и совершенно безопасную стоянку только лѣтомъ (съ ноября до марта); зимою же рейдъ этотъ очень неудобенъ, что мы вполнѣ сами испытали въ продолженіе трехнедѣльной стоянки: господствующіе въ это время свѣжіе вѣтры отъ сѣвера, которые зачастую переходятъ въ ужасные ураганы, разводятъ на немъ страшное волненіе, на которомъ едва-едва только можно отстояться, но только конечно не при очень свѣжихъ погодахъ; въ противномъ же случаѣ нужно поторопиться лучше сняться съ якоря и уйти въ открытое море, подальше отъ опасныхъ чилійскихъ береговъ, и тамъ уже пережидать непогоду...

Корветъ «Аскольдъ» попалъ въ Вальпарайзо въ зимнее время года, а потому стоянка была крайне плохая, а сообщеніе съ берегомъ, вслѣдствіе постояннаго волненія,—трудное и даже опасное... Шлюбку, стоящую у борта, обыкновенно поднимало волною до самой верхней палубы, и вотъ этимъ-то моментомъ и нужно было пользоваться, чтобы попасть въ шлюбку или на корветъ; затѣмъ она быстро отваливала, чтобы ея не разбило о бортъ, и, ныряя въ волнахъ, едва-едва ползла къ берегу, гдѣ нужно было высаживаться съ неменьшимъ искусствомъ и рискомъ. Не смотря однако на такія плохія качества Вальпарайзскаго рейда въ зимнее время года, торговля здѣсь идетъ впередъ быстрыми шагами, и купеческія суда, не обращая слишкомъ большаго вниманія на океанское волненіе, дѣятельно разгружаются и нагружаются самыми разнообразными продуктами, въ особенности же предметами минеральнаго царства.

Изъ Вальпарайзо товары идутъ въ Сантъ-Фелипе, Сантъ-Яго и другіе внутренніе города республики; такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя главный рынокъ всей страны, а потому проложеніе отъ него внутрь удобныхъ путей сообщенія есть предметъ первой важности; но до сихъ поръ проложены только двѣ желѣзныя дороги: одна идетъ въ Сантъ-Яго, а другая въ Сантъ-Фелипе.

Въ настоящее время Вальпарайзо поддерживаетъ правильные рейсы съ важнѣйшими европейскими портами; ежемѣсячно уходятъ отсюда почтовые пароходы въ Ливерпуль, Гамбургъ и Бордо. Городъ постоянно очень оживленъ; во всѣхъ его уголкахъ кипитъ необыкновенная дѣятельность, внесенная въ среду апатичныхъ чилійцевъ предпріимчивыми европейцами и сѣверо-американцами, захватившими въ свои руки всю внѣшнюю и внутреннюю торговлю страны. Роскошные магазины привлекаютъ взоры изящно разложенными европейскими товарами, но, къ не-

счастію, къ нимъ нѣтъ никакой матерьяльной возможности приступиться: дороговизна на все страшная, а потому приходится только любоваться, а не пользоваться. Впрочемъ, торговля, повидимому, идетъ очень хорошо и купцы на убытокъ не жалуются; кто платитъ имъ за ихъ товаръ шальныя деньги—не знаю: вѣроятно тѣ прекрасныя, черноокія сеньоры, которыя однѣ только съ утра до вечера наполняютъ всѣ магазины, любуются «только что полученными съ послѣднимъ пароходомъ» товарами, предупредительно и съ удивительною ловкостью раскладываемыми передъ ними изящными коми, прикидываютъ и примѣриваютъ, кокетливо всматриваясь въ громаднѣйшія зеркала, наряды послѣдней моды, судятъ, рядятъ и торгуются...

Изъ Вальпарайзскихъ зданій можно обратить вниманіе на госпиталь Св. Іоанна, каѳедральный соборъ, ратушу и Hotel Oddo, который, по комфорту и роскоши, не уступитъ богатѣйшей европейской гостинницѣ. Лучшія зданія группируются вокругъ прекрасной площади Кокранъ, примыкающей къ самой набережной рейда; въ центрѣ ея, лицомъ къ собору, недавно поставленъ памятникъ лорду Кокрану (Cochrane), пользующемуся у чилійцевъ большою популярностью.

Я думаю, не безъинтересно знать, чѣмъ пріобрѣлъ чужеземецъ Кокранъ любовь и признательность чилійскаго народа, что тотъ даже вздумалъ почтить его память достойнымъ сооруженіемъ, а потому дамъ краткое описаніе его дѣятельности на пользу «благодарной республики».

Александръ-Томасъ, лордъ Кокранъ, графъ Дондональдъ, родился въ 1775 году 27 декабря, и происходилъ изъ знатнѣйшей англійской фамиліи Блёръ. Службу свою онъ началъ во флотѣ, подъ покровительствомъ своего дяди, адмирала Александра Форстера Кокрана, и въ скоромъ времени [1]) своею храбростью и соображеніемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Вернувшись въ Англію, онъ былъ избранъ въ члены парламента, но, къ несчастію, въ одно время съ политикою занялся финансовыми спекуляціями, приведшими его къ позорному столбу. Въ 1803 году его обвинили въ соучастіи съ такъ называемыми «stoch-jobbers» (барышниками государственными бумагами), которые внезапно повысили общественные фонды при помощи ложнаго курьера, привезшаго вѣсть о мнимой смерти Наполеона I, и Кокранъ былъ приговоренъ за это къ 1000 фунтамъ стерлинговъ штрафу, на годъ въ тюрьму и къ выставкѣ у позорнаго столба. Въ 1806 году онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, но возвратить себѣ прежнюю популярность не могъ,

[1]) Въ 1803 г. въ сраженіяхъ съ французскимъ и испанскимъ флотомъ.

на службу его не принимали; между тѣмъ, пристращенный къ морской службѣ и отвергнутый отечествомъ, онъ обратилъ свои взоры на Испанскую Америку и предложилъ въ газетахъ ей свои услуги, конечно за извѣстное вознагражденіе. Чили не замедлила отозваться на предложеніе извѣстнаго моряка и немедленно привлекла его подъ свои знамена заманчивыми обѣщаніями.

1808 году, 18 ноября Кокранъ былъ уже въ Вальпарайзо и немедленно сталъ во главѣ чилійскаго флота, состоявшаго въ то время изъ семи 28 пушечныхъ фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ крейсеровъ и транспортныхъ судовъ. Экинажъ всѣхъ этихъ судовъ состоялъ большею частью изъ искателей приключеній, прибывшихъ въ Чили изъ разныхъ концовъ Свѣта, и держать это разнородное войско въ хорошей дисциплинѣ и подчиненности было чрезвычайно трудно; но Кокранъ умѣлъ обращаться со своими подчиненными съ такимъ удивительнымъ тактомъ, что во все время его командованія чилійскими морскими силами не было на его эскадрѣ ни одного крупнаго безпорядка или неповиновенія.

Кокранъ чрезвычайно удачно отстаивалъ независимость Чили, всюду истреблялъ ненавистный чилійцамъ испанскій флотъ и, своими громкими побѣдами, снискалъ къ своей новой родинѣ между южно-американскими республиками громадное уваженіе и страхъ; но, къ несчастію, тогдашнее правительство не хотѣло признать его заслугъ; кромѣ того, начались интриги, неудовольствія, которыя принудили Кокрана подать въ отставку, и именно въ самый важный моментъ, когда въ Чили готовилась большая экспедиція въ Пэру. Внезапная отставка Кокрана въ критическій для республики моментъ не предвѣщала ничего хорошаго, а потому президентъ O'Higgins и генералъ Санъ-Мартинъ неотступно упрашивали его взять отставку назадъ и принять опять начальство надъ чилійскими морскими силами. Кокранъ согласился на ихъ просьбы, и, какъ-бы въ награду за это, президентъ предложилъ ему отъ имени республики имѣніе въ провинціи Консепсіонъ, отъ котораго адмиралъ счелъ своею обязанностью отказаться, но въ то же время самъ пріобрѣлъ небольшое имѣніе Квинтеро, лежащее въ восьми лье къ сѣверу отъ Вальпарайзо, на берегу прекрасной бухты Херадура. Экспедиція въ Пэру увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ и Кокранъ покрылъ себя новою славою, которая еще больше разожгла ненависть и зависть въ его врагахъ, которые различными недостойными интригами старались уронить его въ глазахъ правительства и вообще добивались его паденія.

Преслѣдуемый своими завистливыми врагами, Кокранъ наконецъ рѣшился предпочесть предложенія бразильскаго императора, и, въ 1823

году, 19 января, покинулъ Чили съ намѣреніемъ никогда въ нее не показываться. Только послѣ его отъѣзда опомнились всѣ, что напрасно преслѣдовали славнаго защитника чилійской независимости; но было уже поздно: республика потеряла Кокрана навсегда!

Желая увѣковѣчить память объ этомъ славномъ дѣятелѣ республики, правительство рѣшило поставить ему памятникъ въ лучшей части. Вальпарайзо, что и было исполнено уже въ послѣднее время. Въ настоящее время этотъ памятникъ служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города, и имъ чилійцы гордятся столько-же, какъ и парижане въ былое время Вандомскою колоною!....

Окрестности Вальпарайзо довольно интересны и могутъ служить пріятнымъ мѣстомъ для прогулокъ; гора Allégre занимаетъ въ ряду ихъ первое мѣсто, какъ по своему прекрасному положенію, такъ и по той дивной панорамѣ, которою вы можете любоваться съ вершины этого, поистинѣ, Вальпарайзскаго рая. Вся гора красиво обстроена прекрасными дачами богатѣйшихъ чилійцевъ и иностранныхъ негоціантовъ, имѣющихъ свою зимнюю резиденцію въ самомъ городѣ; она служитъ любимѣйшимъ мѣстомъ прогулокъ для всѣхъ вообще городскихъ жителей, приходящихъ и пріѣзжающихъ сюда толпою подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться прекрасною картиною, разстилающеюся у ихъ ногъ. И дѣйствительно, видъ съ Allégre необыкновенно роскошенъ: то взоръ погружается въ мрачныя безплодныя долины, то отдыхаетъ на вершинахъ дикихъ, величественныхъ горъ, то покоится, наконецъ, на безграничномъ океанѣ. Вдали синѣютъ Анды, сверкая на солнцѣ своими снѣжными вершинами!.... Вообще картина очень разнообразная и привлекательная, и гора Allégre достойна вниманія и посѣщенія каждаго туриста....

Изъ Вальпарайзо нѣкоторымъ удалось съѣздить въ столицу Чилійской республики Сантъ-Яго, къ которому проложена, черезъ довольно красивый городокъ Санъ-Фелипе, очень сносная желѣзная дорога, прорѣзывающая то низкіе, безплодные холмы, то роскошныя, живописныя равнины, поросшія акаціями и кактусомъ. Сантъ-Яго лежитъ на лѣвомъ берегу Ріо-Мапота, въ обширной равнинѣ, окаймленной съ востока величественными Андами, съ запада Ріо-Пурахуель и горою дель-Пардо, имѣющею не менѣе 4,000 футовъ въ высоту.

Какъ большая часть городовъ древней испанской Америки, Сантъ-Яго построенъ чрезвычайно правильно и общимъ своимъ видомъ много напоминаетъ Буэносъ-Айресъ: тѣ же прямыя, отлично выровненныя улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами; дома группируются въ тѣ же не-

измѣнныя квадры, могущія служить единицею мѣры городскихъ разстояній; та же конструкція домовъ и то же расположеніе службъ!....

Ріо-Мапото, извѣстная также подъ названіемъ Тапакалма и отдѣляющая собственно городъ отъ его предмѣстья Шимбо (Chimbo), течетъ сперва на западъ, а потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, образуя при этомъ весьма изящное колѣно; она снабжаетъ водою небольшіе канальцы (мѣстное названіе ихъ assequias), проходящіе въ каждую квадру и развѣтвляющіеся на множество водопроводовъ, идущихъ въ каждый домъ.

Улицы Сантъ-Яго широкія, окоймленныя прекрасными тротуарами и мощенныя мелкимъ кремнемъ и асфальтомъ; дома большею частью одноэтажные, и главная причина подобной постройки гнѣздится въ частыхъ землетрясеніяхъ, которыя высокіе дома разрушаютъ несравненно легче. Они построены обыкновенно изъ кирпича, обожженнаго на солнцѣ (мѣстное его названіе adobes) и тщательно выбѣленнаго; архитектура ихъ однообразна: большія ворота, украшенныя пилястрами и статуями, ведутъ во внутренній дворъ (тотъ же patio, что и въ Буэносъ-Айресѣ), въ глубинѣ котораго обыкновенно расположена столовая; по обѣ ея стороны находятся спальни, рабочіе кабинеты и пріемныя залы!... Конечно, я далъ краткое описаніе зажиточнаго дома; дома же бѣднаго класса людей обыкновенно состоятъ только изъ одной комнаты, которая представляетъ и столовую, и пріемную залу, и кабинетъ; спальня же отдѣлена отъ общей комнаты какою ни есть пестрою занавѣскою, наподобіе того, какъ дѣлается это у нашихъ купчиковъ. Помѣщенія, выходящія на улицу, обыкновенно отдаются подъ магазины, лавки и разныя ремесленныя заведенія; окна съ улицы задѣланы изящными желѣзными рѣшетками; за каждымъ домомъ непремѣнно расположенъ небольшой садикъ, позади котораго помѣщается господская конюшня или corral.

Сады большею частью разведены съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ; они украшены прекрасными фонтанами и по-истинѣ представляютъ прелестный уголокъ, въ которомъ съ удовольствіемъ можно скрыться отъ несносной, удушливой лѣтней жары. Масса апельсинныхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ, пальмовыхъ, кедровыхъ и липовыхъ деревьевъ распространяетъ вокругъ себя пріятный ароматъ и прохладу; красиво разсаженные пышные цвѣты, самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ, доставляютъ взору нескончаемое развлеченіе. При такихъ роскошныхъ условіяхъ, зажиточные жители Сантъ-Яго не нуждаются въ дачахъ!..

Въ центрѣ города находится большая площадь, украшенная прекрасными фонтанами, распространяющими далеко вокругъ себя пріятную

влагу и свѣжесть; по четыремъ ея сторонамъ высятся роскошнѣйшія городскія, общественныя зданія, изъ которыхъ особенно достойны вниманія туриста: дворецъ губернатора, судебная камера, тюрьма, соборъ и епископскій домъ.

Дворецъ губернатора, большое двух-этажное зданіе, вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ покоевъ президента Чилійской республики, расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ, еще арсеналъ, казначейство, большую залу аудіенціи и бюро нѣсколькихъ министровъ. Покои президента, по своимъ дорогимъ украшеніямъ и роскошной меблировкѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія; осмотрѣть ихъ очень легко, потому что чилійцы, желая щегольнуть передъ иностранцами своимъ вкусомъ, богатствомъ и изяществомъ, съ удовольствіемъ выпросятъ вамъ право на осмотръ этихъ достопримѣчательныхъ покоевъ, проводятъ васъ, любезно все покажутъ, разскажутъ и объяснятъ. Словомъ, губернаторскій дворецъ считается у чилійцевъ музеумомъ рѣдкостей, собранныхъ на добровольныя и посильныя приношенія республики...

Соборъ, одинъ изъ лучшихъ во всей Южной Америкѣ, не такъ замѣчателенъ своимъ величественнымъ стилемъ, какъ роскошью и внутренними украшеніями; извѣстно, что католики вообще не жалѣютъ денегъ на благолѣпіе своихъ соборовъ и, подстрекаемые своими монахами и патерами, несутъ имъ все, что только имѣется у нихъ хорошаго и драгоцѣннаго. Но нужно сознаться, роскошь собора дошла до полнѣйшаго безвкусія, и глазъ поэтому только поражается массою драгоцѣнностей, но не восхищается ихъ изяществомъ и пріятнымъ сочетаніемъ; словомъ, какъ видно, почтенные патеры и ихъ прихожане заботятся больше о томъ, чтобы въ соборѣ ихъ было побольше золота и блеску, а не вкуса и изящества. Всюду фольга, парча; въ нишахъ—роскошно разодѣтыя изображенія различныхъ святыхъ, которые въ своихъ, иногда фантастическихъ костюмахъ, возбуждаютъ вмѣсто благоговѣнія невольную улыбку... Когда бы вы ни вошли въ соборъ, всегда увидите въ разныхъ концахъ его стоящихъ на колѣняхъ прелестныхъ чилiекъ, которыя, граціозно изогнувъ станъ, кажется вполнѣ предались горячей молитвѣ, а между тѣмъ исподтишка бросаютъ своими черными глазами молніи на окружающихъ ихъ молодыхъ людей, исполняющихъ, повидимому, роль какихъ-то тѣлохранителей и провожатыхъ. Молодые люди не молятся, и имъ положительно не до молитвы: они упиваются каждымъ вздохомъ прекрасной донны, любуются ея граціозными, кокетливыми движеніями, восхищаются ею и наслаждаются... Вотъ одна изъ прелестныхъ чилiекъ, повидимому, кончила свою молитву, граціозно поднялась и, шуркая своимъ шелковымъ

платьемъ, легко направилась къ выходу изъ собора; за нею потащилась и вся ватага провожающихъ ее молодыхъ людей.

Изъ другихъ зданій Сантъ-Яго замѣчательны: домъ консульства, таможня, театръ и національная библіотека. Въ городѣ не мало учебныхъ заведеній, что доказываетъ, что и чилійцы имѣютъ нѣкоторую любовь къ наукамъ; изъ нихъ замѣчательны: коллегія св. Іакова, лицей для дѣтей богатыхъ родителей, двѣ коллегіи для дѣвицъ, воспитательный домъ и наконецъ что-то въ родѣ чилійскаго университета. Самою лучшею частью города считается предмѣстье Canadilla, или Canada, расположенное въ его юго-восточной части; въ немъ стоитъ гордость чилійцевъ—монетный дворъ, который они считаютъ лучшимъ произведеніемъ архитектуры, и, какъ кажется, больше потому, что онъ стоилъ республикѣ до мильона піастровъ. Въ самомъ же дѣлѣ архитектура его менѣе чѣмъ посредственная и не заслуживаетъ той высокой похвалы, которою осыпаютъ ее чилійцы; правда, зданіе вообще очень массивно, но грубо и не имѣетъ той грандіозности, которая всегда поражаетъ, потрясаетъ и удивляетъ; словомъ, монетный дворъ ни болѣе, ни менѣе какъ масса кирпичей, занимающихъ цѣлый кварталъ!.. Фасады его украшены рядомъ грубыхъ колоннъ, увѣнчанныхъ тяжелымъ, безвкуснымъ карнизомъ, и вообще все зданіе смотритъ какъ-то угрюмо и старчески... Предмѣстье Canadilla соединяется съ городомъ прекраснымъ бульваромъ, служащимъ лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ городскихъ жителей; множество изящныхъ фонтановъ украшаютъ этотъ прелестный уголокъ Сантъ-Яго...

На западъ отъ города возвышается одна изъ высочайшихъ вершинъ Чилійскихъ Андъ—гора Tupungato; масса ея состоитъ изъ кварцоваго гранита съ примѣсью гнейса, сланца и базальта; подошва ея покрыта роскошнымъ, пестрымъ ковромъ зелени и цвѣтовъ, а на вершинѣ лежитъ вѣчный снѣгъ. Видъ на Tupungato изъ города необыкновенно красивъ и величественъ; кажется, что гора склоняется надъ нимъ и хочетъ придавить его своею ужасною массою; сочетаніе яркой зелени и цвѣтовъ съ вѣчнымъ снѣгомъ необыкновенно поразительно: внизу видишь жизнь, радость и вѣчную весну, между тѣмъ какъ вверху—смерть, скуку и вѣчную зиму!..

Время въ Сантъ-Яго мы провели очень весело и, нужно сознаться, съ сожалѣніемъ его оставили, тѣмъ болѣе, что опять предстоялъ намъ длинный, скучный переходъ на Сандвичевы острова. Во время нашихъ кратковременныхъ и неслишкомъ отдаленныхъ экскурсій намъ удалось нѣсколько ознакомиться съ характеромъ и бытомъ чилійцевъ, а

потому, насколько могу, познакомлю съ тѣмъ и другимъ своихъ читателей.

Чилійцы, не смотря на свою живость, веселость и страсть къ удовольствіямъ, очень беззаботны и лѣнивы, но, нужно прибавить, лѣнивы только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь физическомъ или умственномъ трудѣ; они чуть ли не до страсти любятъ всевозможныя зрѣлища, игры и развлеченія, предаваясь которымъ они совершенно перерождаются и забываютъ о своей лѣности.

Чилійцы ловки, сильны и прекрасные наѣздники; въ этомъ случаѣ они не уступятъ аргентинскимъ гаучо, на которыхъ они много походятъ; я говорю не о городскихъ жителяхъ, а о поселянахъ, носящихъ характеристическое названіе гуазо (guassos)... Городскіе же жители мало отличаются отъ испанцевъ; одѣваются въ европейскіе костюмы по послѣдней модѣ, живутъ совершенно на широкую европейскую ногу; но жаль только, что думаютъ и поступаютъ еще до сихъ поръ не по европейски, потому что они слишкомъ сильно заражены дикими понятіями своей страны и предковъ, и европейскій образъ дѣйствій и мыслей къ нимъ привиться еще не могъ.

Чилійцы большею частью заимствуются отъ англичанъ, и всю обстановку своей жизни хотятъ вывернуть на англійскій манеръ, что имъ впрочемъ неудается и все выходитъ у нихъ вслѣдствіе этого какъ-то натянуто и неестественно...

Гуазо, происшедшіе отъ смѣшенія древнихъ испанскихъ колонистовъ съ туземными индѣйцами, занимаются большею частью земледѣліемъ и скотоводствомъ. Почти весь домашній скотъ былъ вывезенъ въ Чили европейцами, и онъ размножился здѣсь, на привольныхъ, тучныхъ пастбищахъ, до баснословной цифры; здѣсь не рѣдкость видѣть стада въ десять и даже пятнадцать тысячъ головъ, а потому дешевизна домашняго скота необыкновенная. Впрочемъ, здѣсь еще не дошло до того, чтобы подало мысль устроить матадеро и саладеро, какъ это уже случилось въ Аргентинской республикѣ.

Земледѣліе, долгое время забытое въ Чили, дѣлаетъ въ настоящее время здѣсь громадные успѣхи; растенія, вывезенныя изъ Европы, разводятся необыкновенно успѣшно и могутъ доставить странѣ несмѣтныя богатства. Урожаи ихъ конечно мѣняются съ качествомъ почвы, но обыкновенно бываютъ отъ самъ-сорокъ до самъ-шестьдесятъ; нерѣдко впрочемъ, въ хорошіе годы, урожай доходитъ до самъ-сто и даже до самъ-сто-двадцать. Особенно хорошо принимаются рожь, маисъ, пенька и ленъ; виноградъ, оливковое дерево, сахарный тростникъ, апельсинныя,

лимонныя и другія фруктовыя деревья Европы даютъ здѣсь почти такіе же сборы, какъ и на своей родной почвѣ. Виноградъ, собираемый по берегамъ рѣки Итата, считается лучшимъ, и его ежегодно въ громадномъ количествѣ высылаютъ въ Перу; изъ него приготовляется прекрасное вино мускатъ.

Грушевыя, миндальныя, орѣховыя и персиковыя деревья растутъ здѣсь безъ всякаго ухода и нерѣдко образуютъ громадныя рощи, занимающія пространство въ 10 и 15 нѣмецкихъ миль. Вообще почва въ Чили можетъ похвалиться своимъ удивительнымъ плодородіемъ и произрастительностью; но только жаль, рабочихъ рукъ мало; кромѣ того, значительная часть чилійской территоріи находится въ рукахъ невѣжественныхъ арауканов, которые рѣшительно не любятъ заниматься земледѣліемъ и такимъ образомъ не пользуются необыкновеннымъ плодородіемъ своей родной земли.

Араукане, или малуши [1]), занимаютъ все пространство такъ называемой Индѣйской Чили, лежащей между 36°49′ и 41° широты; республика не имѣетъ здѣсь другихъ городовъ, кромѣ Вальдивіи, или Озорно, и нѣсколькихъ пограничныхъ фортовъ; такимъ образомъ араукане почти полные хозяева этой обширной страны и не хотятъ признавать надъ собою владычества чилійцевъ. Слово «арауканъ» взято съ чилійскаго языка и служитъ у испанцевъ самымъ ругательнымъ выраженіемъ (разбойникъ, воръ и т. п.); сами же индѣйцы называютъ себя малушами, что означаетъ на ихъ языкѣ «воины», или аокасами, что значитъ «свободный народъ». Чилійцевъ они въ отместку называютъ или «chiapi, т. е. «дурной солдатъ», или «huinca», что означаетъ на ихъ языкѣ «убійца». Вообще между малушами и чилійцами существуетъ страшная ненависть и вражда, которая часто оканчивается кровопролитіями, рѣзнею и убійствами; народъ этотъ никогда еще не былъ покоренъ, хотя чилійцы считаютъ себя ихъ полными властелинами; онъ одинъ, въ обѣихъ Америкахъ, еще до сихъ поръ энергично поддерживаетъ свою независимость, и за насилія, изверґства и убійства платитъ тѣмъ же съ необыкновенною энергію и стойкостью.

Араукане высокаго роста, но формы ихъ некрасивы; лицо у нихъ плоское, съ выдающимися, какъ у монголовъ, скулами; взглядъ суровый и недовѣрчивый; цвѣтъ лица темнокрасный. Черные, длинные, висящіе космами, волосы обрамляютъ некрасивое ихъ лицо съ короткимъ носомъ,

---

[1]) Настоящее названіе индѣйскаго племени малуши, а испанцы ихъ прозвали Арауканами.

большимъ ртомъ и угловатымъ подбородкомъ, изъ котораго тщательно выдернуты всѣ волосы. Араукане сильны, ловки и превосходные наѣздники; они выкидываютъ на своихъ лошадяхъ такія удивительныя салтомортале, что смѣло могли бы выйти на арену цирка. Я думаю, не безъинтересно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дикомъ народѣ, а потому, пользуясь имѣющимися у меня подъ рукою мѣстными источниками, дамъ читателямъ небольшія свѣдѣнія объ ихъ религіи, нравахъ и обычаяхъ.

Начало, отъ котораго ведетъ религію этотъ народъ, есть дуализмъ, вѣра въ добраго и злаго духа, Меуленъ и Ванкубу (Meulen и Wancubu). Араукане сохранили у себя преданіе о всемірномъ потопѣ, твореніи злаго духа Ванкубу, и о патріархѣ «благочестивомъ изъ благочестивыхъ», сохранившемся отъ этого бѣдствія по протекціи добраго духа Меулена. Они признаютъ надъ собою верховное существо, извѣстное у нихъ подъ тремя названіями: Пилланъ, что означаетъ небесный духъ, Бута-Женъ— Верховное Существо, и Талкаве—богъ грома. Араукане имѣютъ о Пилланѣ чрезвычайно высокое мнѣніе; по ихъ понятіемъ, онъ есть создатель всего міра (Вильвемвое), всемогущъ (Вильпельвіевое), вѣченъ (Молихелли) и безконеченъ (Аунополли).

Затѣмъ слѣдуютъ второстепенныя божества, ульмени и апо-ульмени, божества двухъ половъ, которыя напоминаютъ собою греческую миѳологію. Эта безсмертная группа, какъ и у грековъ, имѣетъ свои добродѣтели и слабости; можетъ любить и враждовать, и даже, въ критическихъ обстоятельствахъ, «придерживается чарочки», или, выражаясь эстетичнѣе, погружаетъ свои несчастія въ нектарѣ. Эти божества—тѣлохранители добраго духа Меулена и, кромѣ того, гонятъ отъ хижинъ правовѣрныхъ араукапъ злаго духа Ванкубу; каждый индѣецъ имѣетъ своего ульменя, котораго онъ призываетъ въ минуты несчастія, которому молится и который есть непосредственный его ходатай и заступникъ передъ Меуленомъ. При этомъ арауканъ зовется именемъ своего патрона, и тотъ, по ихъ понятіямъ, руководитъ имъ на трудномъ и опасномъ жизненномъ пути, принимаетъ горячее участіе, какъ въ его печаляхъ, такъ и радостяхъ, утѣшаетъ его въ несчастіи, закрываетъ своимъ щитомъ во время сраженія и не покидаетъ до самой смерти.

Араукане чрезвычайно суевѣрны, и ихъ суевѣріе имѣетъ на себѣ отпечатокъ малодушія, несвойственнаго такому воинственному народу; напримѣръ, случайный пролетъ злополучной птицы приводитъ въ содроганіе самаго храбраго араукана; по ихъ мнѣнію, по ночамъ спускаются съ горъ въ долины различные призраки и изъ могилъ выходятъ мертвецы,

чтобы позабавиться въ веселой пляскѣ; большинство араукань старается увѣрить, что сами даже не разъ видѣли подобныя дьявольскія оргіи и слышали ужасный стукъ костей расплясавшихся мертвецовъ. Если несется съ вершинъ Андъ гроза, то они это явленіе приписываютъ страшной битвѣ умершихъ воиновъ съ злымъ духомъ Ванкубу. Араукане вѣруютъ въ колдуньевъ или «machis», но въ то же время они жестоко наказываютъ чародѣйство, если оно причиняетъ кому нибудь смерть; поэтому мѣстныя колдуньи лечатъ съ большою осторожностью и берутся за дѣло навѣрнякъ, потому что со смертью паціента ихъ обыкновенно подвергаютъ самымъ страшнымъ мукамъ.

При важнѣйшихъ событіяхъ араукане приносятъ въ жертву различныхъ животныхъ, въ кровь которыхъ обмакиваютъ вѣтви какого нибудь чтимаго дерева и хранятъ ихъ до слѣдующаго жертвоприношенія; религія ихъ не имѣетъ никакой другой внѣшней формы; у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ, ни религіозныхъ процессій и церемоній; они ограничиваются призываніемъ въ критическіе моменты добраго духа. Замѣчательно, они признаютъ въ человѣкѣ два вещества: вопервыхъ тѣло, разрушающееся и матерьяльное, и вовторыхъ — душу, существо вѣчное и безплотное.

Управленіе у арауканъ—военно-аристократическое; у нихъ существуетъ страшный законъ пустыни «зло за зло», «сила противъ силы», «око за око, зубъ за зубъ». Ихъ владѣнія раздѣляются на такъ называемыя тетрархіи (tetrarchies) [1]) или четверовластія, управляемыя токами и касиками.

Тетрархіями управляютъ четыре токи, которые совершенно другъ отъ друга не зависятъ, но въ важнѣйшихъ случаяхъ собираются на совѣтъ и рѣшаютъ дѣло большинствомъ голосовъ. Кромѣ токи, въ каждой тетрархіи есть еще губернаторъ, или апо-ульменъ, и сорокъ пять начальниковъ уѣздовъ, или ульменевъ.

Токи, для отличія своего званія, носятъ порфирные или другаго какого нибудь драгоцѣннаго камня топорики, апо-ульмени—жезлы съ серебряными набалдашниками, а ульмени—жезлы безъ набалдашниковъ.

Всѣ чиновныя лица тетрархіи составляютъ простой совѣтъ, или іогъ (yoh), который рѣшаетъ всѣ гражданскія и военныя дѣла своей области;

---

[1]) Тетрархія производится отъ греческаго слова τέτταρα (теттара)—четыре и ἀρχή (архи)—власть. Это есть четвертая часть владѣнія или государства и это упоминаю для того, что нѣкоторые путешественники, описывая Арауканію, раздѣляютъ ее на «четыре тетрархіи», какъ будто можно было предполагать, что тетрархій можетъ быть три или пять!..

собраніе же чиновниковъ всѣхъ тетрархій составляетъ большой совѣтъ, или бутако-іогъ (butaco-yog); на немъ разбираются дѣла, касающіяся всего союза, какъ напримѣръ, заключеніе мира, объявленіе войны и пр. Когда большой совѣтъ рѣшитъ объявленіе какому нибудь народу или племени войну, то разсылаетъ по всѣмъ концамъ тетрархій гонцовъ, или гуерченисъ (guerchénis), съ приказомъ поголовно возстать на защиту своей родной земли. Всѣ воины собираются въ одно мѣсто, каждый съ присвоеннымъ ему вооруженіемъ и извѣстнымъ запасомъ провизіи; предводителемъ собраннаго войска избирается одинъ изъ четырехъ токи; но нерѣдко случается, что имъ бываетъ и простой ульмень, если только большой совѣтъ найдетъ его достойнымъ занять столь важное и высокое мѣсто. Всѣ военныя экспедиціи араукановъ снаряжаются съ необыкновенною быстротою, такъ что даже враги ихъ не успѣваютъ приготовиться, чтобы дать имъ хорошій отпоръ; особенно страдаютъ отъ ихъ ужасныхъ набѣговъ чилійскіе города Консепсіонъ, Вальдивія и Талкахуано, которые не разъ были ими разрушаемы и разграбляемы. Арауканское знамя (на лазурномъ полѣ бѣлая звѣзда) не разъ развивалось въ этихъ злосчастныхъ городахъ, расположенныхъ по самой границѣ индѣйской и испанской Чили, не разъ ихъ жители уводились въ тяжкую неволю и рабство!..

У араукановъ развита полигамія; но при этомъ только первая жена пользуется титуломъ своего супруга, а также считается послѣ него прямою наслѣдницею; остальныя же жены живутъ совершенно отдѣльно, въ видѣ наложницъ, каждая въ своей хижинѣ, и находятся въ полномъ подчиненіи у первой жены. По арауканскимъ законамъ, мужъ властенъ въ жизни и смерти своихъ женъ, а отецъ—дѣтей, и общество даже не спрашиваетъ у нихъ въ этомъ случаѣ никакого отчета. Если арауканъ захочетъ увеличить число своихъ женъ, то собираетъ своихъ друзей и родныхъ, и съ ними уже разыскиваетъ себѣ подходящую невѣсту; когда она найдена, то начинается торгъ, который нерѣдко заканчивается кровавою дракою, если сваты жениха будутъ давать за невѣсту слишкомъ ничтожный выкупъ, чѣмъ, понятно, оскорбятъ ея достоинство, а также задѣнутъ самолюбіе и гордость ея родителей. Положеніе арауканскихъ женщинъ самое несчастное; онѣ угнетены самыми трудными работами и не имѣютъ минуты отдыха и спокойствія; словомъ, о нихъ можно сказать то же, что я уже говорилъ о патагонскихъ женщинахъ...

Когда умираетъ воинъ, то тѣло его друзьями и родителями кладется на носилки и торжественно несется на фамильное кладбище (eltun); же-

ны слѣдуютъ позади и громко воспѣваютъ великіе подвиги и храбрость своего отошедшаго въ вѣчность супруга. Усопшихъ кладутъ въ яму со всѣмъ его оружіемъ, лучшею одеждою и провизіею, чтобы воину было чѣмъ защищаться на опасномъ пути въ заоблачный міръ, было-бы въ чемъ явиться къ доброму духу Меулену и чтобы наконецъ не погибнуть въ дорогѣ отъ голода. Не забываютъ положить съ усопшимъ и немного золота, чтобы онъ могъ чѣмъ уплатить старой перевощицѣ Темпу-Лагги (Tempu-Laggi), которая перевозитъ души въ вѣчность черезъ кипящее страшное озеро.

Если умираетъ женщина, то въ могилу кладутъ всю домашнюю утварь и всѣ предметы ея занятія; затѣмъ тѣло зарываютъ и надъ могилою складываютъ изъ камней небольшой холмикъ, величина котораго зависитъ отъ сановитости усопшаго. Похороны оканчиваются обыкновенно веселымъ праздникомъ, на которомъ всѣ присутствующіе вдоволь наѣдятся, напьются и натанцуются; странно, араукане, этотъ суровый и серьезный народъ, любятъ танцы безъ ума и въ танцахъ они совершенно перерождаются: дѣлаются нѣжными, мягкими и вполнѣ элегантными; жены ихъ танцуютъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и страстью; въ танцахъ онѣ забываютъ свои тяжелыя работы, свое угнетенное, печальное положеніе. Танцы арауканъ столь хороши, что даже нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались любимыми танцами чилійцевъ, которые, какъ испанцы, большіе знатоки танцовальнаго искусства и худымъ не увлекутся!...

Обыкновенную пищу малушей составляетъ овечье и бычачье мясо, рыба, и особое кушанье «мильковъ» (milcow), приготовляемое изъ разнаго тѣста и лука или картофеля. Во время походовъ они ѣдятъ мясо сушеное на солнцѣ и разрѣзанное тоненькими ремешками, а также и маисъ. Всѣ кушанья араукане любятъ приправлять перцемъ и запивать крѣпкими напитками, которые выдѣлываютъ обыкновенно въ Вальдивіи или Консепсіонѣ.

Изъ всѣхъ индѣйскихъ племенъ, населяющихъ Южную Америку, араукане считаются наиболѣе цивилизованными; хотя характеръ ихъ во время войны и очень жестокъ, но за то они обладаютъ многими чрезвычайно хорошими качествами, которыхъ трудно найти даже у людей вполнѣ цивилизованныхъ; напримѣръ, они удивительно вѣрны данному разъ слову, гостепріимны и обходительны съ иностранцами, путешествующими по ихъ независимой территоріи съ согласія апо-ульменя или ульменевъ.

Когда иностранный купецъ пожелаетъ завести съ ними торговлю, то онъ, нисколько не стѣсняясь, идетъ прямо къ апо-ульменю, безцеремонно усаживается противъ него и ждетъ формальнаго вопроса.

— Это ты пришелъ?»— спрашиваетъ обыкновенно начальникъ, какъ будто-купецъ давно уже ему знакомъ.

— Я, почтительно отвѣчаетъ тотъ.

— И что ты принесъ мнѣ?

— Вино, матеріи, оружіе, одежду и проч.; — при этомъ начинается торжественная выгрузка всѣхъ принесенныхъ подарковъ, и, нужно сознаться, ульмень никогда не клянчитъ прибавить того или другаго, какъ это дѣлаютъ обыкновенно африканскіе начальники, но съ подобающимъ достоинствомъ и гордостью довольствуется тѣмъ, что могъ принести ему купецъ. Получивъ подарки, ульмень извѣщаетъ жителей своей провинціи о пріѣздѣ иностраннаго купца, и съ этого момента тотъ торгуетъ совершенно свободно и безопасно; желающіе пріобрѣсть что нибудь, приходятъ къ нему и берутъ все что надо; при этомъ плата обыкновенно производится уже послѣ того, какъ весь товаръ распроданъ и купецъ намѣревается выѣхать домой; это чрезвычайно удобно и для купца и для покупщиковъ, потому что платятъ за вещи не деньгами, а пончо, быками, овцами, лошадями и пр.; слѣдовательно у купца остается въ карманѣ содержаніе всѣхъ этихъ животныхъ во все время его пребыванія у арауканъ, что для него чрезвычайно выгодно.

Обыкновенно ульмень извѣщаетъ опять своихъ подданныхъ, что время заплатить за забранные предметы, и тѣ съ необыкновенною добросовѣстностію представляютъ купцу плату за взятые у него товары!...

Араукане въ былое время имѣли нѣкоторое понятіе въ геометріи, занимались поэзіею и медициною; даже въ настоящее время въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова: линія, точка, уголъ, конусъ, треугольникъ и т. п. Въ астрономіи же они имѣютъ весьма положительныя свѣдѣнія; они, напримѣръ, различаютъ звѣзды отъ планеты, знаютъ о солнцестояніяхъ, равноденствіяхъ и понимаютъ нѣкоторыя небесныя явленія, какъ напримѣръ, затмѣніе и фазы луны! Звѣзды у нихъ дѣлятся на созвѣздія, и млечный путь имъ не безъизвѣстенъ; время они считаютъ почти такъ же, какъ и мы; ихъ годъ, называемый тхипанту (thipantu), начинается съ 22 декабря, послѣ солнцестоянія, и дѣлится на двѣнадцать мѣсяцевъ (cujen); каждый мѣсяцъ дѣлится на тридцать дней, а сутки на 24 часа. Декабрь у нихъ зовется мѣсяцемъ новыхъ плодовъ (huevun-cujen), январь мѣсяцемъ плодовъ (avudcujen), февраль—мѣсяцемъ жатвы (cogïcujen) и т. д.... Араукане занимаются отчасти хлѣбопашествомъ, но больше скотоводствомъ; они сѣютъ маисъ, рожь, овесъ, а изъ огородныхъ растеній—капусту, брюкву, рѣпу и картофель; почти весь трудъ обработки земли и жатва лежитъ на женщинахъ, а мужчины, между тѣмъ, въ мир-

ное время, носятся съ лассо въ рукахъ по доламъ и горамъ за дикими лошадьми и быками. Кромѣ того, арауканки занимаются приготовленіемъ шерстяныхъ матерій и въ особенности пончо; пончо, вытканное изъ шерсти гуанака, цѣнится иногда довольно дорого; самый роскошнѣйшій стоитъ болѣе 100 долларовъ, и надъ ними обыкновенно трудится арауканка не менѣе двухъ лѣтъ.

Араукане, въ противуположность своимъ сосѣдямъ патагонцамъ, очень чистоплотны, часто купаются и даже чешутся; одежда мужчинъ состоитъ изъ неизмѣннаго въ Южной Америкѣ пончо, жилета, короткихъ штановъ, кожанаго кушака, шляпы изъ сахарнаго тростника и кожаныхъ сандалій, называемыхъ ojotes; женщины ходятъ съ непокрытою головою и съ босыми ногами; платья носятъ онѣ длинныя, обыкновенно голубаго цвѣта (цвѣтъ арауканскаго знамени), безъ рукавовъ и разрѣзанное съ боку à la belle Hélène. Мантія того же цвѣта, схваченная на плечѣ серебряными крючками, серебряные же браслеты и серьги довершаютъ ихъ незатѣйливый костюмъ. Волосы у арауканокъ необыкновенно хороши; онѣ заплетаютъ ихъ въ двѣ длинныя, роскошнѣйшія косы, а на лбу коротко подстригаютъ.

Среди арауканокъ можно найти очень много красивыхъ и съ совершенно европейскимъ типомъ лица, да и немудрено: араукане страстно любятъ бѣлыхъ женщинъ и, во время своихъ внезапныхъ набѣговъ на чилійскіе города, нерѣдко захватывали въ плѣнъ несчастныхъ чиліекъ, которыя моментально расходились по рукамъ ульменевъ и храбрѣйшихъ воиновъ Никакіе выкупы за женщинъ они не принимаютъ, и ихъ можно отнять отъ нихъ только силою. Отъ подобнаго насильственнаго смѣшенія индѣйцевъ съ бѣлыми женщинами происходитъ тотъ полуевропейскій красивый типъ, который чрезвычайно рѣзко выдѣляется изъ арауканской семьи и поражаетъ взглядъ каждаго путешественника.

ГЛАВА XX.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ВАЛЬПАРАЙЗО НА САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА (ГОНОЛУЛУ).

На пути изъ Вальпарайзо на Сандвичевы острова. — Островъ Оагу. — Гонолулу. — Историческій очеркъ города. — Краткій историческій очеркъ Гавайскихъ острововъ съ ихъ открытія до настоящаго времени. — Король Луналило. — Поѣздка въ Палли. — Канаки и каначки. — Выходъ изъ Гонолулу.

Корветъ «Аскольдъ» вышелъ изъ Вальпарайзо 18 іюня, утромъ; погода намъ вполнѣ благопріятствовала: дулъ свѣжій южный вѣтеръ, и мы, вступивъ подъ паруса, неслись не менѣе девяти узловъ въ часъ... Но, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, сорокъ слишкомъ дней пробирались мы на Сандвичевы острова, сорокъ слишкомъ дней не видали ничего, кромѣ лазуреваго, впрочемъ иногда и помрачавшагося, свода небесъ и безпредѣльнаго океана, который изрѣдка, по старой дружбѣ дарилъ насъ однимъ или другимъ развлеченіемъ, нѣсколько разнообразившими наше длинное плаваніе.

Переходъ изъ Вальпарайзо въ Гонолулу совершился спокойно и, можно сказать, почти однообразно: не было ни штормовъ, ни урагановъ, не было и безконечныхъ, утомляющихъ штилей, словомъ, все прошло безъ особенныхъ авраловъ и аварій, которыхъ ужь не мало досталось на долю нашего стойкаго «Аскольда». Нептунъ и Борей дали наконецъ возможность свободною грудью вздохнуть нашему герою-корвету и забыть на время ихъ прежнее невѣжество и буйное поведеніе, совершенно не подходящее къ такимъ сановитымъ богамъ древней Греціи.

Переходъ изъ Вальпарайзо на Сандвичевы острова сильно напоминалъ намъ почти подобный же переходъ съ острововъ Зеленаго Мыса въ Буэносъ-Айресъ: тотъ же всѣмъ пріятный, освѣжающій пассатъ до и послѣ экватора; та же несносная, утомляющая штилевая полоса; тѣ же

развлеченія, невзгоды, непріятности и удовольствія; словомъ, сорокадневное плаваніе наше прошло безъ особенныхъ приключеній и не ознаменовалось ни однимъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, случаемъ или обстоятельствомъ. Правда, были въ общемъ теченіи нашей скитальческой жизни нѣкоторыя особенности, но особенности незаслуживающія вниманія публики, которую наша внутренняя судовая жизнь и наши дрязги интересовать не могутъ и не должны, потому что жизнь эта сложилась въ такой странной формѣ, вокругъ насъ группируются столько непонятныхъ для посторонняго глаза фактовъ, что лучше будетъ о нихъ умолчать и поставить многоточіе....

Вообще судовую жизнь можно раздѣлить на двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю; первая ни для кого не можетъ быть тайною, напротивъ, о ней нужно писать и писать, чтобы дать понятіе «о прелестяхъ и шикахъ собственно морской жизни»; вторая же сторона судовой жизни должна быть всегда закрыта непроницаемымъ для посторонняго глаза покровомъ, который могутъ приподнимать только люди «избранные и свои».

Внѣшняя же судовая жизнь, то есть, можно сказать, жизнь на верхней палубѣ, повторяю, заслуживаетъ полнаго вниманія и описаніемъ ея избѣгать положительно грѣшно, а кто ею займется, то тому рѣшительно не будетъ времени даже заглянуть во внутреннюю судовую жизнь, а тѣмъ болѣе—разобрать, описать ее и подвести еще итоги, потому что безъ итоговъ, какъ извѣстно, никогда и ничто не обходится...

Пользуясь удачнымъ переходомъ, на корветѣ шли усердныя занятія грамотою, а также парусныя и артиллерійскія ученія; о рекрутахъ уже и помину не было: всѣ глядѣли бравыми, лихими молодцами и трудно даже было повѣрить, что большая часть этихъ молодцовъ отнята отъ боронъ и сохъ съ небольшимъ только годъ. Рвеніе у всѣхъ было необыкновенное, работали всѣ съ такимъ усердіемъ, что любо-дорого было смотрѣть, и главная причина подобнаго усердія таилась въ желаніи однихъ перещеголять другихъ; особенно ратоборствовали форъ- и гротъ-марсовые; прежде брали перевѣсъ послѣдніе, но форъ-марсовымъ показалось это слишкомъ обиднымъ, и они, понатужась, въ короткое время далеко превзошли своихъ соперниковъ, и какую угодно работу кончали первыми.

За то крюйсельные находились у тѣхъ и другихъ въ полномъ пренебреженіи и не потому, чтобъ худо они работали, а потому, что все вооруженіе ихъ мачты было сравнительно съ фоковымъ и гротовымъ слишкомъ ничтожно. Форъ- и гротъ-марсовые ихъ мачту, напримѣръ, на-

зывали презрительно вѣхою, паруса—платочками, реи—крандашиками, снасти—ниточками, и тому подобное въ томъ же родѣ; такимъ образомъ, крюйсельные служили для всѣхъ предметомъ насмѣшекъ, что имъ очень приходилось не понутру, а въ особенности нашему старому знакомцу Архипкѣ, попавшему по росписанію именно въ злосчастные крюйсельные. Какъ онъ бывало ни огрызался, а все же не могъ возстановить репутацію своей мачты, а тѣмъ болѣе товарищей... Почти ежедневно ратоборствовалъ онъ на бакѣ съ форъ- или гротъ-марсовыми, но всегда уходилъ оттуда обезкураженный и пристыженный, а иногда и побитый.

— Чего вы форситесь, въ ротъ вамъ ноги, кипятился, бывало, Архипъ, обращаясь къ своимъ соперникамъ: что, развѣ и мы не матросы, развѣ и мачта наша не въ мачту вамъ?.. Глянь-ко, чѣмъ она меньше вашей—аршиномъ, аль полтора съ вершкомъ, а что тоньше, такъ зачѣмъ и толстой ей быть, коли и такъ не ломится: бываетъ и толсто дерево, да гнилое....

— Эй, ты, пустомеля Вологодская, огрызались форъ- и гротъ-марсовые: всѣ крюйсельные и ты съ ними мразь корветская, а не матросы, крандашиками ворочать и платочки убирать всякій дуракъ умѣетъ, а пошли васъ на фокъ, да на гротъ, то руки всѣ измозолите, а ничаво съ ними не подѣлаете, потому паруса они есть самые настоящіе.

— Да я вашъ фокъ одною рукою уберу, харохорился Архипъ: какъ есть пузатая образина, и больше ничаво; одно слово, плевокъ, а вы всѣ такъ и плевка не стоите....

— Ой, не хвались, Архипка, а то дурь какъ разъ вышибимъ, ей-ей вышибимъ, говорили баковые, мы тебя, силача, за вихорь, да въ танецъ пустимъ... Ты у насъ очченно сроптивый парень, да и храбрецъ, видно, прибавили они усмѣхаясь, насъ всѣхъ не боишься, а мертвой рыбины какъ есть устрашишься, какъ ономнясь, помнишь, головы акулы—рыбы спужался... Баковые знали, чѣмъ можно досадить хвастливому Архипу, а потому не преминули напомнить ему объ извѣстномъ уже читателямъ случаѣ. И, дѣйствительно, Архипъ пришелъ въ ужаснѣйшій азартъ....

— Лопни ваши глаза, окаянные, заголосилъ онъ на весь бакъ: развѣ можно такъ честнаго матроса порочить?.... Да я лампиру-кровопійцу (вампира) не спужаюсь, ляпарда американскаго кулакомъ убью, васъ всѣхъ въ порошокъ изотру, а вы, брандахлысты, такую напраслину на меня взводите!..

Долго кипятился Архипка на бакѣ, пока его не унялъ здоровымъ под-

затыльникомъ вахтенный унтеръ-офицеръ, посланный вахтеннымъ начальникомъ возстановить на бакѣ миръ, спокойствіе и порядокъ.

Подобные споры Архипъ затѣвалъ почти ежедневно и энергично стоялъ за свою мачту и товарищей-крюйсельныхъ; но, къ несчастію, всѣ эти споры почти всегда оканчивались не въ его пользу: онъ уходилъ съ бака по большей части окончательно сконфуженный, если не острымъ словомъ, то здоровымъ тумакомъ или подзатыльникомъ. Вообще Архипу всегда и отъ всѣхъ доставалось за его неумѣренную хвастливость и заносчивость, и тѣмъ болѣе потому, что былъ онъ, въ сравненіи съ прочею командою, матросъ слабосильный и тщедушный; но между тѣмъ онъ претендовалъ на силу, чуть ли не на богатырство, неустрашимость, ловкость и молодечество, словомъ, строилъ изъ себя какого Добрыню Никитича или Бову Королевича, принявшаго на себя тщедушный образъ крюйсельнаго Архипки. Форъ и гротъ-марсовые обыкновенно выражались о героѣ Архипѣ такъ:

— Вишь, отъ земли едва, плюгаваго чорта, видно, сплюнуть не на что, а онъ силою и храбростью передъ людьми хвастается.... А какая въ немъ сила, скажите на милость?.. Муха на ногу наступитъ — ему ужь и больно, а треснуть его мало-мало слегка, такъ, смотришь, и мокраго мѣста не останется... При такой силѣ была бы хоть храбрость, такъ ничего, а то и той нѣтъ: каболка ли гдѣ виситъ — ему ужь змѣемъ большущимъ она кажется; вошь какая ли ползетъ — онъ ужь за тигру лютую ее принимаетъ или за ляпарда кровожаднаго, а ужь какъ мышь встрѣтитъ, то непремѣнно за слона приметъ; потому пословица говоритъ: у страха, вишь, глаза велики.... И нѣтъ у нашего Архипки ни храбрости, ни силы, а за то есть хвастливость, то есть, парень онъ оченно хвастливый и глупый, какъ малъ-ребенокъ....

Архипъ подобною атестаціею своихъ товарищей ужасно былъ недоволенъ и при первой возможности энергично начиналъ доказывать, что онъ не глупъ и не хвастливъ, и не трусливъ, а, напротивъ, храбрости безпримѣрной, мужества непобѣдимаго, силы несокрушимой и ума удивительнаго...

Переходъ до Гонолулу былъ для насъ болѣе чѣмъ благопріятенъ; вѣтеръ и бури почти вполнѣ повиновались нашимъ прихотямъ, что уже давно не случалось; даже штилевая полоса не держала насъ долго въ своихъ непріятныхъ, одуряющихъ объятіяхъ, и мы прошли ее въ четыре дня, не разводя даже паровъ, что бываетъ очень рѣдко. Правда, мы двигались по ней черепашьимъ шагомъ, но все-таки двигались, а не маялись безцѣльно и не колыхались, какъ прикованные, на одномъ мѣстѣ. За то

до и послѣ штилевой полосы корветъ неся очень изрядно; до нея гналъ насъ свѣжій южный вѣтеръ, а послѣ—ровный, всѣмъ пріятный и весьма почитаемый сѣверо-восточный пассатъ...

Съ разсвѣтомъ, 29 іюля, мы были уже въ виду острова Оагу, главнаго, по своему политическому положенію, изъ всей группы Сандвичевыхъ островов; на чистомъ, лазуревомъ небѣ ярко выдѣлялся знаменитый Діамантовъ холмъ, позлащенный яркими лучами восходящаго солнца. Онъ выдавался въ океанъ красивымъ мысомъ, имѣвшимъ видъ прелестнѣйшаго букета самыхъ лучшихъ тропическихъ растеній и деревьевъ, блистающихъ яркою, нѣжною зеленью.

Чѣмъ ближе подходили мы къ острову Оагу, тѣмъ ярче и рельефнѣе выдѣлялись на лазурномъ фонѣ тропическаго неба ряды прелестнѣйшихъ холмовъ, окутанныхъ со всѣхъ сторонъ самою нѣжною зеленью; восходящее солнце бросало на нихъ пурпуровый отблескъ, удивительно гармонировавшій съ общею картиною тропической природы. Роскошнѣйшія кокосовыя пальмы и бананникъ образовывали прелестныя рощи, которыя такъ и просились на полотно пейзажиста; вообще открывающеюся постепенно передъ нами картиною можно было не только залюбоваться, но даже увлечься до поэтическаго восторга. Нѣтъ силъ дать точное описаніе этого тропическаго рая, да и не берусь, потому что нужно здѣсь побольше красокъ, а не чернилъ.... Оагу имѣлъ какой-то странно привлекательный видъ; взоры съ жадностью пожирали постепенно открывающіяся особенности и подробности, и невольно всѣ мысли неслись подъ тѣнь широколиственныхъ, роскошныхъ бананниковъ и кокосовыхъ пальмъ, на мягкую, нѣжную зелень, въ общество прелестныхъ, всѣми воспѣваемыхъ, страстныхъ каначекъ...

Разстилающаяся передъ нами роскошная зелень дѣйствовала какъ-то возбудительно, горячила кровь, раздражала мозгъ и бросала въ какую-то пріятную нѣгу... Недаромъ канаки и каначки такіе страстные, какъ ихъ описываютъ: ихъ жилище, ихъ рай вполнѣ тому причиною—въ немъ можно только думать объ удовольствіяхъ и блаженствѣ... Однако, объ этомъ послѣ; до каначекъ еще далеко!....

Черезъ нѣсколько времени корветъ вошелъ въ проливъ, отдѣляющій островъ Моротая отъ Оагу, и мы понеслись вдоль ихъ восхитительныхъ береговъ; мимо насъ потянулись пальмовыя рощи; въ воздухѣ запахло свѣжею зеленью, душистымъ жасминомъ и магноліями... Но вотъ и давноожидаемый Гонолулу!.. Длинный кораловый рифъ выходилъ далеко въ море и отдѣлялъ внѣшній рейдъ, на которомъ мы сперва и стали на якорь, отъ внутреннаго; волны съ шумомъ разбивались о кораловыя

стѣны и бурунами бѣжали вдоль рифа, окаймляя островъ бѣлоснѣжною, блестящею пѣною. Прямо передъ нами высился къ небу красивый холмъ, носящій характеристическое названіе «Пуншевой чаши»; на вершинѣ его стояло стражемъ, повидимому, сильное укрѣпленіе, господствуя надъ всѣмъ городомъ и рейдомъ...

На внѣшнемъ рейдѣ мы простояли очень недолго; вскорѣ прибылъ къ намъ лоцманъ внушительной наружности, и корветъ, подъ его проводкою, осторожно сталъ пробираться на внутренній Гонолулскій рейдъ, гдѣ стоять на якорѣ можно гораздо спокойнѣе, да и кромѣ того веселѣе, потому что ближе къ берегу, къ которому, нужно сознаться, льнетъ, послѣ сорокадневнаго перехода, даже самый горячій морякъ, только конечно не морской человѣкъ и не куперовскій «loup de mer», который берега боится, какъ огня... Проходъ на внутренній рейдъ очень узокъ и извивается вдоль опасныхъ кораловыхъ рифовъ; безъ лоцмана трудно на него пробраться, хотя фарватеръ обозначенъ бакенами, вѣхами и тому подобными предостерегательными знаками. Въ гавани стояло нѣсколько китобойныхъ судовъ, самой странной и разнообразной конструкціи, и только одно военное судно, а именно—парусный американскій шлюпъ «Портсмутъ», занимающійся описью въ Тихомъ океанѣ.

Мы стали на якорь чуть ли не у самой набережной, чѣмъ были очень довольны; не успѣлъ еще якорь достать дно, а уже корветъ, по общему обыкновенію, былъ окруженъ массою шлюбокъ съ разнаго рода агентами, комисіонерами, прачками, портными и тому подобнымъ людомъ, чающимъ прибытія каждаго военнаго судна, съ котораго всегда и всѣмъ имъ есть большая надежда малость нажиться. Всѣмъ по опыту извѣстно, что послѣ сорокадневнаго перехода успѣли накопиться въ карманахъ у моряковъ звонкіе доллары, которые такъ и просятся на волю,—тоже погулять по бѣлу свѣту, изъ одного кармана въ другой.... На пристани толпилась масса народу: тутъ были и туземцы, такъ называемые канаки и каначки, и разношерстная команда китобойныхъ судовъ, американскіе матросы, словомъ всякій сбродъ, пришедшій поглазѣть на вновь прибывшее судно!...

Гонолулу выглядѣлъ снаружи совершенно европейскимъ городомъ; вдоль берега тянулись прекрасные дома европейской архитектуры, принадлежащіе большею частью купечеству, банкирамъ, негоціантамъ и другимъ дѣловымъ людямъ, подвизающимся на торговомъ поприщѣ; саженныя вывѣски, неуступающія лондонскимъ, покрывали эти дома сверху до низу и какъ-то не согласовались съ наружнымъ видомъ туземцевъ, торгующихъ на пристани бананами, апельсинами, кокосами и тому

подобными лакомствами тропическаго міра.... Немало канаковъ и каначекъ было и на корветѣ; каждый изъ нихъ предлагалъ что нибудь особенное, мѣстное, причемъ главную роль все-таки играли фрукты и кораллы, лучшія произведенія Сандвичевыхъ острововъ. Канаки большею частью были въ матросскихъ рубахахъ, и если-бы не кофейный цвѣтъ лица, ногъ и рукъ, то они мало бы чѣмъ отличались отъ англійскихъ и американскихъ матросовъ, толпящихся тутъ-же, на пристани; каначки, въ широкихъ, некрасиво скроенныхъ блузахъ, выдуманныхъ для нихъ мѣстными миссіонерами, были очень оригинальны въ своихъ роскошныхъ вѣнкахъ, замѣняющихъ имъ большею частью всевозможные головные уборы; впрочемъ, попадались каначки и въ круглыхъ широкополыхъ шляпахъ, но очень рѣдко, потому что онѣ, по своему характеру, предпочитаютъ красивый изящный вѣнокъ, искусно и со вкусомъ сплетенный изъ лучшихъ роскошнѣйшихъ цвѣтовъ и растеній тропическаго міра, всѣмъ уродливымъ головнымъ уборамъ, выдуманнымъ глупою европейскою модою, хотя въ былое время миссіонеры очень энергично проповѣдовали о необходимости носить шляпки, и тѣмъ болѣе потому, что они сами занимались ихъ распродажею и очень ловко наполняли свои широкіе карманы канакскимъ серебромъ.... Но объ этомъ послѣ, когда коснемся трудовъ благочестивыхъ отцовъ-миссіонеровъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ....

Надъ городомъ подымались высокіе холмы, среди которыхъ синѣло мрачное ущелье, отъ котораго шла къ городу роскошная долина, красиво пестрѣющая дачами европейцевъ, уютно скрывающимися среди банановыхъ, кокосовыхъ пальмъ, апельсинныхъ, жасминныхъ, оранжевыхъ деревьевъ и утопающими въ легкой, граціозной листвѣ тамариндовъ.

Направо и налѣво, вдали, виднѣлись незатѣйливые домики и хижины мѣстнаго народонаселенія; они были расположены, какъ нарочно, въ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстахъ острова, среди яркой зелени пальмъ, граціозно склонившихся надъ ними и бросающихъ на нихъ прохладную тѣнь.... Вообще общій видъ города съ его окрестностями былъ необыкновенно привлекателенъ, а потому мы, не видавши берега слишкомъ сорокъ дней, съ нетерпѣніемъ ожидали того пріятнаго момента, когда наконецъ удастся намъ вырваться на берегъ и уже вблизи разсмотрѣть то, что издали казалось такимъ прелестнымъ и завлекательнымъ....

Хотя Гонолулу и не богатъ прекрасными зданіями и историческими воспоминаніями,—во всякомъ случаѣ этотъ городъ требуетъ серьезнаго и подробнаго описанія, потому что это мѣсто есть единственное во всей Полинезіи, гдѣ европейская культура нашла себѣ твердую опору и раз-

вилась необыкновенно быстро и удачно. Мѣстоположеніе Гонолулу необыкновенно красиво; дома его тонутъ въ прекрасной тропической зелени и скорѣе походятъ на роскошныя дачи, чѣмъ на городскія зданія. Улицы правильныя, широкія, совершенно европейскія.... Изъ зданій особенно обращаютъ на себя вниманіе храмы соперничествующихъ религій, но не красотою своей архитектуры, а только сравнительною масивностью и величиною.

Гонолулу обязанъ своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ, значеніемъ и надеждами на блестящую будущность положительно одной только своей гавани, открытой въ 1764 году англійскимъ капитаномъ Брауномъ; гавань эта, лучшая во всей группѣ Сандвичевыхъ островов и созданная самою природою, пріобрѣла важное значеніе въ глазахъ всего морскаго міра и, какъ станція на Великомъ океанѣ, занимаетъ первое мѣсто. Она лежитъ на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ западныхъ портовъ Америки въ восточные порты Азіи и въ Австралію, и служитъ мѣстомъ, гдѣ китобои пріобрѣтаютъ себѣ всѣ необходимые припасы и предметы.

До 1794 года на мѣстѣ, гдѣ процвѣтаетъ теперь Гонулулу, стояла ничтожная, маленькая деревушка, неимѣвшая рѣшительно никакого значенія какъ въ политическомъ, такъ и торговомъ мірѣ. Резиденціею-же правителя Оагу служила небольшая деревня Waikiki, лежащая въ пяти миляхъ отъ Гонолулу. Съ открытіемъ естественной, прекрасной гавани на мѣстѣ дрянной деревушки сталъ исполински расти почти европейскій городъ; съ каждымъ годомъ умножались посѣщенія китобоевъ, купеческихъ и военныхъ судовъ; развивающаяся торговля привлекла народонаселеніе со всѣхъ концовъ міра, и такимъ образомъ возникъ прежде небольшой городокъ, который годъ отъ году пріобрѣталъ большее и большее значеніе и наконецъ сдѣлался центромъ вновь сформировавшагося Гавайскаго королевства, мѣстопребываніемъ правительства и резиденціею короля.

Въ настоящее время Гонолулу представляетъ изъ себя главное складочное мѣсто, откуда товары развозятся по всѣмъ островамъ и землямъ Великаго океана, и кромѣ того онъ сталъ центральнымъ пунктомъ для торговли спермацетомъ, ворванью и китовымъ усомъ, потому что китобои предпочитаютъ продавать свою добычу въ Гонолулу, чѣмъ вести ее за тысячи миль отъ мѣста ловли и такимъ образомъ терять даромъ много времени и трудовъ. Вмѣстѣ съ торговлею процвѣтаетъ и сельское хозяйство, но въ то же время быстро уменьшается мѣстное народонаселеніе. Выйдя изъ дикаго состоянія, гавайцамъ пришлось, ради удовлетворенія потребностей, созданныхъ новою жизнью, бросить лѣнь и приняться за

трудъ.... Такимъ образомъ возникло среди ихъ земледѣліе, въ которомъ они дѣлаютъ въ настоящее время замѣчательные успѣхи; но въ скоромъ времени мѣстнаго народонаселенія будетъ недостаточно для разработки естественныхъ богатствъ страны, потому что прибытіе бѣлыхъ на Гавайскіе острова было для туземцевъ столь-же гибельно, какъ и всюду, гдѣ только они хотѣли цивилизовать своихъ цвѣтныхъ братьевъ. Кромѣ новыхъ болѣзней и спиртныхъ напитковъ, они принесли съ собою разнаго рода пороки и недуги; сифилисъ распространился здѣсь въ ужасающихъ размѣрахъ; къ нему прибавилась еще страшная проказа, которая вырываетъ ежегодно изъ среды туземнаго народонаселенія немало жертвъ; кромѣ того, небрежное обращеніе женщинъ съ дѣтьми, положительное непониманіе ими семейнаго начала, ѣзда верхомъ и ранній ихъ выходъ замужъ имѣютъ громадное вліяніе на вымираніе канакскаго племени на Сандвичевыхъ островахъ. Нижеслѣдующая таблица покажетъ ужасающую быстроту этого вымиранія.

Во время открытія острововъ Кукомъ (въ 1778 г.), число жителей на нихъ доходило минимумъ до трехъ сотъ тысячъ душъ; по первой народной переписи, въ 1823 году, считалось только 142,000, а въ 1832 году, оказалось народонаселенія не болѣе 130,000.

Въ 1850 г.	считалось	во	всей	группѣ	только	85,000	душъ.
» 1854 »	»	»	»	»	»	71,000	»
» 1860 »	»	»	»	»	»	69,000	»
» 1866 »	»	»	»	»	»	63,000	»

При подобномъ уменьшеніи канакскаго народонаселенія, въ недалекомъ будущемъ предвидится положительное исчезновеніе этого племени; немало имѣетъ вліянія на это исчезновеніе также помѣсь бѣлыхъ съ канаками и каначками, которая производитъ совершенно новую расу, въ которой различіе кожи и языка постепенно стушевывается и въ ней уже съ трудомъ можно будетъ отыскать слѣды прежнихъ сандвичанъ. Горевать о послѣдней причинѣ исчезновенія канакскаго племени конечно не слѣдуетъ, потому что вмѣсто него появится новая, лучшая раса; но о первыхъ причинахъ слѣдуетъ подумать и изыскать средство спасти народъ отъ страшнаго бича — сифилиса, проказы и пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ....

Чтобы показать, какъ пагубны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благодѣтельны были сношенія европейцевъ съ сандвичанами, необходимо прослѣдить историческій очеркъ Сандвичевыхъ острововъ и указать на то вліяніе,

какое имѣли «бѣлые» на нравственность и характеръ своихъ цвѣтныхъ братьевъ.

Гавайскіе острова были открыты въ первый разъ въ 1542 году испанцемъ Гаэтано, во время его путешествія изъ Акапулько въ Манилльу; но съ этого времени и до Кука, т. е. до 1778 года, о нихъ не имѣлъ никто рѣшительно никакихъ свѣдѣній, и они канули какъ бы въ вѣчность.... Капитанъ Кукъ пролилъ наконецъ новый свѣтъ на давно забытую группу островов и познакомилъ міръ съ лучшимъ и полезнѣйшимъ даромъ природы; онъ посѣтилъ въ первый разъ группу 18 января 1778 года, и возбудилъ своими огромными кораблями сильное удивленіе туземцевъ, которые называли ихъ «пловучими островами»; но первое посѣщеніе великаго мореплавателя было непродолжительно и ограничилось только сѣверо-западною частью архипелага. Черезъ годъ Кукъ вторично зашелъ на Сандвичевы острова и сталъ на якорь въ бухтѣ Кіелакекула, на островѣ Гаваи; туземцы приняли его за возвратившагося съ неба, весьма уважаемаго сандвичанами, бога Роно [1]), и начали воздавать ему подобающія его новому званію почести; но между тѣмъ не упускали счастливаго случая похищать у этого богоподобнаго чужеземца болѣе или менѣе нужныя вещи.... Воровство было обыкновенно наказываемо ружейными выстрѣлами, которые неизсказанно пугали туземцевъ, принимавшихъ ихъ за громъ и молнію....

Прошло такъ нѣсколько времени; гавайцы стали понемногу привыкать къ богоподобнымъ чужеземцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась въ нихъ и прежняя къ нимъ боязнь; смерть и погребеніе одного матроса окончательно подорвали въ туземцахъ вѣру въ божественность пришельцевъ, и они уже стали обходиться съ послѣдними какъ съ равными себѣ.... 4 февраля, 1779 года Кукъ вышелъ въ море; но въ штормъ 6 и 7 февраля одинъ изъ его кораблей былъ настолько поврежденъ, что Кукъ принужденъ былъ вернуться назадъ; туземцы встрѣтили его холодно и уже не воздавали ему божественныхъ почестей; поведеніе ихъ становилось все смѣлѣе и наглѣе; воровство усиливалось со дня на день, и

---

[1]) Изъ бесчисленныхъ боговъ Гаваи богъ Роно занималъ первое мѣсто; онъ былъ когда-то королемъ Гаваи, и, въ припадкѣ гнѣва, убилъ свою жену, о которой, впрочемъ, впослѣдствіи такъ сильно сожалѣлъ, что съ горя сошелъ съ ума. Въ этомъ состояніи онъ прошелъ весь островъ, сражаясь и разрушая все на своемъ пути; наконецъ, этого ему показалось мало: онъ вздумалъ на утлой лодченкѣ выѣхать въ открытое море, съ цѣлію завоевать себѣ невѣдомыя ему земли, и, къ общему удовольствію, больше не возвращался. Не смотря на подобныя выходки Роно, онъ былъ причисленъ народомъ къ богамъ, и память его ежегодно праздновалась военными играми.

наконецъ ночью была украдена лучшая въ эскадрѣ шлюбка. Желая возвратить ее, Кукъ высадился на берегъ съ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ, съ цѣлію заманить на судно гавайскаго короля, котораго предполагалось до поры до времени держать заложникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разыскивать украденную шлюбку. Во время переговоровъ распространилось извѣстіе, что со шлюбокъ Кука, блокировавшихъ входъ въ бухту, стрѣляли по пирогѣ, пытавшейся пробраться къ берегу, причемъ былъ убитъ одинъ изъ первыхъ вельможъ короля; канакскіе воины схватились при этомъ извѣстіи за копья и дубины и стремительно атаковали малочисленный отрядъ Кука, который принужденъ былъ отступить къ шлюбкамъ. Во время отступленія одинъ изъ канаковъ «осмѣлился» ударить Кука дубиною и вызвалъ этимъ ударомъ у послѣдняго невольный стонъ, который былъ для великаго мореплавателя смертельнымъ приговоромъ, потому что разувѣрилъ дикарей въ его неприступности и божественности.... Вслѣдствіе этого, послѣ перваго удара посыпалась на Кука сотня новыхъ ударовъ, и въ глазахъ всего отряда онъ былъ положительно искрошенъ и превращенъ въ куски окровавленнаго мяса.... Только черезъ нѣсколько дней удалось экипажу переговорами и сильными мѣрами вытребовать отъ дикарей останки несчастнаго Кука, которые и были со всѣми почестями опущены въ море, 21 февраля 1779 г.

Исторія Гавайскихъ острововъ начинается для насъ именно съ того момента, когда появился въ первый разъ Кукъ передъ ними и познакомилъ насъ съ тѣмъ, съ чѣмъ испанцы были давно уже знакомы, но что скрывали они отъ постороннихъ глазъ изъ страха флибустьеровъ. Въ то время правителемъ Гаваи былъ Калоніопуу, который пользовался среди другихъ независимыхъ властителей большимъ уваженіемъ и любовью народа; вся группа острововъ была разбита на множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ владѣній, правители которыхъ почти постоянно затѣвали другъ съ другомъ разорительныя для народа войны и распри; каждый изъ нихъ всѣми силами старался завладѣть землею своего сосѣда и всякими правдами и неправдами распространить свои мизерныя владѣнія. Несчастный народъ страшно бѣдствовалъ и несъ двойное ярмо свѣтской и жреческой тираніи; онъ былъ рабомъ привилегированнаго сословія и находился отъ него въ положительной зависимости; вельможи и жрецы распоряжались имъ какъ было угодно, и старались поставить себя относительно его на недоступную высоту. Они имѣли особенный языкъ, употребляли особыя кушанья, до которыхъ низкій классъ людей не смѣлъ даже дотронуться, и отличались отъ простого народа необыкновенно высокимъ ростомъ, силою и представительностью. Такимъ обра-

зомъ, даже сама природа наложила печать на привилегированное сословіе и рѣзко отдѣлила его отъ угнетенной массы низшаго класса людей!...

Религія сандвичанъ, полная мрачныхъ угрозъ для будущей жизни, увеличивала бремя угнетеннаго народа; гавайскія божества служили только для распространенія среди его страха и ужаса, и вообще олицетворялись въ самыхъ отвратительныхъ изображеніяхъ и чудовищахъ, достойныхъ самой дикой фантазіи. По мнѣнію гавайцевъ, главнѣйшія божества жили въ пылающихъ кратерахъ Мауна-Лоа; трескъ подземнаго огня составлялъ дикую музыку, подъ звуки которой плясали эти отвратительныя созданія воспаленной фантазіи жрецовъ и съ веселіемъ плескались въ волнахъ огненнаго моря...

Нравственное состояніе гавайцевъ было достойно сожалѣнія; женщины были безстыдны и слишкомъ щедро предлагали свои услуги всѣмъ заходившимъ кораблямъ, причемъ познакомились съ сифилисомъ, распространившимся въ настоящее время на островахъ въ ужасающихъ размѣрахъ; мужчины предавались пьянству, воровству и разврату....

Въ 1780 году умеръ король Калоніопуу, раздѣливъ свои владѣнія между сыномъ Кивалао и племянникомъ Камеамеа; но оба эти правителя жили въ согласіи недолго: честолюбивому Камеамеа показалось, что его обдѣлили и, чтобы не терзаться на будущее время сомнѣніями, онъ рѣшился лучше завладѣть всѣмъ островомъ Гаваи, что ему и удалось безъ особеннаго труда, такъ какъ его соперникъ Кивалао былъ убитъ въ первой же битвѣ. Не довольствуясь и этимъ, онъ задумалъ захватить въ свои руки всю группу; англичане Юнгъ и Дэвисъ [1]) дѣятельно помогали ему въ его отважномъ предпріятіи и уже въ 1794 году онъ покорилъ своей власти острова Мауи, Ланаи и Молакаи.

Не мало помогалъ также Камеамеа своими совѣтами знаменитый мореплаватель Ванкуверъ, заходившій на Сандвичевы острова въ 1792, 1793 и 1794 гг.; онъ посовѣтовалъ ему набрать вооруженную мушкетами лейбъ-гвардію и лично взялся выучить ее и снабдить

---

[1]) Матросъ Исаакъ Девисъ и боцманъ Джонъ Юнгъ попали на службу къ Камеамеа совершенно случайно и, можно сказать, даже силкомъ.... Капитанъ Меткальфъ, командиръ корабля «Элеоноръ», поссорившись изъ-за чего-то съ жителями о—ва Мауи, хитростью собралъ ихъ на берегу, въ виду своего судна, и началъ забавляться стрѣльбою въ цѣль изъ орудій и ружей, причемъ перебилъ порядочную массу канаковъ и каначекъ. За подобную жестокую выходку ждало его впослѣдствіи не менѣе жестокое возмездіе: вскорѣ пришелъ къ Мауи сынъ Меткальфа, командиръ шхуны Fair American; канаки, при удобномъ случаѣ, овладѣли судномъ и перебили весь экипажъ, кромѣ матроса Исаака Дэвиса, котораго взяли въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько

всѣмъ необходимымъ; онъ убѣждалъ Юнга и Дэвиса внести въ нравы и въ образъ веденія войны гавайцевъ болѣе гуманный духъ и вообще позаботиться о первой цивилизаціи дикарей. Хотя Юнгъ и Дэвисъ были простые, необразованные матросы, но во всякомъ случаѣ они стояли гораздо выше самыхъ просвѣщеннѣйшихъ гавайцевъ, а потому могли принести странѣ своимъ вліяніемъ несомнѣнную пользу. Ванкуверъ убѣждалъ Камеамеа принять христіанство, но послѣдній до конца своей жизни остался вѣренъ вѣрѣ своихъ отцовъ и на всѣ религіозныя наставленія сурово отмалчивался.... Вообще, нужно сознаться, посѣщенія Ванкуверомъ Сандвичевыхъ острововъ были счастливымъ событіемъ въ жизни Камеамеа и принесли послѣднему несомнѣнную пользу, потому что знаменитый мореплаватель помогалъ ему не только своими совѣтами, но даже и людьми, и вообще увеличилъ его средства и облегчилъ дальнѣйшія завоеванія....

Въ 1795 году Камеамеа рѣшился завладѣть послѣднимъ островомъ Оагу, куда удалился Каланикупули, племянникъ и наслѣдникъ Кагикили, умершаго короля Оагу и Мауи; онъ перебрался на Оагу съ частью своей арміи и храбро атаковалъ непріятеля, занявшаго весьма сильную позицію въ долинѣ Нуану и рѣшившагося дорого продать свою независимость. Лейбъ-гвардія Камеамеа, поддерживаемая мѣткими выстрѣлами артиллеріи, которою командовалъ Юнгъ, быстрымъ, рѣшительнымъ натискомъ опрокинула войско Каланикупули и гнала его до самого ущелья Пали, въ которомъ нашли себѣ геройскую смерть послѣдніе гавайцы, отстаивавшіе свою независимость отъ честолюбиваго завоевателя....

Камеамеа, завладѣвъ всею группою, мечталъ о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ; онъ хотѣлъ плыть къ Таити и перенесть за экваторъ свое побѣдоносное оружіе; но этотъ смѣлый планъ былъ разрушенъ, внезапно вспыхнувшимъ на островѣ Гаваи, мятежемъ, который требовалъ немедленнаго присутствія короля. Камеамеа разбилъ мятежниковъ, и съ этого

времени капитанъ Меткальфъ пришелъ къ Гаваи и, ничего не зная о кровавомъ возмездіи за свое преступленіе, послалъ на берегъ за закупкою провизіи боцмана Джона Юнга. Камеамеа приказалъ задержать послѣдняго и предложилъ ему вступить къ себѣ на службу, обѣщавъ, въ случаѣ согласія, сдѣлать его своимъ другомъ и совѣтникомъ, а при первой попыткѣ бѣжать — наказать смертною казнью. Выбора дѣлать было некогда, и боцманъ Джонъ Юнгъ сдѣлался первымъ министромъ Камеамеа и, нужно сознаться, принесъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ Дэвисомъ, странѣ своимъ гуманнымъ вліяніемъ громадную пользу. Дэвисъ умеръ въ 1810 году, а Юнгъ въ 1835 г., на 93 году отъ рожденія.

момента (1796 году) сдѣлался полновластнымъ правителемъ Гавайскихъ островов, и уже никто не смѣлъ противиться его владычеству.

Король Кауаи и Нигау добровольно подчинился могущественному завоевателю и призналъ его своимъ леннымъ господиномъ. Система правленія Кемеамеа была деспотическая; но, нужно сознаться, онъ не запятналъ свое великое имя ни одною жестокостью, и имъ по справедливости гордятся всѣ канаки, уважаютъ его память и съ неподдѣльнымъ восторгомъ вспоминаютъ объ этомъ славномъ, воинственномъ королѣ.

Камеамеа былъ настолько-же дальновидѣнъ, насколько и храбръ, и потому съ самаго начала понялъ всю выгоду дружбы европейцевъ и всѣми силами избѣгалъ насилій съ ними, строго наказывалъ всякое нарушеніе гостепріимства, открылъ ихъ военнымъ и купеческимъ судамъ всѣ гавани и вообще умѣлъ вести себя относительно ихъ съ такимъ удивительнымъ тактомъ, который-бы сдѣлалъ честь любому европейскому государю. Онъ выстроилъ корабли, экипажъ на которые набралъ частью изъ туземцевъ, частью изъ европейцевъ, и занялся торговлею сандальнаго дерева, которая однакоже, вмѣсто выгоды, принесла ему громадный убытокъ, какъ вслѣдствіе несоразмѣрныхъ пошлинъ, которыя брали съ его товара въ Кантонѣ, такъ и вслѣдствіе плутовства тѣхъ людей, кому онъ довѣрилъ сбывать свой дорогой грузъ. Однакожъ эта неудачная спекуляція принесла ему большую пользу, потому что натолкнула его на мысль брать также пошлины со всѣхъ иностранныхъ судовъ, входившихъ въ гавань, и такимъ образомъ указала ему на способъ увеличить безъ особенныхъ предпріятій государственный доходъ....

Камеамеа умеръ 8 мая 1816 году и передалъ престолъ сыну своему Лиго-лиго (Камеамеа II); этотъ слабый король, преданный пьянству, на пятый мѣсяцъ своего правленія, самымъ грубымъ образомъ рѣшился уничтожить древнее идолопоклонство и объявилъ, что «отнынѣ не будетъ никакой религіи на Гаваи». Идолы были низвергнуты; жрецы энергично начали поджигать народъ поддержать религію своихъ отцовъ и подготовили открытое возмущеніе, въ главѣ котораго сталъ Кекуокалани, двоюродный братъ короля; но въ первой же битвѣ Кекуокалани былъ убитъ и возмущеніе подавлено....

Въ 1820 году, въ апрѣлѣ, прибыли на Гаваи первые американскіе миссіонеры; но король, узнавши о ихъ намѣреніи распространять среди его народа какую-то новую, невѣдомую для него религію, не позволилъ имъ сойти на берегъ и требовалъ, чтобы они немедленно вернулись восвояси. Но миссіонеры успѣли найти себѣ поддержку въ родственникѣ короля Кареимоку, который весьма логично доказалъ Лиго-лиго, что

христіанская религія была бы большимъ благодѣяніемъ для гавайцевъ, которые должны же исповѣдовать хоть какую нибудь религію, если не хотятъ стоять ниже животнаго. Лиго-лиго поддался увѣщаніямъ разумнаго Кареимоку, и миссіонерамъ разрѣшено было сойти на берегъ и начать проповѣдовать новую религію, но съ уговоромъ, что если ихъ проповѣди произведутъ на народъ дурное впечатлѣніе, то они немедленно должны будутъ оставить островъ. Прежде всего миссіонеры изучили гавайскій языкъ и начали обучать туземцевъ чтенію и письму; въ непродолжительное время они успѣли обратить въ христіанство все королевское семейство и знатнѣйшихъ гавайцевъ, примѣру которыхъ послѣдовали вскорѣ почти всѣ подданные Лиго-лиго. Ободренные успѣхомъ, миссіонеры, въ 1822 г. [1]) издали первую книгу на гавайскомъ языкѣ и дѣятельно занялись за просвѣщеніе дикарей; положеніе ихъ было по-истинѣ затруднительное: имъ приходилось бороться не только противъ пороковъ самихъ гавайцевъ, но даже противъ насилія и пороковъ бѣлыхъ, которые сильно развращали нравы туземцевъ. Миссіонеры прежде всего потребовали, чтобы всѣ подданные Лиго-лиго прикрыли свою наготу, причемъ большое вниманіе обратили на нравственность женщинъ, которыя въ то время слишкомъ свободно предлагали свои услуги всѣмъ заходившимъ кораблямъ. Миссіонеры запретили женщинамъ посѣщать суда, оставлять дома послѣ десяти часовъ вечера, а также полную сладострастія пляску «хула-хула», которая сильно вредила утвержденію скромности среди женщинъ.

Китобои, посѣщавшіе острова для пополненія запасовъ и освѣженія экипажа, приняли ограниченія, положенныя миссіонерами относительно прекраснаго пола, весьма недружелюбно и нѣсколько разъ съ оружіемъ въ рукахъ требовали себѣ женщинъ; но, благодаря энергіи просвѣтителей гавайцевъ, низкія попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ и они должны были поневолѣ покориться стѣснительнымъ для нихъ правиламъ. Впрочемъ, разъ миссіонерамъ пришлось уступить силѣ и дозволить временно нарушить изданный законъ; а именно, когда лейтенантъ Персаваль, командиръ американской военной шхуны Дельфинъ, во главѣ

---

[1]) Въ 1822 году издана первая Гавайская грамматика, состоящая изъ 12 буквъ: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *h*, *k*, *l*, *m*, *n*, *p*, *w*. Создавая письменный языкъ, миссіонеры стремились достигнуть наибольшей простоты, что имъ вполнѣ удалось. Выучиться читать и писать по-гавайски чрезвычайно легко, а потому процентъ знающихъ грамоту здѣсь больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ.

сильнаго десанта, рѣшился силою привести женщинъ на шхуну для потѣхи своимъ матросамъ....

Въ 1823 году молодой Лиго-лиго предпринялъ со своею супругою путешествіе въ Англію, съ цѣлію заключить съ нею тѣсный союзъ и такимъ образомъ обезпечить себя отъ вмѣшательства сѣверо-американцевъ и французовъ, которымъ сильно хотѣлось захватить группу въ свои руки; но поѣздка эта окончилась очень несчастливо: королевская чета заразилась оспою и въ 1824 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отошла въ вѣчность, вдали отъ своего любезнаго отечества. Въ 1825 году, маѣ мѣсяцѣ, трупы Лиго-лиго и его супруги были доставлены на англійскомъ фрегатѣ «Blonde» на Гаваи, а въ іюнѣ собрался великій совѣтъ для назначенія наслѣдника....

Королю Лиго-лиго наслѣдовалъ его девятилѣтній братъ Камеамеа III; регентами избраны были Кареимоку и властолюбивая жена Камеамеа I—Кагумана. Послѣдніе въ свое регентство принесли странѣ большую пользу: они уменьшили налоги, издали законы, обезпечивающіе низшій классъ народа, сократили непомѣрныя портовыя пошлины и всѣми силами способствовали миссіонерамъ распространять среди гавайцевъ начала истинной вѣры.

Въ 1833 году молодой Камеамеа III принялъ бразды правленія и, возмущенный неблагоразумною крайностью миссіонеровъ [1]), объявилъ христіанскую вѣру нетерпимою; храмы были закрыты, идолы возстановлены и всѣ христіане были преслѣдуемы какъ преступники; но, къ счастью, это гоненіе было непродолжительно: Камеамеа III вскорѣ образумился, снова обратился къ христіанству и дозволилъ миссіонерамъ свободно распространять святую вѣру. Въ это время появились на островахъ іезуиты и начали различными ухищреніями привлекать бѣдныхъ канаковъ къ католической церкви; протестантскіе миссіонеры энергично возстали противъ новыхъ проповѣдниковъ и начали громить ихъ сильными проповѣдями; мало того, они начали преслѣдовать католическую вѣру, какъ еретическую, и всѣхъ канаковъ, принявшихъ католицизмъ, объявили преступниками и преслѣдовали по закону. Однако эти строгія и глупыя мѣры привели къ печальному результату; за іезуитовъ и новыхъ католиковъ заступилась французская нація и послала

---

[1]) Миссіонеры объявили чрезвычайно строгій церковный уставъ, пѣніе и танцы преслѣдовали какъ преступленіе и, наконецъ, заставляли учиться грамотѣ нетолько людей среднихъ лѣтъ, но даже стариковъ...

въ Гонолулу фрегатъ «Артемида», подъ начальствомъ капитана Лапласа, съ требованіемъ полной свободы католическаго богослуженія, причемъ, въ обезпеченіе этого требованія, просила залогу въ 20,000 піастровъ,— въ противномъ случаѣ грозила войною и опустошеніемъ. Не имѣя достаточно средствъ для веденія войны съ такою сильною державою, какъ Франція, Камеамеа III поневолѣ долженъ былъ покориться всѣмъ требованіямъ Лапласа и дозволилъ іезуитамъ совершать въ Гонолулу католическое богослуженіе. Бывшіе на Артемидѣ католическіе священники сошли на берегъ, и 14 іюля, 1839 года, совершили въ королевскомъ домѣ торжественную литургію, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда французовъ; такимъ образомъ католицизмъ введенъ былъ насильно и вскорѣ нашелъ себѣ много послѣдователей...

Въ 1840 году, 8 октября, обнародована была составленная миссіонеромъ Ричардомъ конституція, составлявшая странную смѣсь древняго феодализма и англо-американскихъ парламентскихъ формъ; рядомъ съ королемъ стояла такъ называемая первая наслѣдственная министерша (сестра или ближайшая родственница); оба они безъ взаимнаго согласія не могли ничего совершить, но veto перваго имѣло все-таки больше силы. Изъ первыхъ вельможъ составлена была наслѣдственная верхняя палата, между тѣмъ какъ члены нижней палаты избирались народною подачею голосовъ.

Въ то время, когда понемногу развивалась на Сандвичевыхъ островахъ организація правительства, когда острова стали пріобрѣтать большее и большее значеніе, независимости ихъ грозила большая опасность; особенно мечтали водворить здѣсь свое владычество англичане, французы и сѣверо-американцы.... Впрочемъ поползновеніе трехъ націй было отчасти очень благодѣтельно, потому что какъ французы, такъ и англичане и сѣверо-американцы зорко слѣдили другъ за другомъ, причемъ каждая изъ этихъ націй вполнѣ оправдала относительно Сандвичевыхъ острововъ извѣстную пословицу: «собака на сѣнѣ лежитъ — сама не ѣстъ и другимъ не даетъ»!...

Въ 1846 году на Сандвичевыхъ островахъ было полное европейское министерство: миссіонеръ Ричардъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, докторъ Вилли—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Джонъ-Юнгъ, сынъ боцмана Джона-Юнга, друга великаго Камеамеа I, былъ председателемъ совѣта министровъ, и наконецъ врачъ Юддъ, прибывшій съ американскою миссіею, несъ трудную обязанность министра финансовъ и, нужно сознаться, дѣла свои велъ великолѣпно, такъ что въ шесть

лѣтъ своего управленія съумѣлъ увеличить государственные доходы на 243,000 піастровъ въ годъ [1]).

При слѣдующемъ королѣ Камеамеа IV на Сандвичевыхъ островахъ не произошло никакихъ особенныхъ перемѣнъ, за исключеніемъ присоединенія къ группѣ необитаемыхъ островов Лейсана и Лисянскаго, лежащихъ въ 300 нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверу отъ Гонолулу, а также острова Джонстонъ, лежащаго на югъ почти въ такомъ же разстояніи. Правда, присоединеніемъ этихъ островов не слишкомъ увеличилось маленькое государство, но во всякомъ случаѣ они богаты гуано, которое приноситъ государству довольно порядочный доходъ...

Въ 1860 году избранъ былъ въ короли, послѣ смерти Камеамеа IV, братъ его Камеамеа V, умершій въ концѣ 1872 года; ему наслѣдовалъ Ульямъ Луналило, въ просторѣчіи «король Билль», сынъ дочери Камеамеа I, избранный на престолъ единодушно всѣмъ парламентомъ, 8 января 1873 года. Король Билль говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, былъ достаточно образованъ и, когда хотѣлъ, могъ держать себя истиннымъ джентельменомъ; своею добротою и справедливостью онъ пріобрѣлъ всеобщую народную любовь, но, къ несчастію, симпатія къ спиртнымъ напиткамъ заставила причислить его къ компаніи «горькихъ пьяницъ» и даже была причиною его преждевременной смерти. Луналило пилъ запоемъ, и во время подобнаго ненормальнаго состоянія, продолжавшагося иногда по нѣскольку недѣль, предавался разврату и самымъ отвратительнымъ излишестамъ; онъ забывалъ въ это время всякое приличіе и благопристойность, и велъ себя хуже послѣдняго гражданина своего королевства.

Когда мы пришли въ Гонолулу, то «король Билль» запился до такой сильной степени, что у него стали уже появляться первые симптомы «пьяной болѣзни», приведшей его въ скоромъ времени на смертный одръ... Въ Гонолулу предполагалось простоять немало, потому что необходимо было послѣ двухлѣтняго плаванія немного подчиститься, поправиться, покраситься и молодцомъ предстать на смотръ адмирала, ожидавшаго насъ въ Нагасаки...

Пользуясь продолжительнымъ отдыхомъ, мы проводили время въ Гонолулу очень весело и этимъ вполнѣ были обязаны нашему предупредительному вице-консулу г. Флюгеру, который старался развеселять насъ всевозможными способами: онъ устраивалъ для насъ балы, вечера, заго-

---

[1]) Въ 1846 г. государственные доходы не превышали 41,000 піастровъ, а въ 1852 г. равнялись уже 284,000 піастровъ.

родныя прогулки и поѣздки, и въ концѣ концовъ устроилъ у себя на дачѣ прежній танецъ каначекъ «хула-хула», противъ котораго когда-то сильно и энергично возставали гавайскіе миссіонеры. Въ былое время танецъ этотъ совершался въ костюмѣ праматери Евы, но при насъ всѣ каначки были одѣты въ свой національный костюмъ, выдуманный для нихъ миссіонерами, а потому въ танцѣ этомъ не было ничего циничнаго и развратнаго. Правда, всѣ движенія каначекъ были очень сладострастны и отчасти двусмысленны, но за то необыкновенно граціозны и нѣжны, а потому мы съ большимъ удовольствіемъ любовались народною пляскою, отчасти знакомившею насъ съ характеромъ туземцевъ, страстнымъ, горячимъ, пылкимъ и мечтательнымъ...

На вечерѣ у г. Флюгера намъ удалось познакомиться съ однимъ весьма оригинальнымъ канакомъ и притомъ канакомъ не простымъ, а королевской крови; онъ имѣлъ большую претензію на высокое образованіе и болѣе потому, что съѣздилъ въ Парижъ и привезъ оттуда нѣсколько модныхъ пиджаковъ, брюкъ, ботинокъ и т. п. принадлежностей мужскаго туалета. Въ сущности же этотъ «высокообразованный» канакъ имѣлъ физіономію самую глупѣйшую и ничего невыражающую; въ разговорахъ былъ невыносимо тошенъ и вообще стоялъ на очень низкомъ уровнѣ образованія. Онъ былъ высокаго роста, длинноногій, и всюду являлся въ зеленыхъ ботинкахъ, до крайности узкихъ брюкахъ, въ цвѣтныхъ коротенькихъ пиджакахъ, высокихъ, старинныхъ подпирающихъ подбородокъ, жабо, въ цилиндрѣ и съ одноглазкою. Ходилъ онъ донъ-кихотскимъ шагомъ, гордо осматривая всѣхъ черезъ свое стеклышко, и вообще велъ себя съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства; только на вечерѣ у г. Флюгера прорвался у него наружу туземный характеръ и, увлеченный танцами прекрасныхъ каначекъ, онъ сталъ съ ними выкидывать такія удивительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ уморительныя антраша, что вызвалъ у всѣхъ присутствующихъ невольный дружный хохотъ. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ въ такой азартъ, что бросился обнимать и цаловать любезныхъ его канакскому сердцу танцовщицъ, но при этомъ каждую изъ каначекъ строго осматривалъ черезъ свою одноглазку, и цаловалъ только тѣхъ, которыя подходили подъ его вкусъ, а остальныхъ безцеремонно отталкивалъ. Нужно замѣтить, что народъ относился къ этому уморительному члену королевской семьи съ уваженіемъ и низкими поклонами...

Вообще время въ Гонолулу проводили мы весело и весьма разнообразно; въ городѣ есть два клуба, нѣмецкій и англійскій, въ которыхъ по нѣскольку разъ въ недѣлю давались балы, вечера и обѣды. Обста-

новка этихъ клубовъ вполнѣ европейская; ихъ посѣщаютъ какъ европейское населенiе, такъ и канаки съ каначками; послѣднiя своею живостью, простотою нрава, грацiею и легкостью берутъ сильный перевѣсъ надъ европейками; манеры ихъ почти европейскiя, но впрочемъ иногда проглядываютъ у нихъ туземныя привычки, отъ которыхъ онѣ еще не въ силахъ освободиться.... Такъ напримѣръ, устроилась однажды поѣздка на сахарный заводъ, находящiйся за Палли; въ ней приняли участiе нѣсколько каначекъ, въ томъ числѣ и жена вице-консула; на перепутьи, въ гостинницѣ, подали одно туземное кушанье, въ родѣ киселя, которое ѣдятъ здѣсь пальцемъ и притомъ съ необыкновенною ловкостью; каначки не утерпѣли и при всемъ обществѣ принялись за свой способъ ѣды...

Два раза въ недѣлю въ городѣ играетъ военная музыка, обучаемая нѣмецкимъ капельмейстромъ: по четвергамъ съ 8 до 10 часовъ вечера, въ саду передъ «Hôtel Havaï», а по субботамъ въ саду королевы Эммы, изъ котораго ежедневно намъ присылали на корветъ отъ имени королевы роскошнѣйшie букеты. Гавайскiй оркестръ, состоящiй изъ тридцати человѣкъ, доставлялъ гонолулскимъ жителямъ большое развлеченiе и наслажденiе; онъ былъ настолько хорошо составленъ, что совершенно напоминалъ наши военные оркестры; канаки и каначки сильно любятъ музыку и собираются послушать ее Богъ вѣсть откуда. Кромѣ этого эстетическаго развлеченiя, еженедѣльно, по субботамъ устраивается общая верховая ѣзда; въ этотъ день катаются всѣ безъ исключенiя: молодые и старые, женщины и мужчины, богатые и бѣдные; каждый старается заранѣе добыть себѣ лошадь и, одѣвшись какъ можно лучше, выѣзжаетъ на прилежащую къ городу равнину, на которую собираются наѣздники со всего острова. Въ опредѣленный часъ начинаютъ носиться по всѣмъ направленiямъ цѣлыя кавалькады, причемъ каждый изъ наѣздниковъ, по силѣ возможности, старается выказать передъ другими свою ловкость, силу, искусство и неустрашимость, словомъ, устраивается настоящая гонка!.. Каначки сидятъ въ сѣдлѣ, какъ мужчины, причемъ ноги свои онѣ окутываютъ большимъ пестрымъ платкомъ, и ихъ, по справедливости, нужно причислить къ лучшимъ наѣздницамъ всего мiра... Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, слывшихъ у насъ за наѣздниковъ, вздумали-было состязаться въ верховой ѣздѣ съ каначками, но были положительно оконфужены; каначки вихремъ умчались далеко впередъ, и сколько наши наѣздники ни бились, но не могли перегнать лихихъ и неустрашимыхъ наѣздницъ, которыя, нужно сознаться, въ искусствѣ верховой ѣзды смѣло поспорятъ съ самымъ лучшимъ нашимъ кавале-

ристомъ. Какъ пріятно было смотрѣть на цѣлыя кавалькады туземныхъ красавицъ, которыя въ красивыхъ, со вкусомъ сплетенныхъ изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени вѣнкахъ, съ распущенными роскошными волосами, съ развѣвающимися въ воздухѣ платками, окутывающими ихъ ноги, вихремъ носились съ одного конца равнины на другой, не обращая вниманія ни на какія преграды и препятствія... Гавайскія лошади принадлежатъ частью къ чилійской породѣ, частью къ калифорнской, средняго роста, но хорошо сложены, рѣзвы, сильны и необыкновенно неутомимы... При стараніи г. Флюгера, устроилась однажды пріятная поѣздка верхомъ въ ущелье Палли, извѣстное какъ по величественному виду, такъ и по трагической кончинѣ послѣдняго короля Оагу, героически погибшаго здѣсь съ остаткомъ своего войска во время отстаиванія своей независимости отъ воинственнаго Камеамеа I. Дорога къ нему идетъ по долинѣ Нуану, которая по-истинѣ обладаетъ всѣми прелестями романтической природы; бока этой долины постепенно поднимаются и достигаютъ подножія высокихъ утесовъ, замыкающихъ ихъ какъ стѣною. Дорога шла сперва черезъ поля таро, но по мѣрѣ подъема обработанныя поля начали исчезать и мѣстность начала принимать болѣе пустынный характеръ; крутая тропинка извивалась между высокими, фантастическими скалами, склоны которыхъ были покрыты папоротниками, пальмами, обвитыми ліанами, и другою тропическою растительностью. Поднимаясь выше и выше, мы наконецъ достигли до края отвѣсной стѣны, высотою около 800 футъ, съ которой открылся передъ нами превосходный видъ, которымъ вправѣ гордиться гавайцы; передъ нашими глазами внезапно развернулось все великолѣпіе Палли, этой ужасной пропасти, гдѣ нашли геройскую смерть столько храбрыхъ защитниковъ своей независимости. По обѣимъ сторонамъ подымались величественныя базальтовыя скалы, достигающія до 3000 футъ высоты; въ иныхъ мѣстахъ испещренныя темными, глубокими трещинами, а въ другихъ прикрытыя роскошными ползучими растеніями, онѣ придавали общей картинѣ необыкновенно эффектный видъ.... Подъ ногами лежала долина Нуану, которая своимъ идиллическимъ спокойствіемъ приводила всѣхъ въ истинный восторгъ; разбросанныя купы деревьевъ, хижины туземцевъ, скрытыя въ роскошной тропической зелени, придавали ей привлекательный видъ.... Надъ долиною подымались ряды, поросшихъ лѣсомъ, холмовъ и горныхъ вершинъ, которыя, позлащенныя яркими лучами тропическаго солнца, придавали общей картинѣ эффектный видъ. Весь этотъ прелестный ландшафтъ обрамлялся мглистою синевою шумящаго океана, который, грозно бушуя,

бился о коралловые рифы и окружалъ островъ бѣлою полосою клокочущаго буруна.... Долго стояли мы на краю отвѣсной стѣны и съ нѣмымъ восторгомъ любовались по-истинѣ чудеснѣйшимъ въ мірѣ ландшафтомъ Наконецъ заходящее солнце указало намъ время вернуться домой, и мы, поневолѣ, съ глубокимъ сожалѣніемъ оставили это прелестнѣйшее мѣсто во всей группѣ....

Говоря такъ много собственно о Гонолулу, я еще почти ничего не сказалъ о его туземномъ населеніи, а потому посвящу ему нѣсколько строкъ, въ которыхъ, по силѣ возможности, познакомлю читателей съ пресловутыми канаками и каначками, о которыхъ писано было уже не мало. Канаки большею частью высоки ростомъ, хорошо сложены и имѣютъ открытыя и благородныя черты лица; каначки красивы, граціозны, нѣжны, стройны и страстны. Оба пола любятъ проводить время въ праздности, и не въ состояніи приняться ни за какой трудъ; лучшимъ ихъ развлеченіемъ служатъ: верховая ѣзда, пѣніе, музыка и танцы. Всѣмъ этимъ удовольствіямъ канаки и каначки предаются съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ пылкому, страстному и мечтательному характеру; съ заходомъ солнца они собираются въ большія общества, и, на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью широколиственныхъ пальмъ и душистыхъ магнолій и жасминовъ, устраиваютъ весьма стройные концерты, удивительно гармонирующіе съ тишиною тропической ночи и со всею окружающею ихъ природою. Подобныя ночныя сходбища производятъ, откровенно сказать, на страстныя и пылкія натуры канаковъ и каначекъ очень сильныя впечатлѣнія; они раздражаютъ ихъ страсти, портятъ нравственность, губятъ женское цѣломудріе.... Хорошо было бы, если бы все ограничивалось только однимъ пѣніемъ, танцами и музыкою, а то нѣтъ: канаки и каначки, возбужденные душистою, тропическою ночью и обоюднымъ соприкосновеніемъ, увлекаются до такой сильной степени, что не въ силахъ бываютъ сдерживать свои страсти, къ полночи дѣлятся по парамъ и во тьмѣ ночной предаются чувственнымъ удовольствіямъ.... Не мудрено поэтому, что сифилисъ пожираетъ здѣсь очень много жертвъ; предаваясь излишеству, канаки и каначки заражаютъ другъ друга весьма легко и незамѣтно.

Мы думали уйти изъ Гонолулу въ первыхъ числахъ сентября, но въ концѣ августа король Лунолило опасно заболѣлъ, и такъ какъ онъ не имѣлъ прямаго наслѣдника, то европейцы, зная настроеніе туземныхъ жителей, боялись, что со смертью его произойдутъ большіе безпорядки,

а потому нашъ вице-консулъ обратился къ командиру корвета съ просьбою — переждать кризисъ болѣзни короля и, въ случаѣ необходимости, отстоять независимость гавайскаго королевства, на которое уже давно точили зубы американцы и англичане..... Претендентами на гавайскій престолъ явились: первый министръ короля Луналило — Калакао, вдова покойнаго короля Камеамеа IV — королева Эмма, сводная сестра Луналило — Руфь-Кеоликолани, верховный вождь маіоръ Вильямъ Витъ Лелелохоку и верховный предводитель Пауахи Бернисъ Бишофъ. Изъ нихъ Калакао пользовался народною любовію, а королеву Эмму поддерживала англійская нація; но во всякомъ случаѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ перваго и можно было уже заранѣе предвидѣть, что, если не вмѣшаются иноземцы, то Калакао будетъ избранъ на гавайскій престолъ, что впослѣдствіи и осуществилось. Калакао былъ очень видный мужчина, лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста и достаточно образованный; онъ нерѣдко посѣщалъ нашу каютъ-компанію, очень порядочно наигрывалъ на корветскомъ піанино различныя мелодіи, говорилъ по-англійски и своимъ юморомъ очень потѣшалъ нашу холостую компанію. Въ этомъ веселомъ, простомъ канакѣ нельзя было предвидѣть будущаго гавайскаго короля; онъ вообще не выказывалъ особеннаго желанія властвовать и велъ себя съ большимъ тактомъ, за что и пріобрѣлъ всеобщую народную любовь. Королева Эмма могла бы быть избранною на престолъ, если бы только не была такъ дружна съ англичанами, что народу сильно не нравилось; она была очень образована и вела съ королевою Викторіею дружескую переписку. Остальные претенденты на гавайскій престолъ хотя и сильно желали нарядить себя въ королевскую корону, но заранѣе можно было предвидѣть, что они въ своихъ проискахъ успѣха имѣть не будутъ, какъ потому, что не пріобрѣли себѣ среди народа поклонниковъ, такъ и потому, что стояли не на слишкомъ высокой ступени образованія.

Къ половинѣ сентября здоровье Луналило нѣсколько какъ будто улучшилось, въ городѣ стало поспокойнѣе, и мы, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, 16 числа вышли изъ Гонолулу и пошли въ Нагасаки....

Передъ уходомъ изъ Гонолулу едва не похитили нашего стараго знакомца козла — забаву и утѣху всей команды; онъ былъ свезенъ на берегъ «освѣжиться», и очень преважно разгуливалъ около того мѣста, гдѣ красились наши шлюбки. Въ одно прекрасное утро съ корвета замѣтили, что къ берегу подошелъ ботъ съ канаками, которые, заставъ

козла въ расплохъ, схватили его, притащили на свою ладью и дали тягу; съ корвета немедленно послана была погоня за похитителями, которая и нагнала ихъ въ милѣ отъ берега, отобрала съ бою козла и съ тріумфомъ привезла его на «Аскольдъ». Команда своему любимцу была очень рада, но радъ ли былъ козелъ, что онъ попалъ опять въ среду своихъ старыхъ знакомцевъ,—не могу вамъ сказать, потому что мудрено узнать козлиную радость, и особенно тогда, когда козелъ трезвъ....

ГЛАВА XXI.

НАГАСАКИ, ШАНХАЙ И ГОНЪ-КОНГЪ.

Нагасаки; японскій и европейскій кварталы. — Чайные дома.—Окрестности Шанхая. — Европейскіе кварталы. — Китайскій городъ. — Кварталъ ресторановъ.—Окрестности.—Zi-Ka-Vai,-колонія французскихъ миссіонеровъ.—Воспитательный домъ.—Управленіе Шанхая.—Насилія англичанъ и американцевъ. Гонъ-Конгъ-Рейдъ. — Паланкины. — Китаянки и японки.—Гонъ-конгская полиція.—Февральскія скачки.—Проводы корвета «Витязь» на родину.

Весь переходъ изъ Гонолулу въ Нагасаки былъ занятъ разными ученьями, подготовкою къ смотру начальника отряда Тихаго океана, контръ-адмирала Брюммера, который предполагалъ перенести свой флагъ на нашъ корветъ. Еще далеко до Нагасаки всѣ одѣлись въ парадную форму и ждали только, когда откроется давно ожидаемый нагасакскій рейдъ, скрываемый отъ насъ массою самыхъ разнообразныхъ, прелестнѣйшихъ островковъ. Корветъ былъ приведенъ, въ отношеніи порядка, чистоты и работъ, до полнаго совершенства, а потому смотра мы ждали не съ трепетомъ, а съ удовольствіемъ... Быстро прошли мы между островами Каминозимо и Кагхеро, и, обогнувъ историческій Папенбергъ [1]), увидѣли наконецъ нагасакскій рейдъ, на которомъ стоялъ одинъ только корветъ «Богатырь», а «Витязя», флагманскаго корвета, не было; такимъ образомъ наши хлопоты и ожиданія оказались пока напрасными. Всѣ конечно сейчасъ же разоблачились и высыпали наверхъ взглянуть на незнакомый еще городъ. Погода стояла довольно скверная, что, разумѣется, отнимало нѣкоторую прелесть отъ открывшейся передъ нами картины, но все-таки Нагасаки выглядѣлъ такимъ привле-

[1]) Высокій, скалистый островъ, стоящій при входѣ въ Нагасакскую бухту; съ вершины его были сброшены въ 1638 году четыре тысячи христіанъ; здѣсь именно были потушены въ самомъ началѣ зачатки японской цивилизаціи. Островъ этотъ извѣстенъ у японцевъ подъ названіемъ Такабоко.

кательнымъ, что большая часть изъ насъ забыла совершенно о худой погодѣ и замечтала, какъ бы попасть поскорѣе на берегъ, какъ бы взглянуть на извѣстныхъ всѣмъ, по множеству описаній, «мусуме»...

Нагасаки расположенъ амфитеатромъ, по покатому восточному берегу обширной, глубоко врѣзавшейся въ островъ, прекрасной бухты, обставленной крупными роскошными холмами; по наружному виду городъ замѣтно раздѣленъ на два отдѣльные квартала, европейскій и японскій, отличающіеся одинъ отъ другаго постройками и расположеніемъ. Окружающіе городъ холмы покрыты роскошными садами, среди которыхъ живописно разбросаны маленькіе японскіе храмы, какъ бы скрывающіеся отъ взоровъ христіанскаго населенія Нагасаки; западный и сѣверный берега бухты усѣяны прелестными деревеньками, рыбачьими хижинами и храмами, которые, совмѣстно съ городомъ, охватили нагасакскій рейдъ живописнымъ поясомъ. Въ глубинѣ бухты, у берега, виднѣется знаменитый искусственный островъ Децима, служившій долгое время мѣстопребываніемъ (скорѣе тюрьмою) нидерландскихъ негоціантовъ и консуловъ, которые были переведены сюда японскимъ правительствомъ съ острова Фирандо во время христіанскаго гоненія (въ 1638 г.), когда Японія рѣшилась, вслѣдствіе интригъ португальскихъ іезуитовъ, порвать съ европейскою цивилизаціею всякія сношенія. Извѣстно, какую печальную и низкую роль играли тогда голландцы, выдававшіе себя, ради денежныхъ выгодъ, за нехристіанъ и способствовавшіе японцамъ, въ видѣ доказательства своихъ словъ, истреблять послѣдователей католической пропаганды, причемъ они стремились всѣми силами уничтожить своихъ соперниковъ по торговлѣ—португальцевъ, что имъ вполнѣ и удалось... Въ настоящее время островокъ Децима служитъ мѣстопребываніемъ голландскаго консула, который не хочетъ покинуть это мѣсто, гдѣ прожили болѣе двухсотъ лѣтъ его единоземцы и гдѣ они выказали себя въ самомъ непривлекательномъ видѣ...

Во все время стоянки въ Нагасаки (съ 16 по 21 октября) погода стояла скверная, но все-таки желающихъ прогуляться по городу и его окрестностямъ было много; да и немудрено: вѣдь не легко, пробывши мѣсяцъ въ морѣ, стоять у привлекательнаго берега и не съѣхать взглянуть, что тамъ творится!...

Нагасаки, при первомъ же съѣздѣ, произвелъ пріятное впечатлѣніе; правда, японская часть города не отличалась особенною чистотою и опрятностію (что, пожалуй, можно отнести къ дождливой погодѣ); но маленькія японки въ своихъ изящныхъ киримонахъ и со шлепанцами на ногахъ окупали все и заставили забыть дождь, грязь и даже нѣко-

торое зловоніе, испускаемое множествомъ порченой рыбы, хранимой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Улицы здѣсь узкія, но правильныя, и содержатся, повидимому, въ хорошую погоду въ должной чистотѣ; нерѣдко онѣ пересѣкаются маленькими мостиками и лѣсенками, ведущими изъ нижнихъ кварталовъ въ верхніе.

Лучшею частію японскаго города считается кварталъ Кезіемацъ, лежащій между Децимою и европейскимъ городомъ и занятый преимущественно чайными домами, въ которыхъ живетъ до нѣсколькихъ тысячъ женщинъ, обучающихся здѣсь танцамъ, музыкѣ, рукодѣлію и получающихъ, по мнѣнію японцевъ-реакціонеровъ, «высшее образованіе, общественный лоскъ и элегантность въ обращеніи».

Жизнь въ чайныхъ домахъ начинается только тогда, когда уличный шумъ въ остальной части города совершенно стихаетъ; съ началомъ сумерекъ зажигаются здѣсь всюду огни въ разноцвѣтныхъ, бумажныхъ фонаряхъ, развѣшанныхъ по заборамъ, карнизамъ, периламъ и вокругъ оконъ и дверей. Молодыя, красивыя женщины, разодѣтыя въ самые роскошнѣйшіе киримоны, толпятся у выходовъ и зазываютъ къ себѣ посѣтителей, которымъ обѣщаютъ музыку, пѣніе и всевозможныя развлеченія. Разумѣется, желающихъ погулять находится много, и къ вечеру чайные дома быстро наполняются; со всего города стекается сюда разгульная молодежь, а за ними тянутся тайно и люди пожилые, женатые, которые всѣми силами стараются скрыть свое инкогнито, изъ боязни, чтобы жены не узнали о невѣрности своихъ мужей [1]). До поздней ночи слышится въ чайныхъ домахъ веселый говоръ, смѣхъ, музыка и пѣніе; затѣмъ все стихаетъ, и въ городѣ наступаетъ полнѣйшая тишина....

Европейскій кварталъ, занятый преимущественно англичанами и американцами, обстроенъ красивыми домами колоніальной архитектуры и содержится въ должной чистотѣ и опрятности; въ немъ нѣтъ того оживленія, какое можно видѣть въ японской части города; всѣ живутъ здѣсь

---

[1]) Интересны и очень характеристичны небольшіе рисунки изъ японской семейно-общественной жизни — произведеніе туземныхъ талантовъ; они отличаются необыкновеннымъ юморомъ, причемъ выраженія лицъ схвачены чрезвычайно вѣрно и типично.

Одна изъ нихъ представляетъ подобнаго невѣрнаго мужа, прокравшагося въ домъ утѣхи и развлеченія и старающагося всѣми силами сохранить свое инкогнито; но напрасно: черезъ нѣсколько времени прибѣгаетъ жена разыскивать мужа, застаетъ его любезничающимъ съ хорошенькою мусуме, нападаетъ на него фуріею и задаетъ потасовку при всеобщемъ хохотѣ всей публики. Особенно хороша фигура мужа, въ униженной позѣ, съ лицомъ сконфуженнымъ и выпрашивающимъ прощеніе, и жены, треплющей его, какъ собаченку.

по стрункѣ, и японцы стараются даже порѣже сюда заглядывать. Въ былое время здѣсь совершались большія торговыя сдѣлки, но въ настоящій періодъ, съ открытіемъ иностраннымъ судамъ почти всѣхъ японскихъ портовъ, торговля Нагасаки значительно упала и купцы понемногу стараются выбраться въ Іокогаму.

Въ Нагасаки не мало китайскихъ купцовъ, къ которымъ однако японцы чувствуютъ большую антипатію и въ особенности послѣ формозскаго дѣла; по всей вѣротности, имъ, при такомъ общемъ предубѣжденіи туземцевъ, долго тутъ не усидѣть, хотя они и стараются сбить цѣны у европейскихъ купцовъ....

Прогулка по городу совершалась въ небольшихъ двухколесныхъ колясочкахъ (дженриксонахъ), которыя толкаютъ передъ собою здоровые японцы-извощики; удивительно, какъ не утомляются эти люди, развозя цѣлый день публику и, главное, по городу, расположенному на покатой мѣстности. Благодаря худой погодѣ и непродолжительной стоянкѣ, трудно было подробно ознакомиться съ Нагасаки и его окрестностями, а потому болѣе подробное описаніе оставлю до другого, болѣе удобнаго раза, а теперь ограничусь однимъ общимъ очеркомъ.

Изъ нагасакскихъ окрестностей слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на одну изъ деревень, а именно Инноса, лежащую на западномъ берегу бухты, при которой расположено небольшое поселеніе русскихъ; при немъ находится хорошенькое русское кладбище, чистенькій видъ котораго невольно бросается въ глаза; на него ежегодно отпускается нѣкоторая сумма, идущая на поддержку его въ благообразномъ видѣ. Изъ многихъ простенькихъ надгробныхъ монументовъ выдѣляется хорошенькій памятникъ, поставленный на могилѣ мичмана Мофета, зарѣзаннаго японцами на нагасакскихъ улицахъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ (1859 г. 25 августа), въ самый разгаръ политическихъ убійствъ въ Японіи.

Въ Иннасѣ живетъ нашъ консулъ и нѣсколько русскихъ семействъ; живутъ они спокойно, тихо, не вмѣшиваясь въ политическіе и торговые интересы страны, за что ихъ японцы всегда уважали и уважаютъ по настоящее время.

Немного южнѣе Иннасы лежитъ мѣстечко Акунора, имѣющее видъ небольшаго фабричнаго городка; здѣсь японцы, при помощи голландскихъ офицеровъ и механиковъ, основали въ пятидесятыхъ годахъ механическій заводъ для приготовленія желѣзныхъ частей паровыхъ судовъ. Заводъ этотъ послужилъ для японцевъ отличною практическою школою въ механическомъ дѣлѣ, и въ настоящее время они уже не нуж-

даются въ учителяхъ и образовали изъ своей среды превосходныхъ мастеровъ. При этомъ нужно замѣтить, что японцы необыкновенно воспріимчивы и легко, въ самое короткое время, изучаютъ и прививаютъ къ себѣ то, что, по ихъ мнѣнію, нужно привить; при этомъ они поступаютъ необыкновенно осмысленно: не тянутся за новизною, потому только, что она нова и привита у другихъ болѣе цивилизованныхъ народовъ; нѣтъ, они воспринимаютъ только то, что имъ собственно можетъ быть полезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодно воспринять....

На другой день, по приходѣ въ Нагасаки, мы получили предписаніе запастись углемъ, свезти команду въ баню, освѣжиться и затѣмъ идти за адмираломъ въ Шанхай; не долго думая, принялись мы за исполненіе даннаго предписанія, и къ 20 октября были уже готовы къ выходу въ море. На слѣдующій день мы снялись съ якоря и, распростившись на время съ много обѣщающимъ для насъ, въ будущемъ, Нагасаки, направились въ Шанхай. Переходъ былъ вполнѣ удачный; 23 числа корветъ вошелъ уже въ широкое устье Янсе-Кіанга, воды котораго, своимъ желтымъ цвѣтомъ, рѣзко отдѣлялись отъ темнозеленыхъ водъ океана и казались издали громадною мелью. Справа и слѣва тянулись совершенно плоскіе берега, пустынные и по видимому болотистые; но вотъ впереди начали выясняться величественныя сооруженія верфей и доковъ, принадлежащихъ одной американской компаніи, громадные пароходы которой то и дѣло сновали взадъ и впередъ по желтымъ водамъ «Большой рѣки», какъ величаютъ китайцы Янсе-Кіангъ. На встрѣчу и по одному съ нами направленію шла масса большихъ джонокъ, военныхъ и купеческихъ, команда которыхъ шумѣла и кричала, точно суда ихъ шли ко дну или горѣли.....

На Шанхайскомъ рейдѣ стояло множество купеческихъ судовъ и между прочими нашъ корветъ «Витязь», котораго мы такъ настойчиво преслѣдовали; тысячи джонокъ сновали взадъ и впередъ, заставляли насъ быть очень осмотрительными и пробираться между ними самымъ малымъ ходомъ. Наконецъ мы подошли къ своему мѣсту, рядомъ съ «Витяземъ», и стали на якорь. Моментально окружила насъ сотня джонокъ съ курами, утками, фруктами и разными китайскими бездѣлушками; ихъ конечно начали безцеремонно гнать отъ борта; но чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ онѣ становились все навязчивѣе и навязчивѣе.

Каждая джонка представляла настоящій пловучій домъ, въ которомъ жили цѣлыя семейства; въ то время, когда отецъ семейства настойчиво предлагалъ намъ свои товары, его дорогая половина занималась приготовленіемъ немудренаго китайскаго обѣда; къ ея услугамъ былъ и

очагъ, удобно приснорововленный къ походной жизни; ребятишки, точно собаченки или макаки, были привязаны на веревочкахъ и ползали всюду, куда только разрѣшала имъ ихъ привязь.

Носъ каждой джонки былъ украшенъ непремѣнно какимъ нибудь чудовищемъ съ выпученными, большими, страшно раскрашенными глазами, которые, кажется, смотрятъ на васъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что невольно хочется спросить: «чего смотришь, бестія?» Китайцы, украшая свои джонки подобными чудовищными пугалами, думаютъ сдѣлать ихъ какъ можно страшнѣе, а онѣ выходятъ смѣшнѣе....

Шанхай, расположенный на плоской, болотистой равнинѣ, не имѣетъ въ себѣ, въ отношеніи природы, ничего привлекательнаго, но, какъ городъ, онъ представляетъ полное совершенство: великолѣпные дворцы негоціантовъ, громадные торговые дома, магазины, верфи и доки служатъ лучшимъ украшеніемъ Шанхая, его патентомъ на первостатейный городъ. Основаніемъ своимъ Шанхай обязанъ неутомимой энергіи и дѣятельности англичанъ, которые побѣдоносно вели здѣсь продолжительную борьбу съ природою и разными другими препятствіями, и, во что бы то ни стало, рѣшили основать городъ на мѣстѣ, обѣщавшемъ сдѣлаться впослѣдствіи центромъ обширной торговли. Глухое, нерѣшительное сопротивленіе китайскаго правительства не привело ни къ чему: городъ все-таки былъ основанъ; быстро сталъ онъ расти и возвышаться и въ продолженіе самаго короткаго времени сталъ на ряду первостатейныхъ городовъ. Быстро возникли, рядомъ съ китайскимъ городомъ, кварталы: англійскій, американскій, французскій, австрійскій, сѣверогерманскій и образовался такимъ образомъ какой-то оригинальный городъ, принадлежащій всему свѣту и никому въ особенности. Каждый кварталъ имѣетъ свое особенное управленіе и полицію; въ каждомъ кварталѣ пойманныхъ преступниковъ судятъ по своимъ національнымъ законамъ; словомъ, Шанхай представляетъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ городовъ, связанныхъ одною только мыслью обогатиться торговлею и разными комерческими предпріятіями.

Лучше всѣхъ обстроились въ Шанхаѣ англичане; англійскій кварталъ считается центромъ всей торговли и на его долю приходится самая наибольшая часть всѣхъ доходовъ; первый торговый домъ находится именно въ англійскомъ кварталѣ. Онъ тянется вдоль прекрасной набережной, называемой Bund, и состоитъ изъ ряда монументальныхъ построекъ, настоящихъ дворцовъ, построенныхъ въ британскомъ вкусѣ, съ тѣмъ однако исключеніемъ, что къ нимъ пристроены роскошныя веранды, необходимыя въ тропическомъ климатѣ. Трудно себѣ предста-

вить что нибудь роскошнѣе и богаче длинной амфилады истинно княжескихъ жилищъ, соперничающихъ другъ съ другомъ изяществомъ и грандіозностью архитектуры; тутъ же помѣщаются различныя зданія британскаго консульства, дворецъ юстиціи и домъ англійскаго судьи. Нужно удивляться громаднымъ сооруженіямъ англійскаго квартала, потому что въ Шанхаѣ чувствуется большой недостатокъ въ камнѣ и другомъ строевомъ матеріалѣ, который вывозится очень издалека. На набережной разведенъ очень хорошенькій общественный садъ, который служитъ мѣстомъ прогулокъ для всей шанхайской знати....

За прекрасными дворцами торговыхъ тузовъ тянутся различныя депо, конторы и обширные англійскіе магазины, богато снабженные всевозможными произведеніями англійской мануфактуры и искусства. Правда, въ этихъ магазинахъ можно достать все, что только захотите, но за то дороговизна всего страшная; лучше всего эти англійскіе товары пріобрѣтать въ китайскихъ магазинахъ, въ которыхъ берутъ за все цѣны гораздо умѣреннѣе и отпускаются товары лучшей доброты, потому что китайцы не торопятся обогатиться, какъ европейцы вообще, и довольствуются меньшими барышами. Вообще нужно замѣтить то обстоятельство, что гдѣ бы китайцы ни начали торговать, вездѣ они стараются отпускать тотъ же товаръ за меньшую цѣну и тѣмъ привлекаютъ къ себѣ большое число покупателей; если дать имъ ходъ, то пожалуй они захватятъ въ свои руки большую часть торговли. При этомъ нужно сознаться, къ стыду нашему, что китаецъ, хотя его считаютъ всѣ за отъявленнаго плута, всегда продастъ свой товаръ гораздо добросовѣстнѣе европейца, и не рѣшится надуть покупателя, потому что хорошо сознаетъ, что съ первою плутнею онъ потеряетъ всю свою торговлю, потеряетъ репутацію честнаго купца, которою онъ очень дорожитъ, какъ бы въ укоръ европейскимъ купцамъ....

Къ англійскому кварталу примыкаетъ французскій; правда, здѣсь дома торговыхъ тузовъ не могутъ сравниться съ англійскими, но за то величественный домъ консульства, большой соборъ и муниципальный дворецъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Къ югу отъ всѣхъ европейскихъ кварталовъ расположенъ собственно китайскій городъ, окруженный высокою стѣною, имѣющею семь воротъ въ него нужно заглядывать съ большою осторожностью и лучше будетъ если запастись на всякій случай револьверомъ; китайскій городъ состоитъ изъ массы грязныхъ переулковъ и закоулковъ, образующихъ непроходимый для новичка лабиринтъ; тутъ есть мѣста, въ которыя лучше и не заглядывать, потому что легко поплатиться и жизнію. Толпы китайцевъ

и китаянокъ снуютъ въ разныя стороны, шумятъ, спорятъ, толкутся и о чемъ-то неистово хлопочутъ; нѣтъ физической возможности пробираться межъ ними: нужно терпѣливо слѣдовать за теченіемъ толпы. Видъ населенія китайскаго города самый разнообразный: тутъ китайцы желтые, сухіе, тощіе, одѣтые въ легкое платье бумажной матеріи, а немного подальше ползетъ сынъ Небесной имперіи, румяный, какъ размалеванная кукла, и жирный, какъ самъ Будда; одѣтъ онъ уже чуть ли не въ полдюжину какихъ-то кофточекъ безъ рукавовъ, а сверху всетаки натянулъ еще кофту съ рукавами, и все еще, кажется, ему холодновато. Среди толпы пробираются, семеня маленькими ножками и немного покачиваясь, какъ бы боясь потерять равновѣсіе, некрасивыя китаянки съ величественными шиньонами, которые по-истинѣ могли бы заткнуть за поясъ самые пышные шиньоны петербургскихъ барынь.

Шумъ и гамъ стоитъ здѣсь невообразимый; отъ всѣхъ китайцевъ и китаянокъ несетъ какимъ-то кисло-затхлымъ запахомъ, такъ что невольно стараешься избѣжать близкихъ встрѣчъ съ болѣе неопрятными на видъ субъектами. Въ китайскомъ городѣ есть также чайные дома, далеко впрочемъ уступающіе японскимъ; они занимаютъ совершенно отдѣльный кварталъ, въ которомъ разбросано также множество самыхъ разнокалиберныхъ китайскихъ ресторановъ, начиная отъ самаго аристократическаго и кончая плебейскимъ. Въ аристократическихъ ресторанахъ собираются обыкновенно торговые тузы и люди самые зажиточные, пріѣзжающіе сюда въ роскошныхъ паланкинахъ; тутъ сидятъ они за маленькими столиками, по четыре человѣка у каждаго, убранными бумажными цвѣтами и апельсинными деревцами; имъ прислуживаютъ чисто одѣтые мальчики, которые съ подобострастіемъ выслушиваютъ всѣ требованія своихъ богатыхъ посѣтителей и спѣшатъ моментально ихъ исполнить. Въ другой улицѣ находятся рестораны для средняго класса людей; здѣсь уже не видно у дверей роскошныхъ паланкиновъ; на столахъ меньше цвѣтовъ и апельсинныхъ деревъ, меньше порядку, но за то гораздо больше брани и еще какой! китайской, которая заткнетъ за поясъ самую энергическую русскую брань! Немного далѣе, пройдя двѣ или три улицы, тянутся плебейскіе рестораны, въ которые приходятъ утолить свой голодъ разною падалью тысячи нищихъ, въ самыхъ отвратительныхъ рубищахъ.... Дальше лучше и не заглядывать!.... Однако и въ китайскомъ городѣ есть свои достопримѣчательности, а именно: высокая, въ нѣсколько этажей, пагода, окруженная садомъ, и роскошный дворецъ, называемый Уаменъ, служащій резиденціею мѣстнаго губернатора, или Тао-Таи; противъ этого красиваго зданія стоитъ, какъ

нарочно, отвратительная тюрьма, стоитъ она будто для того, чтобы показать поразительный контрастъ, страшную разницу между почти неограниченнымъ судьею и бѣдными преступниками, съ нетерпѣніемъ ожидающими своего приговора, чтобы только избавиться поскорѣе отъ томительнаго заключенія....

Китайское населеніе Шанхая сосредоточивается не только въ самомъ городѣ, но и на джонкахъ; такимъ образомъ, можно сказать, что въ Шанхаѣ есть два китайскихъ города, одинъ материковый, а другой—рѣчной. На джонкахъ стекаются большею частію самые отчаянные бобыли, которымъ на берегу положительно негдѣ преклонить голову. Населеніе это не входитъ въ перепись и трудно даже опредѣлить, его численность. Пользуясь подобною отчужденностью, пловучее населеніе рѣшается на дерзкіе грабежи и разбои, совершаемые большею частью на самой же рѣкѣ и остающіеся почти всегда безнаказанными, потому что трудно опредѣлить, кто именно совершилъ изъ десятка тысячъ неизвѣстныхъ людей какое нибудь преступленіе; преступникъ тогда только можетъ быть наказанъ, когда будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, такъ какъ нѣтъ никакой возможности производить какіе-либо розыски среди неизвѣстнаго населенія.... Сколько сотенъ китайцевъ гибнетъ на джонкахъ во время какой нибудь жестокой непогоды, и никто не подумаетъ, куда они дѣлись, что съ ними случилось, почти каждый день можно видѣть на Янсе-Кіангѣ вздутыя тѣла утопленниковъ, которыхъ преспокойно отталкиваютъ отъ джонокъ и якорныхъ цѣпей, если имъ вздумалось какъ нибудь остановиться при своемъ печальномъ путешествіи въ океанъ, и никто при этомъ не даетъ знать полиціи о подобныхъ «незначительныхъ» случаяхъ, такъ какъ ей положительно не хватило бы времени на вытаскиваніе всѣхъ утопленниковъ изъ рѣки и еще для опредѣленія какого они были званія и имени; а сколько бы еще вышло денегъ на ихъ похороны и говорить нечего....

Изъ шанхайскихъ окрестностей обращаетъ на себя вниманіе только одна миссіонерская французская колонія Zi-Ka-Wai, лежащая отъ города приблизительно въ пяти миляхъ. Дорога къ ней идетъ по ровной, совершенно голой равнинѣ, прорѣзанной многими каналами, въ которыхъ вмѣсто воды течетъ какая-то жидкая грязь; тамъ и сямъ разбросаны по пути китайскія деревеньки, состоящія изъ бѣдныхъ хижинъ, построенныхъ изъ тростника и бамбука. Всѣ прилегающія къ дорогѣ поля усѣяны множествомъ гробовъ, разбросанныхъ въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, такъ какъ въ сѣверномъ Китаѣ особыхъ кладбищъ не полагается, и покойниковъ выносятъ прямо въ поле, и разставляютъ тамъ,

гдѣ кому заблагоразсудится. Слабый вѣтерокъ доносилъ иногда до насъ страшное зловоніе разложившихся и разлагающихся тѣлъ, и это обстоятельство дѣлало прогулку не совсѣмъ пріятною....

Въ Zi-Ka-Wai разведенъ трудами миссіонеровъ прекрасный садъ, среди котораго помѣщается учрежденная ими коллегія, приносящая туземному населенію громадную пользу; тутъ воспитываются до нѣсколькихъ сотъ дѣтей, вырванныхъ миссіонерами изъ самой ужасной нищеты и заразы. Въ коллегіи три класса; въ младшемъ учатъ читать и писать по-французски, а также разнымъ мастерствамъ, какъ напримѣръ: коробочному, столярному, слесарному, а также обучаютъ и типографическому дѣлу, прясть и ткать хлопчато-бумажныя матеріи; во второмъ классѣ учатъ китайскому письму, а въ старшемъ уже окончательно образовываютъ молодыхъ людей, преподаютъ имъ живопись, музыку, скульптуру, и выпускаютъ ихъ затѣмъ въ свѣтъ достаточно свѣдущими. Въ старшемъ классѣ нерѣдко можно встрѣтить сыновей мандариновъ Небесной имперіи, которые вполнѣ сознаютъ, что хотя учрежденіе это и христіанское, но все-таки въ немъ преподаютъ очень много полезныхъ предметовъ, которые ни лишними будутъ даже и для китайскаго аристократа.

Большая часть отцовъ-миссіонеровъ французы; они ведутъ свои дѣла съ необыкновеннымъ тактомъ и умѣли привлечь тѣмъ къ себѣ много китайцевъ; они одѣваются и живутъ совершенными китайцами, чѣмъ еще больше пріохачиваютъ къ себѣ туземное населеніе.

Миссія считаетъ у себя до шестидесяти отцовъ, большая часть которыхъ почти круглый годъ посѣщаетъ свои разбросанныя паствы и является въ колонію только на самое короткое время; здѣсь они немного отдыхаютъ отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ, и опять отправляются въ свое трудное путешествіе....

Невдалекѣ отъ Zi-ka-Wai находится воспитательный домъ или, пожалуй, пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ болѣе или менѣе зажиточныхъ китайскихъ семействъ и сиротскій домъ для малолѣтнихъ дѣтей-сиротъ женскаго пола; оба эти учрежденія находятся подъ управленіемъ и надзоромъ католическихъ монахинь. Пансіонъ состоитъ изъ многихъ маленькихъ комнатъ, окружающихъ обширный дворъ, въ которыхъ живутъ пансіонерки и получаютъ воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ будущему общественному положенію. Въ сиротскомъ домѣ живутъ дѣти, вырванныя изъ самой ужасной нищеты и заразы; трудно себѣ представить маленькихъ невинныхъ существъ, худыхъ, желтыхъ, едва дышащихъ и покрытыхъ большею частію ужасными язвами и ранами. Мона-

хини ухаживаютъ за этими несчастными существами съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и любовью, обмываютъ ихъ язвы, перевязываютъ раны и заботясь о нихъ съ тѣмъ рвеніемъ, какъ бы объ своихъ дѣтяхъ. Если дѣти поправятся, то ихъ воспитываютъ на столько, на сколько нужно для дѣвушекъ средняго сословія; послѣ окончанія воспитанія онѣ или выходятъ замужъ за своихъ единовѣрцевъ-китайцевъ, или же поступаютъ въ услуженіе къ христіанскимъ семействамъ.

Нужно отдать монахинямъ полную справедливость за ихъ примѣрное человѣколюбіе и нѣжныя заботы; благодаря ихъ благородному самоотверженію ежегодно спасается отъ ужасной смерти по нѣсколько сотъ дѣвушекъ; онѣ всюду разъискиваютъ бѣдныя невинныя существа, брошенныя на произволъ судьбы, несутъ въ свой домъ и неустанно заботятся о нихъ до ихъ смерти или же до окончанія воспитанія!...

Шанхай лежитъ недалеко (всего въ 80 миляхъ) отъ богатаго, цвѣтущаго города Сучау, который, благодаря своему положенію въ центрѣ сѣти судоходныхъ артерій, считается главнымъ торговымъ пунктомъ Сѣвернаго Китая; оба города соединены множествомъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, а потому Шанхай сдѣлался природнымъ портомъ Сучау. Еще въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія замѣтили выгодное торговое положеніе Шанхая, и агенты Индѣйской компаніи думали основать здѣсь факторію, но мысль ихъ была въ то время пока еще неосуществима, такъ какъ китайское правительство строго запретило основывать на своей факторіи какія либо европейскія учрежденія. Воевать съ китайцами тогда никому не хотѣлось, и такимъ образомъ въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ не было уже попытокъ на основаніе въ Шанхаѣ какой нибудь европейской факторіи. Только послѣ первой англійско-китайской войны заключенъ былъ, въ 1842 году, Нанкинскій трактатъ, въ которомъ главная статья требовала открытія Шанхая для всѣхъ иностранцевъ. Первыми принялись за дѣло англичане; съ неутомимою энергіею стали они высушивать болотистую, наносную почву, едва возвышающуюся надъ поверхностью рѣки: камня, лѣсу и другихъ строевыхъ матеріяловъ не было: нужно было все это вывозить издалека. Въ теченіе десяти лѣтъ англичане жили бѣдно, едва-едва поддерживая свое существованіе; но наконецъ торговля шелкомъ получила неслыханную свободу—и англичане быстро поднялись; вслѣдъ за ними прибыли въ Шанхай французы и американцы, пріобрѣли себѣ у китайскаго правительства за извѣстную сумму опредѣленные участки и основали свои факторіи. Такимъ образомъ, въ короткое время Шанхай обстроился величественными зданіями и обратилъ на себя взоры всего міра...

*

Немного обстроившись, англійскій, американскій и французскій резиденты начали хлопотать о внутренней организаціи факторій; трудъ предстоялъ большой; надо было всѣмъ дѣла свои вести съ необыкновеннымъ тактомъ, потому что, вопервыхъ, необходимо было не затронуть щекотливости императорскихъ властей, вовторыхъ — уничтожить всѣ предубѣжденія китайцевъ къ европейцамъ, и въ третьихъ—не обидѣть ни одну изъ націй, имѣющихъ въ Шанхаѣ свои факторіи. Поданъ былъ проектъ образовать космополитское управленіе; но онъ не былъ принятъ французскимъ резидентомъ, а потому и не состоялся. Тогда рѣшено было образовать два; совершенно отдѣльныя управленія, изъ которыхъ одно должно существовать въ англійскомъ и американскомъ кварталахъ, а другое — во французскомъ; они уже должны были сноситься съ мѣстными властями, распредѣлять городскіе доходы и расходы, заботиться о безопасности и спокойствіи жителей, подавать проекты построекъ общественныхъ зданій, распредѣлять таксы и собирать налоги. Такимъ образомъ дѣло уладилось, никто не былъ обиженъ и всѣ преспокойно занялись своими комерческими предпріятіями...

Закончу описаніе Шанхая нѣсколькими подробностями, выясняющими отношеніе европейскаго населенія города къ китайскому; между этими двумя разноплеменными народами существуетъ какая-то непонятная, дикая ненависть. Англичане, а въ особенности американцы, считаютъ себя полновластными господами чуть ли не всей Небесной имперіи со всѣмъ ея народонаселеніемъ, а потому обращаются съ китайцами съ необыкновеннымъ презрѣніемъ, наглостью и высокомѣріемъ, за что тѣ отвѣчаютъ имъ самою сильною ненавистью, которая могла бы превратиться во что нибудь и большее, если бы китайцевъ не удерживалъ страхъ возмездія. На каждомъ шагу можно видѣть со стороны европейцевъ самое гнусное насиліе, самую дикую необузданность... Боже сохрани, напримѣръ, если китаецъ, при встрѣчѣ съ англичаниномъ или американцамъ, какъ нибудь не успѣетъ посторониться и нечаянно задѣнетъ своимъ платьемъ щеголеватаго денди: тотъ, не долго думая, ловитъ китайца за косу и тутъ же, посреди улицы, бьетъ его своею тростью до тѣхъ поръ, пока не устанетъ рука и не насытится душа. Прохожіе рѣшительно не обращаютъ на эту «обыкновенную и обыденную» для нихъ сцену никакого вниманія, и даже сами, при первомъ удобномъ случаѣ, не откажутся задать бѣдному китайцу такую же потасовку... Вотъ несется по улицѣ лихой кавалеристъ; китайцы издали уже видятъ эту нахальную фигуру и спѣшатъ посторониться какъ можно быстрѣе; но вотъ на одномъ изъ поворотовъ зазѣвались десятка три кули и не

замѣтили своевременно быстро приближающагося всадника; тотъ, недолго думая и неуменьшая даже бѣга своего ретиваго коня, врѣзывается въ самую толпу и начинаетъ лупить китайцевъ направо и налѣво не только хлыстомъ, но и ногами, сопровождая каждый ударъ самыми отборными ругательствами... Бѣдные кули моментально разбѣгаются во всѣ стороны, стараясь избавиться отъ незаслуженныхъ побоевъ, разбѣгаются молча, безъ всякаго протеста на дерзкое насиліе, потому что знаютъ, что самый слабый протестъ съ ихъ стороны, имъ достанется вдвое больше; но достаточно замѣтить брошенные ими изъ подлобья взгляды чтобы сказать, что плохо бы пришлось отъ китайцевъ этому наглому джентльмену, если бы его не защищали англійскіе и американскіе пушки и штыки! Подобныя безобразія можно видѣть ежедневно и почти на каждомъ шагу; китайцы съ необыкновеннымъ терпѣніемъ сносятъ наносимыя имъ оскорбленія; но наступитъ время, когда и они съумѣютъ постоять за свою личность, за свою неприкосновенность и, уже навѣрное постоятъ такъ, что европейцамъ придется жутко...

Корветъ «Аскольдъ» простоялъ въ Шанхаѣ до 8 ноября; въ этотъ день рѣшено было сняться съ якоря и вмѣстѣ съ «Витяземъ» отправиться въ Гонъ-Конгъ; времени терять было некогда, потому что уже наступала полная вода, при которой только и можно пройти черезъ баръ, лежащій при устьѣ Янсе-Кіанга. Распростившись съ корветомъ «Богатырь», пришедшимъ наканунѣ въ Шанхай, и обмѣнявшись съ нимъ законными салютами, мы двинулись въ дальнѣйшій путь; масса джонокъ неслась съ нами по одному направленію, пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, чтобы выйти въ море. Благодаря пару, всѣ онѣ остались далеко позади; мы уже подходили къ бару, какъ вдругъ наша машина отказалась слушаться механиковъ и моментально сама застопорила; сейчасъ же начали изслѣдовать причины ея упрямства и непокорности, и нашли весьма серьезныя поврежденія въ дейдвудной трубѣ.

Пока доискивались причинъ, стало уже темно и идти дальше не было никакой возможности, а потому мы принуждены были вмѣстѣ съ «Витяземъ» стать на якорь передъ самымъ баромъ. 9 числа, утромъ, снялись съ якоря и подали буксиры «Витязю», который и выбуксировалъ насъ на свободную воду; дулъ попутный вѣтеръ, а потому, недолго думая оба корвета вступили подъ паруса, подъ которыми шли до самаго Гонъ-Конга. «Витязь» оказался подъ парусами, въ сравненіи съ «Аскольдомъ», плохимъ ходокомъ, и намъ очень часто приходилось уменьшать парусность, чтобы не уйти отъ него изъ виду. Случайная гонка корветовъ доставила нашимъ матросамъ большое развлеченіе и была источникомъ

самыхъ разнообразныхъ съ ихъ стороны каламбуровъ. Въ самомъ началѣ, какъ только корветы вступили подъ паруса, пошли споры, кто кого перегонитъ; а когда замѣтили, что Аскольдъ слишкомъ ужь сильно осаживаетъ Витязя, то посыпались на бакѣ противъ витязянъ и самаго корвета ѣдкія насмѣшки.

— Ишь его, прорва, парусины-то сколько драмтъ, скоро изъ за нея и видно его самаго не будетъ, а все ползетъ черепахою, говорилъ знакомый уже намъ Архипъ,—который изъ деревенскаго, глупаго парня понемногу становился уже бравымъ матросомъ, здраво разсуждающимъ и понимающимъ свое трудное матросское дѣло.

— Куды Витязю гоняться за Аскольдомъ, далеко кулику до Петрова дня, проговорилъ съ самохвальствомъ бравый, усастый унтеръ.

— Усталъ видно, Витязь, родименькій, сколько ужь онъ тутъ исходилъ, пожалуй и ножки свои богатырскія намозолилъ, ядовито усмѣхнулся пьяница Храмцовъ.

— Скоро, гляди, витязяне и койки свои надраять, сами въ нихъ дуть будутъ, чтобы только перегнать, добавилъ не менѣе ядовито его сосѣдъ, красный, какъ вареный ракъ, гротъ-марсовый.

— Пусть себѣ драять хоть всю свою матросскую амуницію, а все позади будутъ, потому никогда витязянамъ не быть впереди аскольдовскихъ лихихъ молодцовъ, проговорилъ съ особеннымъ чувствомъ Храмцовъ....

Цѣлую недѣлю шли мы до Гонъ-Конга, и плаваніе это обошлось безъ особенныхъ приключеній; 15 числа, вечеромъ, подошли мы на видъ города, но войти на рейдъ за темнотою не было возможности; 16 утромъ, пользуясь благопріятнымъ для насъ утреннимъ бризомъ, мы вошли черезъ узкій, извилистый проходъ на Гонъ-Конгскій рейдъ.

Мы очутились въ спокойномъ озерѣ, изумрудныя воды котораго тихо плескались о прибрежные утесы; оно было окружено со всѣхъ сторонъ величественными горами, позлащенными яркими лучами восходящаго солнца. Городъ расположенъ амфитеатромъ по крутизнамъ горъ и имѣетъ не смотря на то, что окружающіе его хребты лишены всякой растительности, необыкновенно очаровательный видъ.

Не успѣли мы стать на якорь, какъ насъ окружила цѣлая стая сампанокъ [1]) со всевозможнымъ людомъ, желающимъ, по видимому, во чтобы

---

[1]) Сампанки небольшія, легкія, остроконечныя шлюбки, управляемыя большею частью однимъ человѣкомъ, который голланитъ (способъ гребли однимъ весломъ съ кормы, заимствованный у голландцевъ); обыкновенно сампанка снабжена небольшою каюткою, въ которой можно совершенно скрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Шлюбки эти служатъ обыкновеннымъ перевозочнымъ средствомъ въ китайскихъ портахъ.

то нистало, попасть къ намъ на палубу; тутъ были прачки съ цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ аттестатовъ о ихъ честности и превосходной стиркѣ; тутъ были и портные, и сапожники, мясники, зеленщики, различные компрадоры (китайцы, служащіе посредниками между продавцами и покупателями) и наконецъ разнаго рода спекулянты, мечтающіе нажиться со вновь пришедшаго иностраннаго судна. Гонъ-Конгскій рейдъ былъ наполненъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ судовъ; англичане встрѣтили насъ съ музыкою и полными морскими почестями. Первымъ дѣломъ намъ пришлось подумать о починкѣ, а потому, 21 ноября, корветъ былъ введенъ въ Абердинскій докъ, находящійся въ восьми миляхъ отъ Гонъ-Конга; стоять въ докѣ обходилось очень дорого (почти по полтораста долларовъ въ сутки), а потому, вынувъ изъ дейдвудной трубы валъ и поправивъ немного обшивку, 22 ноября мы вышли уже изъ дока....

23-го ноября, стоя у дока, опредѣлили девіацію, а на другой день пошли на стрѣльбу въ цѣль. Окончивъ ученіе, мы хотѣли-было войти на гонъ-конгскій рейдъ, но вдругъ поднялся такой густой туманъ, что корветъ принужденъ былъ стать на якорь тамъ, гдѣ туманъ его засталъ, очень недалеко отъ берега. Тишина была мертвая, съ берега совершенно ясно доносились голоса и собачій лай; но вотъ раздался сильный свистокъ: куда-то шелъ неизвѣстно какой пароходъ; однако шумъ его колесъ показывалъ, что онъ отъ насъ очень близко, а потому на корветѣ неистово начали бить рынду, чтобы предупредить его о нашемъ присутствіи; такимъ образомъ мы избѣгли очень непріятнаго столкновенія. Наконецъ туманъ началъ опускаться; показались темныя вершины горъ, затѣмъ ихъ откосы, и къ утру 25-го числа открылся нашимъ глазамъ весь берегъ, а потому, пользуясь благопріятными обстоятельствами, мы вошли на гонъ-конгскій рейдъ.....

Гора, по крутизнамъ которой расположены прекрасные и величественные дома Гонъ-Конга, извѣстна подъ названіемъ «Викторіи»; она лишена почти всякой растительности, но тѣмъ не менѣе имѣетъ необыкновенно живописный и грандіозный характеръ. Видъ съ этой горы восхитительный: передъ вами разстилается обширная живописная мѣстность, простирающаяся почти до самаго Кантона и Макао. Рейдъ со множествомъ купеческихъ и военныхъ судовъ представляетъ величественную картину; цѣлый лѣсъ мачтъ закрываетъ почти все прибрежье; масса джонокъ, сампанокъ и военныхъ шлюбокъ съ судовъ чуть ли не всѣхъ національностей прорѣзываетъ изумрудныя воды роскошнаго рейда; всюду видна необыкновенная жизнь и дѣятельность! Городъ

представляетъ массу прекрасныхъ публичныхъ зданій, дворцовъ негоціантовъ и сельскихъ домиковъ; правильныя, широкія улицы, отлично вымощенныя камнемъ, тянутся между рядами роскошныхъ домовъ, затѣйливые фасады которыхъ прикрыты прекрасными верандами. Всюду виднѣются искусственно-разведенные сады на каменистой, безплодной мѣстности, сады, дѣлающіе честь энергіи и настойчивости англичанъ, которые навезли изъ Китая земли, деревьевъ, различныхъ растеній, съ большими трудами разсадили ихъ, и такимъ образомъ пользуются въ настоящее время собственною зеленью....

Между дикими горами и хребтами расположены роскошныя поляны и долины, тропическая растительность которыхъ представляетъ рѣзкую противоположность съ окружающимъ ихъ безплодіемъ; невольно взоры ваши обращаются къ этимъ прелестнымъ уголкамъ гонъ-конгскихъ окрестностей, гдѣ вы можете найти въ жаркій день тѣнь и прохладу....

По крутымъ, идущимъ уступами, гонъ-конгскимъ улицамъ нельзя иначе прогуливаться какъ въ легкихъ, эластичныхъ бамбуковыхъ носилкахъ, которыя вы можете нанять на каждомъ углу; два или четыре здоровыхъ, сильныхъ кули, въ широкихъ соломеныхъ шляпахъ, понесутъ васъ такъ спокойно, такимъ ровнымъ гимнастическимъ шагомъ, что вы, убаюкиваемые легкою, пріятною качкою, невольно клонитесь ко сну. Нужно удивляться этимъ неутомимымъ людямъ, которые въ самую сильную жару проносятъ васъ по городу въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и не покажутъ слишкомъ замѣтнаго для глаза утомленія; быстрота ихъ бѣга можетъ сравниться только съ конскою, хорошею рысью. Такса этимъ экипажамъ необыкновенно низкая; за одинъ конецъ вы платите только десять центовъ (около пятнадцати копѣекъ), если впрочемъ на него нужно употребить не болѣе получаса. Если же вы пожелаете имѣть носилки на цѣлый день, то заплатите всего только одинъ долларъ (1 р. 33 к.); изъ этого можно заключить и судить, какъ низко цѣнятъ китайцы свой тяжелый трудъ.

Жизнь и дѣятельность на гонъ-конгскихъ улицахъ необыкновенная; онѣ кишатъ массою самаго разноплеменнаго народа; проѣхавъ городъ изъ одного конца въ другой, вы встрѣтите: китайцевъ въ синихъ блузахъ, съ длинными, чуть-ли не до пятъ [1]), косами; смуглыхъ, статныхъ индусовъ въ бѣлыхъ чалмахъ; малайцевъ въ соломенныхъ шляпахъ; толсторожихъ парсовъ въ высокихъ, клеенчатыхъ шапкахъ; из-

[1]) Китайскія косы обыкновенно не очень длинны, но въ нихъ искусно вплетаютъ шелкъ, чѣмъ придаются имъ желаемые размѣры.

неможенныхъ гебровъ (огнепоклонниковъ); японцевъ и, наконецъ европейцевъ въ самыхъ щегольскихъ, нарядныхъ, тропическихъ костюмахъ... Здѣшнія китайскія и японскія красавицы не производятъ особеннаго впечатлѣнія; китаянки большею частію одѣваются весьма однообразно и скромно, въ совершенно противуположномъ вкусѣ шанхайскихъ туземныхъ красавицъ; куафюрою своею онѣ особенно здѣсь не занимаются и обходятся безъ всякихъ шиньоновъ, подкладокъ, буклъ, чужихъ косъ и наколокъ. Но за то японки прическою своею смѣло заткнутъ за поясъ лучшаго европейскаго парикмахера, чѣмъ онѣ много выигрываютъ передъ китаянками и обращаютъ на себя большее вниманіе тѣмъ болѣе, что красота китайскихъ женщинъ не можетъ сравниться съ красотою японскихъ. Правда, китайскія ножки не копытообразныя, какими ихъ обыкновенно описываютъ [1]), а маленькія, хорошенькія, обутыя въ изящные лакированные сапожки, имѣютъ свою привлекательность, но вѣдь однѣми ножками восхищаться очень мало и недостаточно...

Прогулка по Гонъ-Конгу можетъ доставить большое развлеченіе и удовольствіе; сборнымъ пунктомъ городскихъ жителей служитъ публичный садъ, разведенный на небольшой возвышенности, съ которой открывается на рейдъ и окрестности прекрасный видъ. Здѣсь играетъ въ извѣстные дни англійская военная музыка, привлекающая въ садъ большую массу публики; въ эти дни можно познакомиться съ самою высшею гонъ-конгскою аристократіею и особенно съ прекраснымъ населеніемъ города, большая часть котораго весьма доступна и легко знакомится со всякимъ. Европейскихъ женщинъ въ Гонъ-Конгѣ очень мало, да и ими, откровенно сказать, никто особенно не нуждается, такъ какъ китаянокъ, а тѣмъ болѣе японокъ, здѣсь въ достаточномъ количествѣ, которыя дѣлаютъ неприсутствіе европейскихъ женщинъ почти не замѣтнымъ...

Въ Гонъ-Конгѣ, на улицахъ, можно быть свидѣтелемъ самыхъ разнообразныхъ характеристическихъ сценъ; здѣсь всѣ предпочитаютъ середину улицъ тротуарамъ, на которыхъ большею частію располагаютъ свои товары разные китайскіе торгаши и занимаются своимъ дѣломъ бродячіе кухмистеры, парикмахеры и тому подобные спекуляторы. На каждомъ углу стоятъ непремѣнно полицейскіе, вооруженные, по примѣру лондонскихъ полисменовъ, короткими палочками, знакомъ ихъ власти и

---

[1]) Мода уродовать ноги уже проходитъ; но все-таки изрѣдка можно еще встрѣтить китаянку съ какими-то уродливыми копытцами вмѣсто ногъ, на которыхъ она выступаетъ какъ-то не увѣренно и не твердо; кажется, достаточно слабаго дуновенія вѣтерка, чтобы уронить эту неправильно покачивающуюся фигуру.

званія. Въ Гонъ-Конгѣ обязанности полицейскихъ чиновъ исполняютъ большею частію индусы и китайцы, изъ которыхъ первые важно разгуливаютъ въ синихъ мундирахъ и бѣлыхъ чалмахъ, а вторые—въ какихъ-то синихъ-же кацавейкахъ, бѣлыхъ чалмахъ, китайскихъ туфляхъ и въ раскрашенныхъ тростниковыхъ шапочкахъ. Власть полицейскихъ здѣсь столь-же обширна, какъ и въ Лондонѣ; стоитъ имъ только прикоснуться къ преступнику или нарушителю общественнаго спокойствія своею палочкою, какъ тотъ или другой считается уже заарестованнымъ и никакая сила не можетъ вырвать ихъ изъ когтей полиціи раньше того, какъ они получатъ за твой проступокъ извѣстное наказаніе. Благодаря бдительности полиціи, по гонъ-конгскимъ улицамъ можно ходить совершенно безопасно въ самую глубокую ночь; а между тѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ—здѣсь совершались самыя дерзкія убійства, грабежи и воровства. Съ китайцами англійскіе законы рѣшительно не церемонятся; для нихъ лично выдумали новыя статьи, положительнѣе дѣйствующія на сыновъ Небесной имперіи и накладывающія за каждую ихъ вину болѣе строгія наказанія...

Слишкомъ гуманное обращеніе съ ними англичане находятъ неудобнымъ, потому что китайцы, привыкшіе подчиняться только страху, не слишкомъ бы испугались мягкихъ законовъ англійскаго кодекса. Перваго попавшагося нарушителя спокойствія полисменъ беретъ сейчасъ же за косу, привязываетъ ее къ своей палочкѣ и тащитъ преступника въ общественную тюрьму; бываютъ случаи, что ему приходится тащить въ такомъ видѣ, точно свору гончихъ собакъ, по нѣсколько китайцевъ, и никто изъ нихъ не подумаетъ высвободить свою злосчастную косу, потому что стоитъ только полисмену дернуть палочку, какъ всѣ почувствуютъ въ макушкѣ невыносимую боль. Первое, предварительное наказаніе китайскихъ преступниковъ заключается въ томъ, что передъ вводомъ ихъ въ тюрьму имъ всѣмъ безъ исключенія обрѣзаютъ до самаго края ихъ длинныя, много лѣтъ лелѣянныя косы. Подобная волосная операція считается у китайцевъ самымъ страшнымъ позоромъ; они согласились бы лучше двадцать лѣтъ промучиться на галерахъ, чѣмъ лишиться драгоцѣнной для нихъ косы. Китаецъ безъ этого необходимаго украшенія уже не можетъ появиться въ тотъ слой общества, въ которомъ онъ вращался до наказанія; всѣ его родные, друзья, товарищи и знакомые показываютъ ему въ этомъ непріятномъ положеніи самое полное презрѣніе, и поневолѣ онъ долженъ скитаться Богъ вѣсть въ какихъ трущобахъ до тѣхъ поръ, пока не отроститъ себѣ косы законной длины; словомъ, вмѣстѣ съ

косою китаецъ теряетъ всѣ свои права, какъ семейныя, такъ и гражданскія, пріобрѣтенныя имъ службою или торговлею...

Лучшею въ городѣ улицею считается Queen's road; она украшена дворцами богатѣйшихъ банкировъ и купцовъ, ихъ конторами и превосходными магазинами, въ которыхъ вы можете добыть самыя рѣдкія китайскія вещицы, но конечно за порядочную цѣну. Разныя вещицы изъ слоновой кости особенно сильно искушаютъ ихъ пріобрѣсть, но, откровенно сказать, къ нимъ опасно приступаться, такъ какъ за все китайцы запрашиваютъ весьма порядочные куши, куши соотвѣтствующіе работѣ.

Правда, съ ними нужно торговаться гораздо больше и энергичнѣе, чѣмъ съ нашими апраксинскими купцами, но все таки дешево хорошей вещицы не добыть; въ настоящее время китайцы отлично уже знаютъ цѣну своимъ вещамъ и не цѣнютъ свой трудъ такъ дешево, какъ цѣнили лѣтъ десять тому назадъ, когда дѣйствительно можно было за ничтожныя деньги пріобрѣсть довольно рѣдкую вещицу....

Гонъ-Конгъ отлично освѣщенъ газомъ и изрѣзанъ превосходными водопроводами; англичане, нужно сознаться, предъусмотрѣли все, и изъ ничего сдѣлали очень многое. Городъ дѣлится на нижній и верхній; въ первомъ живутъ люди менѣе зажиточные, а во второмъ—вся гонъ-конгская знать, консулы и банкиры. На высокой горѣ стоитъ прекрасная обсерваторія, къ которой ведетъ роскошно вымощенная дорога, служащая мѣстомъ катанія по праздничнымъ днямъ; кромѣ этого развлеченія жители увеселяютъ себя балами, концертами и вечерами, даваемыми въ здѣшнемъ нѣмецкомъ клубѣ; но лучшимъ ихъ развлеченіемъ служатъ скачки на громадныя пари, происходящія за городомъ, въ роскошной долинѣ Вунгъ Нее-Чонгъ.

Простоявъ въ Гонъ-Конгѣ около трехъ мѣсяцевъ, намъ удалось присутствовать на такъ называемыхъ февральскихъ скачкахъ, продолжавшихся три дня. Долина Вунгъ-Чонгъ представляла въ эти дни необыкновенно оживленную, пеструю картину; шумъ и гамъ стоялъ невообразимый: одинъ другому предлагалъ держать пари за извѣстную лошадь, пари, доходящее у богатыхъ людей до нѣсколькихъ тысячъ долларовъ. Ристалище обозначалось на зеленѣющей долинѣ громаднымъ оваломъ, окруженнымъ величественными гранитными горами; вокругъ устроены были павильоны для зрителей, причемъ они подраздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ группъ: въ одномъ мѣстѣ стояли павильоны высшей гонъ-конгской аристократіи, въ другомъ —для купцовъ и жителей средняго сословія, дальше для китайцевъ, гебровъ, индусовъ

и парсовъ; словомъ, каждая каста, каждая народность имѣла свое особенное помѣщеніе. Мы, какъ иностранные гости, получили лучшія мѣста и притомъ безплатно; богатые люди, кромѣ павильона, имъ предназначеннаго, раскинули еще въ живописномъ безпорядкѣ роскошныя палатки, въ которыхъ устраивались у нихъ въ антрактахъ хорошія закуски и отличныя выпивки. Къ услугамъ менѣе зажиточныхъ людей сновали среди толпы китайскіе разносщики со всевозможными яствами и сластями; тутъ вы можете встрѣтить китайцевъ со множествомъ распластанныхъ, вяленыхъ утокъ, нанизанныхъ на тонкую жердь, съ китайскими сластями и вареньями, съ фруктами, и наконецъ цѣлыя артели кухмистеровъ, зазывающихъ публику барабаниньемъ палочкою въ деревянную тарелку, эмблему ихъ искусства и производства.

Передъ скачками всѣмъ зрителямъ роздали программы, въ которыхъ перечислены были всѣ гоняющіеся, но не по фамиліямъ, а по костюму, напримѣръ: красная рубашка и черная шапка, голубая рубашка съ сѣрою шляпою и такъ далѣе. Такимъ образомъ слѣдить за скачькою было чрезвычайно легко; желавшіе держать за кого нибудь пари записывали свои фамиліи противъ соотвѣтствующей костюмировки и отдавали программы распорядителямъ! Скачки продолжались въ продолженіе трехъ дней; онѣ начинались обыкновенно въ первомъ часу и кончались въ шесть; каждый бѣгъ совершался не болѣе какъ въ двѣ минуты; въ продолжительные антракты играла англійская военная музыка. Въ скачкахъ участвовали и китайцы, которые, заразившись отъ англичанъ, держали также довольно крупныя пари.

Во время бѣга съ препятствіями случилось два паденія, но оба удачныя, при чемъ одна изъ лошадей, потерявъ сѣдока, продолжала гонку, перегнала всѣхъ и уже была близка къ призовому столбу, какъ вдругъ съ чего-то раздумала дальше бѣжать и преспокойно вернулась къ своему господину. Такимъ образомъ она лишилась вполнѣ ею заслуженнаго приза, но все-таки возбудила къ себѣ общее сочувствіе. Во время самой скачки десятки тысячъ зрителей почти не дышали: съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за всѣми случайностями бѣга; но какъ только призы взяты,—долина принимала необыкновенно оживленный видъ; вся публика немедленно расходилась въ разныя стороны: люди богатые располагались въ своихъ палаткахъ, гдѣ закусывали и пили, при громѣ музыки, въ честь побѣдителей; а люди побѣднѣе разсаживались прямо на травѣ, гдѣ попало, и, образовавъ множество самыхъ разнообразныхъ, пестрыхъ и характеристическихъ группъ, напол-

няли свои желудки разными подозрительными явствами, приготовляемыми, на скорую руку, бродячими кухмистерами.

Время на скачкахъ мы провели необыкновенно весело, да и вообще Гонъ-Конгъ доставилъ намъ, въ продолженiи почти трехмѣсячной стоянки, не мало развлеченiй, за что мы ему премного благодарны и никогда его не забудемъ.

16 декабря 1873 года, мы проводили корветъ «Витязь» на родину; сколько было ему пожеланiй, сколько сердецъ сжалось отъ невыразимаго ощущенiя, отъ досады, что имъ долго еще не биться на дорогой родинѣ, въ кругу давно ожидающихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ. Проводы были торжественные, вполнѣ соотвѣтствующiе такому важному, дорогому для витязанъ событiю; грустно стало у многихъ на душѣ, когда «Витязь», при неумолкаемомъ «ура» разбѣжавшихся по вантамъ матросовъ и торжественномъ «Боже Царя храни», проходилъ гордо мимо судовъ, салютовалъ флагомъ и какъ бы прощался съ оставшимися на чужбинѣ изгнанниками.... Прощай, Витязь, Богъ дастъ и мы будемъ когда нибудь на родинѣ, которую такъ ждетъ каждое сердце, о которой всѣ думаютъ и вспоминаютъ почти каждый день!... Прощай, дай Богъ счастливаго плаванiя; дай богъ скорѣе войти въ родныя для тебя воды!

М.

ГЛАВА XXII.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ БАНГКОКѢ.

Городъ Пакнамъ.—Рѣка Менамъ.—Непріятные сосѣди.—Бангкокскіе храмы.—Первая аудіенція у сіамскаго короля. — Королевская пагода. — Сіамскій театръ.—Вторая аудіенція у сіамскаго короля.— Священные слоны.—Возвращеніе на «Аскольдъ».—Жители и костюмы.

12 февраля, 1874 года, корветъ «Аскольдъ» снялся съ якоря съ гонъ-конгскаго рейда для слѣдованія въ Бангкокъ, столицу Сіамскаго королевства; переходъ былъ вполнѣ удачный: сперва штили, затѣмъ маловѣтріе отъ востока; но какъ только проплыли группы острововъ Лема и достаточно удалились отъ берега, подулъ свѣжій сѣверный муссонъ, который довелъ корветъ, при десяти узлахъ ходу, до самой южной оконечности Кохинхины. Здѣсь вѣтеръ сталъ стихать и отходить къ юго-востоку, а къ 21 февраля онъ совершенно стихъ и заставилъ насъ развести пары, но не надолго, такъ какъ мы были уже близки къ цѣли нашего путешествія. Духота наступила невыносимая; солнце пекло такъ, что казалось хотѣло сжечь весь корветъ; сверху съ такелажа капала смола; палуба раскалилась до такой степени, что по ней положительно нельзя было ходить. . . . .

22 февраля прибылъ къ намъ на корветъ лоцманъ, родомъ баварецъ, который долженъ былъ поставить насъ на якорь, на внѣшнемъ бангкокскомъ рейдѣ, въ девяти миляхъ отъ берега, такъ какъ «Аскольдъ» не могъ перейти бара, находящагося передъ рѣкою Менамъ, и стать на якорь на внутреннемъ рейдѣ. Прежде чѣмъ вести корветъ къ мѣсту якорной стоянки, лоцману пришлось отвѣчать на массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые положительно сыпались на него со всѣхъ

сторонъ; всѣмъ хотѣлось, какъ можно скорѣе, разузнать, вывѣдать что нибудь о новомъ городѣ, его развлеченiяхъ, а главное о его прекрасномъ населенiи. Баварецъ бойко отвѣчалъ на всѣ задаваемые ему вопросы и притомъ, какъ послѣ оказалось, немилосердно вралъ и преувеличивалъ; но, тѣмъ не менѣе, мы съ жадностью слушали отъ него бангкокскiя новости, и ждали съ нетерпѣнiемъ того момента, когда намъ самимъ придется все увидѣть и испытать. . . . .

Лоцманъ поставилъ насъ на якорь при устьѣ рѣки Менамъ, въ тридцати пяти миляхъ отъ Бангкока и въ девяти отъ берега, который выяснялся на горизонтѣ едва замѣтною полосою. Такая отдаленность берега показалась намъ необыкновенно странною, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы становились на якорѣ почти у самаго берега; но ближе подходить было уже нельзя, такъ какъ лотъ показывалъ всего только пять сажень глубины. На рейдѣ стояло четыре купеческихъ судна и лоцманскiй ботъ; такимъ образомъ, обществомъ похвалиться мы не могли, и внѣшнiй рейдъ вообще имѣлъ видъ очень печальный и скромный.

На слѣдующiй день былъ отправленъ въ городъ нашъ ревизоръ, съ цѣлiю разузнать на счетъ провизiи и, между прочимъ, сообщить германскому консулу Вернеръ-фонъ-Бергену (такъ какъ нашего консула здѣсь нѣтъ) о желанiи адмирала осмотрѣть городъ. Сiамское правительство, получивъ заявленiе Вернеръ-фонъ-Бергена и зная, что корветъ «Аскольдъ» не можетъ перейти бара рѣки Менамъ, немедленно выслало въ распоряженiе нашего адмирала небольшую, старую, паровую яхту, на которой прибыли: губернаторъ провинцiи Пакнамъ и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которые привезли отъ сiамскаго правительства адмиралу приглашенiе посѣтить городъ и быть, все время пребыванiя въ Бангкокѣ, гостемъ его величества сiамскаго короля; затѣмъ пакнамскiй губернаторъ заявилъ, что его величество, король сiамскiй, очень радъ приходу русскаго военнаго судна и очень сожалѣетъ, что до сихъ поръ не имѣлъ съ Россiею никакихъ офицiальныхъ сношенiй.

25 февраля, корветъ «Аскольдъ» поднялъ нацiональный сiамскiй флагъ и отсалютовалъ въ честь сiамской нацiи двадцать однимъ выстрѣломъ; затѣмъ адмиралъ, въ сопровожденiи офицеровъ составлявшихъ его свиту, и пакнамскаго губернатора, пересѣлъ на яхту, которая, снявшись съ якоря, пошла по направленiю рѣки Менамъ. При съѣздѣ съ Аскольда пакнамскаго губернатора отсалютовали еще пятьнадцатью выстрѣлами, и, такимъ образомъ, всѣмъ воздана была должная почесть; пройдя баръ, мы вошли въ устье рѣки Менамъ; справа и слѣ-

ва потянулись низменные берега, густо заросшіе кустарникомъ, сквозь роскошную зелень котораго иногда можно было замѣтить какія-то степи, тянущіяся на довольно значительное разстояніе. Окасалось, что это были сіамскія укрѣпленія, защищающія входъ въ рѣку; въ былое время ни одно судно не могло войти въ Менамъ раньше, чѣмъ не сниметъ всѣхъ своихъ орудій и не сдастъ порохъ и снаряды; въ настоящее же время эта долгая процедура уничтожена, и каждое военное и купеческое судно, желающее пройти на внутренній бангкокскій рейдъ, обязано только сдать весь грузъ пороха; сдача эта обыкновенно производится въ Пакнамѣ, небольшомъ городѣ съ крѣпостію, лежащемъ недалеко отъ устья рѣки Менамъ.

Мы подошли къ Пакнаму около часу пополудни и стали на якорь; немедленно отвалила отъ крѣпости шлюпка и подошла къ нашей яхтѣ; пакнамскій губернаторъ передалъ на нее нашъ флагъ, и объявилъ, что сейчасъ будетъ салютъ русской націи и адмиралу, отвѣтъ на салютъ, произведенный съ корвета «Аскольдъ». Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, съ крѣпостнаго флагштока, былъ спущенъ сіамскій флагъ, съ изображеніемъ бѣлаго слона на красномъ полѣ; вмѣсто него поднялся нашъ, и крѣпостца, скрывшись въ пороховомъ дымѣ, загремѣла изъ своихъ небольшихъ орудій законнымъ числомъ выстрѣловъ въ честь русской націи и адмирала. Послѣ салюта мы немедленно снялись съ якоря и пошли вверхъ по рѣкѣ Менамъ; тянувшіеся мимо насъ низменные берега хотя и были покрыты роскошною тропическою растительностью, вѣяли какимъ-то, скоро наскучающимъ однообразіемъ; среди густой зелени, прижимаясь къ рѣкѣ, виднѣлись туземныя, бамбуковыя хижины, съ остроконечными крышами, построенныя на сваяхъ или просто на плотахъ; вокругъ каждой хижины шли небольшія терассы, прикрытыя разноцвѣтными соломенными цыновками. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ Бангкоку, тѣмъ берега рѣки становятся все оживленнѣе; вотъ потянулись паровыя лѣсопильни, рисовыя мельницы, склады строеваго лѣса, доки, какіе-то казенные магазины и тому подобныя постройки сіамскаго порта. . . Наконецъ, показались, черезъ вершины кокосовыхъ пальмъ, высокіе шпицы и минареты Бангкока; еще нѣсколько поворотовъ по извилистой рѣкѣ—и глазамъ нашимъ представилась величественная картина: передъ нами разстилалась во всей своей прелести столица Сіамскаго королевства, азіятская Венеція; зубчатыя стѣны, бѣлыя башни придавали ей какой то фантастическій видъ; сотни пагодъ простирали къ небу свои золоченные шпицы, свои дивные купола, облитые фаянсомъ и сіяющіе хрусталемъ и затѣйливыми гла-

зурными украшеніями. . . . . Берега рѣки сплошь были покрыты тысячами пловучихъ домовъ, расположенныхъ въ рядъ, оригинальныя крыши которыхъ какъ нарочно были выведены въ одну линію; туземное населеніе въ своихъ яркихъ одеждахъ сновало по рѣкѣ, на маленькихъ челнокахъ, и еще больше разнообразило дивную картину. . . . По срединѣ рѣки стояло нѣсколько десятковъ купеческихъ судовъ разныхъ національностей, но больше англійскихъ и американскихъ; среди ихъ гордо красовались военныя сіамскія суда, совершенно европейской конструкціи. . . . . .

Въ Бангкокѣ адмиралу былъ приготовленъ красивый домъ, построенный на сваяхъ, въ которомъ оказалось одно большое зало, столовая и нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ для сопровождавшихъ его офицеровъ; сіамское правительство, повидимому, всѣми силами старалось доставить своимъ гостямъ всевозможныя удобства; къ ихъ услугамъ были шлюбки съ королевскими гребцами, экипажи и, наконецъ, чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ, которые должны были служить намъ переводчиками и показывать всѣ достопримѣчательности города; чиновники эти обыкновенно назначались только къ высокимъ иностраннымъ гостямъ, и подобная любезность со стороны сіамскаго правительства еще больше показывала, что мы для него гости довольно пріятные.

Какъ только ввели насъ въ отведенный намъ домъ, мы были немедленно приглашены въ зало, гдѣ придворный спикеръ объявилъ намъ, что сіамское правительство отдаетъ домъ въ наше полное распоряженіе и проситъ себя ничѣмъ не стѣснять; затѣмъ насъ всѣхъ размѣстили по комнатамъ, и угостили отличнымъ джиномъ, приготовленнымъ на англійскій манеръ; сервировка, присланная для нашего употребленія изъ королевскихъ запасовъ, была превосходная; столъ былъ украшенъ прекрасными тропическими цвѣтами, разставленными съ необыкновеннымъ вкусомъ и умѣніемъ. . . . .

Было уже поздно, когда всѣ разошлись отъ ужина, а потому каждый и поспѣшилъ немного отдохнуть; но, по правдѣ сказать, отдыхъ былъ не очень пріятенъ: домъ, построенный для тропическаго климата, безъ потолка, хотя и представлялъ съ отворенными на всю ночь дверьми и окнами довольно прохладное убѣжище, но непріятныя отвратительныя ящерицы, всевозможныхъ породъ и видовъ, ползающія по стѣнамъ, полу и даже постели, долгое время не позволяли намъ заснуть и дѣлали сонъ нашъ очень тревожнымъ. Хотя сознаешь вполнѣ, что животныя эти совершенно безвредны, но все таки непріятно проснуться и

вдругъ увидѣть, чуть ли ни у себя на носу, какую нибудь зеленую, желтую или бурую ящерицу, необращающую на васъ положительно никакого вниманія. Только, что вы отгоните непріятное животное и заснете, какъ чувствуете во снѣ, что къ вашему лицу, открытой груди или рукѣ прикасается что-то холодное, скользкое, отвратительное; просыпаетесь—опять ящерица, еще больше, отвратительнѣе и сквернѣе; невольно вскакиваете съ постели, а ящерицы и слѣдъ простылъ. Трудно привыкнуть къ подобнымъ непріятнымъ сосѣдямъ, но все-таки привыкнуть современемъ можно, что подтверждаютъ собою туземные жители, которые на ящерицъ, доходящихъ иногда до весьма порядочной величины, обращаютъ столько же вниманія, сколько мы обращаемъ у себя вниманіе на таракана, клопа или жука, случайно забредшаго въ наши комнаты. . . .

Всѣ мѣстныя ящерицы, удивительно быстро размножающіяся на низменной болотистой мѣстности, на которой раскинулся Бангкокъ, совершенно безвредны, безвреднѣе нашей мухи или таракана, которые иногда весьма непріятно кусаются; ящерицы же никогда не кусаются, и всѣми силами, по видимому, стараются жить съ людьми въ полномъ мирѣ и согласіи. . . . .

Благодаря ящерицамъ, ночь для нѣкоторыхъ, немогущихъ слишкомъ скоро свыкнуться съ этими непріятными животными, прошла довольно безпокойно. Утромъ, 26 февраля, напившись чаю и немного закусивъ, адмиралъ отправился съ визитами къ разнымъ сіамскимъ сановникамъ; его сопровождалъ германскій консулъ Вернеръ-фонъ-Бергенъ и одинъ изъ приставленныхъ къ намъ чиновниковъ, человѣкъ весьма предупредительный и услужливый, очень хорошо говорящій по англійски; онъ былъ одѣтъ, по случаю предстоящихъ визитовъ, въ черный фракъ, въ петлицѣ котораго болталось нѣсколько европейскихъ орденовъ; европейскія же брюки онъ рѣшилъ лучше замѣнить, по случаю нестерпимой жары, своимъ національнымъ костюмомъ, то есть обвернулъ попросту свои ноги въ синюю, весьма, легкую матерію. Странно было видѣть человѣка въ полуевропейскомъ и полусіамскомъ костюмѣ, но дѣлать было нечего: такая уже тутъ мода, а къ модѣ, извѣстно, надо привыкать. . . .

Въ этотъ день адмиралъ сдѣлалъ визитъ тремъ министрамъ (иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому), регенту и первому королевскому секретарю; всѣ эти чиновники живутъ совершенно на европейскій ладъ; дома ихъ украшены бронзою дорогими коврами и роскошною мебелью; всюду адмирала принимали съ большимъ почетомъ и угощали

превосходнымъ чаемъ и папиросами изъ сіамскаго табаку [1]. Въ этихъ офиціальныхъ визитахъ время протекло незамѣтно до самаго завтрака, послѣ котораго адмиралъ отправился, въ сопровожденіи того-же германскаго консула, чиновника Лонгъ-Байса и своей свиты, осматривать бангкокскія пагоды. Всѣ бангкокскіе храмы расположены въ одномъ мѣстѣ и обнесены высокою каменною стѣною, а потому и осмотрѣть ихъ не представляло особеннаго труда. Это священное мѣсто имѣетъ видъ какого-то фантастическаго города, съ массою вздымающихся къ небу разноцвѣтныхъ куполовъ, шпицевъ и башенъ; при солнечныхъ лучахъ картина по-истинѣ ослѣпительная! Самая грандіозная изъ пагодъ лежитъ почти на самомъ берегу рѣки Менамъ; ее окружаетъ небольшой, зеленѣющій лѣсокъ; она состоитъ изъ множества причудливыхъ башенокъ, которыя вѣнчаются роскошнымъ центральнымъ шпицемъ, въ 300 футовъ вишины, поддерживаемымъ хоботами трехъ громадныхъ бѣлыхъ слоновъ. При солнечныхъ лучахъ храмъ этотъ представлялъ ослѣпительную массу: разноцвѣтная эмаль, фаянсъ, украшенный множествомъ роскошныхъ розетокъ, придаетъ этой пагодѣ фантастическій, дивный видъ; кажется, что она собрана изъ разноцвѣтныхъ камней, блестящихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. . . .

Всѣ храмы непремѣнно посвящены Буддѣ—божеству, высокочтимому сіамцами; куда ни взглянешь—всюду Будда, во всѣхъ видахъ, положеніяхъ и всевозможныхъ размѣровъ: тутъ Будда лежащій, тамъ сидящій, стоящій, благословяющій и т. д. При входѣ въ пагоду стоятъ непремѣнно такъ называемые геніи, охранители священнаго мѣста; эти геніи представлены въ видѣ самыхъ разнообразныхъ, исполинскихъ чудовищъ съ звѣрскими безобразными лицами, съ открытыми ртами, изъ которыхъ непремѣнно торчатъ страшные клыки. Но, къ удивленію нашему, мы замѣтили передъ одною пагодою вмѣсто обыкновенныхъ геніевъ охранителей, двухъ голландцевъ, передъ другою—какихъ-то штатскихъ въ цилиндрахъ и съ тросточками въ рукахъ, а передъ третьею двухъ солдатъ съ обнаженными саблями. Какія обстоятельства понудили сіамцевъ присоединить всѣхъ вышеприведенныхъ субъектовъ къ своимъ геніямъ охранителямъ, добиться было нельзя, и намъ положительно никто не могъ объяснить откуда появились, среди страшныхъ чудовищъ, эти обыкновенныя для насъ фигуры. . . .

---

[1]) Чай и папиросы считаются у сіамцевъ первымъ угощеніемъ все равно, что у насъ вина и закуска; отказаться отъ этого угощенія—это прямо обидѣть гостепріимство хозяевъ.

*

Различныя изображенія на стѣнахъ пагодъ тоже возбудили наше любопытство, потому что зачастую видишь, рядомъ съ картиною изъ жизни божественнаго Будды или изъ мученій ада, виды европейскихъ эскадръ, атаки англичанъ какихъ нибудь китайскихъ укрѣпленій, какое нибудь сраженіе и тому подобное, нисколько не относящееся къ религіи. Изъ всего этого можно заключить, что сіамцы вообще не слишкомъ религіозно относятся къ своему божеству и имъ положительно все равно,—видятъ ли они передъ собою Будду во всѣхъ его видахъ и положеніяхъ, или какое нибудь другое изображеніе, далеко не похожее на этого великаго мужа. Вообще сіамскіе храмы можно причислить скорѣе къ какимъ нибудь хранилищамъ, музеумамъ, въ которыхъ собраны не только туземныя рѣдкости и богатства, но даже ветошь и хламъ, собранный Богъ вѣстъ гдѣ и когда. Сіамцы хотя и хвалятся своею религіею, хотя и хвалятся тѣмъ, что среди нихъ нѣтъ ни одного христіанина, но, тѣмъ не менѣе, они ее положительно не уважаютъ, что можно заключить изъ вышеприведеннаго описанія; во всѣхъ храмахъ показалось мнѣ довольно грязно для такого священнаго мѣста; служба бонзами совершалась какъ-то на отмашь, разсѣянно, только бы съ плечъ долой; а молельщики были заняты скорѣе жеваніемъ и куреніемъ бетеля, чѣмъ вознесеніемъ молитвъ къ своему божеству. Вообще нерелигіозное настроеніе молельщиковъ произвело на насъ весьма непріятное впечатленіе: странно, дико было видѣть какой-то базаръ вмѣсто божественной службы, жеваніе и куреніе бетеля вмѣсто молитвъ, неумѣстную болтовню и шумъ вмѣсто должной благопристойности и религіозности!..

Изо всѣхъ храмовъ, по внутреннему украшенію, обратилъ наше вниманіе храмъ возлежащаго Будды. Прежде всего мы увидѣли цѣлую массу разныхъ чудовищъ изъ инкрустованнаго мрамора: тутъ были трехголовыя слоны, крылатые крокодилы, полутигры-полузмѣи и тому подобные диковинки фантазіи сіамскаго воображенія; но что ждало насъ впереди—положительно трудно было даже себѣ представить. Мы вошли въ роскошную колоннаду изъ тиковаго дерева и были поражены громоздящеюся передъ нами золотою массою; съ перваго раза трудно было разобрать, что за новое чудовище возвышается передъ нашими глазами; но, не много всмотрѣвшись, можно было замѣтить въ этомъ чудовищѣ человѣческія формы и, въ концѣ концовъ, видимъ передъ собою гигантскаго золотаго Будду, лежащаго на правомъ боку, головою къ выходу изъ пагоды; правая рука божества подпираетъ голову, а лѣвая — лежитъ вдоль бедра. Глаза у Будды серебряные, губы изъ розовой эмали а на головѣ роскошная золотая корона, украшенная драгоцѣнными ка-

меньями; размѣры его по-истинѣ изумительные: длина 160 футъ, а высота—35 футъ. Въ ноздряхъ этого чудовищнаго произведенія легко можно спрятаться человѣку; одинъ ноготь божества равняется человѣческому росту; словомъ, страшно даже сравнивать себя съ этимъ исполинскимъ Буддою, составляющимъ величайшую гордость сіамцевъ. Никогда и нигдѣ религія не украшалась подобными несмѣтными богатствами: одѣяніе Будды, отлитое изъ чистаго золота, стоитъ милліоны рублей; самъ же онъ сдѣланъ изъ камня, обложеннаго мѣдью и представляетъ величайшее изображеніе одушевленнаго предмета въ мірѣ. Будда лежитъ на высокомъ (около шести футъ) пьедесталѣ и почти подпираетъ собою крышу храма, кругомъ его оставленъ не широкій проходъ, въ которомъ во всякое время вы можете видѣть молельщиковъ, возносящихъ къ величественному Буддѣ свои молитвы вмѣстѣ съ бетелемъ и плевками... Отдѣлка храма необыкновенно роскошная: всѣ двери и ставни оконъ сдѣланы изъ прекраснаго чернаго дерева, изукрашеннаго превосходною перламутровою инкрустаціею. Трудно описать величественность этой замѣчательной пагоды, гдѣ сіамская святыня положительно раздавила насъ своею страшною массою и богатствомъ; солнечные лучи, проникая черезъ окна, играли и отражались отъ драгоцѣннаго металла, ярко выдѣляя эту поражающую массу изъ общаго таинственнаго полумрака. Интересно было бы знать, сколько человѣческихъ трудовъ и усилій, сколько денегъ положено на созданіе этой замѣчательной громады, этого чудовищнаго произведенія сіамскаго воображенія?!...

Осмотрѣвъ храмы, мы переправились на другую сторону рѣки Менамъ, съ цѣлію посѣтить расположенный тамъ буддистскій монастырь; на берегу прежде всего бросились намъ въ глаза туземные монахи, съ выбритыми головами и бровями, одѣтые въ какія-то римскія тоги шафраннаго цвѣта. Каждый изъ монаховъ держалъ въ одной рукѣ желѣзный жезлъ, а въ другой—большое опахало изъ пальмовыхъ листьевъ—знаки ихъ священной обязанности...

Монахи вообще очень почитаемы сіамцами, и хотя подчинены весьма строгимъ правиламъ монастырской жизни, но грѣшатъ больше всякаго обыкновеннаго смертнаго, потому что правила эти положительно нелѣпы, и они приносятъ монахамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и пріучаютъ ихъ къ лѣни, невоздержанности и неумѣренности. Приведу для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Монахами не разрѣшается ѣсть мясо и пить вино (а приносить

божеству эти продукты не запрещается, чѣмъ монахи конечно пользуются).

2) Обработывать землю считается большимъ грѣхомъ, такъ какъ во время вспашки можно умертвить нечаянно какого-нибудь жучка или червяка; а жизнь животныхъ должна быть неприкосновенна, потому что они олицетворяютъ собою переродившуюся душу какого-нибудь человѣка.

3) Монахи должны жить милостынею, а не трудомъ, не варить рисъ, такъ какъ въ немъ есть зародышъ жизни.

4) На кобылахъ и ослицахъ ѣздить строго воспрещается.

5) Если монахъ увидитъ во снѣ молодую дѣвушку, то это считается самымъ страшнымъ грѣхомъ, за который Будда наказываетъ чрезвычайно строго; чтобы избѣгнуть этого наказанія, монахъ долженъ принести публичное покаяніе.

6) Монахамъ слѣдуетъ избѣгать женщинъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ подаютъ имъ ѣсть.

Каждый день монахи отправляются собирать подаянія. Быстро наполняютъ они свои корзины и чаши добровольными приношеніями и пожертвованіями, затѣмъ приносятъ все это въ храмъ и поѣдаютъ съ удивительнымъ обжорствомъ; кромѣ того, истинно вѣрующіе сами приносятъ въ храмъ самыя лучшіе кушанья и напитки, и ставятъ ихъ передъ своимъ божественнымъ Буддою; конечно божество ихъ ничего не попробуетъ, но монахи за его здоровье истребятъ все до тла.

По сіамскимъ законамъ, всѣ безъ исключенія должны побывать опредѣленное время въ монашескомъ званіи, между 20 и 21 годомъ; даже король не можетъ избѣжать этой участи и тоже нѣсколько недѣль живетъ въ монастырѣ, вполнѣ подчиняясь уставу монастырской жизни. На это время со всѣхъ снимаются всѣ почести, чины и свѣтское ихъ званіе, а король лишается престола и власти; послѣ окончанія искуса всѣ занимаютъ предоставленныя имъ прежде должности, а король вторично коронуется...

Въ монастырѣ мы зашли осмотрѣть находящуюся здѣсь роскошную пагоду, построенную пирамидально; во внутреннихъ колоннадахъ храма стояло до сотни алтарей, въ большомъ количествѣ украшенныхъ золотыми, серебряными, порфировыми, мѣдными и каменными статуэтками Будды во всѣхъ видахъ и положеніяхъ; главное же изображеніе божества помѣщалось совершенно отдѣльно. Въ святилище это вела изъ храма громадная, прекрасная дверь изъ чернаго дерева, роскошно инкрустованнаго разноцвѣтнымъ перламутромъ. Войдя въ святилище, мы были поражены величіемъ открывшейся нашимъ глазамъ картины; передъ

нами сидѣлъ, на высокомъ пьедесталѣ, въ 45 футъ вышины, Будда со скрещенными ногами, въ остроконечной золотой короне на головѣ; божество это было по крайней мѣрѣ сорока футъ вышины, такъ что общая масса достигала до девяносто пяти футъ и представляла по-истинѣ величественную картину. Будда помѣщался подъ высокой, пяти-этажною крышею, покрытою голубою, желтою и зеленою черепицею; вокругъ него висѣли большія бронзовыя чаши, въ которыхъ горѣло ароматическое масло; стѣны пагоды были украшены разными доспѣхами, роскошными фресками и картинами. Солнечные лучи, проникая черезъ слуховыя окна гигантской крыши, придавали общей картинѣ необыкновенно эффектный и торжественный видъ; нѣсколько десятковъ бонзъ неистово били въ гонги и производили такой непріятный, оглушающій шумъ, что намъ, новичкамъ, показалось въ храмѣ очень жутко, почему мы и поспѣшили вонъ.

По выходѣ изъ пагоды, намъ предложено было нашими провожатыми взобраться на пирамидальную крышу храма, откуда долженъ былъ, по ихъ словамъ, открыться хорошій видъ на городъ и его окрестности. Обѣщаніе нашихъ провожатыхъ вполнѣ оправдалось; Бангкокъ лежалъ передъ нами, какъ на ладони; его небольшіе дома тонули въ густой, тропической зелени, изъ которой виднѣлись только ихъ сѣренькія, соломенныя крыши; рѣка Менамъ, извиваясь между роскошными берегами, тянулась передъ нами блестящею лентою, испещренною темными пятнами, происходящими отъ множества сновавшихъ вверхъ и внизъ пирогъ...

Собственно городъ не представлялъ слишкомъ большаго разнообразія, но за то мѣстность, занятая храмами и дворцами, имѣла необыкновенно оживленный, оригинальный и роскошный видъ: болѣе тридцати пагодъ вздымали къ небу сотни фаянсовыхъ шпицевъ, башенъ и колоколенъ, переливающихся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; казалось, видишь передъ собою какой-то сказочный городъ изъ «Тысяча одной ночи!..»

Монастыремъ мы окончили свою прогулку, такъ какъ на слѣдующій день намъ предстояло имѣть аудіенцію у сіамскаго короля, а къ ней необходимо было приготовиться... Аудіенція была назначена въ 4 часа пополудни, а потому, не желая тратить даромъ времени, адмиралъ посвятилъ все утро осмотру бангкокскаго адмиралтейства, которое намъ показывалъ доковый адмиралъ (dock-admiral), сіамецъ, получившій образованіе въ Англіи; осматривать пришлось немного, такъ какъ портовыхъ учрежденій здѣсь очень ограниченное число, а потому осмотръ

нашъ окончился скоро. Нѣсколько сараевъ, предназначенныхъ для склада разныхъ судовыхъ вещей и лѣса, маленькая кузница, кранъ и два дока: — вотъ всѣ постройки сіамскаго адмиралтейства; вообще, общій видъ его былъ очень непривлекателенъ; въ кучахъ разнаго мусора и хлама валялись старыя чугунныя пушки, развалившіеся станки, дырявые котлы, трубы и наконецъ, только-что привезенныя изъ Англіи орудія Армстронга. Все это было перемѣшано и сложено безъ всякаго порядка и никто, кажется, особенно не заботился о сохраненіи всѣхъ этихъ вещей и матеріаловъ. Вообще Бангкокское адмиралтейство находится въ младенческомъ состояніи и много еще надо будетъ потратить сіамскому правительству денегъ, чтобы сдѣлать изъ него что-нибудь путное, достойное вниманія... Сіамскій военный флотъ состоитъ въ настоящее время изъ двухъ корветовъ, трехъ канонирскихъ лодокъ и трехъ шхунъ; кромѣ того, скоро будетъ готовъ еще одинъ корветъ, а затѣмъ намѣреваются приступить къ постройкѣ двухъ броненосныхъ канонирскихъ лодокъ съ опускающимися въ трюмъ орудіями. Корветы, какъ главныя боевыя суда, вооружены двумя нарѣзными, заряжающимися съ казенной чати, орудіями, сорока-фунтовыми армстроновскими и тридцати-шести фунтовыми гладкостѣнными пушками; команда ихъ снабжена скорострѣльными ружьями системы Снайдера, принятой на англійскихъ военныхъ судахъ. Кромѣ этихъ судовъ, нужно упомянуть еще о двухъ колесныхъ яхтахъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ регенту, а другая — королю; корпуса почти всѣхъ этихъ судовъ строились въ бангкокскихъ доках туземными мастеровыми, а скрѣпленіе, машины и вооруженіе выписывались изъ Англіи и Франціи. Окончивъ осмотръ адмиралтейства, мы вернулись въ отведенное намъ помѣщеніе, позавтракали и начали собираться къ предстоящей аудіенціи нашего адмирала съ его величествомъ, сіамскимъ королемъ...

Одѣвшись, мы усѣлись на королевскія шлюбки, отданныя въ наше распоряженіе, и, въ сопровожденіи германскаго консула, переводчика и королевскаго чиновника, отправились въ старый городъ, въ которомъ находятся королевскіе дворцы, обнесенные высокою, каменною стѣною. Гребцы наши, все сіамцы, одѣтые въ синія брюки и куртки, обшитыя широкою красною тесьмою, лихо подкатили насъ къ городской пристани, на которой встрѣтили адмирала четыре камергера сіамскаго короля, главный судья, пакнамскій губернаторъ и почетный караулъ со знаменемъ. По выходѣ на берегъ, адмиралъ былъ приглашенъ въ такъ называемый международный домъ, въ которомъ обыкновенно принимаются, передъ королевскою аудіенціею, всѣ иностранные послы и гости.

Здѣсь всѣхъ угостили, по сіамскому обычаю, чаемъ, во время котораго полевая артиллерія отсалютовала адмиралу съ пристани пятнадцатью выстрѣлами; послѣ чая насъ усадили въ придворныя коляски, запряженныя прекрасными рослыми лошадьми австралійской породы, въ англійской упряжи; при каждомъ экипажѣ находилось по два кучера и лакея; послѣдніе стояли на запяткахъ и были одѣты въ англійскія куртки и узкія брюки съ золотыми позументами. До дворца было не болѣе двухъ верстъ; чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ нему, тѣмъ окружающая насъ мѣстность становилась все многолюднѣе и оживленнѣе; множество носилокъ [1]), тянулось по одному съ нами направленію, поднося ко дворцу придворныхъ и военныхъ, долженствующихъ присутствовать при аудіенціи нашего адмирала съ сіамскимъ королемъ; массы полуодѣтаго народа толпились на всѣхъ углахъ и съ любопытствомъ посматривали на давно невиданныхъ гостей (первыя русскія суда—клиперъ Гайдамакъ и корветъ Новикъ посѣтили Сіамъ въ 1863 году). Подъѣхавъ къ мѣсту, занятому дворцами, мы были поражены роскошью поднимающихся передъ нами королевскихъ построекъ; высоко къ небу вздымался первый портикъ королевскаго жилища, построенный изъ роскошнаго бѣлаго камня; масса величественныхъ колоннъ поддерживала громадную капитель, состоящую изъ девяти, постепенно уменьшающихся, коронъ, наложенныхъ одна на другую, надъ которыми вздымался къ небу прекрасный шпицъ.

Короны и шпицъ были покрыты роскошною эмалью съ тысячами фарфоровыхъ розетокъ—красныхъ, голубыхъ, желтыхъ и зеленыхъ; зрѣлище было по-истинѣ восхитительное: казалось, по капители разбросаны были массы драгоцѣнныхъ камней, блистающихъ на солнцѣ самыми яркими цвѣтами! Съ каждой стороны портика прилегали жилища для священныхъ слоновъ; въ глубинѣ обширнаго двора виднѣлось главное зданіе дворца, глазуренная черепичная крыша котораго была ослѣпительнаго блеска. Края крыши были отдѣланы тонкою, изящною рѣзьбою, въ видѣ кружевъ, опускающихся совершенно вертикально; общая архитектура королевскаго помѣщенія была такъ причудлива, что невольно приходило въ голову, что видишь передъ собою зданія, перенесенныя сюда изъ сказочнаго міра.

---

[1]) Сіамскіе носилки состоятъ изъ широкой скамейки съ двумя амбуковыми жердями; при нихъ необходимы непремѣнно четыре носильщика и еще одинъ съ огромнымъ зонтикомъ, обязанность котораго прикрывать сидящаго въ носилкахъ отъ жгучихъ лучей тропическаго солнца. Сіамскіе носилки не такъ удобны какъ китайскіе паланкины.

На дворцовомъ дворѣ насъ встрѣтили два батальона сіамскаго войска со знаменемъ и музыкою; солдаты были одѣты совершенно по англійски и вооружены ружьями системы Снайдера.

Дворъ сіамскаго короля еще не собрался, а потому намъ пришлось немного подождать; насъ ввели въ прекрасное зало, гдѣ начали угощать, по обыкновенію, чаемъ, который подавалъ намъ главный экономъ короля, швейцарецъ, одѣтый въ изящный фракъ, бѣлый жилетъ и галстукъ. Между тѣмъ понемногу зало начало наполняться придворными и дворянами, имѣющими доступъ во дворецъ; всѣ были одѣты необыкновенно изящно: однобортные сюртуки европейскаго покроя красиво сидѣли на статныхъ сіамцахъ; кушаки, сплетенные изъ тонкой золотой цѣпи, съ пряжками, украшенными драгоцѣнными камнями, плотно обхватывали ихъ стройныя таліи; ноги, вмѣсто брюкъ, были обернуты въ легкія, синія, сіамскія шали и обуты въ синіе же чулки и башмаки съ пряжками, тоже украшенными у нѣкоторыхъ драгоцѣнными камнями. Головной уборъ ихъ состоялъ изъ легкой, шелковаго войлока, каски, на вершинѣ которой красовались остроконечныя сіамскія короны. Сюртуки ихъ были сшиты изъ легкой индѣйской золотой парчи, тканой на голубомъ, зеленомъ или красномъ фонѣ; такимъ образомъ, весь костюмъ придворныхъ и дворянъ былъ необыкновенно легокъ и совершенно соотвѣтствовалъ тропическому климату страны; военные отъ гражданскихъ лицъ отличались только тѣмъ, что были опаясаны саблями. Всѣ сіамцы производили чрезвычайно хорошее впечатлѣніе, но жаль только, что они до сихъ поръ не оставили свою скверную привычку жевать бетель, отъ котораго чернѣютъ зубы и уродуются десны: даже во дворцѣ они не могли пробыть безъ этого продукта, жевали и плевались точно на базарѣ...

Только что мы успѣли достаточно ознакомиться съ окружающими насъ лицами, какъ явился министръ иностранныхъ дѣлъ и предложилъ адмиралу отправиться въ тронное зало, на аудіенцію короля. Когда мы вошли въ зало, король, молодой красивый человѣкъ, одѣтый необыкновенно просто въ сравненіи съ окружающими его придворными, стоялъ передъ своимъ трономъ, поставленнымъ на небольшомъ возвышеніи; по правую его сторону помѣщалась военная свита короля, а по лѣвую — всѣ королевскіе принцы, одѣтые совершенно также, какъ и прочіе придворные, но только съ орденомъ Братской Короны на шеѣ. По сіамскому этикету, мы должны были при входѣ въ зало сдѣлать поклонъ королю, на срединѣ ея другой и передъ трономъ третій; сопровождавшіе насъ сіамцы остановились у дверей, въ почтительномъ разстояніи

отъ своего владыки. Послѣ форменнаго представленія, король обратился къ нашему адмиралу съ рѣчью, въ которой высказалъ свою надежду, что Сіамъ съ Россіею будетъ находиться въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ, какъ и съ остальными державами и что въ скоромъ будущемъ между ними подпишется трактатъ, который еще болѣе утвердитъ добрыя отношенія между двумя государствами. Послѣ этого король спросилъ о здоровьѣ адмирала и окружающихъ его лицъ и, кончивъ этимъ аудіенцію, вышелъ изъ зала....

Тронное зало было отдѣлано съ необыкновенною роскошью; поддерживаемое рядомъ высокихъ золоченыхъ колоннъ, оно глядѣло какъ-то величественно и гордо; его потолокъ былъ отдѣланъ золотомъ, полы украшены яркими, мягкими, дорогими, коврами.. На одной изъ стѣнъ, отдѣланныхъ подъ желтый мраморъ, противъ королевскаго трона, помѣщался огромный сіамскій гербъ, изображавшій трех-главаго слона; по правую сторону трона красовалась большая, масляная картина, представляющая первую аудіенцію сіамскихъ пословъ у королевы Викторіи.

Наша аудіенція продолжалась не болѣе десяти или пятнадцати минутъ; послѣ нея мы отправились, по приглашенію германскаго консула, осматривать королевскую пагоду, о баснословныхъ богатствахъ которой мы слышали и читали такъ много, что намъ очень хотѣлось все провѣрить собственными глазами. Насъ повели черезъ лабиринтъ фарфоровыхъ лѣстницъ, пестрыхъ, затѣйливыхъ башенокъ и многоэтажныхъ терассъ; но вотъ мы и передъ храмомъ; наружныя стѣны его были положительно залиты золотомъ, двери и ставни у оконъ были чернаго дерева, роскошно инкрустованнаго перламутромъ и серебромъ.

Передъ входомъ стояли геніи—охранители самаго разнообразнаго и ужаснаго вида, а рядомъ съ ними двѣ коровы (животныя очень уважаемыя сіамцами), вылитыя въ Европѣ изъ свинцу. Но что увидѣли мы внутри храма, то рѣшительно превосходило всѣ наши ожиданія: роскошь и драгоцѣнности положительно ослѣпили насъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, какъ невиданная нами рѣдкость, это Будда, помѣщенный на алтарѣ и сдѣланный изъ величайшаго въ свѣтѣ смарагда; онъ представленъ въ сидячемъ положеніи и имѣетъ два фута вышины и футъ ширины. Эта рѣдкость, взятая сіамцами съ бою у бирманцевъ, не имѣетъ цѣны и служитъ гордостью всего Сіамскаго королевства; внизу, передъ алтаремъ, помѣщались еще двѣ статуи Будды, величиной съ человѣческій ростъ и вылитыя изъ чистаго золота, въ дюймъ толщиною; онѣ представляютъ Будду благословляющаго, и роскошью своего одѣянія положительно соотвѣтствуютъ сидящему боже-

ству. Ладони рукъ ихъ обращены къ молящимся и въ каждой вставлено по огромному брильянту; все платье, короны, пояса и кольца были совершенно залиты драгоцѣнными каменьями лучшей воды: тутъ были брильянты, изумруды большой величины, сафиры, опалы, рубины, жемчугъ и т. д. Нельзя оторвать глазъ отъ этой массы драгоцѣнностей, и невольно приходитъ на умъ, откуда все это добыли?.. Весь алтарь былъ уставленъ, кромѣ того, множествомъ маленькихъ изображеній божества, осыпанныхъ также драгоцѣнными каменьями, разными дорогими индѣйскими вещицами и, между прочимъ двумя, большими деревьями, въ сажень вышиною, изъ которыхъ одно отлито изъ чистаго золота, и другое изъ серебра... Интересно было бы знать, сколько потрачено золота на отливку имѣющихся въ пагодѣ драгоцѣнностей?... Богатства королевской пагоды невольно заставляютъ обратить вниманіе на простоту и бѣдность бонзъ, которымъ ввѣрены эти неоцѣнимыя драгоцѣнности; они ходятъ среди раззолоченнаго храма въ такомъ бѣдномъ, нищенскомъ одѣяніи, что невольно хочется подать имъ мелкую монету...

Подробно осматривать всѣ королевскія постройки намъ было не въ могоду, такъ какъ жара стояла невыносимая, а мы одѣты были не потропическому; бросивъ бѣглый взглядъ на остальные храмы, памятники, обелиски и другія болѣе или менѣе замѣчательныя сооруженія, мы отправились къ германскому консулу, пригласившему насъ на парадный обѣдъ, данный въ честь нашего адмирала.

Въ такихъ офиціальныхъ прогулкахъ протекъ весь день, и мы съ большимъ удовольствіемъ вернулись наконецъ въ свое прохладное помѣщеніе, сбросили тяготившіе насъ мундиры, и легли отдохнуть...

Слѣдующій день мы провели также оффиціально, какъ и предъидущій; утромъ адмиралу дѣлали визиты всѣ сіамскіе сановники, а вечеромъ самъ онъ представлялся второму королю [1]). Представленіе это прошло безъ особеннаго церемоніала; король очень долго разговаривалъ съ адмираломъ, по домашнему, сидя вокругъ круглаго стола, разспрашивалъ объ Аскольдѣ, о русскихъ судахъ, плавающихъ въ китайскихъ водахъ, о русскомъ морозѣ, и вообще интересовался весьма многимъ, касающимся вооруженія нашей арміи и флота. Онъ хорошо говорилъ по-

[1]) Въ Сіамѣ всегда царствуютъ два короля; одинъ изъ нихъ управляетъ, а другой—только пользуется царскими почестями и государственными дѣлами не занимается; второй король обыкновенно выбирается изъ ближайшихъ родственниковъ штатнаго короля, имѣетъ свой дворецъ, придворныхъ, войско, и всѣ иностранные послы и гости должны представляться ему наровнѣ съ первымъ королемъ.

англійски, а потому весь разговоръ велся безъ переводчика; онъ оказался даже весьма образованнымъ человѣкомъ и показывалъ намъ карты Сіама собственной работы... Послѣ аудіенціи мы были приглашены сопутствующимъ насъ чиновникомъ въ индѣйскій частный театръ, который онъ содержалъ на собственный счетъ; чиновникъ этотъ оказался очень богатымъ человѣкомъ и жилъ въ роскошномъ пловучемъ домѣ, украшенномъ коврами, дорогими картинами и превосходными зеркалами. Театръ его тоже помѣщался на плоту, огороженномъ легкими жалюзи и прикрытомъ пальмовою крышею; всѣ актеры были женщины, набѣленныя и нарумяненныя до-нельзя; костюмы ихъ были необыкновенно роскошны, и по нимъ уже можно было судить, что нашъ гостепріимный хозяинъ богатъ какъ Крезъ.

Сюжетъ игранной передъ нами трагедіи заключался въ томъ, что короля похищаетъ всеразрушающая смерть; королева горько оплакиваетъ своего любимаго супруга, ищетъ средства возвратить его къ жизни и, наконецъ, при помощи какихъ-то чаръ, достигаетъ своей желанной цѣли, причемъ всѣ окружающіе выказываютъ самую неудержимую радость. Все представленіе шло самыми неграціозными пантомимами, актеры то и дѣло присѣдали, кланялись одинъ другому, разводили руками, какъ-то дико и неестественно выворачивали кисти рукъ и пялили другъ на друга свои глаза; во время игры пѣлъ женскій хоръ и играла весьма нестройная музыка: музыканты неистово били палочками, съ маленькими шариками на концѣ, въ бамбуковыя, мѣдныя и чугунныя пластинки.

Представленіе шло чресвычайно долго, и своимъ однообразіемъ начинало уже намъ пріѣдаться; значительно утомленные, мы наконецъ обратились къ хозяину съ вопросомъ, когда будетъ конецъ трагедіи; на это получили въ отвѣтъ, что актеры будутъ играть до тѣхъ поръ, пока гости не разойдутся, и даже, если представится надобность, цѣлую ночь. Все время любезный хозяинъ угощалъ насъ разными сіамскими сластями, преимущественно засахаренными фруктами и какими-то кореньями; ѣсть эти туземныя лакомства не было возможности: они были сильно жгучи и остры на вкусъ; приходилось ихъ пожевать только для виду, чтобы не обидѣть гостепріимнаго хозяина, и затѣмъ выбрать удобную минуту, чтобы все выплюнуть въ уголокъ. Мы просидѣли у нашего спутника до двѣнадцатаго часу...

На слѣдующій день адмиралъ завтракалъ у морскаго министра, обѣдалъ у министра иностранныхъ дѣлъ,—и наконецъ явился на частную аудіенцію къ первому королю. Король принялъ адмирала въ этотъ разъ

совершенно по домашнему, долго разговаривалъ съ нимъ, разспрашивалъ о русскомъ флотѣ, плавающемъ въ китайскихъ водахъ, и, въ концѣ концовъ, благодарилъ адмирала за посѣщеніе имъ Сіама, и заявилъ опять желаніе вступить непремѣнно съ Россіею въ такія же дружественныя сношенія, въ какихъ находится въ настоящее время съ другими европейскими державами...

Передъ аудіенціею мы ходили смотрѣть на сіамскихъ, священныхъ бѣлыхъ слоновъ, живущихъ въ роскошномъ помѣщеніи при дворцѣ, каждый слонъ имѣетъ свой особый домъ, надъ входомъ котораго непремѣнно красуется большая красная доска, на которой прописанъ золотыми буквами весь титулъ этого священнаго животнаго [1]), Слоны стояли обыкновенно на небольшомъ возвышеніи, подъ роскошнымъ балдахиномъ, украшеннымъ разноцвѣтными шелками и цвѣтами; они были накрыты дорогими бархатными чепраками, вышитыми золотомъ и серебромъ и украшены золотыми браслетами, ожерельями и драгоцѣнными каменьями. У каждаго слона есть свои слуги, обязанность которыхъ — лелѣять и ухаживать за этими высокопочитаемыми божествами; пища имъ обыкновенно подается съ колѣнопреклоненіемъ на громадныхъ золотыхъ или серебряныхъ подносахъ, а вода — въ прекрасныхъ чашахъ того же металла. Вообще эти животныя пользуются въ Сіамѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ, такъ какъ, по мнѣнію сіамцевъ, въ нихъ непремѣнно должна присутствовать душа Будды. Когда поймаютъ новаго слона, то это обстоятельство считается у сіамцевъ громаднымъ праздникомъ, большимъ торжествомъ; его приводятъ въ Бангкокъ съ торжественною процессіею, съ почестями, присвоенными только однимъ божествамъ; самъ король встрѣчаетъ это священное животное въ полной формѣ и отводитъ ему при своемъ дворцѣ удобное и роскошное помѣщеніе...

День этотъ закончился обѣдомъ у министра иностранныхъ дѣлъ; роскошный, богато-убранный, домъ этого сіамскаго сановника произвелъ на насъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Обѣдъ сошелъ, при роскошной, истинно-царской, сервировкѣ, очень удачно и торжественно; все время гремѣла музыка и тостъ шелъ за тостомъ; мы слышали давно намъ знакомые мотивы изъ разныхъ оперъ, и невольно душою и мыслями

---

[1]) Чѣмъ слонъ бѣлѣе, тѣмъ онъ считается цѣннѣе и священнѣе; при этомъ обращаютъ еще вниманіе на его глаза: они тоже должны быть свѣтлые, что случается весьма рѣдко. Слонъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ святости, носитъ королевскій титулъ, немного потемнѣе — титулъ Чау-фіа, присвоенный только министрамъ Сіамскаго королевства, а еще хуже зовется просто фіа, или губернаторомъ.

переносились на дорогую намъ родину, которую не видали уже почти два года...

Этимъ днемъ закончилось и наше пребываніе въ Бангкокѣ, произведшемъ на насъ хорошее впечатлѣніе; на другой день адмиралъ уже былъ готовъ возвратиться на «Аскольдъ». Въ наше распоряженіе отданъ былъ тотъ же пароходикъ, на которомъ мы прибыли въ столицу; предполагалось, до вечера, во время прилива, пройти баръ рѣки Менамъ, но это предположеніе, вслѣдствіе неисправности машины на пароходѣ, не оправдалось, и мы должны были поневолѣ переночевать въ Пакнамѣ. Нашъ переходъ къ Пакнаму былъ очень неудаченъ; за неимѣніемъ манометра, нельзя было держать должное количество пару, а потому мы шли все время малымъ ходомъ; кромѣ того, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неисправностей и поврежденій, машина нѣсколько разъ останавливалась и на отрѣзъ отказывалась везти гостей сіамскаго короля. Въ эти критическія минуты пароходъ, отданный на произволъ одного только теченія, несло на какой-нибудь берегъ, и мы положительно засѣдали въ кустахъ, откуда приходилось выбираться съ большими затрудненіями, такъ какъ вода, вслѣдствіе отлива, быстро шла на убыль. Благодаря присутствію нашего судоваго механика, машина была наконецъ, на скорую руку, приведена въ порядокъ, и мы, съ грѣхомъ пополамъ, добрались до Пакнама. Здѣсь всѣ, по приглашенію губернатора, перебрались на берегъ и размѣстились въ гостинницѣ, такъ какъ собственнаго губернаторскаго дома въ Пакнамѣ нѣтъ, и самъ онъ живетъ обыкновенно въ Бангкокѣ. На другой день утромъ сѣли мы опять на несчастную нашу яхту и, при салютѣ адмиралу, отправились на корветъ; въ 10 часовъ были уже на мѣстѣ, а въ два—снялись съ якоря и пошли въ Сингапуръ...

Заканчивая эту главу, скажу еще нѣсколько словъ о Бангкокѣ и его жителяхъ. Улицы города не отличаются чистотою и опрятностію; узкія, неправильныя—онѣ служатъ стокомъ всевозможныхъ нечистотъ; обыкновенно, по нимъ рѣдко кто и ходитъ; каждый согласится лучше проѣхать на шлюпкѣ, такъ какъ весь городъ изрѣзанъ множествомъ каналовъ, которые и служатъ здѣсь самыми лучшими путями сообщенія и замѣняютъ наши проспекты. Каналы эти имѣютъ необыкновенно оживленный видъ: съ обѣихъ сторонъ тянутся легкіе, пловучіе дома туземнаго населенія и выходцевъ изъ Китая; по всѣмъ направленіямъ снуютъ тысячи мѣстныхъ пирогъ, служащихъ здѣсь самымъ обыкновеннымъ перевозочнымъ средствомъ. На плотахъ толпятся массы самаго разнообразнаго народа; тутъ вы увидите чистокровныхъ сіамцевъ, китайцевъ, малайцевъ и разную смѣсь тѣхъ и другихъ.

Сіамцы имѣютъ почти одинаковый цвѣтъ кожи съ малайцами, но рѣзко отличаются отъ нихъ тѣмъ, что брѣютъ, всѣ безъ исключенія— мужчины, женщины и дѣти, себѣ голову такъ, что оставляютъ только на макушкѣ пучекъ волосъ, очень смахивающій на пѣтушиный гребешекъ. Костюмъ туземцевъ обоего пола весьма несложный и чисто тропическій; онъ состоитъ изъ куска какой-нибудь цвѣтной бумажной матеріи, накинутой на плечи и стянутой между ногами, и другаго куска, обернутаго кругомъ ногъ; иногда же они довольствуются только послѣднимъ кускомъ и ходятъ такимъ образомъ полуголыми... Женщины любятъ всевозможныя украшенія: ихъ ноги и руки обыкновенно украшены золотыми и серебряными браслетами, а шея—ожерельями въ нѣсколько рядовъ.

Вода рѣки Менамъ, вслѣдствіе сильнаго теченія и илистаго грунта очень мутна, и пить ее нѣтъ возможности; обыкновенно ее заблаговременно разливаютъ въ огромные кувшины, даютъ отстояться и затѣмъ только употребляютъ ее въ питье и пищу; купаться въ рѣкѣ чрезвычайно опасно, такъ какъ въ ней не мало ядовитыхъ змѣй и небольшихъ крокодиловъ. Вообще окружающая Бангкокъ болотистая мѣстность служитъ большимъ притономъ всѣмъ отвратительнымъ туземнымъ гадамъ; ложиться въ постель нужно съ большою осторожностію такъ какъ нерѣдко на нее заползаютъ не только безвредныя ящерицы но даже и змѣи, часто ядовитыя, одно укушеніе которыхъ можетъ причинить скорую смерть. Вообще жизнь въ Бангкокѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, нельзя назвать пріятною, а для человѣка, чувствующаго ко всѣмъ гадамъ понятную антипатію, она можетъ быть пыткою, и пыткою весьма серьезною.

